И. С. ТУРГЕНЕВ

СОЧИНЕ-
НИЯ

2

Ив. Тургенев

И. С. ТУРГЕНЕВ

Рисунок К. А. Горбунова, 1846 г.

Государственная Третьяковская галерея (Москва)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

И. С. ТУРГЕНЕВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

СОЧИНЕНИЯ

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

♦

Издание второе, исправленное и дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА
1979

И. С. ТУРГЕНЕВ

СОЧИНЕНИЯ

Том второй

СЦЕНЫ И КОМЕДИИ

1843—1852

♦

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА
1979

Т $\frac{70302\text{-}095}{042\,(02)}$ Подписное 3702000000

СЦЕНЫ
И
КОМЕДИИ

НЕОСТОРОЖНОСТЬ

(1843)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Бальтазар д'Эстуриз — 55 лет.
Донья Долорес, жена его — 27 лет.
Дон Пабло Сангре, друг его — 40 лет.
Дон Рафаэль де Луна — 30 лет.
Маргарита, служанка — 59 лет.

СЦЕНА I

Театр представляет улицу перед загородным домом дона Бальтазара. Направо от дома тянется каменная ограда. Дом двухэтажный, с балконом; под балконом растет несколько олив и лавров. На балконе сидит донья Долорес.

Донья Долорес *(после некоторого молчания)*. Однако мне очень скучно. Мне нечего читать, я не умею шить по канве, не смею выйти из дому. Что же мне делать одной? Идти в сад? Ни за что! Мне мой сад ужасно надоел. Да, сверх того, что за удовольствие вспоминать: вот тут-то мой муж меня бранил; вот тут-то запретил днем подходить к окошку; вот под этим-то деревом он объяснялся мне в любви... *(Со вздохом.)* Ах, это хуже всего!.. *(Задумывается и чрез несколько времени начинает напевать песню.)* Тра-ла-ла-ла-тра!.. Вон наша соседка идет... А какой прекрасный вечер, какой душистый воздух... как бы хорошо гулять теперь на Прадо с каким-нибудь любезным, учтивым молодым человеком!.. Как, должно быть, приятно слышать голос почтительный, нежный, не такой дряхлый и хриплый, как у моего му... *(Она боязливо оглядывается.)* Я бы вернулась с ним домой; он бы откланялся и, может быть, попросил бы позволения поцеловать мою руку,— и я, не снимая перчатки, подала бы ему — вот так — самые кончики пальцев... Как эти тучи хороши!.. Я сегодня скучаю больше обыкновенного, сама не знаю отчего... Право, мне кажется, если б мой муж хорошо одевался, если б носил шляпу с большим белым пером и бархатный плащик, и шпоры, и шпагу... право, я бы его полюбила, хотя, по совести сказать, он ужасно толст и стар... а то всегда ходит в черном поношенном камзоле и вечно одну и ту же шляпу носит — с тем же полинялым красным пером.

(Задумывается.) Ах, уж и я не совсем молода... мне скоро двадцать семь лет; вот уж седьмой год я замужем, а что моя за жизнь?.. Отчего со мной никогда не случалось никаких необыкновенных происшествий? Во всем околодке слыву я за примерную супругу... да что мне в том? Ай, прости господи, я, кажется, грешу... Да что в голову не взойдет, когда скучаешь? Неужто же вся жизнь моя пройдет всё так же да так же? Неужто же каждое утро я буду снимать колпак с головы моего мужа и каждое утро получать за эту услугу нежный поцелуй?.. неужто же каждый вечер буду я видеть этого несносного, ненавистного Сангре?.. неужто же Маргарита вечно за мною будет присматривать?.. Сохрани бог, мне страшно! Слава богу, она ушла и хоть на часок оставила меня в покое... Ведь я чувствую, что я добродетельна... ведь я чувствую, что ни за что... нет, ни за что в мире не изменю своему мужу... Так для чего бы, кажется, не позволить мне, хоть изредка, видаться с людьми!.. И книги-то мне дают всё прескучные, старые, тяжелые... Только раз в жизни, помнится, еще в монастыре, попалась мне книжечка... ах, прекрасная книжечка, роман в письмах: один молодой человек пишет своей любезной, сперва просто, потом в стихах... а она ему отвечает... я эти стихи наизусть выучила... Боже мой! если б я получила такое письмо... Да где! Мы живем в такой глуши... Вот если б кто зашел в нашу сторону...

Дон Рафаэль *(быстро выходя из-под балкона)*. Что бы вы сделали, прекрасная сеньора?

(Донья Долорес вскакивает в испуге и остается неподвижной.)

Дон Рафаэль *(низко кланяясь)*. Сеньора, ваш смиренный и почтительный обожатель ждет вашего ответа.

Донья Долорес *(прерывающимся голосом)*. Как... обожатель... Я вас вижу в первый раз.

Дон Рафаэль *(про себя)*. И я тоже. *(Громко.)* Сеньора... я давно вас люблю... что я говорю: люблю! я страстно, я отчаянно в вас влюблен... Вы меня не замечали; но я сам всячески старался не быть замеченным вами... Я боялся навлечь на себя и на вас подозрение вашего супруга.

(Донья Долорес хочет уйти.)

Дон Рафаэль *(с отчаянием)*. Вы хотите уйти?.. А сами сейчас жаловались на одиночество, на скуку... Да помилуйте, если вы станете избегать всякого знакомства, как же вы хотите избавиться от скуки? Правда, наше знакомство началось довольно странным образом... что за беда! Вот, я уверен, с вашим супругом вы познакомились самым обыкновенным образом...

Донья Долорес. Я, право, не знаю...

Дон Рафаэль *(умоляющим голосом)*. Ах, останьтесь, останьтесь... Если б вы знали... *(Он вздыхает.)*

Донья Долорес. Но где же могли вы меня видеть?..

Дон Рафаэль *(вполголоса)*. О, невинная голубка! *(Громко.)* Где? Вы спрашиваете, где? Здесь... и не только здесь, но даже... там *(показывая на дом)*, там... *(Про себя.)* Надобно ее удивить...

Донья Долорес. Не может быть...

Дон Рафаэль. Послушайте. Вы меня не знаете. Вы не знаете, какими опасностями я пренебрегал, как часто я жертвовал честью, жизнию,— и всё для того, чтоб хоть изредка, хоть издали увидеть вас, услышать голос ваш... или... *(понизив голос)* любоваться, мучительно любоваться вашим безмятежным сном. *(Про себя.)* Браво!

Донья Долорес. Вы меня пугаете... *(Вздрагивая.)* Ах, боже мой, мне кажется, я слышу голос Маргариты... *(Хочет уйти.)*

Дон Рафаэль. Не уходите, прекрасная сеньора, не уходите... Вашего мужа нет дома?

Донья Долорес. Но...

Дон Рафаэль. Вообразите себе, что вы одним вашим присутствием даруете другому человеку, то есть мне, такое блаженство, какое... словом — высочайшее блаженство... Не будьте же жестоки, останьтесь, умоляю вас.

Донья Долорес. Но, помилуйте, могут подумать...

Дон Рафаэль. Что же могут подумать? Разве это не улица? Разве не всем позволено ходить по этой улице? Я прохожу мимо... *(идет)* и вздумал вернуться

(возвращается). Что же тут предосудительного... или подозрительного? Мне это место понравилось... А вы... вы сидите на балконе... Вам приятно сидеть на воздухе... Кто бы вам запретил сидеть на вашем балконе? Вы не подымаете глаз — вы задумались... Вы не обращаете ни малейшего внимания на то, что делается на улице... Я вас не прошу говорить со мной, хотя чрезвычайно благодарен вам за вашу снисходительность... Вы будете сидеть, а я буду ходить и смотреть на вас... *(Начинает ходить взад и вперед.)*

Донья Долорес *(вполголоса)*. Боже мой!.. что со мной делается... Голова горит, я едва дышу... Я никак не ожидала такого происшествия...

Дон Рафаэль *(тихо напевает песенку)*.

Любви, любви я не дождусь,
А без любви я умираю...
Я умираю, я томлюсь,
Томлюсь, сгораю —
И не дождусь и не дождусь.

Донья Долорес *(слабым голосом)*. Сеньор...

Дон Рафаэль. Сеньора?

Донья Долорес. Право, мне кажется, вам бы лучше уйти... Мой муж, дон Бальтазар, очень ревнив... притом я люблю моего мужа...

Дон Рафаэль. О, я не сомневаюсь!

Донья Долорес. Не сомневаетесь?

Дон Рафаэль. Вы, кажется, сказали, что вы боитесь вашего мужа...

Донья Долорес *(в замешательстве)*. Я?.. вы меня не... Но я здесь не одна... Старуха Маргарита презлая...

(Из окна верхнего этажа осторожно выказывается голова Маргариты.)

Дон Рафаэль. Я ее не боюсь...

Донья Долорес. Садовник Пепе пресильный...

Дон Рафаэль *(с некоторым беспокойством)*. Пресильный? *(Взглянув на свою шпагу.)* И его я не боюсь.

Донья Долорес. Мой муж сейчас вернется...

Дон Рафаэль. Мы его пропустим... Притом, не забудьте, в случае опасности вы в одно мгновенье можете скрыться.

Донья Долорес. Ночь на дворе...

Дон Рафаэль. Ночь... ах, ночь! божественная ночь! Вы любите ночь? Я прихожу в восторг от одного слова «ночь».

Донья Долорес. Тише, ради бога...

Дон Рафаэль. Извольте; я говорить не стану... но петь позволяется всякому человеку на улице. Вы услышите песенку приятеля моего, поэта, севильского... студента. *(Он ходит по улице и поет не слишком громко.)*

Для недолгого свиданья,
Перед утром, при луне,
Для безмолвного лобзанья...
Ты прийти велела мне...

У стены твоей высокой,
Под завешенным окном,
Я стою в тени широкой,
Весь окутанный плащом...

Звезды блещут... страстью дивной
Дышит голос соловья...
Выйдь... о, выйдь на звук призывный,
Появись, звезда моя!

Сколько б мы потом ни жили,—
Я хочу, чтоб мы с тобой
До могилы не забыли
Этой ночи огневой...

И легко и торопливо,
Словно призрак, чуть дыша,
Озираясь боязливо,
Ты сойдешь ко мне, душа!

Бесконечно торжествуя,
Устремлюсь я на крыльцо,
На колени упаду я,
Посмотрю тебе в лицо.

И затихнет робкий трепет,
И пройдет последний страх...
И замрет твой детский лепет
На предавшихся губах...

Иль ты спишь, раскинув руки,
И не помнишь обо мне —
И напрасно льются звуки
В благовонной тишине?..

Донья Долорес *(вполголоса)*. Я должна уйти... и не могу... Чем это всё кончится? *(Оглядывается.)* Никто нас не видит, не слышит... Тс-с... *(Дон Рафаэль быстро подходит к балкону.)* Послушайте, сеньор; вы уверены, что я честная женщина?.. *(Дон Рафаэль низко кланяется.)* Вы не придадите мгновенной необдуманности... шалости... другого, невозможного... вы понимаете меня — невозможного значения?..

Дон Рафаэль *(про себя)*. Это что?

Донья Долорес. Я думаю, вы сами знаете, всякая шалость только тем и хороша, что скоро кончается... Мы, кажется, довольно пошалили. Желаю вам покойной ночи.

Дон Рафаэль. Покойной, вам легко сказать!

Донья Долорес. Я уверена, что вы будете спать прекрасно... Но если вы хотите... *(с замешательством)* в другой раз...

Дон Рафаэль *(про себя)*. Ага!

Донья Долорес. Советую вам не приходить сюда, потому что вас непременно увидят... Я и так удивляюсь, что вас до сих пор никто не увидел... *(Маргарита улыбается.)* Если б вы знали, как я дрожу... *(Дон Рафаэль вздыхает.)* Приходите по воскресеньям в монастырь... я там бываю иногда — с мужем...

Дон Рафаэль *(в сторону)*. Покорный слуга,— мне не шестнадцать лет... *(Громко.)* Сеньора, вы меня еще не знаете. Вот что я намерен сделать... Я намерен встать на этот камень *(он делает всё, что говорит)*, схватиться за этот забор...

Донья Долорес *(с ужасом, едва не крича)*. Помилуйте, что вы делаете!

Дон Рафаэль *(очень хладнокровно)*. Если вы станете кричать, сеньора, люди сбегутся,— меня схва-

тят, может быть, убьют... И вы будете причиной моей смерти. *(Взлезает на забор.)*

Донья Долорес *(с возрастающим ужасом)*. Зачем вы взлезли на забор?

Дон Рафаэль. Зачем? Я пойду в ваш сад... Я буду искать следы ваших ножек на песку дорожек. *(Про себя.)* Ба! я говорю стихами... *(Громко.)* Сорву на память один цветок... Однако прощайте — то есть до свидания... Ужасно неловко сидеть верхом на заборе... *(В сторону.)* На дворе никого нет — пущусь! *(Соскакивает с забора.)*

Донья Долорес. Да он сумасшедший!.. Он на дворе, стучится в дверь, бежит в сад. Ах, я пропала, пропала! Пойду запрусь в своей комнате... авось, его не увидят... Нет, решительно отказываюсь от всяких необыкновенных приключений...

(Уходит; голова Маргариты скрывается. Через несколько времени входит дон Бальтазар.)

Дон Бальтазар. А приятно погулять вечерком... Вот я и домой пришел. Пора... пора — я загулялся,— я думаю, теперь часов десять... зато как я славно отдохну! А дома меня ждет моя милая, бесценная, несравненная... Приятно, ей-богу приятно. Я никогда не любил наслаждаться кой-как... К чему? Времени, слава богу, много... жизнь долга: к чему спешить? Я и в детстве не любил торопиться... Помнится, когда мне давали сочную, спелую грушу, я никогда не съедал ее разом, как иной дурак, повеса какой-нибудь... нет, пойду, бывало, сяду, выну грушу потихоньку из кармана, осмотрю ее со всех сторон, поцелую, поглажу, прижму к губам, опять отниму — любуюсь издали, любуюсь вблизи, и, наконец, зажмурив глазки, и укушу. Ах, мне бы следовало быть кошкой! Так и теперь... Вот я бы мог сейчас войти к жене, к моей милой, молоденькой женке; к чему? подождем немного. Я знаю, она в сохранности, в целости... За ней смотрит и Маргарита, и Пепе смотрит... Да как за ней и не смотреть, за моей душенькой-голубушкой?.. А Сангре! вот-то друг истинный, вот-то клад неоценимый! Говорят: дружбы нет на свете — вздор! пустяки! Например, я,— я трусливого нрава, что делать! сознаюсь... и хоть я и злюсь на этих нахалов, вертопрахов, кото-

рые даже в церкви всякой порядочной женщине нагло заглядывают в лицо, но скрепя сердце молчу, терплю... А мой Пабло... о, мой Пабло! посмей-ка при нем кто-нибудь лишний раз взглянуть на мою Долориту... И всё из дружбы! Я сперва было думал *(смеется)* — подлинно, говорят, старые мужья преревнивые люди — я было думал, что Сангре сам... *(Смеется еще громче.)* Но теперь я совершенно спокоен... Ведь он с ней словечка не промолвит, не взглянет на нее... всё сидит нахмурившись... а она его боится, боже мой, как боится! Уж я ему говорю: «Пабло, послушай, будь же поласковее, Пабло»,— а он мне: «Будь ты ласков, твое дело... ты стар, тебе надо брать любезностью... я угрюм... тем лучше... я угрюм — ты весел; я полынь — ты мед». Он иногда мне говорит горькие истины, мой Пабло, оттого, что искренно ко мне привязан... редкий человек!.. Однако ж пора... *(Он оборачивается — перед ним стоит Маргарита.)* А, здравствуй... здравствуй, Маргарита!.. Что? госпожа здорова? Вот я и вернулся. Возьми-ка мою палку...

Маргарита. Сеньор дон Бальтазар д'Эстуриз!

Дон Бальтазар. Ну?

Маргарита. Господин мой, сеньор!

Дон Бальтазар. С ума ты сошла, что ли? Что тебе надобно?

Маргарита. В ваш дом забрался молодой человек, дон Бальтазар.

Дон Бальтазар. Как?.. Стой... держи... тррррр... молодой человек... Врешь, старуха!..

Маргарита. Молодой, красивый незнакомец в голубом плаще, с белым пером.

Дон Бальтазар *(задыхаясь)*. Белый человек... в плаще... с незнакомым пером... *(Схватывает ее за руку.)* Где? как?.. нет, постой, погоди... кричи, кричи!.. *(Она хочет кричать, он зажимает ей рот.)* Нет, не кричи... Беги... куда? Сангре! где Сангре? Как? У меня в доме... Поддержи меня, Маргарита... я, кажется, умираю...

(Сангре входит.)

Дон Пабло. Это что значит? Бальтазар...

Дон Бальтазар *(вскакивая и обнимая его)*. Это ты, ты, мой спаситель, отец... Сангре, спаси, за-

ступись... скорей... Поймай его, поймай... Вообрази себе... *(К Маргарите.)* Да как он забрался, а? Отчего ты не кричала, а? Ты сама с ними в заговоре, старая ведьма...

Маргарита *(шёпотом)*. Перестаньте кричать; он вас услышит. *(К Сангре.)* Вот в чем дело... Только что ушел дон Бальтазар, я было собралась сходить к своей тетке: говорят, она умирает. Не знаю, зачем-то я замешкалась у себя в комнате... вдруг, слышу, кто-то говорит на улице, потом запел довольно громко... Я знала, что донья Долорес сидит на балконе... Я подошла к окну и увидела перед нашим домом молодого человека *(взглянув насмешливо на дон Бальтазара)* очень приятной наружности. Он расхаживал, останавливался, разговаривал с доньей Долорес довольно нежно; потом, кажется, с ее согласия, перелез через забор и пробрался в сад; донья Долорес пошла к себе... Я тотчас же заперла комнату госпожи, заперла калитку в сад и ни слова не сказала Пепе. Теперь извольте распоряжаться, как знаете.

Дон Пабло *(вспыхнув и сквозь зубы)*. Итак, она... *(Схватывает руку дон Бальтазара.)* Любезный друг мой, успокойтесь... тотчас, вот так, мы всё дело поправим. Тебя, Маргарита, я бы охотно произвел в полковники — не теряешь головы; за то люблю. Заперла обоих... браво, позволь мне тебя обнять... Послушайте, друзья: станемте разговаривать смирно, тихо, без лишних телодвижений... как будто мы говорим о каком-нибудь хозяйственном распоряжении.

Дон Бальтазар. Да помилуйте...

Дон Пабло. Бальтазар... во-первых, успокойся, а во-вторых, спрячь свое лицо... Ты так бледен и так встревожен, что они тотчас догадаются, о чем мы говорим...

Дон Бальтазар. Они...

Дон Пабло. Ну да... он и она... Бог их знает, может быть, они как-нибудь нас видят... Однако ты, Маргарита, точно заперла дверь?.. *(Маргарита утвердительно кивает головой.)*

Дон Пабло. И она не беспокоилась?

Маргарита. Не в первый раз я ее запираю...

Дон Пабло. А он заперт в саду?

Маргарита. Да.

Дон Пабло. Скажи, пожалуйста, любезная Маргарита, комната доньи Долорес окнами на двор, что ли, или в сад... в сад, помнится...

Маргарита. В сад... да до них высоко.

Дон Пабло. Прекрасно... всё прекрасно... Они нас видеть не могут...

Дон Бальтазар. Однако и ты бледен, Пабло...

Дон Пабло. Будто?.. Маргарита, вели-ка тотчас Пепе спустить собак... да вели ему стать у ворот с дубиной... слышишь? Да поднеси ему вина — крепкого, хорошего, старого вина... Ступай. *(Маргарита хочет уйти.)* Послушай, неужели донья Долорес говорила с ним?.. *(Маргарита кивает головой.)* Хорошо, ступай. *(Маргарита уходит.)* А! приятно изредка расшевелить кровь — а? Как ты думаешь, дружище? Сядем-ка на скамейку, милый Бальтазар, и потолкуем о плане сражения... *(Они садятся.)* Как темно стало!.. Как весело сидеть в темноте и думать, с наслаждением думать о мести!..

Дон Бальтазар. Но... может быть, Долорес не виновата?

Дон Пабло. Ты думаешь?

Дон Бальтазар. Он, может быть, против ее воли перелез через забор...

Дон Пабло. А зачем же она не звала на помощь? Зачем не кричала? Зачем она разговаривала с ним, с незнакомым человеком?

Дон Бальтазар. Изменница.

Дон Пабло. Впрочем, мы всё дело разберем как следует, любезный Бальтазар. Мы любим правосудие. Итак, во-первых, неприятель уйти не может: большое утешение! Весь сад обнесен таким высоким забором...

Дон Бальтазар. По твоей милости, милый Пабло.

Дон Пабло. По моей милости, как ты говоришь, милый Бальтазар. С каким наслаждением вбивал я каждый кол! Но дело не в том. Наша крепость в исправности; враг у нас в руках. Правда, есть одно слабое место: ограда возле ворот не довольно высока; но Пепе малый славный, и собаки у него знатные... Завтрашний же день, если понадобится, велю и стену повысить и крючья вбить...

Д о н Б а л ь т а з а р. Если понадобится? Наверное понадобится!

Д о н П а б л о. Ну, это мы увидим... Итак, повторяю, враг у нас в руках... *(Со вздохом.)* Бедный! он не знал, в какую западню лез!

Д о н Б а л ь т а з а р. Что мы с ним сделаем?

Д о н П а б л о. Дон Бальтазар д'Эстуриз, друг мой, извольте предложить ваше мнение. Мы вас слушаем.

Д о н Б а л ь т а з а р. Я полагаю... схватить его, да и по... разве... дать... *(Делая руками весьма решительные движения.)* Зачем он пожаловал ко мне в гости? Ну, а потом попросить Пепе... ты понимаешь?

Д о н П а б л о. Да и зарыть его где-нибудь у перекрестка?

Д о н Б а л ь т а з а р. Что ты! живого человека... то есть не совсем живого, да и не мертвого. Боже сохрани!

Д о н П а б л о. Я вас понимаю, дон Бальтазар. Фи! как неблагородно вы изволите мыслить!

Д о н Б а л ь т а з а р. А вы какого мнения, почтеннейший Сангре?

Д о н П а б л о. Я? А вот, узнаете на деле. Позвольте мне достать мой фонарчик... Что за нелепость! у меня руки дрожат, как у старика... Милый Бальтазар! вы никогда не бывали на птичьей охоте? не ставили силков? не расстилали сетей?

Д о н Б а л ь т а з а р. Бывал, бывал; да что...

Д о н П а б л о. А! бывали! Не правда ли, как приятно притаиться и ждать, долго ждать? Вот птички, красивые, веселые птички, начинают понемногу слетаться; сперва дичатся, робеют; потом начинают поклевывать корм ваш, ваш собственный корм; наконец, совершенно успокоятся и уж посвистывают, да так мило, так беззаботно!.. Вы протягиваете руку, дергаете веревочку: хлоп! сеть упала — все птицы ваши; вам только остается придавить им головки — приятное удовольствие! Пойдем, Бальтазар! Сети расставлены, птицы слетелись; пойдем, пойдем! *(Подходя к дому, он останавливается.)* Посмотри, Бальтазар, что за пасмурный вид у твоего дома. Ни в одном окошечке не видно света; всё тихо; дверь на балкон полураскрыта... Право, иной чудак, пожалуй, подумает, что в

этом доме совершается или должно совершиться преступление... Что за вздор! Здесь живут люди скромные, тихие, степенные... *(Они оба осторожно входят в дом.)*

СЦЕНА II

Сад.

Дон Рафаэль *(один)*. Что за дьявольщина? Я хотел войти в дом со двора — дверь заперта; потом в сад — а из саду в дом еще мудренее попасть: голая, гладкая стена, а окна так высоки... Я было хотел уйти — не тут-то было! Вокруг всего сада такой чертовски высокий забор, и на десять шагов от забора нет ни одного дерева... Страшные предосторожности!.. Ба, ба, ба! и калитка и двор заперты... Что это значит? *(Осторожно подходит к калитке.)* Собак спустили — плохо дело! Уж не потешается ли надо мной любезная сеньора?.. Впрочем, нет; она слишком невинна и слишком глупа. Однако, признаюсь, я нахожусь в весьма неприятном положении... Совсем стемнело, да и холодно стало — брррр!.. Мои товарищи, чай, заждались меня. *(Топнув ногой.)* Чёрт возьми! неужели же я всю ночь проведу под этими глупыми деревьями?.. Впрочем, она знает, что я здесь; не стану ж унывать; женщины слабы, бес силен; может быть, она... может быть, она влюбилась в меня?.. Не в первый раз! *(Ходит взад и вперед, напевая: «Любви, любви я не дождусь», и с досадою прерывает себя.)* Да, вот и дождался!

(Одно окно тихо растворяется; в окне показывается донья Долорес.)

Донья Долорес. Тс-с!

Дон Рафаэль. А!

Донья Долорес *(шёпотом)*. Сеньор... сеньор...

Дон Рафаэль *(тоже шёпотом)*. Это вы, прекрасная сеньора? Наконец...

Донья Долорес *(ломая руки)*. Боже мой! что вы сделали? что вы сделали? Меня заперли в комна-

те... Я уверена, что Маргарита нас подслушала и всё сказала мужу. Я погибла!..

Дон Рафаэль. Вас заперли? Странно... и меня заперли.

Донья Долорес. Как? и вас заперли? Боже мой, всё открыто!..

Дон Рафаэль. Не падайте в обморок, ради бога; мы должны с вами придумать, как нам выйти из этого бедственного положения.

Донья Долорес. Спасайтесь, уйдите поскорее!

Дон Рафаэль. Да как уйти? Я не птица, не могу перелететь через трехаршинный частокол... Ваш муж вернулся?

Донья Долорес. Не знаю; в доме всё тихо... Ах, какая тоска, какая тоска!..

Дон Рафаэль. А давно ли вы жаловались на однообразие вашей жизни? Вот вам и сильные ощущения!

Донья Долорес. Стыдитесь, сударь, стыдитесь! Если б я была мужчиной, вы бы не дерзнули смеяться надо мной!

Дон Рафаэль *(в сторону)*. Как она мила! *(Громко.)* Не гневайтесь на меня... *(Становится на колени.)* Смотрите, я стал на колени, я прошу вашего прощения...

Донья Долорес. Ах! полноте, встаньте; мне не до того!..

Дон Рафаэль. Слушайте, сеньора, я вам докажу, что я не заслуживаю вашего презрения. Хотите ли? я выдам себя за вора; вы закричите, зовите на помощь; к вам прибегут; вы скажете, что видели чужого человека в саду; меня схватят, и... и я уж как-нибудь постараюсь отделаться.

Донья Долорес. Но вас убьют?

Дон Рафаэль. Нет, не убьют; но неприятностей я не избегну... Что ж делать! *(С жаром.)* Я всем готов жертвовать для вас...

Донья Долорес *(задумывается)*. Нет, ни за что, ни за что в мире!

Дон Рафаэль *(про себя)*. Ну, признаюсь, я струсил; я так и думал, что она закричит.

Донья Долорес. Боже мой! Боже мой! чем

всё это кончится? Спрячьтесь; я позвоню, позову Маргариту... *(Рафаэль прячется.)* Никто не идет... Это ужасно, ужасно! Он погубил меня!..

Дон Рафаэль. Сеньора...

Донья Долорес. Ну?

Дон Рафаэль. Извольте решаться поскорее, потому что, кажется, кто-то отворяет калитку.

Донья Долорес. Да я не могу вас выдать за вора.

Дон Рафаэль. Не можете?

Донья Долорес. Нет.

Дон Рафаэль. Впрочем, вам и не нужно выдавать меня за вора: меня и так за вора примут.

Донья Долорес. Но... но я боюсь за вас.

Дон Рафаэль. Не извольте тревожиться. Я скажу, что гулял, да и зашел в ваш сад.

Донья Долорес. Вам не поверят.

Дон Рафаэль. Да разве я не правду скажу?

Донья Долорес *(боязливо оглядываясь)*. Боже мой! мне кажется, что даже стены нас подслушивают.

(Дон Пабло осторожно выглядывает из-за одного дерева.)

Дон Рафаэль. О сеньора! если б я был на вашем месте...

Донья Долорес *(с отчаянием)*. Да что я могу сделать?

Дон Рафаэль. Вы можете впустить меня в дом.

Донья Долорес. Каким же образом?

Дон Рафаэль. А вот как: возьмите шаль или полотенце — что хотите,— привяжите оди́н конец к окну и другой...

Донья Долорес. Ни за что!

Дон Рафаэль. О, не беспокойтесь; я не сломаю себе шеи; я привык к таким проделкам... *(Донья Долорес немного отходит от окна.)* Послушайте: клянусь вам честию, если вы меня впустите в вашу комнату, я сяду в угол и буду молчать, как наказанный школьник...

Донья Долорес. Вы, кажется, совершенно меня презираете, милостивый государь?

Дон Рафаэль. Помилуйте! Но, признаюсь, вашего Пепе и его собак... *(Дон Пабло скрывается.)*

Донья Долорес. Боитесь? Хорош витязь!

Дон Рафаэль. Витязям не велено не бояться собак.

Донья Долорес. Меня это молчание ужасает. Наверное, дон Бальтазар дома... Отчего это он не приходит ко мне... что за таинственность?..

Дон Рафаэль. Не беспокойтесь, пожалуйста. Калитку заперли оттого, что уже поздно... Вас, я думаю, не в первый раз запирают, а муж ваш где-нибудь замешкался... Послушайте, мое предложение, право, прекрасно: если даже мне не удастся спрятаться где-нибудь в вашем доме до завтрашнего утра, так в крайнем случае я могу выскочить в сад...

Донья Долорес *(торопливо)*. Спрячьтесь,— мою дверь отворяют. *(Она отходит от окна. Рафаэль прячется.)*

Маргарита *(за сценой)*. Доброй ночи, доброй ночи, сеньора! Извините меня, пожалуйста; я вас заперла; мне надобно было отлучиться на полчасика... Вы на меня не гневаетесь?

Донья Долорес *(за сценой)*. Дон Бальтазар возвратился?

Маргарита *(за сценой)*. Нет еще; да он не скоро придет,— он пошел к нашему соседу, к алькаду, и, наверное, до полуночи проиграет с ним в шахматы.

(Они обе подходят к окну.)

Маргарита. А вы опять сидели у окна, сеньора? Вот вы когда-нибудь простудитесь...

Донья Долорес. Я... я смотрела на звезды.

Маргарита. На звезды! Ох вы, молодые люди! и ночью-то вам не спится; а мне так мочи нет,— голова болит, спина болит, а глаза так и слипаются.

Донья Долорес. Что ж, Маргарита, ступай отдохни.

Маргарита. Да как же мне вас оставить?

Донья Долорес. Ничего, ничего; я сама скоро лягу спать. Ступай, ступай, бедняжка; мне, право, жаль тебя...

Маргарита. Ну, прощай, мой ангелочек!

Донья Долорес. Прощай. *(Она ее обнимает, уходит с ней и через несколько времени показывается у*

окна.) Сеньор! сеньор! *(Дон Рафаэль осторожно выходит.)* Послушайте, могу ли я вполне положиться на вас? Точно ли вы честный человек?

Дон Рафаэль. Сеньора, клянусь...

Донья Долорес. Не клянитесь... Ах, если б я могла пристально взглянуть вам в глаза, я бы тотчас узнала, что вы за человек!

Дон Рафаэль *(про себя)*. Ого!

Донья Долорес. Но скажите мне, скажите, что вы не в состоянии оскорбить женщину.

Дон Рафаэль. Никогда!

Донья Долорес. Сеньор, посмотрите, что у меня в руке.

Дон Рафаэль *(всматриваясь)*. Ключ?

Донья Долорес. Ключ от двери на улицу.

Дон Рафаэль. Неужели? Каким образом, откуда вы достали этот бесценный ключ?

Донья Долорес. Откуда? из-за пояса Маргариты.

Дон Рафаэль. Бра... браво! *(Про себя.)* О женщины, женщины! Этого я не ожидал, признаюсь.

Донья Долорес. Но всё ж вам нельзя выйти из дома...

Дон Рафаэль. Отчего же, сеньора?

Донья Долорес. Оттого, что вам надобно сперва войти в дом.

Дон Рафаэль *(умоляющим голосом)*. Сеньора...

Донья Долорес. Послушайте: сделайте одолжение, уйдите, как вы пришли, по той же дороге.

Дон Рафаэль. Скажите, пожалуйста, давно не кормили ваших собак?.. Они лают с ужасным остервенением... Голодные собаки и пьяный садовник... Прошу покорно!

Донья Долорес. О боже мой, что мне делать?

Дон Рафаэль. Как что вам делать? Вот все женщины таковы: любят тревожиться по-пустому и создавать себе различные небывалые препятствия и трудности... Пока ваш муж не вернулся, пока Маргарита не проснулась — впустите меня...

Донья Долорес *(в нерешимости)*. Да как же вас впустить?

Д о н Р а ф а э л ь. Ах, сеньора! я вижу, вам весело терзать меня...

Д о н ь я Д о л о р е с. Вы тотчас выйдете из моей комнаты? из дома?

Д о н Р а ф а э л ь. Тотчас.

Д о н ь я Д о л о р е с. И ни слова мне не скажете?

Д о н Р а ф а э л ь. Ни полслова... даже не поблагодарю вас.

Д о н ь я Д о л о р е с. Делать нечего... решаюсь.

Д о н Р а ф а э л ь *(про себя)*. Наконец!

Д о н ь я Д о л о р е с *(привязав шаль к окну)*. О творец! чего необходимость не заставит сделать...

Д о н Р а ф а э л ь *(с трудом взлезая)*. Вы... правы... че... го... не зас... тавит...

СЦЕНА III

Комната доньи Долорес. В одном углу сидит донья Долорес, в другом дон Рафаэль.

Д о н ь я Д о л о р е с. И вы не хотите уйти?..

Д о н Р а ф а э л ь *(вздыхая)*. О боже!

Д о н ь я Д о л о р е с. Вы бесчестный человек!

Д о н Р а ф а э л ь. Тише... Нас могут услышать.

Д о н ь я Д о л о р е с. Или вы хотите меня погубить? Я вам говорю, что мой муж сейчас войдет... сейчас... Он меня убьет... сжальтесь же надо мной... Притом Маргарита может хватиться ключа... Вот он вам: возьмите и уйдите скорее — тотчас. *(Бросает ключ к его ногам.)*

Д о н Р а ф а э л ь *(неохотно вставая и поднимая ключ)*. Делать нечего... повинуюсь. Но позвольте мне сперва подойти к вам хотя несколько поближе... Вы погасили свечку из предосторожности — прекрасно; но я вас не вижу... Помилуйте! может быть, я в последний раз говорю с вами,— а вы приказываете мне уйти, не взглянув даже на вас... Не забудьте, я до сих пор разговаривал с вами в весьма почтительном расстоянии...

Донья Долорес. Не подходите... Я боюсь вас,— я вам не доверяю.

Дон Рафаэль. А! вы мне не доверяете... И, вероятно, вполне поверите мне только тогда, когда я выйду из дома, то есть когда мне нельзя будет подойти к вам... Послушайте — я ухожу, я прощаюсь с вами...

Донья Долорес. Да вы подходите ко мне?!

Дон Рафаэль. Ради неба, не пугайтесь и не кричите... *(Видя, что она собирается бежать.)* Я становлюсь на колени, я стою на коленях. *(Становится на колени.)* Видите ли, как я почтителен и робок...

Донья Долорес. Да что вы хотите от меня?

Дон Рафаэль. Позвольте мне на прощанье поцеловать вашу руку...

Донья Долорес *(в нерешимости)*. Да вы не уйдете...

Дон Рафаэль. Испытайте...

Донья Долорес *(протягивает руку, он приближается; вдруг она вздрагивает)*. Боже мой! я слышу шаги моего мужа... его кашель... Вам нельзя уйти — я пропала... Спрячьтесь... Прыгните из окна... скорей!

Дон Рафаэль *(подбегая к окну)*. Да я тут шею себе сломлю.

Донья Долорес. А ваше обещание? Ну, всё равно — вот сюда, сюда...

Толкает его в спальню и сама, задыхаясь, падает на софу. Дверь отворяется, входит дон Бальтазар со свечой.)

Дон Бальтазар *(про себя)*. Проклятый Сангре... Каково мое положение!.. Он тут *(подозрительно осматривается)*, я это знаю и...

Донья Долорес *(слабым голосом)*. Это вы, дон Бальтазар?

Дон Бальтазар *(принужденно улыбаясь)*. А... доброй ночи, моя милая. Как... как твое здоровье? *(Вдруг повысив голос.)* А, сударыня! вы... *(Опять вдруг понизив.)* Я что-то сегодня нездоров.

Донья Долорес *(про себя)*. Что за странное обращение? *(Громко.)* Вы в самом деле что-то бледны... Где вы были, любезный Бальтазар?

Дон Бальтазар. Я бледен... хм... и отчего я бледен, вы не знаете? не знаете?.. *(Передразнивая ее.)*

Любезный Бальтазар! «Любезный» происходит от слова любить... Вы меня любите, сеньора?

Донья Долорес. Что с вами, сеньор? Вы встревожены.

Дон Бальтазар. А вы не встревожены?.. Дайте-ка мне ваш пульс пощупать... Ого! мне кажется, ваш пульс бьется очень скоро... Странно, право странно... Отчего вы сидите одне, в потемках, без свечки, отчего?..

Донья Долорес *(робко)*. Я вас не понимаю, сеньор.

Дон Бальтазар *(вспыхнув)*. Не понимаете... А! вы меня не понимаете! *(Донья Долорес вздрагивает и смотрит на него неподвижно.)*

Дон Бальтазар. Отчего вы вздрогнули?

Донья Долорес. Я... я... Вы меня пугаете.

Дон Бальтазар. Отчего вы пугаетесь? Совесть, видно, нечиста... *(Кто-то легонько стучит в дверь.)* Да... извините... Что бишь я хотел сказать?.. Я сегодня не совсем здоров... Пожалуйста, не обращайте на меня внимания... Я тебя испугал, моя милая кошечка; ты знаешь,— я такой чудак... *(Отходя от нее.)* Змея, змея!.. О Сангре, Сангре! *(Быстро и громко.)* Я пришел вам сказать, что я не ночую дома, то есть я очень, очень поздно вернусь... Но вы не тревожьтесь. У моего приятеля, алькада, собралось много весьма любезных гостей... *(Он отирает пот с лица.)* Мы решились не расходиться до утра. Хотя старикам и не следует засиживаться так долго, да, знаете, иногда приятелям отказать невозможно. *(В сторону.)* Уф!.. *(Громко.)* Вот я и сказал им: извольте, останусь; но отпустите меня к жене на минуточку, а то она будет тревожиться... Ну, а теперь прощай.

Донья Долорес. Прощайте, дон Бальтазар; смотрите не оставайтесь слишком долго у алькада.

Дон Бальтазар. В самом деле? как вы заботливы... *(Вспыхнув опять.)* И вы не удивляетесь? Как? я, ваш муж, я, Бальтазар д'Эстуриз, решаюсь провести всю ночь в чужом доме... и вы не удивляетесь? Да разве я когда-нибудь... *(Опомнившись.)* Да не в том дело... не в том дело... *(Про себя.)* О боже, я не могу выйти из этой комнаты... мое положение ужасно. *(Громко.)* Ну, прощайте... вам весело со мной

прощаться,— сознайтесь, очень весело? вы меня не удерживаете!..

Д о н ь я Д о л о р е с *(слабым голосом).* Если вам угодно, останьтесь...

Д о н Б а л ь т а з а р. Что ж? пожалуй, я останусь. Вы меня просите остаться... Я останусь... А! вы, я вижу, бледнеете... от радости, должно быть! Зачем я пойду к алькаду? *(Садится в кресла.)* Здесь так хорошо, так покойно, не правда ли, сеньора?

Д о н ь я Д о л о р е с. Но... может быть, ваши друзья...

Д о н Б а л ь т а з а р. Друзья? какие у меня друзья? У меня нет друзей. Я останусь. А! сеньора, вы думали...

(Дверь отворяется; входит Сангре — он бледен.)

Д о н П а б л о *(кланяясь).* Извините меня, сеньора, прошу вас. Я осмелился без вашего позволения войти к вам в комнату... Но меня прислал наш добрый алькад за вашим супругом... Любезный Бальтазар, все наши приятели тебя ожидают с нетерпением... ты им обещал тотчас вернуться... пойдем.

Д о н Б а л ь т а з а р *(нехотя вставая).* Я немножко... устал... милый друг.

Д о н П а б л о *(отводя его в сторону, шёпотом).* Баба! *(Бальтазар хочет отвечать.)* ...Тс... она на нас смотрит... Мы и теперь его можем схватить,— но не ты ли сам согласился подвергнуть ее испытанию и посмотреть, что она сделает, когда будет знать, что ты не скоро придешь домой. *(Громко.)* Что за пустяки! ты устал... да разве ты старик? разве мы старики с тобой? Полно притворяться, любезный... *(Донье Долорес.)* О! ручаюсь вам, сеньора, вы через неделю не узнаете вашего мужа... он мне сознавался сегодня, что ему надоело жить за городом, что он хочет переехать в Мадрид. Там-то вы заживете — будете выезжать, веселиться. *(Смеется.)* Как вам нравится намерение вашего супруга? Вы не ожидали такой внезапной перемены в нем?.. Да, да, вам еще предстоит много неожиданного. Но пойдем, любезный друг, ты видишь, донья Долорес устала; ей пора почивать; мы ей надоедаем. О! я уверен, она заснет сном безмятежным и спокойным, сном невинности... Да, кстати, милый Баль-

тазар, сегодня с самого утра ворон всё каркает на крыше твоего дома; вели, пожалуйста, застрелить эту глупую птицу. Старые люди говорят, что ворон предвестник несчастья... Я хоть и не верю всем этим вздорам, но всё же лучше... Сеньора, желаю вам спокойной ночи.

Дон Бальтазар. Прощайте; но клянусь вам честью...

Дон Пабло. Что против воли вас покидаю. Ведь вот что ты хотел сказать, дружок? О, мой приятель, дон Бальтазар, настоящий придворный... Спокойной ночи, прекрасная и добродетельная сеньора! *(Оба уходят.)*

(Донья Долорес сидит в оцепенении... Свечка, принесенная Бальтазаром, остается на столе; через несколько времени Рафаэль выходит из спальни, прислушивается: слышен внизу стук прихлопнутой двери.)

Дон Рафаэль. Они ушли... сеньора.

Донья Долорес *(про себя)*. Этот Сангре ужасен... мне страшно, мне холодно... Эти взгляды, этот мрачный смех... Ах, я чувствую, я погибла...

Дон Рафаэль. Сеньора...

Донья Долорес *(вставая)*. Это вы? и вы остаетесь, не уходите?

Дон Рафаэль. Ваш муж ушел. Маргарита спит... *(Донья Долорес молчит.)* Боже мой! как вы прекрасны...

Донья Долорес *(с отчаянием)*. Нет, вы безжалостны! О, как я наказана за свои преступные желанья. *(Бросается на софу.)*

Дон Рафаэль *(долго молчит и смотрит на нее; потом несколько изменившимся голосом)*. Вы называете ваши желания преступными?.. Бедная женщина! Послушайте... я знаю, вам двадцать семь лет; лучшая половина вашей жизни скоро пройдет, а ваша первая, светлая молодость уже безвозвратно увяла... и вы проклинаете последнее робкое желание вашего сердца, последний крик души перед ее вечным молчанием! Послушайте: не вы одне продремали свои лучшие годы, не вам однем довелось узнать в одно и то же время жажду счастия... и собственное бессилие; но, пока еще время не ушло, не увлекайтесь ложной гордостью; вы боитесь

преступления, а не боитесь старости. Как вы мало знаете жизнь! Простите меня... я, право, не знаю, что говорю, но жизнь людей коротка... жизнь женщины короче и тесней жизни мужчины, если мы жизнью называем свободное развитие всех наших сил. Подумайте... *(Донья Долорес молчит.)* Ради бога, поймите меня, сеньора... всё, что я сказал вам, нимало не относится.. к нам... к нашему теперешнему положению. Признаюсь вам откровенно: я легкомысленный и, как говорится, беспутный человек. Я едва ли верю во что-нибудь на свете; я не верю в порок, а потому не верю и в добродетель. К чему вам знать, какими путями дошел я до этого не совсем веселого убеждения... и может ли занять вас повесть жизни погибшей, с намерением погубленной?.. Да, впрочем, нам и некогда много разговаривать. Признаюсь, я пришел сюда с не совсем хорошими мыслями... я имел о вас мнение... позвольте мне умолчать, какое именно... впрочем, это мнение относилось не к вам однем, но ко всем женщинам вообще... Оно ложно... разумеется, ложно... Но что прикажете делать? — глупая привычка! Вы видите, я откровенен; и потому вы мне поверите, если скажу вам, что я теперь вас глубоко уважаю... что ваши слова, ваши взгляды, ваша тревожная робость, какая-то непостижимо грустная прелесть, которою всё в вас дышит, всё ваше существо произвело на меня такое неизгладимое впечатление, возбудило во мне такую глубокую жалость, что я внезапно стал другим человеком... будьте покойны, я уйду, уйду тотчас, и даю вам слово не тревожить вас более никогда, хотя, вероятно, не скоро вас забуду.

Донья Долорес. Вы должны уйти, сеньор. *(Как будто про себя.)* Мне страшно... мне кажется, я не переживу этой ночи: все эти люди — Маргарита, Сангре, мой муж... Я их боюсь... Я боюсь их...

Дон Рафаэль. Бедная, бедная женщина!.. право, я готов плакать, глядя на вас... Как вы бледны... Как вы дрожите... Как вы мне кажетесь одинокими на земле!.. Но успокойтесь. Ваш муж ничего не подозревает; я тотчас уйду — и никто, никто в мире, кроме вас и меня, не будет знать о нашем свидании.

Донья Долорес. Вы думаете?

Дон Рафаэль *(садится подле нее)*. Вы меня не боитесь теперь — не правда ли? Вы чувствуете, что и я тронут, глубоко, свято тронут... что я теперь не в состоянии вас оскорбить. *(Показывая на часы, стоящие на столе.)* Посмотрите — через десять минут меня в этой комнате не будет...

Донья Долорес. Я вам верю.

Дон Рафаэль. Странным образом сошлись мы с вами... но судьба свела нас недаром... недаром по крайней мере для меня... Я бы хотел вам многое сказать... но с чего начать, когда через несколько мгновений...

Донья Долорес. Скажите мне ваше имя.

Дон Рафаэль. Рафаэль... Ваше имя — Долорес?

Донья Долорес *(печально)*. Долорес.

Дон Рафаэль *(тихим и тронутым голосом)*. Долорес! клянусь вам, я до вас не любил ни одной женщины... и после вас, вероятно, ни одной не полюблю... Тяжело мне с вами расставаться; но если мы переменить нашу судьбу не можем, если наше знакомство должно было так скоро прекратиться, тем лучше, может быть, для меня... Я недостоин вас — я это знаю; по крайней мере у меня будет одно чистое воспоминание... До сих пор я старался забывать всех женщин, с которыми сближал меня случай...

Донья Долорес *(грустно)*. Сеньор...

Дон Рафаэль. Если б вы знали вашу власть надо мною; если б вы знали, какую перемену вы так внезапно произвели во мне!.. *(Взглянув на часы.)* Но я верен своему слову... Прощайте... мне пора.

Донья Долорес *(подает ему руку)*. Прощайте, Рафаэль.

Дон Рафаэль *(прижимая ее руку к губам)*. Зачем я вас узнал так поздно?.. Мне так грустно расставаться с вами...

Донья Долорес. Вы меня не увидите более... Я вам говорю — я не переживу этой ночи.

Дон Рафаэль *(потупляет глаза и показывает на дверь)*. Хотите... Вы свободны...

Донья Долорес. Нет, Рафаэль, смерть не хуже жизни.

Дон Рафаэль *(решительно)*. Прощайте.

Донья Долорес. Прощайте, не забывайте меня.

(Рафаэль бросается к двери. Дверь отворяется, входит Сангре.)

Дон Рафаэль *(отскакивая)*. Боже!

Дон Пабло *(донье Долорес)*. Это я

(Долорес с криком бросается головой в поду

Дон Рафаэль *(быстро обнажая шпагу*
ор, я не безоружен.

Дон Пабло *(мрачно)*. Вижу... но я — вы
дите — безоружен.

Дон Рафаэль. Клянусь вам честью... Ес
вы знали... эта дама невинна.

Дон Пабло. Я всё знаю. Вам не нужно клясться.

Дон Рафаэль. Но уверяю вас...

Дон Пабло *(с иронической улыбкой)*. Во-первых, я не требую от вас ни уверений, ни оправданий; а во-вторых, сеньор, ваше присутствие здесь неуместно... Не угодно ли вам пожаловать за мной?

Дон Рафаэль. Но куда вы меня поведете?

Дон Пабло. О, не бойтесь...

Дон Рафаэль *(перебивая его)*. Я никого не боюсь, милостивый государь!

Дон Пабло. Если вы никого не боитесь, так идите за мной.

Дон Рафаэль. Но куда?

Дон Пабло. На улицу, не далее, как на улицу, мой милый Дон-Жуан... А там я с вами раскланяюсь — и до приятного свидания...

Дон Рафаэль. Я должен вам повиноваться... я вас оскорбил...

Дон Пабло *(мрачно)*. А! вы сознаетесь, что вы меня оскорбили!..

Дон Рафаэль. Однако — теперь я вспоминаю — не вы супруг сеньоры...

Дон Пабло. Я здесь по его приказанию.

Дон Рафаэль. Я готов, я иду, но... *(Приближается к донье Долорес.)*

Дон Пабло. Сеньор, не забывайтесь!.. *(Дон Рафаэль низко кланяется донье Долорес и умоляющим образом показывает на нее дону Пабло.)* Понимаю... но вы

ıе имеете права даже сожалеть о ней... Завтра вы можете о ней молиться...

Д о н Р а ф а э л ь. Что вы сказали?

Д о н П а б л о. О, ничего ничего! Я, знаете, ста... лутник... Не угодно ли? *(Показывает на дверь.)*

...н ...а ф а э л ь. Идите вперед.

...а б л о. Извольте. *(Идет.)*

...фаэль в последний раз с глубокой тоской взглядывает на Долорес и уходит за Сангре. Долорес остается одна; Маргарита тихо входит и становится подле нее.)

Д о н ь я Д о л о р е с *(приходя в память)*. Они ...убьют... Сангре... где они... *(Оборачивается и видит Маргариту.)* А!

М а р г а р и т а *(спокойно)*. Что с вами, сударыня? Вы, кажется, не изволили ложиться почивать? Иль вы нездоровы?

Д о н ь я Д о л о р е с. Маргарита... Я знаю — они хотят моей смерти... ну да — не притворяйся... ведь ты всё знала, всё слышала; ты сказала всё мужу — признайся... Вот ты смеешься, ты не можешь притворяться... да и к чему теперь? Скажи: тебе велено ...еня убить, дать мне яду, что ли? скажи...

М а р г а р и т а. Помилуйте, сеньора — я вас не понимаю.

Д о н ь я Д о л о р е с. Ты меня понимаешь, Маргарита...

М а р г а р и т а *(медленно)*. Вы, может быть, сеньора, поступили не совсем осторожно, но...

Д о н ь я Д о л о р е с *(бросается на колени)*. Скажи правду, умоляю тебя, скажи мне правду...

М а р г а р и т а *(долго смотря на нее)*. Передо мной... на коленях! *(Наклоняясь к ней.)* Ну да, да, ты права — я тебя погубила, слышишь, потому что я тебя ненавижу...

Д о н ь я Д о л о р е с *(с удивлением)*. Ты меня ненавидишь?

М а р г а р и т а. Ты удивляешься? Ты не понимаешь причины моей ненависти? Помнишь ли ты дочь мою, Марию? Скажи сама — была ли ты лучше ее? или умнее? или богаче? Но она всю жизнь свою была несчастна — а ты...

Д о н ь я Д о л о р е с *(грустно)*. А я, Маргарита?

М а р г а р и т а. Вы росли вместе, и в детстве всегда все тебя ласкали, а на мою дочь никто не обращал внимания... а она была не хуже тебя! Ты вышла замуж, разбогатела, а она осталась в девушках... Я была бедна — что же было мне делать? Господи боже! Зачем стала ты ходить к нам в твоих богатых бархатных платьях, с золотыми цепями на шее? *(С упреком.)* Ты хотела нам помогать? — Ты хотела нас унизить... Твое богатство вскружило голову моей Марии... она возненавидела всё — всю жизнь свою, нашу бедную комнату, наш садик, меня... Она боролась долго... и, наконец, убежала... убежала с любовником, который ее обманул, оставил... бросил; она не хотела вернуться ко мне, и теперь она, мое единственное дитя, бог знает где скитается, бог знает с кем... Не говори мне, что ты ничем не виновата... Я страдаю, я несчастна — кто же нибудь должен быть причиной моих страданий... я выбрала тебя. Ты, ты погубила мою дочь!.. Я знаю, что я грешу... но я и не хочу быть доброй... мое сердце пропитано желчью... а за этот вечер (оставайтесь, оставайтесь на коленях!), за этот один вечер я готова отказаться от рая...

Д о н ь я Д о л о р е с *(медленно встает)*. Благодарю вас, Маргарита... Я вас более не боюсь, потому что я вас презираю...

М а р г а р и т а. Пустые громкие слова! Вы всётаки меня боитесь!..

Д о н ь я Д о л о р е с *(отходит немного в сторону)*. Боже! сжалься надо мной! не дай мне погибнуть!

М а р г а р и т а. Как я внутренно смеялась над вами, когда вы так искусно вытащили у меня из-за пояса ключ... Мне было велено оставить этот ключ в вашей комнате. Но вы сами догадались и избавили меня от хлопот... О, извините, я и теперь не могу не смеяться... *(Донья Долорес смотрит на нее с холодным презрением.)* Так... так... презирайте меня... мне весело... Теперь-то вы будете в моей власти! И избавиться-то вам от меня теперь невозможно!.. Дон Бальтазар вас никуда из дому не выпустит ни на шаг... и я буду неотлучно при вас — не легкая должность, признаюсь, — но насущный хлеб не достается даром... Впрочем, не угодно ли вам пожаловать в вашу спальню...

Донья Долорес. Я останусь здесь...

Маргарита *(приседая)*. По приказанию дона Бальтазара...

Донья Долорес *(уходя, про себя)*. Эта старуха меня несколько успокоила... Я, право, уже думала, что они собираются меня убить... *(Обе уходят.)*

(Входят Пабло и Бальтазар.)

Дон Бальтазар. Однако, право, ты поступил с ним так великодушно...

Дон Пабло. В самом деле?

Дон Бальтазар. Помилуй! проводил его с поклонами до улицы, а садовнику велел светить... У меня бы он так легко не отделался! Я бы велел Пепе проводить его другим образом...

Дон Пабло. Зачем же ты поручил мне распоряжаться?

Дон Бальтазар. Зачем... Зачем? я думал, что ты...

Дон Пабло. Что я его вызову, убью, кровью его смою пятно с твоей чести, не правда ли? Чужими руками жар загребать так покойно, так удобно! а? дружище? Он мог тоже меня убить, потому что шпага была у него препорядочная; но надобно же надеяться на провидение, не правда ли, друг мой истинный, любезный Бальтазар? Оттого-то ты, должно быть, и не вошел со мною к ним... Такой сорванец может, пожалуй, сгоряча убить человека...

Дон Бальтазар. Сангре, ты знаешь: я не храбр и не хвастаюсь храбростью... Но как же ты, ты мог выпустить этого нахала? Да он теперь смеется над нами...

Дон Пабло. Не думаю.

Дон Бальтазар. Разумеется, смеется... О! я задыхаюсь от досады... Он станет всем рассказывать свое приключение... А я с такою точностью соблюдал твои приказания... Нет, воля твоя...

Дон Пабло. Вспомни, что я требовал от тебя совершенного повиновения; вспомни, что ты согласился на все мои требования, и потому изволь выйти из комнаты.

Дон Бальтазар. Зачем?

Д о н П а б л о. Мне надобно сперва поговорить с доньей Долорес.

Д о н Б а л ь т а з а р. Тебе?

Д о н П а б л о. Послушай, любезный Бальтазар... Я уверен, что ты завтра будешь меня благодарить. Ты ведь хоть и старше меня, но такая горячка... Этого любезного человека я выпустил оттого, что не хотел наделать шума в околодке, не хотел навлечь на тебя тьму неприятностей. Притом, ты сам знаешь — честь твоя в сущности нисколько не пострадала: мы ведь с тобой почти глаз не спускали с незваного гостя... Твоя жена довольно наказана за свое легкомыслие... Мы ее порядочно напугали... А ты готов теперь ее убить! Я тебя знаю: ты превспыльчивый человек.

Д о н Б а л ь т а з а р. Ну, не убить... но, признаюсь, мне бы хотелось хоть на ней-то выместить всю мою досаду... С другой стороны, скажу тебе, Сангре, я рад, что мы ее подвергли, как ты говоришь, испытанию... Она была довольно холодна.

Д о н П а б л о. Вы находите? Впрочем, в этом деле вы судья. По-моему, ей бы не следовало даже говорить с ним...

Д о н Б а л ь т а з а р. Разумеется, ты прав совершенно... У меня нет нисколько твердости... ты прав.

Д о н П а б л о. Ты знаешь, она меня боится. Я хладнокровно и спокойно растолкую ей ее вину. Ты будешь несколько дней сряду обращаться с ней вежливо, но холодно,— и понемногу всё придет в обыкновенный порядок. Она меня еще более возненавидит... но что же делать! я положил себе правилом: всем жертвовать для друга.

Д о н Б а л ь т а з а р. Я знаю, ты редкий человек. Ну, изволь, поговори с ней; но скажи ей, что я ужасно рассержен, что... чтоб она трепетала! что я буду теперь держать ее взаперти, под тремя замками; скажи ей, что... что она... Ну, ты сам знаешь, что ей сказать!.. Да! как ты думаешь — не сказать ли ей, что мы убили этого негодяя?.. Да не забудь сказать ей, чтоб она... чтоб она трепетала! О боже мой, мне кажется, я умру... я в эту ночь совсем состарелся... целые десять лет жизни она у меня отняла! Но этот господин со мной не разделался; нет! я найму ловкого, молчаливого,

надежного человека и где-нибудь в переулочке, вечерком, он тому нахалу запустит в бок кинжальчик.

Д о н П а б л о. Вот что дело, то дело!..

Д о н Б а л ь т а з а р. Запустит... Итак, ты хочешь с ней остаться? Ну, изволь — я пойду!

Д о н П а б л о. Прощай.

Д о н Б а л ь т а з а р *(возвращаясь)*. Но будь неумолим!

Д о н П а б л о. Хорошо.

Д о н Б а л ь т а з а р. Строг!

Д о н П а б л о. Слушаю.

Д о н Б а л ь т а з а р. Жесток!.. Какие любезности он ей отпускал! а она-то, она-то... Да и он, правда, дурак порядочный — нашел время ораторствовать... А всё-таки дружка я угощу... Ну, прощай, Сангре. Я пойду к себе в кабинет и буду ждать тебя. Смотри же расскажи мне всё в подробности. *(Уходит.)*

Д о н П а б л о *(остается один; на столе слабо горит свечка; он долго ходит взад и вперед, потом вдруг подымает голову)*. Я решился! *(Он подходит к двери и стучит. Выходит Маргарита.)* Маргарита, попроси донью Долорес пожаловать ко мне...

М а р г а р и т а. Слушаю.

Д о н П а б л о *(дает ей кошелек с деньгами)*. А потом ложись спать — и спи крепким сном... Ты меня понимаешь?..

М а р г а р и т а *(отталкивая его руку)*. Понимаю... но мне деньги не нужны. *(Она уходит и через несколько времени является с доньею Долорес.)*

Д о н П а б л о *(Маргарите)*. Теперь ты можешь уйти... *(Маргарита немного колеблется и уходит. Донье Долорес.)* Сеньора, не угодно ли вам сесть?.. *(Он предлагает ей стул; она не садится и опирается рукою на стол. Сангре запирает все двери и подходит к ней.)* Сеньора...

Д о н ь я Д о л о р е с *(слабым голосом и не поднимая глаз)*. Я устала, сеньор... Позвольте мне отдохнуть... Завтра я готова по мере возможности объяснить это странное... *(Голос ее прерывается.)*

Д о н П а б л о. К крайнему моему сожалению, я не в праве отложить наш разговор до завтра... Не угодно ли вам выпить стакан воды?

Д о н ь я   Д о л о р е с. Нет... но позвольте вам заметить... я не обязана отвечать вам на ваши вопросы... Дон Бальтазар один...

Д о н   П а б л о *(тщетно дожидается конца фразы доньи Долорес и после некоторого молчания)*. Сеньора... после того, что сегодня случилось, я бы не находился здесь с вами наедине без особенного приказания вашего супруга... Притом наш разговор будет либо весьма не длинен, либо так занимателен для вас и для меня, что вы не пожалуетесь ни на скуку, ни на усталость. Вы меня боитесь, сеньора,— я это знаю; но вы меня боитесь, как человека сурового и строгого, не как человека грубого и неприятного, а потому я надеюсь на вашу откровенность. Но вы устали... я прошу вас сесть. *(Донья Долорес садится; дон Пабло садится рядом с нею.)* Я даже вовсе не намерен вас мучить расспросами. Я всё знаю — и вы знаете, что я всё знаю. Позвольте мне вам предложить один вопрос... Какого рода было то чувство, которое, как кажется, так внезапно овладело вами при виде этого молодого человека? *(Донья Долорес молчит.)* Сеньора, отвечайте мне, как бы вы отвечали вашему отцу. Согласитесь сами,— дон Бальтазар совсем иначе говорил бы с вами — не правда ли? Отвечайте ж мне хоть из благодарности за то, что я избавил вас от весьма неприятных объяснений... Если б вы знали, сколько в душе моей снисходительности, даже нежности...

Д о н ь я   Д о л о р е с. В вас, сеньор?

Д о н   П а б л о. Во мне, Долорес... *(После некоторого молчания.)* Я жду вашего ответа.

Д о н ь я   Д о л о р е с. Что мне сказать вам?.. Я, право, не умею даже назвать это чувство... Мгновенное забвение... неосторожность... глупость... непростительная глупость.

Д о н   П а б л о. Я вам верю, сеньора... И не правда ли, завтра же вы всё позабудете — и его, и ваши слова, и вашу, как вы говорите, непростительную неосторожность...

Д о н ь я   Д о л о р е с *(с нерешимостью)*. Да... конечно... или, может быть, нет,— по крайней мере не так скоро...

Д о н   П а б л о. Разумеется, сеньора. Ваша жизнь, как жизнь почти всех замужних женщин, так однооб-

разна, что подобное впечатление не может тотчас же изгладиться... Но ваше сердце, скажите, ваше сердце не будет долго помнить сегодняшнее происшествие?.. *(Донья Долорес молчит.)* Я уважаю ваше молчание... я вас понимаю, сеньора... Послушайте, ваш супруг прекраснейший, достойнейший человек,— но он не молод; а вы, вы еще очень молоды, а потому и не удивительно, что вы предаетесь иногда мечтаньям, не совсем позволительным, но неизбежным. До сих пор ваши мечтанья не принимали никакого определенного образа... а теперь... а теперь вы будете знать, о ком думать, когда в бессонную ночь будете сидеть у полураскрытого окна и смотреть на звезды, на луну... на этот сад, на этот темный сад, в котором он некогда ожидал вас... Не правда ли, сеньора?

Донья Долорес *(с замешательством)*. Сеньор...

Дон Пабло. Я вас не обвиняю... я даже думаю, что с некоторой точки зрения сам дон Бальтазар должен радоваться сегодняшнему приключению... Он может быть уверен, что вы сами будете стараться избегать встречи с господином Рафаэлем... а между тем одно воспоминание такого рода не допускает возможности другого, нового впечатления... Извините мою откровенность, сеньора... да и, может быть, я ошибаюсь,— может быть, я придаю вам теперь или возбуждаю в вас мысли, которые вам и в голову не приходили... Скажите мне, ошибаюсь я или нет?

Донья Долорес *(решительно)*. Вы не ошибаетесь.

Дон Пабло. Как ваши глаза вдруг вспыхнули!.. О да! вы меня ненавидите... я вашу ненависть прочел сейчас в вашем взгляде... да, вы будете думать, долго думать о нем. *(Вдруг возвысив голос.)* Так знай же, Долорес, что ты сейчас произнесла свой смертный приговор.

Донья Долорес. Что вы сказали?

Дон Пабло. Вас удивили мои слова? Но мне не должно притворяться: я решился сказать всё, что так давно ношу в сердце... и вы меня выслушаете, клянусь честью, вы выслушаете меня... *(Она хочет встать; он ее удерживает.)* Долорес, когда, два года назад, я в первый раз вас увидел, в тот же самый вечер я меч-

тал, как ребенок, о блаженстве быть с вами, в вашей комнате, наедине; потому что я полюбил вас тогда тотчас... потому что я люблю вас, Долорес... *(Молчание.)* И вот мы с вами вдвоем, в вашей комнате,— а я... я не чувствую блаженства, я чувствую тоску и радость, странную, жгучую, мучительную радость... Но, боже, как мне выразить всё, что я чувствую!.. два года, два года неумолимого, непонятого молчания... два года!.. Неужели вы не могли догадаться, что я люблю вас страстно? неужели я так удачно умел скрывать свои терзанья, что ни разу, ни разу не изменил себе?.. А помнится, иногда я сижу подле вас, Долорес, не смею взглянуть на вас — но чувствую, что всё мое лицо так и дышит обожаньем и любовью... Неужели мое молчание не было во сто раз красноречивее водяных и вялых возгласов вашего Рафаэля... «Одно святое, чистое воспоминание» — вот какие пошлости нравятся женщинам!.. *(Взглянув на Долорес и несколько опомнившись.)* Долорес, я вижу, вы испуганы; мне, старику, стыдно безумствовать, стыдно плакать, но послушайте, хотите, я расскажу вам свою жизнь... Послушайте: я в молодости хотел поступить в монастырь... *(Останавливается и смеется.)* Я, кажется, совсем с ума сошел. *(Начинает ходить по комнате. Долорес осторожно встает и быстро подбегает к двери, силится ее отпереть, силится кричать. Пабло подходит к ней и подводит ее к креслу.)* Нет, вы не уйдете!

Донья Долорес. Пустите меня...

Дон Пабло. Как я глубоко оскорблен вашим торопливым страхом... О да! Вы меня не только не любите, вы меня ненавидите, боитесь меня...

Донья Долорес. Да вы безумный!.. пустите меня...

Дон Пабло. Вы не уйдете.

Донья Долорес *(с отчаянием)*. Да, точно; я не могу уйти... Радуйтесь, кошка,— попалась вам мышь в лапы.

Дон Пабло. Прекрасно, сударыня; я готов продолжать ваше сравнение... Попалась в когти, говорите вы; а кто велел ей выходить... Сидел бы мышонок в своей норе да поглядывал бы на божий свет...

Донья Долорес. Но я закричу... я буду звать на помощь.

Дон Пабло *(вполне овладевший собою)*. Э, полно вам ребячиться! или вы в самом деле мне поверили? Признаюсь, я и не подозревал в себе такого искусства притворяться и болтать... *(Донья Долорес пронзительно смотрит на него.)*

Дон Пабло *(мрачно)*. Нет!.. мне вас не обмануть... Вы знаете, вы теперь знаете, что я вас люблю.

Донья Долорес. Но что мне за дело до вашей любви? Какое право дает вам ваша непрошенная, ваша навязчивая любовь? Стыдитесь, сеньор... два года живете вы почти под одной кровлей с человеком, которого вы называете своим другом, и два года носитесь с такими преступными и глупыми мыслями. *(Дон Пабло молчит.)* И притом вы всегда так красноречиво молчали...

Дон Пабло. А вы хотели, чтоб я, человек немолодой, честолюбивый и упрямый, человек, которого надежды, убеждения и верования все перелопались, как мыльные пузыри, вы хотели, чтоб я болтал и вздыхал, как этот глупенький мальчик?

Донья Долорес. Он умнее вас, сеньор, потому что хоть несколько приблизился к своей цели... Признаюсь, он мне понравился. А вы, сударь, вы хитры, надменны, молчаливы и застенчивы. Таких людей женщины не любят.

Дон Пабло. Если б вы знали, Долорес, какое сердце вы теперь попираете ногами!..

Донья Долорес. В самом деле? Впрочем, каждый человек воображает, что его сердце — сокровище, нетронутый клад... Я вас не хочу лишать вашего сокровища...

Дон Пабло. О сеньора! как вы красно говорите!

Донья Долорес. О сеньор! мне ли сравниться с вами! «Два года неумолимого молчания...» Неумолимого... мне это слово нравится.

Дон Пабло. Не шутите кинжалом... можете обрезаться.

Донья Долорес. Я вас не боюсь.

Дон Пабло. Да, конечно; вы не боитесь меня с тех пор, как узнали, что я вас люблю... но берегитесь — моя любовь престранного рода... притом же и я теперь убедился, что вы не любите меня...

Донья Долорес. Вы убедились... теперь; а прежде не были убеждены?

Дон Пабло. Смейтесь, смейтесь надо мной... Если б вы знали, с какими чувствами я гляжу на вас... Как бы я охотно стал перед вами на колени, с каким наслаждением положил бы свою голову у ваших ног и ждал бы одного... одного рассеянного взгляда, как милости, если б не знал, что я только напрасно унижусь...

Донья Долорес (*с злою насмешливостью*). Кто знает?

Дон Пабло (*задумчиво глядя на нее*). И что мне понравилось в этой белокурой головке?.. Странно! на всех людей, с которыми случалось мне сближаться, как, например, на Бальтазара, имел я почти мне самому не понятное влияние... а на нее...

Донья Долорес. Вы мне надоели!

Дон Пабло (*схватив ее за руку*). Однако посмотри мне в глаза, посмотри мне в лицо... тебе некогда шутить, поверь мне... Или ты думаешь, что ты безнаказанно видела мои слезы? Как? — ты целые два года так беспечно, так бесстрастно терзала меня, а теперь смеешься надо мной? Или ты думаешь, что я не умею мстить?

Донья Долорес (*несколько дрожащим голосом*). Вы меня не испугаете... я у себя в доме. Я, как дитя, поверила глупой шутке, которую вы разыграли надо мной... Да, да, не притворяйтесь удивленным... Вы, я знаю, сговорились с Маргаритой, с моим мужем и, может быть, даже с этим молодым человеком... но теперь я как хозяйка говорю вам как гостю, что я устала, что ваш разговор нисколько не занимателен, несмотря на ваше обещанье, и что я прошу вас удалиться... Я завтра же — я тотчас же передам дон Бальтазару всё, что вы мне говорили... Он не даст меня в обиду.

Дон Пабло. Нет, сеньора, я не сговаривался с господином Рафаэлем, хотя, признаюсь, *я* научил Маргариту оставить ключ в вашей комнате, *я* научил дон Бальтазара сказать вам, что он ночь проводит у алькада, *я* посоветовал ему дать вам случай быть наедине с любезным гостем... Зачем я это всё делал, спро́-

сите вы меня? Спросите у человека, который не может удержать на скате горы своих лошадей, зачем он вдруг пускает их во всю прыть... Долго, медленно, целые два года созревала наша гибель... она созрела — я не мог удержаться и ударил по лошадям.

Донья Долорес. Но повторяю вам, что мне за дело до ваших чувств, до вашей гибели?..

Дон Пабло. Так... но и мне-то что за дело до вашего страха, до вашего негодованья?.. *(Донья Долорес задумывается.)* О чем вы задумались?

Донья Долорес. Вы хотите знать, о чем я думаю... Я думаю о том, что если б у меня был муж гордый и смелый, истинный покровитель жены своей,— с какими горячими слезами я стала бы просить его заступиться за меня, наказать вас... с какою радостью приветствовала бы его как победителя!..

Дон Пабло. Просите дон Бальтазара вызвать меня на дуэль...

Донья Долорес. Сеньор, пора нам кончить эту шутку...

Дон Пабло. Пора... вы говорите... пора...

Донья Долорес. Итак... прощайте.

Дон Пабло. Однако вы точно меня не понимаете?

Донья Долорес *(гордо)*. Милостивый государь, я не хочу вас понимать...

Дон Пабло *(кланяясь)*. Сеньора! какие мысли!

Донья Долорес *(презрительно)*. Так уж не хотите ли вы убить меня?

(Сангре молчит. В это время раздается стук у двери и слышен голос Бальтазара: «Пабло, Пабло, скоро ли?»)

Дон Пабло. Сейчас, мой милый, сейчас... Твоя жена всё еще в таком волнении. *(Долорес хочет крикнуть. Он быстро выхватывает кинжал и молча угрожает ей. Она падает в кресла.)* Приходи через четверть часа, дружок.

Дон Бальтазар *(за сценой)*. Хорошо.

Дон Пабло *(приближаясь к Долорес)*. Долорес... вы понимаете, что после сегодняшнего вечера мои отношения к вам и к вашему мужу изменяются совершенно... Я чувствую: я не могу ни расстаться с вами, ни позабыть вас; вы меня любить не можете, и потому

пускай же совершится неминуемое. Я предаюсь, я повинуюсь неотразимому влеченью... я не противлюсь... я и не хочу противиться. О! я верю в судьбу... одни лишь дети в нее не верят... Она послала этого мальчика... Он говорил и как будто хвастался тем, что не верит ни в порок, ни в добродетель... шут! ребенок! он верит в счастие... а я! *(Задумывается.)*

Донья Долорес *(трепетным голосом)*. Сеньор, сеньор дон Пабло... неужели ж, неужели ж вы не шутите? О, разумеется, вы шутите! Вы хотите меня... убить... Вот вы смеетесь. Мы, женщины, всегда бог знает какие небылицы придумаем, боимся сами не зная чего; но сознайтесь, вы говорили так странно... и... спрячьте этот кинжал, ради бога; послушайте, сеньор: я вас не люблю... то есть вы говорили, что я вас не люблю; но вы сами, вы всегда были так угрюмы, так молчаливы... могла ли я думать...

Дон Пабло. Сирена!..

Донья Долорес. Сангре, выпустите меня... Право, я устала от всех сегодняшних происшествий; я дон Бальтазару ничего не скажу, клянусь вам богом... Вы будете по-прежнему ходить к нам... вы останетесь нашим другом... и я...

Дон Пабло. Твои слова напрасны, Долорес.

Донья Долорес. Послушайте, вы хотели меня напугать... Вы достигли своей цели, посмотрите, я вся дрожу; перестаньте же меня мучить...

Дон Пабло. Я вас долго мучить не буду.

Донья Долорес. Не принимайте такого торжественного вида, Пабло... рассмейтесь; я хочу... слышите, я хочу, чтоб вы рассмеялись...

Дон Пабло. Женские хитрости теперь неуместны, Долорес...

Донья Долорес. Сангре! опомнитесь! что с вами? Сжальтесь надо мной... Чем я виновата перед вами, Сангре? Неужели мои глупые выходки могли до такой степени озлобить вас?.. Боже мой! неужели я умру сегодня, в этом платье, в этой комнате?.. Я еще так молода, Пабло... сжалься! не губи моей молодости!..

Дон Пабло. Вместе с твоей молодостью погибнет и моя поздняя молодость. Пока ты будешь жива, мне не будет покоя... *(Подходит к ней.)*

Д о н ь я Д о л о р е с *(с ужасом)*. Но зачем вы хотите меня убить?

Д о н П а б л о. Кровь имеет очищающую силу. Молись!

Д о н ь я Д о л о р е с *(бросаясь на колени)*. Сангре, ради неба...

Д о н П а б л о. Долорес, твой жребий выпал. Ты умоляешь камень, который тебе падает на голову...

Д о н ь я Д о л о р е с *(с отчаянием)*. Да почему вы знаете, что я не полюблю вас никогда?

Д о н П а б л о *(с иронической улыбкой)*. Почему?.. Долорес! одно лобзание...

Д о н ь я Д о л о р е с *(вскакивая)*. Подите прочь! О, я вас ненавижу, слышите ли? я вас ненавижу... Я не стыжусь всех слов моих, потому что я надеялась обмануть вас. Но мне досадно, что вы не дались в обман... Я буду защищаться, я буду звать на помощь...

Д о н П а б л о. Долорес...

Д о н ь я Д о л о р е с. Я не хочу умирать! Ко мне! ко мне!

Д о н П а б л о. Молчи.

Д о н ь я Д о л о р е с. Спаси меня! спаси меня, Бальтазар!

Д о н Б а л ь т а з а р *(за дверью)*. Что за крик?

Д о н ь я Д о л о р е с. Он хочет убить меня, Бальтазар!

(Дверь трещит от напора дон Бальтазара.)

Д о н П а б л о *(догоняя ее)*. Всё кончено!

Д о н ь я Д о л о р е с *(с отчаянием)*. Да, всё, отвратительный старик! Я люблю Рафаэля!

Д о н П а б л о. Молчи! *(Он убивает ее.)*

Д о н ь я Д о л о р е с. А! *(Умирает.)*

Д о н Б а л ь т а з а р *(вламывается в дверь и с ужасом останавливается на пороге)*. Боже мой! что это значит?

Д о н П а б л о. Это значит, что я любил твою жену...

ЭПИЛОГ

10 лет спустя

Кабинет важного чиновника. За столом сидит секретарь.

Входит дон Пабло Сангре граф Торрено.

Граф Пабло *(хлопотливо секретарю)*. Готовы ли мои бумаги? Мне пора...

Секретарь *(почтительно)*. Вот они, ваше сиятельство. *(Оба выходят.)*

БЕЗДЕНЕЖЬЕ

СЦЕНЫ ИЗ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ МОЛОДОГО ДВОРЯНИНА

(1845)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тимофей Петрович Жазиков, молодой человек.
Матвей, слуга его, старик.
Василий Васильевич Блинов, степной помещик, сосед Жазикова.
Русский купец.
Немец, сапожник.
Француз, художник.
Девушка.
Извозчик.
Незнакомец.
Человек с собакой.
Приказчик из литографии.

Комната, довольно порядочно убранная. На кровати за ширмами почивает Тимофей Петрович Жазиков. Входит Матвей.

Матвей *(у постели)*. Тимофей Петрович, извольте вставать! Тимофей Петрович! *(Молчание.)* Тимофей Петрович! Тимофей Петрович!

Жазиков. Мм...

Матвей. Извольте вставать... пора-с.

Жазиков. Который час?

Матвей. Четверть одиннадцатого.

Жазиков *(с необыкновенным жаром)*. Как же это ты меня до сих пор не разбудил? Ведь я говорил тебе вчера?

Матвей. Я вас будил-с. Вы не изволили вставать.

Жазиков. Ну, одеяло бы стащил. Давай скорей одеваться. *(Надевает шлафрок и выходит из-за ширм.)* А, а! *(Подходит к окну.)* Должно быть, холодно на дворе. Да и в комнате холодно. Матвей, затопи-ка печку.

Матвей. Дров нету-с.

Жазиков. Как нет дров? разве все вышли?

Матвей. Да уж с неделю будет-с, как вышли.

Жазиков. Что за вздор? Чем же ты топишь?

Матвей. Да я и не топил-с.

Жазиков *(после некоторого молчания)*. Оттого-то, видно, я и зяб... Однако ж дров достать необходимо. Ну, об этом после. А самовар ты поставил?

Матвей. Как же-с, поставил.

Жазиков. Хорошо. Давай же мне поскорей чаю.

Матвей. Сейчас. Только сахар вышел-с.

Жазиков. Вышел тоже? Весь вышел?

Матвей. Весь.

Жазиков *(с негодованием)*. Однако ж я не могу остаться без чаю. Ступай, достань где-нибудь сахару. Ступай!

Матвей. Да где же прикажете достать, Тимофей Петрович?

Жазиков. Ну, там, в лавочке, в долг возьми. Скажи, что завтра всё отдам.

Матвей. Да ведь в лавочке больше не верят, Тимофей Петрович, даже бранятся.

Жазиков. А сколько мы им должны?

Матвей. Семь рублей шестьдесят копеек.

Жазиков. Подлецы! Ну, сходи еще раз, попробуй, авось дадут.

Матвей. Да не дадут, Тимофей Петрович.

Жазиков. Да ты скажи им, что, дескать, на днях барин из деревни деньги получит, следуемую треть; что мы им тотчас же всё сполна заплатим. Ну, ступай.

Матвей. Да что идти, Тимофей Петрович? не дадут, уж я знаю...

Жазиков. Не дадут! Оттого, что ты глуп. Ты, чай, лавочнику кланяешься, словно милостыню просишь: пожалуйте, дескать, сахару. Нет у тебя никакой... как бишь это сказать по-русски... Ну, всё равно ты меня не поймешь. *(Раздается звонок. Жазиков бросается стремглав за ширмы и говорит шёпотом из-за ширм.)* Не принимать никого! не принимать! слышишь? Скажи, что с утра уехал... *(Матвей выходит. Жазиков затыкает себе пальцами уши.)*

Голос немца-сапожника. Гаспадин дома?

Голос Матвея. Никак нет.

Голос сапожника. Gotts Donnerwetter!..[1] Нет?

Голос Матвея. Нет его дома, говорят тебе.

Голос сапожника. А скоро будет?

Голос Матвея. Не знаю; нет, не скоро.

Голос сапожника. Как же так? это не можно. Мне нужно деньга.

Голос Матвея. Ушел, говорят тебе, ушел, в должность ушел.

---

[1] Гром и молния!.. *(Нем.)*

Голос сапожника. Мм!.. я буду подождать.

Голос Матвея. Нельзя тебе ждать.

Голос сапожника. Я буду подождать.

Голос Матвея. Нельзя, говорят тебе, нельзя; ступай; я сам скоро выйду.

Голос сапожника. Я буду подождать.

Голос Матвея. Да нельзя, говорят тебе.

Голос сапожника. Мне нужно деньга; деньга нужно; я не пойду.

Голос Матвея. Ступай, ступай, говорят тебе!

Голос сапожника. Стиидно, стиидно! благородный человек, а такое делает! стиидно...

Голос Матвея. Да ступай же, чёрт! Не целый же мне час с тобой разговаривать.

Голос сапожника. Когда же деньги? Деньги когда?

Голос Матвея. Приходи послезавтра.

Голос сапожника. Когда?

Голос Матвея. Об эту же пору.

Голос сапожника. Ну, прощайте.

Голос Матвея. Прощай. *(Слышен стук запирающейся двери. Входит Матвей.)*

Жазиков *(робко выглядывая из-за ширм)*. Ушел?

Матвей. Ушел-с.

Жазиков. Ну, хорошо, ну, хорошо. Вишь, проклятый немец! Ему бы всё деньги да деньги... Не люблю немцев! А теперь ступай за сахаром.

Матвей. Да, Тимофей Петрович...

Жазиков. Знать ничего не хочу! Без чаю мне сегодня остаться, что ли, по-твоему? Хоть вынь да положь... Ступай, ступай, ступай!!! *(Матвей уходит.)* Этот старый дурак решительно никуда не годится; надобно выписать себе другого, помоложе. *(Помолчав немного.)* А денег необходимо нужно где-нибудь достать... У кого бы занять? Вот вопрос... *(Слышен звонок.)* Чёрт возьми, опять должник! А Матвея я услал за сахаром! *(Звонок.)* Не могу ж я сам отворить этому чёрту дверь... *(Звонок.)* Кредитор, должно быть, бестия. *(Звонок.)* Вишь, как нагло звонит... *(Хочет идти.)* Нет, нельзя; да и неприлично. *(Отчаянный звонок.)* Хоть ты там себе тресни... *(Вздрагивает.)* Он, кажется, оборвал колокольчик... Однако ж как он

смеет?.. Ну, а если это не должник? Если почтальон с повесткой? Нет, почтальон так звонить не станет... Он лучше в другой раз зайдет. *(Входит Матвей.)* Помилуй, где ты пропадаешь? Без тебя звонок оборвали. Это просто ни на что не похоже. Ну, а сахар принес?

Матвей *(вынимая из кармана сверточек серой бумаги)*. Вот-с.

Жазиков. Это? *(Развертывает бумагу.)* Да тут всего четыре куска, и те все в пыли...

Матвей. Да и то, батюшка, через силу достал.

Жазиков. Ну, делать нечего. Подавай самовар. *(Начинает петь итальянскую арию.)* Матвей!

Матвей. Что прикажете-с?

Жазиков. Матвей, я хочу сшить тебе ливрею.

Матвей. Воля ваша-с.

Жазиков. Да ты что думаешь? Я сошью тебе ливрею самую модную, знаешь, этакую, серо-лиловую, с голубыми аксельбантами... *(Звонок.)* Тьфу ты, пропасть! *(Опять спасается за ширмы; Матвей выходит.)*

Голос русского купца. А что, почтеннейший, барин ваш еще почивает?

Голос Матвея. Нет, вышел.

Голос купца. Вышел-с?

Голос Матвея. Вышел.

Голос купца. Так-с; раненько изволил подняться. А что, деньжонок у вас не водится?

Голос Матвея. Теперь, признаться сказать, нету. А вот ужотко будут.

Голос купца. То есть это когда же-с? Коли недолго, так я, пожалуй, и подожду-с.

Голос Матвея. Нет, уж лучше зайдите денька через два или через три.

Голос купца. Так-с. Так не водится деньжонок-то?

Голос Матвея. Теперь нету.

Голос купца. А и деньги-то за вами небольшие-с. Да уж и я, признаться, сапожки пообносил, к вам ходивши.

Голос Матвея. Дня этак через два.

Голос купца. То есть это будет в четверток? Или уж мне зайти, знаете, этак, в пятницу? Али уж в субботу?

Голос Матвея. Ну, пожалуй, хоть в субботу.

Голос купца. Придем-с в субботу. *(После некоторого молчания.)* А деньжонок теперь нету?

Голос Матвея *(со вздохом)*. Нету.

Голос купца. Так-с. Так когда же приходить-то мне?

Голос Матвея. Да сказано, в субботу.

Голос купца. В субботу? Ну, пожалуй, придем-с и в субботу. И так-таки нету деньжонок?

Голос Матвея. Ах, боже мой! Нету.

Голос купца. Рубликов двадцать пять?

Голос Матвея. Нету, нету; гроша нету.

Голос купца. Ну, хоть две красненьких.

Голос Матвея. Да откуда взять?

Голос купца. Так-таки нету денег-с?

Голос Матвея. Нету, нету, нету!

Голос купца. Так когда же приходить-то мне?

Голос Матвея. В субботу, в субботу.

Голос купца. А раньше нельзя?

Голос Матвея. Пожалуй, хоть раньше, всё равно.

Голос купца. Я приду в пятницу.

Голос Матвея. Ну, хорошо.

Голос купца. И деньжонок-с можно будет получить?

Голос Матвея. Можно.

Голос купца. А теперь нету-с?

Голос Матвея. Нету, нету.

Голос купца. Так в пятницу, что ли?

Голос Матвея. Да!

Голос купца. Об эту пору-с?

Голос Матвея. Да, да.

Голос купца. Или уж в субботу-с?

Голос Матвея. Как знаете.

Голос купца. Так мы в субботу придем-с или в пятницу, как нам там сподручнее будет. Вы понимаете, как этак сподручнее.

Голос Матвея. Как знаете.

Голос купца. Может, в пятницу... А теперь никак нельзя деньжонок получить-с?

Голос Матвея. Ах ты, господи боже мой! Ах ты, господи!

Голос купца. Ну, так в субботу. Просим-с прощенья.

Голос Матвея. Прощайте.

Голос купца. Счастливо оставаться. Зайдем в пятницу или в субботу, об эту пору-с. Просим прощенья-с. *(Слышен стук запирающейся двери. Входит Матвей, бледный и в поту.)*

Жазиков *(выходя из-за ширм)*. Как тебе не стыдно, Матвей? целый час с дураком возишься. Кто это был?

Матвей *(угрюмо)*. Небельщик.

Жазиков. А я разве ему должен?

Матвей. Пятьдесят два рубля.

Жазиков. Неужели? Да за что? Конторка-то вся рассохлась, посмотри. Это просто ни на что не похоже. Вперед буду все мёбели брать у Гамбса. Терпеть не могу русской работы. Уж эти мне козлиные бороды! Дешево, да гнило. *(Звонок.)* Фу, чёрт возьми! опять! Да они мне, просто, ничем заняться не дадут! Я даже чаю напиться не могу спокойно... это ужас! *(Исчезает за ширмы; Матвей отправляется в переднюю.)*

Голос девушки. Что, ваш господин дома? *(Жазиков проворно выглядывает из-за ширм.)*

Голос Матвея. Нет, ушел с утра.

Жазиков *(громко)*. Кто там?

Голос девушки. Как же вы говорили, что его дома нет?

Голос Матвея. Ну, взойдите... Что ж, коли он сам...

(Входит девушка лет семнадцати, с узелком в руках, в салопе и в шляпке.)

Жазиков *(с любезной улыбкой)*. Что вам надобно?

Матвей. Она от прачки.

Жазиков *(несколько смутясь)*. А! так что вам надобно?

Девушка *(подает ему счет)*. Вот по этому получить-с.

Жазиков *(равнодушно)*. А! *(Проглядывает счет.)* Ну, хорошо. Одиннадцать рублей сорок копеек. Хорошо. Зайдите, пожалуйста, завтра.

Девушка. Мне приказала Арина Матвевна сегодня получить.

Жазиков. Я, пожалуй, и сегодня бы вам отдал *(с улыбкой)*, и с удовольствием — да мелочи нету, то есть, поверите ли? совсем нет мелочи.

Девушка. Я разменяю, в лавочку схожу.

Жазиков. Нет... лучше уже зайдите вы в другой раз *(играя кистями шлафрока)*... этак — завтра, что ли, или даже сегодня, после обеда...

Девушка. Да нет; пожалуйте теперь; Арина Матвевна меня забранит.

Жазиков. Ах, какая же она жестокая! Вас бранить — это верх несправедливости! Я даже признаюсь — не понимаю... Как вас зовут, душенька моя?

Девушка. Матреной.

Жазиков. Милая Матренушка, вы мне очень нравитесь.

Девушка. Да нет; да нет; пожалуйте денег. Вот по этому счету.

Жазиков. Поверьте, я вам заплачу, всё сполна заплачу. Я в отчаянии... *(Раздается звонок.)* Чёрт бы их побрал! Прощайте, милая моя. До завтра. Приходите завтра; всё получите сполна. Прощайте, ангелочек вы мой!

Девушка. Да нет; да нет... *(Жазиков исчезает за ширмы.)*

Матвей. Ну, ступай, ступай, голубушка; ступай...

Девушка. Да Арина Матвевна меня забранит.

Матвей. Ну, ступай, ступай! *(Выпроваживает ее.)*

Жазиков *(кричит Матвею вслед)*. Ты ее по черной лестнице проведи! слышишь? *(Про себя.)* А то столкнутся, пожалуй... Экая гадость! Экая гадость!.. А прехорошенькая она, чёрт возьми! Надобно будет этак — того... *(Звонок. Жазиков прячется за ширмы.)*

Голос хриплый и грубый *(в передней)*. Дома?

Голос Матвея *(с робостью)*. Никак нет-с.

Голос незнакомца. Да ты врешь!

Голос Матвея. Ей-богу-с.

Голос незнакомца. Да что твой барин? Смеется, что ли, надо мной? Что я его холоп, что ли?

Я ж ему дал денег, да я ж и бегай к нему каждый день. Дай мне бумагу, перо,— я ему записку напишу.

Голос Матвея. Извольте-с!

Голос незнакомца. Да шубу стащи, старый пес.

(Входит незнакомец высокого роста, толстый, с черными бакенбардами. Матвей достает клочок бумажки и перо. Незнакомец садится за стол, ворчит и пишет. За ширмами мертвая тишина.)

Незнакомец *(вставая)*. Вот, дай это ему, твоему барину. Слышишь?

Матвей. Слушаю-с.

Незнакомец. Да скажи ему, твоему барину, что я шутить не люблю. Просьбу подам; в тюрьму упеку его, твоего барина. Я ему дам, твоему барину! *(Уходит; в передней со стуком надевает калоши. Дверь запирается. Минуты через две выходит из-за ширм Жазиков.)*

Жазиков *(с негодованием)*. Подлец! Что он, застращать меня хочет, что ли?.. Нет, брат, не на того наскочил. Ты еще меня, брат, не знаешь! *(Читает письмо.)* Подлец, подлец! неблагородный подлец! *(Рвет письмо в клочки.)* Грубый, невежественный мужик! Да, впрочем, хорош и я! Нужно ж мне было связываться с таким... Вишь, грозить мне вздумал! *(Ходит в волнении по комнате.)* Надобно принять решительные меры. *(Раздается звонок.)* Ах, боже мой! *(Опять исчезает за ширмы.)*

Голос Матвея *(в передней)*. Что тебе?

Другой голос. Да вчера возил их милость...

Голос Матвея. Куда возил?

Другой голос. А в Подьяческую возил, да с Подьяческой на Пески.

Голос Матвея. Ну, так что ж тебе?

Другой голос. Да вот приказал прийти сегодня за деньгами.

Голос Матвея. А сколько тебе?

Другой голос. Три гривенничка.

Голос Матвея. Ну, приходи завтра.

Другой голос *(после некоторого молчания)*. Слушаю, батюшка.

Ж а з и к о в *(выходя из-за ширм)*. Да; я вижу, мне деньги нужны, просто даже необходимы... Матвей! *(Входит Матвей.)* Ты знаешь, где живет генерал Шенцель?

М а т в е й. Знаю-с.

Ж а з и к о в. Ты ему сейчас отнесешь от меня письмо. Ступай. Я позову тебя. *(Садится за стол и пишет.)* Какие мерзкие перья! Надобно будет в английском магазине купить... *(Читает вслух.)* «Ваше превосходительство, позвольте мне прибегнуть к вам с покорнейшей *(поправляет)*, всепокорнейшей просьбой: не можете ли вы мне дать взаймы на несколько дней триста рублей ассигнациями? Мне чрезвычайно совестно вас беспокоить, но я надеюсь на вашу снисходительность. Я, с своей стороны, буду вам чрезвычайно благодарен и непременно к сроку отдам все деньги сполна. Остаюсь искренно и душевно преданный вам...» Кажется, хорошо? Немножко фамилиарно, да это не беда. Показывает всё-таки самостоятельность некоторую, развязность... Ничего! ведь я не разночинец какой-нибудь, чёрт возьми! я дворянин! Что-то будет?.. Матвей! *(Матвей входит.)* Вот — отнеси. Да, пожалуйста, не мешкай и приходи скорее. Ведь он в двух шагах отсюда живет.

М а т в е й *(уходя)*. Чего мешкать!

Ж а з и к о в. Ну, что-то будет? Мне кажется, он даст. Он хороший человек и меня любит. А я чаю-то до сих пор еще и не пил. Небось простыл. *(Пьет.)* Именно, простыл. Ну, делать нечего. *(После некоторого молчания.)* Надобно бы чем-нибудь однако ж заняться... нет, не могу; подожду Матвея. Что-то он мне принесет? Ну, как он его дома не застанет? Который час? *(Подходит к часам.)* Половина двенадцатого. *(Задумывается.)* Попробовать бы написать что-нибудь. Да что писать? *(Ложится на софу.)* Плохо! *(Вздрагивает.)* Матвей!.. Нет, еще не он. *(Начинает декламировать.)*

Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана...

Да, именно грустно; Пушкин великий поэт. Что это Матвей не идет? *(Задумывается.)* А ведь надобно правду сказать, напрасно я в военную службу не вступил. Во-первых, всё-таки лучше, а во-вторых,— у меня,

я это чувствую, у меня есть способности к тактике — есть... Ну, уж теперь не воротишь! Уж теперь... извини, Тимофей Петрович, не воротишь. *(Входит Матвей. Жазиков бросается головой в подушки, закрывает глаза руками и кричит.)* Ну, я знаю, знаю, знаю... Дома не застал? ну, дома не застал?.. ну, говори скорей.

Матвей. Никак нет-с. Застал.

Жазиков *(поднимая голову)*. А! застал... И ответ получил?

Матвей. Как же-с, получил.

Жазиков *(отворачивая голову и протягивая руку)*. Подай, подай... *(Щупает письмо.)* Эх! что-то нежирно. *(Подносит письмо к зажмуренным глазам.)* Ну! *(Открывает глаза.)* Да это мое письмо!

Матвей. Они в вашем письме изволили приписать.

Жазиков. Ну, понимаю, понимаю! Отказ... Экой журавль проклятый! Я и читать его ответа не могу... *(Бросает письмо.)* Я знаю, что там писано... *(Поднимает письмо.)* Однако всё же лучше прочесть: может быть, он не совсем отказывает... может быть, обещает... *(К Матвею.)* Что, он сам тебе отдал письмо?

Матвей. Никак нет-с, с человеком выслал.

Жазиков. Мм... Ну, прочтем, делать нечего. *(Читает и улыбается иронически.)* Хорош, хорош... «Любезный Тимофей Петрович, никак не могу удовлетворить твою просьбу. Впрочем, пребываю...» Впрочем, пребываешь! Вот оно и благорасположение! Вот они приязненные-то отношения, вот они! *(Бросает письмо.)* Чёрт с ним совсем!

Матвей *(со вздохом)*. Незадачный выдался денек!

Жазиков. Ну, ты будешь рассуждать теперь! Ступай-ка лучше вон. А я работать должен, понимаешь? *(Матвей выходит. Жазиков прохаживается по комнате.)* Скверно, скверно... Что ж делать? *(Усаживается перед столом.)* Надобно приниматься за работу. *(Потягивается, берет французский роман, развертывает наудачу и начинает читать. Входит Матвей.)*

Матвей *(вполголоса)*. Тимофей Петрович...

Жазиков. Ну, что еще?

Матвей *(вполголоса)*. Пришел наумовский человек.

Жазиков *(шёпотом)*. Сидор?

Матвей *(так же)*. Да-с, Сидор.

Жазиков *(так же)*. Зачем же он пришел?

Матвей *(так же)*. Говорит, что, дескать, деньги нужны; барин в деревню едет, его с собой берет, так пришел просить о деньгах-с.

Жазиков *(так же)*. А я ему сколько должен?

Матвей *(так же)*. Да с процентами теперь рублей пятьсот наберется.

Жазиков *(так же)*. Ты ему сказал, что я дома?

Матвей *(так же)*. Никак нет-с.

Жазиков *(так же)*. Ну, хорошо. Только как же я звонка-то не слыхал?

Матвей *(так же)*. Да он-с по черной лестнице прошел.

Жазиков *(шёпотом, но с сердцем)*. А зачем они у тебя по черной лестнице шляются? Зачем задний ход знают! Этак они, пожалуй, меня обокрадут когда-нибудь! Это беспорядок! Я этого не терплю! На то парадная лестница есть...

Матвей *(всё шёпотом)*. Слушаю-с. Я его теперь отошлю-с. Только вот он всё спрашивает-с, когда ему можно будет за деньгами-то зайти-с.

Жазиков *(всё так же)*. Когда... когда... ну, через неделю, что ли...

Матвей *(так же)*. Слушаю-с. Только вы, батюшка Тимофей Петрович, уж ему-то деньжонок-то выдайте, коли случатся.

Жазиков. Да что он тебе — сват, что ли? кум?

Матвей. Кум и есть.

Жазиков. То-то ты за него так и хлопочешь... Ну, ступай, ступай... хорошо; заплачу... ступай. *(Матвей выходит.)* Все они заодно... уж я их знаю... племя такое... *(Опять принимается за французскую книжку и вдруг поднимает голову.)* А его превосходительство-то... а? ожидал я этого! Вот тебе и друг моего отца и старинный сослуживец!.. *(Встает, подходит к зеркалу и поет.)*

Уймитесь, волнения страсти,
Засни, безнадежное сердце...

Однако надо работать. *(Садится опять за стол.)* Да, надобно, надобно. *(Входит Матвей.)* Ты это, Матвей?

Матвей. Я-с.

Жазиков. Что там?

Матвей. Да пришел какой-то собачник; вас спрашивает; говорит, что вы, дескать, третьего дни приказали ему прийти к вам на квартиру.

Жазиков. Ах! точно, точно, точно... Что же, он собаку привел?

Матвей *(грустно)*. Привел-с.

Жазиков. Ах! покажи... Вели ему войти... легавую?.. ах!.. Войди сюда, любезный!

(Входит человек в фризовой шинели, с подвязанной щекой; у него на привязи старая дрянная собака.)

Жазиков *(осматривает собаку в лорнет)*. Как ее зовут?

Человек *(сиплым и глухим голосом)*. Миндор.

(Собака робко взглядывает на своего хозяина и судорожно шевелит куцым хвостом.)

Жазиков. И хорошая собака?

Человек. Важнейшая. Иси, Миндор!

Жазиков. Поноску знает?

Человек. Как не знать! *(Вытаскивает шапку из-под мышки и бросает ее на пол.)* Пиль-апорт! *(Собака приносит ему шапку.)*

Жазиков. Хорошо, хорошо; а в поле какова?

Человек. Первейший сорт... Куш! тибо! эх, ты!

Жазиков. А стара она?

Человек. Третья осень пошла... Куды, куды ты? *(Дергает ее за веревку.)*

Жазиков. Ну, а цена ей какова?

Человек. Пятьдесят рублей; меньше нельзя.

Жазиков. Ну, что за вздор! возьми тридцать.

Человек. Нет, нельзя; я и так дешево запросил.

Жазиков. Ну, десять целковых возьми! *(Лицо Матвея изображает страшную тоску.)*

Человек. Нельзя, барин, никак нельзя.

Жазиков. Ну, так чёрт с тобой... а какой она породы?

Человек. Породы хорошей.

Жазиков. Хорошей?

Человек. Уж мы других собак не держим. Бог с ними совсем!

Жазиков. Будто уж не держите?

Человек. Да что их держать?

Жазиков *(к Матвею)*. А ведь хорошая, кажется, собака? как ты думаешь?

Матвей *(сквозь зубы)*. Хороша.

Жазиков. Ну, хочешь тридцать пять рублей?

Человек. Крайняя цена — сорок рублей; извольте — за сорок рублей отдам.

Жазиков. Нет, нет, ни за что!

Человек. Ну, уж так и быть, возьмите, бог с вами.

Жазиков. Давно бы так. И хорошая собака?

Человек. Да уж такая, батюшка, собака... в целом городе такой не сыщете.

Жазиков *(с некоторым замешательством)*. Вот видишь ли, братец, у меня теперь деньги есть,— да мне они на другую, знаешь, покупку нужны... а ты приходи-ка завтра, так — об эту же пору, понимаешь? — или послезавтра, что ли, только пораньше.

Человек. Да пожалуйте задаточек... я собаку-то у вас оставлю.

Жазиков. Нет, брат, нельзя.

Человек. Целковенький пожалуйте.

Жазиков. Нет, уж я лучше тебе всю сумму сполна выплачу.

Человек *(подходя к двери)*. Послушайте-ка, барин... Дайте мне теперь деньги, я вам ее за тридцать рублей отдам.

Жазиков. Теперь нельзя.

Человек. Ну, беленькую дайте.

Жазиков. Теперь нельзя, любезный мой, совершенно невозможно.

Человек. Двадцать рублей — хотите?

Жазиков. Экой ты человек! говорят, нельзя.

Человек *(уходя)*. Иси, Миндор, иси! *(Ухмыляется горько.)* Видно, у вас, ваше благородие, денег-то и не бывало вовсе... Иси, подлец, иси!

Жазиков. Как ты смеешь?

Человек. А еще к себе зовет!.. иси!

Жазиков. Пошел вон, грубиян! Матвей, гони его! взашей его!

Человек. Ну, ну, потише... я и сам пойду...

Жазиков. Матвей, я тебе приказываю...

Человек *(в передней)*. Сунься-ка, старый хрыч!..

(Матвей выходит вслед за ним.)

Жазиков *(кричит им вслед)*. Гони его, бей в мою голову!!! Вон, пошел вон!.. *(Начинает ходить по комнате.)* Экое грубое животное!.. А собака-то в сущности, кажется, нехороша. Я и рад, что не купил. Но он не груби! он не смей грубить! *(Садится на диван.)* Экой в самом деле денек выдался! Ведь вот ничего еще с утра не сделал... и денег не достал. А деньги нужны мне теперь, очень нужны... Матвей!

Матвей *(входя)*. Чего изволите?

Жазиков. Ты отнесешь от меня письмо к Криницыну.

Матвей. Слушаю-с.

Жазиков. Матвей!

Матвей. Что прикажете-с?

Жазиков. Как ты думаешь, даст он мне денег?

Матвей. Нет, Тимофей Петрович, не даст.

Жазиков. А даст! *(Щелкает языком.)* Вот увидишь, что даст!

Матвей. Не даст, Тимофей Петрович.

Жазиков. Да почему же, почему?

Матвей *(после некоторого молчания)*. Тимофей Петрович, позвольте мне, старому дураку, слово молвить.

Жазиков. Говори.

Матвей *(откашливается)*. Тимофей Петрович! позвольте мне вам доложить: нехорошо, нехорошо то есть вы здесь изволите жить. Вы, батюшка, наш природный господин; вы, батюшка, столбовой помещик; охота же вам проживать в городе — в нужде да в хлопотах. У вас есть, батюшка, родовое именье, вы сами изволите знать; матушка ваша, милостию божией, изволит здравствовать — вот вам бы к ней и поехать на жительство — в свое-то, в родовое поместье-то.

Жазиков. Ты от матушки письмо получил, что ли? С ее слов, видно, поешь?

Матвей. От барыни я письмо действительно получил; удостоился, так сказать; и к ней о вашем здоровье отписывал, как она приказывать изволила, всё в подробности. Доложу вам, Тимофей Петрович, об вас изволит сокрушаться; изволит писать: ты-де мне всё напиши, всё, что оне делают, кого принимают, где бывают, всё, дескать, опиши; изволит мне грозиться, что, дескать, под гнев мой попадешь, и на тебе, дескать, взыщу, коли не опишешь. Ты, говорит, доложи Тимофею Петровичу, что ихняя родительница сокрушаться изволит о нем — так и написано-с: родительница, и, дескать, прибавь, что, дескать, на службе не состоит, а в Питере живет да деньги тратит; на что это похоже? Вот как-с.

Жазиков *(с принужденной улыбкой)*. Ну, а ты что ей написал?

Матвей. Я докладывал барыне, что, дескать, милостию божиею всё обстоит благополучно; а об чем писать оне изволили, всё исполню в точности и Тимофею Петровичу доложу и госпоже донесу. Эх, Тимофей Петрович! Тимофей Петрович! Поехали бы вы, кормилец, в Сычовку, зажили бы вы себе барином, завелись бы домком, хозяюшкой... Что вы здесь живете, батюшка мой? Здесь-то вы от каждого звоночка, словно зайчик, сигаете, да и денежек-то у вас не водится, да и кушаете вы не в меру.

Жазиков. Нет, в деревне скучно; соседи все такие необразованные... а барышни только что глаза пучат да потеют от страха, когда с ними заговоришь...

Матвей. Эх, Тимофей Петрович! да здешние-то что? Да и что за господа-то к вам ходят? Ведь, ей-богу, не на что взглянуть. Народ маленький, плюгавенький, больной, кашляют, прости господи, словно овцы. А у нас-то, у нас-то! Да и теперь, правду сказать, не то, что прежде. Нет-с! Дедушка-то ваш, вечная ему память, Тимофей Лукич, ведь с косую сажень был ростом! как изволит осерчать, бывало, да как крикнет зычным голосом — так от него, голубчика, рад в землю уйти! Вот был барин, так барин! Уж зато, коли ты ему полюбился али так, час добрый на него найдет, так

уж награждает тебя, награждает, ажно тошно становится. А хозяюшка его, старая-то барыня наша,— уж какая была добрая! В рот чтоб этак до обеда — и ни-ни.

Жазиков. А я всё-таки в деревню не поеду, я там от скуки с ума сойду.

Матвей. Да с деньгами будете, батюшка вы мой, Тимофей Петрович! А здесь вот, например, хоть бы я, холоп ваш, разумеется, мне что! А всё же обидно. Ну, вот извольте посмотреть *(распахивает полы кафтана)*: ведь только слава что штаны. А в деревне-то благодать! Хоромы теплые, почивай себе хоть целый день, кушай вволю... а я здесь, доложу вам, то есть ни разу до сытости не наедался. Ну, а охота-то, батюшка, охота-то за зайцами да за красным зверем? Да и матушку вашу, Василису Сергеевну, успокоить на старости лет нехудо.

Жазиков. Что же, я, пожалуй, в деревню бы и поехал. Да вот беда: не выпустят оттуда. Просто нельзя будет оттуда вырваться. Да еще и женят, пожалуй, чего доброго!

Матвей. И с богом, батюшка, коли женят! Дело христианское.

Жазиков. Нет, уж этого ты не говори; вот уж этого ты не говори.

Матвей. Воля ваша, конечно. Ну, например, здесь, Тимофей Петрович, опять-таки скажу, здесь у меня душа не на месте. Ну, сохрани бог, украдут что-нибудь у нас — пропал я! и поделом пропал: зачем не уберег барского добра. А как его уберечь? Оно, конечно, мое дело холопское; никуда не отлучаюсь... сижу себе в передней с утра до ночи... а всё же не то, что в деревне; всё душа не покойна. Так иногда даже дрожь пронимает; сидишь и трясешься, только богу молишься. Днем-то и соснуть порядком не приходится! Да и что за люди здесь? Подобострастья никакого; страху нет; наш же брат, холоп, а куды-те! Идет себе да поглядывает, словно невиноватый! Вор на воре — мошенник на мошеннике! Иного, кажется, прости господи, и сроду-то никто не учил! Что тут за жизнь, Тимофей Петрович, помилуйте! То ли дело в деревне? уваженье какое! почет, тишина! Милостивец вы наш, кормилец вы наш, послушайтесь меня, старого дура-

ка! Я и дедушке вашему служил, и батюшке вашему, и матушке; чего-чего на веку своем не видал: тальянцев видал, и немцев, и французов из Одести — всех видал! Везде бывал! А уж лучше своей деревни нигде не видал! Эй, послушайтесь меня, старика! *(Раздается звонок.)* Ведь вот, Тимофей Петрович, вот вы опять и дрогнули... вот.

Жазиков. Ну, пошел, пошел, отворяй... *(Матвей выходит, Жазиков остается неподвижным, но за ширмы не уходит.)*

Голос. Monsieur Jazikoff?

Матвей *(за сценой)*. Кого тебе?

Голос. Monsieur Jazikoff?

Матвей *(за сценой)*. Нет его дома.

Голос *(с удивлением)*. Niet? Comment niet? Sacredieu! [1]

Матвей *(за сценой)*. Да кто ты такой?

Голос. Voila ma carte, voila ma carte.[2]

Матвей *(за сценой)*. Ну, защебетала сорока проклятая... *(Дверь запирается. Матвей входит и подносит Жазикову карточку.)*

Жазиков *(не смотря на нее)*. Я знаю, знаю, кто это был... Живописец, француз... я же ему приказал прийти сегодня для моего портрета... Впрочем, всё равно, не беда; однако ж надобно написать к Криницыну; плохо приходится. *(Садится за стол и пишет; потом встает, подходит к окну и читает вполголоса.)* «Любезный Федя, выручи друга из беды, не дай ему погибнуть в цвете лет, пришли 250 руб., асс., или же 200. Деньги ты можешь вручить посланному. А я, брат, буду тебе благодарен до гробовой доски. Пожалуйста, Федя, не откажи. Будь отцом и благодетелем. Твой и проч.» Кажется, хорошо? Ну, вот тебе, Матвей, письмо. Ступай на извозчике. *(Видя, что Матвей хочет возражать.)* Да вот, на том извозчике, которому я уже кстати должен. Он знакомый — в долг свезет. Так, пожалуйста, отдай письмо и проси ответа,— слышишь, непременно ответа проси!

Матвей. Слушаю.

Жазиков. Ну, ступай, Матвей! дай бог тебе

---

[1] Нет? Как нет? Проклятье! *(Франц.)*

[2] Вот моя карточка, вот моя карточка. *(Франц.)*

счастья и удачи. Ступай. *(Матвей удаляется.)* А ведь, чёрт возьми, как порассудить хорошенько,— Матвей-то, выходит, прав: мне нравятся его простые, но дельные возражения: именно в деревне лучше. Особенно летом. Притом я люблю русскую природу. Ну, на зиму можно опять приехать в Петербург. Правда, соседи у нас большею частию люди необразованные; но добрые и умные люди между ними есть. С иным даже приятно разговаривать. Этак незаметно его развиваешь, направляешь... ничего! так что даже можно пользу приносить. Ну, а насчет девушек — известное дело: всякая девушка мягкий воск, лепи из нее что хочешь. *(Расхаживает по комнате.)* Одно в деревне, признаться, нехорошо... Бедность там какую-нибудь видеть, притеснение... с моими идеями неприятно; действительно, неприятно. Ну, а зато верховая езда, охота, много удовольствий, признаться... *(Задумывается.)* Надобно будет, однако, себе платья заказать... галстуков накупить... надобно распорядиться. Охотничью курточку сшить. А напрасно я сегодня собаку не купил. Кстати бы пришлось. Ну, да я достану другую. Книг можно с собой взять побольше; самому писать что-нибудь такое новое, такое, что никому еще в голову не приходило... Всё это довольно приятно. Зимою я бы не хотел остаться в деревне; но кто ж мне приказывает жить в деревне зимой? Прав, прав Матвей... не надобно пренебрегать старыми людьми. Они иногда... да, именно! Ну, с другой стороны, и с матерью повидаться тоже ведь надобно. Она, пожалуй, мне и денег даст. Поломается, а даст. Да, еду в деревню. *(Подходит к окну.)* А как мне будет расстаться с Петербургом? Прощай, Петербург; прощай, столица! Прощай, прощай и ты, Веринька! Вот уж никак не ожидал я такой скорой разлуки! *(Вздыхает.)* Много-много я здесь оставляю такого... *(Опять вздыхает.)* И долги свои все выплачу. Поеду! Непременно, непременно еду!.. *(Раздается звонок.)* Фу, чёрт возьми! опять Матвея нет! Где он пропадает? *(Звонок.)* А! кажется, это не должник, не так звонит что-то, да и притом уже время не то! *(Звонок.)* Пойду отворю... Ну, смелей! что за вздор! ведь я в деревню еду. *(Идет в переднюю; слышны лобызанья и восклицанья.)* Василий Васильевич! это вы? какими судьбами? *(Медвежий голос отвечает: «Я... я»)*. Сними-

те шубу, да пожалуйте в комнату. *(Входит Жазиков и Василий Васильевич Блинов, степной помещик, с огромными крашеными усами и пухлым лицом.)*

Жазиков *(с приятнейшей улыбкой)*. Давно ли к нам пожаловали, любезнейший Василий Васильевич? Как я рад! как я рад!.. Садитесь, садитесь...Вот здесь, на этом кресле, здесь вам будет удобнее. Ах, боже мой, как я рад! глазам не верю!

Блинов *(садится)*. Дай отдышаться. *(Обтирает пот с лица.)* Ну, высоко же ты живешь... Фу!

Жазиков. Отдохните, Василий Васильевич, отдохните... Ах, боже мой, как я рад! как я вам благодарен; где вы изволили остановиться?

Блинов. В «Лондоне».

Жазиков. А давно ли приехать изволили?

Блинов. Вчера в ночь. Ну, дорога! Ухабищи здоровенные такие, что только держись...

Жазиков. Напрасно вы беспокоились, Василий Васильевич; напрасно выехали сегодня... Вам бы следовало отдохнуть с дороги... прислали бы ко мне...

Блинов. Э! вздор! что я за баба. *(Оглядывается и опирается кулаками в колени.)* А тесненько ты живешь. Старуха твоя тебе кланяется; говорит, что ты, дескать, забыл ее; ну, да она баба,— чай, врет.

Жазиков. Так матушка здорова?

Блинов. Ничего... живет.

Жазиков. Ну, а ваши как?

Блинов. И они ничего.

Жазиков. Надолго вы к нам пожаловали?

Блинов. А чёрт знает! я по делу.

Жазиков *(с соболезнованием)*. По делу?

Блинов. А то какой бы дьявол меня сюда притащил? Мне и дома хорошо. Да вот проклятый завелся сосед — в тяжбу втянул меня, проклятый...

Жазиков. Неужели?

Блинов. Втянул, проклятый; да уж я ж ему... проклятому! Ведь ты служишь, а?

Жазиков. Теперь не служу, но...

Блинов. Тем лучше. Помогать мне будешь, бумаги переписывать, просьбы подавать, ездить...

Жазиков. Я за особенное счастие почту, Василий Васильевич...

Б л и н о в. Ну, конечно... конечно. *(Останавливается и глядит прямо в глаза Жазикову.)* А дай-ка ты мне водки,— я что-то прозяб.

Ж а з и к о в *(суетясь)*. Водки... Ах, какая досада! водки-то у меня нет, а и человека я услал... ах!

Б л и н о в. Водки у тебя нет? Ну, ты не в отца. *(Видя, что Жазиков продолжает суетиться.)* Да не нужно... обойдусь и так.

Ж а з и к о в. Человек сейчас вернется...

Б л и н о в. Такой завелся проклятый сосед... отставной майор какой-то... говорит мне: межа! межевых признаков не оказывается. Какие тут признаки, говорю я, что за признаки? *(Жазиков слушает с подобострастным вниманием.)* Владение мое — ведь мое владенье? ведь мое? а он-то, проклятый, своих-то, своих-то и высылает и высылает. Ну, мой староста, разумеется, за свое,— господское, говорит, не тронь. А они его и того, да ведь как! А? расправляться? Сами расправляться вздумали? Запахивать? Да еще и драться? Нет, мол, врете! Я, знаешь, сам и нагрянул! Ну, они сперва того, знаешь, на попятный двор. Только смотрю: едет верхом да в шапке приказчик,— говорит: не извольте, того, забижать; я его, того, в зубы. Те за того, те за того, и пошли и пошли. А сосед-то, проклятый, в суд, да просьбу. Побои, говорит, учинил, да и землю заграбил.— Ах, он проклятый! заграбил — а? свое добро заграбил? Каково? Наехали голубчики; ну, того, понятые, туда-сюда — заварил кашу, проклятый! Он жалобу, и я жалобу; вышла резолюция, и в мою пользу, кажись, вышла; да Пафнутьев, подлец, подгадил. Я, того, бух просьбу в губернское; а он, проклятый, в кибитку, да сюда и прикатил. Нет, брат, того, врешь, я и сам не промах, взял да поехал. Ведь этакой проклятый сосед завелся!

Ж а з и к о в. Скажите! какая неприятность!

Б л и н о в. Уж такая задача вышла. Ну, а ты что? здоров?

Ж а з и к о в. Слава богу, Василий Васильевич, слава богу, не могу пожаловаться.

Б л и н о в. А в театр ездишь?

Ж а з и к о в. Езжу, как же. Довольно часто.

Б л и н о в. Слышь, отвези-ко меня в театр!

Ж а з и к о в. С большим удовольствием, Василий Васильевич, с особым удовольствием.

Б л и н о в. Трагедью, того, мне трагедью подавай. Да, знаешь, русскую какую-нибудь, покрутей, знаешь, покрутей.

Ж а з и к о в. Извольте, Василий Васильевич, с удовольствием.

Б л и н о в. А где ты сегодня обедаешь?

Ж а з и к о в. Я, дядюшка? где вам угодно.

Б л и н о в. Повези-ка ты меня в трактир, да в хороший, знаешь. Я, брат, люблю того... *(Смеется.)* Да нет ли чего закусить у тебя? а?

Ж а з и к о в. Я, право, в отчаянии...

Б л и н о в *(пристально взглянув на него)*. Послушай-ка, Тимоша...

Ж а з и к о в. Что прикажете?

Б л и н о в. Есть у тебя деньги?

Ж а з и к о в. Есть, есть... деньги у меня есть.

Б л и н о в. Ну, а я думал, что ты — того. Как же это у тебя и закусить-то нечего? а?

Ж а з и к о в. Так, как-то не случилось, да притом и человека дома нету... понять не могу, куда он девался!

Б л и н о в. Придет... А ты скоро обедаешь, что ли?

Ж а з и к о в. А что-с?

Б л и н о в. Да меня, того, порядком разбирает. Так ты трагедью-то мне покажи. Ка́ратыгина мне покажи, слышишь?

Ж а з и к о в. Непременно-с.

Б л и н о в. Ну, что ж? одевайся,— пойдем обедать.

Ж а з и к о в. Извольте, Василий Васильевич, сейчас.

Б л и н о в. Тимоша! а Тимоша!

Ж а з и к о в. Что прикажете?

Б л и н о в. У вас тут, говорят, мамзели сто́я на лошадях ездят... правда?

Ж а з и к о в. А!.. Это в цирке... как же, ездят.

Б л и н о в. Так-таки и ездят? и хорошенькие?

Ж а з и к о в. Да, хорошенькие.

Б л и н о в. Чай, толстые?

Ж а з и к о в. Ну, не очень.

Б л и н о в. Будто? А всё-таки покажи мне их.

Жазиков. Извольте, извольте-с... *(Раздается звонок.)*

Блиин ов. Это что?

Жазиков *(с замешательством)*. Это ко мне... *(Идет в переднюю и отворяет дверь; слышен его голос: «А, войдите»).*

(Входит человек со свитком в руке.)

Жазиков. Что, вы из литографии, кажется?

Человек. Точно так-с; принес картины-с.

Жазиков. Какие картины?

Человек. А которые вы изволили вчера отобрать.

Жазиков. Ах, да! а счет принесли?

Человек. Принес.

Жазиков *(берет счет и отходит к окну)*. Сейчас... сейчас...

Блинов *(человеку)*. Ты, братец, здешний?

Человек *(с некоторым удивлением)*. Здешний-с.

Блинов. Чьих господ?

Человек. Господина Куроплехина.

Блинов. На оброке?

Человек. Точно так-с.

Блинов. А что платишь в год?

Человек. Сто рублев...

Блинов. Что ж? по пачпорту проживаешь?

Человек. По пачпорту-с.

Блинов. По годовому?

Человек. Точно так-с.

Блинов. Ну, и живешь?

Человек. Живу-с, помаленьку-с.

Блинов. Оно, брат, и лучше помаленьку.

Человек *(сквозь зубы)*. Известно-с.

Блинов. А как тебя зовут?

Человек. Кузьмой.

Блинов. Гм...

Жазиков *(подходя к Блинову)*. Любезный Василий Васильевич, поверите ли, мне чрезвычайно совестно... даже неловко утруждать вас... но... не можете ли вы мне дать рублей, этак, двадцать взаймы, дня на два, не больше...

Блинов. А как же ты говорил, что у тебя деньги есть?

Жазиков. То есть у меня деньги точно есть; коли хотите, у меня есть... да мне ведь приходится платить за квартиру, так, знаете ли...

Блинов. Изволь, дам. *(Вынимает засаленный бумажник.)* Сколько тебе, сотнягу, что ли? или две?

Жазиков. Мне, по-настоящему, всего нужно теперь двадцать рублей; но коли вы уж так добры, так пожалуйте мне сто десять или сто пятнадцать рублей ассигнациями.

Блинов. На тебе двести...

Жазиков. Очень, очень вам благодарен... и завтра же вам всю сумму сполна возвращу или послезавтра, никак не позже... *(Обращаясь к человеку.)* Вот тебе, любезный. Я к вам опять зайду сегодня, что-нибудь еще выберу.

Человек. Покорно благодарим-с. *(Уходит.)*

Блинов. Ну, пойдем же обедать.

Жазиков. Пойдемте, дядюшка, пойдемте. Я поведу вас к Сен-Жоржу и таким шампанским угощу...

Блинов. А у этого Жоржа есть орган?

Жазиков. Нет, органа нету.

Блинов. Ну, так бог с ним! поведи меня в трактир с органом.

Жазиков. Очень хорошо-с. *(Входит Матвей.)* А, вернулся! Ну, что, застал?

Матвей. Застал-с и ответ получил-с.

Жазиков *(берет записку и небрежно пробегает ее)*. Ну, так и есть!

Матвей *(Блинову)*. Здравствуйте, батюшка Василий Васильевич, пожалуйте ручку-с.

Блинов *(дает ему руку)*. Здравствуй, брат.

Матвей *(кланяется)*. Как поживать изволите, батюшка?

Блинов. Хорошо.

Матвей. Ну, и слава тебе господи!

Жазиков *(бросает записку на пол)*. Дрянь народ! Матвей! одеваться.

Матвей. Лакатированные сапоги изволите надеть?

Жазиков. Всё равно...

Блинов. Да разве ты не одет? Напяль только кафтан.

Жазиков. И в самом деле! Едем-с.

Блинов. Едем. А трагедью-то ты мне покажи, и мамзелек...

Матвей *(тихо на ухо Жазикову)*. Что ж, батюшка, в деревню-то когда?

Жазиков *(уходя с Блиновым)*. С чего это ты вздумал? Чёрт бы побрал твою деревню... *(Уходят.)*

Матвей *(со вздохом)*. Эх, плохо! *(Глядя вслед Блинову, вздыхает.)* Прошло ты, золотое времечко! перевелось ты, дворянское племечко! *(Уходит в переднюю.)*

ГДЕ ТОНКО, ТАМ И РВЕТСЯ

КОМЕДИЯ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

(1847)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Анна Васильевна Либанова, помещица, 40 лет.
Вера Николаевна, ее дочь, 19 лет.
M-lle Bienaimé, компаньонка и гувернантка, 42 лет.
Варвара Ивановна Морозова, родственница Либановой, 45 лет.
Владимир Петрович Станицын, сосед, 28 лет.
Евгений Андреич Горский, сосед, 26 лет.
Иван Павлыч Мухин, сосед, 30 лет.
Капитан Чуханов, 50 лет.
Дворецкий.
Слуга.

Действие происходит в деревне г-жи Либановой.

Театр представляет залу богатого помещичьего дома; прямо — дверь в столовую, направо в гостиную, налево стеклянная дверь в сад. По стенам висят портреты; на авансцене стол, покрытый журналами; фортепьяно, несколько кресел; немного позади китайский бильярд; в углу большие стенные часы.

Горский *(входит)*. Никого нет? тем лучше... Который-то час?.. Половина десятого. *(Подумав немного.)* Сегодня — решительный день... Да... да... *(Подходит к столу, берет журнал и садится.)* «Le Journal des Débats» от 3 апреля нового стиля, а мы в июле... гм... Посмотрим, какие новости... *(Начинает читать. Из столовой выходит Мухин. Горский поспешно оглядывается.)* Ба, ба, ба... Мухин! какими судьбами? когда ты приехал?

Мухин. Сегодня ночью, а выехал из города вчера в шесть часов вечера. Ямщик мой сбился с дороги.

Горский. Я и не знал, что ты знаком с madame de Libanoff.

Мухин. Я и то здесь в первый раз. Меня представили madame de Libanoff, как ты говоришь, на бале у губернатора; я танцевал с ее дочерью и удостоился приглашения. *(Оглядывается.)* А дом у нее хорош!

Горский. Еще бы! первый дом в губернии. *(Показывает ему «Journal des Débats».)* Посмотри, «мы получаем „Телеграф“». Шутки в сторону, здесь хорошо живется... Приятное такое смешение русской деревенской жизни с французской vie de château [1]. Ты увидишь. Хозяйка... ну, вдова, и богатая... а дочь...

Мухин *(перебивая Горского)*. Дочь премиленькая...

Горский. А! *(Помолчав немного.)* Да.

---

[1] жизнью в загородном замке *(франц.)*.

Мухин. Как её зовут?

Горский *(с торжественностью)*. Ее зовут Верой Николаевной... За ней превосходное приданое.

Мухин. Ну, это-то мне всё равно. Ты знаешь, я не жених.

Горский. Ты не жених, а *(оглядывая его с ног до головы)* одет женихом.

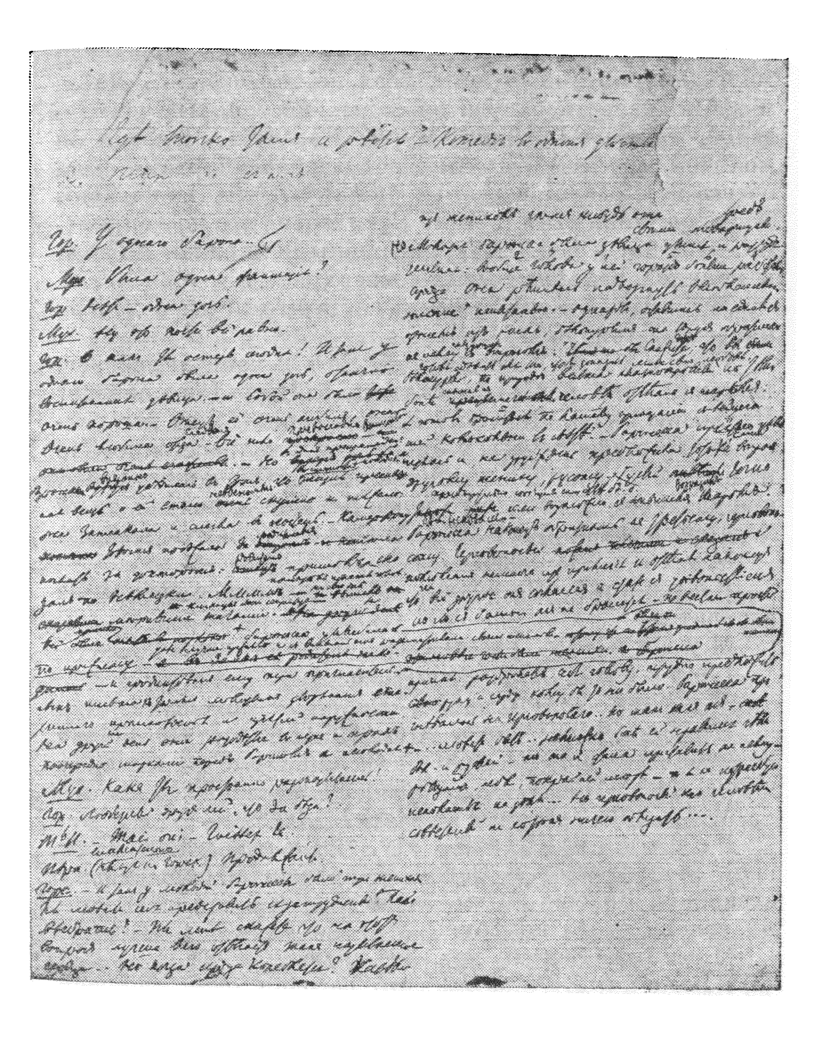
Мухин. Да ты уж не ревнуешь ли?

Горский. Вот тебе на! Сядем-ка лучше да поболтаем, пока дамы не сошли сверху к чаю.

Мухин. Сесть я готов *(садится)*, а болтать буду после... Расскажи-ка ты мне в нескольких словах, чтó это за дом, чтó за люди... Ты ведь здесь старый жилец.

Горский. Да, моя покойница мать целых двадцать лет сряду терпеть не могла госпожи Либановой... Мы давно знакомы. Я и в Петербурге у ней бывал и за границей сталкивался с нею. Так ты хочешь знать, что это за люди,— изволь. Madame de Libanoff (у ней так на визитных карточках написано, с прибавлением — née Salotopine [1])... Madame de Libanoff женщина добрая, сама живет и жить дает другим. Она не принадлежит к высшему обществу, но в Петербурге ее не совсем не знают; генерал Монплезир проездом у ней останавливается. Муж ее рано умер; а то бы она вышла в люди. Держит она себя хорошо; сентиментальна немножко, избалована; гостей принимает не то небрежно, не то ласково; настоящего, знаешь, *шика* нету... Но хоть за то спасибо, что не тревожится, не говорит в нос и не сплетничает. Дом в порядке держит и именьем сама управляет... Административная голова! У ней родственница проживает — Морозова, Варвара Ивановна, приличная дама, тоже вдова, только бедная. Я подозреваю, что она зла, как моська, и знаю наверное, что она благодетельницы своей терпеть не может... Но мало ли чего нет! Гувернантка-француженка в доме водится, разливает чай, вздыхает по Парижу и любит le petit mot pour rire [2], томно подкатывает глазки... землемеры и архитекторы за ней волочатся; но так как она в карты не играет, а преферанс только втроем хорош, то и держится для этого на подножном корму разорившийся

[1] урожденная Салотопина *(франц.)*.
[2] остроумное словцо *(франц.)*.

«ГДЕ ТОНКО, ТАМ И РВЕТСЯ». ПЕРВЫЙ ЛИСТ ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ, 1848 г.

Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

капитан в отставке, некто Чуханов, с виду усач и рубака, а на деле низкопоклонник и льстец. Все эти особы уж так из дому и не выезжают; но у госпожи Либановой много других приятелей... всех не перечтешь... Да! я и забыл назвать одного из самых постоянных посетителей, доктора Гутмана, Карла Карлыча. Человек он молодой, красивый, с шелковистыми бакенбардами, дела своего не смыслит вовсе, но ручки у Анны Васильевны целует с умиленьем... Анне Васильевне это не неприятно, и ручки у ней недурны; жирны немножко, а белы, и кончики пальцев загнуты кверху...

Мухин *(с нетерпеньем)*. Да что ж ты о дочери ничего не говоришь?

Горский. А вот постой. Ее я к концу приберег. Впрочем, что мне тебе сказать о Вере Николаевне? Право, не знаю. Девушку в восемнадцать лет кто разберет? Она еще сама вся бродит, как молодое вино. Но из нее может славная женщина выйти. Она тонка, умна, с характером; и сердце-то у ней нежное, и пожить-то ей хочется, и эгоист она большой. Она скоро замуж выйдет.

Мухин. За кого?

Горский. Не знаю... А только она в девках не засидится.

Мухин. Ну, разумеется, богатая невеста...

Горский. Нет, не оттого.

Мухин. Отчего же?

Горский. Оттого, что она поняла, что жизнь женщины начинается только со дня свадьбы; а ей хочется жить. Послушай... который теперь час?

Мухин *(поглядев на часы)*. Десять...

Горский. Десять... Ну, так я еще успею. Слушай. Между мной и Верой Николаевной борьба идет страшная. Знаешь ли ты, зачем я прискакал сюда сломя голову вчера поутру?

Мухин. Зачем? нет, не знаю.

Горский. А затем, что сегодня один молодой человек, тебе знакомый, намерен просить ее руки.

Мухин. Кто это?

Горский. Станицын.

Мухин. Владимир Станицын?

Горский. Владимир Петрович Станицын, отставной гвардии поручик, большой мой приятель, впрочем добрейший малый. И вот что посуди: я же сам

его ввел в здешний дом. Да что ввел! я его именно затем и ввел, чтобы он женился на Вере Николаевне. Он человек добрый, скромный, недалекого ума, ленивый, домосед: лучшего мужа и требовать нельзя. И она это понимает. А я, как старинный друг, желаю ей добра.

Мухин. Так ты сюда прискакал для того, чтобы быть свидетелем счастия твоего protégé?

Горский. Напротив, я приехал сюда для того, чтобы расстроить этот брак.

Мухин. Я тебя не понимаю.

Горский. Гм... а, кажется, дело ясно.

Мухин. Ты сам на ней жениться хочешь, что ли?

Горский. Нет, не хочу; да и не хочу тоже, чтоб она вышла замуж.

Мухин. Ты в нее влюблен.

Горский. Не думаю.

Мухин. Ты в нее влюблен, друг мой, и боишься проболтаться.

Горский. Что за вздор! Да я готов всё тебе рассказать...

Мухин. Ну, так ты сватаешься...

Горский. Да нет же! Во всяком случае, я жениться на ней не намерен.

Мухин. Ты скромен — нечего сказать.

Горский. Нет, послушай; я говорю с тобой теперь откровенно. Дело вот в чем. Я знаю, знаю наверное, что если б я попросил ее руки, она бы предпочла меня общему нашему другу, Владимиру Петровичу. Что же касается до матушки, то мы оба со Станицыным в ее глазах приличные женихи... Она не будет прекословить. Вера думает, что я в нее влюблен, и знает, что я боюсь брака пуще огня... ей хочется победить во мне эту робость... вот она и ждет... Но долго ждать она не будет. И не оттого, чтобы она боялась потерять Станицына; этот бедный юноша горит и тает, как свечка... но другая есть причина, почему она больше ждать не будет! Она начинает меня пронюхивать, разбойница! подозревать меня начинает! Она, правду сказать, меня слишком к стене прижать боится, да, с другой стороны, желает, наконец, узнать, что́ же я... какие мои намерения. Вот оттого-то между нами борьба и кипит. Но, я чувствую, нынешний день — решительный. Выскользнет эта змея у меня из рук или меня задушит самого.

Впрочем, я еще не теряю надежды... Авось и в Сциллу не попаду и Харибду миную! Одна беда: Станицын до того влюблен, что и ревновать и сердиться неспособен. Так и ходит с разинутым ртом и сладкими глазами. Смешон он ужасно, да одними насмешками теперь не возьмешь... Надо быть нежным. Уж я и начал вчера. И не принуждал себя, вот что удивительно. Я самого себя перестаю понимать, ей-богу.

Мухин. Как же это ты начал?

Горский. А вот как. Я уже тебе сказал, что я приехал вчера довольно рано. Третьего дня вечером я узнал о намерении Станицына... Каким образом, об этом распространяться нечего... Станицын доверчив и болтлив. Я не знаю, предчувствует ли Вера Николаевна предложение своего обожателя — от нее это станется,— только она вчера как-то особенно за мной наблюдала. Ты не можешь себе представить, как трудно, даже привычному человеку, сносить проницательный взгляд этих молодых, но умных глаз, особенно когда она их немного прищурит. Вероятно, ее также поразила перемена моего обращения с нею. Я слыву за человека насмешливого и холодного, и очень этому рад: с такой репутацией легко жить... но вчера мне пришлось прикинуться озабоченным и нежным. К чему лгать? Я действительно чувствовал небольшое волнение, и сердце охотно смягчалось. Ты меня знаешь, друг мой Мухин: ты знаешь, что я в самые великолепные мгновенья человеческой жизни не в состоянии перестать наблюдать... а Вера представляла вчера зрелище пленительное для нашего брата наблюдателя. Она и отдавалась увлеченью, если не любви — я не достоин такой чести,— по крайней мере любопытства, и боялась, и не доверяла себе, и сама себя не понимала... Всё это так мило отражалось на ее свежем личике. Я целый день не отходил от нее и к вечеру почувствовал, что начинаю терять власть над самим собою... О, Мухин, Мухин! продолжительная близость молодых плечей, молодого дыханья — преопасная вещь! Вечером мы пошли в сад. Погода была удивительная... тишина в воздухе невыразимая... Mademoiselle Bienaimé вышла на балкон со свечкой: и пламя не шевелилось. Мы долго гуляли вдвоем, в виду дома, по мягкому песку дорожки, вдоль пруда. И в воде и на небе тихонько мерцали звезды... Снисхо-

дительная, но осторожная mademoiselle Bienaimé с высоты балкона следила за нами взором... Я предложил Вере Николаевне сесть в лодку. Она согласилась. Я начал грести и тихонько доплыл до середины неширокого пруда... «Ou allez vous donc?» [1]— раздался голос француженки. «Nulle part» [2],— отвечал я громко и положил весло. «Nulle part,— прибавил я вполголоса...— Nous sommes trop bien ici».[3] Вера потупилась, улыбнулась и начала кончиком зонтика чертить по воде... Милая, задумчивая улыбка округляла ее младенческие щеки... она собиралась говорить и только вздыхала, да так весело, вот как дети вздыхают. Ну, что́ мне тебе еще сказать? Я послал к чёрту все свои предосторожности, намерения и наблюдения, был счастлив и был глуп, читал ей наизусть стихи... ей-богу... ты не веришь? ну, ей-богу же, читал, и еще дрожащим голосом... За ужином я сидел подле нее... Да... это всё хорошо... Дела мои в отличном положении, и если б я хотел жениться... Но вот в чем беда. Ее не обманешь... нет. Иные говорят, женщины отлично на шпагах дерутся. И у ней не выбьешь шпаги из рук. Впрочем, посмотрим сегодня... Во всяком случае, я удивительный вечер провел... А ты что-то задумался, Иван Павлыч?

Мухин. Я? я думаю, что если ты не влюблен в Веру Николаевну, так ты либо чудак большой, либо невыносимый эгоист.

Горский. Может быть, может быть; да и кто... Тс! идут... Aux armes! [4] я надеюсь на твою скромность.

Мухин. О! Разумеется.

Горский *(глянув в дверь гостиной)*. А! Mademoiselle Bienaimé... Всегда первая... поневоле... Ее чай ждет. *(Входит m-lle Bienaimé. Мухин встает и кланяется. Горский подходит к ней.)* Mademoiselle, j'ai l'honneur de vous saluer.[5]

M-lle Bienaimé *(пробираясь в столовую и исподлобья поглядывая на Горского)*. Bien le bonjour, monsieur.[6]

---

[1] «Куда же вы?» *(Франц.)*
[2] «Никуда» *(франц.)*.
[3] «Нам и здесь хорошо.» *(Франц.)*
[4] К оружию! *(Франц.)*
[5] Мадемуазель, имею честь приветствовать вас. *(Франц.)*
[6] Добрый день, сударь. *(Франц.)*

Горский. Toujours fraîche comme une rose.[1]

M-lle Bienaimé *(с ужимкой)*. Et vous toujours galant. Venez, j'ai quelque chose à vous dire.[2] *(Уходит с Горским в столовую.)*

Мухин *(один)*. Что за чудак этот Горский! И кто его просил меня выбрать в поверенные? *(Прохаживается.)* Ну, за делом я приезжал... Если б можно было...

(Стеклянная дверь в сад быстро растворяется. Входит Вера в белом платье. У ней в руках свежая роза. Мухин оглядывается и кланяется с замешательством; Вера останавливается в недоумении.)

Мухин. Вы... вы не узнаёте меня... я...

Вера. Ах! Monsieur... Monsieur... Мухин; я никак не ожидала... когда вы приехали?

Мухин. Сегодня ночью... Вообразите, мой ямщик...

Вера *(перебивая его)*. Маменька очень будет рада. Надеюсь, что вы у нас погостите... *(Оглядывается.)*

Мухин. Вы, может быть, ищете Горского... Он сейчас вышел.

Вера. Почему вы думаете, что я ищу г. Горского?

Мухин *(не без замешательства)*. Я... я думал...

Вера. Вы с ним знакомы?

Мухин. Давно; мы с ним вместе служили.

Вера *(подходит к окну)*. Какая сегодня прекрасная погода!

Мухин. Вы уже гуляли в саду?

Вера. Да... я рано встала... *(Глядит на край своего платья и на ботинки.)* Такая роса...

Мухин *(с улыбкой)*. И роза ваша, посмотрите, вся в росе...

Вера *(глядит на нее)*. Да...

Мухин. Позвольте спросить... вы для кого ее сорвали?

Вера. Как для кого? для себя.

Мухин *(значительно)*. А!

Горский *(выходя из столовой)*. Хочешь чаю, Мухин? *(Увидя Веру.)* Здравствуйте, Вера Николаевна!

---

[1] Всегда свежа и как роза. *(Франц.)*

[2] А вы всегда любезны. Идемте, мне нужно кое-что вам сказать. *(Франц.)*

Вера. Здравствуйте.

Мухин *(поспешно и с притворным равнодушием к Горскому)*. А чай разве готов? Ну, так я пойду. *(Уходит в столовую.)*

Горский. Вера Николаевна, дайте ж мне вашу руку... *(Она молча подает ему руку.)* Что с вами?

Вера. Скажите мне, Евгений Андреич, ваш новый приятель, monsieur Мухин,— глуп?

Горский *(с недоумением)*. Не знаю... говорят, не глуп. Но что за вопрос...

Вера. Вы с ним большие приятели?

Горский. Я с ним знаком... но что ж... разве он вам что-нибудь сказал?

Вера *(поспешно)*. Ничего... Ничего... я так... Какое чудесное утро!

Горский *(указывая на розу)*. Я вижу, вы уже гуляли сегодня.

Вера. Да... Monsieur... Мухин меня уже спрашивал, кому я сорвала эту розу.

Горский. Что ж вы ему отвечали?

Вера. Я ему отвечала, что для себя.

Горский. И в самом деле вы ее для себя сорвали?

Вера. Нет, для вас. Вы видите, я откровенна.

Горский. Так дайте ж мне ее.

Вера. Теперь я не могу: я принуждена заткнуть ее себе за пояс или подарить ее mademoiselle Bienaimé. Как это весело! И поделом. Зачем вы не первый сошли вниз.

Горский. Да я и так прежде всех был здесь.

Вера. Так зачем я вас не первого встретила.

Горский. Этот несносный Мухин...

Вера *(поглядев на него сбоку)*. Горский! вы со мной хитрите.

Горский. Как...

Вера. Ну, это я вам после докажу... А теперь пойдемте чай пить.

Горский *(удерживая ее)*. Вера Николаевна! послушайте, вы меня знаете. Я человек недоверчивый, странный; с виду я насмешлив и развязен, а на самом деле я просто робок.

Вера. Вы?

Горский. Я. Притом всё, что со мной происходит, так для меня ново... Вы говорите, я хитрю... Будьте снисходительны со мной... войдите в мое положение. *(Вера молча поднимает глаза и пристально смотрит на него.)* Я вас уверяю, мне еще никогда не случалось говорить... ни с кем так, как я с вами говорю... оттого мне бывает трудно... Ну да, я привык притворяться... Но не глядите так на меня... Ей-богу, я заслуживаю поощренья.

Вера. Горский! меня легко обмануть... Я выросла в деревне и мало видела людей... меня легко обмануть; да к чему? Славы вам большой от этого не будет... А играть со мною... Нет, я этому не хочу верить... Я этого не заслуживаю, да и вы не захотите.

Горский. Играть с вами... Да поглядите на себя... Да эти глаза насквозь всё видят. *(Вера тихонько отворачивается.)* Да знаете ли вы, что, когда я с вами, я не могу... ну, решительно не могу не высказать всего, что я думаю... В вашей тихой улыбке, в вашем спокойном взоре, в вашем молчании даже, есть что-то до того повелительное...

Вера *(перебивая его)*. А вам не хочется высказаться? Вам всё хочется лукавить?

Горский. Нет... Но послушайте, говоря правду, кто из нас высказывается весь? хоть вы, например...

Вера *(опять перебивая его и с усмешкой глядя на него)*. Именно: кто высказывается весь?

Горский. Нет, я о вас теперь говорю. Например, скажите мне откровенно, ждете вы сегодня кого-нибудь?

Вера *(спокойно)*. Да. Станицын, вероятно, сегодня к нам приедет.

Горский. Вы ужасная особа. У вас дар, ничего не скрывая, ничего не высказать... La franchise est la meilleure des diplomaties [1], вероятно, потому, что одно не мешает другому.

Вера. Стало быть, и вы знали, что он должен приехать.

Горский *(с легким смущением)*. Знал.

Вера *(нюхая розу)*. А ваш monsieur... Мухин тоже... знает?

---

[1] Откровенность — лучшая из дипломатий *(франц.)*.

Горский. Что вы меня всё о Мухине спрашиваете? Отчего вы...

Вера *(перебивая его)*. Ну, полноте, не сердитесь... Хотите, мы после чаю пойдем в сад? Мы с вами поболтаем... Я у вас спрошу...

Горский *(поспешно)*. Что?

Вера. Вы любопытны... Мы с вами поговорим... о важном деле. *(Из столовой раздается голос m-lle Bienaimé: «C'est vous, Véra?»* [1]*)*

Вера *(вполголоса)*. Как будто она и прежде не слышала, что я здесь. *(Громко.)* Oui, c'est moi, bonjour, je viens.[2] *(Уходя, бросает розу на стол и говорит в дверях Горскому.)* Приходите же. *(Уходит в столовую.)*

Горский *(медленно берет розу и остается несколько времени неподвижным)*. Евгений Андреич, друг мой, я должен сказать вам откровенно, что вам, сколько мне кажется, этот бесенок не под силу. Вы вертитесь и так и сяк, а она и пальчиком не шевельнет, и между тем пробалтываетесь-то вы. А, впрочем, что же? Либо я одолею — тем лучше, либо я проиграю сраженье — на такой женщине не стыдно жениться. Оно жутко, точно... да, с другой стороны, к чему беречь свободу? Нам с вами пора перестать ребячиться. Однако постойте, Евгений Андреич, постойте, вы что-то скоро сдаетесь. *(Глядит на розу.)* Что ты значишь, мой бедный цветок? *(Быстро оборачивается.)* А! маменька с своей подругой... *(Бережно кладет розу в карман. Из гостиной входит г-жа Либанова с Варварой Ивановной. Горский идет к ним навстречу.)* Bonjour, mesdames! как вы почивали?

Г-жа Либанова *(дает ему кончики пальцев)*. Bonjour, Eugène... У меня голова сегодня немного болит.

Варвара Ивановна. Вы поздно ложитесь, Анна Васильевна!

Г-жа Либанова. Может быть... А где Вера? Вы ее видели?

Горский. Она в столовой за чаем с mademoiselle Bienaimé и Мухиным.

---

[1] «Это вы, Вера?» *(Франц.)*

[2] Да, это я, здравствуйте, иду. *(Франц.)*

Г-жа Либанова. Ах, да, monsieur Мухин, говорят, сегодня ночью приехал. Вы его знаете? *(Садится.)*

Горский. Я с ним давно знаком. Вы не идете чай пить?

Г-жа Либанова. Нет, у меня от чаю волнение делается... Гутман мне запретил. Но я вас не удерживаю... Ступайте, ступайте, Варвара Ивановна! *(Варвара Ивановна уходит.)* А вы, Горский, остаетесь?

Горский. Я уже пил.

Г-жа Либанова. Какой прекрасный день! Le capitaine [1]— видели вы его?

Горский. Нет, не видел; он, должно быть, по обыкновению, по саду гуляет... ищет грибов.

Г-жа Либанова. Вообразите, какую он вчера игру выиграл... Да сядьте... что ж вы стоите? *(Горский садится.)* У меня семь в бубнах и король с тузом червей,— червей, заметьте. Я говорю: играю; Варвара Ивановна пас, разумеется; этот злодей говорит тоже: играю; я семь; и он семь; я в бубнах; он в червях. Я приглашаю; но у Варвары Ивановны, как всегда, ничего нету. И что ж она, как вы думаете? возьми и поди в маленькую пику... А у меня король сам-друг. Ну, разумеется, он выиграл... Ах, кстати, мне в город послать надобно... *(Звонит.)*

Горский. Зачем?

Дворецкий *(выходит из столовой)*. Что прикажете?

Г-жа Либанова. Пошли в город Гаврила за мелками... знаешь, какие я люблю.

Дворецкий. Слушаю-с.

Г-жа Либанова. Да скажи, чтобы побольше их взяли... А что покос?

Дворецкий. Слушаю-с. Покос продолжается.

Г-жа Либанова. Ну, хорошо. Да где Илья Ильич?

Дворецкий. В саду гуляют-с.

Г-жа Либанова. В саду... Ну, позови его.

Дворецкий. Слушаю-с.

Г-жа Либанова. Ну, ступай.

---

[1] Капитан *(франц.)*.

Дворецкий. Слушаю-с. *(Уходит в стеклянную дверь.)*

Г-жа Либанова *(глядя на свои руки)*. Что ж мы сегодня будем делать, Eugène? Вы знаете, я во всем на вас полагаюсь. Придумайте что-нибудь веселое... Я сегодня в духе. Что, этот monsieur Мухин хороший молодой человек?

Горский. Прекрасный.

Г-жа Либанова. Il n'est pas gênant? [1]

Горский. О, нисколько.

Г-жа Либанова. И в преферанс играет?

Горский. Как же...

Г-жа Либанова. Ah! mais c'est très bien...[2] Eugène, дайте мне под ноги табуретку. *(Горский приносит табуретку.)* Merci... А вот и капитан идет.

Чуханов *(входит из саду; у него в фуражке грибы)*. Здравствуйте, матушка вы моя! пожалуйте-ка ручку.

Г-жа Либанова *(томно протягивая ему руку)*. Здравствуйте, злодей!

Чуханов *(два раза сряду целует ее руку и смеется)*. Злодей, злодей... А всё проигрываю-то я. Евгению Андреичу мое нижайшее... *(Горский кланяется; Чуханов глядит на него и качает головой.)* Эка молодец! Ну, что бы в военную? А? Ну, как вы, моя матушка, как себя чувствуете? Вот я вам грибков набрал.

Г-жа Либанова. Зачем вы корзинки не берете, капитан? Как можно грибы в фуражку класть?

Чуханов. Слушаю, матушка, слушаю. Нашему брату, старому солдату, оно, конечно, ничего. Ну, а для вас точно... Слушаю. Я вот их сейчас на тарелочку высыплю. А что, пташечка наша, Вера Николаевна, изволили проснуться?

Г-жа Либанова *(не отвечая Чуханову, к Горскому)*. Dites-moi [3], этот monsieur Мухин богат?

Горский. У него двести душ.

Г-жа Либанова *(равнодушно)*. А! Да что они так долго чай пьют?

Чуханов. Прикажете штурмовать их, матушка? Прикажите! мигом одолеем... Не под такие форте-

---

[1] Он не стеснит нас? *(Франц.)*
[2] А, да это прекрасно... *(Франц.)*
[3] Скажите *(франц.)*.

ции хаживали... Таких бы вот нам только полковников, как Евгений Андреич..

Горский. Какой же я полковник, Илья Ильич? Помилуйте!

Чуханов. Ну, не чином, так фигурой... Я про фигуру, про фигуру говорю...

Г-жа Либанова. Да, капитан... подите... посмотрите, что они, отпили чай?

Чуханов. Слушаю, матушка... *(Идет.)* А! да вот и они. *(Входят Вера, Мухин, m-lle Bienaimé, Варвара Ивановна.)* Мое почтение всей компании.

Вера *(мимоходом)*. Здравствуйте... *(Бежит к Анне Васильевне.)* Bonjour, maman.[1]

Г-жа Либанова *(целуя ее в лоб)*. Bonjour, petite...[2] *(Мухин раскланивается.)* Monsieur Мухин, милости просим... Я очень рада, что вы нас не забыли...

Мухин. Помилуйте... я... столько чести...

Г-жа Либанова *(Вере)*. А ты, я вижу, уже по саду бегала, шалунья... *(Мухину.)* Вы еще не видели нашего сада? Il est grand.[3] Много цветов. Я ужасно люблю цветы. Впрочем, у нас всяк волен делать что хочет: liberté entière...[4]

Мухин *(улыбаясь)*. C'est charmant.[5]

Г-жа Либанова. Это мое правило... Терпеть не могу эгоизма. И другим тяжело и самому себе не легче. Вот спросите у них... *(Указывая на всех вообще. Варвара Ивановна сладко улыбается.)*

Мухин *(тоже улыбаясь.)* Мой приятель Горский мне уже сказывал. *(Помолчав немного.)* Какой у вас прекрасный дом!

Г-жа Либанова. Да, хорош. C'est Rastrelli, vous savez, qui en a donné le plan [6], деду моему, графу Любину.

Мухин *(одобрительно и с уважением)*. А! *(В течение всего этого разговора Вера нарочно отворачивалась от Горского и подходила то к m-lle Bienaimé, то к Морозовой. Горский тотчас это заметил и украдкой поглядывает на Мухина.)*

---

[1] Здравствуйте, маменька. *(Франц.)*
[2] Здравствуй, детка... *(Франц.)*
[3] Он большой. *(Франц.)*
[4] свобода полная... *(Франц.)*
[5] Это очаровательно. *(Франц.)*
[6] Это, знаете ли, Растрелли составил его проект *(франц.)*.

Г-жа Либанова *(обращаясь ко всему обществу).* Что ж вы гулять нейдете?

Горский. Да, пойдемте же в сад.

Вера *(всё не глядя на него.)* Теперь жарко... Скоро двенадцатый час... Теперь самый жар.

Г-жа Либанова. Как хотите... *(Мухину.)* У нас бильярд есть... Впрочем, liberté entière, вы знаете... А мы, знаете ли что, капитан, мы в карточки засядем... Оно рано немножко... Да вот Вера говорит, что гулять нельзя...

Чуханов *(которому вовсе не хочется играть).* Давайте, матушка, давайте... Что за рано? Надо вам отыграться.

Г-жа Либанова. Как же.. как же... *(С нерешимостью к Мухину.)* Monsieur Мухин... вы, говорят, любите преферанс... Не хотите ли? Mademoiselle Bienaimé у меня не умеет, а я давно не играла вчетвером.

Мухин *(никак не ожидавший подобного приглашения).* Я... я с удовольствием...

Г-жа Либанова. Vous êtes fort aimable...[1] Впрочем, вы не церемоньтесь, пожалуйста.

Мухин. Нет-с... я очень рад...

Г-жа Либанова. Ну, так давайте... мы в гостиную пойдем... Там уж и стол готов... Monsieur Мухин! donnez-moi votre bras...[2] *(Встает.)* А вы, Горский, придумайте нам что-нибудь для нынешнего дня... слышите? Вера вам поможет... *(Идет в гостиную.)*

Чуханов *(подходя к Варваре Ивановне).* Позвольте ж и мне предложить вам мои услуги...

Варвара Ивановна *(с досадой сует ему руку).* Ну, уж вы...

(Обе четы тихонько уходят в гостиную. В дверях Анна Васильевна оборачивается и говорит m-lle Bienaimé: «Ne fermez pas la porte...»[3] M-lle Bienaimé возвращается с улыбкой, садится на первом плане налево и с озабоченным видом берется за канву. Вера, которая некоторое время стояла в нерешительности — оставаться ли ей, или идти за матерью, вдруг идет к фортепьяно, садится и начинает играть. Горский тихонько подходит к ней.)

---

[1] Вы чрезвычайно любезны... *(Франц.)*
[2] подайте мне руку... *(Франц.)*
[3] «Не закрывайте дверь...» *(Франц.)*

Горский (*после небольшого молчания*). Что это вы такое играете, Вера Николаевна?

Вера (*не глядя на него*). Сонату Клементи.

Горский. Боже мой! какая старина!

Вера. Да, это престарая и прескучная вещь.

Горский. Зачем же вы ее выбрали? И что за фантазия сесть вдруг за фортепьяно! Разве вы забыли, что вы мне обещали пойти со мною в сад?

Вера. Я именно затем и села за фортепьяно, чтоб не идти гулять с вами.

Горский. За что вдруг такая немилость! Что за каприз?

M-lle Bienaimé. Ce n'est pas joli ce que vous jouez là, Véra.[1]

Вера (*громко*). Je crois bien...[2] (*К Горскому, продолжая играть.*) Послушайте, Горский, я не умею и не люблю кокетничать и капризничать. Я для этого слишком горда. Вы сами знаете, что я теперь не капризничаю... Но я сердита на вас.

Горский. За что?

Вера. Я оскорблена вами.

Горский. Я вас оскорбил?

Вера (*продолжая разбирать сонату*). Вы бы по крайней мере выбрали доверенного получше. Не успела я войти в столовую, как уж этот monsieur... monsieur... как бишь его?.. monsieur Мухин заметил мне, что моя роза, вероятно, дошла, наконец, до своего назначения... Потом, видя, что я не отвечаю на его любезности, он вдруг пустился вас хвалить, да так неловко... Отчего это друзья всегда так неловко хвалят?.. И вообще так таинственно себя держал, так скромно помалчивал, с таким уважением и сожаленьем на меня посматривал... Я его терпеть не могу.

Горский. Что же вы из этого заключаете?

Вера. Я заключаю, что monsieur Мухин... a l'honneur de recevoir vos confidences [3]. (*Сильно стучит по клавишам.*)

Горский. Почему вы думаете?.. И что мог я ему сказать...

---

[1] То, что вы играете, Вера, совсем не красиво. (*Франц.*)
[2] Еще бы... (*Франц.*)
[3] имел честь выслушать ваши признания. (*Франц.*)

Вера. Я не знаю, что вы сказать ему могли... Что вы за мной волочитесь, что вы смеетесь надо мной, что вы собираетесь вскружить мне голову, что я вас очень забавляю. *(M-lle Bienaimé сухо кашляет.)* Qu'est ce que vous avez, bonne amie? Pourquoi toussez vous? [1]

M-lle Bienaimé. Rien, rien... je ne sais pas... cette sonate doit être bien difficile.[2]

Вера *(вполголоса)*. Как она мне надоедает... *(К Горскому.)* Что ж вы молчите?

Горский. Я? отчего я молчу? я самого себя спрашиваю: виноват ли я перед вами? Точно, каюсь: виноват. Язык мой — враг мой. Но послушайте, Вера Николаевна... Помните, я вам вчера читал Лермонтова, помните, где он говорит о том сердце, в котором так безумно с враждой боролась любовь... *(Вера тихо поднимает глаза.)* Ну, ну, вот я и не могу продолжать, когда вы на меня так смотрите...

Вера *(пожимает плечами)*. Полноте...

Горский. Послушайте... Сознаюсь вам откровенно: мне не хочется, мне страшно поддаться тому невольному очарованию, которого я, наконец, не могу же не признать... Я всячески стараюсь от него отделаться, словами, насмешками, рассказами... Я болтаю, как старая девка, как ребенок...

Вера. Зачем же это? Отчего нам не остаться хорошими друзьями?.. Разве отношения между нами не могут быть просты и естественны?

Горский. Просты и естественны... Легко сказать... *(Решительно.)* Ну да, я виноват перед вами и прошу у вас прощения: я хитрил и хитрю... но я могу вас уверить, Вера Николаевна, что какие бы ни были мои предположения и решения в вашем отсутствии, с первых ваших слов все эти намерения разлетаются, как дым, и, я чувствую... вы будете смеяться... я чувствую, что я нахожусь в вашей власти...

Вера *(понемногу переставая играть)*. Вы мне говорили то же самое вчера вечером...

Горский. Потому что я то же самое чувствовал вчера. Я решительно отказываюсь лукавить с вами.

---

[1] Что с вами, друг мой? Почему вы кашляете? *(Франц.)*

[2] Ничего, ничего... Я не знаю... эта соната, должно быть, очень трудна. *(Франц.)*

В е р а *(с улыбкой)*. А! видите!

Г о р с к и й. Я ссылаюсь на вас самих: вы должны же знать, наконец, что я вас не обманываю, когда я вам говорю...

В е р а *(перебивая его)*. Что я вам нравлюсь... еще бы!

Г о р с к и й *(с досадой)*. Вы сегодня недоступны и недоверчивы, как семидесятилетний ростовщик! *(Он отворачивается; оба молчат некоторое время.)*

В е р а *(едва продолжая наигрывать)*. Хотите, я вам сыграю вашу любимую мазурку?

Г о р с к и й. Вера Николаевна! не мучьте меня... Клянусь вам...

В е р а *(весело)*. Ну, полноте, давайте руку. Вы прощены. *(Горский поспешно жмет ей руку.)* Nous faisons la paix, bonne amie.[1]

M-lle B i e n a i m é *(с притворным удивлением)*. Ah! Est-ce que vous vous étiez querellés? [2]

В е р а *(вполголоса)*. О, невинность! *(Громко.)* Oui, un peu.[3] *(Горскому.)* Ну, хотите, я вам сыграю вашу мазурку?

Г о р с к и й. Нет; эта мазурка слишком грустна... В ней слышится какое-то горькое стремление вдаль; а мне, уверяю вас, мне и здесь хорошо. Сыграйте мне что-нибудь веселое, светлое, живое, что бы играло и сверкало на солнце, словно рыбка в ручье... *(Вера задумывается на мгновение и начинает играть блестящий вальс.)* Боже мой! как вы милы! Вы сами похожи на такую рыбку.

В е р а *(продолжая играть)*. Я вижу отсюда monsieur Мухина. Как ему, должно быть, весело! Я уверена, что он то и дело ремизится.

Г о р с к и й. Ништо ему.

В е р а *(после небольшого молчания и всё продолжая играть)*. Скажите, отчего Станицын никогда не досказывает своих мыслей?

Г о р с к и й. Видно, у него их много.

В е р а. Вы злы. Он неглуп; он предобрый человек. Я его люблю.

---

[1] Мы помирились, добрый друг. *(Франц.)*
[2] А! Разве вы поссорились? *(Франц.)*
[3] Да, немного. *(Франц.)*

Горский. Он превосходный, солидный человек.

Вера. Да... Но отчего платье на нем всегда так дурно сидит? словно новое, только что от портного? *(Горский не отвечает и молча глядит на нее.)* О чем вы думаете?

Горский. Я думал... Я воображал себе небольшую комнатку, только не в наших снегах, а где-нибудь на юге, в прекрасной далекой стороне...

Вера. А вы сейчас говорили, что вам не хочется вдаль.

Горский. Одному не хочется... Кругом ни одного человека знакомого, звуки чужого языка изредка раздаются на улице, из раскрытого окна веет свежестью близкого моря... белый занавес тихо округляется, как парус, дверь раскрыта в сад, и на пороге, под легкой тенью плюща...

Вера *(с замешательством)*. О, да вы поэт...

Горский. Сохрани меня бог. Я только вспоминаю.

Вера. Вы вспоминаете?

Горский. Природу — да; остальное... всё, что вы не дали договорить,— сон.

Вера. Сны не сбываются... в действительности.

Горский. Кто это вам сказал? Mademoiselle Bienaimé? Предоставьте, ради бога, все подобные изречения женской мудрости сорокапятилетним девицам и лимфатическим юношам. Действительность... да какое самое пламенное, самое творческое воображение угонится за действительностию, за природой? Помилуйте... какой-нибудь морской рак во сто тысяч раз фантастичнее всех рассказов Гофмана; и какое поэтическое произведение гения может сравниться... ну, вот хоть с этим дубом, который растет у вас в саду на горе?

Вера. Я готова вам верить, Горский!

Горский. Поверьте, самое преувеличенное, самое восторженное счастие, придуманное прихотливым воображеньем праздного человека, не может сравниться с тем блаженством, которое действительно доступно ему... если он только останется здоровым, если судьба его не возненавидит, если его имения не продадут с аукционного торгу и если, наконец, он сам хорошенько узнает, чего ему хочется.

Вера. Только!

Горский. Но ведь мы... но ведь я здоров, молод, мое имение не заложено...

Вера. Но вы не знаете, чего вам хочется...

Горский *(решительно)*. Знаю.

Вера *(вдруг взглянув на него)*. Ну, скажите, коли знаете.

Горский. Извольте. Я хочу, чтобы вы...

Слуга *(входит из столовой и докладывает)*. Владимир Петрович Станицын.

Вера *(быстро поднимаясь с места)*. Я не могу его теперь видеть... Горский! я, кажется, вас поняла, наконец... Примите его вместо меня... вместо меня, слышите... puisque tout est arrangé...[1] *(Она уходит в гостиную.)*

M-lle Bienaimé. Eh bien? Elle s'en va? [2]

Горский *(не без смущения)*. Oui... Elle est allée voir...[3]

M-lle Bienaimé *(качая головой)*. Quelle petite folle! [4] *(Встает и тоже уходит в гостиную.)*

Горский *(после небольшого молчания)*. Что ж это я? Женат?.. «Я, кажется, вас поняла, наконец»... Вишь, куда она гнет... «puisque tout est arrangé». Да я ее терпеть не могу в эту минуту! Ах, я хвастун, хвастун! Перед Мухиным я как храбрился, а теперь вот... В какие поэтические фантазии я вдавался! Только недоставало обычных слов: спросите маменьку... Фу! какое глупое положение! Так или сяк надо кончить дело. Кстати приехал Станицын! О судьба, судьба! скажи мне на милость, смеешься ты надо мною, что ли, или помогаешь мне? А вот посмотрим... Но хорош же мой дружок, Иван Павлыч...

(Входит Станицын. Он одет щеголем. В правой руке у него шляпа, в левой корзинка, завернутая в бумагу. Лицо его изображает волнение. При виде Горского он внезапно останавливается и быстро краснеет. Горский идет к нему навстречу с самым ласковым видом и протянутыми руками.)

---

[1] раз всё улажено... *(Франц.)*
[2] Как? Она ушла? *(Франц.)*
[3] Да... Она ушла посмотреть... *(Франц.)*
[4] Какая сумасбродка! *(Франц.)*

Горский. Здравствуйте, Владимир Петрович! как я рад вас видеть...

Станицын. И я... очень... Вы как... вы давно здесь?

Горский. Со вчерашнего дня, Владимир Петрович!

Станицын. Все здоровы?

Горский. Все, решительно все, Владимир Петрович, начиная с Анны Васильевны и кончая собачкой, которую вы подарили Вере Николаевне... Ну, а вы как?

Станицын. Я... Я слава богу... Где же они?

Горский. В гостиной!.. в карты играют.

Станицын. Так рано... а вы?

Горский. А я здесь, как видите. Что это вы привезли? гостинец, наверное?

Станицын. Да, Вера Николаевна намедни говорила... я послал в Москву за конфектами...

Горский. В Москву?

Станицын. Да, там лучше. А где Вера Николаевна? *(Ставит шляпу и конфекты на стол.)*

Горский. Она, кажется, в гостиной... смотрит, как играют в преферанс.

Станицын *(боязливо заглядывая в гостиную)*. Кто это новое лицо?

Горский. А вы не узнали? Мухин, Иван Павлыч.

Станицын. Ах, да... *(Переминается на месте.)*

Горский. Вы не хотите войти в гостиную?.. Вы словно в волнении, Владимир Петрович!

Станицын. Нет, ничего... дорога, знаете, пыль... Ну, голова тоже...

(В гостиной раздается взрыв общего смеха... Все кричат: «Без четырех, без четырех!» Вера говорит: «Поздравляю, monsieur Мухин!»)

Станицын *(смеется и опять заглядывает в гостиную)*. Что это там... обремизился кто-то?

Горский. Да что ж вы не войдете?..

Станицын. Сказать вам правду, Горский... мне бы хотелось поговорить несколько с Верой Николаевной.

Горский. Наедине?

Станицын *(нерешительно)*. Да, только два слова. Мне бы хотелось... теперь... а то в течение дня... Вы сами знаете...

Горский. Ну, что ж? Войдите да скажите ей... Да возьмите ваши конфекты...

Станицын. И то правда. *(Подходит к двери и всё не решается войти, как вдруг раздается голос Анны Васильевны: «C'est vous, Woldemar? Bonjour... Entrez donc...»* [1] *Он входит.)*

Горский *(один)*. Я недоволен собой... Я начинаю скучать и злиться. Боже мой, боже мой! да что ж это во мне происходит такое? Отчего поднимается во мне желчь и приступает к горлу? отчего мне вдруг становится так неприятно-весело? отчего я готов, как школьник, накуролесить всем, всем на свете, и самому себе между прочим? Если я не влюблен, что за охота мне дразнить и себя и других? Жениться? Нет, я не женюсь, что там ни говорите, особенно так, из-под ножа. А если так, неужели же я не могу пожертвовать своим самолюбием? Ну, восторжествует она,— ну, бог с ней. *(Подходит к китайскому бильярду и начинает толкать шары.)* Может быть, мне же лучше будет, если она выйдет замуж за... Ну, нет, это пустяки... Мне тогда не видать ее, как своих ушей... *(Продолжая толкать шары.)* Загадаю... Вот если я попаду... Фу, боже мой, что за ребячество! *(Бросает кий, подходит к столу и берется за книгу.)* Что это? русский роман... Вот как-с. Посмотрим, что говорит русский роман. *(Раскрывает наудачу книгу и читает.)* «И что же? не прошло пяти лет после брака, как уже пленительная, живая Мария превратилась в дебелую и крикливую Марью Богдановну... Куда девались все ее стремления, ее мечтания»... О господа авторы! какие вы дети! Вот вы о чем сокрушаетесь! Удивительно ли, что человек стареется, тяжелеет и глупеет? Но вот что жутко: мечтания и стремления остаются те же, глаза не успевают померкнуть, пушок со щеки еще не сойдет, а уж супруг не знает, куда деться... Да что! порядочного человека уже перед свадьбой лихорадка колотит... Вот они, кажется, сюда идут... Надо спасаться... Фу, боже мой! точно в «Женитьбе» Гоголя... Но я по

[1] «Это вы, Вольдемар? Здравствуйте... Входите же...» *(Франц.)*

крайней мере не выпрыгну из окошка, а преспокойно выйду в сад через дверь... Честь и место, господин Станицын!

(В то время как он поспешно удаляется, из гостиной входят Вера и Станицын.)

Вера *(Станицыну)*. Что это, кажется, Горский в сад побежал?

Станицын. Да-с... я... признаться... ему сказал, что я... с вами наедине желал... только два слова...

Вера. А! вы ему сказали... Что же он вам...

Станицын. Он... ничего-с...

Вера. Какие приготовления!.. Вы меня пугаете... Я уже вчерашнюю вашу записку не совсем поняла...

Станицын. Дело вот в чем, Вера Николаевна... Ради бога, простите мне мою дерзость... Я знаю... Я не стою... *(Вера медленно подвигается к окну; он идет за ней.)* Дело вот в чем... Я... я решаюсь просить вашей руки... *(Вера молчит и тихо наклоняет голову.)* Боже мой! я слишком хорошо знаю, что я вас не стою... с моей стороны это, конечно... но вы меня давно знаете... если слепая преданность... исполнение малейшего желания, если всё это... Я прошу вас простить мою смелость... Я чувствую... *(Он останавливается. Вера молча протягивает ему руку.)* Неужели, неужели я не могу надеяться?

Вера *(тихо)*. Вы меня не поняли, Владимир Петрович.

Станицын. В таком случае... конечно... простите меня... Но об одном позвольте мне попросить вас, Вера Николаевна... не лишайте меня счастия хоть изредка видеть вас... Я вас уверяю... я вас не буду беспокоить... Если даже с другим... Вы... с избранным... Я вас уверяю... я буду всегда радоваться вашей радости... Я знаю себе цену... где мне, конечно... Вы, конечно, правы...

Вера. Дайте мне подумать, Владимир Петрович.

Станицын. Как?

Вера. Да, оставьте меня теперь... на короткое время... я вас увижу... я с вами поговорю...

Станицын. На что бы вы ни решились, вы знаете, я покорюсь без ропота. *(Кланяется, уходит в гостиную и запирает за собою дверь.)*

В е р а *(смотрит ему вслед, подходит к двери сада и зовет)*. Горский! подите сюда, Горский! *(Она идет к авансцене. Через несколько минут входит Горский.)*

Г о р с к и й. Вы меня звали?

В е р а. Вы знали, что Станицын хотел говорить со мной наедине?

Г о р с к и й. Да, он мне сказал.

В е р а. Вы знали зачем?

Г о р с к и й. Наверное — нет.

В е р а. Он просит моей руки.

Г о р с к и й. Что ж вы ему отвечали?

В е р а. Я? ничего.

Г о р с к и й. Вы ему не отказали?

В е р а. Я попросила его подождать.

Г о р с к и й. Зачем?

В е р а. Как зачем, Горский? Что с вами? Отчего вы так холодно смотрите, так равнодушно говорите? что за улыбка у вас на губах? Вы видите, я иду к вам за советом, я протягиваю руку,— а вы...

Г о р с к и й. Извините меня, Вера Николаевна... На меня находит иногда какая-то тупость... Я на солнце гулял без шляпы... Вы не смейтесь... Право, может быть, от этого... Итак, Станицын просит вашей руки, а вы просите моего совета... а я спрашиваю вас: какого вы мнения о семейной жизни вообще? Ее можно сравнить с молоком... но молоко скоро киснет.

В е р а. Горский! я вас не понимаю. Четверть часа тому назад, на этом месте *(указывая на фортепьяно)*, вспомните, так ли вы со мной говорили? так ли я вас оставила? Что с вами? смеетесь вы надо мной? Горский, неужели я это заслужила?

Г о р с к и й *(горько)*. Я вас уверяю, что я и не думаю смеяться.

В е р а. Как же мне объяснить эту внезапную перемену? Отчего я вас понять не могу? Отчего, напротив, я... Скажите, скажите сами, не была ли я всегда откровенна с вами, как сестра?

Г о р с к и й *(не без смущения)*. Вера Николаевна! я...

В е р а. Или, может быть... посмотрите, что вы меня заставляете говорить... может быть, Станицын возбуждает в вас... как это сказать... ревность, что ли?

Горский. А почему же нет?

Вера. О, не притворяйтесь... Вам слишком хорошо известно... Да притом что я говорю? Разве я знаю, что вы обо мне думаете, что вы ко мне чувствуете...

Горский. Вера Николаевна! знаете ли что? Право, нам лучше на время раззнакомиться...

Вера. Горский... что это?

Горский. Шутки в сторону... Наши отношения так странны... Мы осуждены не понимать друг друга и мучить друг друга...

Вера. Я никому не мешаю меня мучить; но мне не хочется, чтобы надо мной смеялись... Не понимать друг друга... отчего? разве я не прямо гляжу вам в глаза? разве я люблю недоразумения? разве я не говорю всего, что думаю? разве я недоверчива? Горский! если мы должны расстаться, расстанемтесь по крайней мере добрыми друзьями!

Горский. Если мы расстанемся, вы ни разу и не вспомните обо мне.

Вера. Горский! вы словно желаете, чтобы я... Вы хотите от меня признания... Право. Но я не привыкла ни лгать, ни преувеличивать. Да, вы мне нравитесь — я чувствую к вам влечение, несмотря на ваши странности,— и... и только. Это дружелюбное чувство может и развиться, может и остановиться. Это зависит от вас... Вот что во мне происходит... Но вы, вы скажите, что вы хотите, что думаете? Неужели вы не понимаете, что я не из любопытства вас спрашиваю, что мне надо же знать, наконец... *(Она останавливается и отворачивается.)*

Горский. Вера Николаевна! выслушайте меня. Вы счастливо созданы богом. Вы с детства живете и дышите вольно... Истина для вашей души, как свет для глаз, как воздух для груди... Вы смело глядите кругом и смело идете вперед, хотя вы не знаете жизни, потому что для вас в жизни нет и не будет препятствий. Но не требуйте, ради бога, той же самой смелости от человека темного и запутанного, как я, от человека, который много виноват перед самим собою, который беспрестанно грешил и грешит... Не вырывайте у меня последнего, решительного слова, которого я не выговорю громко перед вами, может быть, именно пото-

му, что я тысячу раз сказал себе это слово наедине... Повторяю вам... будьте ко мне снисходительны или бросьте меня совсем... подождите еще немного...

Вера. Горский! верить ли мне вам? Скажите — я вам поверю,— верить ли мне вам, наконец?

Горский *(с невольным движением)*. А бог знает!

Вера *(помолчав немного)*. Подумайте и дайте мне другой ответ.

Горский. Я всегда лучше отвечаю, когда не подумаю.

Вера. Вы капризны, как маленькая девочка.

Горский. А вы ужасно проницательны... Но вы меня извините... Я, кажется, сказал вам: «подождите». Это непростительно глупое слово просто сорвалось у меня с языка...

Вера *(быстро покраснев)*. В самом деле? Спасибо за откровенность.

(Горский хочет отвечать ей, но дверь из гостиной вдруг отворяется и всё общество входит, исключая m-lle Bienaimé. Анна Васильевна в приятном и веселом расположении духа; ее под руку ведет Мухин. Станицын бросает быстрый взгляд на Веру и Горского.)

Г-жа Либанова. Вообразите, Eugène, мы совсем разорили господина Мухина... Право. Но какой же он горячий игрок!

Горский. А! я и не знал!

Г-жа Либанова. C'est incroyable! [1] Ремизится на всяком шагу... *(Садится.)* А вот теперь можно гулять!

Мухин *(подходя к окну и с сдержанной досадой)*. Едва ли; дождик начинает накрапывать.

Варвара Ивановна. Барометр сегодня очень опустился... *(Садится немного позади г-жи Либановой.)*

Г-жа Либанова. В самом деле? Comme c'est contrariant! Eh bien [2], надо что-нибудь придумать... Eugène, и вы, Woldemar, это ваше дело.

Чуханов. Не угодно ли кому сразиться со мной в бильярд? *(Никто ему не отвечает.)* А не то так закусить, рюмку водочки выпить? *(Опять молчание.)*

---

[1] Это невероятно! *(Франц.)*

[2] Как это досадно! Ну что ж *(франц.)*.

Ну, так я один пойду, выпью за здоровье всей честной компании...

(Уходит в столовую. Между тем Станицын подошел к Вере, но не дерзает заговорить с нею... Горский стоит в стороне. Мухин рассматривает рисунки на столе.)

Г-жа Либанова. Что же вы, господа? Горский, затейте что-нибудь.

Горский. Хотите, я вам прочту вступление в естественную историю Бюффона?

Г-жа Либанова. Ну, полноте.

Горский. Так давайте играть в petits jeux innocents [1].

Г-жа Либанова. Что́ хотите... впрочем, я это не для себя говорю... Меня, должно быть, управляющий уже в конторе дожидается... Пришел он, Варвара Ивановна?

Варвара Ивановна. Вероятно-с, пришел-с.

Г-жа Либанова. Узнайте, душа моя. *(Варвара Ивановна встает и уходит.)* Вера! подойди-ка сюда... Что ты сегодня как будто бледна? Ты здорова?

Вера. Я здорова.

Г-жа Либанова. То-то же. Ах, да, Woldemar, не забудьте мне напомнить... Я вам дам в город комиссию. *(Вере.)* Il est si complaisant! [2]

Вера. Il est plus que cela, maman, il est bon.[3]

(Станицын восторженно улыбается.)

Г-жа Либанова. Что это вы рассматриваете с таким вниманием, monsieur Мухин?

Мухин. Виды из Италии.

Г-жа Либанова. Ах, да... это я привезла... un souvenir [4]... Я люблю Италию... я там была счастлива... *(Вздыхает.)*

Варвара Ивановна *(входя)*. Пришел Федот-с, Анна Васильевна!

Г-жа Либанова *(вставая)*. А! пришел! *(К Мухину.)* Вы сыщите... там есть вид Лаго-Маджио-

[1] маленькие невинные игры *(франц.)*.
[2] Он такой услужливый! *(Франц.)*
[3] Больше того, маменька, он добр. *(Франц.)*
[4] воспоминание *(франц.)*.

ре... Прелесть!.. *(К Варваре Ивановне.)* И староста пришел?

Варвара Ивановна. Пришел староста.

Г-жа Либанова. Ну, прощайте, mes enfants [1]... Eugène, я вам их поручаю... Amusez-vous...[2] Вот к вам на подмогу идет mademoiselle Bienaimé. *(Из гостиной входит m-lle Bienaimé.)* Пойдемте, Варвара Ивановна!

(Уходит с Морозовой в гостиную. Воцаряется небольшое молчание.)

M-lle Bienaimé *(сухеньким голосом).* Eh bien, que ferons nous? [3]

Мухин. Да, что мы будем делать?

Станицын. Вот в чем вопрос.

Горский. Гамлет сказал это прежде тебя, Владимир Петрович!.. *(Вдруг оживляясь.)* Но, впрочем, давайте, давайте... Видите, какой дождь полил... Что в самом деле сложа руки сидеть?

Станицын. Я готов... А вы, Вера Николаевна?

Вера *(которая всё это время оставалась почти неподвижною).* Я тоже... готова.

Станицын. Ну и прекрасно!

Мухин. Ты придумал что-нибудь, Евгений Андреич?

Горский. Придумал, Иван Павлыч! Мы вот что сделаем. Сядем все кругом стола...

M-lle Bienaimé. Oh, ce sera charmant! [4]

Горский. N'est ce pas? [5] Напишем все наши имена на клочках бумаги, и кому первому выдернется, тот должен будет рассказать какую-нибудь несообразную и фантастическую сказку, о себе, о другом, о чем угодно... Liberté entière, как говорит Анна Васильевна.

Станицын. Хорошо, хорошо. } *Вместе*
M-lle Bienaimé. Ah! très bien, très bien.[6] }

---

[1] дети мои *(франц.)*.
[2] Забавляйтесь... *(Франц.)*
[3] Итак, что же мы будем делать? *(Франц.)*
[4] О, это будет прелестно! *(Франц.)*
[5] Не правда ли? *(Франц.)*
[6] Ах! прекрасно, прекрасно. *(Франц.)*

М у х и н. Да какую же, однако, сказку?..

Г о р с к и й. Какую вздумается... Ну, сядемте, сядемте... Вам угодно, Вера Николаевна?

В е р а. Отчего же нет? *(Садится. Горский садится по правую ее руку, Мухин по левую, Станицын подле Мухина, m-lle Bienaimé подле Горского.)*

Г о р с к и й. Вот лист бумаги *(разрывает лист)*, а вот и наши имена. *(Пишет имена и свертывает билеты.)*

М у х и н *(Вере)*. Вы что-то задумчивы сегодня, Вера Николаевна?

В е р а. А почему вы знаете, что я не всегда такова? Вы меня видите в первый раз.

М у х и н *(ухмыляясь)*. О нет-с, как можно, чтобы вы всегда так были...

В е р а *(с легкой досадой)*. В самом деле? *(К Станицыну.)* Ваши конфекты очень хороши, Woldemar!

С т а н и ц ы н. Я очень рад... что вам услужил...

Г о р с к и й. О, дамский угодник! *(Мешает билеты.)* Вот — готово. Кто же будет выдергивать?.. Mademoiselle Bienaimé, voulez-vous? [1]

M - l l e B i e n a i m é. Mais très volontiers.[2] *(С ужимкой берет билет и читает.)* Каспадин Станицын.

Г о р с к и й *(Станицыну)*. Ну, расскажите нам что-нибудь, Владимир Петрович!

С т а н и ц ы н. Да что вы хотите, чтоб я рассказал?.. Я, право, не знаю...

Г о р с к и й. Что-нибудь. Вы можете говорить всё, что вам в голову придет.

С т а н и ц ы н. Да мне в голову ничего не приходит.

Г о р с к и й. Ну, это, разумеется, неприятно.

В е р а. Я согласна со Станицыным... Как можно так. вдруг...

М у х и н *(поспешно)*. И я того же мнения.

С т а н и ц ы н. Да покажите нам пример, Евгений Андреич; начните вы.

В е р а. Да, начните.

М у х и н. Начни, начни.

---

[1] Мадемуазель Бьенэме, вам угодно? *(Франц.)*
[2] С удовольствием. *(Франц.)*

M-lle Bienaimé. Oui, commencez, monsieur Gorski.[1]

Горский. Вы непременно хотите... Извольте... Начинаю. Гм... *(Откашливается.)*

M-lle Bienaimé. Hi, hi, nous allons rire.[2]

Горский. Ne riez pas d'avance.[3] Итак, слушайте. У одного барона...

Мухин. Была одна фантазия?

Горский. Нет, одна дочь.

Мухин. Ну, это почти всё равно.

Горский. Боже, как ты остер сегодня!.. Итак, у одного барона была одна дочь. Собой она была очень хороша, отец ее очень любил, она очень любила отца, всё шло превосходно,— но вдруг, в один прекрасный день, баронесса убедилась, что жизнь в сущности прескверная вещь, ей стало очень скучно — она заплакала и слегла в постель... Камер-фрау тотчас побежала за родителем, родитель пришел, поглядел, покачал головой, сказал по-немецки: м-м-м-м-м, вышел мерными шагами и, кликнув своего секретаря, продиктовал ему три пригласительные письма к трем молодым дворянам старинного происхождения и приятной наружности. На другой же день они, разодетые в пух и прах, поочередно шаркали перед бароном, а молодая баронесса улыбалась по-прежнему — еще лучше прежнего — и внимательно рассматривала своих женихов, ибо барон был дипломат, а молодые люди были женихи.

Мухин. Как ты пространно рассказываешь!

Горский. Любезный друг мой, что за беда!

M-lle Bienaimé. Mais oui, laissez-le faire.[4]

Вера *(внимательно глядя на Горского)*. Продолжайте.

Горский. Итак, у баронессы были три жениха. Кого выбрать? На этот вопрос лучше всего отвечает сердце... Но когда сердце... Но когда сердце колеблется?.. Молодая баронесса была девица умная и дальновидная... Она решила подвергнуть женихов испытанью... Однажды, оставшись наедине с одним из них,

---

[1] Да, начинайте, господин Горский. *(Франц.)*
[2] Хи, хи, мы посмеемся. *(Франц.)*
[3] Не смейтесь раньше времени. *(Франц.)*
[4] Ну, дайте же ему продолжать. *(Франц.)*

белокурым, она вдруг обратилась к нему с вопросом: скажите, что́ вы готовы сделать для того, чтоб доказать мне свою любовь? Белокурый, по природе весьма хладнокровный, но тем более склонный к преувеличению человек, отвечал ей с жаром: я готов, по вашему приказанию, броситься с высочайшей колокольни в свете. Баронесса приветливо улыбнулась и на другой же день предложила тот же вопрос другому жениху, русому, предварительно сообщив ему ответ белокурого. Русый отвечал точно теми же словами, если возможно, с бо́льшим жаром. Баронесса обратилась, наконец, к третьему, шантрету. Шантрет помолчал немного, из приличия, и отвечал, что на всё другое он согласен, и даже с удовольствием, но с башни он не бросится, по весьма простой причине: раздробив себе голову, трудно предложить руку и сердце кому бы то ни было. Баронесса прогневалась на шантрета; но так как он... может быть... немножко более ей нравился, чем другие два, то она и стала приставать к нему: обещайте, мол, по крайней мере... я не потребую исполнения на деле... Но шантрет, как человек совестливый, не хотел ничего обещать...

Вера. Вы сегодня не в духе, monsieur Горский!

M-lle Bienaimé. Non, il n'est pas en veine, c'est vrai.[1] Никарашо́, никарашо́.

Станицын. Другую сказку, другую.

Горский *(не без досады)*. Я сегодня не в ударе... не всякий же день... *(К Вере.)* Да и вы, например, сегодня... То ли дело вчера!

Вера. Что вы хотите сказать? *(Встает; все встают.)*

Горский *(обращаясь к Станицыну)*. Вы не можете себе представить, Владимир Петрович, какой мы вчера удивительный вечер провели! Жаль, что вас не было, Владимир Петрович... Вот mademoiselle Bienaimé была свидетельницей. Мы с Верой Николаевной более часу вдвоем катались по пруду... Вера Николаевна так восхищалась вечером, так ей было хорошо... Она так, казалось, и улетала в небо... Слезы навертывались у ней на глазах... Я никогда не забуду этого вечера, Владимир Петрович!

---

[1] Нет, он не в ударе, это правда. *(Франц.)*

С т а н и ц ы н *(уныло)*. Я вам верю.

В е р а *(которая всё время глаз не сводила с Горского)*. Да, мы были довольно смешны вчера... И вы тоже уносились, как вы говорите, в небо... Вообразите, господа, Горский мне вчера читал стихи, да какие всё сладкие, задумчивые!

С т а н и ц ы н. Он вам читал стихи?

В е р а. Как же... и таким странным голосом... словно больной, с такими вздохами...

Г о р с к и й. Вы сами этого требовали, Вера Николаевна!.. Вы знаете, что по собственной охоте я редко предаюсь возвышенным чувствам...

В е р а. Тем более вы меня удивили вчера. Я знаю, что вам гораздо приятнее смеяться, чем... чем вздыхать, например, или... мечтать.

Г о р с к и й. О, с этим я согласен! Да и в самом деле, назовите мне вещь, не достойную смеха? Дружба, семейное счастье, любовь?.. Да все эти любезности хороши только как мгновенный отдых, а там давай бог ноги! Порядочный человек не должен позволить себе погрязнуть в этих пуховиках... *(Мухин с улыбкой посматривает то на Веру, то на Станицына; Вера это замечает.)*

В е р а *(медленно)*. Как видно, что вы говорите теперь от души!.. Но к чему вы горячитесь? Никто не сомневается в том, что вы всегда так думали.

Г о р с к и й *(принужденно смеясь)*. Будто? Вчера вы были другого мнения.

В е р а. Почему вы знаете? Нет, шутки в сторону. Горский! позвольте вам дать дружеский совет... Не впадайте никогда в чувствительность... Она к вам вовсе не пристала... Вы так умны... Вы без нее обойдетесь... Ах, да, кажется, дождик прошел... Посмотрите, какое чудесное солнце! Пойдемте в сад... Станицын! дайте мне вашу руку. *(Быстро оборачивается и берет руку Станицына.)* Bonne amie, venez-vous? [1]

M - l l e B i e n a i m é. Oui, oui, allez toujours... [2] *(Берет с фортепьяно шляпу и надевает.)*

В е р а *(остальным)*. А вы, господа, не идите?.. Бегом, Станицын, бегом!

---

[1] Друг мой, вы идете? *(Франц.)*
[2] Да, да, идите, идите... *(Франц.)*

Станицын *(убегая с Верой в сад)*. Извольте, Вера Николаевна, извольте.

M-lle Bienaimé. Monsieur Мухин, voulez-vous me donner votre bras? [1]

Мухин. Avec plaisir, mademoiselle...[2] *(Горскому.)* Прощай, шантрет! *(Уходит с m-lle Bienaimé.)*

Горский *(один, подходит к окну)*. Как бежит!.. и ни разу не оглянется... А Станицын-то, Станицын — спотыкается от радости! *(Пожимает плечом.)* Бедняк! он не понимает своего положения... Полно, бедняк ли он? Я, кажется, слишком далеко зашел. Да что прикажешь делать с желчью? Во всё время моего рассказа этот бесенок с меня глаз не спускал... Я напрасно упомянул о вчерашней прогулке. Если ей показалось... кончено, любезный друг мой Евгений Андреич, укладывайте ваш чемодан. *(Прохаживается.)* Да и пора... запутался. О случай, несчастие дураков и провидение умных людей! приди ко мне на помощь! *(Оглядывается.)* Это кто? Чуханов. Уж не он ли как-нибудь...

Чуханов *(осторожно входя из столовой)*. Ах, батюшка Евгений Андреич, как я рад, что застал вас одних!

Горский. Что вам угодно?

Чуханов *(вполголоса)*. Вот видите ли что, Евгений Андреич!.. Анна Васильевна, дай бог ей здоровья, леску мне на домишко изволили пожаловать, да в контору приказ отдать позабыли-с... А без приказа лесу мне не выдают-с.

Горский. Что ж, вы ей напомните.

Чуханов. Батюшка, боюсь обеспокоить... Батюшка! будьте ласковы, заставьте век о себе бога молить... Как-нибудь, между двумя словцами... *(Подмигивает.)* Ведь вы на это мастер... нельзя ли, так сказать, стороной? *(Еще значительнее подмигивает.)* Притом же, вы почитай что хозяин уже в доме... хе-хе!

Горский. В самом деле? Извольте, я с удовольствием...

Чуханов. Батюшка! по гроб обяжете... *(Громко и с прежними манерами.)* А коли что понадобится,

---

[1] Господин Мухин, не соблаговолите ли подать мне руку? *(Франц.)*

[2] С удовольствием, мадемуазель... *(Франц.)*

только мигните. *(Откидывает голову.)* Эх, да и молодец же какой!..

Горский. Ну, хорошо... всё исполню; будьте покойны.

Чуханов. Слушаю-с, ваше сиятельство! А старик Чуханов никого не беспокоит. Доложил, попросил, прибег, а там как начальнику угодно будет. Много довольны и благодарны. Налево кругом, марш! *(Уходит в столовую.)*

Горский. Ну, кажется, из этого «случая» ничего не выжмешь... *(За дверью сада по ступеням лестницы слышны торопливые шаги.)* Кто это бежит так? Ба! Станицын!

Станицын *(вбегая впопыхах)*. Где Анна Васильевна?

Горский. Кого вам?

Станицын *(внезапно останавливаясь)*. Горский... Ах, если бы вы знали...

Горский. Вы вне себя от радости... Что с вами?

Станицын *(берет его за руку)*. Горский... мне бы, по-настоящему, не следовало... но я не могу — радость меня душит... Я знаю, вы всегда принимали во мне участие... Вообразите же себе... Кто бы мог это представить...

Горский. Да что такое, наконец?

Станицын. Я попросил у Веры Николаевны ее руки, и она...

Горский. Что же она?

Станицын. Вообразите, Горский, она согласилась... вот сейчас, в саду... позволила мне обратиться к Анне Васильевне... Горский, я счастлив, как дитя... Какая удивительная девушка!

Горский *(едва скрывая волнение)*. И вы идете теперь к Анне Васильевне?

Станицын. Да, я знаю, что она мне не откажет... Горский, я счастлив, безмерно счастлив... Мне бы хотелось обнять весь мир... Позвольте по крайней мере вас обнять. *(Обнимает Горского.)* О, как я счастлив! *(Убегает.)*

Горский *(после долгого молчания)*. Браввиссимо! *(Кланяется вслед Станицыну.)* Честь имею поздравить... *(С досадой ходит по комнате.)* Я этого не ожидал, признаюсь. Хитрая девчонка! Однако мне надо

сейчас уехать... Или нет, останусь... Фу! как сердце неприятно бьется... Скверно. *(Подумав немного.)* Ну, что ж, я разбит... Но как позорно разбит... и не так и не там, где бы хотелось... *(Подходя к окну, глядит в сад.)* Идут... Умрем по крайней мере с честью... *(Надевает шляпу, словно собирается идти в сад, и в дверях сталкивается с Мухиным, с Верой и m-lle Bienaimé. Вера держит m-lle Bienaimé под руку.)* А! Вы уже возвращаетесь; а я было пошел к вам... *(Вера не поднимает глаз.)*

M-lle Bienaimé. Il fait encore trop mouillé.[1]

Мухин. Зачем ты не тотчас пошел с нами?

Горский. Меня Чуханов задержал... А вы, кажется, много бегали, Вера Николаевна?

Вера. Да... мне жарко.

(M-lle Bienaimé с Мухиным отходят немного в сторону, потом начинают играть на китайском бильярде, который находится немного позади.)

Горский *(вполголоса)*. Я знаю всё, Вера Николаевна! Я этого не ожидал.

Вера. Вы знаете... Но я не удивляюсь. У него что на сердце, то и на языке.

Горский *(с укоризной)*. У него... Вы будете раскаиваться.

Вера. Нет.

Горский. Вы поступили под влиянием досады.

Вера. Может быть; но я поступила умно и раскаиваться не буду... Вы же применили ко мне стихи вашего Лермонтова; вы мне сказали, что я пойду безвозвратно, куда меня поведет случайность... Притом вы сами знаете, Горский, с вами я была бы несчастлива.

Горский. Много чести.

Вера. Я говорю, что думаю. Он меня любит, а вы...

Горский. А я?

Вера. Вы никого не можете любить. У вас сердце слишком холодно, а воображение слишком горячо. Я говорю с вами, как с другом, как о вещах давно прошедших...

Горский *(глухо)*. Я вас оскорбил.

[1] Еще слишком сыро. *(Франц.)*

В е р а. Да... но вы не довольно меня любили, чтобы иметь право меня оскорбить... Впрочем, это всё дело прошлое... Расстанемся друзьями... Дайте мне руку.

Г о р с к и й. Я вам удивляюсь, Вера Николаевна! Вы прозрачны, как стекло, молоды, как двухлетний ребенок, и решительны, как Фридрих Великий. Дать вам руку... да разве вы не чувствуете, как горько должно быть мне на душе?..

В е р а. Вашему самолюбию больно... это ничего: заживет.

Г о р с к и й. О, да вы философ!

В е р а. Послушайте... Мы, вероятно, в последний раз говорим об этом... Вы умный человек, а ошиблись во мне грубо. Поверьте, я не ставила вас au pied du mur [1], как выражается ваш приятель monsieur Мухин, я не налагала на вас испытания, а искала правды и простоты, я не требовала, чтобы вы спрыгнули с колокольни, и вместо этого...

М у х и н *(громко)*. J'ai gagné.[2]

M - l l e B i e n a i m é. Eh bien! la revanche.[3]

В е р а. Я не дала играть собою — вот всё... Во мне, поверьте, горечи нет...

Г о р с к и й. Поздравляю вас... Великодушие приличествует победителю.

В е р а. Дайте же мне руку... вот вам моя.

Г о р с к и й. Извините: ваша рука вам более не принадлежит. *(Вера отворачивается и идет к бильярду.)* Впрочем, всё к лучшему в этом мире.

В е р а. Именно... Qui gagne? [4]

М у х и н. До сих пор всё я.

В е р а. О, вы великий человек!

Г о р с к и й *(трепля его по плечу)*. И первый мой друг, не правда ли, Иван Павлыч? *(Кладет руку в карман.)* Ах, кстати, Вера Николаевна, пожалуйте сюда... *(Идет на авансцену.)*

В е р а *(идя вслед за ним)*. Что вы мне хотите сказать?

Г о р с к и й *(вынимает розу из кармана и показывает ее Вере)*. А? что вы скажете? *(Смеется. Вера крас-*

---

[1] к стенке *(франц.)*.
[2] Я выиграл. *(Франц.)*
[3] Ну что ж! Реванш. *(Франц.)*
[4] Кто выигрывает? *(Франц.)*

неет и потупляет глаза.) Что? ведь смешно? Посмотрите, не успела еще завянуть... *(С поклоном.)* Позвольте возвратить по принадлежности...

Вера. Если б вы меня хоть крошечку уважали, вы бы не возвратили мне ее теперь.

Горский *(отводя руку назад)*. В таком случае позвольте. Пусть же он останется со мною, этот бедный цветок... Впрочем, чувствительность ко мне не пристала... не правда ли? И точно, да здравствует насмешливость, веселость и злость! Вот я опять в своей тарелке.

Вера. И прекрасно!

Горский. Посмотрите на меня. *(Вера глядит на него, Горский продолжает не без волнения.)* Прощайте... Вот теперь бы кстати мне воскликнуть: Welche Perle warf ich weg! [1] Да к чему? Всё ведь к лучшему.

Мухин *(восклицает)*. J'ai gagné encore une fois! [2]

Вера. Всё к лучшему, Горский!

Горский. Может быть... может быть... А, да вот растворяется дверь из гостиной... Идет фамильный полонез!

(Из гостиной выходит Анна Васильевна. Ее ведет Станицын. За ними выступает Варвара Ивановна... Вера бежит навстречу матери и обнимает ее.)

Г-жа Либанова *(слезливым шёпотом)*. Pourvu que tu sois heureuse, mon enfant... [3]

(У Станицына глаза разбегаются. Он готов заплакать.)

Горский *(про себя)*. Какая трогательная картина! И как подумаешь, что я мог бы быть на месте этого болвана! Нет, решительно, я не рожден для семейной жизни... *(Громко.)* Ну, что, Анна Васильевна, кончили ли вы, наконец, свои премудрые распоряжения по хозяйству, счеты и расчеты?

Г-жа Либанова. Кончила, Eugène, кончила... а что?

Горский. Я предлагаю заложить карету и съездить целым обществом в лес.

Г-жа Либанова *(с чувством)*. С удовольствием. Варвара Ивановна, душа моя, прикажите.

---

[1] Какой жемчужиной я пренебрег! *(Нем.)*
[2] Я еще раз выиграл! *(Франц.)*
[3] Лишь бы ты была счастлива, дитя мое... *(Франц.)*

Варвара Ивановна. Слушаю-с, слушаю-с. *(Идет в переднюю.)*

M-lle Bienaimé *(закатывая глаза под лоб)*. Dieu! que cela sera charmant! [1]

Горский. Посмотрите, как мы будем дурачиться... я весел сегодня, как котенок... *(Про себя.)* Ото всех этих происшествий кровь у меня бросилась в голову. Я словно опьянел... Боже мой, как она мила!.. *(Громко.)* Берите же ваши шляпы; едемте, едемте. *(Про себя.)* Да подойди же к ней, глупый ты человек!.. *(Станицын неловко подходит к Вере.)* Ну, так. Не беспокойся, друг мой, я в течение прогулки о тебе похлопочу. Ты у меня явишься в полном блеске. Как мне легко!.. Фу! и так горько! Ну, ничего. *(Громко.)* Mesdames, пойдемте пешком: карета нас догонит.

Г-жа Либанова. Пойдем, пойдем.

Мухин. Что это, тобой словно бес овладел?

Горский. Бес и есть... Анна Васильевна! дайте мне вашу руку... Ведь я всё-таки остаюсь церемониймейстером?

Г-жа Либанова. Да, да, Eugène, конечно.

Горский. Ну и прекрасно!.. Вера Николаевна! извольте дать руку Станицыну... Mademoiselle Bienaimé, prenez mon ami monsieur Мухин [2], а капитан... где капитан?

Чуханов *(входя из передней)*. Готов к услугам. Кто меня зовет?

Горский. Капитан! дайте руку Варваре Ивановне... Вот она, кстати, входит... *(Варвара Ивановна входит.)* И с богом! марш! Карета нас догонит... Вера Николаевна, вы открываете шествие, мы с Анной Васильевной в ариергарде.

Г-жа Либанова *(тихо Горскому)*. Ah, mon cher, si vous saviez, combien je suis heureuse aujourd'hui.[3]

Мухин *(становясь на место с m-lle Bienaimé, на ухо Горскому)*. Хорошо, брат, хорошо: не робеешь... а сознайся, где тонко, там и рвется.

(Все уходят. Занавес падает.)

---

[1] Боже! Как это будет очаровательно! *(Франц.)*

[2] Мадемуазель Бьенэме, идите с господином Мухиным *(франц.)*.

[3] Ах, дорогой мой, если бы вы знали, как я сегодня счастлива. *(Франц.)*

НАХЛЕБНИК

КОМЕДИЯ В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

(1848)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Павел Николаевич Елецкий, коллежский советник, 32 лет. Петербургский чиновник; холоден, сух, неглуп, аккуратен; одет просто, со вкусом. Человек дюжинный, не злой, но без сердца.

Ольга Петровна Елецкая, урожденная Корина, его жена, 21 года. Доброе, мягкое существо; мечтает о свете и боится света; любит мужа, ведет себя весьма прилично. Хорошо одевается.

Василий Семеныч Кузовкин, дворянин, проживающий на хлебах у Елецких, 50 лет. Носит сюртук с стоячим воротником и медными пуговицами.

Флегонт Александрыч Тропачев, сосед Елецких, 36 лет. Помещик 400 душ, не женат. Высокого роста, виден собою, говорит громко, рисуется. Служил в кавалерии и вышел в отставку поручиком. Ездит в Петербург и собирается за границу. По природе грубоват и даже подловат. Одет в зеленый круглый фрак, гороховые панталоны, шотландский жилет, шелковый галстух с огромной булавкой. Носит лакированные сапоги и палку с золотым набалдашником. Острижен коротко, à la malcontent [1].

Иван Кузьмич Иванов, другой сосед, 45 лет. Смирное и молчаливое существо, не лишенное своего рода гордости, друг Кузовкина. Охотно грустит. Носит старенький коричневый фрак, вымытый желтоватый жилет и серые панталоны. Очень беден.

Карпачов, тоже сосед, 40 лет. Очень глупый человек, с усами, нечто вроде адъютанта Тропачева. Не богат. Носит венгерку и шаровары. Говорит басом.

Нарцыс Константиныч Трембинский, дворецкий и метрдотель Елецких, 40 лет. Пронырлив, криклив, хлопотлив. В сущности большая бестия. Одет хорошо, как следует дворецкому в богатом доме. Говорит правильно, но с белорусским произношением.

Егор Карташов, управитель, 60 лет. Пухлый, заспанный человек. Где можно крадет. Одет в долгополый синий сюртук.

Прасковья Ивановна, кастелянша, 50 лет. Сухое, злое и желчное существо. На голове носит платок; ходит в темном платье; шамкает.

Маша, горничная, 20 лет. Свежая девка.

Анпадист, портной, 70 лет. Дряхлый, выживший из ума, изнуренный и севший на ноги дворовый человек.

Петр, лакей, 25 лет. Молодой, здоровый парень. Зубоскал и балагур.

Васька, казачок, 14 лет.

---

[1] под гребенку *(франц.)*.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет залу в доме богатого помещика; направо два окна и дверь в сад; налево дверь в гостиную; прямо — в переднюю. Между окнами раздвижной стол, на столе шашечница. Спереди налево другой стол и два кресла. Между гостиной и передней вход в коридор.

Трембинский *(за сценой)*. Это беспорядок! Я во всем здесь нахожу беспорядок! Это непростительно!.. *(Входя в сопровождении Петра лакея и казачка Васьки.)* Я имею формальное предписание от госпожи! Меня здесь все должны слушаться! *(К Петру.)* Понимаешь ты меня?

Петр. Слушаю-с.

Трембинский. Госпожа с своим супругом сегодня сюда приехать изволят...— меня вот наперед прислали,— а мы что здесь делаем? Ничего! *(Обращается к казачку.)* Ты зачем здесь? Шататься тоже любишь, а? Ничего не делать тоже? *(Схватывает его за ухо и держит.)* Даром хлеб есть? Это вы все любите даром хлеб есть! Знаем мы вас! Вон! на место! *(Казачок уходит. Трембинский садится в кресло.)* Совсем, ей-богу, замучился! *(Вскакивает.)* А что ж портного мне не представляют? Где ж, наконец, этот портной?

Петр *(глянув в переднюю)*. Пришел портной-с.

Трембинский. Что же он не входит? Чего дожидается? Поди сюда, братец ты мой, как тебя зовут?

(Входит Анпадист и становится у дверей, заложив руки за спину.)

Трембинский *(Петру)*. Это портной?

Петр. Точно так-с.

Трембинский. *(Аннадисту).* Сколько тебе лет, братец ты мой?

Аннадист. Семидесятый годок пошел, батюшка.

Трембинский *(Петру).* И другого нет у вас портного?

Петр. Никак нет-с. Был другой, да негодным оказался. По причине косноязычья.

Трембинский *(поднимая руку к небу).* Что за беспорядки! *(Аннадисту.)* Ну, ты, старина, исполнил приказание?

Аннадист. Исполнил, батюшка.

Трембинский. Воротники на ливреях подшил?

Аннадист. Подшил, батюшка. Только, батюшка, желтого суконца не хватило... батюшка.

Трембинский. Ну так как же ты распорядился?

Аннадист. А, батюшка, мне из кладовой юбочку старенькую выдали, желтенькую такую.

Трембинский *(махая руками).* И не говори!.. Ну, однако, делать нечего. Не ехать же теперь в город за сукном. Ступай. *(Аннадист хочет идти.)* Да смотри у меня! Живо! А то ведь я, брат, того... Ну, ступай. *(Аннадист уходит. Трембинский опять садится и тотчас опять вскакивает.)* Ах, да! чистят ли дорожки в саду?

Петр. Как же-с, чистят-с. С деревни бестягольных нагнали.

Трембинский *(подступает к Петру).* Да ты кто?

Петр *(с изумлением).* Чего изволите-с?

Трембинский *(подступает ближе к Петру).* Ты кто, говорят тебе, кто ты?

Петр *(с возрастающим изумлением).* Я-с?

Трембинский *(подходит к самому носу Петра).* Да, ты, ты, ты... Кто ты?

(Петр конфузится, глядит на Трембинского и молчит.)

Трембинский. Да говори же, наконец,— тебя я спрашиваю: кто ты такой?

Петр. Я Петр-с.

Трембинский. Нет, ты лакей — вот ты кто. Дом — твое дело; и лампы чистить — тоже твое дело; а сад — не твое дело. Бестягольных ли нагнали

или других там каких-нибудь — это не твое дело. Это дело приказчика. Я тебя не спрашивал; я от тебя ответа не требовал. Твое дело за приказчиком сходить. Вот это — твое дело.

Петр. Да вот они сами сюда идут-с.

(Входит Егор из передней.)

Трембинский. А, Егор Алексеич! очень кстати изволили прийти. Скажите, пожалуйста, вы распорядились там в саду, насчет...

Егор. Распорядился, Нарцыс Константиныч. Не извольте беспокоиться... Табачку не хотите ли?

Трембинский *(берет табак у Егора и нюхает)*. Вы не поверите, Егор Алексеич, в каких я хлопотах с утра. Признаюсь вам откровенно, не ожидал я в таком большом имении найти подобные беспорядки! Не по вашей части, разумеется, не по хозяйству — а в доме.

Егор. Та-ак-с.

Трембинский. Вообразите себе, например, спрашиваю: музыканты имеются? Вы понимаете — надо господ как следует встретить. Говорят мне, имеются. Ну, говорю, подайте их сюда. Что ж вы думаете? Все они, музыканты-то, в разных должностях состоят. Кто огородником, кто сапожником; контрабас за волами ходит. На что это похоже? Инструменты тоже в беспорядке. Насилу кое-как сладил. *(Опять нюхает табак.)*

Егор. Хлопотливую должность изволили получить-с.

Трембинский. Да, смею сказать, не даром хлеб свой ем... А что, музыканты стоят у крыльца?

Егор. Как же, у крыльца. Дождик накрапывать стал — так они было в официантскую забрались: инструменты, говорят, подмочит. Да я их, признаться, выгнал. Ну неравно вестовой прозевает — господа вдруг пожалуют. А инструменты можно под полой подержать.

Трембинский. Совершенно справедливо. Кажется, всё теперь в порядке.

Егор. Будьте спокойны, Нарцыс Константиныч. *(Взглядывает на Петра.)* Ты что тут торчишь? Ступайка вон, на свое место, мой любезный, между продчим...

(Петр уходит в переднюю. Из коридора выбегает Маша.) Ишь, ишь, ишь, куда, сударыня, спешите?

Маша. Ах, Егор Алексеич, оставьте! Прасковья Ивановна уж и так затормошила совсем. *(Бежит в переднюю.)*

Егор *(глядит ей вслед, потом оборачивается к Трембинскому и подмигивает глазом. Трембинский ухмыляется)*. А позвольте узнать, Нарцыс Константиныч, который час?

Трембинский *(смотрит на часы)*. Три четверти одиннадцатого. Того и гляди господа приедут.

(Из передней показывается Кузовкин, останавливается, делает кому-то сзади себя за дверью знаки, осторожно входит и пробирается к столу возле окон.)

Егор. Пойду сбегаю в контору. Староста, наверно, себе бороды не вычесал, а целоваться небось тоже полезет... *(Уходя, сталкивается с Кузовкиным.)*

Кузовкин. Здравствуйте, Егор Алексеич!

Егор *(не без досады)*. Эх, Василий Семеныч! не до вас. *(Уходит в переднюю. Кузовкин продолжает пробираться к окну.)*

Трембинский *(оглядывается и замечает Кузовкина. Про себя.)* А, этот! *(Кузовкин кланяется Трембинскому, Трембинский небрежно кивает головой и говорит ему через плечо.)* Ну, что? И вы туда же? Тоже молодых господ встречать собрались?.. а?

Кузовкин. Как же-с.

Трембинский. Ну что ж, и рады вы? *(Не дожидаясь его ответа.)* Приоделись?

Кузовкин. Да... то есть...

Трембинский. Хорошо, хорошо... Вы можете тут в уголку посидеть. *(Кузовкин кланяется.)* Ах, да! я и забыл! Петр!.. Петр!.. Петрушка!.. Что это? Никого нет в передней?

Иванов *(до половины высовываясь из передней)*. Что угодно-с?

Трембинский *(не без удивления)*. Да позвольте... Вы... каким образом...

Иванов *(не выказываясь более)*. Иванов, Иван Кузьмич... вот их приятель-с... *(Указывает на Кузовкина.)*

Кузовкин *(Трембинскому)*. Сосед... здешний-с... В гости ко мне иришел-с.

Трембинский *(с расстановкою и качая головой)*. Эх, не время теперь... не место здесь, господа!

(Петр выходит из передней мимо самого носа Иванова. Иванов прячется.)

Трембинский *(Петру)*. Где ты пропадаешь? Ступай за мной... Я хочу посмотреть — что́ у тебя там в кабинете... Чай, всё не так, как я приказал... Положись-ка на вас!

(Оба уходят в гостиную. Кузовкин остается один.)

Кузовкин *(после некоторого молчания)*. Ваня... а Ваня!

Иванов *(из передней, не показываясь)*. Чего?

Кузовкин. Войди, Ваня, ничего, можно.

Иванов *(медленно входит)*. Я лучше уйду.

Кузовкин. Нет, останься. Что за беда? Ты ко мне пришел. Вот поди сюда. Вот тут сядь-ка. Это вот мой угол.

Иванов. Пойдем лучше в твою комнату.

Кузовкин. В мою комнату нам теперь идти нельзя. Там теперь белье разбирают... Перин тоже много нанесли. Да здесь чем худо?

Иванов. Нет, я лучше домой пойду.

Кузовкин. Нет, Ваня, ты останься. Сядь-ка вот тут, ся-ядь. И я сяду. *(Кузовкин садится.)* Наши вот сейчас приедут. Посмотри на них.

Иванов. Чего смотреть.

Кузовкин. Как чего смотреть? Ольга-то Петровна в Петербурге замуж вышла. Каков-то у нее муженек? Ну, да и ее мы с тобой давно не видали. Шесть лет с лишком. Сядь.

Иванов. Да что, Василий Семеныч, право...

Кузовкин. Сядь, сядь, говорят. Ты не смотри на то, что новый дворецкий кричит. Бог с ним совсем! Он ведь для этого приставлен.

Иванов. Ольга Петровна-то, чай, за богатого вышла? *(Садится.)*

Кузовкин. Не знаю, Ваня, как тебе сказать, а чиновник, говорят, важный. Ну, Ольге Петровне

так и следовало. Не век же ей было со своей теткой жить.

Иванов. А как бы, Василий Семеныч, новый-то барин нас с тобою не выгнал.

Кузовкин. А зачем ему нас выгнать?

Иванов. То есть я про тебя говорю.

Кузовкин *(со вздохом)*. Знаю, Ваня, знаю. Ты, брат, что ни говори, все-таки помещик. А на меня и платье-то не из целого кроят. Всё с чужого плеча. А всё-таки новый барин меня не выгонит. Покойный барин — и тот меня не выгнал... А уж на что был сердит.

Иванов. Да ты, Василий Семеныч, петербургских молодцов не знаешь.

Кузовкин. А что, Иван Кузьмич, разве они... того?

Иванов. Просто, говорят, беда! Я их тоже не знаю, а слыхал.

Кузовкин *(после минутного молчания)*. Ну, посмотрим. Я на Ольгу Петровну надеюсь. Она не выдаст.

Иванов. Не выдаст! Да она, чай, и забыла тебя совсем. Ведь она отсюда, после смерти покойной матушки своей,— с теткой-то с своей,— ребенком выехала. Что ей? и четырнадцати лет не было. Ты с ней в куклы игрывал — велико дело! Она и не посмотрит на тебя.

Кузовкин. Ну нет, Ваня.

Иванов. Вот увидишь.

Кузовкин. Ну полно же, Ваня, пожалуйста.

Иванов. Да вот увидишь, Василий Семеныч.

Кузовкин. Право, Ваня, перестань... Сыграем-ка лучше в шашки... А? как по-твоему? *(Иванов молчит.)* Что так сидеть-то? Давай-ка, брат, давай.

(Берет шашечницу и расставляет шашки.)

Иванов *(тоже расставляет шашки)*. Нашел время, нечего сказать. Дворецкий позволит тебе, как же!

Кузовкин. А мы разве кому мешаем?

Иванов. Да господа сейчас приедут.

Кузовкин. Господа приедут — мы бросим. В правой или в левой?

И в а н о в. Уж прогонят нас с тобой, Василий Семеныч, вот увидишь. В левой. Тебе начинать.

К у з о в к и н. Мне... Я, брат, сегодня вот как начинаю.

И в а н о в. Вишь, что вздумал. А я вот как.

К у з о в к и н. А я сюда.

И в а н о в. А я сюда.

(Вдруг в передней поднимается шум. Казачок Васька вбегает сломя голову и кричит: «Едут! Едут! Нарцыс Коскенкиныч! едут!..» Кузовкин и Иванов вскакивают.)

К у з о в к и н *(в большом волнении)*. Едут? едут?

В а с ь к а *(кричит)*. Махальный знак подал — едут!

(Из гостиной раздается голос Трембинского: «Что такое? господа — господа едут?» Он вместе с Петром выбегает из гостиной.)

Т р е м б и н с к и й *(кричит)*. Музыканты! музыканты по местам!

(Убегает в переднюю; Петр и казачок за ним. Из коридора выскакивает Маша.)

М а ш а. Господа едут?

К у з о в к и н. Едут, едут.

(Иванов с тоской забивается в угол. Маша бежит в коридор с криком. «Едут!» Через мгновенье из коридора вырывается Прасковья Ивановна, а из передней Трембинский.)

П р а с к о в ь я И в а н о в н а. Едут?

Т р е м б и н с к и й. Девок зовите сюда, девок!

П р а с к о в ь я И в а н о в н а *(кричит в коридор)*. Девки! девки!

Е г о р *(выбегая из передней)*. А где ж хлеб-соль, Нарцыс Константиныч?

Т р е м б и н с к и й *(кричит во всё горло)*. Петр! Петр! Хлеб-соль! Где хлеб-соль? *(Из коридора выходят шесть разряженных девок.)* В переднюю, девки, в переднюю!

(Девки бегут в переднюю и сталкиваются в дверях с Петром. У него в руках блюдо с огромным кренделем и солонкой.)

П е т р. Тише вы, сумасшедшие!

Трембинский *(вырывает у Петра блюдо и передает его на руки Егору)*. Это вам... Ступайте на крыльцо, ступайте.

(Выталкивает его вон вместе с Петром и Прасковьей Ивановной, бежит сам за ним и кричит в передней: «А люди-то где?.. людей сюда!»)

Голос Петра. Анпадиста позовите!

Другой голос. У него десятский сапоги отобрал...

Голос Трембинского. Кучеров сюда, кучеров!

Голоса девок. Едут, едут!

Голос Трембинского. Молчать теперь, молчать!

(Воцаряется глубокое молчание. Кузовкин, который во всё время тревоги находился в большом волнении, но почти не сходил с места, с жадностью прислушивается. Вдруг музыка начинает фальшиво играть: «Гром победы, раздавайся...» Карета подъезжает к крыльцу, раздается говор, музыка умолкает. Слышны лобызанья... Через мгновенье входят Ольга Петровна, ее муж; у него в одной руке крендель; за ними Трембинский, Егор с блюдом, Прасковья Ивановна и дворня, которая, однако, останавливается в дверях.)

Ольга *(с улыбкой мужу)*. Ну вот, мы дома, наконец, Paul. *(Елецкий жмет ей руку.)* Как я рада! *(Обращаясь к дворовым.)* Благодарствуйте, благодарствуйте! *(Указывая на Елецкого.)* Вот вам ваш новый господин... Прошу любить и жаловать. *(К мужу.)* Rendez cela, mon ami.[1] *(Елецкий отдает крендель Егору.)*

Трембинский *(наклонив всю верхнюю часть тела)*. Не угодно ли будет что приказать... покушать... или, может быть, чаю...

Ольга. Нет, благодарствуйте, после. *(К мужу.)* Я хочу показать тебе весь наш дом, твой кабинет... Я целых семь лет здесь не была... семь лет!

Елецкий. Покажи.

Прасковья Ивановна *(принимая с рук Ольги шляпу и мантилью)*. Матушка вы наша, голубушка...

---

[1] Отдайте это, мой друг. *(Франц.)*

О л ь г а *(улыбается ей в ответ и глядит кругом)*. А постарел наш дом... И комнаты мне меньше кажутся.

Е л е ц к и й *(голосом ласкового наставника)*. Это всегда так кажется. Ты отсюда ребенком выехала.

К у з о в к и н *(который всё время глаз не спускал с Ольги, подходит к ней)*. Ольга Петровна, позвольте... *(Голос у него прерывается.)*

О л ь г а *(сперва не узнает его)*. А... ах, Василий... Василий Петрович, как ваше здоровье? Я вас и не узнала сперва.

К у з о в к и н *(целует у ней руку)*. Позвольте... поздравить...

О л ь г а *(мужу, указывая на Кузовкина)*. Старый наш приятель, Василий Петрович...

Е л е ц к и й *(кланяется)*. Очень рад.

(Иванов издали тоже кланяется, хотя его еще не заметили.)

К у з о в к и н *(кланяется Елецкому)*. С приездом... Мы все... так рады...

Е л е ц к и й *(кланяется ему еще раз, и вполголоса жене)*. Кто это?

О л ь г а *(тоже вполголоса)*. Бедный дворянин, у нас в доме проживает. *(Громко.)* Ну, пойдем, я тебе хочу весь дом показать... Я здесь родилась, Paul, я здесь выросла...

Е л е ц к и й. Пойдем, с удовольствием... *(Обращаясь к Тремблинскому.)* А вы, пожалуйста, прикажите моему камердинеру... вещи там мои...

Т р е м б и н с к и й *(торопливо)*. Слушаю, слушаю-с.

О л ь г а. Пойдем же, Paul. *(Оба идут в гостиную.)*

Т р е м б и н с к и й *(ко всей дворне, вполголоса)*. Ну, друзья мои, ступайте теперь по местам. Вы, Егор Алексеич, останьтесь в передней — неравно барин спросит.

(Егор и дворовые уходят в переднюю, Прасковья Ивановна с горничными в коридор.)

П р а с к о в ь я И в а н о в н а *(в дверях)*. Идите, идите... Да ты, Машка, чего смеешься? *(Уходит.)*

Т р е м б и н с к и й *(к Кузовкину и Иванову)*. А вы, господа, здесь останетесь, что ли?

К у з о в к и н. Мы здесь останемся.

Трембинский. Ну хорошо... Только, пожалуйста, вы знаете... *(Делает знаки руками.)* Ради бога... а то ведь с нас же взыщут... *(Уходит на цыпочках в переднюю.)*

Кузовкин *(глядит ему вслед и быстро обращается к Иванову)*. А, Ваня, какова? Нет, скажи, какова? Как выросла, а? Красавица какая стала? И меня не забыла. А видишь, Ваня, видишь: выходит — я прав.

Иванов. Не забыла... А зачем же она тебя Васильем Петровичем-то величает?

Кузовкин. Экой ты, Ваня! Ну, что ж тут такое — Петрович, Семеныч, ну, не всё ли равно; ну, сам посуди, ты ведь умный человек. Мужу своему меня представила. Видный мужчина! Молодец! и лицо такое... О, да он, должно быть, чиновный человек! Как ты думаешь, Ваня?

Иванов. Не знаю, Василий Семеныч. Я вот лучше уйду.

Кузовкин. Экой ты, Ваня! да что с тобой сделалось? На себя, ей-богу, не похож. Уйду да уйду. Ты лучше мне скажи, какова тебе наша молодая показалась?

Иванов. Хороша, что ж, я не говорю.

Кузовкин. Улыбка одна чего стоит... А голос, а? Малиновка, просто, канарейка. И мужа своего любит. Это сейчас видно. А, Ваня? ведь видно?

Иванов. Господь их знает, Василий Семеныч.

Кузовкин. Грешно тебе, Иван Кузьмич, ей-богу грешно. Человеку весело — а ты... Да вот они опять сюда идут.

(Входят Ольга и Елецкий из гостиной.)

Ольга. Не велик наш дом, как видишь. Чем богаты, тем и рады.

Елецкий. Помилуй, прекрасный дом; превосходно расположен.

Ольга. Ну, теперь пойдем в сад.

Елецкий. С удовольствием... а впрочем... мне бы хотелось слова два переговорить с твоим управляющим.

Ольга *(с упреком)*. С твоим?

Е л е ц к и й *(с улыбкой)*. С нашим. *(Целует у неё руку.)*

О л ь г а. Ну, как хочешь. Я вот с собой Василья Петровича возьму. Василий Петрович, пойдемте в сад... Хотите?

К у з о в к и н *(с сияющим от удовольствия лицом)*. Помилуйте... я... я...

Е л е ц к и й. Надень шляпу, Оля.

О л ь г а. Не нужно. *(Накидывает шарф на голову.)* Пойдемте, Василий Петрович.

К у з о в к и н. Позвольте, Ольга Петровна, представить вам одного... тоже... здешнего соседа, Иванова...

(Иван Кузьмич конфузится и кланяется.)

О л ь г а. Очень рада. *(К Иванову.)* Угодно вам идти с нами в сад? *(Иванов кланяется.)* Дайте мне вашу руку, Василий Петрович...

К у з о в к и н *(не веря ушам)*. Как-с...

О л ь г а *(смеясь)*. Да вот так. *(Берет его руку и продевает свою.)* Помните ли вы, Василий Петрович... *(Уходят в стеклянную дверь. Иванов идет за ними.)*

Е л е ц к и й *(подходит к стеклянной двери, глядит вслед жене, возвращается к столу налево и садится)*. Эй! кто там? Человек!

П е т р *(выходя из передней)*. Чего изволите-с?

Е л е ц к и й. Как тебя зовут, любезный?

П е т р. Петром-с.

Е л е ц к и й. А! Ну, так позови же мне управляющего — как бишь его зовут — Егором, что ли?

П е т р. Точно так-с.

Е л е ц к и й. Позови-ка его.

(Петр уходит. Спустя мгновенье входит Егор, останавливается у дверей и складывает руки за спину.)

Е л е ц к и й *(голосом начальника отделения)*. Егор, я намерен осмотреть завтра именье Ольги Петровны.

Е г о р. Слушаю-с.

Е л е ц к и й. Много здесь душ?

Е г о р. В селе Тимофеевском триста восемьдесят четыре мужеска пола, по ревизии. Налицо больше...

Е л е ц к и й. А сколько больше?

Е г о р *(кашляет в руку)*. Душ, эдак, будет десятка с два.

Е л е ц к и й. Гм... Прошу аккуратно узнать и донести. Чересполосица есть?

Е г о р. В круглой меже дача состоит-с.

Е л е ц к и й *(глядит на Егора с некоторым недоумением)*. Гм... А удобной земли много?

Е г о р. Достаточно-с. Двести семьдесят пять десятин в клину.

Е л е ц к и й *(опять с недоумением глядит на Егора)*. А неудобной сколько?

Е г о р *(с некоторой расстановкой)*. Как вам доложить-с... Под кустарниками... овраги тоже есть... Ну, да вот под усадьбой... выгон тоже. *(Оправившись.)* Под покос идет-с.

Е л е ц к и й *(играя бровями)*. А сколько именно?

Е г о р. Да кто ее знает-с. Земля не меряная. Разве на плане означено. Десятин, пожалуй что, пятьдесят набежит.

Е л е ц к и й *(про себя)*. Всё это беспорядки. *(Громко.)* А лес есть?

Е г о р. Двадцать восемь десятин-с с осьминником.

Е л е ц к и й *(громко с расстановкой)*. Стало быть, всего десятин эдак с пятьсот имеется?

Е г о р. С пятьсот-с? За две тысячи наберется.

Е л е ц к и й. Как же ты сам... *(Останавливается.)* Да... да... я... я так и хотел сказать. Понимаешь?

Е г о р. Слушаю-с.

Е л е ц к и й *(весьма серьезно)*. Ну, а что, здешние мужики хорошо себя ведут? Смирны?

Е г о р. Народ хороший-с. Острастку любит-с.

Е л е ц к и й. Гм... Ну и не разорены?

Е г о р. Как можно-с! Никак нет-с. Много довольны.

Е л е ц к и й. Ну, я это всё сам завтра разберу. Можешь идти. Да, скажи пожалуйста, что это за господин тут живет — кто он такой?

Е г о р. Кузовкин, Василий Семеныч, дворянин. На хлебах-с проживает. Еще со времен старого барина. Они их, можно сказать, для потехи при себе держали.

Е л е ц к и й. И давно он здесь живет?

Е г о р. Давно-с. Со смерти старого барина двадцатый год пошел, а Василий Семеныч-то еще при жизни покойника у нас поселился.

Е л е ц к и й. Ну, хорошо... А что — у вас кон тора ведь есть?

Е г о р. Как без конторы быть-с...

Е л е ц к и й. Это я всё завтра осмотрю. Ступай. *(Егор уходит.)* А этот управляющий, кажется, глуп. Впрочем, увидим. *(Встает и прохаживается.)* Вот я и в деревне — у себя в деревне. Странно как-то. А хорошо.

(В передней раздается голос Тропачева: «Приехали? Сегодня?»)

Е л е ц к и й *(про себя)*. Кто это?

П е т р *(входя из передней)*. Тропачев, Флегонт Александрыч, приехали-с. Желают вас видеть-с... Что прикажете доложить-с?

Е л е ц к и й *(про себя)*. Кто бишь это такой... Знакомое имя. *(Громко.)* Проси.

Т р о п а ч е в *(входит)*. Здравствуйте, Павел Николаич, bonjour. *(Елецкий кланяется с заметным недоумением.)* Вы меня как будто не узнаете... Помните, в Петербурге, у графа Кунцова...

Е л е ц к и й. Ах, точно... милости просим, я очень рад... *(Жмет ему руку.)*

Т р о п а ч е в. Я ваш ближайший сосед. Живу в двух верстах отсюда. В город езжу мимо самого вашего дома. Я знал, что вас ожидали... Дай, думаю, заеду, справлюсь сегодня. Но если я не вовремя приехал, вы мне, пожалуйста, скажите. Entre gens comme il faut [1] — вы понимаете,— что за церемонии!

Е л е ц к и й. Напротив,— я надеюсь, что вы останетесь обедать у нас... хотя я не знаю, что нам приготовил наш деревенский повар.

Т р о п а ч е в *(рисуясь и играя палкой)*. О боже мой, я знаю, у вас всё на большой ноге. Вы, я надеюсь, сделаете мне тоже честь отобедать на днях у меня... Вы не поверите, как я рад вашему приезду. Здесь так мало порядочных людей, des gens comme il faut.— Et madame? Как ее здоровье? Я знавал ее ребенком. Да, да, я знаю вашу жену, очень хорошо знаю. Поздравляю вас, Павел Николаич, от души поздравляю. Хе-хе. Но она, вероятно, меня нисколько не помнит. *(Опять рисуется и гладит бакенбарды.)*

---

[1] Между порядочными людьми *(франц.)*.

Елецкий. Она будет очень рада... Она пошла гулять в сад с этим... с этим господином, который здесь проживает.

Тропачев *(с пренебрежением)*. А — с этим! Ведь это, кажется, нечто вроде шута... А впрочем, человек он смирный. Кстати, со мной другой дворянин приехал... Он там в передней... Вы позволите?

Елецкий. Сделайте одолжение... Как же в передней...

Тропачев. Oh, ne faites pas attention.[1] Это так; это... это ничего. Тоже по бедности у меня проживает. Ездит со мной... Одному, знаете, в дороге скучно. Пожалуйста, не беспокойтесь... je vous en prie.[2] *(Подходит к передней.)* Карпачов! войди, братец. *(Карпачов выходит и кланяется.)* Вот-с, Павел Николаич, рекомендую-с.

Елецкий. Я очень рад.

Тропачев *(берет Елецкого под руку и тихонько отворачивает его от Карпачова, который скромно отходит в сторонку)*. C'est bien, c'est bien.[3] Надолго вы у нас поселились, Павел Николаич?

Елецкий. Я взял трехмесячный отпуск. *(Оба начинают ходить взад и вперед.)*

Тропачев. Мало... мало. Ну, я понимаю, вам нельзя было больше. И то, я думаю, вас с трудом отпустили. Хе-хе. Надо вам отдохнуть. Что, вы охоту любите?

Елецкий. Я отроду ружья в руки не брал... Однако перед отъездом купил себе собаку. А что, здесь много дичи?

Тропачев. Есть, есть. Это уж, если вы позволите, я на себя возьму. Мы из вас сделаем охотника. *(К Карпачову.)* Что, у нас в Малиннике выводки есть?

Карпачов *(из угла басом)*. Два выводка — а в Каменной Гряде три.

Тропачев. А, хорошо!

Карпачов. Федул-лесник тоже намедни сказывал, что в Горелом...

(Из сада входит Ольга с Кузовкиным и Ивановым. Карпачов умолкает и кланяется.)

---

[1] О, не обращайте внимания. *(Франц.)*
[2] прошу вас *(франц.)*.
[3] Хорошо, хорошо. *(Франц.)*

Ольга. Ах, Paul, как наш сад хорош... *(Останавливается при виде Тропачева.)*

Елецкий *(Ольге)*. Позволь мне тебе представить...

Тропачев *(перебивая Елецкого)*. Извините, извините, мы старые знакомые... Ольга Петровна, вероятно, не узнает меня... И не удивительно. Я ее знал *(показывая рукой на аршин от пола)* comme ça [1]. *(Рисуется и продолжает с улыбкой.)* Тропачев, Флегонт... Помните соседа Тропачева, Флегонта? Помните, он вам игрушки из города привозил? Вы были тогда такой милый ребенок — а теперь... *(Значительно напирает на последнем слове, кланяется, отступает шаг назад и выпрямляется, весьма довольный собою.)*

Ольга. Ах, м'сьё Тропачев, как же... Я теперь узнаю вас... *(Протягивает ему руку.)* Вы не поверите, как я счастлива с тех пор, как я здесь.

Тропачев *(сладко)*. Будто только с тех пор?

Ольга *(улыбается ему в ответ)*. Мое детство мне так живо вспомнилось... Paul, ты непременно должен со мною пойти в сад. Я покажу тебе акацию, которую я сама посадила... Она теперь гораздо выше меня.

Елецкий *(Ольге, указывая на Карпачова)*. М'сьё Карпачов, тоже сосед.

(Карпачов кланяется и жмется в угол, куда уже успели забиться Кузовкин и Иванов.)

Ольга. Я очень рада...

Тропачев *(Ольге)*. Ne faites pas attention. [2] *(Громко и потирая руки.)* Итак, вот вы у себя в деревне, наконец — хозяйкой... Как время-то летит, а?

Ольга. Вы, надеюсь, у нас обедаете?

Елецкий. Я уже пригласил... pardon... как вас по имени и по отчеству?

Тропачев. Флегонт Александрыч.

Елецкий. Я пригласил Флегонта Александрыча... Боюсь я только, что обед...

Тропачев. О, полноте!

---

[1] вот такой *(франц.)*.

[2] Не обращайте внимания. *(Франц.)*

Ольга *(отводя немного Елецкого в сторону).* Не вовремя приехал этот господин...

Елецкий. Да... Впрочем, он, кажется, порядочный человек.

Тропачев *(отходит в сторону и, непринужденно покачиваясь и покусывая набалдашник своей палки, подходит к Кузовкину и говорит ему в нос).* А, вот вы? Ну, как вы?

Кузовкин. Слава богу-с — покорнейше благодарю-с.

Тропачев *(указывая локтем на Карпачова).* Вы ведь его знаете?

Кузовкин. Как же-с... мы знакомы-с.

Тропачев. Так, так, так... *(К Иванову.)* А как бишь вас? И вы тут?

Иванов. И я-с.

Ольга *(к Тропачеву).* М'сьё... м'сьё Тропачев...

Тропачев *(быстро оборачивается).* Madame?

Ольга. Ведь я с вами, как с старым приятелем,— без церемонии, не правда ли?

Тропачев. Помилуйте...

Ольга. Вы мне позвольте пойти к себе... Мы только что приехали... Надобно посмотреть...

Тропачев. Сделайте одолженье, Ольга Петровна... Да и вы, Павел Николаич, будьте как дома, хе-хе. Мы вот здесь поболтаем немножко с этими господами...

Ольга. Притом — вы хоть и старый приятель, но всё-таки мне совестно... в этом дорожном платье...

Тропачев *(ухмыляясь).* Я бы не принял подобного... подобного предлога... если б я не знал, что для дам... туалет... всегда... так сказать... всегда приятно... *(Запутывается, кланяется и рисуется.)*

Ольга *(смеясь).* Вы злы... Я вас оставляю, господа... до свиданья. *(Уходит в гостиную.)*

Тропачев. Павел Николаич, позвольте мне еще раз поздравить вас... Вы, можно сказать, счастливый человек...

Елецкий *(улыбается и жмет ему руку).* Вы правы... Фаддей... Флегонт Александрыч.

Тропачев. Но, послушайте, я вас, может быть, удерживаю?

Елецкий. Напротив, Флегонт Александрыч.

Знаете ли что?.. Вам, как хозяину, это не будет неприятно...

Т р о п а ч е в *(надвигаясь на Павла Николаича и прижимая его руку к своему желудку)*. Располагайте мною, Павел Николаич, прошу вас.

Е л е ц к и й. Хотите, мы перед завтраком сходим на гумно? Отсюда два шага — подле сада.

Т р о п а ч е в. Enchanté! [1] помилуйте.

Е л е ц к и й. Ну так берите вашу шляпу. *(Громко.)* Человек, кто там? *(Входит Петр.)* Завтрак вели приготовить.

П е т р. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Т р о п а ч е в. Карпачов пойдет с нами, если вы позволите.

Е л е ц к и й. Очень рад... *(Оба уходят. Карпачов идет за ними.)*

К у з о в к и н *(живо обращаясь к Иванову)*. Ну, Ваня, скажи теперь сам, какова наша Оля?

И в а н о в. Что ж, я не говорю,— хороша.

К у з о в к и н. А ласкова-то как, Ваня?

И в а н о в. Да — она не то, что он.

К у з о в к и н. А чем же он дурен? Ты, Ваня, рассуди: он человек важный, привык, знаешь, эдак себя держать. Он бы и рад, да ты понимаешь: нельзя. Оно у них так там требуется. А заметил ли ты, Ваня, какие у ней глаза?

И в а н о в. Нет, не заметил, Василий Семеныч.

К у з о в к и н. Я, брат, тебе после этого удивляюсь,— ей-богу. Это нехорошо, Ваня, право нехорошо.

И в а н о в. Может быть; что ж, я не говорю... А вот дворецкий идет.

К у з о в к и н *(понизив голос)*. Ну что ж, что идет. Мы ничего.

(Входит Трембинский с Петром. Петр несет завтрак на подносе.)

Т р е м б и н с к и й *(выдвигая стол на средину сцены)*. Вот здесь поставь, да не разбей смотри. *(Петр ставит поднос и развертывает скатерть. Трембинский отнимает ее у него.)* Подай... Это я сам, а ты за вином ступай. *(Петр уходит. Трембинский накрывает стол*

---

[1] Я в восторге! *(Франц.)*

5*

и сбоку поглядывает на Кузовкина.) Эка, подумаешь, иные люди — точно в сорочке родятся. Наш брат бьется, как рыба о лед, из-за куска хлеба, а им всё достается даром. Где после этого, позвольте спросить, справедливость на свете? Удивительное, право, дело!

Кузовкин *(осторожно прикасается плеча Трембинского. Трембинский глядит на него с удивлением)*. Об стену... замарались...

Трембинский. Вот еще... велика беда... оставьте. *(Входит Петр с бутылками и вазой шампанского, которую ставит на маленький стол подле двери.)* Ну, иди, поворачивайся. *(Берет бутылки и ставит на стол.)* Да шашки вон прибери... Вишь, когда вздумали господа играть... И что за игра? Дворянская это игра, что ли? *(Петр убирает шашки.)*

Иванов *(тихо Кузовкину)*. Прощай, брат.

Кузовкин *(тихо)*. Куда ты?

Иванов *(тихо)*. Домой.

Кузовкин *(тихо)*. Полно, останься.

Егор *(выглядывая из передней, торопливо)*. Нарцыс Константинович, а Нарцыс Константинович...

Трембинский *(оглядываясь)*. Чего?

Егор. Куда барин пошел?

Трембинский. На гумно. А вы что ж не с ним?

Егор. На гумно... Ах, батюшки...

(Хочет бежать, но тотчас же выпрямляется, закидывает руки назад и жмется к двери... Входят Елецкий, Тропачев и Карпачов.)

Елецкий *(Тропачеву)*. Итак — vous êtes content? [1]

Тропачев. Très bien, très bien, tout est très bien...[2] А, Егор, здравствуй! *(Егор кланяется. Тропачев треплет его по плечу.)* Это у вас прекрасный человек, Павел Николаич... Вы можете смело на него положиться. *(Егор опять кланяется и уходит.)* А вот и завтрак. *(Подходит к столу.)* Э! да это целый обед! Comme c'est bien servi! [3] *(Снимает серебряную покрыш-*

[1] вы довольны? *(Франц.)*
[2] Очень, очень хорошо, всё очень хорошо... *(Франц.)*
[3] Как хорошо сервировано! *(Франц.)*

ку с одного блюда.) Дупели... прошу покорно... хоть бы у Сен-Жоржа... Экая бестия этот Сен-Жорж! А кормит славно. Я таки проел у него не одну сотню...

Е л е ц к и й. Сядемте — хотите? Человек! стулья...

(Петр подает стулья, Трембинский хлопочет около господ. Елецкий с Тропачевым садятся.)

Т р о п а ч е в *(Карпачову)*. Садись и ты, Карпаче... *(Елецкому.)* C'est comme cela que je l'appelle... Vous permettez? [1]

Е л е ц к и й. Сделайте одолжение... *(Кузовкину и Иванову, которые всё не выходят из своего угла.)* Да вы что ж, господа, не садитесь... Милости просим.

К у з о в к и н *(кланяясь)*. Покорнейше благодарим-с... Постоим-с...

Е л е ц к и й. Садитесь, прошу вас.

(Кузовкин и Иванов робко садятся за стол. Тропачев сидит, для зрителя, налево от Елецкого, Карпачов в некотором расстоянии направо, возле него Кузовкин и Иванов. Трембинский, с салфеткой под мышкой, стоит позади Елецкого, Петр возле двери.)

Е л е ц к и й *(снимая покрышку с блюда)*. Ну, господа, чем бог послал.

Т р о п а ч е в *(с куском во рту)*. Parfait, parfait [2],— у вас чудесный повар, Павел Николаич...

Е л е ц к и й. Вы слишком добры! Итак, вы думаете, умолот хорош будет в нынешнем году?

Т р о п а ч е в *(продолжая есть)*. Я так думаю. *(Выпивая рюмку вина.)* За ваше здоровье! Карпаче, что ж ты не пьешь за здоровье Павла Николаича?

К а р п а ч о в *(вскакивая)*. Многие лета достойному нашему хозяину... *(выпивает рюмку разом)* и всяких благ... *(Садится.)*

Е л е ц к и й. Спасибо.

Т р о п а ч е в *(подталкивая локтем Елецкого, Карпачову)*. Вот бы кого в предводители! а? Как думаешь?

К а р п а ч о в. Еще бы! Какого еще им рожна надобно?

Т р о п а ч е в. А ведь в самом деле, Павел Николаич, если б не служба — какой удивительный сыр,—

---

[1] Это я так его называю... Вы разрешаете? *(Франц.)*
[2] Превосходно, превосходно *(франц.)*.

если б не служба, знаете, быть бы вам нашим предводителем!

Елецкий. Помилуйте...

Тропачев. Нет, я не шучу. *(Кузовкину.)* А что ж вы не пьете за здоровье Павла Николаича — а? *(Иванову.)* И вы тоже — а?

Кузовкин *(не без замешательства)*. Я очень рад...

Тропачев. Карпаче, налей ему... да полней. Вот так, что за церемонии.

Кузовкин *(встает)*. За здоровье почтенного хозяина... и хозяйки. *(Кланяется, пьет и садится. Иванов тоже кланяется и пьет молча.)*

Тропачев. А, браво! *(Елецкому.)* Погодите... nous allons rire [1]. Он довольно забавен — только надо его подпоить. *(К Кузовкину, играя ножом.)* Ну, как вы поживаете, Имярек Иваныч? я вас давно не видал. Всё помаленьку небось?

Кузовкин. Помаленьку-с, как вы сказывать изволите-с.

Тропачев. Так. Ну, хорошо. А что, Ветрово достается вам, наконец, или нет?

Кузовкин *(потупляя глаза)*. Вам угодно шутить-с.

Тропачев. Помилуйте, с чего вы это взяли? Я в вас участье принимаю. Я нисколько не шучу.

Кузовкин *(со вздохом)*. Никакого еще решенья нету-с.

Тропачев. Будто?

Кузовкин. Никакого-с.

Тропачев. Потерпите, что делать! *(К Елецкому, мигая глазом.)* Вы, Павел Николаич, может быть, не знаете, что в лице г-на Кузовкина вы видите перед собою помещика, настоящего помещика, владельца — или нет бишь, наследника, но законного наследника сельца Ветрова, Угарова тож... Сколько бишь у вас душ?

Кузовкин. В сельце Ветрове по восьмой ревизии сорок две души состоит; но оно не всё мне достается.

---

[1] мы посмеемся *(франц.)*.

Т р о п а ч е в *(тихо Елецкому)*. Он на этом Ветрове помешан. *(Громко.)* А в вашем участке сколько десятин?

К у з о в к и н *(понемногу переставая робеть)*. Да за выделом седьмых частей и прочих законных треб — восемьдесят четыре десятины с лишком.

Т р о п а ч е в. А душ сколько вам достается?

К у з о в к и н. Душ неизвестно сколько. Многие в бегах состоят-с.

Е л е ц к и й. Да отчего же вы не владеете вашим именьем?

К у з о в к и н. А тяжба-с.

Е л е ц к и й. Тяжба? с кем?

К у з о в к и н. А другие оказываются наследники. Казенные долги тоже есть, ну и частные.

Е л е ц к и й. И давно это дело завязалось?

К у з о в к и н *(постепенно одушевляясь)*. Давно-с. Еще при покойнике-с, царство ему небесное! За мной бы осталось, да денег нет. Времени тоже мало. Следовало бы в город съездить, разумеется, попросить, похлопотать — да, вишь, некогда-с. Гербовая бумага одна чего стоит. А человек я бедный-с.

Т р о п а ч е в. Карпаче, налей ему еще рюмку.

К у з о в к и н *(отказываясь)*. Покорнейше благодарю-с.

Т р о п а ч е в. Полноте. *(Пьет сам.)* За ваше здоровье. *(Кузовкин встает, кланяется и пьет.)* Ну, так как же вы? Эдак не ладно. Эдак вы, пожалуй, дело-то проиграете.

К у з о в к и н. Что делать-с! Вот уже более года справок даже не собирал... *(Тропачев с укором качает головой.)* Правда, есть там у меня один человечек... Я на него таки надеюсь — а впрочем, господь его знает?

Т р о п а ч е в *(поглядывая на Елецкого)*. А что это за человечек, можно узнать?

К у з о в к и н. По-настоящему нельзя — ну, да уж что́!.. Лычков, Иван Архипыч, изволите знать?

Т р о п а ч е в. Не знаю; кто он такой?

К у з о в к и н. А как же... стряпчий уездный... то есть он прежде был стряпчим... правда, не здесь — а в Венёве. Теперь так проживает, больше торговыми оборотами занимается.

Т р о п а ч е в *(продолжая поглядывать на Елецкого, которого начинает смешить Кузовкин)*. И этот господин Лычков обещал вам помочь?

К у з о в к и н *(помолчав немного)*. Обещал-с. Я у него второго сыночка крестил-с, так вот он и обещал-с. Я, дескать, тебе это дело устрою, погоди. А Иван Архипыч известный мастак-с.

Т р о п а ч е в. Ой ли?

К у з о в к и н. По губернии мастак-с.

Т р о п а ч е в. Да ведь он, вы говорите, в отставке и торговыми оборотами занимается?

К у з о в к и н. Оно точно-с; такая уж ему задача вышла-с, да человек-то он золотой. А я его таки давненько не видал.

Т р о п а ч е в. А как?

К у з о в к и н. Да уж будет с год-с.

Т р о п а ч е в. Эх, как же это вы так, как бишь вас! Нехорошо.

К у з о в к и н. Совершенную правду изволите говорить-с. Да что прикажете делать-с!

Е л е ц к и й. Да расскажите нам, в чем дело?

К у з о в к и н *(откашливаясь и приходя в азарт)*. Дело вот в чем-с, Павел Николаич. Вы извините мою смелость... но, впрочем, вам самим угодно. Дело вот в чем-с. Сельцо Ветрово... Признаться, я отроду не говаривал перед сановником... вы меня извините, коли я что...

Е л е ц к и й. Говорите, говорите смело.

Т р о п а ч е в *(указывая Карпачову на рюмку, Кузовкину)*. А рюмочку? а?

К у з о в к и н *(отказываясь)*. Нет, уж позвольте-с...

Т р о п а ч е в. Для куражу?

К у з о в к и н. Разве для куражу. *(Пьет и утирает лоб платком.)* Итак-с, доложу вам-с, сельцо Ветрово, о котором вот теперь речь идет, сие сельцо досталось по прямой нисходящей линии от деда моего Кузовкина, Максима-с, секунд-майора, может быть, изволили слыхать,— родным братьям, Максимовым сыновьям, родителю моему, Семену, и дяде моему родному, Никтополиону. Родитель мой, Семен, с братом своим родным, а моим дядей, при жизни не делился; а дядя мой умер бездетным, вот что прошу заметить,— а толь-

ко умер он после кончины отца моего родного, Семена; а была у них сестра, тоже родная, Катерина... и вышла она, Катерина, замуж за Ягушкина, Порфирия; а у Ягушкина Порфирия был от первой жены, польки, сын Илья, пьяница горький и бурмасон, которому Илье дядя мой Никтополион, стало быть, по навету сестры Катерины, дал вексель в тысячу семьсот рублев, а сама Катерина тоже мужу своему, Порфирию, вексель в тысячу семьсот рублев определила и с отца моего родного чрез посредство заседателя уездного суда Галушкина тоже вексель... только в две тысячи рублев взяла, причем и Галушкинова жена участвовала... На этих порах отец мой — царство ему небесное — возьми да и умри. Пошли векселя ко взысканью. Никтополион туда-сюда: говорит... я не делился, имение сие мое вообще с племянником; Катерина — четырнадцатую часть, говорит, подай; казенные недоимки тоже под тот случай подвернулись... Беда! Галушкинова жена вдруг хлоп вексель с своей стороны... Никтополион говорит: за то племянник, дескать, отвечает... а какой, извольте рассудить, с малолетнего ответ?.. а Галушкин его к суду. Полькин сын туда же, да еще и мачеху, Катерину, не пощадил... и ей, говорит, не спущу... она, говорит, у меня прислужницу Акулину опоила... Заварилась каша. Покатили просьбы. В уездный суд, в губернское, а из губернского опять в уездный с надписью... а после смерти Никтополиона совсем худо пошло. Я требую ввода во владение... а тут отдается приказ: по казенным недоимкам продать сельцо Ветрово сукционного торгу. Немец Гангинместер права свои заявляет... а тут, глядишь, мужики, словно куропатки, бегут, бегут, уездный предводитель мне в дверях выговор читает, под опеку, кричит, под опеку... а какое под опеку... Законный наследник не введен... на полькина сына Илью мачеха Катерина жалобу в самый Правительствующий сенат... *(Остановленный всеобщим хохотом, Кузовкин умолкает и страшно конфузится. Трембинский, который всё время подобострастно и не совсем решительно взглядывал на господ и почтительно участвовал в их веселости, с визгом смеется в руку. Петр глупо ухмыляется, стоя у двери. Карпачов хохочет густо, но не без осторожности. Тропачев заливается. Елецкий смеется несколько пре-*

зрительно и щурит глаза. Один Иванов, который во время рассказа не раз дергал за полу разгоряченного Кузовкина, сидит потупя голову.)

Елецкий *(Кузовкину сквозь смех)*. Продолжайте, зачем же вы остановились?

Тропачев. Сделайте одолженье, как бишь вас, продолжайте.

Кузовкин. Я... извините... обеспокоил, знать...

Тропачев. А, я вижу, в чем дело... вы робеете... не правда ли, вы робеете?

Кузовкин *(погасшим голосом)*. Точно так-с.

Тропачев. Ну, этому горю помочь нужно... *(Поднимая пустую бутылку.)* Человек! дай-ка нам еще вина... *(Елецкому.)* Vous permettez? [1]

Елецкий. Сделайте одолжение... *(Трембинскому.)* Да нет ли шампанского?

Трембинский. Как не быть-с... *(Бежит к вазе с шампанским и поспешно ее приносит, Кузовкин улыбается и берется за пуговицы своего сюртука.)*

Тропачев *(Кузовкину)*. Это нехорошо, почтеннейший! Робеть... в порядочном обществе это не принято. *(Елецкому, указывая на вазу с шампанским.)* Как — уже замороженное? Mais c'est magnifique.[2] *(Наливает бокал.)* Хорошее, должно быть, вино. *(Кузовкину.)* Это вот вам. Да не отказывайтесь же... Ну, зарапортовались немножко — что за беда? Павел Николаич, прикажите ему пить...

Елецкий. За здоровье будущего владельца Ветрова! Пейте же, Василий... Василий Алексеич. *(Кузовкин пьет.)*

Тропачев. Вот люблю! *(Встает с Елецким; все встают и идут на авансцену.)* Какой славный завтрак! *(Кузовкину.)* Ну, так как же? В чем бишь дело? С кем у вас тяжба теперь?.. а?

Кузовкин *(начиная приходить в волнение от вина)*. С гангинместеровскими наследниками, разумеется...

Тропачев. Да кто этот господин?

---

[1] Разрешите? *(Франц.)*
[2] Это же великолепно. *(Франц.)*

Кузовкин. А известно, немец. Он векселя скупил, а другие говорят, что просто взял. Я сам того же мненья. Запугал баб — да и взял.

Тропачев. А Катерина-то что же глядела? А полькин сын, Илья?

Кузовкин. Э! эти все перемерли. Полькин сын даже сгорел — в постоялом дворе, в пьяном виде, на большой дороге, по случаю пожара. *(К Иванову.)* Да полно тебе меня за полу дергать. Я перед господами как следует изъясняюсь. Они сами того требуют. Что ж тут худого... а?

Елецкий. Оставьте его, г-н Иванов, нам очень приятно его слушать.

Кузовкин *(Иванову)*. То-то же. *(Елецкому и Тропачеву.)* Ведь я, господа, чего требую? Я требую справедливости, законного порядка вещей. Я не из честолюбия. Честолюбие — бог с ним совсем! рассудите, дескать, нас. Коли я виноват — ну, виноват; а коли прав, коли прав...

Тропачев *(перебивая его)*. А еще рюмочку?

Кузовкин. Нет-с, покорнейше благодарю-с. Ведь я чего требую-с...

Тропачев. В таком случае позвольте вас обнять.

Кузовкин *(не без изумленья)*. Много чести-с... Покорнейше-с...

Тропачев. Нет, вы мне очень нравитесь... *(Обнимает его и держит некоторое время.)* Поцеловал бы я вас, мой голубчик, да нет, лучше после.

Кузовкин. Как угодно-с.

Тропачев *(мигая Карпачову)*. Ну, Карпаче, теперь твоя очередь...

Карпачов *(с густым смехом)*. Ну-ка, Василий Семеныч, позвольте-ка вас прижать к моему сердцу... *(Обнимает Кузовкина и вертится с ним. Все смеются, каждый по-своему.)*

Кузовкин *(вырываясь из объятий Карпачова)*. Да полно же вам...

Карпачов. Ну, не ломайся... *(Тропачеву.)* Вы, Флегонт Александрыч, прикажите-ка лучше ему песенку спеть... Он у нас первый мастер.

Тропачев. Вы поете, друг мой?.. Ах, сделайте одолженье, покажите нам свой талант!

К у з о в к и н *(Карпачову)*. Что вы на меня за небылицы взводите? Какой я певец?

К а р п а ч о в. А при покойнике небось вы не певали за столом?

К у з о в к и н *(понизив голос)*. При покойнике... Я с тех пор состареться успел...

Т р о п а ч е в. Что вы за старик, помилуйте!

К а р п а ч о в *(указывая на Кузовкина)*. И пел-с и плясал-с.

Т р о п а ч е в. Вот как! Э! да вы, я вижу, молодец! Окажите же дружбу... а? *(Елецкому.)* C'est un peu vulgaire [1] — ну, да в деревне... *(Громко Кузовкину.)* Что же вы? ну-ка: «По улице»... *(Начинает напевать: «По улице».)* Ну?

К у з о в к и н. Увольте-с, сделайте милость.

Т р о п а ч е в. Экой несговорчивый... Елецкий, прикажите ему вы...

Е л е ц к и й *(не совсем решительным голосом)*. Да отчего же вы, Василий Семеныч, не хотите теперь петь?..

К у з о в к и н. Не те лета, Павел Николаич. Увольте.

Т р е м б и н с к и й *(прислуживаясь и с улыбкой взглядывая на господ)*. А, кажется, еще недавно на свадьбе вот их братца *(указывая на Иванова)* изволили отличаться.

Т р о п а ч е в. А, вот видите...

Т р е м б и н с к и й. Присядкой через всю комнату изволили пройти...

Т р о п а ч е в. О, в таком случае вам уже никак отказаться нельзя... За что ж вы хотите нас с Павлом Николаичем обидеть?

К у з о в к и н. То было дело вольное-с.

Т р о п а ч е в. А теперь мы вас просим. Вы хоть то в соображение примите, что ваш отказ, пожалуй, неблагодарности приписать можно. А неблагодарность... ай! какой гнусный порок!

К у з о в к и н. Да у меня и голоса совсем нету-с. А что насчет благодарности — я по гроб обязанный человек и готов жертвовать.

---

[1] Это немножко вульгарно *(франц.)*.

Кузовкин (садится вкось к Елецкому, и говорит вяло и медленно, беспрестанно ...) На чем бишь я остановился? Да — Ганчинмейстер Ганчинмейстер этот — Немец, чувствую. Ему что! Служил, служил по провиантской части — знать наворовал там тысяч тридцать — ну и говорит теперь — вексель мой. А я дворянин. Да — что бишь я хотел сказать? Ну и говорит либо заплати — либо во владенье введи — либо заплати — либо во владенье введи. Либо заплати — либо во владенье немедленно введи. Либо..

Тропачёв. Вы спите — друг мой — проснитесь.

Кузовкин (вздрагивает и снова погружается в дремотное состояние. Он говорит уже с трудом) Кто? я? — Помилуйте — с чего Вы это [illegible] — ну не равно я не сплю. Спят ночью — а теперь день. Разве теперь ночь? Я об Ганчинмейстере говорю. Ганчинмейстер этот — Ганчинмейстер Ганчинмейстер — это мой настоящий враг. Мне говорят и то и то, нет, я говорю, Ганчинмейстер — Ганчинмейстер — вот кто мне вредит (Карпачов входит с огромным колпаком из сахарной бумаги и перемигиваясь с Тропачёвым, крадется сзади к Кузовкину. Тремблинский давится от смеха. Иванов, бледный, убитый, глядит из подлобья.) Я знаю, за что он меня не любит. Знаю. Он мне всю жизнь вредил, этот Ган. чинмейстер с самого моего детства (Карпачов осторожно надевает колпак на Кузовкина) но я ему прощаю. Бог с ним. Бог с ним, совсем.

(Все хохочут. Кузовкин останавливается и с недоумением глядит кругом. — Иванов подходит к нему, схватывает его за руку и говорит ему сквозь зубы: «Посмотри, что тебе на голову надели. Ведь из тебя шута сделали». Кузовкин поднимает руки к голове, ощупывает колпак, медленно опускает руки на лицо, закрывает глаза и вдруг начинает рыдать, бормоча сквозь слезы: «За что, за что, за что» но не снимает колпака. Тропачёв с Тремблинским и Карпачовым продолжают хохотать. Петр тоже смеется, выглядывая из за двери)

Елецкий. Полноте Василий Семёныч, как Вам не стыдно из за такой безделицы плакать?

Кузовкин (отнимая руки от лица) Из за такой безделицы. Нет, это не безделица, Павел Николаич (встает и бросает колпак на пол) В первый день Вашего приезда.. в первый день. (Голос его прерывается) вот как Вы поступаете с стариком, с стариком, Павел Николаич! Вот как. За что, за что Вы меня топчете в грязь? Что я Вам сделал? помилуйте! А я Вас так ожидал, так радовался.. За что, [illegible]. Павел Николаич?

«НАХЛЕБНИК».
БЕЛОВОЙ АВТОГРАФ ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ (1848 г.)
С ИСПРАВЛЕНИЯМИ 1857 г. ЧАСТЬ ЛИСТА 10-го.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Академии наук СССР (Ленинград).

Т р о п а ч е в. Да мы от вас никакой жертвы не требуем... А вот спойте-ка нам песенку. Ну! *(Кузовкин молчит.)* Да ну же.

К у з о в к и н *(немного помолчав, начинает петь: «По улице», но голос у него на втором слове прерывается).* Не могу-с... ей-богу, не могу-с.

Т р о п а ч е в. Ну, ну, не робейте.

К у з о в к и н *(взглянув на него).* Нет-с — я петь не буду-с.

Т р о п а ч е в. Не будете?

К у з о в к и н. Не могу-с.

Т р о п а ч е в. Ну, в таком случае знаете что? Видите вы этот бокал шампанского? Я вам его за галстук вылью.

К у з о в к и н *(с волнением).* Вы этого не сделаете-с. Я этого не заслужил-с. Со мной еще никто... Помилуйте-с. Это... стыдно-с.

Е л е ц к и й *(Тропачеву).* Finissez...[1] Видите, он конфузится.

Т р о п а ч е в *(Кузовкину).* Вы не хотите петь?

К у з о в к и н. Не могу я петь-с.

Т р о п а ч е в. Вы не хотите? *(Подходя к нему.)* Раз...

К у з о в к и н *(умоляющим голосом Елецкому).* Павел Николаич...

Т р о п а ч е в . Два... *(Еще более приближается к Кузовкину).*

К у з о в к и н *(пятясь и тоскливым от отчаянья голосом).* Помилуйте-с... за что вы так со мною поступаете? Я вас не имею чести знать-с... Да и я сам всё-таки дворянин — извольте сообразить... А петь я не могу... Вы сами изволили видеть-с...

Т р о п а ч е в. В последний раз...

К у з о в к и н. Полноте-с, говорят... Я вам не шут дался...

Т р о п а ч е в. Будто вам в диковинку?

К у з о в к и н *(разгорячаясь).* Вы извольте себе другого шута сыскать.

Е л е ц к и й. В самом деле, оставьте его.

Т р о п а ч е в. Да помилуйте, ведь он при вашем тесте играл же роль шута?

---

[1] Перестаньте... *(Франц.)*

Кузовкин. То дело прошлое-с. *(Утирает лицо.)* Да и голова у меня сегодня что-то не того-с, право-с.

Елецкий. Ну, как вам угодно-с.

Кузовкин *(тоскливо)*. Не извольте на меня гневаться, Павел Николаич...

Елецкий. И, полноте! С чего вы это взяли?

Кузовкин. В другой раз, ей-богу, с удовольствием-с. *(Стараясь принять веселый вид.)* А теперь простите великодушно, коли я в чем провинился... Погорячился, господа, что делать... Стар я стал-с, вот что... Ну, и отвык тоже.

Тропачев. По крайней мере хоть выпейте этот бокал.

Кузовкин *(обрадовавшись)*. Вот это с удовольствием, с величайшим удовольствием. *(Берет бокал и пьет.)* За здоровье почтенного и дорогого гостя...

Тропачев. Ну, а песенку всё нельзя?

Кузовкин *(вино уже давно его разбирало; но после бокала и миновавшей опасности он вдруг начинает пьянеть)*. Ей-богу, не могу-с. *(Смеется.)* Точно, в кои-то веки я певал... и не хуже другого. Да теперь другие времена подошли. Теперь я что? пустой человек — и только. Вот не хуже его. *(Указывает на Иванова и смеется.)* Теперь я никуда не гожусь. А впрочем, вы меня извините. Стар я стал — вот что... Вот, например, кажется, что́ я выпил сегодня? Две-три рюмочки всего, а тут *(указывая на голову)* уж неладно.

Тропачев *(который между тем пошептался с Карпачовым)*. Это вам так кажется — полноте. *(Карпачов уходит, смеясь, и уводит Петра.)* А что ж вы нам вашего дела не досказали?

Кузовкин. А точно-с. Точно; не досказал-с. Впрочем, я готов, когда прикажете. *(Смеется.)* Только будьте ласковы... позвольте присесть. Ножки что-то... того... отказываются.

Тропачев *(подает ему стул)*. Сделайте одолженье, как бишь вас, садитесь.

Кузовкин *(садится лицом к зрителям и говорит вяло и медленно, быстро пьянея)*. На чем бишь я остановился? Да — Гангинместер. Гангинместер этот — немец, известно. Ему что! Служил-служил по провиантейской части — знать, наворовал там тьму-тьмущую —

ну и говорит теперь — вексель мой. А я дворянин. Да, что бишь я хотел сказать? Ну и говорит: либо заплати — либо во владенье введи... либо заплати — либо во владенье введи... либо заплати — либо во владенье именьем введи... либо...

Т р о п а ч е в. Вы спите, друг мой, проснитесь.

К у з о в к и н *(вздрагивает и снова погружается в дремотное состояние. Он говорит уже с трудом)*. Кто? я? Помилуйте! С чего вы это... ну, всё равно. Я не сплю. Спят ночью — а теперь день. Разве теперь ночь? Я об Гангинместере говорю. Гангинместер этот — Гангинместер... Ган-гинместер — это мой настоящий враг. Мне говорят и то и то: нет, я говорю, Ган-гин-местер. Ган-гинместер — вот кто мне вредит. *(Карпачов входит с огромным колпаком из сахарной бумаги и, перемигиваясь с Тропачевым, крадется сзади к Кузовкину. Трембинский давится от смеха. Иванов, бледный, убитый, глядит исподлобья.)* И я знаю, за что он меня не любит... Знаю, он мне всю жизнь вредил, этот Гангинместер. С самого моего детства. *(Карпачов осторожно надевает колпак на Кузовкина.)* Но я ему прощаю... Бог с ним... Бог с ним совсем...

(Все хохочут. Кузовкин останавливается и с недоумением глядит кругом. Иванов подходит к нему, схватывает его за руку и говорит ему сквозь зубы: «Посмотри, что тебе на голову надели... ведь из тебя шута делают...» Кузовкин поднимает руки к голове, ощупывает колпак, медленно опускает руки на лицо, закрывает глаза, вдруг начинает рыдать, бормоча сквозь слезы: «За что, за что, за что...», но не снимает колпака. Тропачев с Трембинским и Карпачовым продолжают хохотать. Петр тоже смеется, выглядывая из-за двери.)

Е л е ц к и й. Полноте, Василий Семеныч, как вам не стыдно из-за такой безделицы плакать?

К у з о в к и н *(отнимая руки от лица)*. Из-за такой безделицы... Нет, это не безделица, Павел Николаич... *(Встает и бросает колпак на пол.)* В первый день вашего приезда... в первый день... *(Голос его прерывается.)* Вот как вы поступаете с стариком... с стариком, Павел Николаич! Вот как! За что, за что вы меня топчете в грязь? Что я вам сделал? Помилуйте! А я вас так ожидал, так радовался... За что, Павел Николаич?

Т р о п а ч е в. Ну, полноте... что вы в самом деле?

К у з о в к и н *(бледнея и теряясь)*. Я не с вами говорю... вам позволили надо мной ломаться... вы и рады. Я с вами говорю, Павел Николаич. Что покойный ваш тесть за даровой кусок хлеба да за старые жалованные сапоги вволю надо мною потешался — так и вам того же надо? Ну да; его подарочки соком из меня вышли, горькими слезинками вышли... Что ж, и вам завидно стало? Эх, Павел Николаич! стыдно, стыдно, батюшка!.. А еще образованный человек, из Петербурга...

Е л е ц к и й *(надменно)*. Послушайте, однако, вы забываетесь. Подите к себе да выспитесь. Вы пьяны... Вы на ногах не стоите.

К у з о в к и н *(всё более и более теряясь)*. Я высплюсь, Павел Николаич, я высплюсь... Может быть, я пьян, да кто меня поил? Дело не в том, Павел Николаич. А вот вы что заметьте. Вот вы теперь при всех меня на смех подняли, вот вы меня с грязью смешали, в первый же день вашего приезда... а если б я хотел, если б я сказал слово...

И в а н о в *(вполголоса)*. Опомнись, Василий.

К у з о в к и н. Отстань! Да, милостивый государь, если б я хотел...

Е л е ц к и й. Э! да он совсем пьян! Он сам не знает, что говорит.

К у з о в к и н. Извините-с. Я пьян — но я знаю, что я говорю. Вот вы теперь — барин важный — петербургский чиновник, образованный, конечно... а я вот шут, дурак, гроша за мной нету медного, я попрошайка, дармоед... а знаете ли вы, кто я? Вот вы женились... На ком вы женились — а?

Е л е ц к и й *(хочет увести Тропачева)*. Извините, пожалуйста, я никак не мог ожидать таких глупостей...

Т р о п а ч е в. И я, признаюсь, виноват...

Е л е ц к и й *(Трембинскому)*. Уведите его, пожалуйста... *(Хочет идти в гостиную.)*

К у з о в к и н. Постойте, милостивый государь... Вы мне еще не сказали, на ком вы женились...

(Ольга показывается в дверях гостиной и с изумленьем останавливается. Муж ей делает знаки, чтоб она ушла. Она их не понимает.)

Е л е ц к и й *(Кузовкину)*. Ступайте, ступайте..

Т р е м б и н с к и й *(подходит к Кузовкину и берет его за руку)*. Пойдемте.

К у з о в к и н *(отталкивая его)*. Не дергай меня, ты! *(Вслед Елецкому.)* Вы барин, знатный человек, не правда ли? Вы женились на Ольге Петровне Кориной... Корины — фамилья ведь тоже старинная, столбовая... а знаете ли, кто она, Ольга-то Петровна? Она... она моя дочь! *(Ольга исчезает.)*

Е л е ц к и й *(останавливаясь, словно пораженный громом)*. Вы... Вы с ума сошли...

К у з о в к и н *(помолчав немного и схватив себя за голову.)* Да, я сошел с ума. *(Убегает, спотыкаясь... Иванов за ним.)*

Е л е ц к и й *(обращаясь к Тропачеву)*. Он помешанный...

Т р о п а ч е в. О... о, конечно!

(Оба тихо идут в гостиную. Трембинский и Карпачов с изумленьем глядят друг на друга. Занавес падает.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет гостиную, богато убранную по-старинному. Направо от зрителя дверь в залу, налево в кабинет Ольги Петровны. Ольга сидит на диване; подле нее стоит Прасковья Ивановна.

Прасковья Ивановна *(после небольшого молчанья)*. Так как же, матушка, каких девушек изволите к своей особе приказать определить?

Ольга *(с некоторым нетерпеньем)*. Каких хочешь.

Прасковья Ивановна. Акулина, косая, у нас хорошая девка; Марфа тоже, Марчукова дочь; прикажете их?

Ольга. Хорошо. А как зовут эту девушку... вот что собой недурна... платье на ней голубое?..

Прасковья Ивановна *(с недоуменьем)*. Голубое... А да, точно-с! Это вы про Машку-с изволите спрашивать-с. Воля милости вашей,— а только она озорница такая — что и господи! Непокорная вовсе — да и поведенья тоже нехорошего. А впрочем, как вам угодно будет-с.

Ольга. Ее лицо мне понравилось, но если она себя дурно ведет...

Прасковья Ивановна. Дурно — дурно-с. Не годится она, не сто́ит вовсе-с. *(Помолчав немного.)* Ах, матушка вы моя, как вы похорошеть изволили! Как на родительницу вашу похожи стали! Голубушка вы наша... Не нарадуемся мы, глядя на вас... Пожалуйте ручку, матушка...

Ольга. Ну, хорошо, Прасковья, ступай.

Прасковья Ивановна. Слушаю-с. А не угодно ли чего?

О л ь г а. Нет, мне ничего не нужно.

П р а с к о в ь я И в а н о в н а. Слушаю-с. Так я Акулине и Марфе так уж и прикажу-с...

О л ь г а. Хорошо, ступай. *(Прасковья хочет уйти.)* Да вели сказать Павлу Николаичу, что я желаю его видеть...

П р а с к о в ь я И в а н о в н а. Слушаю-с. *(Уходит.)*

О л ь г а *(одна)*. Что это значит? Что мне послышалось вчера?.. Я всю ночь заснуть не могла. Старик этот с ума сошел... *(Встает и ходит по комнате.)* «Она моя...» Да, да, точно эти слова. Да это безумие... *(Останавливается.)* Paul еще ничего не подозревает... А вот и он.

(Входит Елецкий.)

Е л е ц к и й *(подходя к ней с озабоченным видом)*. Ты желала меня видеть, Оля?

О л ь г а. Да... я хотела тебя попросить... В саду подле пруда дорожки совсем поросли травой... Перед домом их вычистили, а там забыли... Прикажи.

Е л е ц к и й. Я уже распорядился.

О л ь г а. А! благодарствуй... Да прикажи в городе купить колокольчиков — моим коровам на шею...

Е л е ц к и й. Всё будет исполнено. *(Хочет идти.)* Больше никаких приказаний нет?

О л ь г а. А что... разве у тебя там... дела?..

Е л е ц к и й. Счеты из конторы принесли.

О л ь г а. А! Ну, в таком случае я тебя не удерживаю... Мы можем перед обедом съездить в рощу...

Е л е ц к и й. Конечно... *(Опять хочет идти.)*

О л ь г а *(допустив его до двери)*. Paul...

Е л е ц к и й *(оборачиваясь)*. Что?

О л ь г а. Скажи, пожалуйста... вчера мне некогда было тебя спросить об этом... что это у вас была за сцена утром за завтраком?

Е л е ц к и й. А!.. Ничего. Так. Досадно только, что именно в день нашего приезда вышла такая неприятность. Впрочем, я сам виноват немножко. Этого старика, Кузовкина, вздумали подпоить,— то есть это больше нашему соседу пришло в голову, знаешь, м'сьё Тропачеву... ну, сперва он точно был довольно смешон, болтал, рассказывал,— а после начал шуметь, глупо-

сти всякие говорить — но, впрочем, ничего... И говорить об этом не стоит.

О л ь г а. А! А мне показалось...

Е л е ц к и й. О нет, нет... Вперед осторожнее надо быть — вот и всё. *(Подумав немного.)* Впрочем... я уже взял свои меры...

О л ь г а. Как?

Е л е ц к и й. Да. Вот видишь ли, хотя оно и ничего... но всё-таки тут люди были, видели... слышали, наконец. Оно неприлично... в порядочном доме... Так уж я и распорядился.

О л ь г а. Как же ты распорядился?

Е л е ц к и й. Я... вот, видишь ли... Я старику этому объяснил, что ему самому будет неприятно остаться здесь, у нас в доме, после подобной сцены, как ты сама говоришь... Он тотчас же совершенно со мной согласился — хмель-то у него прошел... Конечно, он человек бедный — жить ему нечем... Ну, что ж, ему можно будет в другой какой-нибудь твоей деревне комнатку отвести, жалованье назначить, харчи... Он очень будет доволен... разумеется, ему ни в чем не будут отказывать.

О л ь г а. Поль, мне кажется, что за такую безделицу... ты его слишком строго наказываешь... Он здесь в доме так давно живет... Он привык... он меня с детства знает... право, его, кажется, можно здесь оставить.

Е л е ц к и й. Оля... нет... тут есть причины... Конечно, с старика взыскивать строго нельзя... особенно же он был не в своем виде... но всё-таки, позволь уж мне на этот счет распорядиться... Я повторяю, на то есть причины... довольно важные.

О л ь г а. Как хочешь.

Е л е ц к и й. Притом уж он, кажется, уложился совсем.

О л ь г а. Но он не уедет, не простясь со мной?

Е л е ц к и й. Я думаю, он придет проститься. Впрочем, если тебе, знаешь, эдак неприятно — ты можешь его не принять.

О л ь г а. Напротив, я бы желала с ним поговорить...

Е л е ц к и й. Как хочешь, Оля... но я бы тебе не советовал... Ты разжалобишься, и потом всё-таки

старик, ну, с детства тебя знал... А я, признаться, не хотел бы свое решенье переменить...

Ольга. О нет — не бойся... Только я, право, думаю, что он уедет не простясь... Пошли узнать, пожалуйста, что он, еще не уехал?

Елецкий. Изволь. *(Звонит.)* Vous êtes jolie, comme un ange, aujourd'hui.[1]

Петр *(входя)*. Чего изволите-с?

Елецкий. Поди, любезный мой, узнай там, что, г-н Кузовкин не уехал еще? *(Взглянув на Ольгу.)* Так чтоб пришел проститься.

Петр. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Ольга. Поль... а у меня до тебя есть просьба.

Елецкий *(ласково)*. Скажи, какая...

Ольга. Послушай... Вот как придет этот... Кузовкин... оставь меня с ним наедине.

Елецкий *(помолчав немного, с холодной улыбкой)*. Да мне кажется... напротив... тебе будет неловко.

Ольга. Нет, пожалуйста; у меня есть до него дело... Мне нужно спросить его... Да, я желаю с ним поговорить наедине.

Елецкий *(посмотрев на нее пристально)*. Да разве ты что-нибудь... вчера...

Ольга *(глядя на мужа самым невинным образом)*. Что?

Елецкий *(поспешно)*. Ну, как хочешь, как хочешь... Вот он, кажется, идет.

(Входит Кузовкин. Он очень бледен.)

Ольга. Здравствуйте, Василий Петрович... *(Кузовкин молча кланяется.)* Здравствуйте. *(Елецкому.)* Eh bien, mon ami? Je vous en prie.[2]

Елецкий *(жене)*. Oui, oui.[3] *(Кузовкину.)* Вы уже совсем собрались?

Кузовкин *(глухо и с трудом)*. Совсем собрался-с.

Елецкий. Ольга Петровна желает с вами поговорить... проститься с вами... Вы, пожалуйста, если

---

[1] Вы сегодня прелестны, как ангел. *(Франц.)*
[2] Ну что же, мой друг? Прошу вас. *(Франц.)*
[3] Да, да. *(Франц.)*

что вам нужно... скажите ей... *(Ольге.)* Au revoir...[1] Ведь ты не долго с ним останешься?

Ольга. Не знаю... не думаю.

Елецкий. Ну, хорошо... *(Уходит в залу.)*

Ольга *(садится на диван и указывает на кресла Кузовкину)*. Сядьте, Василий Петрович... *(Кузовкин кланяется и отказывается.)* Сядьте, я прошу вас. *(Кузовкин садится, Ольга некоторое время не знает, с чего начать разговор.)* Вы, я слышала, уезжаете?

Кузовкин *(не поднимая глаз)*. Точно так-с.

Ольга. Мне Павел Николаич сказывал... Мне это, поверьте, очень неприятно...

Кузовкин. Не извольте беспокоиться... Много благодарен... я так-с.

Ольга. Вам... в новом вашем месте жительства будет так же хорошо... даже лучше... будьте спокойны... я прикажу.

Кузовкин. Много благодарен! Я чувствую-с... я не стою-с. Кусок хлеба — да угол какой-нибудь-с... больше мне и не следует-с. *(После некоторого молчанья, поднимается.)* А теперь позвольте проститься... Провинился я точно... простите старика.

Ольга. Что ж вы так спешите... Погодите.

Кузовкин. Как прикажете-с. *(Садится опять.)*

Ольга *(опять помолчав немного)*. Послушайте, Василий Петрович... скажите мне откровенно, что такое с вами вчера поутру случилось?

Кузовкин. Виноват-с, Ольга Петровна, кругом виноват.

Ольга. Однако как же это вы...

Кузовкин. Не извольте меня расспрашивать, Ольга Петровна... Не стоит-с. Виноват-с кругом — и только. Павел Николаич совершенно правы-с. Меня бы еще не так следовало наказать... Век за них буду бога молить-с.

Ольга. Я, признаюсь, с своей стороны, такой большой вины не вижу... Вы уже не молоды... вероятно, от вина отвыкли — ну, пошумели немного...

Кузовкин. Нет-с, Ольга Петровна, не извольте меня оправдывать-с. Покорно вас благодарю — а только я чувствую свою вину.

---

[1] До свидания... *(Франц.)*

Ольга. Или вы, может быть, сказали что-нибудь обидное для моего мужа и для г-на Тропачева?..

Кузовкин *(опуская голову)*. Виноват-с.

Ольга *(не без волнения)*. Послушайте, Василий Петрович, хорошо ли вы помните все ваши слова?

Кузовкин *(вздрагивает, глядит на Ольгу и медленно произносит)*. Не знаю-с... какие слова...

Ольга. Вы, говорят, что-то сказали...

Кузовкин *(поспешно)*. Соврал-с, Ольга Петровна, непременно соврал-с. Что пришло на язык, то и сказал. Виноват-с. Не в своем уме находился.

Ольга. Однако... с чего бы, кажется, пришло вам в голову...

Кузовкин. А бог знает, с чего. Сумасшествие просто. Я, признаюсь, от вина уже отвык совершенно. Ну выпил — ну и пошел. Бог знает что наболтал-с. Оно бывает-с. А я всё-таки виноват кругом — и наказан поделом. *(Хочет подняться.)* Позвольте проститься, Ольга Петровна... Не извольте поминать лихом.

Ольга. Я вижу, вы не хотите со мной говорить откровенно. Вы меня не бойтесь... Ведь я не то, что Павел Николаич... Ну, его вы можете бояться, положим... Вы его не знаете... он с виду кажется таким строгим. А меня-то зачем вы боитесь... Ведь вы меня ребенком знали.

Кузовкин. Ольга Петровна, сердце у вас ангельское... Пощадите бедного старика.

Ольга. Помилуйте! я, напротив, желала бы...

Кузовкин. Не напоминайте мне про вашу молодость... уж и так мне на душе горько... ох, горько! Под старость лет из вашего дома выезжать приходится — и по своей вине...

Ольга. Послушайте, Василий Петрович, есть еще средство помочь вашему горю... будьте только со мной откровенны... послушайте... я... *(Вдруг встает и отходит немного в сторону.)*

Кузовкин *(глядя ей вслед)*. Не извольте беспокоиться, Ольга Петровна,— право, не стоит-с. Я и там об вас буду бога молить. А вы иногда вспомните обо мне — скажите: вот старик Кузовкин Василий преданный мне был человек...

Ольга *(снова обращаясь к Кузовкину)*. Василий

Петрович, точно вы мне преданный человек, точно вы меня любите?

Кузовкин. Матушка вы моя, прикажите мне умереть за вас.

Ольга. Нет, я не требую вашей смерти, я хочу правды, я хочу знать правду.

Кузовкин. Слушаю-с.

Ольга. Я... я слышала ваше последнее восклицанье.

Кузовкин *(едва выговаривая слова)*. Какое... восклицанье?..

Ольга. Я слышала... что́ вы сказали обо мне. *(Кузовкин поднимается с кресел и падает на колена.)* Что ж это, правда?

Кузовкин *(заикаясь)*. Помилуйте, простите великодушно... Сумасшествие — я уже вам докладывал... *(Голос у него прерывается.)*

Ольга. Нет — вы не хотите сказать мне правду.

Кузовкин. Сумасшествие, Ольга Петровна, простите...

Ольга *(схватывая его за руку)*. Нет, нет... ради бога... заклинаю вас самим богом... умоляю вас, скажите мне, что́ это — правда? правда? *(Молчание.)* За что ж вы меня мучите?

Кузовкин. Так вы хотите знать правду?

Ольга. Да. Говорите же — правда это?

(Кузовкин поднимает глаза, глядит на Ольгу... Черты лица его выражают мучительную борьбу. Он вдруг опускает голову и шепчет: «Правда».— Ольга быстро отступает от него и остается неподвижной... Кузовкин закрывает лицо руками. Дверь из залы растворяется — и входит Елецкий. Он сперва не замечает Кузовкина, который всё на коленах,— и подходит к жене.)

Елецкий. Ну, что ж — ты кончила? *(Останавливается с изумленьем)*. A voilà, je vous ai dit...[1] Вот он прощенья стал просить...

Ольга. Поль, оставь нас одних...

Елецкий *(с недоуменьем.)* Mais, ma chère...[2]

Ольга. Прошу тебя, умоляю тебя, оставь нас...

---

[1] Ну вот, я же вам говорил... *(Франц.)*
[2] Но, моя дорогая... *(Франц.)*

Е л е ц к и й *(помолчав немного)*. Изволь... только, я надеюсь, что ты объяснишь мне эту загадку... *(Ольга кивает головой утвердительно, Елецкий медленно выходит.)*

О л ь г а *(быстро идет к двери залы, запирает ее на ключ и возвращается к Кузовкину, который всё еще не поднимается)*. Встаньте... встаньте, говорю вам.

К у з о в к и н *(тихо поднимается)*. Ольга Петровна... *(Он, видимо, не знает, что сказать.)*

О л ь г а *(указывая ему на диван)*. Сядьте здесь. *(Кузовкин садится. Ольга останавливается в некотором расстоянье и стоит к нему боком.)* Василий Петрович... вы понимаете мое положенье.

К у з о в к и н *(слабо)*. Ольга Петровна, я вижу... Я точно в уме повредился... Извольте меня отпустить, а то я еще бед наделаю... Я сам не знаю, что говорю.

О л ь г а *(дыша с трудом)*. Нет, полноте, Василий Петрович. Теперь дело сделано. Теперь вы отказаться от ваших слов не можете... Вы должны мне всё сказать... всю правду... теперь.

К у з о в к и н. Да ведь я...

О л ь г а *(быстро)*. Я говорю вам, поймите же, наконец, и мое положенье и ваше... Или вы оклеветали мою мать... в таком случае извольте сейчас выйти и не показывайтесь мне на глаза... *(Она протягивает руку к двери... Кузовкин хочет подняться и опускается снова.)* А! вот вы остаетесь — вы видите, что вы остаетесь...

К у з о в к и н *(тоскливо)*. О, господи боже мой!

О л ь г а. Я хочу всё знать... Вы должны мне всё сказать... слышите?

К у з о в к и н *(с отчаяньем)*. Ну да... да... Вы всё узнаете... коли уж такая стряслась надо мною беда... Только, Ольга Петровна, не извольте так глядеть на меня... а то я... я, право, не могу...

О л ь г а *(стараясь улыбнуться)*. Василий Петрович, я...

К у з о в к и н *(робко)*. Меня... меня Васильем Семенычем зовут, Ольга Петровна... *(Ольга краснеет и едва пожимает плечами. Она всё стоит в некотором расстоянье от Кузовкина.)* Да-с... ну, с чего же... прикажете мне начать-с...

О л ь г а *(краснея и с замешательством)*. Василий Семеныч, как вы хотите... чтоб я...

К у з о в к и н *(готовый заплакать)*. Да я не могу говорить, когда вы так...

О л ь г а *(протягивая ему руку)*. Успокойтесь... говорите... Вы видите, в каком я состоянии... Принудьте себя.

К у з о в к и н. Слушаю, матушка, Ольга Петровна. Ну-с, позвольте-с. с чего же я начну? О господи!.. Ну, да-с. Так вот-с. Я вам, если позволите, сперва так немножко расскажу... Да-с. Сейчас, сейчас... Лет мне эдак было двадцать с небольшим... А родился я, можно сказать, в бедности,— а потом и последнего куска хлеба лишился — и совершенно, можно сказать, несправедливо... а впрочем, воспитанья, конечно, не получил никакого... Батюшка ваш покойный *(Ольга вздрагивает)*, царство ему небесное!.. надо мною сжалиться изволил — а то бы я совсем пропал, точно; живи, дескать, у меня в доме, пока-де место тебе сыщу. Вот я у вашего батюшки и поселился. Ну, конечно, места на службе сыскать не легко — вот я так и остался. А батюшка ваш в ту пору еще в холостом состоянье проживал — а там, годика эдак через два, стал за вашу матушку свататься — ну и женился. Ну, вот и начал он жить с вашей матушкой... да двух сыночков с нею прижил — да только они оба скоро померли. И скажу я вам, Ольга Петровна, был ваш покойный батюшка крутой человек, такой крутой, что и прости господи!.. на руку тоже маленечко дерзок — и когда, бывало, осерчают, самих себя не помнят. Выпить тоже любил. А впрочем, хороший был человек-с и мой благодетель. Ну-с, вот сначала жил он, батюшка-то ваш, с покойницей матушкой вашей в больших ладах... Только недолго. Матушка ваша — царство ей небесное!.. была, можно сказать, ангел во плоти — и собой красавица... Да что-с! Судьба-с! Соседка у нас в ту пору завелась... Ваш батюшка возьми да к ней и привяжись... Ольга Петровна, простите меня великодушно, коли я...

О л ь г а. Продолжайте.

К у з о в к и н. Вы же сами изволили требовать. *(Проводит рукой по лицу.)* О, господи боже мой, помоги мне грешному! Вот ваш батюшка и привязался к той соседке, чтоб ей пусто было и на том свете! Стал к ней каждинный божий день ездить, часто даже на ночь домой не приезжал. Худо пошли дела. Матушка ваша,

бывало, по целым дням сидит одинешенька, молчит; а то и всплакнет... Я, разумеется, тут же сижу, сердце во мне так и надрывается, а рта разинуть не смею. На что ей, думаю, мои глупые речи! Другие соседи, помещики, к вашему батюшке тоже неохотно езжали, отбил он их от дому своим, можно сказать, высокомерьем; так вот, вашей матушке, бывало, не с кем и словечка было перемолвить... Сидит, бывало, сердешная, у окна, даже книжки не читает — сидит да поглядывает на дорогу, в поле-с. А у батюшки-то у вашего между тем бог весть отчего,— кажется, никто ему не прекословил,— ндрав еще более попортился. Грозный стал такой, что беда! И вот что опять удивительно: вздумал он вашу матушку ревновать, а к кому тут было ревновать, господи боже мой! Сам, бывало, уедет, а ее запрет, ей-богу! От всякой безделицы в гнев приходил. И чем ваша матушка более перед ним смирялась, тем он пуще злился. Наконец, совсем перестал с ней разговаривать, вовсе ее бросил. Ах, Ольга Петровна! Ольга Петровна! Натерпелась она в ту пору горя, ваша-то матушка! Вы ее не можете помнить, Ольга Петровна, млады вы были слишком, голубушка вы моя, когда она скончалась. Такой души добрейшей, чай, теперь уж и нет на земле. Уж как же она и любила вашего батюшку! Он на нее и не глядит, бывало, а она-то без него со мной всё о нем да о нем разговаривает, как бы помочь? как бы угодить? Вдруг в один день собрался ваш батюшка. Куда? — В Москву, говорит, один еду, по делам,— а какое один: на первой же подставе соседка его ждала. Вот и уехали они вместе и целых шесть месяцев пропадали,— шесть месяцев, Ольга Петровна! и письма ни одного домой не писал во всё время! Вдруг приезжает, да такой сумрачный, сердитый... Соседка-то его бросила, как мы потом узнали. Заперся у себя в комнате, да и не показывается. Даже люди все в удивление пришли. Не вытерпела, наконец, покойница... перекрестилась — бояться она его стала, бедняжка! — да и вошла к нему. Начала его уговаривать, а он как вдруг закричит на нее да, взявши палку... *(Кузовкин взглядывает на Ольгу.)* Виноват, Ольга Петровна.

Ольга. Правду вы говорите, Василий Семеныч?

Кузовкин. Убей меня бог на самом этом месте.

О л ь г а. Продолжайте.

К у з о в к и н. Вот он и... да-с. Ах, Ольга Петровна, смертельно оскорбил он вашу матушку и словами и... и прочим-с... Покойница словно полуумная на свою половину прибежала, а он крикнул людей да в отъезжее поле... Тут вот... тут... случилось... дело... *(Голос его слабеет.)* Не могу, Ольга Петровна, ей-богу не могу.

О л ь г а *(не глядя на него)*. Говорите. *(После небольшого молчания, с нетерпением.)* Говорите.

К у з о в к и н. Слушаю, Ольга Петровна. Должно полагать-с, что у вашей матушки, у покойницы, от такой обиды кровной на ту пору ум помешался... болезнь приключилась... Как теперь ее вижу... Вошла в образную, постояла перед иконами, подняла было руку для крестного знамения да вдруг отвернулась и вышла... даже засмеялась потихоньку... Осилил-таки и ее лукавый. Жутко мне стало, глядя на нее. За столом ничего не изволила кушать, всё изволила молчать и на меня смотрела пристально... а вечером-с... По вечерам я, Ольга Петровна, один с ней сиживал — вот именно в этой комнате — знаете, эдак в карты иногда, от скуки, а иногда так, разговор небольшой... Ну-с, вот-с, в тот вечер... *(Он начинает задыхаться.)* Ваша матушка покойница, долго-долго помолчавши, эдак обратилась вдруг ко мне... А я, Ольга Петровна, на вашу матушку только что не молился, и любил же я ее, вашу матушку... вот она и говорит мне вдруг: «Василий Семеныч, ты, я знаю, меня любишь, а он вот меня презирает, он меня бросил, он меня оскорбил... Ну так и я же...» Знать, рассудок у ней от обиды помутился, Ольга Петровна, потерялась она вовсе... А я-то, а я... я ничего не понимаю-с, голова тоже эдак кругом... вот, даже вспомнить жутко, она вдруг мне в тот вечер... Матушка, Ольга Петровна, пощадите старика... Не могу... Скорей язык отсохнет! *(Ольга молчит и отворачивается; Кузовкин глядит на нее и с живостью продолжает.)* На другой же день, вообразите, Ольга Петровна, меня дома не было — помнится, я на заре в лес убежал,— на другой же день вдруг скачет доезжачий на двор... Что такое? Барин упал с лошади, убился насмерть, лежит без памяти... На другой же день, Ольга Петровна, на другой день!.. Ваша матушка тотчас

карету — да к нему... А лежал он в степной деревушке, у священника, за сорок верст... Как ни спешила, сердечная, а в живых уже его не застала... Господи боже мой! мы думали все, что она с ума сойдет... До самого вашего рождения всё хворала — да и потом не справилась... Вы сами знаете... недолго пожила она на свете... *(Он опускает голову.)*

Ольга *(после долгого молчания)*. Стало быть... я ваша дочь... Но какие доказательства?..

Кузовкин *(с живостью)*. Доказательства? Помилуйте, Ольга Петровна, какие доказательства? у меня нет никаких доказательств! Да как бы я смел? Да если б не вчерашнее несчастье, да я бы, кажется, на смертном одре не проговорился, скорей бы язык себе вырвал! И как это я не умер вчера! Помилуйте! Ни одна душа до вчерашнего дня, Ольга Петровна, помилуйте... Я сам, наедине будучи, об этом думать не смел. После смерти вашего... батюшки... я было хотел бежать куда глаза глядят... виноват — не хватило силы — бедности испугался, нужды кровной. Остался, виноват... Но при вашей матушке, при покойнице, я не только говорить или что, едва дышать мог, Ольга Петровна. Доказательства! В первые-то месяцы я вашей матушки и не видал вовсе — оне к себе в комнату заперлись и, кроме Прасковьи Ивановны, горничной, никого до своей особы не допускали... а потом... потом я ее точно видал, но, вот как перед господом говорю, в лицо ей глядеть боялся... Доказательства! Да помилуйте, Ольга Петровна, ведь я всё-таки не злодей какой-нибудь и не дурак — свое место знаю. Да если б не вы сами мне приказали... не смущайтесь, Ольга Петровна, помилуйте... О чем вы беспокоиться изволите? какие тут доказательства! Да вы не верьте мне, старому дураку... Соврал — вот и всё... Я ведь точно иногда не знаю сам, что говорю... Из ума выжил... Не верьте, Ольга Петровна, вот и всё. Какие доказательства!

Ольга. Нет, Василий Семеныч, я с вами лукавить не стану... Вы не могли... выдумать такую... Клеветать на мертвых — нет, это слишком страшно... *(Отворачивается.)* Нет, я вам верю...

Кузовкин *(слабым голосом)*. Вы мне верите...

Ольга. Да... *(Взглянув на него и содрогаясь.)* Но это ужасно, это ужасно!.. *(Быстро отходит в сторону.)*

Кузовкин *(протягивая ей вслед руки)*. Ольга Петровна, не беспокойтесь... Я вас понимаю... Вам, с вашим образованием... а я, если б опять-таки не для вас, я бы сказал вам, что́ я такое... но я себя знаю хорошо... Помилуйте, или вы думаете, что я не чувствую всего... Ведь я вас люблю, как родную... Ведь, наконец, вы всё-таки... *(Быстро поднимается.)* Не бойтесь, не бойтесь, у меня это слово не сойдет с языка... Позабудьте весь наш разговор, а я уеду сегодня, сейчас... Ведь мне теперь уже нельзя здесь оставаться, никак нельзя... Что ж, я и там за вас *(у него навертываются слезы)*... и везде за вас и за вашего супруга... а я, конечно, сам виноват — лишился, можно сказать, последнего счастия... *(Плачет.)*

Ольга *(в невыразимом волнении)*. Да что же это такое? Ведь он всё-таки мой отец... *(Оборачивается и видя, что он плачет.)* Он плачет... не плачьте же, полноте... *(Она подходит к нему.)*

Кузовкин *(протягивая ей руку)*. Прощайте, Ольга Петровна...

(Ольга тоже нерешительно протягивает ему руку — хочет принудить себя броситься ему на шею, но тотчас же с содроганьем отворачивается и убегает в кабинет. Кузовкин остается на том же месте.)

Кузовкин *(хватаясь за сердце)*. Боже мой, господи боже мой, что со мною делается?

Голос Елецкого *(за дверью)*. Ты заперлась, Оля!.. Оля!..

Кузовкин *(приходит в себя)*. Кто это?.. Он... Да... Что бишь?..

Голос Елецкого. К нам г-н Тропачев приехал. Je vous l'annonce...[1] Оля, отвечай же мне... Василий Семенович, тут вы, что ли?

Кузовкин. Точно так-с.

Голос Елецкого. А Ольга Петровна где?

Кузовкин. Изволили выйти-с.

Голос Елецкого. А! отоприте же мне.

(Кузовкин отпирает; входит Елецкий.)

Елецкий *(оглядываясь, про себя)*. Всё это очень странно. *(Кузовкину холодно и строго.)* Вы уходите?

Кузовкин. Точно так-с.

---

[1] Я вас предупреждаю... *(Франц.)*

Е л е ц к и й. А! Ну так чем же у вас разговор кончился?

К у з о в к и н. Разговор... разговора собственно не было-с, а я у Ольги Петровны милостивого прощенья попросил.

Е л е ц к и й. Ну, и она?

К у з о в к и н. Оне изволили сказать, что более не гневаются... а я вот теперь ехать собираюсь.

Е л е ц к и й. Ольга Петровна, следовательно, не переменила моего решенья?

К у з о в к и н. Никак нет-с.

Е л е ц к и й. Гм... Мне очень жаль... но вы понимаете сами, Василий Семеныч, что-о-о...

К у з о в к и н. Как же-с, Павел Николаич, совершенно с вами согласен. Еще милостиво поступить со мной изволили. Покорнейше вас благодарю.

Е л е ц к и й. Мне приятно видеть, что вы по крайней мере чувствуете свою вину. Итак — прощайте... Если что нужно будет, пожалуйста, не церемоньтесь... Я хотя и отдал старосте приказ — но вы можете во всякое время обратиться прямо ко мне...

К у з о в к и н. Покорно благодарю-с. *(Кланяется.)*

Е л е ц к и й. Прощайте, Василий Семеныч. А впрочем, погодите немного... Э-э-э-э... г-н Тропачев к нам приехал — так вот он сейчас сюда войдет... я бы желал, чтобы вы при нем то же самое повторили — вот то, что вы мне сегодня поутру сказали...

К у з о в к и н. Слушаю-с.

Е л е ц к и й. Хорошо. *(К входящему Тропачеву.)* Mais venez donc — venez donc![1] *(Тропачев подходит, рисуясь по обыкновению.)* Ну, что, кто выиграл?

Т р о п а ч е в. Разумеется, я. А ваш бильярд удивительно хорош. Только представьте, г-н Иванов отказался играть со мной! говорит: у меня голова болит. Господин Иванов... и болит голова!! а? Et madame? [2] Надеюсь, она здорова?

Е л е ц к и й. Слава богу,— она сейчас придет.

Т р о п а ч е в *(с любезной фамильярностью)*. А ведь послушайте, ваш приезд — ведь это совершенное счастье для нашего брата степняка — хе-хе — une bon-

---

[1] Ну, входите, входите же! *(Франц.)*

[2] А ваша супруга? *(Франц.)*

ne fortune...[1] *(Оглядывается и замечает Кузовкина.)* А, боже мой,— и вы тут?

(Кузовкин молча кланяется.)

Елецкий *(громко Тропачеву, указывая подбородком на Кузовкина)*. Да... он сегодня ужасно сконфужен — вы понимаете — после вчерашней глупости — с самого вот утра у нас у всех прощенья просит.

Тропачев. А! видно, вино не свой брат?.. Что скажете? То-то.

Кузовкин *(не поднимая глаз)*. Виноват-с, совершенное безумие, можно сказать, нашло-с.

Тропачев. Ага! То-то же, ветровский помещик... *(К Елецкому.)* И ведь придет же мысль в голову... После этого, наконец, ничего нет удивительного в каком-нибудь сумасшедшем, который себя,— ну, я не знаю чем,— китайским императором считает... А иной, говорят, воображает, что у него в желудке солнце и луна, и всё, что хотите... Хе-хе. Так-то, так-то, ветровский помещик.

Елецкий *(который желал бы переменить предмет разговора)*. Да... Так о чем бишь я хотел вас спросить, Флегонт Александрыч — когда же мы на охоту?

Тропачев. Когда хотите... Вы ведь видите... Я ведь вот без церемонии с вами... вчера был и сегодня вот опять приехал... Стало быть, и вы со мною так же должны... Постойте, я у Карпачова спрошу. Он это лучше знает. Он нам скажет, куда ехать. *(Подходит к двери залы.)* Карпачов! поди сюда, братец! *(К Елецкому.)* Он стреляет славно — а на бильярде я его обыгрываю. *(Входит Карпачов.)* Карпачов — вот Павел Николаич завтра на охоту желает ехать — так куда бы, а?

Карпачов. Поедемте в Колобердово, к Вохряку. Там теперь, должно быть, много тетеревов.

Елецкий. А далеко отсюда?

Карпачов. Прямым трахтом тридцать верст, а проселком, в объезд — меньше будет.

Елецкий. Ну хорошо. *(Входит из кабинета Прасковья Ивановна.)* Чего тебе?

Прасковья Ивановна *(с поклоном Елецкому)*. Барыня вас к себе просят-с.

---

[1] счастливый случай... *(Франц.)*

Елецкий. Зачем?

Прасковья Ивановна. Не могу знать-с.

Елецкий. Скажи, что сейчас приду. *(Тропачеву.)* Вы позволите? *(Прасковья Ивановна уходит.)*

Тропачев *(качая головой)*. Э-эх, Павел Николаич, как вам не стыдно спрашивать... Ступайте, ради бога...

Елецкий. Мы вас недолго заставим ждать.

(Уходит. Кузовкин, всё время стоявший недалеко от двери залы, хочет воспользоваться этим мгновением и уйти.)

Тропачев *(Кузовкину)*. Куда же вы, любезный, куда? Останьтесь, поболтаемте.

Кузовкин. Мне нужно-с...

Тропачев. Э, полноте, какая вам там нужда? Вы, может быть, стыдитесь... Что за пустяки! С кем этого не случается? *(Берет его под руку и ведет на авансцену.)* То есть постойте — я хочу сказать — с кем не случается выпить... а признаюсь, вы удивили нас вчера! Какое родство сыскал — а? Экая фантазия, подумаешь!

Кузовкин. Больше по глупости-с.

Тропачев. Оно та-ак, а всё-таки удивительно. Почему именно: дочь? Чудеса! А ведь, признайтесь, вы бы от такой дочери не отказались? а? *(Толкает его под бок.)* Нет — говорите — а? *(Карпачову.)* У него губа не дура — а? как ты думаешь? *(Карпачов смеется.)*

Кузовкин *(хочет отнять свою руку у Тропачева)*. Позвольте-с...

Тропачев. А за что вы вчера так на нас рассердились... а? Нет, скажите.

Кузовкин *(отворачивая голову, вполголоса)*. Виноват-с.

Тропачев. То-то же. Ну, бог вас простит... Так дочь? *(Кузовкин молчит.)* Послушайте, голубчик мой, что вы ко мне никогда не заедете? Я бы вас угостил.

Кузовкин. Покорнейше благодарю-с.

Тропачев. А у меня хорошо, вот спросите хоть у этого. *(Указывает на Карпачова.)* Вы бы мне опять про Ветрово рассказали.

Кузовкин *(глухо)*. Слушаю-с.

Тропачев. А вы сегодня, кажется, с Карпачо-

вым не поздоровались? *(Карпачову.)* Карпаче, ты с Васильем Семенычем по-вчерашнему не здоровался?

Карпачов. Никак нет-с.

Тропачев. Э, брат, это нехорошо.

Карпачов. Да я, позвольте, вот сейчас... *(Идет с распростертыми объятьями к Кузовкину. Кузовкин пятится. Дверь из кабинета быстро растворяется — и входит Елецкий. Он бледен и взволнован.)*

Елецкий *(с досадой)*. А я, кажется, вас просил, Флегонт Александрыч, оставить господина Кузовкина в покое...

(Тропачев с изумленьем оборачивается и глядит на Елецкого. Карпачов остается неподвижным.)

Тропачев *(не без смущенья)*. Вы, мне-е... Я не помню...

Елецкий *(продолжает сухо и резко)*. Да-с, Флегонт Александрыч, я, признаюсь, удивляюсь, что вам за охота, с вашим воспитаньем... с вашим образованьем... заниматься такими, смею сказать... пустыми шутками... да еще два дня сряду...

Тропачев *(делая рукой знак Карпачову, который тотчас отскакивает и вытягивается)*. Однако позвольте, Павел Николаич... Я, конечно... Впрочем, я точно с вами согласен... хотя, с другой стороны... А что, ваша супруга здорова?

Елецкий. Да... она скоро придет... *(Улыбаясь и пожимая руку Тропачеву.)* Вы меня, пожалуйста, извините... Я сегодня что-то не в духе.

Тропачев. О, полноте, Павел Николаич, что за беда... Притом вы правы.. с этим народом фамильярность никуда не годится... *(Елецкого слегка передергивает.)* Какая сегодня славная погода! *(Минутное молчание.)* А ведь точно вы правы... в деревне долго жить — беда! On se rouille à la campagne...[1] Ужасно... Скучно, знаете... Где тут разбирать...

Елецкий. Пожалуйста, не вспоминайте об этом больше, Флегонт Александрыч, сделайте одолжение...

Тропачев. Нет, нет, я так; я вообще; общее, знаете, замечанье. *(Опять маленькое молчанье.)* Я вам, кажется, не сказывал... Я будущей зимой уезжаю за границу.

---

[1] В деревне ржавеешь... *(Франц.)*

Е л е ц к и й. А! *(Кузовкину, который опять хочет уйти.)* Останьтесь, Василий Семеныч... Мне нужно с вами поговорить.

Т р о п а ч е в. Я думаю, года эдак два за границей остаться... А что ж madame? Будем ли мы иметь удовольствие ее видеть сегодня?

Е л е ц к и й. Как же. Да не хотите ли пока пройтись по саду? Видите, какое время? un petit tour? [1] Только позвольте мне не сопровождать вас. Мне нужно переговорить с Васильем Семенычем... Впрочем, я через несколько минут...

Т р о п а ч е в. Будьте как дома, хе-хе, милый мой Павел Николаич! Делайте ваше дело не спеша — а мы пока вот с этим смертным будем наслаждаться красотами природы... Природа — смерть моя! Вене иси, Карпаче! *(Уходит с Карпачовым.)*

Е л е ц к и й *(идет за ним вслед, запирает дверь, возвращается к Кузовкину и скрещивает руки)*. Милостивый государь! вчера я видел в вас вздорного и нетрезвого человека; сегодня я должен считать вас за клеветника и за интригана... Не извольте перебивать меня!.. за интригана и за клеветника. Ольга Петровна мне всё сказала. Вы, может быть, этого не ожидали, милостивый государь? Каким образом вы мне объясните ваше поведение? Нынче утром вы лично сознаётесь мне, что сказанное вами вчера — совершенная и чистая выдумка... А сейчас, в разговоре с моей женой...

К у з о в к и н. Я виноват... Сердце у меня...

Е л е ц к и й. Мне до вашего сердца дела нет — а я снова спрашиваю вас: ведь вы солгали? *(Кузовкин молчит.)* Солгали вы?

К у з о в к и н. Я уже вам докладывал, что я вчера сам не знал, что говорил.

Е л е ц к и й. А сегодня вы знали, что говорили. И после этого вы имеете еще столько духа, что смотрите порядочному человеку в глаза? И стыд вас еще не уничтожил?

К у з о в к и н. Павел Николаич, вы, ей-богу, слишком со мною строги. Извольте милостиво сообразить, какую пользу мог бы я извлечь из моего разговора с Ольгой Петровной?

---

[1] маленькую прогулку? *(Франц.)*

Елецкий. Я вам скажу, какую пользу. Вы надеялись этой нелепой басней возбудить ее сожаление. Вы рассчитывали на ее великодушие... денег вам хотелось, денег... Да, да, денег. И я должен вам сказать, что вы достигли вашей цели. Слушайте же: мы с женой положили выдать вам нужную сумму для обеспечения вашего существования, с тем, однако...

Кузовкин. Да я ничего не хочу!

Елецкий. Не прерывайте меня, милостивый государь!.. С тем, однако, чтобы вы избрали место жительства подальше отсюда. А я, с своей стороны, прибавлю следующее: принимая от нас эту сумму, вы тем самым сознаетесь в вашей лжи... Вас это слово, я вижу, коробит — в вашей выдумке,— и, следовательно, отказываетесь от всякого права...

Кузовкин. Да я от вас копейки не возьму!

Елецкий. Как, сударь? Стало быть, вы упорствуете? Стало быть, я должен думать, что вы сказали правду? Извольте объясниться, наконец!

Кузовкин. Ничего я не могу сказать. Думайте обо мне, что хотите — а только я ничего не возьму.

Елецкий. Однако это ни на что не похоже! Вы, пожалуй, еще останетесь здесь!

Кузовкин. Сегодня же меня здесь не будет.

Елецкий. Вы уедете! Но в каком положении оставите вы Ольгу Петровну? Вы бы хоть это сообразили, если в вас еще осталось на каплю чувства.

Кузовкин. Отпустите меня, Павел Николаевич. Ей-богу, у меня голова кругом идет. Что вы от меня хотите?

Елецкий. Я хочу знать, берете ли вы эти деньги. Вы, может быть, думаете, что сумма незначительная? Мы вам десять тысяч рублей даем.

Кузовкин. Не могу я ничего взять.

Елецкий. Не можете? Стало быть, жена моя ваша... Язык не поворачивается выговорить это слово!

Кузовкин. Я ничего не знаю... Отпустите меня. (*Хочет уйти.*)

Елецкий. Это слишком! Да знаешь ли ты, что я могу принудить тебя повиноваться!

Кузовкин. А каким это образом, смею спросить?

Е л е ц к и й. Не выводите меня из терпения!.. Не заставляйте меня напомнить вам, кто вы такой!

К у з о в к и н. Я столбовой дворянин... Вот кто я-с!

Е л е ц к и й. Хорош дворянин, нечего сказать!

К у з о в к и н. Каков ни на есть — а купить его нельзя-с.

Е л е ц к и й. Слушайте...

К у з о в к и н. Это вы в Петербурге с вашими подчиненными извольте так обращаться.

Е л е ц к и й. Слушайте, упрямый старик. Ведь вы не желаете оскорбить вашу благодетельницу? Вы уже сознались раз в несправедливости ваших слов; что же вам стоит успокоить Ольгу Петровну окончательно — и взять деньги, которые мы вам предлагаем? Или вы так богаты, что вам десять тысяч рублей нипочем?

К у з о в к и н. Не богат я, Павел Николаич; да подарочек-то ваш больно горек. Уж и так я вдоволь стыда наглотался... да-с. Вы вот изволите говорить, что мне денег надо; не надо мне денег-с. Рубля на дорогу от вас не возьму-с.

Е л е ц к и й. О, я понимаю ваш расчет! Вы притворяетесь бескорыстным; вы надеетесь эдак больше выиграть. В последний раз говорю вам: либо вы возьмете эти деньги на тех условиях, которые я изложил вам, либо я прибегну к таким мерам... к таким мерам...

К у з о в к и н. Да что вы хотите от меня, господи! Мало вам того, что я уезжаю; вы хотите, чтоб я замарался, вы хотите купить меня... Так нет же, Павел Николаич, этого не будет!

Е л е ц к и й. О, чёрт возьми! Я тебя... *(В это мгновение раздается под окном в саду голос Тропачева; он напевает: «Я здесь, Инезилья, я здесь под окном».)* Это невыносимо! *(Подходя к окну.)* Я сейчас... сейчас... *(Кузовкину.)* Даю вам четверть часа на размышление... а там уж не пеняйте! *(Уходит.)*

К у з о в к и н *(один)*. Что это со мною делают, господи! Да этак лучше прямо в гроб живому лечь! Погубил я себя! Язык мой — враг мой. Этот барин... Ведь он со мной, как с собакой, говорил, ей-богу!.. Словно во мне и души-то нет!.. Ну, хоть убей он меня... *(Из кабинета выходит Ольга; у ней в руках бумага. Кузовкин оглядывается.)* Господи...

О л ь г а *(нерешительно подходя к Кузовкину)*. Я желала видеть вас еще раз, Василий Семеныч...

К у з о в к и н *(не глядя на нее)*. Ольга Петровна... зачем... вы вашему супругу... всё изволили сообщить...

О л ь г а. Я никогда ничего не скрывала от него, Василий Семеныч...

К у з о в к и н. Так-с...

О л ь г а *(поспешно)*. Он поверил мне... *(Понизив голос.)* И согласен на всё.

К у з о в к и н. Согласен-с? На что согласен-с?..

О л ь г а. Василий Семеныч, вы добрый... вы благородный человек... Вы меня поймете. Скажите сами, можете ли вы здесь остаться?

К у з о в к и н. Не могу-с.

О л ь г а. Нет, послушайте... Я хочу знать ваше мнение... Я успела оценить вас, Василий Семеныч... Говорите же, говорите откровенно...

К у з о в к и н. Я чувствую вашу ласку, Ольга Петровна, я, поверьте, тоже умею ценить... *(Он останавливается и продолжает со вздохом.)* Нет, не могу я остаться,— никак не могу. Еще побьют, пожалуй, под старость. Да и что греха таить? — теперь я, конечно, остепенился — ну и хозяина тоже давно в доме не было... некому было эдак, знаете... Да ведь старики-то живы; они ведь не забыли... ведь я точно у покойника в шутах состоял... Из-под палки, бывало, паясничал,— а иногда и сам... *(Ольга отворачивается.)* Не огорчайтесь, Ольга Петровна... Ведь, наконец, я... я вам всётаки чужой человек... остаться я не могу.

О л ь г а. В таком случае... возьмите... это... *(Протягивает ему бумагу.)*

К у з о в к и н *(принимает ее с недоумением)*. Что это-с?

О л ь г а. Это... мы вам назначаем ... сумму... для выкупа вашего Ветрова... Я надеюсь, что вы нам... что вы мне не откажете...

К у з о в к и н *(роняет бумагу и закрывает лицо руками)*. Ольга Петровна, за что же и вы, и вы меня обижаете?

О л ь г а. Как?

К у з о в к и н. Вы от меня откупиться хотите. Да я ж вам сказывал, что доказательств у меня нет ника-

ких... Почему вы знаете, что я это всё не выдумал, что у меня не было, наконец, намеренья...

Ольга *(с живостью его перебивая)*. Если б я вам не верила, разве мы бы согласились...

Кузовкин. Вы мне верите — чего же мне больше,— на что мне эта бумага? Я сызмала себя не баловал... не начинать же мне под старость... Что мне нужно? Хлеба ломоть — вот и всё. Коли вы мне верите... *(Останавливается.)*

Ольга. Да... да... я вам верю. Нет, вы меня не обманываете — нет... Я вам верю, верю... *(Вдруг обнимает его и прижимается к его груди головой.)*

Кузовкин. Матушка, Ольга Петровна, пол... полноте... Ольга... *(Шатаясь, опускается в кресло налево.)*

Ольга *(держит его одной рукою, другой быстро поднимает бумагу с земли и жмется к нему)*. Вы могли отказать чужой, богатой женщине — вы могли отказать моему мужу,— но дочери, вашей дочери, вы не можете, вы не должны отказать... *(Сует ему бумагу в руки.)*

Кузовкин *(принимая бумагу, со слезами)*. Извольте, Ольга Петровна, извольте, как хотите, что хотите прикажите, я готов, я рад — прикажите, хоть на край света уйду. Теперь я могу умереть, теперь мне ничего не нужно... *(Ольга утирает ему слезы платком.)* Ах, Оля, Оля...

Ольга. Не плачьте — не плачь... Мы будем видеться... Ты будешь ездить...

Кузовкин. Ах, Ольга Петровна, Оля... я ли это, не во сне ли это?

Ольга. Полно же, полно...

Кузовкин *(вдруг торопливо)*. Оля, встань; идут. *(Ольга, которая почти села ему на колена, быстро вскакивает.)* Дайте только руку, руку в последний раз.

(Он поспешно целует у ней руку. Она отходит в сторону. Кузовкин хочет подняться и не может. Из двери направо входят Елецкий и Тропачев; за ними Карпачов. Ольга идет к ним навстречу мимо Кузовкина и останавливается между им и ими.)

Тропачев *(кланяясь и рисуясь)*. Enfin [1] — мы имеем счастье вас видеть, Ольга Петровна. Как ваше здоровье?

---

[1] Наконец-то *(франц.)*.

Ольга. Благодарствуйте — я здорова.

Тропачев. У вас лицо, как будто...

Елецкий (*подхватывая*). Мы оба с нею что-то сегодня не в своей тарелке...

Тропачев. И тут симпатия, хе-хе. А сад у вас удивительно хорош.

(*Кузовкин через силу поднимается.*)

Ольга. Я очень рада, что он вам понравился.

Тропачев (*словно обиженный*). Да ведь послушайте, я вам скажу — ведь он прелесть как хорош — mais c'est très beau, très beau...[1] Аллеи, цветы — и всё вообще... Да, да. Природа и поэзия — это мои две слабости! Но что я вижу? Альбомы! Точно в столичном салоне!

Елецкий (*выразительно глядя на жену, с расстановкой*). Разве тебе удалось устроить? (*Ольга кивает головой; Тропачев из приличья отворачивается.*) Он принял? Гм. Хорошо. (*Отводя ее немного в сторону.*) Повторяю тебе, что я всей этой истории не верю — но я тебя одобряю. Домашнее спокойствие не десяти тысяч стоит.

Ольга (*возвращаясь к Тропачеву, который начал было рассматривать альбом на столе*). Чем вы тут занялись, Флегонт Александрыч?

Тропачев. Так-с... Ваш альбóм — вот-с. Всё это очень мило. Скажите, вы не знакомы с Ковринскими?

Ольга. Нет, не знакомы.

Тропачев. Как,— и прежде не были знакомы? Познакомьтесь — я вам советую. У нас это почти что лучший дом в уезде, или, лучше сказать, был лучший дом до вчерашнего дня. ха-ха!

Елецкий (*между тем подошел к Кузовкину*). Вы берете деньги?

Кузовкин. Беру-с.

Елецкий. Значит — солгали?

Кузовкин. Солгал.

Елецкий. А! (*Обращаясь к Тропачеву, который рассыпается перед Ольгой и волнообразно сгибает свой стан.*) А вот. Флегонт Александрыч, мы вчера с вами

---

[1] ведь это прекрасно, прекрасно... (*Франц.*)

подсмеивались над Васильем Семенычем... а ведь он свое дело-то выиграл... Известие сейчас получено. Вот пока мы в саду гуляли.

Т р о п а ч е в. Что вы?

Е л е ц к и й. Да, да. Ольга вот мне сейчас сказала. Да спросите его самого.

Т р о п а ч е в. Неужели, Василий Семеныч?

К у з о в к и н *(который всё время до конца сцены улыбается, как дитя, и говорит звенящим от внутренних слез голосом)*. Да-с, да-с. Достается-с, достается-с.

Т р о п а ч е в. Поздравляю вас, Василий Семеныч, поздравляю. *(Вполголоса Елецкому.)* Я понимаю... вы его вежливым образом удаляете после вчерашней... *(Елецкий хочет уверять, что нет.)* Ну да... да... и как благородно, великодушно, деликатно... Очень, очень хорошо. Я готов об заклад побиться, что эта мысль *(с сладким взглядом на Ольгу)* вашей жене в голову пришла... хотя и вы, конечно... *(Елецкий улыбается. Тропачев продолжает громко.)* Хорошо, хорошо. Так теперь вам, Василий Семеныч, туда переезжать надо... Хозяйством попризаняться...

К у з о в к и н. Конечно-с.

Е л е ц к и й. Василий Семеныч мне сейчас сказал, что он даже сегодня съездить туда собирается.

Т р о п а ч е в. Еще бы. Я очень понимаю его нетерпенье. Хе, чёрт возьми! водили человека за нос, водили-водили,— ну, наконец, досталось именье... Как тут не захотеть посмотреть на свое добро? Не так ли, Василий Семеныч?

К у з о в к и н. Именно-с так-с.

Т р о п а ч е в. Ведь вам, чай, и в город придется заехать?

К у з о в к и н. Как же-с; всё в порядок привести следует.

Т р о п а ч е в. Так вам мешкать нечего. *(Подмигивая Елецкому.)* Каков Лычков, отставной стряпчий? Чай, ведь это он всё? *(Кузовкину.)* Ну и рады вы?

К у з о в к и н. Как же-с, как же не радоваться?

Т р о п а ч е в. Вы мне позволите вас навестить на новоселье... а?

К у з о в к и н. Много чести, Флегонт Александрыч.

Т р о п а ч е в *(обращаясь к Елецкому.)* Павел Николаич, как же это? надо бы Ветрово-то вспрыснуть.

Елецкий *(несколько нерешительно)*. Да... пожалуй... да. *(Подходит к двери залы.)* Позвать мне Трембинского!

Трембинский *(быстро выскакивая из двери)*. Чего прикажете?

Елецкий. А! вы здесь... бутылку шампанского!

Трембинский *(исчезая)*. Слушаю-с.

Елецкий. Да, послушайте! *(Трембинский опять появляется.)* Я, кажется, в зале господина Иванова видел — так попроси его войти.

Трембинский. Слушаю-с. *(Исчезает.)*

Тропачев *(подходя к Ольге, которая всё время стояла у стола с альбомами и то опускала глаза, то тихо поднимала их на Кузовкина)*. Madame Ковринская чрезвычайно будет рада с вами познакомиться... enchantée, enchantée [1]. Я надеюсь, что она вам понравится... Я у нее в доме совершенно как свой... Умная женщина и, знаете ли, эдак... *(Вертит рукой в воздухе.)*

Ольга *(с улыбкой)*. А!

Тропачев. Вы увидите. *(Трембинский входит с бутылками и бокалами на подносе.)* А! Ну, Василий Семеныч, позвольте вас душевно поздравить...

(Иванов входит, останавливается у двери и кланяется.)

Ольга *(ласково Иванову)*. Здравствуйте, я очень рада вас видеть... Вы слышали... вашему приятелю Ветрово достается...

(Иванов вторично кланяется и пробирается к Кузовкину. Трембинский подносит всем бокалы.)

Иванов *(вполголоса и скороговоркой Кузовкину)*. Василий, что они врут?

Кузовкин *(тоже вполголоса)*. Молчи, Ваня, молчи; я счастлив...

Тропачев *(с бокалом в руке)*. За здоровье нового владельца!

Все *(исключая Иванова, который даже свой бокал не выпивает)*. За его здоровье! За его здоровье!

Карпачов *(басом, еще раз, один)*. Многая лета!

(Тропачев сурово на него взглядывает; он конфузится. Кузовкин благодарит, кланяется, улыбается, Елецкий держит себя строго;

---

[1] в восторге, в восторге *(франц.)*.

Ольге неловко, она готова заплакать; Иванов изумлен и посматривает исподлобья.)

Кузовкин *(трепещущим голосом)*. Позвольте мне теперь... в такой для меня торжественный день — изъявить мою благодарность за все милости...

Елецкий *(перебивая его, строго)*. Да за что же, за что, Василий Семеныч, вы нас благодарите?..

Кузовкин. Да-с. Да ведь всё-таки-с вы мои благодетели... А что касается до вчерашнего моего — как бы сказать — поступка,— то простите великодушно старика... Бог знает, с чего я это и обижался-то вчера, и говорил такое...

Елецкий *(опять перебивая его)*. Ну хорошо, хорошо...

Кузовкин. И из-за чего было обижаться? Ну, что за беда... Господа пошутили... *(Взглянувши на Ольгу.)* Впрочем, нет-с, я не то-с. Прощайте, благодетели мои, будьте здоровы, веселы, счастливы...

Тропачев. Да что вы так прощаетесь, Василий Семеныч,— ведь вы не в Астрахань уезжаете...

Кузовкин *(растроганный, продолжает)*. Дай бог вам всякого благополучия... а я... мне уж и у бога нечего просить — я так счастлив, так... *(Останавливается и усиливается не плакать.)*

Елецкий *(в сторону, про себя)*. Что за сцена... Когда он уедет?

Ольга *(Кузовкину)*. Прощайте, Василий Семеныч... Когда вы к себе переедете — не забывайте нас... Я буду рада вас видеть *(понизив голос)*, поговорить с вами наедине...

Кузовкин *(целуя у ней руку)*. Ольга Петровна... Господь вас наградит.

Елецкий. Ну хорошо, хорошо, прощайте...

Кузовкин. Прощайте...

(Кланяется и вместе с Ивановым идет к дверям залы. Все его провожают. Тропачев у порога еще раз восклицает: «Да здравствует новый помещик!» Ольга быстро уходит в кабинет.)

Тропачев *(оборачивается к Елецкому и треплет его по плечу)*. А знаете ли, что я вам скажу? Вы благороднейший человек.

Елецкий. О, помилуйте! Вы слишком добры...

(Занавес падает.)

ХОЛОСТЯК

КОМЕДИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

(1849)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Михайло Иванович Мошкин, коллежский асессор, 50 лет. Живой, хлопотливый, добродушный старик. Доверчив и привязчив. Сангвинического темперамента.

Петр Ильич Вилицкий, коллежский секретарь, 23 лет. Нерешительный, слабый, самолюбивый человек.

Родион Карлович фон Фонк, титулярный советник, 29 лет. Холодное, сухое существо. Ограничен, наклонен к педантизму. Соблюдает всевозможные приличия. Человек, как говорится, с характером. Он, как многие обруселые немцы, слишком чисто и правильно выговаривает каждое слово.

Филипп Егорович Шпуньдик, помещик, 45 лет. С претензиями на образованность.

Марья Васильевна Белова, сирота, проживающая у Мошкина, 19 лет. Простая русская девушка.

Екатерина Савишна Пряжкина, тетка Марьи Васильевны, 48 лет. Болтливая, слезливая кумушка. В сущности эгоистка страшная.

Алкивиад Мартынович Созомэнос, приятель Фонка, 35 лет. Грек, с крупными чертами лица и низким лбом.

Маланья, кухарка Мошкина, 40 лет. Тупоумная чухонка.

Стратилат, мальчик в услужении у Мошкина, 16 лет. Вообще глупый, но еще более поглупевший от роста.

Митька, слуга Вилицкого, 25 лет. Бойкий слуга, доразвившийся в Петербурге.

Почтальон.

Действие происходит в Петербурге: 1-е и 3-е действия на квартире Мошкина; 2-е — на квартире Вилицкого; между 1-м и 2-м действиями — пять дней; между 2-м и 3-м — неделя.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет гостиную не богатого, но и не бедного чиновника. Направо два окна; между окнами зеркало; столик перед зеркалом. Прямо дверь в переднюю; налево дверь в другую комнату. Спереди тоже налево диван, круглый стол и несколько кресел; угол направо отгорожен зелеными ширмами. На диване лежит Стратилат. Стенные часы бьют два часа.

Стратилат. Раз... два... Два часа. Что это барин нейдет? *(Молчит.)* Я, кажется, соснул маленько. *(Опять молчит.)* А мне, никак, опять есть хочется. *(Посвистывает, берет со стола и развертывает книгу.)* Эка, подумаешь, слов-то, слов-то! Ну-ка это... да длинное же оно какое! *(Начинает разбирать по складам.)* Покой, арцы, он — про; слово, веди, ять — све — просве; ща, есть, наш — щен — просве... просве... просвещен; наш, ять — иже с краткой — ней — просве... просвещенней; ша, иже — ши — про...све...щеннейши; мыслете, иже. *(В передней раздается звонок. Стратилат поднимается, но не выпускает книги из рук.)* Мыслете, иже — ми — просве... просвещенней... *(Опять звонок.)* Тьфу ты, чёрт! Вот тут и выучись читать! *(Бросает книгу на стол и бежит отворять.)*

Мошкин *(входит. У него под мышкой голова сахару; в одной руке бутылка, в другой дамский картон).* Спал небось!

Стратилат. Никак нет-с.

Мошкин. Да... можно тебе поверить. *(Указывая ему шеей и плечом на сахарную голову.)* На, возьми. Отнеси Маланье. *(Стратилат достает голову. Мошкин идет на авансцену. Стратилат хочет идти.)* Марья Васильевна дома?

Стратилат. Никак нет-с.

Мошкин. Куда она пошла, не знаешь? *(Ставит картон и бутылку на стол и вынимает из заднего кармана пакет.)*

Стратилат. Не знаю-с. Тетушка за ней заходили-с.

Мошкин. Давно?

Стратилат. С час будет-с.

Мошкин. А Петр Ильич без меня не был?

Стратилат. Никак нет-с.

Мошкин *(помолчав немного)*. Ну, ступай. Да, позови, кстати, Маланью.

Стратилат. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Мошкин *(ощупываясь)*. Кажется, ничего не забыл. Всё, кажется, купил. Всё. Точно. *(Вынимая из кармана завернутую стклянку.)* Вот и одеколон. *(Кладет стклянку на стол.)* Который-то час? *(Глядит на часы.)* Третий в начале. Что ж это Петруша нейдет? *(Опять глядит на часы.)* В начале третий. *(Опуская руку в боковой карман.)* Вот и деньги его готовы. *(Ходит по комнате.)* Захлопотался я совсем. Ну, да и случай-то ведь какой! *(Входят Маланья и Стратилат. Мошкин живо обращается к ним.)* Ведь сегодня пятница?

Стратилат. Пятница-с.

Мошкин. Ну, конечно. *(Маланье.)* Что ж обед — будет?

Маланья. Будет-с. Как же-с!

Мошкин. И хороший обед?

Маланья. Хороший. Как же-с!

Мошкин. Смотри, матушка, не опоздай. Всё у тебя есть?

Маланья. Как же-с! Всё-с.

Мошкин. Ничего тебе не нужно?

Маланья. Ничего-с. К буденику мадеры пожалуйте.

Мошкин *(подавая ей со стола бутылку)*. На, на, на тебе мадеру. Ну, смотри же, Маланья, отличись. У нас сегодня гости обедают.

Маланья. Слушаю-с.

Мошкин. Ну. я тебя не держу; ступай с богом. *(Маланья уходит.)* Стратилат! Новый фрак мне приготовь и галстук с бантом — слышишь? *(Стратилат тоже уходит. Мошкин останавливается.)* Да что это я бегаю, словно угорелый? *(Садится и утирает лицо платком.)* Устал я, нечего сказать!.. *(Раздается звонок.)* Кто бы это? Должно быть, Петруша. *(Прислушивается.)* Нет, не его голос.

Стратилат *(входит).* Какой-то господин вас желают видеть-с.

Мошкин *(торопливо).* Какой господин?

Стратилат. Не знаю-с. Незнакомый-с.

Мошкин. Незнакомый? Да ты бы спросил у него, кто он такой?

Стратилат. Я и то у них спрашивал-с. Они говорят, что вас самих желают видеть-с.

Мошкин. Странно! Ну, проси. *(Стратилат выходит. Мошкин с волнением смотрит на дверь. Входит Шпуньдик. На нем длинный гороховый сюртук.)*

Шпуньдик *(подходя к Мошкину).* Вы меня не узнаёте?

Мошкин. Я? Я, признаюсь, кажется... не имею чести...

Шпуньдик *(с дружелюбным упреком).* Миша, Миша! старых приятелей так-то ты забываешь...

Мошкин *(вглядываясь).* Неужели?.. да нет... точно... Филипп? *(Шпуньдик раскрывает объятия.)* Шпуньдик!

Шпуньдик. Я, Миша, я... *(Бросаются друг другу на шею.)*

Мошкин *(прерывающимся голосом).* Друг... какими судьбами... давно ли? Садись. Вот не ожидал... вот случай... *(Они опять обнимаются.)* Садись, садись. *(Оба садятся и глядят друг на друга.)*

Шпуньдик. Эге-ге, брат, как мы с тобой постарели!

Мошкин. Да, брат, да. Постарели, брат, постарели. Да ведь легкое ли дело? Что ж, чай, лет двадцать не видались?

Шпуньдик. Да, двадцать лет будет. Как время-то проходит! Миша, а? Помнишь...

Мошкин *(перебивая его).* Я, брат, гляжу на тебя и просто глазам не верю. Шпуньдик, Филипп, у меня в Питере — а? Добро пожаловать, дружище! Как ты меня сыскал?

Шпуньдик. Вона! Чиновника разве мудрено сыскать? Я знал, в каком ты министерстве служишь. Кучин, Ардалион, прошлым летом ко мне в деревню заезжал... Ведь ты Ардашу Кучина помнишь?

Мошкин. Какой это Кучин? Ах, да это не тот ли,

что на дочери купца Караваева женился — и приданого, помнится, не получил?

Ш п у н ь д и к. Тот, тот самый.

М о ш к и н. Помню, помню. А он еще жив?

Ш п у н ь д и к. Жив, как же! Ну, вот от него-то я и узнал, где ты служишь... Да! Лупинус велел тебе кланяться.

М о ш к и н. Иван Афанасьич?

Ш п у н ь д и к. Какое Иван Афанасьич! Ивана Афанасьича давно на свете нет; сын его, Василий... помнишь, он еще хромой?

М о ш к и н. Ах, да, да.

Ш п у н ь д и к. Ну, вот он. Он у нас судьей теперь.

М о ш к и н *(качая головой)*. Скажи, пожалуйста! Время-то, время — а? Да, кстати, Бундюков жив?

Ш п у н ь д и к. Жив. Что ему делается? Он в прошлом году старшую дочь за немца-землемера выдал. Как же, как же! Бундюков тебе тоже кланяться велел. Мы все о тебе часто вспоминаем, Миша!

М о ш к и н. Спасибо, Филипп, спасибо. Да не хочется ли тебе чего-нибудь? Водки, что ли, закусить... Пожалуйста. Трубки не прикажешь ли? Ведь мы с тобой по-старому? *(Треплет его по ляжке и отнимает у него картуз.)*

Ш п у н ь д и к. Благодарствуй, Миша. Я не курю.

М о ш к и н. А закусить?

Ш п у н ь д и к. Нет, благодарствуй.

М о ш к и н. Чай, устал с дороги?

Ш п у н ь д и к. Ну, не могу сказать; почитай, с самой Москвы все спал.

М о ш к и н. Ведь ты у меня обедаешь?

Ш п у н ь д и к. Изволь.

М о ш к и н. Ну, вот умница. Так-то, дружище, так-то! Не ожидал, признаюсь, не ожидал. Кстати, ты женат?

Ш п у н ь д и к *(со вздохом)*. Женат. А ты?

М о ш к и н. Нет, я, брат, того... я не женат.— И дети есть?

Ш п у н ь д и к. Как не быть! Пять человек. По их милости я вот и сюда притащился.

М о ш к и н. А что?

Ш п у н ь д и к. Да нельзя же, брат. Ведь надобно ж их куда-нибудь поместить.

М о ш к и н. Разумеется, разумеется.. А где ты остановился?

Ш п у н ь д и к. Представь, близехонько. Трактир «Европу» знаешь?.. вот за Сенной. Тоже по рекомендации Кучина. Ну, брат, Петербург, скажу, город! Я еще только на Дворцовую площадь успел сходить. Признаюсь... Исакий-то, Исакий-то один чего стоит? Ну, вот и тротуары... достойны удивленья.

М о ш к и н. Да, да... у тебя еще глаза разбегутся, погоди... А что, Филипп, помнишь, у нас там соседка была...

Ш п у н ь д и к. Татьяна Подольская небось?

М о ш к и н. Да, да, она, она.

Ш п у н ь д и к. Приказала долго жить, Миша... вот уж девятый год.

М о ш к и н *(помолчав немного)*. Царство ей небесное! — Ну, а что, дела твои как идут?

Ш п у н ь д и к. Помаленьку, брат, слава богу; я не жалуюсь. А твои как? С тех пор как ты от нас переселился, чай, в большие чины попасть успел?

М о ш к и н. Нет, брат, куда нам! Какие тут большие чины! Тоже помаленьку.

Ш п у н ь д и к. Однако ж крестик-то есть?

М о ш к и н. Ну, крестик-то есть... *(Взглядывает на дверь.)*

Ш п у н ь д и к. Ты словно ждешь кого-то?

М о ш к и н. Да, жду. *(Потирая руки.)* Я, брат, в больших хлопотах теперь.

Ш п у н ь д и к. А что?

М о ш к и н. Угадай.

Ш п у н ь д и к. Да где же мне...

М о ш к и н. Нет, угадай, угадай.

Ш п у н ь д и к *(глядя ему прямо в глаза)*. Да ты... послушай, ты уж не жениться ли хочешь? Не женись, Миша, я тебе говорю!

М о ш к и н *(смеясь)*. Не беспокойся, брат... В мои-то лета! А только ты угадал — у меня и то в доме свадьба.

Ш п у н ь д и к *(указывая на стол)*. То-то я гляжу... Что за покупки такие? Кто ж это у тебя женится?

М о ш к и н. А вот погоди, я тебе —не теперь, теперь недосуг... а эдак вечерком, что ли, многое коечто порасскажу. Ты удивишься, братец. Впрочем, в ко-

ротких словах можно, пожалуй, и теперь. Вот видишь ли, Филипп, вот это у меня гостиная, а я вот сам тут сплю... *(Указывая на ширмы.)* В других-то комнатах у меня воспитанница живет, сирота круглая. Ее-то вот я замуж и выдаю.

Шпуньдик. Воспитанница?

Мошкин. Да; то есть она, впрочем, девица благородная, титулярного советника Белова дочь; с покойницей ее матушкой я незадолго до смерти познакомился — и странный такой случай вышел. Удивительно, право, как это иногда бывает... точно, должно сознаться, судьбы неисповедимы! Надобно тебе сказать, Филипп, что я на этой квартире всего третий год живу; а Машина-то матушка с самой смерти мужа своего две маленькие комнаты здесь в четвертом этаже занимала; а умер он таки давненько. *(Со вздохом.)* Говорят, перед смертью ноги себе отморозил — посуди, каков удар? Старушка жила в крайней бедности; пенсия небольшая, кой-кто благотворил — плохие, знаешь, доходы. Вот я, брат, иду раз к себе по лестнице — а дело было зимой — дворник наплескал воды, да и не подтер, вода-то на ступеньках замерзла... *(Вынимая табакерку.)* Ты табак нюхаешь?

Шпуньдик. Нет, спасибо.

Мошкин *(сильно понюхав табаку)*. Вот иду я... Вдруг мне навстречу старушка, Машина-то мать; я с ней тогда еще знаком не был. Посторониться, что ли, она захотела, или уж такая задача вышла, только вдруг она как поскользнись, да навзничь, да и переломи себе ногу... Под себя, знаешь, эдак. *(Встает, показывает Шпуньдику как и опять садится.)* Посуди, брат, в ее лета, каково положение? Я, разумеется, тотчас ее поднял, позвал людей, снес ее в комнату, уложил, побежал за костоправом... Намучилась она, бедняжка — а уж дочь-то, господи, боже мой! Вот с тех пор я и начал к ним ходить, да каждый день, каждый день... Полюбил их, ты не поверишь, — словно родных. Целые шесть месяцев вылежала старушка; ну, наконец выздоровела, стала на ноги; да вдруг нелегкая ее дерни сходить в баню: опрятность, вишь, одолела; сходила, простудилась, похворала дня четыре да богу душу и отдала. Похоронили мы ее на последние денежки... *(Складывает руки крестом.)* Ну, теперь посуди сам, Филипп,

каково было положение дочери — а? Нет, скажи, а? Родных — никого. То есть, признаться сказать, есть у нее одна родственница, вдова, Пряжкина Екатерина — по отце тетка ей доводится; да у Пряжкиной у самой гроша нет за душой медного. Правда, в Конотопском уезде жил тогда, да и теперь, чай, не издох, матери ее двоюродный брат, Грач-Пехтеря, помещик, говорят, с достатком человек; я ему тотчас же после смерти старухи Беловой и написал, что, дескать, вот как, вот как; помогите, дескать, войдите; а он мне в ответ: «Всех-де нищих не накормишь; коли вас, мол, так состраданье разобрало, так возьмите ее к себе, а мне не до того». Что ж? Я-то ее и взял к себе. Она сперва долго не соглашалась... да я настоял. Что, я говорю, помилуйте? Что вы? Я старый человек; бездетный; я вас как родную дочь люблю. Куда же вы денетесь, помилуйте? не на улицу же вам идти. Притом же и покойница на смертном одре мне ее поручала... Ну, вот она и согласилась. Вот и живет она с тех пор у меня. А уж что за девушка, Филипп, кабы ты знал! Да ты ее увидишь... Вот посмотри, ты ее с первого взгляда полюбишь...

Шпуньдик. Верю тебе, Миша, верю... А за кого же ты ее замуж выдаешь?

Мошкин. А тоже за хорошего человека; за отличного молодого человека. И всё это устроил твой покорный слуга. Я, брат, должен про себя сказать: я на судьбу жаловаться не могу; я счастлив, ей богу, счастлив... не по заслугам.

Шпуньдик. А как его зовут, можно спросить?

Мошкин. Отчего же? конечно, можно. Дело совсем слажено; недели через две, бог даст, и свадьба. Вилицкий, Петр Ильич. Его Вилицким зовут. Он со мной в одном министерстве служит. Прекрасный молодой человек. В двадцать три года коллежский секретарь, на днях титулярный, и на виду. Он далеко пойдет. Не богат он, точно, да что за беда! Малый с головой, работящий, скромный... Знакомства хорошие имеет. Он сегодня у меня обедает; впрочем, он почти каждый день у меня обедает,— только сегодня он хотел с собой привести одного своего приятеля, молодого тоже человека, но, знаешь, этакого... *(Делает значитель-*

ные движения.) Состоит при самой особе министра... ну, понимаешь...

Шпуньдик. Э, э? *(Взглянув на себя.)* Как же, брат? мне нельзя же так остаться... Позволь, я схожу фрак надену.

Мошкин. Вот вздор какой!

Шпуньдик *(вставая)*. Ну нет, Миша... на этот счет позволь уж мне... того... распорядиться. Этак гость твой, пожалуй, подумает бог знает что; это что, скажет, за степная ворона такая?.. Нет, я, брат... я ведь тоже с амбицией, воля твоя.

Мошкин *(вставая тоже)*. Ну, как хочешь... только смотри не опоздай.

Шпуньдик. Духом сбегаю. *(Берет картуз.)* Так вот, брат, ты с какими людьми водишься... *(Пожимая ему руку.)* А я на тебя, Миша, надеюсь... насчет сынишки, знаешь... да и, кроме того, жена моя мне столько комиссий надавала, что беда! Одной помады на десять рублей заказала, и всё первого сорта, косметик-бергамот. Помоги, брат; ты, я вижу *(указывая на покупки)*, на всё мастер.

Мошкин. С моим удовольствием, душа моя. И сам похлопочу и Петю попрошу. Он у меня такой услужливый; гордости, знаешь, ни малейшей. Только он всё как будто хворает с некоторых пор, словно не в духе.

Шпуньдик. Перед свадьбой-то?

Мошкин. Да и мне что-то нездоровится. Впрочем, это пустяки. Захлопотались мы с ним — вот и всё тут. А я всё-таки к твоим услугам. Сделай одолжение, брат, без церемоний.

Шпуньдик *(жмет ему руку)*. Спасибо. Ты, я вижу, не переменился.

Мошкин. Надеюсь. *(Тоже жмет ему руку.)* А ведь вот и с Петрушей тоже удивительно как я сошелся!

Шпуньдик *(который собирался идти)*. А что?

Мошкин. Ну, это я тебе после расскажу. Вообрази себе, ведь и он сирота. Родителей лишился в детстве, дядя-опекун в Петербург его привез, на службу его поместил, и странное такое при этом вышло обстоятельство... Впрочем, я это тебе всё после расскажу, а только он полный курс наук в гимназии окончил, именье, впрочем, всё потерял; к счастью, я тут подвер-

нулся... Однако я тебя не удерживаю... скоро три часа...

Шпуньдик. А обед в котором часу?

Мошкин. В четыре, брат, в четыре...

Шпуньдик. Ну, так я еще успею... *(В передней раздается звонок.)* Уж это не гости ли?

Мошкин *(прислушиваясь)*. Может быть... Да что же это Маша нейдет?

Шпуньдик *(в волнении, оглядываясь)*. Как же, брат, это... нельзя ли... того... как-нибудь...

(Входит Маша с Пряжкиной, в салопах. Они их не снимают.)

Мошкин *(увидя их)*. А! легка на помине!.. Где это вы пропадали?

Пряжкина. Да, батюшка, покупки, покупки всё...

Мошкин. Ну, хорошо, хорошо. *(Маше.)* Маша, рекомендую тебе старого моего приятеля и соседа, Филиппа Егорыча Шпуньдика. *(Шпуньдик кланяется; Маша приседает; Пряжкина глядит на Шпуньдика вовсе глаза.)* Он вот только сегодня из деревни приехал, с родины мне весточку привез. Прошу любить и жаловать.

Шпуньдик *(Маше)*. Вы извините меня, сударыня, если я... в таком, так сказать, дорожном нигляже... Я не мог знать... *(Шаркает.)*

Мошкин. Вот вздумал извиняться! Экой политичный! *(Маше.)* А ты сегодня что-то бледна, Маша? или ты устала?

Маша *(слабым голосом)*. Устала.

Мошкин *(Пряжкиной)*. Уж вы слишком много с ней бегаете, Катерина Савишна; право, вы ее замучите... Ну, однако, ступайте... Четвертый час, а вы еще не одеты. Что наш новый гость подумает? А он того и гляди нагрянет... Ступайте.

Пряжкина. Мы не опоздаем, не бойтесь...

Мошкин. Ну, хорошо, хорошо. Да вот возьмите шляпку, одеколон тоже, и прочее тут всё... *(Отдает ей покупки. Маша и Пряжкина уходят в дверь налево. Мошкин обращается к Шпуньдику.)* Ну что, Филипп, как тебе моя Маша нравится?

Шпуньдик. Очень, брат, она мне нравится... Очень, очень.

Мошкин. Ну, я знал... Однако ступай, коли уж тебе так надобно.

Шпуньдик. Как же, брат, нельзя... Мне и так перед дамами смерть было совестно... Впрочем, я сейчас явлюсь. *(Уходит в переднюю.)*

Мошкин *(кричит ему вслед)*. Смотри же не замешкайся! *(Ходит по комнате.)* Экой денек! А я рад Шпуньдику... Он хороший человек. *(Останавливается.)* Что бишь?.. Да; отчего это Маша бледна сегодня? Ну, впрочем, это понятно... Однако что ж я не одеваюсь? Стратилат! А Стратилат! *(Стратилат входит.)* Фрак подай и другой галстук. *(Снимает сюртук и шейный платок. Стратилат идет за ширмы, выносит оттуда фрак и другой галстук. Мошкин глядится в зеркало.)* Что это у меня лицо словно измято? *(Проводит щеткой по голове, начиная с затылка.)* Отчего это Петруша не заходил сегодня? Дай галстук. *(С помощью Стратилата надевает галстук.)* Точно Петра Ильича сегодня не было?

Стратилат. Никак нет-с. Я уж вам докладывал-с.

Мошкин *(с неудовольствием)*. Я знаю, что ты мне докладывал... Удивительно! Уж он, полно, здоров ли?

Стратилат. Не могу знать-с.

Мошкин *(плюет)*. Тьфу, какой ты! Я не с тобой говорю.

Маланья *(вдруг входя из передней)*. Михайло Иваныч!

Мошкин *(круто оборачиваясь к ней)*. Чего тебе?

Маланья. Денег на корицу пожалуйте.

Мошкин. На корицу? *(Хватаясь за голову.)* Да ты меня погубить собираешься, я вижу! Как же ты мне сказывала, что у тебя всё, что нужно? *(Роется в жилете.)* На тебе четвертак. Только смотри, если обед не будет готов через *(смотрит на часы)*... через четверть часа... я тебя... ты у меня... Ну, ступай же, ступай. Чего ты ждешь?

Стратилат *(вполголоса уходящей Маланье)*. Ай да куфарка!

Маланья. Ну, ну, фуфыря!

Мошкин. Поди сюда, ты, зубоскал, подай мне фрак. *(Надевает фрак; Стратилат обдергивает его*

сзади.) Ну, хорошо, ступай. Да лампы что ж ты не зажигаешь? Вишь, смеркается. *(Стратилат выходит в переднюю.)* Что за притча? Не много я, кажется, сегодня ходил... во всяком случае, не больше вчерашнего, а ноги у меня так и подкашиваются. *(Садится и глядит на часы.)* Четверть четвертого. Что ж это они нейдут? *(Оглядывается.)* Кажется, всё в порядке. *(Встает и сметает платком пыль со стола. Звонок.)* А! наконец!

Стратилат *(входит и докладывает.)* Петр Ильич Вилицкий и господин фон *(заикается)*... фон Фокин.

Мошкин *(шёпотом Стратилату)*. Что это? он велел так докладывать?

Стратилат *(тоже шёпотом)*. Оне-с. *(Стратилат выходит.)*

Мошкин *(шёпотом)*. А, а! *(Громко.)* Проси, проси.

(Входят Вилицкий и Фонк во фраках. Вилицкий бледен и как будто смущен; Фонк держит себя необыкновенно важно, строго и чинно.)

Вилицкий *(Мошкину)*. Михайло Иваныч, позвольте вам представить моего приятеля, Родиона Карлыча фон Фонка. *(Фонк чопорно кланяется.)*

Мошкин *(не без смущения)*. Мне чрезвычайно приятно и лестно... Я столько наслышался о ваших отличных качествах... Я очень благодарен Петру Ильичу...

Фонк. Я также с своей стороны весьма рад. *(Кланяется.)*

Мошкин. О, помилуйте-с!.. *(Небольшое молчание.)* Покорнейше прошу присесть... *(Все садятся. Опять воцаряется молчание. Фонк с достоинством оглядывает всю комнату. Мошкин, откашлявшись)*. Какая сегодня, можно сказать, приятнейшая погода! Холодно немножко, а впрочем, очень приятно.

Фонк. Да; сегодня холодно.

Мошкин. Та-ак-с. *(Вилицкому чрезвычайно мягким голосом.)* Что это тебя сегодня не было, Петруша? Здоров ты? *(Фонк делает едва заметное движение бровями при слове «тебя».)*

Вилицкий. Слава богу. А что Марья Васильевна?

М о ш к и н. Маша здорова... Гм. *(Фонку.)* Изволили сегодня гулять-с?

Ф о н к. Да, я прошелся раза два по Невскому.

М о ш к и н. Весьма приятная прогулка; такое всё благовидное общество; ну, песочек тоже по тротуарам... магазины... всё это очень удобно. *(Помолчав немного.)* Можно сказать, Петербург — первейшая столица мира сего.

Ф о н к. Петербург прекрасный город.

М о ш к и н *(не без робости)*. Ведь за границей-с... ничего подобного не имеется?

Ф о н к. Я думаю, ничего.

М о ш к и н. Вот особенно когда Исакий будет окончен; вот уже тогда точно... преферанс будет значительный-с.

Ф о н к. Исакиевский собор превосходное здание во всех отношениях.

М о ш к и н. Я совершенно с вами согласен-с. А позвольте узнать, его высокопревосходительство как в своем здоровье?

Ф о н к. Слава богу!

М о ш к и н. Слава богу! *(Помолчав опять.)* Гм. *(С улыбкой.)* А вот, Родион... Родион Карлыч... Вы, надеюсь, нам сделаете честь... через две недели вот... его свадьба... *(указывая на Вилицкого)*, удостойте своим присутствием.

Ф о н к. Мне будет очень лестно...

М о ш к и н. Помилуйте, напротив, нам... *(Помолчав немного.)* Вы не поверите, Родион Карлыч, как я счастлив, глядя на них на обоих... *(Неопределенно указывая на Вилицкого и на дверь налево.)* Для старика, холостого человека, как я... можете себе представить... какое это... неожиданное...

Ф о н к. Да-с. Брак, основанный на взаимной склонности и на рассудке *(он значительно выговаривает это слово)*, есть одно из величайших благ человеческой жизни.

М о ш к и н *(с благоговением выслушивая Фонка)*. Так-с, так-с.

Ф о н к. И потому я, с своей стороны, вполне одобряю намерения тех молодых людей, которые с обдуманностью *(он поднимает брови)* исполняют этот... этот священный долг.

Мошкин *(еще с бо́льшим благоговением)*. Да-с, да-с; я совершенно с вами согласен-с.

Фонк. Ибо что может быть приятнее семейной жизни? Но обдуманность при выборе супруги — необходима.

Мошкин. Конечно-с, конечно-с. Всё, что вы говорите, Родион Карлыч, так справедливо... Признаюсь... вы меня извините... но, по-моему, Петруша должен почесть себя счастливым, что заслужил ваше... благорасположение.

Фонк *(слегка жмурясь)*. Помилуйте!

Мошкин. Нет, уверяю вас, я...

Вилицкий *(поспешно перебивая его)*. Скажите, Михайло Иваныч... я бы желал видеть Марью Васильевну... мне нужно ей сказать слова два...

Мошкин. Она у себя в комнате... должно быть, теперь одевается... Впрочем, ты можешь постучаться.

Вилицкий. А! Я сейчас вернусь. *(Фонку.)* Вы позволите...

Фонк. Сделайте одолжение. *(Вилицкий выходит в дверь налево.)*

Мошкин *(глядит ему вслед, пододвигается к Фонку и берет его за руку)*. Родион Карлыч, вы извините меня, я человек простой... у меня что на сердце, то и на языке... Позвольте еще раз от души, именно от души поблагодарить вас...

Фонк *(с холодной учтивостью)*. За что же, помилуйте...

Мошкин. Во-первых, за ваше посещение, во-вторых... я вижу, вы любите моего Петрушу... У меня не было детей, Родион Карлыч... но я не знаю, можно ли к сыну больше привязаться, чем я к нему... Так вот это-то меня и трогает, просто так трогает, что и сказать нельзя... *(У него слезы навертываются.)* Вы извините меня... *(Понизив голос, словно самому себе говорит.)* Что это? как не стыдно... *(Смеется, достает платок, сморкается и украдкой утирает глаза.)*

Фонк. Мне, поверьте, очень приятно видеть такие чувства...

Мошкин *(оправившись)*. Вы извините откровенность старика... но я столько об вас наслышался... Петруша отзывается об вас с таким уважением... Он так дорожит вашим мнением... Вы увидите мою Машу,

Родион Карлыч: вы увидите... как перед господом богом говорю, она составит его счастие, Родион Карлыч; она истинно прекрасная девушка!

Ф о н к. Я нисколько в этом не сомневаюсь... Одно расположение друга моего, Петра Ильича, уже громко говорит в ее пользу.

М о ш к и н *(опять впадая в благоговение)*. Так-с, так-с...

Ф о н к. Я, с своей стороны, Петру Ильичу от души желаю всякого добра. *(Помолчав немного.)* А позвольте узнать, вы, кажется, в первом департаменте столоначальником служите?

М о ш к и н. Точно так-с.

Ф о н к. У кого в отделении, смею спросить?

М о ш к и н. У Куфнагеля, Адама Андреича.

Ф о н к *(с уважением)*. А! Отличный чиновник! Я его знаю. Отличный чиновник!

М о ш к и н. Как же-с, как же-с! *(Помолчав.)* А позвольте полюбопытствовать — ведь уже с полгода будет, как вы с моим Петрушей познакомились?

Ф о н к. С полгода. *(Г-жа Пряжкина выходит из боковой двери, разряженная в пух, с большим бантом желтых лент на чепце; она тихонько подвигается к говорящим, слегка приседая им в спину и перебирая снурки ридикюля.)* Мне в вашем приятеле особенно нравится то, что он, можно сказать, молодой человек с правилами... *(Мошкин внимательно слушает.)* Это в наше время редко. В нем нет этого ветра... знаете, ветра... *(Вертит рукой на воздухе; Мошкин также вертит рукой и одобрительно кивает головой.)* А это важно. Я сам также молодой человек... *(Михайло Иваныч делает движение, как бы желая сказать: о, помилуйте!)* Я не какой-нибудь Катон... но...

П р я ж к и н а *(скромно, но громко кашляя дискантом)*. Эхем! *(Фонк останавливается и оглядывается; Мошкин оглядывается тоже. Пряжкина приседает.)*

М о ш к и н *(с некоторой досадой)*. Что вам надобно, Катерина Савишна? *(Фонк медленно приподнимается; Мошкин тоже встает.)*

П р я ж к и н а *(с смущением)*. Я-с... я-с... пришла к вам-с... *(Фонк ей важно кланяется; она приседает ему и умолкает.)*

М о ш к и н. Эх, как... *(Спохватившись.)* Позволь-

те, Родион Карлыч, представить вам... Пряжкина, Катерина Савишна, штаб-офицерша... Марье Васильевне тетка двоюродная...

Фонк *(холодно кланяясь)*. Я очень рад... *(Пряжкина опять приседает.)*

Мошкин *(Пряжкиной)*. Вам что-нибудь нужно?

Пряжкина. Да-с... Меня Марья Васильевна просила... то есть не то, чтоб просила... а только если б вам можно было... на минуточку...

Мошкин *(с укоризной)*. Что там такое?.. Как же теперь?.. *(Украдкой указывая ей на Фонка.)* Эх!..

Фонк. Прошу вас не церемониться... если вам нужно....

Мошкин. Вы очень добры... Право, я не знаю, зачем это меня зовут... Впрочем, я сию минуту возвращусь...

Фонк *(поднимая руку)*. Помилуйте...

Мошкин. Сейчас, сейчас. *(Уходя с Пряжкиной, он ей высказывает свое неудовольствие.)*

Фонк *(один; глядит им вслед, пожимает плечами, начинает ходить по комнате. Подходит к зеркалу, охорашивается, потом с гадливостью приподнимает щетку, взглядывает на ширмы)*. Что это такое? Что это? *(Расставляя руки.)* Куда это меня привели? Что это за смешная женщина, и старик этот тоже, болтает, плачет... и что за фамилиарность такая? Мальчик в каком-то мерзком казакине; всё нечисто... Постель, вот — и квартира, наконец,— что это такое? Должно быть, обед будет прескверный, и шампанское скверное... придется пить... *(Стратилат входит и прицепляет зажженные лампы к стене; Фонк глядит на него, скрестя руки; Стратилат с робостью взглядывает на него и выходит.)* Что это? как это можно, наконец? Решительно не понимаю... Ослепление какое-то. Впрочем, посмотрим невесту. *(Из боковой двери выходит Вилицкий.)* А! Вилицкий!

Вилицкий. Мне Михайло Иваныч сказал, что вы здесь одни остались... Извините его, пожалуйста... старик совсем захлопотался.

Фонк. Помилуйте, что за беда?

Вилицкий *(жмет ему руку)*. Вы очень добры и снисходительны... Я вас предуведомил... Михайло Иваныч отличный человек... Я его могу назвать своим

благодетелем... но вы видите сами: он довольно простой... *(Вилицкий ждет, чтоб Фонк его прервал; Фонк молчит.)* Не правда ли, он...

Ф о н к. Отчего же?.. нет. Г-н Мошкин мне кажется весьма порядочным человеком. Конечно, он, сколько я мог заметить, не получил блестящего образования... Но это вопрос второстепенный. Кстати, я здесь видел одну даму... Она тетка вашей невесты?

В и л и ц к и й *(слегка краснея и принужденно улыбаясь)*. Она... небогатая женщина — впрочем, тоже весьма добрая... и...

Ф о н к. Я не сомневаюсь. *(Помолчав.)* Вы с г. Мошкиным давно знакомы?

В и л и ц к и й. Года с три.

Ф о н к. А в Петербурге он давно на службе?

В и л и ц к и й. Давно.

Ф о н к. Сколько господину Мошкину лет?

В и л и ц к и й. Лет пятьдесят, я думаю, будет.

Ф о н к. Долго ж он остается столоначальником! А скоро ли я буду иметь удовольствие увидеть вашу невесту?

В и л и ц к и й. Она сейчас явится.

Ф о н к. Г-н Мошкин мне очень лестно об ней отозвался.

В и л и ц к и й. В этом нет ничего удивительного. Михайло Иваныч в ней души не чает... Но в самом деле Маша очень милая, очень добрая девушка... Конечно, она выросла в бедности, в уединении, почти никого не видала... Ну, и робка немного, даже дика... Нет этой развязности, знаете... Но вы, пожалуйста, не судите ее строго, с первого взгляда...

Ф о н к. Помилуйте, Петр Ильич, я, напротив, уверен...

В и л и ц к и й. Не судите с первого взгляда — вот всё, о чем я вас прошу.

Ф о н к. Вы меня извините... но ваша доверенность... ваша истинно лестная доверенность ко мне... дает мне некоторое право... Впрочем, с другой стороны, я не знаю...

В и л и ц к и й. Говорите, сделайте одолжение, говорите.

Ф о н к. Ваша невеста... ведь она... не имеет большого состояния?

Вилицкий. У ней ничего нет.

Фонк (*помолчав*). Да. Ну, впрочем, я понимаю... Любовь...

Вилицкий (*тоже помолчав*). Я ее очень люблю.

Фонк. Да. Ну, в таком случае больше нечего желать, и если этот брак может составить ваше счастие — я вас от души поздравляю. А что, вы сегодня вечером не намерены ли в театр? Рубини поет в «Лучии».

Вилицкий. Сегодня вечером? Нет, не думаю. Я на днях собираюсь съездить с моей невестой и с Михайлом Иванычем... Но вы как будто еще что-то мне хотели сказать насчет... насчет моей свадьбы...

Фонк. Я? Нет... А скажите, пожалуйста, вашу невесту, кажется, Марьей... Марьей Васильевной зовут?

Вилицкий. Марьей Васильевной.

Фонк. А фамилия как?

Вилицкий. Фамилия... (*Глянув в сторону.*) Белова... Марья Васильевна Белова.

Фонк (*помолчав немного*). Да. А, кстати, отправляемся мы завтра с вами к барону Видегопф?

Вилицкий. Как же... если вы хотите меня представить...

Фонк. Я с величайшим удовольствием... Однако который час? (*Глядит на часы.*) Без четверти четыре.

Вилицкий. Пора бы обедать... Да что ж это Михайло Иваныч? (*Оглядывается... Из передней входит Шпуньдик. На нем старомодный черный фрак с крошечной тальей и высоким воротником; белый тесный галстук с пряжкой; весьма короткий полосатый бархатный жилет с перламутровыми пуговицами и светло-гороховые панталоны; в руке у него пуховая шляпа. Увидя двух незнакомых людей, он начинает кланяться, косвенно шаркая вперед правой ногой, приподнимая левую и прижимая обеими руками шляпу к желудку. Он вообще изъявляет большое смущение. Вилицкий и Фонк оба молча ему кланяются.*)

Фонк (*вполголоса Вилицкому*). Что это за господин?

Вилицкий (*тоже вполголоса*). Я, право, не знаю. (*Шпуньдику.*) Позвольте узнать... Вам кого угодно?

Шпуньдик. Шпуньдик Филипп Егорыч, тамбовский помещик... Впрочем, не извольте беспокоиться. *(Вынимает платок и утирает лоб.)*

Вилицкий. Мне очень приятно... Вы, может быть, Михайла Иваныча желаете видеть?

Шпуньдик. Не извольте беспокоиться... Я уже того-с... Я-с... *(Краснеет, смеется и боком отходит в сторону направо.)*

Фонк *(Вилицкому)*. Что за чудак?

Вилицкий. Должно быть, знакомый какой-нибудь Михайла Иваныча... Я его, впрочем, никогда здесь не видал... *(Громко Шпуньдику.)* Михайло Иваныч сейчас явится. *(Шпуньдик делает неопределенный знак рукою, улыбается и отворачивается. Вилицкий обращается почти с умоляющим видом к Фонку.)* Родион Карлыч... пожалуйста... вы извините...

Фонк *(пожимая ему руку)*. Полноте, полноте... *(Оборачивается.)* А! да вот, кажется, и сам господин Мошкин...

(Из двери налево выходят Мошкин и Маша. Он ведет ее за руку. Вслед за ними выступает Пряжкина. Маша вся в белом, с голубой лентой вокруг пояса. Она очень сконфужена.)

Мошкин *(с торжественностью, сквозь которую проглядывает робость)*. Маша, честь имею представить тебе господина фон Фонка. *(Фонк кланяется; Маша приседает, Пряжкина приседает сзади ее. Мошкин Фонку, указывая на Машу.)* Вот-с, Родион Карлыч, моя Маша...

Фонк *(Маше)*. Мне очень лестно... Я почитаю себя счастливым... Я давно желал иметь удовольствие... *(Маша не отвечает ни на одну из его фраз и наклоняет голову.)*

Вилицкий. Я надеюсь, Марья Васильевна, что вы полюбите моего приятеля... *(Маша исподлобья взглядывает на Вилицкого... она видимо робеет. Маленькое молчание.)*

Мошкин *(увидя Шпуньдика)*. А, Филипп Егорыч, милости просим. *(Берет его за руку и представляет всему обществу.)* Шпуньдик, Филипп Егорыч, мой сосед, тамбовский помещик... Сегодня из деревни приехал... Филипп Егорыч Шпуньдик... Шпуньдик, Филипп Егорыч...

Шпуньдик *(раскланивается со всеми и приговаривает)*. Много благодарен, Михайло Иваныч, много благодарен...

Мошкин *(громко ко всему обществу)*. Милости прошу присесть. *(Маша садится на диван.)* Родион Карлыч! Сюда не угодно ли? *(Указывая на место возле Маши; Фонк садится.)* Филипп Егорыч! *(Указывая на кресло напротив; Шпуньдик садится.)* Катерина Савишна! *(Указывает на диван подле Маши, Пряжкина садится, сильно сжимая ридикюль руками. Мошкин сам садится на кресло налево.)* И ты, Петруша, присядь. *(Вилицкий делает знак головою и становится возле Фонка. Молчание.)* Гм. Какая сегодня приятная погода...

Фонк *(улыбаясь)*. Да. *(Опять маленькое молчание. Он обращается к Маше.)* Петр Ильич мне сказывал, что вы имеете намерение на днях съездить в оперу.

Маша. Да-с... Петр Ильич... нам предложил... *(Голос у нее прерывается.)*

Фонк. Я уверен, вы останетесь очень довольны. *(Мошкин, Шпуньдик и Пряжкина слушают его с напряженным вниманием.)* Рубини — удивительный артист. Метода необыкновенная... голос... Это удивительно, удивительно! — Вы, наверное, любите музыку?

Маша. Да-с... Я очень люблю музыку.

Фонк. Может быть, вы сами играете?

Маша. Очень мало-с.

Мошкин. Как же-с, она играет на фортепианах-с. Варияции и прочее всё. Как же-с...

Фонк. Это очень приятно. Я тоже немножко играю на скрипке.

Мошкин. И наверное очень хорошо.

Фонк. О нет! Так, больше для собственного удовольствия. Но я всегда удивлялся тем родителям, которые пренебрегают, так сказать, музыкальным воспитанием своих детей. Это, по-моему, непонятно. *(Ласково обращаясь к Пряжкиной.)* Не правда ли? *(Пряжкина от испуга передергивает губами, моргает одним глазом и издает болезненный звук.)*

Мошкин *(поспешно приходя ей на помощь)*. Совершенную истину изволили сказать-с. Я тоже этому не раз удивлялся. Что за пентюхи, подумаешь, живут на свете!

Шпуньдик *(скромно обращаясь к Мошкину)*. Я с тобой, Михайло Иваныч, совершенно согласен. *(Фонк оборачивается на Шпуньдика, Шпуньдик почтительно кашляет в руку.)*

Фонк *(продолжая поглядывать на Шпуньдика)*. Мне весьма приятно заметить, что у нас, в России, даже в провинции, начинает распространяться охота к искусствам. Это очень хороший признак.

Шпуньдик *(трепетным голосом, ободренный вниманием Фонка)*. Именно-с, как вы изволите говорить-с. Я вот-с, человек небогатый-с — вот даже можете спросить Михайла Иваныча,— я тоже для своих дочерей фортепианы из Москвы выписал-с. Одно горе: в наших палестинах учителя сыскать довольно затруднительно.

Фонк. Вы, смею спросить, из южной России?

Шпуньдик. Точно так-с. Тамбовской губернии, Острогожского уезда.

Фонк. А! Хлебородные места!

Шпуньдик. Места, конечно, хлебородные, но в последнее время нельзя сказать, чтоб очень были удовлетворительны — для нашего брата помещика.

Фонк. А что?

Шпуньдик. Урожаи больно плохи-с... вот уже третий год.

Фонк. А! это нехорошо!

Шпуньдик. Хорошего точно в ефтом мало-с. Ну, а всё-таки по мере сил трудишься... хлопочешь... ибо долг. Конечно, мы люди простые, деревенские; за столицей нам не угнаться, точно, в столице, конечно, всё первейшие продукты и прочее... По крайней мере, как говорится, по мере сил стараешься, по мере сил...

Фонк. Это очень похвально.

Шпуньдик. Долг прежде всего-с. Но неудобства большие-с. Иногда просто не знаешь, как ступить. То, се... беда-с! Просто совсем в тупик приходишь... Воображенье даже вдруг эдак ослабнет. *(Он принимает утомленный вид.)*

Фонк. Какие же неудобства, например?

Шпуньдик. А как же-с! Не то плотину вдруг прорвет. Рогатый, с позволенья сказать, скот-с тоже сильно колеет-с. *(Со вздохом.)* Воля всевышнего, конечно. Должно покоряться.

Фонк. Это неприятно. *(Он снова оборачивается к Маше.)*

Шпуньдик. И притом-с... *(Заметив, что Фонк от него отвернулся, он конфузится и умолкает.)*

Фонк *(Маше, которой Вилицкий шептал раза два на ухо во время его разговора с Шпуньдиком)*. Вы, вероятно, также любите танцы?..

Маша. Нет-с... не слишком...

Фонк. Неужели? Как это странно! *(Вилицкому.)* Последний бал в Дворянском собрании был удивительно блестящ; я думаю, тысячи три было людей.

Мошкин. Скажите! *(Обращаясь к Шпуньдику.)* А? Филипп? Вот бы куда тебе съездить. Как ты думаешь, у вас этого не увидишь? *(Смеется. Шпуньдик уныло поднимает глаза.)*

Фонк *(Маше)*. Но неужели же вы не любите туалета — и вообще удовольствий... Это так свойственно...

Маша. Как же-с... я люблю-с...

Фонк *(улыбаясь в направлении Пряжкиной)*. Вашим туалетом, вероятно, занимается ваша тетушка? Это не по части господина Мошкина. *(Пряжкину опять от испуга пучит.)*

Маша. Да-с, моя тетушка... как же-с... *(Фонк неподвижно глядит некоторое время на нее. Маша опускает глаза.)*

Вилицкий *(подходя сзади к Мошкину, вполголоса)*. Да что ж обед, Михайло Иваныч? Это ужасно... разговор не клеится...

Мошкин *(вставая и почти шёпотом Вилицкому, но с необыкновенной энергией)*. Да что прикажешь делать с этой анафемской кухаркой? Это созданье меня в гроб сведет. Поди, Петя, ради бога, скажи ей, что я завтра же ее прогоню, если она не сейчас нам обед подаст. *(Вилицкий хочет идти.)* Да вели хоть этому дармоеду Стратилатке закуску принести — да на новом подносе; а то ведь он, пожалуй! Ему что! Знай только ножами в передней стучит! *(Вилицкий уходит. Мошкин обращается торопливо и с светлым лицом к Фонку.)* Так-с, так-с, так-с, я совершенно с вами согласен.

Фонк *(не без некоторого удивления взглядывает на Мошкина)*. Да-с. А скажите, пожалуйста... *(Он не знает, что сказать.)* Да! г-н Куфнагель где живет?

Мошкин. В Большой Подьяческой, в доме Блинникова, на дворе, в третьем этаже-с. Над воротами еще вывеска такая мудреная. Прелюбопытная вывеска: ничего понять нельзя; а ремесло, должно быть, хорошее.

Фонк. А! покорно вас благодарю. Мне нужно с Куфнагелем поговорить. *(Смеется.)* С ним однажды в моем присутствии случилось престранное происшествие. Вообразите, идем мы однажды по Невскому...

Мошкин. Так-с, так-с...

Фонк. Идем мы по Невскому; вдруг нам навстречу какой-то низенький господин в медвежьей шубе, и вдруг этот господин начинает обнимать Куфнагеля, целует его в самые губы — вообразите! Куфнагель, разумеется, его отталкивает, говорит ему: «С ума вы сошли, что ли, милостивый государь?» А господин в шубе опять его обнимает, спрашивает, давно ли он из Харькова приехал... и всё это, вообразите, на улице! Наконец, всё дело объяснилось: господин в шубе принял Куфнагеля за своего приятеля... Каково, однако, сходство, прошу заметить? *(Смеется; все смеются.)*

Мошкин *(с восторгом)*. Прелюбопытный, прелюбопытный анекдот! Впрочем, такие сходства бывают. Вот и у нас — помнишь, Филипп, двое соседей проживало — братья Полугусевы — помнишь? Просто друг от друга не отличишь, бывало. Ни дать ни взять, один как другой. Правда, у одного нос был пошире и на одном глазу бельмо — он же скоро потом спился с круга и оплешивел; а всё-таки сходство было удивительное. Не правда ли, Филипп?

Шпуньдик. Да, сходство точно было большое. *(Глубокомысленно.)* Впрочем, это, говорят, иногда зависит от разных причин. Наука, конечно, дойти может.

Мошкин *(с жаром)*. И дойдет, непременно дойдет!

Шпуньдик *(с достоинством)*. С достоверностью, я думаю, этого сказать нельзя: а впрочем, может быть. *(Помолчав.)* Почему же и нет?

Фонк *(Маше)*. Игра природы в таких случаях очень замечательна. *(Маша молчит. Из передней входит Стратилат с закуской на подносе. За ним Вилицкий.)*

Мошкин *(который не садился с тех пор, как встал, суетливо)*. Не прикажете ли чего закусить перед обедом? *(Стратилату, указывая на Фонка.)* Поди сюда,

ты. *(Фонку.)* Не прикажете ли икорки? *(Фонк отказывается.)* Нет? Ну, как угодно. Катерина Савишна, милости просим — и ты, Маша. *(Пряжкина берет кусок хлеба с икрой и ест, с трудом разевая рот. Маша отказывается.)* Филипп, не хочешь ли ты? *(Шпуньдик встает, отводит немного Стратилата в сторону и наливает себе рюмку водки. Вилицкий подходит к Фонку. Вдруг из двери передней показывается Маланья.)*

Маланья. Михайла Иваныч...

Мошкин *(как исступленный бросаясь ей навстречу и упираясь коленкой ей в живот, вполголоса)*. Куда, медведь, лезешь, куда?

Маланья. Да обед...

Мошкин *(выталкивая ее)*. Хорошо, ступай. *(Быстро возвращается.)* Никому больше не угодно? Никому? *(Все молчат. Мошкин шепчет Стратилату.)* Поди, поди скорей докладывай: обед готов. *(Стратилат выходит. Мошкин обращается к Фонку.)* А позвольте узнать, Родион Карлыч, вы ведь в карточки поигрываете?..

Фонк. Да, я играю; но теперь, кажется, мы ведь скоро обедать будем. Притом же я в таком приятном обществе... *(Указывая на Машу. Вилицкий слегка сжимает губы.)*

Мошкин. Конечно, мы сейчас обедать будем. Это я только так... Вот, если угодно, после обеда, по маленькой.

Фонк. Извольте, с удовольствием. *(К Маше.)* Вот вы, я думаю, к картам совершенно равнодушны?

Маша. Да-с, я не играю в карты...

Фонк. Это понятно. В ваши лета другие мысли в голове... А ваша почтенная тетушка играет?

Маша *(немного обращаясь к Пряжкиной)*. Играет-с.

Фонк *(Пряжкиной)*. В преферанс?

Пряжкина *(с усилием)*. В свои козыри-с.

Фонк. А! я этой игры не знаю... Но вообще дамы имеют у нас право жаловаться на карты...

Маша *(невинно)*. Почему же?

Фонк. Как почему же? Ваш вопрос меня удивляет.

Вилицкий. В самом деле, Марья Васильевна... *(Маша страшно конфузится.)*

Стратилат *(выходя из передней, громогласно)*. Кушанье готово.

М о ш к и н. А, слава богу! *(Все встают.)* Милости просим, чем бог послал. Маша, дай руку Родиону Карлычу. Петруша, возьми Катерину Савишну. *(Шпуньдику.)* А мы, брат, с тобой. *(Берет его под руку.)* Вот так. *(Все идут в переднюю. Мошкин и Шпуньдик позади всех.)* Вот скоро мы на свадьбу так отправимся, Филипп... Да что ты это нос на квинту повесил?

Ш п у н ь д и к *(со вздохом)*. Ничего, брат, теперь полегчило... А только, я вижу, в Петербурге — это не то, что у нас. Не-ет. Как озадачил меня!..

М о ш к и н. Э, брат, это всё пустяки. Вот постойка, мы бутылку шампанского разопьем за здоровье обрученных — вот это лучше будет. Пойдем, дружище! *(Уходят.)*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет довольно бедную комнату молодого холостого чиновника. Прямо дверь; направо другая. Стол, диван, несколько стульев, книги на полочке, чубуки по углам, комод. Вилицкий сидит, одетый, на стуле и держит на коленях раскрытую книгу.

Вилицкий *(помолчав немного)*. Митька!

Митька *(выходя из передней)*. Чего изволите-с?

Вилицкий *(поглядев на него)*. Трубку. *(Митька идет в угол и набивает трубку.)* От Родиона Карлыча сегодня записки не приносили?

Митька. Никак нет-с. *(Подает Вилицкому трубку и зажигательную спичку.)*

Вилицкий *(раскуривает трубку)*. Да!.. Михайло Иванович, может быть, сегодня зайдет — так ты... опять ему скажешь, что меня дома нет. Слышишь?

Митька. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Вилицкий *(некоторое время курит трубку и вдруг встает)*. Это должно, однако ж, чем-нибудь кончиться! Это невыносимо! это решительно невыносимо! *(Ходит по комнате.)* Мое поведение, я знаю, непростительно грубо; вот уже пять дней, как я у них не был... с самого того проклятого обеда... но что ж мне делать, боже мой! Я не умею притворяться... Однако это должно чем-нибудь кончиться. Нельзя же мне всё прятаться, по целым дням сидеть у знакомых, ночевать у них... Надо на что-нибудь решиться, наконец! Что обо мне в департаменте подумают? Это слабость непростительная, просто детство! *(Подумав немного.)* Митька!

Митька *(выходя из передней)*. Чего изволите?

Вилицкий. Ведь ты, кажется, сказывал... Михайло Иваныч вчера тоже заходил?

Митька *(закидывая руки за спину)*. Как же-с! они с самого воскресенья каждый день изволили заходить-с.

Вилицкий. А!

Митька. В воскресенье изволили даже в большом беспокойстве прибежать-с, здоров ли, дескать, твой барин — отчего его вчера у нас не было?

Вилицкий. Да, да, ты мне сказывал. Что ж? ты ему отвечал, что я...

Митька. Я им доложил-с, что вас в городе нету-с... Дескать, уехали по делам.

Вилицкий. Ну, а он что?

Митька. Они-с удивлялись, какие это, дескать, такие дела... и отчего это вы вдруг так уехать изволили-с, ни слова им не сказамши. Они, говорят, потом в департаменте спрашивали-с: там не знают, стало, дела не служебные-с. Очень изволили беспокоиться. Спрашивали даже, как вы изволили поехать-с, то есть возок ли с биржи взяли-с, или ямщика наняли, много ли белья с собой изволили забрать-с... Очень беспокоились.

Вилицкий. Что ж ты ему отвечал?

Митька. Я, как вы изволили приказывать-с: «Не знаю, мол, куда барин отправиться изволил, а только поехал он с приятелями: стало быть, за город погулять. С часа на час, мол, ожидаем». Они-с подумали и ушли-с — да вот с тех пор каждый день наведываться изволят. Третьего дня даже два раза. Вчера они часа с полтора у вас в кабинете высидеть изволили: вас всё поджидали; записку оставили-с.

Вилицкий. Да, я ее прочел... Ну, послушай: если сегодня Михайло Иваныч прийдет, ты скажи ему, что я вернулся и опять со двора выехал — но что я у него сегодня непременно буду... Слышишь?.. непременно. Ступай; да вицмундир мне приготовь.

Митька *(угодя, с улыбкой)*. Даже дворника расспрашивать изволили-с... Дескать, мол, не знаешь ли, братец, куда Петр Ильич уехал?

Вилицкий. Что же дворник?

Митька. Дворник сказал, что не знает-с, а что, кажется, вы точно не изволите дома ночевать-с.

Вилицкий *(помолчав немного)*. Ну, ступай. *(Митька уходит. Вилицкий начинает ходить по комнате.)* Что за ребячество! И что за глупая мысль — прятаться! Как будто это возможно!.. Теперь лгать придется, выдумывать... Старика не обманешь — всё

наружу выйдет. Эх, как это всё скверно, скверно!.. *(Останавливается.)* И что со мной сделалось такое? Отчего у меня — просто мороз по коже подирает, как только я подумаю, что мне надо, наконец, к ним съездить? Ведь я всё-таки жених: ведь я на днях женюсь... Притом я Машу люблю... Я... да; я готов на ней жениться. Да и дело слажено... я дал слово... ну, и, наконец, я вовсе не прочь... *(Пожимает плечами.)* Удивительно! Этого я никак, признаться, не предвидел! *(Опять садится.)* Но этот обед! этот обед! Век я этого обеда не забуду. И что сделалось с Машей? Ведь она неглупа... разумеется, неглупа. Ну, сло́ва, просто сло́ва не умела сказать! Уж Фонк и так и сяк, и с той стороны, и с другой — всячески. Нет, сидит, как каменная! «Да-с, как же-с, я очень рада»... Я всё время за нее краснел. Фонку я теперь в глаза смотреть не могу; ей-богу! Мне всё кажется, что он как будто посмеивается. Да и есть чему. Разумеется, он, как человек деликатный, всего своего мнения не выскажет... *(Небольшое молчание.)* Робка она, дика... в свете никогда не жила... Конечно. От кого ж ей и было заимствовать... это... ну, эти манеры, наконец... не от Михайла же Иваныча в самом деле!.. Притом она так добра, так меня любит... Да и я ее люблю. *(С жаром.)* Разве я говорю, что ее не люблю?.. только вот... *(Опять небольшое молчание.)* Я с Фонком согласен: воспитание — важная вещь, очень важная вещь. *(Берет книгу.)* Однако ж надо к ним пойти... Да; я сегодня к ним отправлюсь... *(Бросает книгу.)* Ах, как это всё нехорошо! *(Входит Митька.)* Что тебе?

Митька *(подавая ему записку)*. Письмо-с.

Вилицкий *(взглянув на надпись)*. А! Ну, хорошо; ступай. *(Митька выходит. Вилицкий быстро распечатывает письмо.)* От Маши! *(Читает про себя — и, кончив, опускает руки на колена.)* Что за преувеличения такие? К чему это? *(Встает и читает вслух.)* «Вы меня не любите больше; это для меня теперь ясно». Сколько раз это было писано? «Пожалуйста, не стесняйтесь ничем; мы оба еще свободны. Я уже давно заметила в вас постепенное охлаждение ко мне»... А вот и неправда! «Хотя вы наружно не изменялись... но теперь вам, кажется, тяжело стало притворяться... Да и к чему? Вы, говорят, уехали из Петербурга... Прав-

да ли это? Видно, вы боитесь встречаться со мной. Во всяком случае, я бы желала с вами объясниться... Преданная вам» и прочее. «Когда вы вернетесь, вы найдете это письмо. Придите к нам, не для меня — а для бедного старика, который с ума сходил все эти дни. Если я ошибаюсь, если я вас напрасно огорчила — извините меня... Но ваше последнее посещение... До свидания». *(С некоторым смущением.)* Ну к чему это, к чему это? Что это такое? Как не стыдно, наконец... Вечные недоразумения... Хороша перспектива в будущем! Ну, положим, я точно неправ, не был у них пять дней сряду; но зачем же сейчас выводить такие заключения?.. И что за торжественный тон! *(Взглядывает опять на письмо и важно качает головой.)* Во всем этом гораздо больше самолюбия, чем любви. Любовь не так выражается. *(Помолчав.)* Впрочем, я точно к ним пойти должен — сегодня же. Я перед Машей виноват, точно. *(Ходит по комнате.)* Я к ним теперь же заеду, перед департаментом... Оно и кстати. Да, да, решительно поеду... *(Останавливается.)* Да; только сначала мне ужасно будет неловко... Ну, делать нечего! *(В передней раздается стук. Он прислушивается и прячет письмо в карман. Митька входит.)* Что такое?

Митька. Господин Фонк пришли-с. Желают вас видеть-с. С ними господин какой-то-с.

Вилицкий *(помолчав немного)*. Проси. *(Митька выходит. Входят Фонк и Созомэнос. Вилицкий идет им навстречу.)* Как я рад...

Фонк *(пожимая ему руку)*. Петр Ильич, позвольте вас познакомить с одним из моих приятелей... *(Вилицкий и Созомэнос кланяются друг другу.)* Вы, может быть, слыхали... Господин Созомэнос...

Вилицкий. Как же... я...

Фонк. Уверен, что вы оба друг друга полюбите...

Вилицкий. Я не сомневаюсь...

Фонк. Занимается литературой, и с большим успехом.

Вилицкий *(с уважением)*. Ага!

Фонк. Он еще ничего не печатал... но он мне на днях прочел повесть... Прекрасно написанное сочинение! Особенно слог — превосходный!

Вилицкий *(Созомэносу)*. Как заглавие, позвольте узнать?

Созомэнос *(отрывисто; он вообще отрывисто говорит)*. «Благородство судии на берегах Волги».

Вилицкий. А!

Фонк. Много чувства, теплоты; есть даже возвышенные места.

Вилицкий. Мне бы очень было лестно, если б господину Созомэносу угодно было прочесть также мне свою повесть...

Фонк. О, я думаю, он очень будет рад... *(Взглядывая на Созомэноса.)* Господа авторы от этого редко отказываются. *(Смеется; Созомэнос отвечает ему внутренним и хриплым смехом.)*

Вилицкий. Садитесь, господа; да не угодно ли трубок? *(Он подает им чубуки и табак, Фонк отказывается. Созомэнос садится, медленно набивает трубку, и медленно озирается кругом.)*

Фонк *(Вилицкому, пока Созомэнос набивает трубку)*. И вообразите, какая странность! Господин Созомэнос до сих пор нисколько не подозревал в себе литературного таланта... а он, как видите, не первой молодости... Сколько вам лет, Алкивиад Мартыныч?

Созомэнос. Тридцать пять. А огоньку нельзя ли?

Вилицкий *(подавая ему спички со стола)*. Вот, вот.

Созомэнос. Спасибо. *(Закуривает трубку.)*

Фонк *(Вилицкому)*. Притом же он и происхожденья не русского... Впрочем, он в весьма ранних летах покинул свое отечество, состоял в разных должностях, служил большею частью в провинции; приехал, наконец, в Петербург с намерением посвятить себя изучению мыловаренной промышленности — и вдруг начал сочинять... что значит талант! *(Вилицкий с участием глядит на Созомэноса.)* Я, признаюсь, не слишком большой охотник до современной словесности: нынче как-то странно пишут; притом я, хотя почитаю себя совершенно русским человеком и русский язык признаю, так сказать, за свой родной язык, всё же я, подобно Алкивиаду Мартынычу, не русского происхождения и, следовательно, не имею, так сказать, голоса...

Вилицкий. О, помилуйте! Да вы, напротив, вы превосходно владеете русским языком; я даже всегда

удивляюсь чистоте, изяществу вашего слога... помилуйте...

Ф о н к *(скромно улыбаясь)*. Может быть... может быть...

С о з о м э н о с. Первый знаток.

Ф о н к. Ну, положим. Что бишь я хотел сказать... Да! я точно не большой охотник до современной словесности *(садится; Вилицкий садится тоже)*, но очень люблю хороший русский слог, правильный и выразительный слог. Оттого-то меня так и обрадовала повесть господина Созомэноса... Я поспешил изъявить ему искреннее удовольствие. Впрочем, печатать я ему ее не советую, потому что, к сожалению, в нынешних критиках я очень мало вкуса замечаю.

С о з о м э н о с *(вынув трубку изо рта и уткнувшись прямо лицом)*. Эти все критики просто ничего не смыслят.

В и л и ц к и й. Да; мудрено они что-то пишут.

С о з о м э н о с *(не переменяя положения)*. Просто ничего.

В и л и ц к и й *(Фонку)*. Всё, что вы мне сказали о господине Созомэносе, сильно возбуждает мое любопытство, и я бы очень желал познакомиться с его произведением...

С о з о м э н о с *(всё в том же положении и понизив голос)*. Ничего. *(Он опять вкладывает трубку в рот.)*

Ф о н к. Он вам на днях свою повесть принесет. *(Вставая и отводя немного Вилицкого в сторону.)* Вы видите, он довольно странный человек, что называется, чудак; но это-то мне в нем и нравится. Все настоящие писатели большие чудаки. Признаюсь, я очень рад моему открытию. *(С важностью.)* Che le brodèche. *(Фонк выговаривает «Je le protége»[1] на немецкий лад.)* Ну, а вы что поделываете, любезный мой Петр Ильич? Как ваши дела?

В и л и ц к и й. Да всё так же.

Ф о н к. Вы эти дни в департамент не ходили?

В и л и ц к и й. Не ходил... *(Помолчав.)* Вы знаете, почему.

Ф о н к. Гм. Ну, как же вы намерены теперь?..

---

[1] Я ему покровительствую *(франц.)*.

В и л и ц к и й. Я вам скажу откровенно, Родион Карлыч... Я сегодня собирался съездить... туда...

Ф о н к. И прекрасно сделаете.

В и л и ц к и й. Вы понимаете, это не может так остаться... Я даже стыжусь... Это, наконец, смешно. Притом я сам не совсем прав... Мне нужно объясниться, и я уверен, всё это уладится как нельзя лучше.

Ф о н к. Конечно.

В и л и ц к и й *(оглянувшись)*. Я признаюсь вам... я бы очень желал поговорить с вами...

Ф о н к. Так что ж? Что вам мешает теперь?..

В и л и ц к и й. Я бы желал поговорить с вами наедине... Дело довольно щекотливое...

Ф о н к *(понизив голос)*. Вас, может быть, стесняет присутствие господина Созомэноса... Помилуйте! Посмотрите на него. *(Указывает на Созомэноса, который погружен в тупое онемение и лишь изредка выпускает дым изо рта.)* Он и не замечает нас. У него воображенье не то, что у нас с вами: он, может быть, теперь на Востоке, в Америке, бог знает где. *(Берет Вилицкого под руку и начинает с ним ходить по комнате.)* Говорите, что вы хотели мне сказать?

В и л и ц к и й *(нерешительно)*. Вот видите ли, я, право, не знаю, с чего начать... Вы такое мне оказываете расположенье. Ваши советы всегда так дельны, так умны...

Ф о н к. Пожалуйста, без комплиментов.

В и л и ц к и й *(вполголоса)*. Помогите мне, ради бога. Я нахожусь, как уже вы могли заметить из наших последних разговоров, в весьма затруднительном положении... Вы знаете, я женюсь, Родион Карлыч; я собираюсь жениться... Я дал слово — и, как честный человек, намерен свое слово сдержать... Я ни в чем не могу упрекнуть свою невесту; никакой в ней перемены не произошло... Я ее люблю — и между тем... Вы не поверите, одна мысль о близкой моей свадьбе такое на меня производит впечатление, такое... что я иногда самого себя спрашиваю: имею ли я, в теперешнем своем положении, право принять руку моей невесты; не будет ли это, наконец, с моей стороны обман? Что это такое, скажите? Боязнь ли потерять свою независимость, или другое какое чувство?.. Я в большом затруднении, признаюсь.

Ф о н к. Послушайте, Петр Ильич... Вы позволите мне изложить вам мое мнение с совершенной откровенностью?

В и л и ц к и й. Сделайте одолжение! сделайте одолжение! *(Останавливаясь и оглядываясь на Созомэноса.)* Но, право... мне совестно перед господином... А! да он, кажется, спит!

Ф о н к. Неужели?.. В самом деле! *(Подходит к Созомэносу, который заснул, свесив голову на грудь, и в продолжение всего следующего разговора только изредка вздрагивает и, как говорится, «удит рыбу».)* Ах да, это очень забавно! *(Про себя.)* Eine allerliebste Geschichte![1] *(Громко.)* Это с ним довольно часто случается... Что за чудаки эти господа сочинители! *(Нагинаясь к нему.)* Спит, как моська! Но мне, право, это очень нравится. Это очень оригинально — а?

В и л и ц к и й. Да-а.

Ф о н к. Ну, вот, стало быть, вам теперь и нечего беспокоиться. *(Оба возвращаются на авансцену.)* Итак, послушайте, любезный мой Петр Ильич... Вы желаете знать мое мнение насчет вашего брака... не правда ли? *(Вилицкий кивает головой.)* Это вопрос весьма деликатный. Я начну с того... *(Останавливается.)* Вот видите ли, Петр Ильич, по-моему, человеку, особенно в наше время, невозможно жить без правил. По крайней мере я, с самой моей молодости, предписал себе некоторые, так сказать, законы, от которых никогда и ни в каком случае не отступаю. Одно из моих главных правил следующее: «Человек никогда не должен себя ронять; человек должен чувствовать уважение к самому себе, должен отдавать себе отчет во всех своих поступках». Теперь я перехожу к вам. Вы года два тому назад познакомились с господином Мошкиным; господин Мошкин неоднократно оказывал вам услуги, может быть, даже весьма значительные...

В и л и ц к и й. Да, да, я ему многим обязан, многим...

Ф о н к. Я нисколько в этом не сомневаюсь; я не сомневаюсь также в вашей благодарности... Благородство ваших мыслей мне слишком известно... Но тут представляется вопрос, на который следует обратить

[1] Прелестная история! *(Нем.)*

внимание. Господин Мошкин, конечно, достойнейший человек; но, скажите сами, любезный мой Петр Ильич, вы и он, принадлежите ли вы одному и тому же обществу?

Вилицкий. Я так же беден, как он; я еще беднее его.

Фонк. Дело не в богатстве, Петр Ильич: я говорю об образованности, о воспитании, об образе жизни вообще... Вы извините мою откровенность...

Вилицкий. Говорите; я вас слушаю.

Фонк. Теперь... теперь насчет вашей невесты. Скажите мне, Петр Ильич, вы ее любите?

Вилицкий. Люблю. *(Помолчав немного.)* Я ее люблю.

Фонк. Вы в нее влюблены? *(Вилицкий молчит.)* Вот, видите ли, мой друг, любовь... конечно... против любви говорить нечего: это огонь, это вихрь, это водоворот, что хотите, словом, феномен... с любовью точно трудно справиться. Я, с своей стороны, так думаю, что и тут рассудок не теряет своих прав; но мое частное мнение в этом случае не может служить общим правилом. Если вы так сильно любите вашу невесту, то нам нечего и разговаривать с вами; все наши слова будут, так сказать, совершенно напрасны. Но мне, напротив, кажется, что вы начинаете колебаться, вы в недоумении; вы, наконец, сомневаетесь в собственных чувствах,— а это очень важный пункт. Во всяком случае, вы теперь в состоянии, как говорится, принять советы дружбы. *(Берет Вилицкого за руку.)* Послушайте, бросимте холодный взгляд на ваши отношения к Марье Васильевне. *(Вилицкий взглядывает на Фонка.)* Ваша невеста очень любезная, очень милая девица, бесспорно... *(Вилицкий опускает глаза).* Но, вы знаете, самый лучший алмаз требует некоторой отделки. *(Вилицкий быстро оглядывается на Созомэноса.)* Не беспокойтесь, он спит. Не в том вопрос, Петр Ильич, любите ли вы теперь вашу невесту или нет, а в том, будете ли вы с нею счастливы? У образованного человека есть потребности, которым супруга иногда не сочувствует; его занимают вопросы, которые ей недоступны... Поверьте, Петр Ильич, равенство необходимо в супружестве... то есть, позвольте, я объяснюсь. Я нисколько не допускаю того ложного равенства мужа и жены, о котором тол-

куют иные сумасброды... Нет, жена должна слепо повиноваться мужу... слепо... Вы понимаете, я говорю о другом равенстве.

Вилицкий. Всё это так... и я во всем с вами согласен. Но послушайте, Родион Карлыч, поставьте вы себя тоже на мое место. Как вы хотите, чтоб я теперь от своего слова отступился? Помилуйте! Ведь я своим отказом убью Марью Васильевну... Ведь она, как дитя, отдалась мне в руки. Я ведь, можно сказать, ее вывел на свет; я ее отыскал, я навязался ей!.. я теперь должен идти до конца. Как вы хотите, чтоб я сбросил эту ответственность?.. Да вы первый будете меня презирать...

Фонк. Позвольте, позвольте; я не намерен оправдать вас вполне; но на ваши доводы еще можно возразить. По-моему, обязанности бывают двоякого рода: обязанности перед другими и обязанности перед самим собою. Какое вы имеете право вредить себе, портить собственную жизнь? Вы молоды, во цвете лет, как говорится; вы на виду; вам предстоит, может быть, блестящая карьера... Зачем же вы хотите бросить дело, так хорошо начатое вами?

Вилицкий. Отчего же бросить, Родион Карлыч? Разве я не могу продолжать службу и...

Фонк. Конечно, вы можете, женившись, продолжать службу — спора нет; да вот что, Петр Ильич: до всего можно дойти со временем; но кто же не предпочтет кратчайшего пути? Трудолюбие, усердие, аккуратность — всё это не остается без награды, точно; блестящие способности также весьма полезны в чиновнике: они обращают на него внимание начальства; но связи, Петр Ильич, связи, хорошие знакомства — чрезвычайно важная вещь в свете. Я вам уже сообщил мое правило насчет избежания близких сношений с людьми низшего круга; из этого правила естественно вытекает другое, а именно: старайтесь как можно более знакомиться с людьми высшими. И это даже не слишком затруднительно. В обществе, Петр Ильич, всегда готовы принять чиновника деятельного, скромного, с образованием; а будучи однажды принят в хорошем обществе, он со временем может заключить выгодную партию, особенно когда он одинок и не имеет никаких неуместных семейных связей.

Вилицкий. Я с вами совершенно согласен, Ро-

дион Карлыч; но я не честолюбив; я сам боюсь большого света и готов весь век прожить в домашнем кружку... К тому ж я не признаю в себе никаких блестящих способностей, а усердие в чиновнике, как вы сами говорите, не остается без награды... Меня другие мысли смущают. Мне всё кажется, что на мне лежит нравственная обязанность... Скажу более, я не могу подумать об окончательной размолвке с своей невестой без некоторого ужаса, а между тем и брак меня пугает... так что я совершенно не знаю, на что решиться.

Ф о н к *(с важностью)*. Я понимаю состояние вашего духа. Оно не так странно, как вы думаете. Это, вот видите ли, Петр Ильич, это переход; это переходное, так сказать, состояние, кризис. Поймите меня — кризис. Если бы вы могли теперь удалиться отсюда, хоть на месяц, я уверен, вы бы вернулись совершенно другим человеком. И потому призовите на помощь всю силу вашего характера — и решитесь!

В и л и ц к и й *(взглядывая на Фонка)*. Вы думаете? Но Маша, Родион Карлыч, Маша? Совесть меня замучит.

Ф о н к. Это, конечно, очень неприятно. Я вполне вам сочувствую. Но что делать?

В и л и ц к и й. Я гнусный, гнусный человек!

Ф о н к *(строго)*. К чему такие слова? Это, позвольте вам заметить, это ребячество... Вы извините меня... Но искреннее участие, которое я в вас принимаю... *(Вилицкий жмет ему руку.)* Конечно, Марье Васильевне будет сначала очень тяжело; может быть, даже ее горесть не скоро рассеется; но будемте рассуждать хладнокровно. Вы совсем не так виноваты, как вы думаете. А ваша невеста, с своей стороны, вам должна быть даже благодарна... Вы протянули ей, так сказать, руку, вы первый вывели ее из мрака тьмы, вы разбудили ее дремлющие способности, вы, наконец, начали ее образование... Но вы пошли далее. Вы возбудили в ней надежды — несбыточные; вы ее обманули, положим, но вы сами обманулись... Ведь вы, повторяю, не притворялись влюбленным, не обманывали ее с намерением?

В и л и ц к и й *(с жаром)*. Никогда, никогда!

Ф о н к. Так из чего же вы так волнуетесь? Зачем упрекаете себя? Поверьте, мой любезный Петр Ильич,

вы до сих пор, кроме добра, ничего не сделали Марье Васильевне...

Вилицкий. Боже мой, боже мой! на что решиться? *(Фонк молча глядит на него.)* Вы должны презирать меня...

Фонк. Напротив; я об вас сожалею.

Вилицкий. Но уверяю вас, Родион Карлыч, я еще найду в себе довольно силы, чтоб выйти из этого положения... Я вам душевно благодарен за все ваши советы... Я не думаю, чтоб я совершенно был с вами согласен, всех ваших заключений я принять не могу... Я пока еще не вижу никакой необходимости переменить свое решение; но...

Фонк. Я нисколько этого не требовал, Петр Ильич... Обдумайте ваше положение сами...

Вилицкий. Конечно, конечно... Я несказанно благодарен...

Фонк. Мое дело, вы понимаете, здесь постороннее.

Вилицкий. Ради бога, Фонк, не говорите этого... *(Митька входит из передней.)* Кто это? А! ты? Чего тебе надобно? *(Митька посмеивается.)* Что такое?

Митька. Госпожа какая-то вас спрашивают-с.

Вилицкий. Кто?

Митька *(опять ухмыляясь)*. Госпожа-с. Дама-с. Вас однех желают видеть-с.

Вилицкий *(с волнением взглядывает на Фонка и опять обращается к Митьке)*. Зачем же ты не сказал ей, что меня дома нет? *(Митька ухмыляется.)* Где эта дама?

Митька. В передней-с.

Фонк *(понизив голос)*. Да неужели ж вы станете с нами церемониться? Мы с ним *(указывая на Созомэноса)* уйти можем. *(Будит его.)* Алкивиад Мартыныч, проснитесь. *(Созомэнос мычит.)* Проснитесь. *(Созомэнос открывает глаза.)* Как можно эдак спать?

Созомэнос. А я точно, кажется, вздремнул.

Фонк. Да, вздремнули. А теперь пойдемте. Пора. *(Созомэнос медленно поднимается.)*

Вилицкий *(который всё время стоял неподвижно, вдруг, торопливым голосом)*. Да зачем же, господа, зачем же вы уходите?

Фонк. Как же...

Вилицкий. Может быть, это так, ничего. Это так, кто-нибудь меня спрашивает.

Созомэнос *(громко)*. Мы, пожалуй, можем остаться.

Фонк *(Созомэносу)*. Тссс... Алкивиад Мартыныч, поймите... К ним вот дама пришла...

Созомэнос *(хрипло и выпуча глаза)*. Дама?

Вилицкий. Да это ничего не значит... Я вас уверяю, это так. Это что-нибудь такое... Я не знаю... это ничего.

Созомэнос *(так же хрипло)*. Молодая?

Вилицкий. Я, право, не знаю... Да не хотите ли вы, господа, пройти ко мне в спальню, на минуточку, а то через переднюю, может быть, знаете, неловко... На одну минуту.

Фонк. Как угодно... но, пожалуйста, не церемоньтесь.

Вилицкий. Нет, право, если вам не к спеху, если вы не собирались куда-нибудь, останьтесь, пожалуйста. Мы еще поболтаем.

Фонк. Извольте, с удовольствием. Пойдемте, Алкивиад Мартыныч. *(Оба направляются к двери направо.)*

Созомэнос *(на ходу, Фонку)*. Молодая? а?

Фонк *(с улыбкой)*. Я не знаю... *(Оба входят в спальню.)*

Митька *(который всё стоял, заложа руки за спину и посмеиваясь.)* Так как-с прикажете-с?

Вилицкий. Проси, разумеется. *(Митька выходит. Вилицкий запирает дверь направо и возвращается на авансцену. Входит Маша, в шляпке под вуалем, и останавливается, не дойдя до середины комнаты. Вилицкий приближается к ней.)* Позвольте узнать, с кем я имею... *(Вдруг вскрикивает.)* Марья Васильевна! *(Маша подходит нетвердыми шагами к дивану, садится и поднимает вуаль. Она очень бледна.)* Вы!.. здесь, у меня!.. *(В течение всей следующей сцены Вилицкий часто взглядывает на дверь спальни и говорит вполголоса.)*

Маша *(слабо)*. Вы меня не ожидали, не правда ли?..

Вилицкий. Мог ли я подумать...

Маша. Вы меня не ожидали... Не бойтесь, я скоро уйду... Вы одни?

В и л и ц к и й. Один... но...

М а ш а. Мне кажется, я слышала голоса...

В и л и ц к и й. У меня были приятели... они ушли...

М а ш а. Я тоже сейчас уйду... Давно вы вернулись из-за города?

В и л и ц к и й *(с смущением)*. Марья Васильевна... я...

М а ш а *(взглянув на него)*. Стало быть, это правда, правда... вы прятались... боже мой! Не беспокойтесь... я не пришла сюда с намерением сделать вам неприятность... *(Останавливается.)*

В и л и ц к и й. Марья Васильевна, простите меня... Клянусь вам богом, я сегодня собирался к вам.

М а ш а. Много чести... но я вас не упрекаю... Я пришла только объясниться с вами... Я сегодня написала к вам письмо...

В и л и ц к и й. Успокойтесь, прошу вас... вы так бледны... Здоровы ли вы?

М а ш а. Я здорова... это ничего... я здорова, более чем нужно. Я пришла...

В и л и ц к и й *(садится с ней рядом и перебивает ее)*. Послушайте, Марья Васильевна, я виноват, кругом виноват перед вами... простите меня. Ну да, точно: я не выезжал из Петербурга... Я избегал встречи — с вами... Отчего? — спросите вы. Не знаю, ей-богу. Я иногда... со мною иногда происходят непонятные вещи... глупые мысли мне лезут в голову... я сам на себя тогда не похож... но у вас тотчас рождаются такие подозрения... Вы очень мнительны, Марья Васильевна.

М а ш а. Я... мнительна, Вилицкий? Пять дней, целых пять дней...

В и л и ц к и й. Ну да, да; виноват я, виноват; простите меня, будьте снисходительны...

М а ш а. Не сказавши ни одного слова... *(Она готова заплакать.)*

В и л и ц к и й. Ради бога, успокойтесь. Это всё пройдет. Всё устроится к лучшему... вы увидите.

М а ш а. Нет, Вилицкий, это не пройдет. Одна любовь ваша прошла. Могла ли я думать, что за две недели до свадьбы... Да какая свадьба! Как будто я могу верить...

В и л и ц к и й. Послушайте, Марья Васильевна,

нам точно нужно с вами переговорить; нам нужно серьезно объясниться... разумеется, не здесь и не теперь. Надобно прекратить все эти недоразумения...

Маша. Прекратить? Они прекращены. Как будто я не чувствую, что вы меня больше не любите, что я вам наскучила, что я вам в тягость? Я это очень хорошо чувствую, Петр Ильич. Конечно, я вас не стою: я не получила такого воспитания... Но вы же сами, вы первый... вспомните, разве я напрашивалась на вашу дружбу? Я и теперь вас об одном прошу: не мучьте меня; скажите, что вы меня разлюбили, что между нами всё кончено... и я по крайней мере не буду больше в неизвестности.

Вилицкий *(с тоской)*. Да почему вы думаете...

Маша. Почему? Еще бы я не заметила вашей холодности! Для этого не нужно учености. Бывало, вы не отходили от меня, приносили мне книжки, читали со мной... вы меня иногда... звали Машей... *(Понизив голос.)* Вы... даже... переставали говорить мне «вы», а теперь... Могла ли я не заметить этой перемены, скажите сами?.. Что мне в том, что вы мой жених, подарки мне привозите?.. Ах, Вилицкий, вы меня не любите больше, вы меня не любите...

Вилицкий. Маша, как вы можете это говорить?.. Конечно, я перед вами виноват; но, повторяю вам, это всё объяснится. Нам надобно только переговорить с вами, немножко переговорить. Я честный человек, Маша, вы это знаете; я никогда вас не обманывал... вы мне только напрасно раздираете сердце... Ну да; я виноват... простите ж меня...

Маша *(потупив голову)*. Вы меня не любите, вы меня не любите...

Вилицкий. Опять! Это с вашей стороны, право, жестоко. Вы очень хорошо знаете, что я вас люблю. Взгляните на меня; неужели же вы не чувствуете?.. Успокойтесь, пожалуйста, и вернитесь домой... а сегодня вечером...

Маша. Как вам хочется, чтоб я ушла поскорей!

Вилицкий. К чему это, Маша? Что за охота и себя мучить и меня? Впрочем, я не имею права упрекать вас: я виноват перед вами и молчу. Но, право, послушайтесь меня...

Маша *(не поднимая головы)*. Чем могла я заслужить вашу холодность, Вилицкий, скажите?.. *(Понемногу начинает плакать.)* Конечно, я не получила такого воспитания... Ваш приятель, должно быть, надо мной много смеялся... бог знает, что он обо мне вам наговорил... Я ведь знаю, вы его приводили для того, чтобы мне икзамен сделать... *(При слове «икзамен» Вилицкого слегка коробит.)* Но по крайней мере я... *(Плачет.)*

Вилицкий *(умоляющим голосом)*. Перестаньте, пожалуйста, перестаньте... Ведь это ничему не поможет... Вы только напрасно себя убиваете... как это можно!.. Перестаньте.

Маша *(сквозь слезы)*. Вы меня не любите!

Вилицкий. А вы еще говорили, что хотите со мной объясниться... Вы теперь не в состоянии ничего выслушать... Как же мы будем жить с вами потом, если теперь, до свадьбы, вы уже так?.. *(Маша всхлипывает.)* Маша, ради бога... твои слезы мне всю душу мутят... ради бога, успокойся,— ты увидишь, всё объяснится, всё, поверь мне... Мы должны помогать друг другу; нам обоим еще не такие затруднения предстоят в будущем.

Маша *(рыдая)*. Вы меня не любите!..

Вилицкий *(с легкой досадой)*. Полноте же, полноте, ради бога... Неужели же вы потеряли всякую доверенность ко мне? Ну, я виноват; прости меня; смотри — я на колени стал перед тобой... *(Он становится на колени.)*

Маша *(сквозь слезы)*. Не надо, не надо...

Вилицкий *(несколько резко)*. Если вы меня любите — ради бога, перестаньте... Вы и не подозреваете, в какое вы меня ставите нелепое положение... *(Почти шёпотом.)* Ради бога, Маша, уйди... Сегодня вечером я непременно, непременно приду... *(Маша всё плачет.)* Перестаньте же, ради бога!..

Маша *(сквозь слезы)*. Прощайте навсегда, Петр Ильич... *(Она начинает громко рыдать.)*

Вилицкий *(вскакивая)*. О, это слишком! Маша... Маша... *(Она всё рыдает.)* Маша! *(Она рыдает.)* *(С досадой.)* Да перестаньте же, наконец... Нас могут услышать...

Маша *(отнимая вдруг платок от лица)*. Как?

Вилицкий *(с смущением и досадой указывая на дверь спальни)*. Там... у меня приятель.

Маша *(выпрямляясь)*. И вы мне это не сейчас сказали?.. О! вы меня презираете! *(Бежит вон.)*

Вилицкий *(устремляясь вслед за ней)*. Маша... погодите же, Маша... *(Он стоит некоторое время неподвижно, схватывает себя молча за голову; потом, опомнившись, идет к двери спальни, отворяет ее — и говорит с смущением и принужденно улыбаясь.)* Господа, пожалуйте! теперь можно. *(Фонк и Созомэнос входят. Фонк спокоен и равнодушен, как будто ничего не слыхал... Созомэнос красен и пучится от сдержанного смеха.)* Пожалуйте...

Фонк. Ваша посетительница ушла?

Вилицкий. Да... *(Он украдкой поглядывает на обоих, как бы желая узнать, слышали ли они что-нибудь.)* Она ушла. Вы меня извините... Я вас, может быть, задержал...

Фонк. Нисколько, послушайте... *(Делает знаки Созомэносу, который готов лопнуть со смеха.)* Нисколько. А что, вы сами сегодня не выйдете со двора? Прекрасная погода.

Вилицкий. Да, я в департамент пойду... *(Фонк продолжает делать знаки Созомэносу.)* А где вы сегодня вечером?

Фонк. Я сегодня собирался... *(Созомэнос вдруг прыскает со смеха.)*

Вилицкий *(помолчав немного и потупившись)*. Я вижу, господа, вы всё слышали...

Созомэнос *(сквозь хохот)*. Еще бы, еще бы...

Фонк *(строго Созомэносу)*. Алкивиад Мартыныч, позвольте вам заметить, ваш смех весьма неуместен... *(Созомэнос давится, но продолжает смеяться. Фонк берет Вилицкого под руку и отводит в сторону.)* Петр Ильич, пожалуйста, не сердитесь на него... Все эти сочинители — сумасшедшие, и, по-настоящему, их в порядочные дома впускать нельзя: они понятия не имеют о приличии. Не будьте в претензии на меня, Петр Ильич... Сделайте одолжение...

Вилицкий *(горько)*. Помилуйте, я нисколько не сержусь и не в претензии. Господин Созомэнос совершенно прав. Такая нелепая сцена... Я и не думаю сер-

диться... Помилуйте! *(Созомэнос садится, охает, отдыхает и утирает слезы.)*

Ф о н к *(обращаясь к Созомэносу)*. Перестаньте же, наконец, Алкивиад Мартыныч... *(Вилицкому, пожимая ему руку.)* Вы можете быть уверены. что никто не узнает...

В и л и ц к и й. Помилуйте, напротив; отчего же? Это презабавный анекдот.

Ф о н к *(с упреком)*. Петр Ильич...

В и л и ц к и й. Нет. право...

Ф о н к. Ну, хорошо, хорошо. Впрочем, во всем этом происшествии ничего нет удивительного. Вы сами виноваты, позвольте вам сказать... Ваше отсутствие... Я нахожу все это весьма естественным... Оно даже с некоторой стороны похвально...

В и л и ц к и й *(язвительно)*. Вы находите?

Ф о н к. Конечно. Во всем этом видна большая привязанность...

В и л и ц к и й. О, без сомнения!

Ф о н к *(помолчав)*. Вот вам и живой, так сказать, комментарий на мои слова... А, впрочем, будемте говорить о другом...

В и л и ц к и й *(всё так же горько)*. Да... будемте говорить о другом... О чем бишь будем мы говорить?

Ф о н к *(обращаясь к Созомэносу)*. Ну, успокоились вы, наконец? *(Созомэнос кивает головой.)* Смотрите не засните теперь опять.

С о з о м э н о с. Будто я всё сплю?

Ф о н к. Вы бы лучше нам несколько стихов прочитали... Я уверен, что вы пишете стихи...

С о з о м э н о с. До сих пор не писал, а, пожалуй, попробую.

Ф о н к. Попробуйте. я вам советую. *(Обращаясь к Вилицкому.)* Ах да, кстати. слышали вы наконец Рубини?

В и л и ц к и й. Нет, я всё собирался съездить в театр с моей невестой. *(Горько усмехается.)* Не знаю, когда удастся.

Ф о н к. Я третьего дня опять слышал его в «Лучии»... Он до слез меня тронул.

В и л и ц к и й *(сквозь зубы)*. До слез, до слез...

Ф о н к. Знаете ли что, Вилицкий? Вы очень строгий и взыскательный человек.

Вилицкий. Я?

Фонк. Да, вы.

Вилицкий *(горько)*. Например?

Голос Митьки *(в передней)*. Да нету их дома-с... нету-с. Выехать изволили. *(Вилицкий умолкает и слушает. Фонк тоже.)*

Голос Мошкина. В таком случае я хочу записку ему оставить.

Голос Митьки. Оне приказали вам сказать, что сегодня к вам заедут-с... а записку вы можете и здесь написать-с.

Фонк *(обращаясь к Вилицкому)*. Что такое? *(Вилицкий не отвечает.)*

Голос Мошкина. Да отчего ты не хочешь меня впустить?

Голос Митьки. Нельзя-с. Дверь заперта-с. Они ключ изволили унести.

Голос Мошкина. А ты хотел в комнату за чернильницей сходить?

Голос Митьки. Да нельзя. Ей-богу, нельзя-с.

Голос Мошкина. Митя, ведь барин твой дома... Я ведь знаю. Пусти.

Голос Митьки. Никак нет-с.

Голос Мошкина. Полно, Митя, пусти. Твой барин не выезжал. Я в овощной лавке спрашивал и у дворника. *(Возвышая голос.)* Петруша, Петруша, прикажи меня впустить. Я знаю, ты дома.

Вилицкий *(не смея взглянуть на Фонка и на Созомэноса, которого опять начинает смех разбирать, идет к двери передней)*. Войдите, войдите, Михайло Иванович, сделайте одолжение... Ты с ума сошел, что ли, Митька? *(Входят Мошкин и Митька. Мошкин чрезвычайно взволнован. При виде Фонка и Созомэноса он начинает раскланиваться на все стороны. Вилицкий с смущением пожимает ему руку.)* Здравствуйте, Михайло Иваныч, здравствуйте. Извините, пожалуйста... такое вышло недоразумение... *(Митьке, который собирается говорить.)* Ступай, ты.

Митька. Да вы же сами-с...

Вилицкий. Ступай, говорят. *(Митька выходит.)*

Мошкин. О, помилуй! что за беда! Напротив, ты меня извини... я, может быть, помешал... *(Опять*

кланяется Фонку и Созомэносу, которые ему отвечают. Созомэнос встает со стула. Мошкин подходит к Фонку.) Родиону Карловичу мое нижайшее... Я сначала не узнал было вас... Знаете, эдак, солнце... *(Вертит рукой на воздухе.)* Как ваше здоровье?

Фонк. Слава богу; как ваше?

Мошкин. Помаленьку-с, покорнейше благодарю-с. *(Еще раз кланяется Фонку и улыбается.)* Приятнейшая сегодня погода-с. *(Он в видимом смущении. Тягостное молчание.)*

Фонк *(Вилицкому)*. До свидания, Петр Ильич. *(Берется за шляпу.)* Мы, вероятно, сегодня увидимся.

Мошкин *(Фонку)*. Я, надеюсь, не помешал... Сделайте одолжение, если что-нибудь нужно, я могу и после зайти... Я вот только желал взглянуть на Петра Ильича...

Фонк. О, нет-с... Мы и без того собирались уйти... Алкивиад Мартыныч, пойдемте...

Вилицкий *(в смущении)*. Так вы уходите?..

Фонк. Да... но мы увидимся... Где вы обедаете?

Вилицкий. Я не знаю... а что?

Фонк. Если вас где-нибудь не задержат, приходите ко мне... часу в пятом... А впрочем, прощайте. *(Мошкину.)* Честь имею вам кланяться. *(Мошкин кланяется.)*

Вилицкий. Прощайте, Родион Карлыч... Алкивиад Мартыныч... Где вы живете?

Созомэнос. В Гороховой, в доме купчихи Жмухиной.

Вилицкий. Я буду иметь удовольствие... *(Провожает их до передней. Они уходят; Вилицкий возвращается. Мошкин стоит неподвижно и не глядит на него. Вилицкий нерешительно к нему подходит.)* Я очень рад вас видеть, Михайло Иваныч.

Мошкин. И я... и я... тоже очень рад... Петруша, конечно... Я... того... я... *(Умолкает.)*

Вилицкий. Я собирался сегодня к вам, Михайло Иваныч... мне и так скоро нужно будет выйти... Да что же вы не садитесь?

Мошкин *(всё в том же положении)*. Спасибо... всё равно... Ну, как твое путешествие за город?.. Ты здоров?

Вилицкий *(поспешно)*. Хорошо, хорошо... слава богу... Который-то час?

Мошкин. Должно быть, второй.

Вилицкий. Второй уже?

Мошкин *(быстро оборачиваясь к Вилицкому)*. Петруша... Петруша, что с тобой?

Вилицкий. Со мной... Михайло Иваныч?.. Ничего...

Мошкин *(подходя к нему)*. За что ты на нас сердишься, Петруша?

Вилицкий *(не глядя на него)*. Я?..

Мошкин. Ведь я всё знаю, Петруша; ведь ты из города не выезжал. Целых пять дней тебя у нас не было... Ты от меня прятался... Петруша, что с тобой, скажи? Или кто-нибудь из наших тебя обидел?

Вилицкий. Помилуйте... напротив...

Мошкин. Так отчего ж вдруг такая перемена?

Вилицкий. Я вам это... потом всё объясню, Михайло Иваныч...

Мошкин. Мы люди простые, Петруша; но мы тебя любим от всей души; извини нас, коли мы в чем перед тобой провинились. Мы всё это время не знали, что и придумать, Петруша; духом пали вовсе, измучились. Вообрази сам, каково было наше положение! Знакомые спрашивают: а где же Петр Ильич? Я хочу сказать: отлучился, мол, из города, на короткое время — а язык не слушается... что будешь делать? Перед свадьбой — вообрази. А Маша-то бедная! О себе я уж и не говорю. Ведь Маша... представь: ведь она твоя невеста. Ведь у ней, у бедняжки, кроме тебя да меня, никого на свете нет. И хоть бы какая была причина, а то вдруг — словно ножом в сердце пырнул.

Вилицкий. Право, Михайло Иваныч...

Мошкин. Ведь я знаю, Петруша, она у тебя сейчас была... *(Вилицкий слегка вздрагивает.)* Сегодня поутру она вдруг надевает шляпку; я спрашиваю — куда? А она мне, словно полоумная: пустите, говорит, за покупками. *(Уныло.)* Ну, какие уж тут покупки, Петруша, сам посуди! Я ничего; отпустил ее — да за ней... Глядь, а она по улице бежит-бежит, сердечная, да прямо сюда... Я за угол, знаешь, вот где штофная... Смотрю, эдак через четверть часика, выходит она от тебя, моя сиротка, лица на сердечной нет; села, голу-

бушка, на извозчика, опустила эдак голову да как заплачет... *(Останавливается и утирает глаза.)* Жалости подобно, Петруша, право!

Вилицкий *(с волнением)*. Я виноват, Михайло Иваныч, точно виноват и перед ней и перед вами... Простите меня.

Мошкин *(со вздохом)*. Ах, Петруша, Петруша! не ждал я этого от тебя!

Вилицкий. Простите меня, Михайло Иваныч... Я вам расскажу... Вы увидите — всё это уладится. Это так. Я сегодня же буду у вас и сам всё объясню. Простите меня.

Мошкин. Ну, вот и прекрасно, Петруша; ну, и слава богу. Я знал, что ты не в состоянии нас огорчить умышленно... Дай же мне обнять тебя, душа моя! ведь я целых пять дней тебя не видал... *(Обнимает его.)*

Вилицкий *(поспешно)*. Послушайте... Вы не подумайте, чтоб я сказал что-нибудь Марье Васильевне неприятное... Напротив, я ее всячески старался успокоить... Но она была в таком волнении...

Мошкин. Верю тебе, Петруша... только ты вообрази себя на ее месте... Петруша, ведь ты нас не разлюбил?

Вилицкий. Помилуйте, как вы можете думать...

Мошкин. И ее тоже не разлюбил? Она так тебя любит, Петруша... Она умрет, если ты ее бросишь.

Вилицкий. Зачем вы это говорите, Михайло Иваныч?..

Мошкин. Ты представь, ведь она твоя невеста... ведь уж и свадьба назначена... с твоего же согласия...

Вилицкий. Да разве кто свадьбу отменяет? помилуйте!.. Я ведь люблю Марью Васильевну...

Мошкин. Ну, и слава богу! Ну, и слава богу! Ну, стало быть, это всё ничего. Что-нибудь тебе та́к не показалось... Но вперед, Петруша, пожалуйста, лучше скажи, лучше просто выбрани; а этак пять дней...

Вилицкий. Не напоминайте мне, пожалуйста, об этом... Мне и так совестно... Вперед этого уже больше не будет — поверьте мне.

Мошкин. Ну, кончено, Петруша, кончено... Кто прошлое помянет, тому, ты знаешь...

В и л и ц к и й *(не глядя на Мошкина)*. А я только точно Марье Васильевне говорил и теперь вам повторяю, что мне нужно будет иметь с ней небольшое объяснение... знаете, для того, чтоб подобные недоразумения вперед уже не повторялись...

М о ш к и н. Да какие это недоразумения? И что такое значит «недоразумение»? Я вовсе не понимаю.

В и л и ц к и й. Мне надобно с Марьей Васильевной объясниться.

М о ш к и н. Да кто ж против этого спорить станет? Это твое право. Ведь она тебе жена — а ты ей есть муж и наставник; от кого ж ей выслушивать наставления, правила, так сказать, на путь жизни — как не от тебя? Ведь век вместе прожить — не поле перейти; надо правду друг другу говорить. Ты уж без того много об ней заботился, об ее воспитании то есть, потому что она сирота, а я человек неученый. Это твое право, Петруша.

В и л и ц к и й. Вы меня не совсем понимаете, Михайло Иваныч... а впрочем, это всё объяснится, вы увидите, в весьма скором времени — и всё пойдет хорошо. *(Взглянув на него.)* А вы даже в лице изменились, бедный мой Михайло Иваныч... Как я виноват, как непростительно виноват перед вами!

М о ш к и н. Вона! Три года сряду ты меня радовал и утешал... раз как-то опечалил, велика важность! Стоит говорить! А что касается до объяснения — я на тебя полагаюсь, ты ведь у меня умен... ты всё к лучшему устроишь. Только, пожалуйста, будь снисходителен. Машу, ты сам знаешь, запугать ничего не стоит. А что она застенчива и сиротлива — ты на это не смотри; она не ком-эль-фонт, положим; да не в этом счастье жизни заключается, Петруша, поверь мне; а в нравственности, в любви, в доброте сердечной. У тебя, конечно, друзья ученые — ну, и разговор, конечно, эдакой, всё отвлеченный... а мы... мы только любить тебя умеем от всего сердца... В этом, Петруша, с нами уж никто не поспорит...

В и л и ц к и й *(пожимая ему руку)*. Добрый, добрый Михайло Иваныч... Чем я заслужил такое расположение? *(Мошкин улыбается и махает рукой.)* Право, не знаю чем. *(Небольшое молчание.)*

Мошкин. Посмотри-ка мне в лицо... Ну вот, это Петруша мой опять...

Вилицкий. Как вы добры, как вы добры!.. *(Опять небольшое молчание.)* Какая досада! мне пора в департамент.

Мошкин. В департамент? Что ж! Я тебя не удерживаю... А когда ж ты к нам, Петруша?

Вилицкий. Сегодня вечером, Михайло Иваныч, непременно.

Мошкин. Ну, хорошо. А что бы... Петруша... теперь...

Вилицкий. Теперь, Михайло Иваныч, мне, право, нельзя. Митька!

Мошкин. Ну, как знаешь! А уж как бы Маша-то была рада!..

Митька *(входя)*. Чего изволите-с?

Вилицкий. Форменный фрак.

Митька. Слушаю-с. *(Выходит.)*

Мошкин. Вдруг после всех этих слез и тревог... вообрази. А? Петруша?

Вилицкий. Право, Михайло Иваныч... Сегодня вечером я непременно, непременно...

Мошкин *(со вздохом.)* Ну, хорошо.

Вилицкий. Ведь я всё это время в департаменте даже не был... Вообразите вы себе... ведь это, наконец, заметить могут.

Мошкин. Ну, на минуточку... перед департаментом.

Вилицкий. Мне и то мо́чи нет как будет совестно... Вы, пожалуйста, эдак приготовьте Марью Васильевну... Скажите ей, чтоб она меня простила...

Мошкин. Вот еще, что выдумал! Нужны приготовления — как же! Просто приведу тебя, скажу: вот он, наш беглец... а она тебе на шею бросится — вот и приготовленья все... *(Митька входит с фраком.)* Надень-ка фрак,— да поедем.

Вилицкий. Ну, извольте, только на минуту... *(Надевает фрак.)*

Мошкин. Да уж увидим там... *(Митьке, подающему фрак.)* А! бесстыжие глаза! Ведь, вишь, какой! *(Митька ухмыляется.)* А впрочем, я хвалю, слуга должен барскую волю соблюдать.— Ну, Петруша, спасибо тебе, воскресил ты всех нас... Едем!

В и л и ц к и й. Едем. *(Уходя, Митьке.)* Если господин Фонк опять зайдет, скажи ему, что я у него сегодня буду...

М о ш к и н. Ну, это мы всё там увидим... Надевай шляпу — пойдем. *(Оба уходят.)*

М и т ь к а *(остается, глядит им вслед и медленно идет на авансцену)*. Бесстыжие глаза! — Ну, кто их разберет! Ведь приказывали не пускать... А вот я лучше сосну маленько, так оно и того... *(Заваливается на диван.)* Ведь вот что́ бы новый диван купить; а то у этого пружины больше не действуют. — Да куда! ему не до того! Уж эти мне ферлакуры!.. А впрочем, господь с ними!.. Это всё ведь... Э-это... *(Глядя на свои высоко поднятые ноги.)* Хорошо шьет бестия Капитон! *(Засыпает.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же декорация, как в первом действии. Мошкин в архалуке, озабоченный и опечаленный, стоит у двери налево и прислушивается. Через несколько мгновений на пороге показывается Пряжкина.

Мошкин (*почти шёпотом*). Ну, что?

Пряжкина (*так же*). Заснула.

Мошкин. И жара нет?

Пряжкина. Теперь нет.

Мошкин. Слава богу! (*Молчание.*) А знаете ли что, Катерина Савишна, всё-таки не отходите от нее... что-нибудь, знаете, понадобится неравно.

Пряжкина. Как же, батюшка, как же!.. Прикажите только самоварчик мне поставить...

Мошкин. Прикажу, матушка, прикажу. (*Пряжкина уходит. Мошкин медленно идет на авансцену, садится, глядит несколько времени неподвижно на пол, проводит рукой по лицу и кличет.*) Стратилат!

Стратилат (*выходя из передней*). Чего-с?

Мошкин. Самовар для Катерины Савишны поставь.

Стратилат. Слушаю-с. (*Хочет идти.*)

Мошкин (*нерешительно*). Никто не приходил?

Стратилат. Никак нет-с.

Мошкин. И ничего... эдак, не приносили?

Стратилат. Ничего-с.

Мошкин (*вздохнув*). Ну, ступай. (*Стратилат уходит. Мошкин оглядывается, хочет встать и опять опускается в кресло.*) Боже мой, боже мой, что ж это такое? Вдруг опять, опять всё рухнуло... Теперь уж дело-то ясно... (*Опускает голову.*) Какое средство, какое средство, наконец... (*Помолчав немного.*) Никакого нет средства. Это всё... (*Махает рукой.*) Само собой разве как-нибудь... авось эдак перемелется. (*Вздыха-*

ет.) О господи боже! *(Из передней входит Шпуньдик, Мошкин оглядывается.)* А, это ты, Филипп? Спасибо, что хоть ты не забываешь.

Шпуньдик *(жмет ему руку)*. Вона! я разве ваш брат, столичная штука? *(Помолчав.)* Ну что, был?

Мошкин *(поглядев на него)*. Нет, не был.

Шпуньдик. Гм, не был. Какая же причина?..

Мошкин. Господь его знает. Всё извиняется — дескать, некогда...

Шпуньдик *(садясь)*. Некогда! Ну, а что Марья Васильевна?

Мошкин. Маша не совсем здорова. Всю ночь не спала. Теперь отдыхает.

Шпуньдик *(качая головой)*. Эка, подумаешь... *(Вздохнув.)* Да, да, да.

Мошкин. Что ты поделываешь?

Шпуньдик. Хлопочу, брат, по делам всё. А только признаюсь тебе, Михайло Иваныч, как погляжу я на вашу братью, на петербургских — не-ет, с вами беда! Подальше от вас. Нет, вы, господа, ой-ой-ой!

Мошкин *(не глядя на него)*. Да почему же ты... так?.. здесь тоже есть хорошие люди.

Шпуньдик. Я не спорю, может быть... а только с вами держи ухо востро... *(Помолчав.)* Так не был Петр Ильич?

Мошкин *(вдруг оборачиваясь к нему)*. Филипп, что мне перед тобой скрываться? Ты видишь во мне совершенно убитого человека.

Шпуньдик. Помилуй бог!

Мошкин. Совершенно, совершенно убитого человека. И как неожиданно! Ты помнишь, Филипп, когда ты приехал, всего две недели назад... помнишь, как я тебя встретил, какие планы составлял, помнишь? а теперь... теперь всё это рухнуло, брат, всё это провалилось сквозь землю, в самую преисподнюю — ко дну, брат, всё пошло, и я сижу, как дурак, думаю, и ничего не придумаю.

Шпуньдик. Да ты, может быть, преувеличиваешь, Миша...

Мошкин. Какое преувеличиваю! Ведь ты почти каждый день здесь бываешь, ты можешь сам рассудить. Ну, положим, после того обеда, помнишь, что-нибудь ему не понравилось, он не ходил — ну, повздорил,

так что-нибудь; положим. Я к нему отправился, объяснился с ним; ну, привел его сюда; Маша поплакала, простила его... хорошо. Ну, стало быть, всё ладно, не так ли? Правду сказать, он недолго у нас тогда посидел — совестно ему было, что ли... только он опять ее уверял, эдак, знаешь, как следует: всё, дескать, попрежнему остается — ну, словом, как жених. Хорошо. На другой день приезжает, и гостинчик еще привез; повертелся с минутку — глядь... уж и уехал. Говорит: дела. На следующий день не был вовсе... потом опять приехал, посидел всего с час и почти всё время молчал. Я, знаешь, о свадьбе, дескать, то есть, как и когда... пора, мол; он: да, да — и только; да вот с тех пор опять и пропал. Дома его никогда застать нельзя, на записки не отвечает. Ну, сам скажи, Филипп, что ж это значит? Ведь это, наконец, слишком ясно! Он, значит, отказывается. А? Он отказывается! Вообрази же ты себе теперь, в каком я положении! Ведь ответственность, можно сказать, вся на мне лежит: я ведь эту кашу заварил... а она, конечно, сирота круглая; за нее некому заступиться. Да и как мог я подумать, что Петруша... *(Останавливается.)*

Шпуньдик *(с глубокомысленным видом)*. А знаешь ли, что́ я тебе скажу, Михайло Иваныч?

Мошкин. А что́?

Шпуньдик. Не зашалил ли уж он как-нибудь? Фосс-паркэ, как говорится. Ведь Петербург на это — город, чай, не последний.

Мошкин *(помолчав)*. Нет, это не то. Не такой он человек, да и не так бы он поступал.

Шпуньдик. А может быть, ему какая-нибудь другая девица приглянулась? Приятель его, этот важный-то, может быть, его познакомил с какой-нибудь этакой особой...

Мошкин. Это скорее. А впрочем, нет, всё не то. В нем какая-то перемена вдруг произошла; я просто понять его не могу, словно кто его подменил. И глядит-то он на меня не так, и смеется не так, и говорит иначе, а Машу просто избегает. Ах, Филипп, Филипп! тяжело мне, вот как тяжело! Ведь что ужасно, Филипп: подумаешь, давно ли?.. а теперь... И отчего же это? как это, как могло?..

Шпуньдик. Да, да, Миша, оно точно... того...

нелегко, как говорится. Только всё-таки, мне кажется, ты напрасно уж так падаешь духом...

Мошкин. Эх, Филипп, Филипп, ведь ты не знаешь... ведь я его как сына любил! Ведь я с ним всё делил — всё до последнего. И ведь что́ меня сокрушает: хоть бы он сердился, знаешь — легче было бы мне: скорее бы я надеялся; а то просто равнодушие оказывает, сожаление даже... Вот что убийственно, Филипп. Ведь вот он и нейдет, и не придет, и завтра не придет, и мне словно уж и странно думать, что он будто может прийти к нам.

Шпуньдик. Да, брат, да; недаром говорится в стихах: «Так на свете все превратно». Да.

Мошкин. Просто хоть ложись да умирай... *(Входит Пряжкина.)* А! Катерина Савишна! Ну, что?

Пряжкина. Ничего-с, Михайло Иваныч, ничего-с; не извольте беспокоиться. *(Шпуньдик ей кланяется.)* Здравствуйте, Филипп Егорыч.

Шпуньдик. Наше вам почтение, Катерина Савишна. Как вы в своем здоровье?

Пряжкина. Слава богу, батюшка, слава богу. Как вы?

Шпуньдик. Я тоже слава богу. А Марья Васильевна как в своем здоровье?

Пряжкина. Теперь получше-с. А ночь совсем худо спала. *(Вздыхая нараспев.)* Эх-и-эх. *(Мошкину.)* А что ж самоварчик, батюшка, изволили приказать?

Мошкин. Приказал, как же, приказал... а он вам не принес? Стратилатка! *(Стратилат входит с самоваром.)* Что это ты?

Стратилат. Только теперь закипел-с. *(Несет самовар в комнату Маши.)*

Шпуньдик *(Пряжкиной)*. Вы, я воображаю, так и не отходите от Марьи Васильевны...

Пряжкина. Как же-с. Кому же об ней и заботиться? Сами извольте рассудить.

Шпуньдик. Вы, я уверен, примерная родственница.

Пряжкина. Много благодарна-с, Филипп Егорыч.

Мошкин. Ну, хорошо, хорошо. *(Стратилат возвращается из комнаты Маши и подает Мошкину письмо.)* От кого это?

С т р а т и л а т. Не могу знать-с.

М о ш к и н *(взглянув на подпись)*. Петрушина рука. *(Быстро распечатывает и читает. Шпуньдик и Пряжкина со вниманием глядят на него. Мошкин страшно бледнеет во время чтения и, окончив письмо, падает на кресло. Шпуньдик и Пряжкина хотят приблизиться к нему, но он тотчас вскакивает и говорит прерывающимся голосом)*. Кто... это... кто там... принес... кто... позови...

С т р а т и л а т. Чего изволите-с?

М о ш к и н. Позови... кто принес... кто принес... *(Делает знаки руками Шпуньдику и Пряжкиной. Стратилат выходит и тотчас возвращается с почтальоном. У почтальона на голове кивер.)*

П о ч т а л ь о н. Что вам угодно-с?

М о ш к и н. Вы, мой любезный... Вы принесли это письмо... от господина Вилицкого?

П о ч т а л ь о н. Никак нет-с... С почтой пришло-с. Частные письма нам строжайше запрещено носить.

М о ш к и н. Ах да, точно, извините... Я то есть думал... *(Он совершенно растерялся.)*

Ш п у н ь д и к. *(Мошкину)*. Успокойся. Стратилат, поди заплати ему. *(Стратилат и почтальон выходят.)* Миша, опомнись...

М о ш к и н *(вдруг останавливаясь)*. Всё кончено, друзья мои! Всё! Я пропал, Филипп, и мы все пропали. Всё кончено.

Ш п у н ь д и к. Да что такое?

М о ш к и н *(развертывая письмо)*. А вот, послушай. И вы тоже, Катерина Савишна, послушайте. Он отказывается, друзья мои, он решительно отказывается. Свадьбы уж не бывать, и вообще — всё кончено, всё провалилось, всё, всё совершенно! Вот, вот что́ он мне пишет. *(Шпуньдик и Пряжкина становятся по бокам Мошкина.)* «Любезный мой Михайло Иваныч, после долгой и продолжительной бо.. борьбы с самим собою я чувствую, что я должен, наконец, объясниться с вами... откровенно *(взглядывая на Шпуньдика)*... откровенно. Поверьте, это решение стоит мне многого, очень многого. *(Мошкин выговаривает многого, а не многова.)* Я, видит бог, никак этого не мог предвидеть и желал бы избавить вас от подобной неприятности... Малейшее за-

медление было бы теперь непростительно... Я и так слишком долго колебался... Я не признаю себя способным составить счастье Марьи Васильевны и умоляю ее принять от меня обещание обратно». Обратно. *(К Шпуньдику.)* Вот посмотри — так, так и стоит «Я не признаю себя», вот посмотри. «Обратно». Вот посмотри. *(Шпуньдик глядит в письмо. Мошкин продолжает.)* «Я не смею даже просить у нее извинения; чувствую, до какой степени я виноват перед ней и перед вами, и спешу объявить, что я не знаю девицы, более достойной всякого уважения...» Слышите, слышите? «всякого уважения». Слышите? «Предвидя необходимость прекратить на некоторое время наши сношения, расстаюсь с вами с сокрушенным сердцем...» А? а? «Я не могу не сознаться, Михайло Иваныч, что вы имеете полное право считать меня неблагодарным *(Мошкин качает головой)*... я не стану уверять вас и вашу воспитанницу в моей преданности, в моем искреннем участии; подобные слова могут теперь по справедливости возбудить ваше негодование, и потому я умолкаю... Будьте оба счастливы...» Счастливы, счастливы!.. Это он может говорить — он, он!.. *(Мошкин закрывает лицо руками.)*

Шпуньдик. Успокойся, Михайло Иваныч; что ж делать? *(Помолчав.)* Ты, кажется, не дочитал...

Мошкин *(отрывая руки от лица)*. Да это вздор! Это быть не может... Он, наконец, не имеет права... Вот еще! Я к нему сейчас отправлюсь... *(Начинает быстро ходить по комнате.)* Стратилатка! шапку мне подай! шубу! сейчас! извозчика мне — сию минуту!

Шпуньдик. Куда ты, Михайло Иваныч, куда ты, помилуй!

Мошкин. Куда? к нему. Я ему покажу... я... я... А! ты, голубчик, так-то? Ну, хорошо. Ну, хорошо. К ответу я его потребую. К ответу!

Шпуньдик. Да каким образом ты его к ответу потребуешь?

Мошкин. Каким образом? Вот каким образом. Я ему скажу: милостивый государь, прошу отвечать мне без обиняков. Марья Васильевна вас чем-нибудь оскорбила? оскорбила она вас чем-нибудь, милостивый государь? Поведением ее, что ли, вы недовольны, милостивый государь?

Шпуньдик. Да он...

Мошкин. Нет, отвечайте мне, милостивый государь, отвечайте. Разве она не благовоспитанная девица, милостивый государь? Разве она не с правилами девица. а? а? *(Наступает на Шпуньдика.)*

Шпуньдик. Конечно, конечно; да ведь он тебе...

Мошкин. Как? Вы два года ездите к нам в дом, вас принимают, как родного, делятся с вами последней копейкой, отдают вам, наконец, по вашей неотступной просьбе, такое сокровище — свадьба уже назначена, а вы... о-о-о!.. Нет, извините! Это не может так кончиться... Нет, нет... Шапку, Стратилатка! *(Стратилат входит.)* Вы вдруг раздумали; взял перо — чёрк, чёрк, чёрк — да и воображаете, что отделались? Ан нет! Извините. Я вам покажу, милостивый государь, погодите: я вам не позволю насмехаться над нами. Еще в конце приписывает: «Долги я все мои сполна заплачу». Да я гроша от него не хочу! Шапку мне, что ж не подают? *(Стратилат подает ему шапку; он ее не берет и продолжает ходить.)* Он это мог... Петруша, ты это... *(С сердцем махая рукой.)* Какой тут, к чёрту, Петруша! Меж нами всё кончено, всё! Вишь, он думает, что за Машу некому заступиться, так и того — расходился. Что, дескать, за беда! Возьму да откажу. Ан вот и ошибся... не на того наскочил, брат. Да я даром что старик, я его на дуэль вызову!

Пряжкина *(вскрикивая)*. Ах, батюшки мои!

Шпуньдик. Что ты, Миша, что ты, что ты!

Мошкин. А что ж? Ты думаешь, я и не сумею из пистолета-то выпалить? Не хуже другого! Да что ж это, я шапку спрашиваю, спрашиваю, двадцать четыре раза сряду шапку спрашиваю!

Стратилат. Да вот она-с... Я вам ее уже подавал-с.

Мошкин *(вырывая у него шапку)*. Ну, и ты туда же. Шубу мне! *(Стратилат бежит за шубой.)* Я ему покажу, постой.

Шпуньдик. Миша, да погоди, внемли голосу рассудка.

Мошкин. Убирайся ты с своим голосом и с своим рассудком!... Человек, ты видишь, в отчаянии, просто остервенился, а ты ему рассудок суешь... Пропадай всё заодно! *(Надевая шубу.)* А не то я на колена бро-

шусь перед ним: не встану, скажу, просто на месте умру, пока ты не возвратишь нам своего слова... Сжалься, скажу, над несчастной сиротой; за что, скажу, за что зарезал? помилуй! А вы, друзья мои, побудьте здесь — побудьте здесь, отцы мои родные! Я вернусь, я скоро вернусь, так или сяк, а уж вернусь... Только, ради бога, чтоб Маша не узнала как-нибудь без меня, ради бога! А я сейчас, сейчас, сейчас. Вы дождитесь меня.

Ш п у н ь д и к. Мы с удовольствием, только, право...

М о ш к и н. И не говори! Слушать ничего не хочу! А я вернусь, я сейчас вернусь. Умру, а вернусь... *(Убегает. Шпуньдик и Стратилат стоят в недоумении; Пряжкина, охая, садится. Стратилат, переглядываясь с Шпуньдиком, медленно уходит.)*

П р я ж к и н а *(охая, задыхаясь и складывая руки)*. Ах, батюшки мои! Ах, родные! О-ох! Согрешила я, окаянная! Чем это кончится, боже мой, боже мой милостивый! Ах, батюшки вы мои, голубчики вы мои! заступитесь за меня, сироту горемычную...

Ш п у н ь д и к *(подходя к ней)*. Успокойтесь, Катерина Савишна, может, бог даст, всё еще уладится как-нибудь.

П р я ж к и н а. Ах, Филипп Егорыч, голубчик вы мой, пропала моя головушка! Какое уладится, где уж тут? Вишь, какая беда стряслась! Вот до чего пришлось дожить! Господи Иисусе Христе, помилуй меня, грешную...

Ш п у н ь д и к *(садясь подле нее)*. Успокойтесь, право успокойтесь. Этак вы себе повредить можете.

П р я ж к и н а *(сморкаясь и приходя немного в себя, плаксивым голосом)*. Ах, Филипп Егорыч, да вы войдите в мое положение... Ведь Маша-то мне родная племянница, Филипп Егорыч. Каково же мне это переносить — вы это представьте. Ну, и Михайло Иваныч, каково это мне? Ведь с ним бог знает что могут сделать; каково ж это всё?

Ш п у н ь д и к. Конечно, это всё очень неприятно.

П р я ж к и н а *(тем же плаксивым голосом)*. Ах, Филипп Егорыч! Уж хуже этого быть ничего не может, Филипп Егорыч! голубчик вы мой! И ведь вот что я должна сказать: ведь я это всё предвидела... всё предвидела!

Ш п у н ь д и к. Неужели?

П р я ж к и н а *(всё тем же голосом)*. Ка-ак же, ка-ак же! Да меня не слушались; не слушались, батюшка вы мой, Филипп Егорыч. А я всегда говорила: не быть в этой свадьбе проку, ох, не быть проку, ох, не быть... Только меня не слушались.

Ш п у н ь д и к. Отчего же вас не хотели слушать?

П р я ж к и н а *(мгновенно переменяя голос)*. А господь ведает отчего, Филипп Егорыч. Стало быть, думали: человек старый-с, всё небось пустяки говорит-с. А я вам скажу, Филипп Егорыч, конечно, я человек простой, не из самого первого обчества; что говорить! а только муж у меня, царство ему небесное! до штаб-офицерского чина дослужился, в провиантах, батюшка, состоял; мы тоже, батюшка, с хорошими людьми водились — от чужих всякое уважение получали; а свои вот в грош меня теперь не ставят. Генеральша Бондоидина нас к себе принимала, Филипп Егорыч, и в особенности меня очень, можно сказать, жаловала. Бывало, я одна с ней, эдак, сижу в ее спальне, а она мне говорит: удивляюсь, мол, вам, говорит, Катерина Савишна, какой у вас во всем скус. А Бондоидина, генеральша, с первыми господами зналась. Я, говорит, с вами очень приятно время провожу. И чаю мне подать велит — ей-богу-с. Что мне лгать? А родная вот племянница меня слушать не хочет! Зато теперь вот и плачется. Да уж поздно.

Ш п у н ь д и к. Ну, может быть, еще не поздно.

П р я ж к и н а. Как не поздно, Филипп Егорыч. Помилуйте! что вы это говорите? Разумеется, поздно. Этого уж нельзя вернуть, извините. Уж это кончено. Что вы? помилуйте!

Ш п у н ь д и к. Может быть, может быть. Но, Катерина Савишна, скажите мне на милость — я вижу, вы женщина рассудительная,— отчего это молодые люди нашего брата старика никогда слушаться не хотят? Ведь мы им же добра желаем. Отчего бы это, а?

П р я ж к и н а. А по причине ветрености, Филипп Егорыч. Бондоидина, генеральша, мне не раз об этом говорила. Ох, бывало, говорит, Катерина Савишна, как погляжу я на нынешнюю молодежь — ну! просто руки растопыришь, и только! Ведь я что́ моей племяннице говорила: «Не выйдешь ты за него замуж, я ей

говорила: вишь, он какой бойкий, да и человек он такой опасливый; не туда глядит... ох, не туда!» А она мне: «Тетенька, оставьте». Ну, как хочешь, голубушка моя. Вот тебе и оставьте! Ведь и у меня была дочка, Филипп Егорыч. Как же, как же! И красавица же была; таких теперь что-то уж не видать, батюшка вы мой, право слово, не видать. Брови, нос — просто удивленье; а уж глаза... и сказать нельзя, что за глаза такие были. С лукошко, батюшка! Так вот, бывало, она и мечет ими, так вот и мечет, так вот и мечет. Что ж, ведь я ее замуж выдала; и так, батюшка, хорошо выдала, за хорошего человека, за ахтихтектора. Ну, вином он точно зашибал, да за кем не водится греха? Вот я посмотрю, как Михайло Иваныч Машу-то теперь пристроит? Насидится она в девках, мать моя!

Шпуньдик. Ну, и ваша дочь довольна своим мужем, счастлива?

Пряжкина. Ох, Филипп Егорыч, не говорите мне об ней! Она в прошлом году умерла, мой батюшка; да я уж и перед смертью года за три от нее отступилась.

Шпуньдик. За что же это?

Пряжкина. Да, батюшка мой, неуважительная такая была: за пьяницу, говорит, мать выдала меня; говорит, не заработывает мой муж ничего, да ёще бранится... Ведь вот, право, как тут угодить прикажешь? Велика беда: человек пьет! Какой же мужчина не пьет? Мой покойник, бывало, иногда так, с позволения сказать, нахлещется, что ахти мне — и я его всётаки уважала. Денег у них не было; конечно, это неприятно; но бедность не порок. А что он ее бранил, так, стало быть, она заслуживала; а по моему простому разумению, ведь муж — глава: кто ж ему учить не велит, Филипп Егорыч, посудите сами. А жена разве на то жена, чтоб величатиться?

Шпуньдик. Я с вами согласен.

Пряжкина. Но я ее простила: она уж умерла... Что ж? Царство ей небесное! Теперь она сама, чай, раскаивается. Бог с ней! А я человек незлобивый. Куда мне! Нет, батюшка; мне только век-то свой дожить как-нибудь.

Шпуньдик. Что вы такое говорите, Катерина Савишна!.. Вы еще не так стары...

Пряжкина. И-и-и, помилуйте, батюшка! Ко-

нечно, Бондоидина, генеральша, мне ровесница была, а уж на лицо гораздо постарше казалась. Даже мне удивлялась. *(Прислушиваясь.)* Ахти, кажись, Маша... нет. Нет; это ничего. Это у меня в ушах шумит. У меня завсегда перед обедом в ушах шумит, Филипп Егорыч, а не то вдруг под ложечку подопрет, так подопрет, даже дух захватит. Отчего бы это, батюшка? Мне одна знакомая лекарка советует конопляным маслом на ночь живот растирать, как вы думаете? А лекарка она хорошая, даром что арапка. Черна, представьте, как голенище, а рука прелегкая-легкая...

Ш п у н ь д и к. Отчего же? Попробуйте. Иногда, знаете, средства, так сказать, простые удивительно помогают. Я вот своих ближних лечу. Вдруг эдак, знаете, в голову придет: сем, попробую, например, это средство. И что ж? глядишь, помогло. Я старосту своего от водяной дегтем вылечил: мажь, говорю, и только. И вылечил, вообразите вы себе!

П р я ж к и н а. Да, да, да; это бывает-с, а всё бог, всё бог. Во всем его святая воля.

Ш п у н ь д и к. Ну, конечно, я воображаю, здесь доктора, всё первые ученые, немцы самые лучшие. А мы, степнячки, в глуши, так сказать, прозябаем; нам за докторами не посылать-стать: мы по простоте живем, конечно.

П р я ж к и н а. Да оно и лучше, по простоте-то, Филипп Егорыч; а в этих докторах, в этих ученых мало толку, батюшка вы мой. Вот не хуже Петра Ильича. А кто виноват? Сами мы виноваты. Ведь вот, например, хоть бы Михайло Иваныч: ну, скажите сами, разве ему след у себя чужую девицу воспитывать, разве след? Его дело, что ли, ее замуж выдавать? мужское это разве дело? Он ее облагодевствовать хотел — ну, что ж, и дай бог ему здоровья, а не в свое дело всё-таки не след ему было мешаться; ведь не след — скажите?

Ш п у н ь д и к. Оно, положим, не след, точно. Это дело женское. Да ведь не всегда оно и вашей-то сестре удается. Вот у нас соседка есть, Перехрянцева, Олимпиада; три дочки у ней на руках, и все невестами побывали, а замуж хоть бы одна вышла. Последний жених даже ночью в трескучий мороз из дому бежал. Старуха Олимпиада, говорят, ему, вся растрепé, из слухового окна кричала: «Постойте, постойте, позвольте объяс-

ниться», а он по сугробам — зайцем, зайцем, да и был таков.

П р я ж к и н а. На грех мастера нет, батюшка Филипп Егорыч... Оно точно... А всё-таки, коли бы меня послушались... У меня в предмете был человечек, то есть я вам скажу, просто первый сорт — что в рот, то спасибо. *(Целует концы своих пальцев.)* Да-с! *(Со вздохом.)* Да что! Теперь всё это в воду кануло. А пойду посмотрю-ка я на Машу... Что она делает? Чай, всё еще спит, моя голубушка. Что-то она скажет, как проснется, как узнает!.. *(Опять хнычет.)* Ах, батюшки мои, батюшки мои! что с нами будет? Что ж это Михайло Иваныч не возвращается? уж не случилось ли что с ним? Не убили ли его? Уж пришибут его, моего голубчика!

Ш п у н ь д и к. Да помилуйте, хоть оно отсюда и близко, всё-таки время нужно. Туда да назад, ну и у него ведь он посидит... надо ж объясниться.

П р я ж к и н а. Да, да, батюшка, оно точно... а только мне сдается, ох, не к добру всё это, ох, не к добру! Изуродует он его, Филипп Егорыч, просто изуродует.

Ш п у н ь д и к. Э, полноте!

П р я ж к и н а. Ну, вот увидите... Я никогда не ошибаюсь, батюшка вы мой... я, поверьте, я уж знаю... Вы не глядите на него, на Петра Ильича-то, что он таким смиренным прикидывается... Первый разбойник!

Ш п у н ь д и к. Да нет...

П р я ж к и н а. Да уж поверьте же мне. Просто изобьет его, в кровь изобьет.

Ш п у н ь д и к. Какая же вы, матушка, странная... что мы, в разбойничьем вертепе, что ли, живем? Здесь не велено драться никому. На то здесь власть. Что вы? перекреститесь!

П р я ж к и н а. Просто скажет ему: «Да как ты меня беспокоить смеешь? Да пропадайте вы совсем с вашей Марьей Васильевной... Да с чего ты это, старый пес, взял?» Да в зубы его, в зубы.

Ш п у н ь д и к. Полноте! что вы? Как это можно, право?..

П р я ж к и н а. Так-таки в зубочки его и треснет; ох, треснет он его, моего родимого!

Ш п у н ь д и к. Эх, Катерина Савишна!

Пряжкина *(начиная плакать)*. Треснет, Филипп Егорыч, треснет... Ванька-Каин эдакой...

Шпуньдик. А я вас еще за благоразумную женщину считал!

Пряжкина *(рыдая)*. Ох, треснет, голубчик вы мой!..

Шпуньдик *(с досадой)*. Ну, положим, треснет.

Пряжкина *(утирая слезы)*. И ништо ему, и ништо ему.

Шпуньдик *(оглядываясь)*. Да вот и он сам!

(Пряжкина оборачивается: из передней входит Мошкин в шапке и шубе. Он медленно идет до середины сцены, уронив руки и неподвижно уставив глаза на пол. Стратилат идет за ним.)

Пряжкина и Шпуньдик *(вскакивая вместе)*. Ну, что? Ну, что?

Мошкин *(не глядя на них)*. Съехал!

Шпуньдик. Съехал?

Мошкин. Да, съехал и не велел сказывать, куда... то есть мне не велел сказывать; недаром шельма дворник смеялся... Да я узнаю, завтра, сегодня же узнаю; в департаменте узнаю. Он от меня не отделается... нет, нет, нет!

Шпуньдик. Да сними же шубу, Михайло Иваныч...

Мошкин *(сбрасывая шапку на пол)*. Возьмите, возьмите все, что хотите. На что мне это всё? *(Стратилат стаскивает с него шубу.)* К чему? Всё едино! Тащите всё, берите всё. *(Садится на кресло и закрывает лицо руками. Стратилат поднимает шапку с пола и уходит с шубой.)*

Шпуньдик. Да расскажи нам по крайней мере...

Мошкин *(вдруг поднимая голову)*. Что тут еще рассказывать? Приехал, спрашиваю: дома? — Никак нет-с; выехал.— Куда? — Неизвестно.— Ну, что ж тут еще рассказывать? Дело ясно. Просто всему конец, вот и всё. А давно ли, кажется, мы с ним искали квартиру для... Его, вишь, тесна была. Ну, а теперь, разумеется, мне остается только одно: взять да удавиться, больше ничего.

Шпуньдик. Что ты, что ты это, Миша? Господь с тобой!

М о ш к и н. А что? *(Вскакивая.)* Хотел бы я тебя видеть на моем месте! Что ж мне теперь делать, боже мой, что мне теперь делать? Как я Маше на глаза покажусь?

П р я ж к и н а. То-то вот и есть, батюшка мой Михайло Иваныч, не хотели вы меня послушаться...

М о ш к и н. Эх, Катерина Савишна! надоели вы мне пуще горькой редьки... Не до вас теперь, матушка... Что Маша делает?

П р я ж к и н а *(с глубоким чувством оскорбленного достоинства)*. Почивает-с.

М о ш к и н. Вы меня извините, пожалуйста... Видите, в каком я положении... Притом же вы сами всегда были на стороне этого... этого человека, Петра Ильича то есть... *(Кладет руку на плечо Шпуньдику.)* Да, брат Шпуньдик, получил я удар, получил, брат... прямо в сердце, брат... да. *(Останавливается.)* Однако, между прочим, надобно ж на что-нибудь решиться. *(Подумав.)* Поеду в департамент. Узнаю адрес. Да, да.

Ш п у н ь д и к *(убедительным голосом)*. Друг мой, Михайло Иваныч, позволь мне тебе сказать слово, как говорится, от избытка уст. Позволь, Миша. Иногда, знаешь, совет эдáк... Позволь.

М о ш к и н. Ну, говори, что такое?

Ш п у н ь д и к. Послушайся меня, Миша: не езди. Не езди, послушайся меня. Брось. Хуже будет. Отказался — ну, делать нечего. Этого поправить нельзя, Миша, никак нельзя. Просто нет никакой возможности это поправить. Поверь мне. Вот и почтенная Катерина Савишна тебе то же самое скажет. Только напрасно осрамишься. Больше ничего.

М о ш к и н. Тебе легко говорить!

Ш п у н ь д и к. Нет, ты этого не говори. Я тоже чувствую, Миша, как оно... того... горько. Но благоразумие — вот что. Надо тоже подумать: что из этого выйдет? Вот на что следует, как говорится, внимание обратить. Ибо кому от этого хуже будет? Тебе, во-первых, и Марье Васильевне тоже. *(Пряжкиной.)* Не правда ли? *(Пряжкина кивает головой.)* Ну, вот видишь. Право, брось. Будто, кроме его, женихов на свете нет? А Марья Васильевна девица благоразумная.

М о ш к и н. Эх, как это вы, право, толкуете-толкуете, а у меня голова кругом идет, словно кто меня через лоб по затылку дубиной съездил. Женихи найдутся... да, как бы не так! Ведь дело было гласное, свадьба на носу торчала; ведь тут честь запятнана, честь страдает. Вы это поймите. Да и Маша захочет ли за другого выйти? Вам легко говорить. А мне-то каково? Ведь она моя воспитанница, сирота; ведь я богу за нее отвечаю!

Ш п у н ь д и к. Да ведь уж дела поправить нельзя; ведь он отказался. Только себя, значит, мучить...

М о ш к и н. А я его пугну.

Ш п у н ь д и к. Эх, Михайло Иваныч, не нам с тобой пугать людей. Право, брось. Просто выкинь из головы.

М о ш к и н. Оно, ты думаешь, легко? Если б ты вот эдак, тоже два года, каждый день... Да что тут толковать! Удавлюсь — и больше ничего.

Ш п у н ь д и к. Ну зачем это говорить, Миша? Как не стыдно? В твои лета...

М о ш к и н. В мои лета?

Ш п у н ь д и к. Полно, брат, право полно. Это нехорошо. Полно. Опомнись. Плюнь.

П р я ж к и н а. Плюньте, батюшка Михайло Иваныч!

Ш п у н ь д и к. Право, плюнь. Послушайся старого приятеля. Эй, плюнь!

П р я ж к и н а. Эй, плюньте, Михайло Иваныч!

М о ш к и н *(начиная ходить по комнате)*. Нет, это всё не то. Это вы всё не то толкуете. Мне с Машей нужно поговорить, вот что. Мне нужно ей объяснить... Пусть она решит. *(Останавливаясь.)* Это ведь ее дело, наконец. Пойду, скажу ей: я перед вами, Марья Васильевна, виноват. Я, мол, всё это затеял, необдуманно поступил на старости лет. Извольте меня наказать, как знаете. А коли, мол, сердцу вашему не терпится, я тотчас же к нему пойду, шиворот-навыворот его к вам притащу — вот и всё. А вы, мол, Марья Васильевна, извольте теперь сообразить... *(Ходит по комнате.)*

Ш п у н ь д и к. Ну, это я, брат, одобрить тоже не могу. Это, брат, не девичье дело. Не правда ли, Катерина Савишна?

П р я ж к и н а. Правда, ангелочик вы мой, Филипп Егорыч, правда.

Ш п у н ь д и к. Ну вот, видишь. Это, брат, ты всё не то, не так... Ты послушай-ка лучше совет голоса благоразумия. Притом всё еще может поправиться. Ты вспомни-ка лучше вот эти стишки: «Мила Хлоя, коль ужасно друга сердца потерять. Но печаль твоя напрасна; верь, не должно унывать».

М о ш к и н *(продолжая ходить по комнате и рассуждать с самим собою)*. Да, да. Точно, это хорошая мысль. Это хорошо. Что она скажет, тому и быть. Да, да.

Ш п у н ь д и к. Ибо... *(Останавливается и значительно взглядывает на Пряжкину.)* Ибо, повторяю тебе, это не девичье дело. Да она и не поймет тебя — как можно! Это бог знает что ты такое выдумал! Она просто заплачет; возьмет да заплачет; что ты тогда станешь делать?

П р я ж к и н а *(хныкая)*. Ох, Филипп Егорыч, не говорите такие слова. Хоть меня-то пощади, Филипп Егорыч. О-ох! Хоть старуху-то пожалей, голубчик ты мой.

М о ш к и н *(не слушая их)*. Да, да. Решительно. Это так. *(К Шпуньдику и Пряжкиной.)* Ну, друзья мои, спасибо вам, что дождались меня... а теперь, знаете что? оставьте-ка меня одного эдак на полчасика; погода, вишь, хорошая: по прешпекту эдак, знаете, прогуляйтесь немножко, друзья мои.

Ш п у н ь д и к. Да зачем же...

М о ш к и н *(торопливо)*. Ну да, да, прощайте, прощайте... На полчасика, на полчасика.

Ш п у н ь д и к. Да куда же ты нас гонишь?

М о ш к и н. Куда хотите... *(Шпуньдику.)* Вот хоть в Милютины лавки ее свези: там, брат, вы такие ананасы увидите, просто с солдатский кулак... Кстати же и манументы там стоят... *(Слегка понукает их в спину.)*

Ш п у н ь д и к. Да я всё это уже видел.

М о ш к и н. Ну, еще раз посмотри... И вы тоже ступайте, Катерина Савишна, ступайте...

П р я ж к и н а. А самоварчик-то, Михайло Иваныч, самоварчик-то... Вишь, кипит...

М о ш к и н. Ну, ничего... Не пропадет ваш самоварчик... Прощайте...

Ш п у н ь д и к. Да, право же...

М о ш к и н. Филипп, ради бога... Вот твоя шапка...

Ш п у н ь д и к. Ну, как хочешь. Так через полчаса...

М о ш к и н. Да, да, через полчаса. Вот ваша шляпка, Катерина Савишна... Салоп, чай, в передней висит... Прощайте, прощайте... *(Выпроваживает их, быстро возвращается на авансцену и вдруг останавливается.)* Ну, теперь наступает решительная минута. Их я спровадил, теперь действовать надо... Что ж я ей скажу? Я ей скажу, что вот, мол, как, вот какое дело; что ж теперь нам делать, душа ты моя?.. Подготовлю ее как следует, а потом... ну, потом представлю письмо. А впрочем, тут же присовокуплю, что, дескать, это всё еще можно как-нибудь устроить, надежду терять еще не нужно... *(Помолчав.)* Но вообще я буду осторожен... У, как осторожен!.. Тут политика нужна... Ну, что ж? надо к ней войти. *(Подходит к двери.)* Боюсь, ей-богу боюсь... Сердце так и замирает... Чай, на себя не похож. *(Быстро подходит к зеркалу.)* Вона! вона лицо! вона как! *(Взбивает щеткой волосы.)* Хорош, брат, хорош, нечего сказать. Красив!.. Однако мешкать нечего. Фу! *(Проводит рукой по лицу.)* Вот положение! На сраженье, чай, не так жутко бывает... Да ну же, чёрт возьми! *(Застегивается.)* Главная беда — начать. *(Подходит к двери.)* Что, она спит? Не может быть. Мы все тут так шумели. Что, если она услышала?.. Тем лучше. Конечно, тем лучше. Да ну же, трус, ступай. А вот постой, я воды выпью немножко. *(Возвращается к столу, наливает стакан и пьет. Из боковой двери выходит Маша.)* Ну, теперь с богом! *(Оборачивается и при виде Маши теряется совершенно.)* Ах... это ты... это... это... как же это... ты...

М а ш а *(с недоумением)*. Я, что с вами?

М о ш к и н *(торопливо)*. Ничего, ничего. Я так... Я не ожидал тебя... Мне сказали, что ты почиваешь.

М а ш а. Да, я всё время спала... Вот теперь только встала.

М о ш к и н. А как ты себя чувствуешь?

М а ш а. Недурно. Голова немножко болит.

М о ш к и н. И не удивительно после эдакой ночи. *(Маша садится.)* Так ты лучше себя чувствуешь?.. Ну, слава богу. Сегодня погода хорошая... Можно

будет потом немножко в санках прокатиться... А? как ты думаешь?

Маша. Как хотите.

Мошкин. Нет, как ты хочешь... Разве я тебя когда принуждаю?.. Что тебе угодно, то и будет исполнено.

Маша. Вы такой добрый, Михайло Иваныч.

Мошкин *(подсаживаясь к ней)*. Вот еще, что выдумала!.. Какой я... то есть, того, я точно... Ну, да всё равно. А посмотри-ка на меня... *(Она взглядывает на него.)* Ах, Маша, Маша, ты опять плакала. *(Маша отворачивается.)* Я понимаю, Маша, я всё понимаю, а всё-таки, право... Право, ты напрасно эдак... Право, оно еще может... того... всё... Конечно... *(Он делает неопределенные движения руками.)* Вот ты увидишь, право.

Маша. Да я, Михайло Иваныч, я ничего...

Мошкин. Какое ничего!.. Ты... нет. Ты... не ничего. Ты вот плачешь. А отчего? Какая то есть причина? Конечно, я не спорю, а всё-таки... То есть, разумеется... А, впрочем, мы увидим... *(Утирает лицо платком.)* Что это дурак Стратилатка как здесь натопил!..

Маша. Вы напрасно беспокоитесь, Михайло Иваныч, право напрасно.

Мошкин. Да кто тебе сказал...

Маша. По крайней мере обо мне вам не из чего тревожиться... Поверьте *(с горькой усмешкой)*, я совершенно покорилась своей участи.

Мошкин. То есть как, однако же, покорилась?

Маша. Да. Я ни на что не надеюсь, Михайло Иваныч, и ничего не желаю. Я не хочу больше себя обманывать. Я знаю: всё кончено. Что ж? тем лучше, может быть.

Мошкин. Да нет... почему же?..

Маша. Посмотрите-ка на меня вы теперь в свою очередь.

Мошкин. А что ж? разве?.. *(Хочет взглянуть на нее и не может.)*

Маша. Ах, Михайло Иваныч! К чему еще притворяться? Какая из этого польза?.. Кого мы обманем?

Мошкин *(помолчав)*. Ну, да... я согласен... ну, да, конечно. Конечно, я никак не мог ожидать такого поступка.

Маша *(вдруг с большим волнением)*. Что вы хотите сказать?

Мошкин *(конфузясь)*. Я... я... то есть... я...

Маша. Вы были у него сегодня опять?

Мошкин. Я... да... точно... да, я был.

Маша *(быстро)*. Ну, и что ж?

Мошкин. Я его дома не застал.

Маша. Так что ж вы говорите... чего вы не могли ожидать?

Мошкин. Он, конечно... Впрочем, ты сама... Он... он мне письмо написал.

Маша *(быстро)*. Письмо?

Мошкин *(с принужденной улыбкой)*. Да, письмо... Эдак, ты знаешь... Впрочем, оно... то есть нельзя сказать, чтоб... вообще...

Маша. Где оно?

Мошкин. Оно... у меня...

Маша. Дайте мне это письмо... ради бога, ради бога, Михайло Иваныч, дайте мне это письмо.

Мошкин. Право, я не знаю, Маша... Мне по-настоящему не следовало сказывать... Я, эдак, немножко потерялся...

Маша. Дайте, дайте, дайте!..

Мошкин *(ища у себя в карманах)*. Я не знаю, право, куда я его дел... Право, Маша, ты напрасно эдак... Ты теперь в таком волнении...

Маша. Я совершенно спокойна... но это письмо...

Мошкин *(с отчаянием)*. Да я же не могу... Господи боже мой! Мне нужно тебя приготовить. Я то есть собирался... А то ты, пожалуй, эдак вообразишь... И как это я, право, вдруг так, с бухта-барахты...

Маша. Вы меня терзаете...

Мошкин. Обещай мне по крайней мере...

Маша. Всё, что хотите; только ради бога... вы видите... Ради бога...

Мошкин. Маша, ты, пожалуйста, не подумай... Это ничего. Это так, знаешь, написано, как говорится, сгоряча. Это всё еще ничего. Это всё очень легко поправить. Чрезвычайно легко. То есть просто ничего не стоит.

Маша. Дайте же, ради бога, дайте...

Мошкин *(медленно вынимая письмо из бокового кармана)*. Только, пожалуйста... *(Маша вырывает у*

него письмо и с жадностью начинает читать. Мошкин встает, отходит немного в сторону и отворачивается. Маша кончает письмо, остается на мгновение неподвижной и вдруг с глухими рыданиями закрывает лицо руками. Мошкин подбегает к ней.) Маша, Маша, ради бога. Я тебе говорил, это ничего. Маша, Маша! ради самого господа! Маша! *(К самому себе.)* Эх, старая скотина, дурак безмозглый! а еще об осторожности толковал, о политике... Ну, где тебе, необразованному олуху, до политики! Взял, да и сунул письмо сейчас. *(Снова обращаясь к Маше.)* Душа ты моя, успокойся, пожалуйста. Не плачь. Я за всё ручаюсь. Я всё улажу. Маша, ты меня убиваешь, я не могу видеть тебя в таком положении. *(Она протягивает ему руку.)* Не плачь, пожалуйста.

Маша *(сквозь слезы)*. Извините меня, Михайло Иваныч. Это сейчас пройдет. Это только в первую минуту. *(Утирает глаза платком.)*

Мошкин *(опять подсаживается к ней и отбирает у ней письмо)*. Это ничего, Маша, это всё ничего.

Маша. Если б я этого не ожидала, а то, вы сами знаете, я на всё была готова. Конечно, это письмо, вдруг, после всех обещаний... но я и прежде не обманывалась... Желаю ему всякого счастия... *(Опять плачет.)*

Мошкин. Я с ним поговорю, Маша...

Маша. Ни за что в свете, Михайло Иваныч! Он отказывается от меня — ну, и бог с ним. Я не хочу ему навязываться, Михайло Иваныч, я вас прошу, слышите, ни слова обо мне Петру Ильичу. Я сирота... У меня нет никакой опоры... он обидел меня... Что ж? я ему прощаю; но не хочу ему навязываться. Слышите, Михайло Иваныч, ни слова, ни одного слова, если вы меня любите...

Мошкин. У тебя нет никакой опоры, Маша; а я-то что? Разве я не люблю тебя пуще родной дочери? Ведь что меня убивает? Меня убивает, так сказать, та мысль, что в сущности-то я, я один всему причиной, я всё дело затеял. Он меня зарезал, спора нет, он меня просто надул, да что ж? нам от этого всё так и бросить, поклониться ему, да и прочь отойти? Нет, это невозможно, воля твоя. Притом, может быть, он сам еще опомнится. Привел же я тебе его тогда.

М а ш а. И совершенно напрасно. Какая вышла польза? Вы сами видите.

М о ш к и н. Да помилуй, однако, Маша, что ж мне было другого делать? Посуди. Стань тоже на мое место. Давно ли, кажется, всё так прекрасно шло?.. Ведь если б ты сама не захотела отсрочить — ведь об эту пору ты бы уже была замужем. Как же ты хочешь, чтоб я эдак, разом, от всего отказался? Да это просто сон, какое-то наваждение, туман какой-то! Вот посмотри, мы вдруг с тобой проснемся; глядь, ан всё по-старому. Как это от тебя отказаться, помилуй, скажи сама? Чем, ну скажи, чем ты не берешь?

М а ш а *(уныло)*. Вы слишком добры, Михайло Иваныч; вы меня любите, так вам всё во мне и нравится. А он... Нет, ему не то нужно. Сначала я его точно забавляла, а потом... Я уже давно всё это замечала, Михайло Иваныч; но я вам этого не сказывала, потому что боялась вас огорчить. Видите вы, какие у него приятели... Где нам с вами!.. Для него мы слишком просты, Михайло Иваныч. Для него мы низки. Он нами гнушается, просто...

М о ш к и н. Гнушается! А деньги у меня он не гнушался брать? Вишь, у него немец приятель, так вот он и зазнался! Нет, брат, не на того наскочил...

М а ш а. К чему всё это, Михайло Иваныч? к чему? Прошедшего нам с вами не воротить...

М о ш к и н. Да ведь, Маша, помилуй, вспомни, что́ скажут, Маша, что́ скажут.

М а ш а. Что же делать, Михайло Иваныч?

М о ш к и н. Что делать? Об этом-то вот я и думаю.

М а ш а *(помолчав немного)*. А только, конечно... мне у вас больше жить нельзя.

М о ш к и н. Что-о?..

М а ш а. Я должна съехать от вас, Михайло Иваныч.

М о ш к и н. Это зачем? Это что такое? Уж не тетка ли твоя тебе это натолковала?

М а ш а. Тетенька мне точно об этом говорила; впрочем, я и без того... Поверьте, Михайло Иваныч, сердце у меня обливается кровью при одной мысли расстаться с вами...

М о ш к и н. Да ты лучше зáраз прикажи мне из окошка выпрыгнуть! Помилуй, Маша, что ты, в своем ли ты уме? Да и куда ты пойдешь, помилуй, скажи!.. Ах, она старая чертовка! Да она меня, я вижу, просто убить собирается. За что ж это ты, Маша, ты-то за что меня погубить хочешь? Помилуй, помилуй!.. Что ты это?

М а ш а. Михайло Иваныч, выслушайте меня хладнокровно, и вы согласитесь со мной.

М о ш к и н. Ни за что, матушка, не соглашусь, ни за что!

М а ш а. Послушайте. Вы меня к себе взяли после матушки, после покойницы; вы одни заботились обо мне; вот, наконец, с Петром Ильичом вы меня познакомили; потом вот всё это случилось: он посватался, а теперь отказался... Какое же мое положение, Михайло Иваныч? Что ж вы хотите, чтоб обо мне подумали?..

М о ш к и н. Как что подумали?

М а ш а *(поспешно)*. Ведь я всё-таки вам чужая, Михайло Иваныч. Все скажут: он отказался, ну, что ж такое? Она ведь воспитанница, приемыш; даром хлеб ест. Ее взяли, а теперь вот бросили — что ж из этого? Вот велика важность! И за то уже спасибо, что позанялись ей. Поделом ей! Кто за нее отвечает? Жила бы у своих родственников — с ней бы этого не случилось. Даровой хлеб, знать, вкусен. А работать ей, видно, не хочется?.. Вы поймите, Михайло Иваныч, мое положение. Я вас люблю больше, чем кого-нибудь на свете; но что же делать? До сих пор я еще могла жить у вас, а теперь... Мне теперь невозможно остаться; право, невозможно. За что же я буду презрение сносить, посудите сами? А я еще сумею кусок хлеба себе заработать...

М о ш к и н. Я ничего не понимаю, решительно ничего не понимаю, что ты мне такое говоришь? Какой кусок хлеба? и какое презрение? и кто посмеет? Христос с тобой, Маша!.. Кто за тебя отвечает? — Я за тебя отвечаю! Я никому не позволю над тобой насмехаться. Я это всему свету докажу, молокососу этому докажу...

М а ш а. Полноте! что вы это?

М о ш к и н. Да вот посмотришь. Ты меня еще не знаешь. «Ты у меня живешь»,— да, Маша, перекрестись: ведь я старик, ведь я степенный человек, ведь все знают, что ты мне дочь... Помилуй, помилуй! Я тебя, ей-богу, не понимаю.

М а ш а. Нет, Михайло Иваныч, вы меня понимаете...

М о ш к и н. Да полно же, Маша! неужели ты это не шутя говоришь?

М а ш а *(вставая)*. Мне теперь не до шуток, Михайло Иваныч.

М о ш к и н. И ты можешь меня оставить?

М а ш а. Я должна.

М о ш к и н. Да куда же ты пойдешь?

М а ш а. Куда-нибудь. Сперва я к тетке перееду, а там посмотрю: может быть, место где-нибудь найду.

М о ш к и н *(складывая руки)*. Я с ума сойду, ей-богу с ума сойду. Ты к тетке переедешь?.. Да ты спроси прежде, где тетка-то сама живет? — У повивальной бабки в чулане за перегородкой, вместе с банными вениками, сушеными грибами да старыми юбками!

М а ш а *(несколько обиженная)*. Я не боюсь бедности.

М о ш к и н *(вскакивая)*. Да нет! это вздор! это вздор! Я не в состоянии буду это вынести. Как? И он, и ты,— и всё, всё разом... Докажи же мне хоть ты по крайней мере, что у тебя сердце доброе, не то что у него. Неужели вы все, молодые люди, нынче такие? Ты посуди: ведь я только для тебя и живу... Ведь твое отсутствие меня убьет... Маша, сжалься над бедным стариком... Что я тебе такое сделал?..

М а ш а. Михайло Иваныч, да войдите же и вы в мое положение... Я не могу, ей-богу не могу у вас остаться...

М о ш к и н. Тьфу вы, женщины! Сущее божеское наказание! Что раз вошло им в голову — ну, хоть тресни!.. Нет, Маша, я не могу позволить тебе уйти отсюда... Здесь твое гнездо, твой кров; здесь всё твое и всё для тебя — я не могу с тобой расстаться... но я... Ну да; я готов, пожалуй, согласиться, что ты права; да, тебя должны все уважать, а я с своей стороны дол-

жен тебя защищать, как бы родную дочь защитил; это мое дело, потому что ты у меня живешь, потому что я за тебя отвечаю перед богом и перед людьми; а вследствие этого я тебе вот что скажу: ты теперь будь спокойна,— а я вот что намерен сделать: либо я всё устрою по-прежнему, либо я его на дуэль вызову...

Маша (*с испугом*). На дуэль?

Мошкин. Да, на дуэль. На шпадронах, на пистолетах — мне всё равно.

Маша (*задыхающимся голосом*). Послушайте, Михайло Иваныч! Я вам говорю: если вы сейчас не откажетесь от своего намерения, я, ей-богу, в ваших же глазах... ну, я не знаю... я себя жизни лишу.

Мошкин (*почти крича*). Так что ж мне делать, боже мой, что ж мне делать? У меня ум теряется... (*Вдруг останавливается.*) Послушай, Маша... Да нет! я совсем с панталыка сбился... ну, да всё равно. Слушай. Ты хочешь, чтоб тебя уважали, не правда ли? Ты хочешь, чтоб никто не смел даже подумать что-нибудь нехорошее на твой счет; тебе твое теперешнее положение в тягость — а? не правда ли?.. Ну, так слушай же — только, ради бога, не считай меня за безумного... Вот, видишь ли... я... ты останешься здесь... и никто... понимаешь?.. уж совершенно никто не будет сметь — ну, словом сказать, хочешь ты за меня замуж выйти?

Маша (*с невыразимым удивлением*). Михайло Иваныч...

Мошкин (*необыкновенно быстро*). Не перерывай меня... я сам не знаю, как эта мысль мне в голову пришла, но я должен ее высказать. Средство, я согласен, отчаянное, да и положение-то наше каково?.. Если б я надеялся на возвращение Петруши... (*Маша делает движение рукой.*) Ну, вот видишь, видишь... Позволь же мне по крайней мере объясниться, а то ты меня точно вправе за сумасшедшего счесть или даже... Нет! ты не можешь подумать, что я в состоянии тебя оскорбить...

Маша. Нет... но...

Мошкин. Ты сама виновата... Вольно ж тебе было пугнуть меня своим отъездом... Да и всё, что ты мне натолковала о презрении там, о куске хлеба и

прочее,— всё это мне голову вскружило. Ведь из чего я бьюсь, Маша? Чего мне хочется? Мне хочется, чтоб тебя все уважали, как королеву; мне хочется доказать всем, всем, что руку твою получить — да это верх степени благополучия!.. Один дурак, мальчишка, отказался — от своего счастья отказался; а вот я, человек степенный, безукоризненный, как говорится, чиновник, и перед тобой на коленах; дескать, Марья Васильевна, удостойте. Вот что мне хочется всему миру доказать — ему тоже, Петру Ильичу то есть. Вот что пойми... Ради бога, не вздумай ты...

Маша. Михайло Иваныч...

Мошкин. Постой, постой, я знаю, я всё знаю, что ты мне хочешь возразить; но пойми меня. Какой я тебе муж — помилуй! об этом нечего и говорить... Но я чувствую точно, тебе нельзя жить у меня эдак, попрежнему, а оставить меня ты не можешь. Я предлагаю тебе покой, тишину, уважение, приют — вот что я тебе предлагаю. Я человек честный, ты знаешь, Маша, ничем не замаранный; я буду тебя лелеять так же точно, как до сих пор лелеял. Отцом я тебе буду — вот что. А! тебя хотели бросить, обидеть: ты вот сирота беспомощная, приемыш; ты у чужих людей из милости на хлебах живешь — так нет же! Вот ты хозяйка, ты госпожа, ты барыня... а я... ширмы, понимаешь, ширмы, и больше ничего. Ну, что ты на это скажешь?

Маша. Я так удивлена, Михайло Иваныч... и так тронута... Как вы хотите, чтоб я теперь вам отвечала...

Мошкин. Да кто ж тебя принуждает, помилуй! Ты обсуди это дело на досуге. Ведь я это придумал для твоего спокойствия... Это твое дело. Ты только скажи мне сегодня, что ты остаешься у меня. Вот я и буду счастлив. Больше мне ничего не надо.

Маша. Но остаться у вас я ведь не могу, если... Я только тогда останусь... Я не могу вам ответить теперь...

Мошкин. Ну, как хочешь, как хочешь... Подумай...

Маша. Но, Михайло Иваныч, если б даже... имею ли я право располагать вами... за что же вы...

Мошкин. Вот тебе на! А на что ж я, по-твоему, нужен на сем свете? Скажи-ка, а? На что? Вот что выдумала! Да старому дураку, как я, такого счастья и сниться-то не следует! Господи боже мой! Вот еще что! Ты мне только одно теперь скажи, что ты остаешься... а ответ ты мне дашь потом, когда вздумается и какой вздумается...

Маша *(помолчав)*. Я в вашей власти.

Мошкин *(с сердцем)*. Если ты мне еще раз это скажешь, я, как перед богом говорю, я сейчас пойду в кухню и стану сапоги Маланье чистить — слышишь? Ты в моей власти? Ах, господи боже мой!

Маша *(глядит на него некоторое время; тронутым голосом)*. Я остаюсь, Михайло Иваныч.

Мошкин. Остаешься! Душа ты моя! *(Хочет ее обнять.)* Нет, не смею, не смею, не смею...

Маша *(обнимая его)*. Добрый, добрый мой Михайло Иваныч... Да, вы меня любите, вы мне преданы... да, да, это так. Вы не обманете меня, вы не измените. Я на вас могу положиться. Только позвольте мне уйти теперь к себе... У меня голова кругом идет. Я к себе пойду.

Мошкин. Сделай одолженье, Маша... Помилуй, как тебе угодно. Над тобой здесь на́большего нет. Отдохни. Это главное. А остальное уладится как-нибудь. *(Провожая ее до двери.)* Так ты остаешься?

Маша. Остаюсь.

Мошкин. Ну, и слава богу, слава богу! Лишь бы ты была покойна и счастлива. А о прочем не беспокойся, ради бога... Говорят, в таких случаях следует спросить у возлюбленной то есть особы: могу ли я, дескать, надеяться? Но ты не бойся, я ничего у тебя не спрошу...

Маша *(помолчав немного)*. Напрасно. Вы можете надеяться. *(Подумав.)* Вы можете надеяться. *(Быстро уходит.)*

Мошкин *(один)*. Что это она сказала? Вы можете надеяться? *(Прыгает.)* Стой, старый дурак! Что это ты расскакался? Разве ты не понимаешь?.. Но, господи боже мой! Кто бы мог это всё предвидеть? Это просто такие чудеса, каких на свете никогда не бывало! Тот отказывается, Маша остается, я вот, по всей

вероятности, женюсь... Я женюсь? В мои года, и на ком же? На совершенстве на каком-то, на ангеле... Да это сон, это бред; просто я в чаду хожу... в горячке; я в горячке. А? Петр Ильич? Вы думали нас подкузьмить? Ан, нет же, вот! Шиш тебе, мой голубчик! *(Оглядываясь и тихонько про себя.)* То-то у меня и прежде сердце замирало, когда я ее сватал... *(Махая рукой.)* Молчи, молчи, старый, молчи! А только я задыхаюсь, ей-богу задыхаюсь... Пойду по улице немножко пробегаюсь... *(Схватывает шапку и в дверях сталкивается с Шпуньдиком и Пряжкиной.)*

Шпуньдик *(с недоумением)*. Куда это ты?

Мошкин. На воздух, Филипп, на воздух — немножко так пробегаться. Я сейчас вернусь...

Шпуньдик. Да что с тобой? Не случилось ли чего? Что Марья Васильевна?

Мошкин. Ничего, ничего... Вы ее не беспокойте... Она у себя в комнате... Всё хорошо. *(Шпуньдику.)* Филипп, душа моя! дай себя обнять... Я сейчас... а вы не входите к ней... Всё хорошо, всё прекрасно... *(Убегает.)*

Шпуньдик *(обращается в величайшем недоумении к Пряжкиной.)* Что это значит? Что это с ним такое случилось?

Пряжкина *(задыхающимся голосом и ловя рукой ручку кресел, словно падая в обморок)*. Ах... удар... удар... голубчик мой, помоги... удар...

Шпуньдик *(поддерживая ее, с испугом)*. Что такое? что такое? С вами удар? *(Кричит.)* Стратилат, Стратилат, за доктором, скорей!

Пряжкина *(замирая)*. Ах, батюшки... ах...

Шпуньдик *(с отчаянием)*. Стратилат! Да где ж он? Стратилатка!

Стратилат *(выбегая из передней)*. Чего изволите?

Шпуньдик. За доктором, скорей... Катерине Савишне дурно... Удар... вот...

Пряжкина *(выпрямляясь и с достоинством отталкивая Шпуньдика)*. Перекрестись, отец мой. Что ты это? с ума спятил, что ли? Какой удар!

Шпуньдик *(с изумлением)*. Да ведь вы сами...

Пряжкина *(хныкая)*. Не со мной удар, а с

ним, с моим голубчиком, с Михайлом Иванычем,— вот с кем удар.

Шпуньдик *(с досадой)*. Тьфу ты, мать моя, как вы меня перепугали!.. *(Стратилату.)* Ступай. *(Стратилат выходит. Пряжкиной.)* Как вам не стыдно, право...

Пряжкина. Да как же, батюшка мой, али ты слеп? аль не видал? Ведь у него и личико-то всё перекосилось, и губки тоже. Удар, батюшка, удар. Поверь мне. Вот на днях лекаря нашего также эдак хватило — пьяница, правда, был отъявленный, даже отек весь... Ну, совершенно вот одно лицо! Ах, я горемычная, на кого я теперь осталась!

Шпуньдик. Ну, опять пошла! Эх... *(Мошкин вбегает из передней.)* Ну, посмотри на милость сама, больной он, что ли? Эх ты, баба... *(Мошкину.)* Вообрази, Миша: Катерина Савишна уверяет, что с тобой удар приключился.

Мошкин. Что ж? В некотором смысле оно справедливо. Я знаю, я знаю, вас должно удивить, что я эдак... Но вот постой, это всё объяснится... со временем.

Шпуньдик. Да что с тобой, брат, скажи, пожалуйста... Ты вне себя.

Мошкин. Может быть. Еще бы!.. *(Отводя Шпуньдика в сторону.)* Филипп, знаешь, свадьба-то, может, еще будет.

Шпуньдик. Ой ли? Уладилось дело?

Мошкин. Уладилось, да не с тем.

Шпуньдик. Как не с тем? с кем же?

Мошкин. А вот узнаешь, бог даст... Ну, обними же меня...

Шпуньдик. Изволь... только я, право... *(Обнимаются.)*

Мошкин *(тихонько)*. И поздравь меня.

Шпуньдик *(с недоумением)*. Э-э?

Мошкин. А ведь ты, знать, предчувствовал, Филипп...

Шпуньдик. Предчувствовал? Что́ я предчувствовал?

Мошкин *(не отвечая ему, Пряжкиной)*. И вы меня обнимите... *(Обнимает ее.)* Да не горюйте, пол-

ноте... Мы будем все счастливы. Посмотрите, как мы заживем... Филипп, когда ты едешь в деревню?

Ш п у н ь д и к. Да недели эдак через три... А что?

М о ш к и н. Ну, до того времени мы еще, может быть... Или нет! нет! как бы не сглазить...

П р я ж к и н а. Да что такое, отец мой?

М о ш к и н. Не расспрашивайте меня, друзья мои, а лучше обнимите-ка меня опять... *(Обнимает их обоих.)* Вот так. А Маша будет счастлива... В этом я клянусь перед богом! Слышите — вы свидетели. Она будет счастлива! Она будет счастлива!

ЗАВТРАК У ПРЕДВОДИТЕЛЯ

(1849)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Николай Иванович Балагалаев, предводитель, 45 л.

Петр Петрович Пехтерьев, бывший предводитель, 60 л.

Евгений Тихонович Суслов, судья.

Антон Семенович Алупкин, сосед-помещик.

Мирволин, бедный сосед-помещик.

Ферапонт Ильич Беспандин, помещик.

Анна Ильинишна Каурова, сестра его, вдова, 45 л.

Порфирий Игнатьевич Нагланович, становой.

Вельвицкий, письмоводитель предводителя.

Герасим, камердинер Балагалаева.

Карп, кучер Кауровой.

Действие происходит в имении Балагалаева.

Театр представляет столовую. В средине выход, направо кабинет, окна позади, в стороне накрытый стол с закуской. Герасим хлопочет около стола. Услышав стук экипажа, он подходит к окну.

ЯВЛЕНИЕ I

Герасим и Мирволин.

Мирволин. Здравствуй, Герасим! как поживаешь?.. А что, он еще не выходил?

Герасим (*накрывая на стол*). Здравствуйте. Где это вы достали лошадь?

Мирволин. А что, ведь недурна лошаденка? Мне за нее вчера двести рублей предлагали.

Герасим. Кто предлагал?

Мирволин. А купец из Карачева предлагал.

Герасим. Что ж вы не отдали?

Мирволин. Зачем отдать? самому нужна. Ах, братец, дай-ка рюмочку: смерть что-то в горле, знаешь, того; да и жара притом... (*Пьет и закусывает.*) Это ты к завтраку накрываешь?

Герасим. А то к обеду, что ль?

Мирволин. Сколько приборов! Разве кого ждут?

Герасим. Видно, ждут.

Мирволин. Не знаешь, кого?

Герасим. Не знаю. Говорят, будто сегодня Беспандина с сестрой мирить хотят: так вот разве по этому случаю.

Мирволин. Э-э! неужели? Что ж, и хорошо. Надо ж им покончить — поделиться. Ведь это, наконец, срам. А правда ли, говорят, Николай Иваныч у Беспандина хотят рощу купить?

Герасим. А господь их знает!

М и р в о л и н *(в сторону)*. Вот бы кстати леску-то попросить.

Б а л а г а л а е в *(за кулисами)*. Филька! Вельвицкого мне позвать.

М и р в о л и н. Знать, из кабинета в гостиную дверь растворена... Ну-ка, другую рюмочку, Гарася...

Г е р а с и м. А что? верно, горло всё...

М и р в о л и н. Да, брат, что-то саднит. *(Пьет и заедает. Герасим выходит.)*

ЯВЛЕНИЕ II

Те же, Балагалаев и Вельвицкий.

Б а л а г а л а е в. Так, так, так-так-то, ты уж так и распорядись,— слышишь? *(Мирволину.)* А, ты, здравствуй!

М и р в о л и н. Нижайшее мое почтение, Николай Иваныч!

Б а л а г а л а е в *(Вельвицкому)*. Как я тебе сказал. ты понимаешь. Ведь ты понял?

В е л ь в и ц к и й. Как же-с, как же-с.

Б а л а г а л а е в. Ну да, эдак будет хорошо. Ну, теперь ступай... Я тебе дам знать, я велю тебя позвать. Можешь идти.

В е л ь в и ц к и й. Слушаю-с. Так, стало быть-с, бумаги по делу вдовы Кауровой приготовить-с?..

Б а л а г а л а е в. Ну, конечно, конечно... Я удивляюсь! Ты должен был понять, наконец, братец.

В е л ь в и ц к и й. Да вы ничего не изволили мне...

Б а л а г а л а е в. Мало чего! Не всё же мне тебе сказывать, наконец!

В е л ь в и ц к и й. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Б а л а г а л а е в. А не слишком понятлив этот молодой человек. *(К Мирволину.)* Ну, как ты? *(Садится.)*

М и р в о л и н. Слава богу-с, Николай Иваныч, слава богу-с. Как вы в своем здоровье?

Б а л а г а л а е в. Я ничего. В городе был?

М и р в о л и н. Как же-с, был; нового, впрочем, ничего-с. Купца Селедкина, третьего дня, паралич хватил; да ему не в диво. Стряпчий, говорят, вчера свою супругу опять того-с...

Балагалаев. В самом деле? Экой неугомонный!

Мирволин. Журавлева доктора видел-с, вам кланяться приказал. Петра Петровича в новой коляске встретил. Знать, куда в гости собрались: с лакеем, и на лакее шляпа новая.

Балагалаев. Он сегодня у меня будет. А что, у него коляска хороша?

Мирволин. Как вам сказать-с? Нет, по-настоящему, нехороша: фигурой, точно, берет, а в сущности,— нет, я не знаю, она мне не нравится. Как можно сравнить с вашей коляской!

Балагалаев. Ты думаешь? Она на лежачих?

Мирволин. На лежачих-то она на лежачих; да что в том толку? помилуйте-с! больше для важности. А это оне любят поважничать-то. Оне, говорят, опять намерены балтироваться.

Балагалаев. В предводители?

Мирволин. Точно так-с. Что ж, пожалуй! Опять на вороных изволят прокатиться.

Балагалаев. Ты думаешь? Впрочем, Петр Петрович, я должен сказать, весьма почтенный человек во всех отношениях и совершенно заслуживает... Конечно, с другой стороны, лестное внимание дворянства... Выпей-ка водки.

Мирволин. Покорнейше благодарю-с.

Балагалаев. А что? разве уж пил?

Мирволин. Никак нет-с! не то, чтобы пил, а так что-то грудь... *(Кашляет.)*

Балагалаев. Э, вздор! выпей.

Мирволин *(пьет)*. За ваше здоровье. А ведь знаете ли что, Николай Иваныч, ведь Петра Петровича настоящая фамилия не Пехтерьев, а Пехтерёв,— Пехтерёв, а не Пехтерьев.

Балагалаев. Почему ты это думаешь?

Мирволин. Как же нам этого не знать! помилуйте! Мы и батюшку их знавали и дядьев-то всех. Все Пехтерёвыми прозывались; искони Пехтерёвы, а не Пехтерьевы. Пехтерьев — эдакой и фамилии у нас никогда не бывало... что за Пехтерьев?

Балагалаев. А!.. Впрочем, не всё ли равно? было бы сердце доброе.

Мирволин. Совершенную истину изволили

сказать-с: было бы сердце доброе. *(Глянув в окно.)* Кто-то приехал-с.

Балагалаев. А я еще в шлафроке. Это я с тобой заболтался. *(Встает.)*

Алупкин *(за кулисами)*. Доложи, А-а-лупкин, дворянин...

Герасим *(входит)*. Алупкин господин вас спрашивает-с.

Балагалаев. Алупкин! Кто бишь это? Проси. А ты займи его, пожалуйста. Я сейчас... *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ III

Мирволин и Алупкин.

Мирволин. Николай Иванович сейчас пожалуют-с. Не угодно ли пока присесть?

Алупкин. Покорнейше благодарю. Постоим-с. Позвольте узнать, с кем имею честь...

Мирволин. Мирволин, помещик, здешний житель... может быть, слыхали?

Алупкин. Никак нет-с, не слыхал-с... Впрочем, очень рад случаю. Позвольте узнать: вам Балдашова, Татьяна Семеновна, родственница?..

Мирволин. Никак нет-с. Какая это Балдашова?

Алупкин. Тамбовская помещица, вдова-с.

Мирволин. А! тамбовская!

Алупкин. Да-с, тамбовская, вдова-с. А позвольте узнать, вам здешний становой пристав знаком?

Мирволин. Порфирий Игнатьич? Еще бы! старинный приятель.

Алупкин. Величайшая бестия, какая только есть на свете. Вы меня извините, я человек откровенный, солдат: я привык выражаться прямо, без обиняков. Надо вам сказать...

Мирволин. Не угодно ли вам чего-нибудь закусить с дороги?

Алупкин. Покорнейше благодарю. Надо вам сказать, что я в здешних краях поселился недавно; а до сих пор я жил больше в Тамбовской губернии. Но, получив, после покойницы жены, в наследство пятьдесят две души в здешнем уезде...

Мирволин. А где именно, позвольте узнать?

Алупкин. Сельцо Трюхино, в пяти верстах от большой воронежской дороги.

Мирволин. А знаю, знаю! хорошее именьице.

Алупкин. Дрянь совершенная: один песок... Итак, получив наследство после покойницы жены, я почел за благо переселиться сюда-с, тем более, что у меня в Тамбове дом, с позволения сказать, просто развалился. Вот-с, я и переселился,— и что же? ваш становой уже успел повредить мне самым неприличным образом.

Мирволин. Скажите! как это неприятно!

Алупкин. Нет, позвольте, позвольте. Другому бы ничего; а у меня дочь Екатерина — вот что прошу рассудить; однако я надеюсь на Николая Иваныча. Хотя я всего два раза имел удовольствие их видеть, но я столько наслышался о их справедливости...

Мирволин. Да вот они сами-с.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Балагалаев *(во фраке. Алупкин кланяется).*

Балагалаев. Мне очень приятно. Прошу присесть... Я... я, помнится, имел удовольствие видеть вас у почтенного Афанасия Матвеича.

Алупкин. Точно так-с.

Балагалаев. Ведь вы, кажется, недавно стали нашим,— недавно, то есть, в наш уезд переехали?..

Алупкин. Точно так-с.

Балагалаев. Вы, я надеюсь, не будете раскаиваться. *(Небольшое молчанье.)* Жаркий день какой сегодня...

Алупкин. Николай Иванович, позвольте старому солдату объясниться с вами откровенно.

Балагалаев. Сделайте одолжение. Что такое?

Алупкин. Николай Иванович! вы наш предводитель! Николай Иванович! вы, так сказать, наш второй отец; я сам отец, Николай Иванович!

Балагалаев. Я, поверьте, слишком хорошо знаю, слишком чувствую; это мой долг. Притом лестное внимание дворянства... Говорите, что такое?

Алупкин. Николай Иванович! ваш становой — первый плут-с.

Б а л а г а л а е в. Гм! Однако вы сильно выражаетесь.

А л у п к и н. Нет, позвольте, позвольте! благоволите выслушать... У соседнего мужика Филиппа мой мужик якобы козла украл... А позвольте узнать, на что мужику козел?.. Нет, вы мне скажите, на что мужику козел? Да и, наконец, почему ж именно *мой* мужик этого козла украл? почему не другой? Какие доказательства? Положим даже, точно мой мужик виноват — так я-то что? я-то зачем отвечать должен? меня-то зачем беспокоить? Что ж, после этого я за всякого козла отвечать буду? И становой будет мне вправе грубить... помилуйте! Он говорит: козел на вашем скотном дворе отыскался... Да провались он совсем с своим козлом! Тут дело не в козле, а в приличии!

Б а л а г а л а е в. Позвольте, я, признаться, хорошенько не понимаю. Вы говорите, ваш мужик украл козла?

А л у п к и н. Нет, это не я говорю — это становой говорит.

Б а л а г а л а е в. Да ведь, кажется, на то есть законный порядок. Я, право, не знаю, почему вам было угодно обратиться ко мне?

А л у п к и н. Да к кому же, Николай Иваныч? Вы извольте рассудить. Я старый солдат, я обиду получил, честь моя страдает. Становой мне говорит, и самым эдак неприличным образом: дескать, я вас... Помилуйте!

Г е р а с и м *(входит)*. Евгений Тихоныч приехать изволили.

Б а л а г а л а е в *(встает)*. Извините пожалуйста... Евгений Тихоныч! Милости просим! Как вы в своем здоровье?

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и Суслов.

С у с л о в. Хорошо, хорошо! спасибо... Господа! честь имею...

М и р в о л и н. Наше вам, Евгений Тихоныч!

С у с л о в. А, здравствуй!

Балагалаев. А что ваша супруга?

Суслов. Жива... Экая жара! Если б не к вам, Николай Иваныч, ей-богу, с места не тронулся бы.

Балагалаев. Спасибо, спасибо. Не угодно ли? *(К Алупкину.)* Вы извините... как вас по имени и отчеству?

Алупкин. Антон Семенов.

Балагалаев. Любезный мой Антон Семеныч, вы мне после изложите ваше неудовольствие, а теперь... вы видите сами... Я, с своей стороны, поверьте, особое обращу внимание,— будьте покойны. Вы с Евгений Тихонычем знакомы?

Алупкин. Никак нет-с.

Балагалаев. Так позвольте же вас представить. Судья наш, благороднейший человек во всех отношениях, душа открытая, почтеннейший человек... Евгений Тихоныч!

Суслов *(у стола, закусывает)*. Чего?..

Балагалаев. Позвольте познакомить вас с новым жителем нашего уезда: Алупкин, Антон Семеныч, новый помещик.

Суслов *(продолжает есть)*. Мне чрезвычайно приятно. Вы откуда к нам?

Алупкин. Из Тамбовской губернии.

Суслов. А! у меня в Тамбове родственник живет, пустейший человек. Впрочем, Тамбов — ничего, город хороший.

Алупкин. Город, точно, ничего.

Суслов. А что ж наши голубчики?.. они, пожалуй, и не приедут вовсе?

Балагалаев. Нет, этого я не думаю. Меня уж и то удивляет, что их до сих пор нет... Они должны были первые приехать.

Суслов. А что, как вы думаете, мы помирим их?

Балагалаев. Должно надеяться... Я и Петра Петровича пригласил. А! кстати! позвольте обратиться к вам с просьбой, Антон Семеныч. Вы можете помочь нам в деле, которое, так сказать, равно касается до всех дворян.

Алупкин. Та-ак.

Балагалаев. Здесь есть у нас один помещик — Беспандин, и хороший, кажется, человек, а сумасброд, то есть не то, чтобы сумасброд, а кто его

знает! У Беспандина сестра, Каурова, вдова: женщина, по правде сказать, до крайности бестолковая, упрямая... Впрочем, вы ее увидите.

М и р в о л и н. Это у них в роду-с, Николай Иваныч: ихняя матушка, покойница Пелагея Арсеньевна, еще того хуже была-с. Говорят, в молодых летах будучи, кирпич им на голову упал: так, может, от этого-с...

Б а л а г а л а е в. Может быть. Потому природа... Вот между этим Беспандиным и его сестрой, вдовой Кауровой, третий год идет распря по случаю дележа. Тетка их, родная им обоим, по духовному завещанию, имение оставила — имение, заметьте, благоприобретенное... Ну, не могут поделиться, хоть ты тресни... Особенно сестрица, просто ни на что не согласна. До суда дело доходило; высшим властям прошения подавали: долго ли тут до беды? Вот я и решился, наконец, пресечь, так сказать, твердою рукою корень зла, остановить, наконец, вразумить... Я им сегодня у себя свидание назначил, но уж в последний раз; а там я уж другие меры приму... Из чего, в самом деле, мучиться? Пусть суд их разбирает. В миротворцы, в свидетели, я пригласил почтенного Евгения Тихоныча, Пехтерёва Петра Петровича, бывшего предводителя... Так не угодно ли и вам помочь нам то есть в этом деле?

А л у п к и н. Я с удовольствием... но, не будучи знаком, кажется...

Б а л а г а л а е в. Что ж такое! Это ничего... Вы здешний помещик, человек рассудительный. Напротив, оно еще лучше: им нельзя будет сомневаться в вашем беспристрастии.

А л у п к и н. Извольте-с, я готов.

Г е р а с и м *(входит)*. Госпожа Каурова приехали-с.

Б а л а г а л а е в. Легка на помине.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Каурова *(в шляпке, с ридикюлем)*.

Б а л а г а л а е в. А, наконец! Милости просим, Анна Ильинишна! милости просим... Сюда... не угодно ли-с?

К а у р о в а. Ферапонт Ильич еще не приезжал-с?

Б а л а г а л а е в. Нет еще; впрочем, он теперь скоро будет. Не угодно ли закусить?

К а у р о в а. Покорно благодарю-с. Я постное кушаю-с.

Б а л а г а л а е в. Что ж, вот редька, огурцы... Чаю не прикажете ли?

К а у р о в а. Нет-с, покорно благодарю: я уж завтракала. Вы извините меня, Николай Иваныч, коли я опоздала. *(Садится.)* И то слава богу, что в целости доехала; кучер мой чуть-чуть меня не вывалил.

Б а л а г а л а е в. Скажите пожалуйста, а, кажется, дорога недурна.

К а у р о в а. Не в дороге дело-с, Николай Иваныч; ох, не в дороге!.. Я вот приехала, Николай Иваныч, только я никакой пользы от этого не ожидаю. Нрав Ферапонта Ильича мне слишком известен... ох, слишком!

Б а л а г а л а е в. Ну, это мы увидим, Анна Ильинишна! Я так, напротив, надеюсь сегодня кончить ваше дело; пора.

К а у р о в а. Дай бог, дай бог. Я, вы знаете, Николай Иваныч, я на всё согласна. Я человек смирный... Я не прекословлю, Николай Иваныч; где мне? Я вдова беззащитная: на вас одних надеюсь... А Ферапонт Ильич извести меня хочет... Что ж? Бог с ним! лишь бы деток малолетних не погубил. А уж я что!..

Б а л а г а л а е в. Полноте, Анна Ильинишна, полноте! Вот я вам лучше представлю нового нашего помещика, Алупкина, Антона Семеныча.

К а у р о в а. Очень рада-с, очень рада-с.

Б а л а г а л а е в. Он, если вы позволите, также будет участником в нашем деле.

К а у р о в а. Согласна, Николай Иваныч, я на всё согласна. По мне, хоть весь уезд, всю губернию созовите: у меня совесть чиста, Николай Иваныч. Они, я знаю, за меня заступятся. Они не дадут меня в обиду... А вы как в своем здоровье, Евгений Тихоныч?

С у с л о в. Хорошо. Что мне деется! Покорно благодарю.

М и р в о л и н *(целуя руку Кауровой)*. Как ваши детки, Анна Ильинишна?

К а у р о в а. Слава богу, пока еще живы. Ох,

долго ли? Скоро, скоро они совсем осиротеют, бедняжки!

Суслов. Полноте! Зачем вы это говорите, Анна Ильинишна? Вы еще нас всех переживете, матушка!

Каурова. Как зачем я это говорю, отец мой! Стало быть, есть причины, коли уж я не могу промолчать. То-то вот и есть! а еще, кажется, судья. Стану я говорить без доказательств!

Суслов. Ну, какие же доказательства?

Каурова. Извольте, извольте... Николай Иваныч, прикажите позвать моего кучера.

Балагалаев. Кого?

Каурова. Кучера, моего кучера, Карпушку. Его Карпушкой зовут.

Балагалаев. Для чего?

Каурова. Да уж прикажите. Вот Евгений Тихоныч доказательств требует...

Балагалаев. Да позвольте, Анна Ильинишна...

Каурова. Нет уж, сделайте одолжение.

Балагалаев. Ну, пожалуй. *(Мирволину.)* Сбегай, братец, пожалуйста, прикажи.

Мирволин. Сейчас. *(Выходит.)*

Каурова. Вы мне всё не хотите верить, Евгений Тихоныч. Уж это не в первый раз! Бог с вами!

Алупкин. Однако позвольте; я всё-таки не могу понять, зачем вам угодно было позвать вашего кучера. Кажется, к чему тут кучер?.. Не понимаю.

Каурова. А вот увидите.

Алупкин. Не понимаю.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Карп и Мирволин.

Мирволин. Вот-с кучер.

Каурова. Карпушка... слушай... гляди на меня; вот они не хотят верить, что Ферапонт Ильич несколько раз тебя хотел подкупить... Слышишь ли ты, что я тебе говорю?..

Суслов. Ну, что ж ты молчишь, любезный? Их братец подкупал тебя?

Карп. Как подкупал?

С у с л о в. Я не знаю. Вот Анна Ильинишна говорит.

К а у р о в а. Карпушка! слушай, гляди на меня... Ведь ты помнишь, сегодня чуть меня не вывалил... помнишь?..

К а р п. Когда-с?

К а у р о в а. Когда?.. Экой глупый!.. Разумеется, на повороте, не доезжая плотины. Еще одно колесо чуть не выскочило.

К а р п. Слушаю-с.

К а у р о в а. Ну, и помнишь ты, что я тебе сказала тогда? Я тебе сказала: «Признайся,— сказала я тебе,— Ферапонт Ильич тебя подкупил: дескать, Карпуша, голубчик, ушиби, мол, твою барыню до смерти, а уж я тебя не оставлю»... Ну, и помнишь ты, что ты мне отвечал?.. Ты мне отвечал: «Виноват, сударыня, точно, я пред вами виноват».

С у с л о в. Да позвольте, Анна Ильинишна: виноват — это еще ничего не доказывает... Что он этим хотел сказать? сознаться, что ли, он хотел в подкупе, в намерении зашибить вас — вот что нужно узнать... Сознался ли ты?.. а?.. сознался?..

К а р п. В чем сознался?

К а у р о в а. Карпушка! слушай, гляди на меня... Ведь Ферапонт Ильич хотел тебя подкупить? Ну, конечно, ты не согласился... Но я ведь правду говорю?

К а р п. Как вы изволите говорить-с?

К а у р о в а. Ну, вот видите...

С у с л о в. Да позвольте, позвольте!.. Ты мне, братец, отвечай, да толковито, смотри...

К а у р о в а. Нет, *вы* позвольте, Евгений Тихоныч! я на это не могу согласиться. Вы его запугать хотите — я этого не позволю. Ступай, Карпушка, ступай; да проспись смотри; а то ведь ты совсем спишь. *(Карп уходит.)* А от вас, Евгений Тихоныч, признаюсь, я этого не ожидала. Чем, кажется, я это заслужила?

С у с л о в. Да что вы нас морочите!..

Б а л а г а л а е в. Ну, полноте, полноте, Анна Ильинишна! присядьте, успокойтесь. Мы это всё разберем.

Г е р а с и м *(входит)*. Г-н Беспандин изволил приехать.

Б а л а г а л а е в. А, наконец! Ну, проси, разумеется.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и Беспандин.

Балагалаев. А, здравствуйте!.. Однако вы заставили себя подождать.

Беспандин. Виноват, виноват, Николай Иваныч! такая вышла задача... Здравствуйте, Евгений Тихоныч, судья неумытный! как вы поживаете?

Суслов. Здравствуйте!

Беспандин. Вообразите... *(кланяясь сестре)* что меня задержало... Представьте себе: у меня седло мое украли... И кто украл — неизвестно!.. Делать нечего: взял седло у стремянного. *(Пьет.)* Я, вы знаете, всюду верхом езжу, седло премерзкое, фалейторское... рысью просто нет никакой возможности...

Балагалаев. Ферапонт Ильич! позвольте вас познакомить... Алупкин, Антон Семеныч...

Беспандин. Очень рад... Вы охотник?

Алупкин. То есть в каком смысле охотник?

Беспандин. В каком смысле? ну, разумеется, в каком: до дичи, до собак...

Алупкин. Нет-с, я собак не люблю, а из ружья в сидячую птицу стреляю.

Беспандин *(смеется)*. В сидячую, в сидячую...

Балагалаев. Однако, извините, господа! Позвольте прервать ваш любопытный разговор. Мы о собаках и сидячих птицах в другое время поговорить можем. А теперь я предлагаю, не теряя времени, приступить к нашему делу, для которого мы собрались. Мы и без Петра Петровича начать можем... как вы думаете?

Суслов. Пожалуй!

Балагалаев. И потому, Ферапонт Ильич, покорно прошу вас присесть, и вас также, Антон Семеныч! *(Садятся.)*

Беспандин. Николай Иваныч, я вас душевно уважаю и всегда уважал и теперь вот, по вашему же желанию, приехал; только позвольте вам наперед сказать, если вы надеетесь какого-нибудь толку добиться от почтеннейшей моей сестрицы, то предупреждаю вас...

Каурова *(приподнимаясь)*. Вот видите, Николай Иваныч, вот вы сами видите...

Б а л а г а л а е в. Позвольте, позвольте, Ферапонт Ильич, и вы, Анна Ильинишна! я должен вас попросить сперва меня выслушать. Я имел удовольствие пригласить вас обоих сегодня к себе для того, чтоб покончить, наконец, ваши распри. Какой пример, посудите сами: брат и сестра, от одной, так сказать, утробы...

Б е с п а н д и н. Позвольте, Николай Иваныч...

А л у п к и н. Г-н Беспандин, прошу не прерывать.

Б е с п а н д и н. А вы что мне за наставник?

А л у п к и н. Я вам не наставник, но, будучи приглашен Николаем Иванычем...

Б а л а г а л а е в. Да, Ферапонт Ильич, я их пригласил, вместе с почтенным нашим Евгением Тихонычем, в посредники... Ферапонт Ильич! Анна Ильинишна! Я обращаюсь к вам... Как? брат и сестра, от одной, так сказать, утробы рожденные, не могут жить в ладу, в мире, в согласии!.. Ферапонт Ильич! Анна Ильинишна! — Образумьтесь, я вам говорю! Ведь для чего всё это я говорю?.. я это для вашего же блага говорю... Вы сами посудите, что мне? но я для вашего блага говорю!

Б е с п а н д и н. Да ведь вы, Николай Иваныч, не знаете, что это за женщина! Ведь вы послушайте-ка ее; ведь это бог знает, что такое... помилуйте!

К а у р о в а. А вы-то сами что? Вы кучера моего подкупаете, девок ко мне с отравой подсылаете — вы моей смерти добиваетесь. Я даже удивляюсь, как я еще до сих пор уцелела!..

Б е с п а н д и н. Какого кучера я подкупал... что вы? что вы?

К а у р о в а. Да, сударь! Он под присягой готов всё показать. Вот эти господа — свидетели.

Б е с п а н д и н *(обращаясь к остальным)*. Что это она за дичь порет?

А л у п к и н *(Кауровой)*. Позвольте, позвольте! вы напрасно на меня ссылаетесь. Я решительно ничего не понял, что тут ваш кучер говорил. Это опять что-то вроде моего козла.

К а у р о в а. Вашего козла? А чем мой кучер похож на козла? Сами вы скорей...

Б а л а г а л а е в. Оставьте это, господа, ради бога!.. Анна Ильинишна! Ферапонт Ильич! Что за

охота упрекать друг друга?.. Не лучше ли позабыть прошедшее?.. Право, послушайтесь меня; помиритесь! Примите друг друга в объятья! Вы не отвечаете...

Беспандин. Да что... помилуйте! как это можно! Если б я знал, да я бы ни за что не приехал!

Каурова. И я тоже бы не приехала.

Балагалаев. Как же вы мне сейчас говорили, что вы на всё согласны?

Каурова. На всё, только не на это.

Суслов. Эх, Николай Иваныч! позвольте вам сказать, не так вы дело повели. Вы им толкуете о мире, согласии... разве вы не видите, что это за люди?

Балагалаев. А как же по-вашему, Евгений Тихоныч?

Суслов. Да вы для чего их пригласили?.. для дележа? Ведь от этого у них и ссора идет. Пока они не поделятся, ни вам, ни мне, никому не будет покоя, и мы, в эдакие-то жары, вместо того, чтобы дома сидеть, будем трястись по дорогам. Так приступите же к дележу, коли вы их надеетесь уговорить... Где планы?

Балагалаев. Ну, приступимте. Герасим!..

Герасим *(входя)*. Чего извольте?

Балагалаев. Вельвицкого мне позвать.

Беспандин. Я вам заранее объявляю, что я на всё согласен; что Николай Иваныч скажет, тому и быть.

Каурова. И я тоже.

Суслов. Посмотрим.

Мирволин. Вот что похвально, то похвально.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и Вельвицкий, *с планами.*

Балагалаев. А! подойди сюда. *(Развертывает планы.)* Принеси-ка вон столик... Вот-с, извольте посмотреть... вот-с... «Сельцо Кокушкино, Раково тож, душ по 8-й ревизии мужеска полу 94...» Посмотрите-ка, как карандашом всё перечерчено: не в первый раз мы над этим планом бьемся... «Всей земли 712 десятин, неудобной 81, под усадьбой с выгоном 9; чересполосица есть, но немного». Вот это именье нам приходится поровну разделить между отставным коллежским реги-

стратором Ферапонтом Беспандиным и сестрою его, вдовой подпоручика, Анной Кауровой, поровну; заметьте: так сказано в завещании покойной их тетушки, архитекторской вдовы, Филокалосовой.

Беспандин. Старуха перед смертью из ума выжила. Что бы всё оставить мне! и не было бы никакой неприятности...

Каурова. Вишь вы какие!

Беспандин. Ну, так законную бы часть вам определила... Да что от бабы ожидать путного!.. Правда, вы, говорят, каждое утро ее болонку чесали да мыли.

Каурова. А вот вы и солгали! стану я пса чесать!.. как же!.. такая я женщина!.. Вот вы — другое дело: вы известный собачник; вы, говорят, вашего пса,— прости господи мое прегрешение! — в самую морду целуете.

Балагалаев. Господа! я должен вас обоих попросить несколько помолчать... Так вот как-с: вот уже более трех лет, как их тетушка скончалась, и с тех пор, представьте, никакого решения. Наконец, я согласился быть между ними посредником, потому что это, вы понимаете, мой долг; но, к сожалению, до сих пор ни в чем не успел. Вот видите ли-с, в чем главное затруднение: г. Беспандин и сестрица их не желают жить в одном доме; стало быть, усадьбу следует разделить. А разделить ее нет возможности!

Беспандин *(помолчав)*. Ну... я отказываюсь от теткиного дома; бог с ним!

Балагалаев. Вы отказываетесь?

Беспандин. Да, но я надеюсь на вознаграждение.

Балагалаев. Конечно; это требование справедливо.

Каурова. Николай Иванович! это хитрость. Это с его стороны уловка, Николай Иваныч! Он через это надеется получить самую лучшую землю, коноплянники и прочее. На что ему дом? У него свой есть. А теткин дом и без того куда плох.

Беспандин. Коли он так плох...

Каурова. А коноплянников я не уступлю. Помилуйте! я вдова, у меня дети... Что ж я буду делать без коноплянников, посудите сами.

Б е с п а н д и н. Коли он плох...

К а у р о в а. Воля ваша...

А л у п к и н. Да дайте же ему договорить!

Б е с п а н д и н. Коли он так плох, уступите его мне, и пусть вас вознаградят.

К а у р о в а. Да! знаю я ваши вознаграждения!.. какую-нибудь десятинишку негодную, камень на камне, или, еще того хуже, болото какое-нибудь, где один тростник, которого даже крестьянские коровы не едят!

Б а л а г а л а е в. Такого болота в вашем имении и нету вовсе...

К а у р о в а. Ну, не болото, так другое что-нибудь в этом роде. Нет, вознаграждение... покорно благодарю: знаю я, что́ это за вознаграждения!

А л у п к и н *(Мирволину)*. Что, у вас в уезде все женщины таковы?

М и р в о л и н. Бывают и хуже.

Б а л а г а л а е в. Господа, господа! позвольте, позвольте... Я должен вас опять попросить несколько помолчать. Я вот что предлагаю. Мы теперь сообща разделим всю дачу на два участка; в одном будет заключаться дом с усадьбой, а к другому мы несколько лишней земли прибавим, и пусть они потом выбирают.

Б е с п а н д и н. Я согласен.

К а у р о в а. А я не согласна.

Б а л а г а л а е в. Почему же вы не согласны?

К а у р о в а. А кому первому придется выбирать?

Б а л а г а л а е в. Мы жребий кинем.

К а у р о в а. Сохрани господи и помилуй! что вы это! ни за что на свете! Али мы нехристи какие?

Б е с п а н д и н. Ну, *вы* выберете.

К а у р о в а. Я всё-таки не согласна!

А л у п к и н. Да отчего же?

К а у р о в а. Как же я стану выбирать? ну, а если я ошибусь...

Б а л а г а л а е в. Позвольте, однако, отчего же вы ошибетесь? участки будут равные; а если какой получше выйдет, Ферапонт Ильич вам предоставляет право выбора.

К а у р о в а. А кто мне скажет, какой лучше будет? Нет, Николай Иваныч! это уже ваше дело: уж вы, ба-

тюшка, потрудитесь, назначьте сами; какой вы участок мне назначите, тот и возьму, и довольна буду.

Балагалаев. Ну, пожалуй. Итак, дом со службами и с усадьбой предоставляется госпоже Кауровой.

Беспандин. И с садом?

Каурова. Разумеется, с садом! как же дому быть без саду? да и сад-то дрянь: всего пять-шесть яблонь, яблоки на них кислые-прекислые... Просто, вся усадьба гроша не сто́ит.

Беспандин. Так предоставьте ее мне, боже мой!..

Балагалаев. Итак, дом с садом и со службами и вся господская усадьба предоставляется г-же Кауровой. Хорошо. В таком случае, не угодно ли вам посмотреть?.. Вельвицкий! прочти, братец! как было я разделил?

Вельвицкий *(читает по тетради)*. «Проект раздела между помещиком Ферапонтом Беспандиным и сестрою его, вдовою, дворянкою Кауровой...»

Балагалаев. Начни с направления линии.

Вельвицкий. «Направление линии от точки А»

Балагалаев. Извольте глядеть: от точки А.

Вельвицкий. «От точки А, на границе дачи Волухиной, до точки Б, на углу плотины».

Балагалаев. До точки Б, на углу плотины... Евгений Тихоныч, что же вы?

Суслов *(издали)*. Я вижу.

Вельвицкий. «От точки Б»...

Каурова. А позвольте узнать, чей будет пруд?

Балагалаев. Разумеется, общий: то есть правый берег будет принадлежать одному, левый другому.

Каурова. А! вот как!

Балагалаев. Далее, далее...

Вельвицкий. «Пустоши же разделить поровну; в первой сорок восемь, во второй семьдесят семь десятин».

Балагалаев. Так вот что я теперь предлагаю... Тот, кто не получает усадьбы, берет всю первую пустошь за себя, то есть получает двадцать четыре десятины лишнего. Вот пустоши: первая и вторая.

Вельвицкий. «Владетель первого участка обязывается переселить на свой счет два двора во второй участок; а выселенным крестьянам конопляниками пользоваться два года...»

Каурова. Ни крестьян переселять, ни конопляники уступать я не намерена.

Балагалаев. Да полноте!

Каурова. Ни за что, Николай Иваныч, ни за что!

Алупкин. Не извольте перебивать, сударыня!

Каурова *(крестится)*. Что это? что это? во сне я, что ли?.. да после этого я, право, не знаю, что и сказать! Конопляники на два года, общий пруд! Да эдак лучше я от дома откажусь...

Балагалаев. Да позвольте, однако, заметить вам, что Ферапонт Ильич...

Каурова. Нет, батюшка, не извольте беспокоиться. Знать, я вас чем обидела...

Балагалаев *(вместе с нею)*. Да выслушайте меня, Анна Ильинишна! Вы толкуете о дворах, о конопляниках, а ваш братец может к другому участку присоединить двадцать четыре десятины...

Каурова *(вместе с ним)*. Не говорите, не говорите, Николай Иваныч! Помилуйте! что я за дура буду, что конопляники даром отдам! Вы бы одно вспомнили, Николай Иваныч: я вдова — за меня заступиться некому; дети у меня малолетные: вы бы хоть их пожалели.

Алупкин. Это уж слишком, слишком! нет, это слишком!..

Беспандин. Стало быть, вы находите, что мой участок лучше вашего?

Каурова. Двадцать четыре десятины!..

Беспандин. Нет, скажите, лучше?..

Каурова. Помилуйте! двадцать четыре десятины!..

Алупкин. Да вы отвечайте: лучше? а? лучше, лучше?

Каурова. Да что ты это, батюшка, на меня всё вскидываешься? Или у вас в Тамбове такой обычай? Откуда вдруг появился, ни знамо ни ведомо, и что за человек, господь его знает, а посмотри ты, как петушится!

Алупкин. Однако, прошу не забываться, су-

дарыня. Даром что вы, сколько мне известно, женщина, я не посмотрю: я старый солдат, чёрт возьми!

Балагалаев. Полноте, полноте, господа! Антон Семеныч! успокойтесь, прошу вас. Ведь это ни к чему не поведет...

Алупкин. Да ведь, помилуйте...

Каурова. Вы сумасшедший! Он сумасшедший.

Беспандин. Я всё-таки опять вас спрашиваю, Анна Ильинишна: по-вашему, мой участок лучше?

Каурова. Ну да, лучше, то есть земли больше.

Беспандин. Ну, поменяемтесь. *(Она молчит.)*

Балагалаев. Ну-с, что ж вы не отвечаете?

Каурова. Что ж мне без дому быть? На что ж после этого мне и деревня?..

Беспандин. Да коли мой участок лучше — отдайте мне дом и возьмите себе эти двадцать четыре десятины. *(Оба молчат.)*

Балагалаев. Однако позвольте, Анна Ильинишна, будьте же, наконец, благоразумны, последуйте примеру вашего братца... Я сегодня не нарадуюсь, глядя на него. Вы видите сами, вам всевозможные делаются уступки; вам остается только объявить ваше желание насчет выбора.

Каурова. Я уж сказала, что я не намерена выбирать...

Балагалаев. Вы не намерены выбирать и не соглашаетесь ни на что... помилуйте! Я вам должен заметить, Анна Ильинишна, что моих сил недостает... Если сегодня мы опять ничем не покончим, то уж я не намерен более служить посредником между вами. Пусть суд вас делит. Скажите нам, по крайней мере, что́ *вы* желаете?

Каурова. Я ничего не желаю, Николай Иваныч! я на вас полагаюсь, Николай Иваныч!

Балагалаев. Однако вот вы мне не доверяете... Ведь надобно ж это покончить, Анна Ильинишна... Помилуйте! Ведь третий год!.. Ну, скажите, на что вы решаетесь?

Каурова. Что мне вам сказать, Николай Иваныч? Я вижу, вы все против меня. Вас вот пятеро, а я одна... Я женщина: конечно, вам легко меня запугать; а у меня, кроме бога, нет защитника. Я в вашей власти: делайте со мной, что хотите.

Балагалаев. Однако это непростительно. Наконец, вы бог знает что говорите... Нас пятеро, а вы одне... Да разве мы к чему-нибудь вас принуждаем?

Каурова. А как же-с?

Балагалаев. Это ужасно!

Алупкин *(Балагалаеву)*. Да бросьте ее!

Балагалаев. Постойте, Антон Семеныч!.. Анна Ильинишна, матушка! выслушайте меня. Скажите нам, что вам угодно: оставить при вас дом, что-ли, и уменьшить долю вознаграждения вашего братца, и насколько уменьшить,— вообще, какие ваши условия?

Каурова. Что мне вам сказать, Николай Иваныч? Конечно, мне с вами не сладить... Но господь нас рассудит Николай Иваныч!

Балагалаев. Ну, послушайте: вы, я вижу, недовольны моим предложением...

Алупкин. Да отвечайте же...

Суслов *(Алупкину)*. Оставьте: вы видите, женщина с норовом.

Каурова. Ну, да-с, недовольна.

Балагалаев. Прекрасно! так скажите же нам, в чем ваше неудовольствие состоит?

Каурова. Этого я не могу сказать.

Балагалаев. Отчего же вы не можете?

Каурова. Не могу-с.

Балагалаев. Да вы меня, может быть, не понимаете?

Каурова. Я вас слишком хорошо понимаю, Николай Иваныч!

Балагалаев. Ну, так скажите же нам, наконец, в последний раз, чем вас можно удовлетворить, на какие предложения вы бы изъявили свое согласие?

Каурова. Нет-с, извините! Силой вы что хотите можете со мной делать: я женщина; а с моего согласия, извините... я умру, а моего согласия не дам.

Алупкин. Вы женщина?.. Нет, вы чёрт! вот кто вы! Вы сутяга!..

Балагалаев. Антон Семеныч!

Каурова. Батюшки! батюшки!
Суслов и Мирволин. Полноте, полноте! } *Вместе*

Алупкин *(Кауровой)*. Слушай! я старый солдат: я даром грозить не стану. Эй, не дурачься, опом-

нись, а то худо будет... Я не шучу... слышишь?.. Если б ты возражала путем, я бы ничего не говорил; а то ты упираешься, как вол... Баба, берегись, — говорят тебе, берегись...

Балагалаев. Антон Семеныч! я, признаюсь...

Беспандин. Николай Иваныч, это мое дело!.. *(Алупкину.)* Милостивый государь! позвольте узнать, с какого права...

Алупкин. Вы заступаетесь за вашу сестру?

Беспандин. Вовсе не за сестру: мне моя сестра вот что — тьфу!.. а я за честь фамилии.

Алупкин. За честь фамилии? А чем я вашу фамилию оскорбил?

Беспандин. Как чем оскорбили! Вот это мне нравится! Стало быть, по-вашему всякий заезжий чудак...

Алупкин. Что, милостивый государь?..

Беспандин. Что, милостивый государь?..

Алупкин. А вот что-с: в чужом доме ругаться неприлично. Вы дворянин, и я дворянин, так не угодно ли завтра...

Беспандин. На чем хотите! хоть на ножах.

Балагалаев. Господа, господа! что вы это? как вам не стыдно? помилуйте! в моем доме...

Беспандин. Вы меня не запугаете, милостивый государь!

Алупкин. Я вас не боюсь; а ваша сестра... неприлично сказать, что она такое.

Каурова. Согласна, отцы мои, на всё согласна!.. дайте подписать: всё, что угодно, подпишу.

Суслов *(Мирволину)*. Где моя шапка? не видал, братец?

Балагалаев. Господа, господа!

Герасим *(входит и кричит)*. Петр Петрович Пехтерьев!

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и Пехтерьев.

Пехтерьев *(входя)*. Здравствуйте, мой любезный Николай Иваныч!

Балагалаев. Мое почтение, Петр Петрович! Что ваша супруга?

Пехтерьев *(кланяется всем)*. Господа... Моя жена здорова, слава богу. Cher Балагалаев! я виноват: опоздал. Вы, я вижу, без меня начали, и хорошо сделали... Как ваше здоровье, Евгений Тихоныч, Ферапонт Ильич, Анна Ильинишна? *(Мирволину.)* А! и ты тут, убогий?.. Ну, что, подвигается дело?..

Балагалаев. Ну, этого нельзя сказать...

Пехтерьев. Неужели? А я так думал... Эх, господа, господа! это нехорошо. Позвольте старику побранить вас... Надо кончить, надо кончить.

Балагалаев. Не хотите ли закусить?

Пехтерьев. Нет, благодарствуйте... *(Отводит в сторону Балагалаева и указывает на Алупкина.)* Qui est ça? [1]

Балагалаев. Новый помещик — некто Алупкин. Я вам его представлю... Антон Семеныч! позвольте познакомить вас с почтеннейшим нашим Петром Петровичем... Алупкин, Антон Семеныч, из Тамбова.

Алупкин. Очень рад.

Пехтерьев. Добро пожаловать в наши края... Да позвольте... Алупкин? я знавал одного Алупкина в Петербурге. Высокий такой был мужчина, видный, с бельмом на глазу, в карты играл сильно и домá всё строил... не родня вам?..

Алупкин. Никак нет-с. У меня нет родственников.

Пехтерьев. Нет родственников?.. Скажите... Что ваши малютки, Анна Ильинишна?

Каурова. Покорно вас благодарю, Петр Петрович! Слава богу.

Пехтерьев. Однако, господа, что ж, давайте, давайте. Мы поболтаем после... На чем я вас прервал?

Балагалаев. Вы нисколько нас не прервали, Петр Петрович! Вы даже очень кстати приехали. Дело вот в чем-с...

Пехтерьев. Что это! планы?.. *(Садится к столу.)*

Балагалаев. Да, планы. Вот, видите ли, Петр Петрович, мы никак не можем добиться толку, не можем, то есть, согласить господина Беспандина

[1] Кто это? *(Франц.)*

с их сестрицей. Я, признаюсь, даже начинаю сомневаться в успехе и готов отказаться.

Пехтерьев. Напрасно, напрасно, Николай Иваныч, немножко терпения... Предводитель! да это должен быть олицетворенное терпение.

Балагалаев. Вот, видите ли, Петр Петрович: с общего согласия господ владельцев, усадьба не разделяется, а к одному участку приписывается; теперь вот в чем затруднение: какое вознаграждение назначить за усадьбу? Я предлагаю всю эту пустошь отдать...

Пехтерьев. Эту пустошь... да, позвольте, да, да...

Балагалаев. Вот над этим мы теперь и бьемся... Они вот согласны, а сестрица их не только не согласна ни на что, но даже вообще не хочет объявить своего желания.

Алупкин. Как говорится, ни тпру ни ну!

Пехтерьев. Так, так, так! А знаете ли что, Николай Иваныч? конечно, это вам лучше известно, а я бы на вашем месте не так эту дачу разделил.

Балагалаев. А как же-с?

Пехтерьев. Я, может быть, и вздор скажу; но вы извините старика... Savez-vous, cher ami? [1] мне кажется, я бы вот как разделил... позвольте карандашик.

Мирволин. Вот-с карандаш...

Пехтерьев. Спасибо... Я бы, Николай Иваныч, вот как... посмотрите: отсюда — вот сюда, отсюда — сюда... отсюда вот куда, а отсюда, наконец, сюда.

Балагалаев. Да помилуйте, Петр Петрович! во-первых, эти участки выйдут неровные...

Пехтерьев. Что за беда!

Балагалаев. А во-вторых, в этом участке совсем сенокосов нет.

Пехтерьев. Это ничего не значит: трава везде расти может.

Балагалаев. Да сверх того, рощу вы, стало быть, предоставляете одному владельцу?

Каурова. Ах, вот этот бы участок я взяла с удовольствием!

---

[1] Знаете, дорогой друг? *(Франц.)*

Балагалаев. А каково, например, будет мужичкам отсюда вон куда ездить?

Пехтерьев. На все ваши возражения отвечать было бы весьма легко; но, впрочем, конечно, вы должны лучше знать... вы меня извините...

Каурова. А мне эдак очень нравится.

Алупкин. То есть как?

Каурова. А вот как Петр Петрович разделил.

Беспандин. Позвольте взглянуть.

Каурова. Воля ваша, а только я с Петром Петровичем согласна.

Алупкин. Это ужасно... ведь не видела ничего, а туда же толкует!

Каурова. А ты почему знаешь, батюшка, видела я что или нет?..

Алупкин. Ну, коли видели, так скажите, какой вы себе участок берете?

Каурова. Какой? вот этот с рощей, да с сенокосом, да где земли побольше.

Алупкин. Да, всё вам однем отдать?!

Суслов *(Алупкину)*. Оставь.

Пехтерьев *(Беспандину)*. По-вашему как?

Беспандин. По-моему, коли правду говорить, эдак неудобно будет. Впрочем, я готов согласиться, если мне этот участок дадут.

Каурова. И я готова согласиться, если мне этот участок дадут.

Алупкин. Какой?

Каурова. А вот, что братец мой для себя спрашивает.

Суслов. Вот, говорите после этого, что она ни на что не согласна!

Пехтерьев. Однако, позвольте, позвольте... двоим нельзя один и тот же участок определить; надо, чтоб один из вас пожертвовал, оказал великодушие — взял похуже.

Беспандин. А смею спросить, для какого дьявола буду я оказывать великодушие?

Пехтерьев. Для какого... какие вы, однако, странные слова употребляете!.. для вашей сестрицы.

Беспандин. Вот тебе на!

Пехтерьев. Ваша сестра, не забудьте, при-

надлежит к слабому полу; она женщина, а вы мужчина... она ведь женщина, Ферапонт Ильич!

Беспандин. Нет-с, это, я вижу, уж философия пошла...

Пехтерьев. Какую же вы тут философию находите?

Беспандин. Философия!

Пехтерьев. Однако это меня удивляет... Вас это не удивляет, господа?

Алупкин. Меня-с? Меня сегодня ничто удивить не в состоянии-с. Вы мне можете сказать, что вы родного отца своего съели; я не удивлюсь, я поверю.

Балагалаев. Господа, господа! позвольте мне сказать слово. Самое их как бы снова возгоревшее упорство доказывает вам, любезнейший Петр Петрович, что ваше разделение не совсем удачно...

Пехтерьев. Неудачно! Позвольте... почему же неудачно, это следует доказать... Я не спорю, может быть, ваше предложение прекрасно, но и о моем предложении тоже нельзя судить с первого взгляда. Я провел черту, так сказать, ангрò; конечно, я мог ошибиться в мелочах. Разумеется, нужно уравнять оба участка, сообразить, рассмотреть подробно; но почему же неудачно?..

Алупкин *(Суслову)*. Какую он это черту провел?

Суслов. Ангрò.

Алупкин. А что значит ангрò?

Суслов. А господь его знает! должно быть, немецкое слово.

Балагалаев. Положим, Петр Петрович, что ваше предложение отлично, превосходно; но главное дело, надо поровну разделить. Вот в чем задача.

Пехтерьев. Так-с. Впрочем, конечно, вам лучше знать... Конечно, я в этом случае не могу с вами тягаться. Мое предложение, вы говорите, неудачно...

Балагалаев. Да нет, Петр Петрович...

Каурова. Я понимаю, почему Николай Иваныч так на своем настаивает.

Балагалаев. Что вы хотите сказать, сударыня, объяснитесь...

Каурова. Да уж я знаю!

Балагалаев. Я прошу вас объясниться.

Каурова. Николай Иваныч намерен у Ферапонта Ильича рощу за бесценок купить... Так вот от этого они так и стараются, чтоб она ему досталась.

Балагалаев. Позвольте вам заметить, Анна Ильинишна, что вы забываетесь! Ферапонт Ильич разве дитя? Разве вы не получите вашей половины?.. Да и кто вам сказал, что я намерен купить эту рощу? и разве вы можете запретить вашему братцу продавать свою собственность?

Каурова. Этого я не могу ему запретить, да дело не в этом, а в том, что вы нас не по чистой совести делите, не по справедливости то есть, а как для вас выгоднее.

Балагалаев. О, это слишком!

Алупкин. А, вот и вы теперь то же говорите!

Пехтерьев. Всё это запутано, признаюсь, очень темно и запутано.

Балагалаев. Это, наконец, всякого выведет из терпения... Что тут запутанного? что тут темного? Ну, да! я намерен купить у Ферапонта Ильича рощу; я, может быть, весь его участок намерен приобрести. Что же из этого следует? позвольте спросить?.. Я не по чистой совести делю... и повернулся у вас язык это сказать! Анна Ильинишна — женщина, я ее извиняю; но вы, Петр Петрович... запутано! Вы бы сперва посмотрели, верно ли разделено имение... Стало быть, верно, коли им предоставлялся выбор участка.

Пехтерьев. Напрасно вы так горячитесь, Николай Иваныч.

Балагалаев. Помилуйте, когда меня бог знает в чем подозревают,— меня, предводителя, удостоенного лестного внимания дворянства! Помилуйте, еще бы не горячиться, когда задевают мою честь!

Пехтерьев. Вашей чести никто не задевает, да и притом, почему ж, если можно, безобидно, как говорится, согласить собственную выгоду с выгодой другого, почему ж и не сделать так? А что касается до предводительства, то поверьте, Николай Иваныч, не всегда выбирают самых достойных, и если кого отставили, это еще не значит, что он недостойный. Впрочем, я это, конечно, говорю не для вас...

Балагалаев. Понимаю, Петр Петрович! Я понимаю, это вы на свой счет изволите говорить, да и на

мой кстати. Что ж, извольте попытаться! Выборы близко. Может быть, на сей раз дворянство откроет, наконец, глаза... Может быть, оно, наконец, оценит настоящие ваши достоинства.

П е х т е р ь е в. Если господа дворяне почтут меня своею доверенностью, я не откажусь, не беспокойтесь.

К а у р о в а. И тогда у нас будет настоящий предводитель!

Б а л а г а л а е в. О, я не сомневаюсь! Но вы поймете теперь, что, после всех этих оскорбительных намеков, мне было бы совершенно неприлично вмешиваться более в ваши дела, а потому...

Б е с п а н д и н. Да зачем же, Николай Иваныч?

П е х т е р ь е в. Николай Иваныч! я, право...

Б а л а г а л а е в. Нет, уж извините. Вельвицкий, подай сюда все их бумаги. Вот вам ваши письма, ваши планы. Делитесь, как знаете, обратитесь, если хотите, к Петру Петровичу.

К а у р о в а. С удовольствием, с удовольствием.

П е х т е р ь е в. А я решительно отказываюсь: я вовсе не намерен... Помилуйте!

Б е с п а н д и н. Николай Иваныч, пожалуйста, сделайте одолжение. Извините нас, то есть эту глупую бабу... ведь она всему причиной...

Б а л а г а л а е в. И слышать ничего не хочу! Повторяю вам, делитесь, как хотите, мне до этого дела нет. Из сил выбился!

Б е с п а н д и н. А всё ты, безмозглая! Ну, что ты тут напутала!.. Как же! уступлю я тебе рощу со всеми лугами, да усадьбой... сейчас! да! погоди!

А л у п к и н. Хорошо, хорошо, хорошо! вот так ее, вот так, вот так!..

К а у р о в а. Петр Петрович, заступись за меня, батюшка; вы его не знаете: он меня зарезать готов, это — изверг, батюшка, убийца!.. он меня несколько раз уже отравливал, батюшка мой!..

Б е с п а н д и н. Молчи, сумасшедшая!.. Николай Иваныч! сделайте одолжение...

К а у р о в а *(Пехтерьеву)*. Батюшка, батюшка!..

П е х т е р ь е в. Позвольте, позвольте!.. да что же это, наконец?

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же и Нагланович.

Нагланович. Николай Иваныч, я к вам... Его превосходительство изволил...

Алупкин. А, вы опять? вы опять за мной... опять насчет козла?.. опять?

Нагланович. Что вы? что с вами? что это за человек?..

Алупкин. А вы не узнали меня, небось... Алупкин, Алупкин, помещик.

Нагланович. Отстаньте. Ваш козел судебным порядком пошел. Я совсем не к вам: я к Николаю Иванычу.

Пехтерьев. Однако пустите меня, сударыня!

Каурова. Батюшка! защити и раздели!

Алупкин *(Наглановичу)*. Я, милостивый государь, ни на что не посмотрю. Вы меня оскорбили, милостивый государь! Я, чёрт возьми, я вам не козел дался, в самом деле!

Нагланович. Да это сумасшедший какой-то!

Беспандин. Николай Иваныч, возьмите бумаги обратно.

Балагалаев. Стойте, господа, слушайте!.. Позвольте, у меня, кажется, голова как будто кругом идет... Дележ, козел, упрямая баба, помещик из Тамбова, вдруг неожиданный становой, завтра дуэль, у меня нечистая совесть, усадьба, роща за бесценок, завтрак, шум, кутерьма... нет, это слишком. Извините меня, господа... я не в состоянии... я ничего не понимаю,что вы мне говорите, я не в силах, я не могу, не могу! *(Уходит.)*

Пехтерьев. Николай Иваныч! Николай Иваныч! Однако это прекрасно... хозяин ушел, что ж нам остается делать?..

Нагланович. Что за суматоха! *(Вельвицкому.)* Подите, скажите ему, что мне нужно с ним по делам службы поговорить. *(Вельвицкий уходит.)*

Каурова. Да бог с ним! Ты-то когда нас, батюшка, делить будешь?

Пехтерьев. Я? покорный слуга; что это вы? меня за другого, должно быть, принимаете?

Б е с п а н д и н. Вот мы и у праздника! Эх, ты!.. Проклятие всем бабам отныне и вовеки! *(Уходит.)*

К а у р о в а. Я по крайней мере тут ничем не виновата.

В е л ь в и ц к и й *(входит)*. Николай Иваныч приказали сказать, что никого принимать не могут; они в постель ложатся.

Н а г л а н о в и ч. Ну, значит, гости-то угостили его. Нечего делать, оставлю записку... Мое почтение всей компании. *(Уходит.)*

А л у п к и н. Мы с вами еще увидимся, милостивый государь! — слышите вы? Господа, честь имею вам кланяться. *(Уходит.)*

П е х т е р ь е в. Да постойте... куда вы?... и мы все с вами. Признаюсь, я еще ничего подобного не видал. *(Уходит.)*

К а у р о в а. Петр Петрович, батюшка!.. рассудите... *(Уходит за Пехтерьевым.)*

М и р в о л и н. Евгений Тихоныч, что же вы? не оставаться же нам одним! поедемте.

С у с л о в. Постой, вот, погоди, он оправится, мы засядем в преферанс.

М и р в о л и н. И то дело; да в таких случаях не худо выпить...

С у с л о в. Что-ж, выпьем, Мирволин, выпьем. А какова баба? эта и мою Глафиру Андреевну за пояс заткнет... Вот тебе и полюбовный дележ!..

МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

(1850)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Аркадий Сергеич Ислаев, богатый помещик, 36 лет.

Наталья Петровна, жена его, 29 лет.

Коля, сын их, 10 лет.

Верочка, воспитанница, 17 лет.

Анна Семеновна Ислаева, мать Ислаева, 58 лет.

Лизавета Богдановна, компаньонка, 37 лет.

Шааф, немец-гувернер, 45 лет.

Михайла Александрович Ракитин, друг дома, 30 лет.

Алексей Николаевич Беляев, студент, учитель Коли, 21 года.

Афанасий Иванович Большинцов, сосед, 48 лет.

Игнатий Ильич Шпигельский, доктор, 40 лет.

Матвей, слуга, 40 лет.

Катя, служанка, 20 лет.

Действие происходит в имении Ислаева, в начале сороковых годов. Между 1 и 2, 2 и 3, 4 и 5 действиями проходит по дню.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет гостиную. Направо карточный стол и дверь в кабинет; прямо дверь в залу; налево два окна и круглый стол. По углам диваны. За карточным столом Анна Семеновна, Лизавета Богдановна и Шааф играют в преферанс; у круглого стола сидят Наталья Петровна и Ракитин. Наталья Петровна вышивает по канве, у Ракитина в руках книга. Стенные часы показывают три часа.

Шааф. Ф червёх.

Анна Семеновна. Опять? Да ты нас, батюшка, эдак совсем заиграешь.

Шааф (*флегматически*). Фоземь ф червёх.

Анна Семеновна (*Лизавете Богдановне*). Каков! С ним играть нельзя. (*Лизавета Богдановна улыбается.*)

Наталья Петровна (*Ракитину*). Что ж вы перестали? Читайте.

Ракитин (*медленно поднимая книгу*). «Monte-Cristo se redressa haletant...» [1] Наталья Петровна, вас это занимает?

Наталья Петровна. Нисколько.

Ракитин. Для чего же мы читаем?

Наталья Петровна. А вот для чего. На днях мне одна дама говорила: «Вы не читали „Монте-Кристо"? Ах, прочтите — это прелесть». Я ничего ей не отвечала тогда, а теперь могу ей сказать, что читала и никакой прелести не нашла.

Ракитин. Ну да если вы теперь уже успели убедиться...

Наталья Петровна. Ах, какой вы ленивый!

Ракитин. Я готов, помилуйте... (*Отыскав место, где остановился.*) Se redressa haletant, et...

---

[1] «Монте-Кристо вскочил, прерывисто дыша...» (*Франц.*)

Н а т а л ь я П е т р о в н а *(сама перебивая его)*. Видели вы Аркадия сегодня?

Р а к и т и н. Я с ним встретился на плотине... Ее у вас чинят. Он объяснял что-то рабочим и, для большей ясности, вошел в песок по колена.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Он за всё принимается с слишком большим жаром... слишком старается. Это недостаток. Как вы думаете?

Р а к и т и н. Я с вами согласен.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Как это скучно!.. Вы всегда со мною согласны. Читайте.

Р а к и т и н. А! стало быть, вы хотите, чтобы я с вами спорил... Извольте.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Я хочу... Я хочу!.. Я хочу, чтоб *вы* хотели... Читайте, говорят вам.

Р а к и т и н. Слушаю-с. *(Опять принимается за книгу.)*

Ш а а ф. Ф червёх.

А н н а С е м е н о в н а. Как? опять? Это нестерпимо! *(Наталье Петровне.)* Наташа... Наташа...

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Что?

А н н а С е м е н о в н а. Вообрази себе, Шааф нас совсем заиграл... То и дело семь, восемь, в червях.

Ш а а ф. И деберь зем.

А н н а С е м е н о в н а. Слышишь? Это ужасно.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Да... ужасно.

А н н а С е м е н о в н а. Так вист же! *(Наталье Петровне.)* А где Коля?

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Он ушел гулять с новым учителем.

А н н а С е м е н о в н а. А! Лизавета Богдановна, я вас приглашаю.

Р а к и т и н *(Наталье Петровне)*. С каким учителем?

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Ах, да! Я вам и забыла сказать... мы без вас нового учителя наняли.

Р а к и т и н. На место Дюфура?

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Нет... Русского учителя. Француза нам княгиня из Москвы пришлет.

Р а к и т и н. Что он за человек, этот русский? старый?

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Нет, молодой... Мы его, впрочем, только на летние месяцы взяли.

Ракитин. А! на кондицию.

Наталья Петровна. Да, это у них, кажется, так называется. И знаете ли что, Ракитин? Вы вот любите наблюдать людей, разбирать их, копаться в них...

Ракитин. Помилуйте, с чего вы...

Наталья Петровна. Ну да, да... Обратите-ка на него ваше внимание. Мне он нравится. Худой, стройный, веселый взгляд, смелое выражение... Вы увидите. Он, правда, довольно неловок... а для вас это беда.

Ракитин. Наталья Петровна, вы меня сегодня ужасно преследуете.

Наталья Петровна. Кроме шуток, обратите на него внимание. Мне кажется, из него может выйти человек славный. А впрочем, бог знает!

Ракитин. Вы возбуждаете мое любопытство...

Наталья Петровна. В самом деле? *(Задумчиво.)* Читайте.

Ракитин. Se redressa haletant, et...

Наталья Петровна *(вдруг оглядываясь)*. А где Вера? Я ее с утра не видала. *(С улыбкой Ракитину.)* Бросьте эту книгу... Я вижу, нам сегодня читать не удастся... Расскажите мне лучше что-нибудь...

Ракитин. Извольте... Что ж мне вам рассказать... Вы знаете, я несколько дней провел у Криницыных... Вообразите, наши молодые уже скучают.

Наталья Петровна. Почему вы это могли заметить?

Ракитин. Да разве скуку можно скрыть? Всё другое можно... но скуку нет.

Наталья Петровна *(поглядев на него)*. А другое всё можно?

Ракитин *(помолчав немного)*. Я думаю.

Наталья Петровна *(опустив глаза)*. Так что ж вы делали у Криницыных?

Ракитин. Ничего. Скучать с друзьями — ужасная вещь: вам ловко, вы не стеснены, вы их любите, злиться вам не на что, а скука вас всё-таки томит, и сердце глупо ноет, словно голодное.

Наталья Петровна. Вам, должно быть, часто с друзьями скучно бывает.

Ракитин. Как будто и вы не знаете, что́ значит присутствие человека, которого любишь и который надоедает!

Наталья Петровна (*медленно*). Которого любишь... это великое слово. Вы что-то мудрено говорите.

Ракитин. Мудрено... почему же мудрено?

Наталья Петровна. Да, это ваш недостаток. Знаете ли что, Ракитин: вы, конечно, очень умны, но... (*останавливаясь*) иногда мы с вами разговариваем, точно кружево плетем... А вы видали, как кружево плетут? В душных комнатах, не двигаясь с места... Кружево — прекрасная вещь, но глоток свежей воды в жаркий день гораздо лучше.

Ракитин. Наталья Петровна, вы сегодня...

Наталья Петровна. Что?

Ракитин. Вы сегодня на меня за что-то сердитесь.

Наталья Петровна. О, тонкие люди, как вы мало проницательны, хотя и тонки!.. Нет, я на вас не сержусь.

Анна Семеновна. А! наконец обремизился! Попался! (*Наталье Петровне.*) Наташа, злодей наш поставил ремиз.

Шааф (*кисло*). Лисафет Богдановне финоват...

Лизавета Богдановна (*с сердцем*). Извините-с, я не могла знать, что у Анны Семеновны не было червей.

Шааф. Фперет я Лисафет Богдановне не приклашаю.

Анна Семеновна (*Шаафу*). Да чем же она виновата?

Шааф (*повторяет точно тем же голосом*). Фперет я Лисафет Богдановне не приклашаю.

Лизавета Богдановна. А мне что! Вот еще!..

Ракитин. Чем более я на вас гляжу, Наталья Петровна, тем более я не узнаю вашего лица сегодня.

Наталья Петровна (*с некоторым любопытством*). В самом деле?

Ракитин. Право. Я нахожу в вас какую-то перемену.

Наталья Петровна. Да?.. В таком случае сделайте одолженье... Вы ведь меня знаете —

МѢСЯЦЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ЗАМѢЧАНІЕ.

Комедія эта написана четыре года тому назадъ и никогда не назначалась для сцены. Это собственно не комедія — а повѣсть въ драматической формѣ. Для сцены она не годится, это ясно; благосклонному читателю остается рѣшить, годится ли она въ печати.

И. Т.

Декабрь 1854.
С. Петербургъ.

ЛИЦА.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА, вдова богатаго помѣщика, 29 лѣтъ.
КОЛЯ, сынъ ея, 10 лѣтъ.
ВѢРОЧКА, воспитанница, 17 лѣтъ.
АННА СЕМЕНОВНА ИСЛАЕВА, мать Ислаева, бывшаго мужа Натальи Петровны, 58 лѣтъ.
ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА, компаньонка, 37 лѣтъ.
ШААФЪ, нѣмецъ, гувернеръ, 45 лѣтъ.
МИХАЙЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ РАКИТИНЪ, другъ дома, 30 лѣтъ.
АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ БѢЛЯЕВЪ, студентъ, учитель Коли, 21 года.
АѲАНАСІЙ ИВАНОВИЧЪ БОЛЬШИНЦОВЪ, сосѣдъ, 48 лѣтъ.
ИГНАТІЙ ИЛЬИЧЪ ШПИГЕЛЬСКІЙ, докторъ, 40 лѣтъ.
МАТВѢЙ, слуга, 40 лѣтъ.
КАТЯ, служанка, 20 лѣтъ.

Дѣйствіе происходитъ въ имѣніи Ислаева, въ началѣ сороковыхъ годовъ.
Между 1 и 2, 2 и 3, 4 и 5 дѣйствіями проходитъ по дню.

«МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ».
ЗАГЛАВНЫЙ ЛИСТ ЖУРНАЛЬНОГО ТЕКСТА.
«Современник», 1855, № 1.

угадайте, в чем состоит эта перемена, что́ во мне такое произошло — а?

Ракитин. А вот погодите... *(Коля вдруг с шумом вбегает из залы прямо к Анне Семеновне.)*

Коля. Бабушка, бабушка! посмотри-ка, что́ у меня! *(Показывает ей лук и стрелы.)* Посмотри-ка!

Анна Семеновна. Покажи, душа моя... Ах, какой славный лук! кто тебе его сделал?

Коля. Вот он... он... *(Указывает на Беляева, который остановился у двери залы.)*

Анна Семеновна. А! да как он хорошо сделан...

Коля. Я уже стрелял из него в дерево, бабушка, и попал два раза... *(Прыгает.)*

Наталья Петровна. Покажи, Коля.

Коля *(бежит к ней и пока Наталья Петровна рассматривает лук)*. Ах, maman! как Алексей Николаич на деревья лазит! Он меня хочет выучить, и плавать тоже он меня выучит. Он меня всему, всему выучит! *(Прыгает.)*

Наталья Петровна *(Беляеву)*. Я вам очень благодарна за ваше внимание к Коле...

Коля *(с жаром ее перебивая)*. Я его очень люблю, maman, очень!

Наталья Петровна *(гладя Колю по голове)*. Он у меня немножко изнежен... Сделайте мне из него ловкого и проворного мальчика. *(Беляев кланяется.)*

Коля. Алексей Николаич, пойдемте в конюшню, отнесем Фавориту хлеба.

Беляев. Пойдемте.

Анна Семеновна *(Коле)*. Поди сюда, поцелуй меня сперва...

Коля *(убегая)*. После, бабушка, после! *(Убегает в залу; Беляев уходит за ним.)*

Анна Семеновна *(глядя вслед Коле)*. Что за милый ребенок! *(К Шаафу и Лизавете Богдановне.)* Не правда ли?

Лизавета Богдановна. Как же-с.

Шааф *(помолчав немного)*. Я пасс.

Наталья Петровна *(с некоторой живостью Ракитину)*. Ну, как он вам показался?

Ракитин. Кто?

Н а т а л ь я П е т р о в н а *(помолчав).* Этот... русский учитель.

Р а к и т и н. Ах, извините — я и забыл... Я так был занят вопросом, который вы мне задали... *(Наталья Петровна глядит на него с едва заметной усмешкой.)* Впрочем, его лицо... действительно... Да; у него хорошее лицо. Он мне нравится. Только, кажется, он очень застенчив.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Да.

Р а к и т и н *(глядя на нее).* Но всё-таки я не могу себе дать отчета...

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Что бы нам с вами позаняться им, Ракитин? Хотите? Окончимте его воспитание. Вот превосходный случай для степенных, рассудительных людей, каковы мы с вами! Ведь мы очень рассудительны, не правда ли?

Р а к и т и н. Этот молодой человек вас занимает. Если б он это знал... его бы это польстило.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. О, поверьте, нисколько! О нем нельзя судить по тому, что... наш брат сделал бы на его месте. Ведь он нисколько на нас не похож, Ракитин. В том-то и беда, друг мой: мы самих себя изучаем с большим прилежанием и воображаем потом, что знаем людей.

Р а к и т и н. Чужая душа — темный лес. Но к чему эти намеки... За что вы меня то и дело колете?

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Кого же колоть, коли не друзей... А вы мой друг... Вы это знаете. *(Жмет ему руку. Ракитин улыбается и светлеет.)* Вы мой старый друг.

Р а к и т и н. Боюсь я только... как бы этот старый друг вам не приелся...

Н а т а л ь я П е т р о в н а *(смеясь).* Одни хорошие вещи приедаются.

Р а к и т и н. Может быть... Только от этого им не легче.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Полноте... *(Понизив голос.)* Как будто вы не знаете... ce que vous êtes pour moi [1].

Р а к и т и н. Наталья Петровна, вы играете со мной, как кошка с мышью... Но мышь не жалуется.

---

[1] что́ вы для меня *(франц.).*

Наталья Петровна. О, бедный мышонок!

Анна Семеновна. Двадцать с вас, Адам Иваныч... Ага!

Шааф. Я фперет Лисафет Богдановне не приклашаю.

Матвей *(входит из залы и докладывает)*. Игнатий Ильич приехали-с.

Шпигельский *(входя по его следам)*. Об докторах не докладывают. *(Матвей уходит.)* Нижайшее мое почтенье всему семейству. *(Подходит к Анне Семеновне к ручке.)* Здравствуйте, барыня. Чай, в выигрыше?

Анна Семеновна. Какое в выигрыше! Насилу отыгралась... И то слава богу! Всё вот этот злодей. *(Указывая на Шаафа.)*

Шпигельский *(Шаафу)*. Адам Иваныч, с дамами-то! это нехорошо... Я вас не узнаю.

Шааф *(ворча сквозь зубы)*. З-дамами, з-дамами...

Шпигельский *(подходит к круглому столу налево)*. Здравствуйте, Наталья Петровна! Здравствуйте, Михайло Александрыч!

Наталья Петровна. Здравствуйте, доктор. Как вы поживаете?

Шпигельский. Мне этот вопрос очень нравится... Значит, вы здоровы. Чтó со мною делается? Порядочный доктор никогда болен не бывает; разве вдруг возьмет да умрет... Ха-ха.

Наталья Петровна. Сядьте. Я здорова, точно... но я не в духе... А ведь это тоже нездоровье.

Шпигельский *(садясь подле Натальи Петровны)*. А позвольте-ка ваш пульс... *(Щупает у ней пульс.)* Ох, уж эти мне нервы, нервы... Вы мало гуляете. Наталья Петровна... мало смеетесь... вот что... Михайло Александрыч, что вы смотрите? А впрочем, можно белые капли прописать.

Наталья Петровна. Я не прочь смеяться... *(С живостью.)* Да вот вы, доктор... у вас злой язык, я вас за это очень люблю и уважаю, право... расскажите мне что-нибудь смешное. Михайло Александрыч сегодня всё философствует.

Шпигельский *(украдкою поглядывая на Ракитина)*. А, видно, не одни нервы страдают, и желчь тоже немножко расходилась...

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Ну, и вы туда же! Наблюдайте сколько хотите, доктор, да только не вслух. Мы все знаем, что вы ужасно проницательны... Вы оба очень проницательны.

Ш п и г е л ь с к и й. Слушаю-с.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Расскажите нам что-нибудь смешное.

Ш п и г е л ь с к и й. Слушаю-с. Вот не думал, не гадал — цап-царап, рассказывай... Позвольте табачку понюхать. *(Нюхает.)*

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Какие приготовленья!

Ш п и г е л ь с к и й. Да ведь, матушка моя, Наталья Петровна, вы извольте сообразить: смешное смешному рознь. Что́ для кого. Соседу вашему, например, господину Хлопушкину, сто́ит только эдак палец показать, уж он и залился, и хрипит, и плачет... а ведь вы... Ну, однако, позвольте. Знаете ли вы Вереницына, Платона Васильевича?

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Кажется, знаю, или слыхала.

Ш п и г е л ь с к и й. У него еще сестра сумасшедшая. По-моему, они либо оба сумасшедшие, либо оба в здравом смысле; потому что между братом и сестрой решительно нет никакой разницы, но дело не в том. Судьба-с, везде судьба-с, и во всем судьба-с. У Вереницына дочь, зелененькая, знаете, такая, глазки бледненькие, носик красненький, зубки желтенькие, ну, словом, очень любезная девица; на фортепьянах играет и сюсюкает тоже, стало быть, всё в порядке. За ней двести душ да теткиных полтораста. Тетка-то еще жива и долго проживет, сумасшедшие все долго живут, да ведь всякому горю пособить можно. Подписала же она духовную в пользу племянницы, а накануне я ей собственноручно на голову холодную воду лил — и совершенно, впрочем, напрасно лил, потому что вылечить ее нет никакой возможности. Ну, стало быть, у Вереницына дочь, невеста не из последних. Начал он ее вывозить, стали женихи появляться, между прочими некто Перекузов, худосочный молодой человек, робкий, но с отличными правилами. Вот-с, понравился наш Перекузов отцу; понравился и дочери... Кажись, за чем бы дело стало? с богом, под венец! И действительно, всё

шло прекрасно: господин Вереницын, Платон Васильич, уже начинал господина Перекузова по желудку эдак, знаете, хлопать и по плечу трепать, как вдруг откуда ни возьмись заезжий офицер, Ардалион Протобекасов! На бале у предводителя увидал Вереницынову дочь, протанцевал с ней три польки, сказал ей, должно быть, эдак закативши глаза: «О, как я несчастлив!» — барышня моя так разом и свихнулась. Слезы пошли, вздохи, охи... На Перекузова не глядят, с Перекузовым не говорят, от одного слова «свадьба» корчи делаются... Фу ты, господи боже мой, что за притча! Ну, думает Вереницын, коли Протобекасова, так Протобекасова. Благо же он человек тоже с состояньем. Приглашают Протобекасова, дескать, сделайте честь... Протобекасов делает честь; Протобекасов приезжает, волочится, влюбляется, наконец предлагает руку и сердце. Что ж вы думаете? Девица Вереницына тотчас с радостью соглашается? Как бы не так! Сохрани бог! Опять слезы, вздохи, припадки. Отец приходит в тупик. Что же, наконец? Чего надобно? А она что, вы думаете, ему отвечает? Я, дескать, батюшка, не знаю, кого люблю, того или этого. «Как?» — Ей-богу, не знаю, и уж лучше ни за кого не выйду, а люблю! С Вереницыным, разумеется, тотчас холера, женихи тоже не знают, что ж такое, наконец? а она всё на своем. Вот-с, извольте рассудить, какие чудеса у нас происходят!

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Я в этом ничего удивительного не нахожу... Как будто нельзя двух людей разом любить?

Р а к и т и н. А! вы думаете...

Н а т а л ь я П е т р о в н а *(медленно)*. Я думаю... а впрочем, не знаю... может быть, это доказывает только то, что ни того, ни другого не любишь.

Ш п и г е л ь с к и й *(нюхая табак и посматривая то на Наталью Петровну, то на Ракитина)*. Вот как-с, вот как-с...

Н а т а л ь я П е т р о в н а *(с живостью Шпигельскому)*. Ваш рассказ очень хорош, но вы всё-таки меня не рассмешили.

Ш п и г е л ь с к и й. Да, барыня вы моя, кто вас рассмешит теперь, помилуйте? Вам теперь не того нужно.

Наталья Петровна. Чего же мне нужно?

Шпигельский (*с притворно-смиренным видом*). А господь ведает!

Наталья Петровна. Ах, какой вы скучный, не лучше Ракитина.

Шпигельский. Много чести, помилуйте... (*Наталья Петровна делает нетерпеливое движение.*)

Анна Семеновна (*поднимаясь с места.*) Ну, наконец... (*Вздыхает.*) Ноги себе отсидела совсем. (*Лизавета Богдановна и Шааф тоже встают.*) О-ох.

Наталья Петровна (*встает и идет к ним*). Охота же вам так долго сидеть... (*Шпигельский и Ракитин встают.*)

Анна Семеновна (*Шаафу*). За тобою семь гривен, батюшка. (*Шааф сухо кланяется.*) Не всё тебе нас наказывать. (*Наталье Петровне.*) Ты сегодня как будто бледна, Наташа. Здорова ты?.. Шпигельский, здорова она?

Шпигельский (*который о чем-то перешёптывался с Ракитиным*). О, совершенно!

Анна Семеновна. То-то же... А я пойду немножко отдохнуть перед обедом... Устала смерть. Лиза, пойдем... ох, ноги, ноги... (*Идет с Лизаветой Богдановной в залу. Наталья Петровна провожает ее до дверей. Шпигельский, Ракитин и Шааф остаются на авансцене.*)

Шпигельский (*Шаафу, подавая ему табакерку*). Ну, Адам Иваныч, ви бефинден зи зих? [1]

Шааф (*нюхая с важностью*). Карашо. А фи как?

Шпигельский. Покорно благодарю, помаленьку. (*Ракитину вполголоса.*) Так вы точно не знаете, что с Натальей Петровной сегодня?

Ракитин. Право, не знаю.

Шпигельский. Ну, коли *вы* не знаете... (*Оборачивается и идет навстречу Наталье Петровне, которая возвращается от двери.*) А у меня есть до вас дельце, Наталья Петровна.

Наталья Петровна (*идя к окну*). Неужели? какое?

---

[1] как поживаете? (*Нем.*)

Шпигельский. Мне нужно с вами поговорить наедине...

Наталья Петровна. Вот как... вы меня пугаете.

(Ракитин между тем взял Шаафа под руку, ходит с ним взад и вперед и шепчет ему что-то по-немецки. Шааф смеется и говорит вполголоса: «Ja, ja, ja, jawohl, jawohl, sehr gut»[1].

Шпигельский *(понизив голос)*. Это дело собственно не до вас одних касается...

Наталья Петровна *(глядя в сад)*. Что вы хотите сказать?

Шпигельский. Вот в чем дело-с. Один хороший знакомый меня просил узнать... то есть... ваши намерения насчет вашей воспитанницы... Веры Александровны.

Наталья Петровна. Мои намерения?

Шпигельский. То есть... говоря без обиняков, мой знакомый...

Наталья Петровна. Уж не сватается ли за нее?

Шпигельский. Точно так-с.

Наталья Петровна. Вы шутите?

Шпигельский. Никак нет-с.

Наталья Петровна *(смеясь)*. Да помилуйте, она еще ребенок; какое странное поручение!

Шпигельский. Чем же странное, Наталья Петровна? мой знакомый...

Наталья Петровна. Вы большой делец, Шпигельский... А кто такой ваш знакомый?

Шпигельский *(улыбаясь)*. Позвольте, позвольте. Вы мне еще ничего не сказали положительного насчет...

Наталья Петровна. Полноте, доктор. Вера еще дитя. Вы сами это знаете, господин дипломат. *(Оборачиваясь.)* Да вот, кстати, и она. *(Из залы вбегают Вера и Коля.)*

Коля *(бежит к Ракитину)*. Ракитин, вели нам клею дать, клею...

Наталья Петровна *(к Вере)*. Откуда вы? *(Гладит ее по щеке.)* Как ты раскраснелась...

---

[1] «Да, да, да, конечно, конечно, очень хорошо» *(нем.)*.

Вера. Из саду... *(Шпигельский ей кланяется.)* Здравствуйте, Игнатий Ильич.

Ракитин *(Коле)*. На что тебе клею?

Коля. Нужно, нужно... Алексей Николаич нам змея делает... Прикажи...

Ракитин *(хочет позвонить)*. Постой, сейчас...

Шааф. Erlauben Sie...[1] Каспадин Колия сифодне сфой лекцион не брочидал... *(Берет Колю за руку.)* Kommen Sie [2].

Коля *(печально)*. Morgen, Herr Schaaf, morgen...[3]

Шааф *(резко)*. Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faulen Leute... Kommen Sie...[4] *(Коля упирается.)*

Наталья Петровна *(Вере)*. С кем это ты так долго гуляла? Я тебя не видала с утра.

Вера. С Алексеем Николаичем... с Колей...

Наталья Петровна. А! *(Оборачиваясь.)* Коля, что это значит?

Коля *(понизив голос)*. Господин Шааф... Мамаша...

Ракитин *(Наталье Петровне)*. Они там змея делают, а здесь вот ему урок хотят задать.

Шааф *(с чувством достоинства)*. Gnädige Frau...[5]

Наталья Петровна *(строго Коле)*. Извольте слушаться, довольно вы сегодня бегали... Ступайте с господином Шааф.

Шааф *(уводя Колю в залу)*. Es ist unerhört! [6]

Коля *(уходя, шёпотом Ракитину)*. А ты всё-таки клей прикажи... *(Ракитин кивает.)*

Шааф *(дергая Колю)*. Kommen Sie, mein Herr...[7] *(Уходит с ним в залу. Ракитин уходит вслед за ними.)*

Наталья Петровна *(Вере)*. Сядь... ты, должно быть, устала... *(Садится сама.)*

Вера *(садясь)*. Никак нет-с.

---

[1] Позвольте... *(Нем.)*

[2] Идемте *(нем.)*.

[3] Завтра, господин Шааф, завтра... *(Нем.)*

[4] Завтра, завтра, не сегодня, так лентяйцы говорят... Идемте... *(Нем.)*

[5] Сударыня... *(Нем.)*

[6] Это неслыханно! *(Нем.)*

[7] Идемте, сударь... *(Нем.)*

Н а т а л ь я П е т р о в н а *(с улыбкой Шпигельскому)*. Шпигельский, посмотрите на нее, ведь она устала?

Ш п и г е л ь с к и й. Да ведь это Вере Александровне здорово.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Я не говорю... *(Вере.)* Ну, что вы в саду делали?

В е р а. Играли-с; бегали-с. Сперва мы смотрели, как плотину копают, а потом Алексей Николаич за белкой на дерево полез, высоко-высоко, и начал верхушку качать... Нам всем даже страшно стало... Белка, наконец, упала, и Трезор чуть-чуть ее не поймал... Однако она ушла.

Н а т а л ь я П е т р о в н а *(с улыбкой взглянув на Шпигельского)*. А потом?

В е р а. А потом Алексей Николаич Коле лук сделал... да так скоро... а потом он к нашей корове на лугу подкрался и вдруг ей на спину вскочил... корова испугалась и побежала, забрыкала... а он смеется *(смеется сама)*, а потом Алексей Николаич хотел нам змея сделать, вот мы и пришли сюда.

Н а т а л ь я П е т р о в н а *(треплет ее по щеке)*. Дитя, дитя, совершенное ты дитя... а? как вы думаете, Шпигельский?

Ш п и г е л ь с к и й *(медленно и глядя на Наталью Петровну)*. Я с вами согласен.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. То-то же.

Ш п и г е л ь с к и й. Да ведь это ничему не мешает... Напротив...

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Вы думаете? *(Вере.)* Ну, и очень вы веселились?

В е р а. Да-с... Алексей Николаич такой забавный.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Вот как. *(Помолчав немного.)* Верочка, а сколько тебе лет? *(Вера с некоторым изумлением глядит на нее.)* Дитя... дитя... *(Ракитин входит из залы.)*

Ш п и г е л ь с к и й *(хлопотливо)*. Ах, я и забыл... у вас кучер болен... а я его еще не видал...

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Что у него?

Ш п и г е л ь с к и й. Горячка; впрочем, опасности нет никакой.

Н а т а л ь я П е т р о в н а *(ему вслед)*. Вы у нас обедаете, доктор?

Ш п и г е л ь с к и й. Если позволите. *(Уходит в залу.)*

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Mon enfant, vous feriez bien de mettre une autre robe pour le dîner...[1] *(Вера встает.)* Подойди ко мне... *(Целует ее в лоб.)* Дитя, дитя. *(Вера целует у ней руку и идет в кабинет.)*

Р а к и т и н *(тихонько Вере, мигая глазом)*. А я Алексею Николаичу послал всё, что нужно.

В е р а *(вполголоса)*. Благодарствуйте, Михайло Александрыч. *(Уходит.)*

Р а к и т и н *(подходит к Наталье Петровне. Она ему протягивает руку. Он тотчас ее пожимает)*. Наконец мы одни... Наталья Петровна, скажите мне, что с вами?

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Ничего, Michel, ничего. И если что было, теперь всё прошло. Сядьте. *(Ракитин садится подле нее.)* С кем этого не случается? Ходят же по небу тучки. Что вы на меня так глядите?

Р а к и т и н. Я гляжу на вас... Я счастлив.

Н а т а л ь я П е т р о в н а *(улыбается ему в ответ)*. Откройте окно, Michel. Как хорошо в саду! *(Ракитин встает и открывает окно.)* Здравствуй, ветер. *(Смеется.)* Он словно ждал случая ворваться... *(Оглядываясь.)* Как он завладел всей комнатой... Теперь его не выгонишь...

Р а к и т и н. Вы сами теперь мягки и тихи, как вечер после грозы.

Н а т а л ь я П е т р о в н а *(задумчиво повторяя последние слова)*. После грозы... Да разве была гроза?

Р а к и т и н *(качая головой)*. Собиралась.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. В самом деле? *(Глядя на него, после небольшого молчания.)* А знаете ли что, Мишель, я не могу вообразить себе человека добрее вас. Право. *(Ракитин хочет ее остановить.)* Нет, не мешайте мне высказаться. Вы снисходительны, ласковы, постоянны. Вы не изменяетесь. Я вам многим обязана.

Р а к и т и н. Наталья Петровна, зачем вы мне это говорите именно теперь?

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Не знаю; мне весело, я отдыхаю; не запрещайте мне болтать...

---

[1] Дитя мое, вы бы надели другое платье к обеду... *(Франц.)*

Ракитин *(жмет ей руку)*. Вы добры, как ангел.

Наталья Петровна *(смеясь)*. Сегодня поутру вы бы этого не сказали... Но послушайте, Michel, вы меня знаете, вы должны меня извинить. Наши отношения так чисты, так искренни... и всё-таки не совсем естественны. — Мы с вами имеем право не только Аркадию, но всем прямо в глаза глядеть... Да; но... *(Задумывается.)* Вот оттого-то мне иногда и тяжело бывает, и неловко, я злюсь, я готова, как дитя, выместить свою досаду на другом, особенно на вас... Вас это предпочтение не сердит?

Ракитин *(с живостью)*. Напротив...

Наталья Петровна. Да, иногда весело помучить, кого любишь... кого любишь... Ведь я, как Татьяна, тоже могу сказать: «К чему лукавить?»

Ракитин. Наталья Петровна, вы...

Наталья Петровна *(перебивая его)*. Да... я вас люблю; но знаете ли что, Ракитин? Знаете ли, что́ мне иногда странным кажется: я вас люблю... и это чувство так ясно, так мирно... Оно меня не волнует... я им согрета, но... *(С живостью.)* Вы никогда не заставили меня плакать... а я бы, кажется, должна была... *(Перерываясь.)* Что это значит?

Ракитин *(несколько печально)*. Такой вопрос не требует ответа.

Наталья Петровна *(задумчиво)*. А ведь мы давно с вами знакомы.

Ракитин. Четыре года. Да, мы старые друзья.

Наталья Петровна. Друзья... Нет, вы мне более, чем друг...

Ракитин. Наталья Петровна, не касайтесь до этого вопроса... Я боюсь за мое счастье, как бы оно не исчезло у вас под руками.

Наталья Петровна. Нет... нет... нет. Всё дело в том, что вы слишком добры... Вы мне слишком потакаете... Вы меня избаловали... Вы слишком добры, слышите?

Ракитин *(с улыбкою)*. Слушаю-с.

Наталья Петровна *(глядя на него)*. Я не знаю, как вы... Я не желаю другого счастья... Многие могут мне позавидовать. *(Протягивает ему обе руки.)* Не правда ли?

Ракитин. Я в вашей власти... делайте из меня,

что хотите... *(В зале раздается голос Ислаева: «Так вы послали за ним?»).*

Наталья Петровна *(быстро приподнимаясь).* Он! Я не могу теперь его видеть... Прощайте! *(Уходит в кабинет.)*

Ракитин *(глядя ей вслед).* Что это такое? Начало конца или просто конец? *(Помолчав немного.)* Или начало? *(Входит Ислаев с озабоченным видом и снимает шляпу.)*

Ислаев. Здравствуй, Michel.

Ракитин. Мы уже виделись сегодня.

Ислаев. А! Извини... Я совершенно захлопотался. *(Ходит по комнате.)* — Странное дело! Русский мужик очень смышлен, очень понятлив, я уважаю русского мужика... а между тем иногда говоришь ему, говоришь, толкуешь, толкуешь... Ясно, кажется, а пользы никакой. У русского мужика нет этого... этого...

Ракитин. Да ты всё еще над плотиной хлопочешь?

Ислаев. Этого... так сказать... этой любви к работе нету... именно любви нет. Он тебе мненья твоего хорошо высказать не даст.— «Слушаю, батюшка...» А какое: слушаю — просто ничего не понял. Посмотри-ка на немца — то ли дело! Терпенья у русского нет.— Со всем тем, я его уважаю... А где Наташа? Не знаешь?

Ракитин. Она сейчас здесь была.

Ислаев. Да который час? Пора бы обедать. С утра на ногах — дела пропасть... А еще сегодня на постройке не был. Время так вот и уходит. Беда! — просто никуда не поспеваешь! *(Ракитин улыбается.)* Ты, я вижу, смеешься надо мной... Да что ж, брат, делать? Кому что. Я человек положительный, рожден быть хозяином — и больше ничем. Было время — я о другом мечтал; да осекся, брат! Пальцы себе обжег — во-как! — Что это Беляев не идет?

Ракитин. Кто такое Беляев?

Ислаев. А новый наш учитель, русский. Дичок еще порядочный; ну, да привыкнет. Малый неглупый. Я его попросил сегодня посмотреть, чтó постройка... *(Входит Беляев.)* А, да вот и он! Ну, что? Как там? Ничего не делают небось? А?

Беляев. Нет-с; работают.

Ислаев. Второй сруб кончили?

Беляев. Начали третий.

Ислаев. А насчет венцов — вы сказали?

Беляев. Сказал.

Ислаев. Ну — а они что?

Беляев. Они говорят, что иначе они и не делали никогда.

Ислаев. Гм. Ермил плотник там?

Беляев. Там.

Ислаев. А!.. Ну, благодарствуйте! *(Входит Наталья.)* А! Наташа! здравствуй!

Ракитин. Что ты это сегодня со всеми двадцать раз здороваешься?

Ислаев. Говорят тебе, захлопотался. Ах, кстати! Я тебе не показывал новую мою веялку? Пойдем, пожалуйста; это любопытно. Вообрази — ураган из нее, просто ураган. До обеда еще успеем... Хочешь?

Ракитин. Изволь.

Ислаев. А ты, Наташа, не идешь с нами?

Наталья Петровна. Будто я понимаю что в ваших веялках! — Ступайте вы одни — да смотрите, не замешкайтесь.

Ислаев *(уходя с Ракитиным)*. Мы сейчас... *(Беляев собирается за ними идти.)*

Наталья Петровна *(Беляеву)*. Куда же вы, Алексей Николаич?

Беляев. Я-с... я...

Наталья Петровна. Впрочем, если вы хотите гулять...

Беляев. Нет-с, я целое утро был на воздухе!

Наталья Петровна. А! ну в таком случае сядьте... Сядьте здесь. *(Указывая на стул.)* Мы с вами еще не поговорили как следует, Алексей Николаич. Мы еще не познакомились. *(Беляев кланяется и садится.)* А я желаю с вами познакомиться.

Беляев. Я-с... мне очень лестно.

Наталья Петровна *(с улыбкой)*. Вы меня теперь боитесь, я это вижу... но погодите, вы меня узнаете, вы перестанете меня бояться. Скажите... Скажите, сколько вам лет?

Беляев. Двадцать один год-с.

Наталья Петровна. Ваши родители живы?

Беляев. Мать моя умерла. Отец жив.

Наталья Петровна. И давно ваша матушка скончалась?

Беляев. Давно-с.

Наталья Петровна. Но вы ее помните?

Беляев. Как же... помню-с.

Наталья Петровна. А батюшка ваш в Москве живет?

Беляев. Никак нет-с, в деревне.

Наталья Петровна. А! что, у вас есть братья... сестры?

Беляев. Одна сестра.

Наталья Петровна. Вы ее очень любите?

Беляев. Люблю-с. Она гораздо моложе меня.

Наталья Петровна. А как ее зовут?

Беляев. Натальей.

Наталья Петровна *(с живостью)*. Натальей? Это странно. И меня также Натальей зовут... *(Останавливается.)* И вы очень ее любите?

Беляев. Да-с.

Наталья Петровна. Скажите, как вы находите моего Колю?

Беляев. Он очень милый мальчик.

Наталья Петровна. Не правда ли? И такой любящий! Он уже успел привязаться к вам.

Беляев. Я готов стараться... Я рад...

Наталья Петровна. Вот, видите ли, Алексей Николаич, конечно, я бы желала сделать из него дельного человека. Я не знаю, удастся ли это мне, но во всяком случае я хочу, чтобы он всегда с удовольствием вспоминал о времени своего детства. Пусть он растет себе на воле — это главное. Я сама была иначе воспитана, Алексей Николаич; мой отец был человек не злой, но раздражительный и строгий... все в доме, начиная с маменьки, его боялись. Мы с братом, бывало, всякий раз украдкой крестились, когда нас звали к нему. Иногда мой отец принимался меня ласкать, но даже в его объятиях я, помнится, вся замирала. Брат мой вырос, и вы, может быть, слыхали об его разрыве с отцом... Я никогда не забуду этого страшного дня... Я до самой кончины батюшки осталась покорною дочерью... он называл меня своим утешеньем, своей Антигоной... (он ослеп в последние годы своей жизни);

но самые его нежные ласки не могли изгладить во мне первые впечатления моей молодости... Я боялась его, слепого старика, и никогда в его присутствии не чувствовала себя свободной... Следы этой робости, этого долгого принужденья, может быть, до сих пор не исчезли совершенно... я знаю, я с первого взгляда кажусь... как это сказать?.. холодной, что ли... Но я замечаю, что я рассказываю вам о самой себе, вместо того чтобы говорить вам о Коле. Я только хотела сказать, что я по собственному опыту знаю, как хорошо ребенку расти на воле... Вот вас, я думаю, в детстве не стесняли, не правда ли?

Беляев. Как вам сказать-с... Меня, конечно, никто не стеснял... мной никто не занимался.

Наталья Петровна *(робко)*. А ваш батюшка разве...

Беляев. Ему было не до того-с. Он всё больше по соседям ездил... по делам-с... Или хотя и не по делам, а... Он через них, можно сказать, хлеб свой добывал. Через свои услуги.

Наталья Петровна. А! И так-таки никто не занимался вашим воспитанием?

Беляев. По правде сказать, никто. Впрочем, оно, должно быть, заметно. Я слишком хорошо чувствую свои недостатки.

Наталья Петровна. Может быть... но зато... *(Останавливается и продолжает с некоторым смущением.)* Ах, кстати, Алексей Николаич, это вы вчера в саду пели?

Беляев. Когда-с?

Наталья Петровна. Вечером, возле пруда, вы?

Беляев. Я-с. *(Поспешно.)* Я не думал... пруд отсюда так далеко... Я не думал, чтобы здесь можно было слышать...

Наталья Петровна. Да вы как будто извиняетесь? У вас очень приятный звонкий голос, и вы так хорошо поете. Вы учились музыке?

Беляев. Никак нет-с. Я понаслышке пою-с... одне простые песни.

Наталья Петровна. Вы их прекрасно поете... Я вас когда-нибудь попрошу... не теперь, а вот когда мы с вами больше познакомимся, когда мы сбли-

зимся с вами... ведь не правда ли, Алексей Николаич, мы с вами сблизимся? Я чувствую к вам доверие, моя болтовня вам это может доказать... *(Она протягивает ему руку для того, чтобы он ее пожал. Беляев нерешительно берет ее и после некоторого недоумения, не зная, что делать с этой рукой, целует ее. Наталья Петровна краснеет и отнимает у него руку. В это время входит из залы Шпигельский, останавливается и делает шаг назад. Наталья Петровна быстро встает, Беляев тоже.)*

Наталья Петровна *(с смущением)*. А, это вы, доктор... а мы вот здесь с Алексеем Николаичем... *(Останавливается.)*

Шпигельский *(громко и развязно)*. Вообразите себе, Наталья Петровна, какие дела у вас происходят. Вхожу я в людскую, спрашиваю больного кучера, глядь! а мой больной сидит за столом и в обе щеки уписывает блин с луком. Вот после этого и занимайся медициной, надейся на болезнь да на безобидные доходы!

Наталья Петровна *(принужденно улыбаясь)*. А! в самом деле... *(Беляев хочет уйти.)* Алексей Николаич, я забыла вам сказать...

Вера *(вбегая из залы)*. Алексей Николаич! Алексей Николаич! *(Она вдруг останавливается при виде Натальи Петровны.)*

Наталья Петровна *(с некоторым удивлением)*. Что такое? Что тебе надобно?

Вера *(краснея и потупя глаза, указывает на Беляева)*. Их зовут.

Наталья Петровна. Кто?

Вера. Коля... то есть Коля меня просил насчет змея...

Наталья Петровна. А! *(Вполголоса Вере.)* On n'entre pas comme cela dans une chambre... Cela ne convient pas. [1] *(Обращаясь к Шпигельскому.)* Да который час, доктор? У вас всегда верные часы... Пора обедать.

Шпигельский. А вот, позвольте. *(Вынимает часы из кармана.)* Теперь-с... теперь-с, доложу вам — пятого двадцать минут.

---

[1] Так не входят в комнату... Это неприлично. *(Франц.)*

Наталья Петровна. Вот видите. Пора! *(Подходит к зеркалу и поправляет себе волосы. Между тем Вера шепчет что-то Беляеву. Оба смеются. Наталья Петровна их видит в зеркале. Шпигельский сбоку поглядывает на нее.)*

Беляев *(смеясь, вполголоса)*. Неужели?

Вера *(кивая головой, тоже вполголоса)*. Да, да, так и упала.

Наталья Петровна *(с притворным равнодушием оборачиваясь к Вере)*. Что такое? кто упал?

Вера *(с смущением)*. Нет-с... там качели Алексей Николаич устроил, так нянюшка вот вздумала...

Наталья Петровна *(не дожидаясь конца ответа, к Шпигельскому)*. Ах, кстати, Шпигельский, подите-ка сюда... *(Отводит его в сторону и обращается опять к Вере.)* Она не ушиблась?

Вера. О нет-с!

Наталья Петровна. Да... а всё-таки, Алексей Николаич, это вы напрасно...

Матвей *(входит из залы и докладывает)*. Кушанье готово-с.

Наталья Петровна. А! Да где ж Аркадий Сергеич? Вот они опять опоздают с Михайлом Александровичем.

Матвей. Они уж в столовой-с.

Наталья Петровна. А маменька?

Матвей. В столовой и оне-с.

Наталья Петровна. А! ну, так пойдемте. *(Указывая на Беляева.)* Вера, allez en avant avec monsieur [1] *(Матвей выходит, за ним идут Беляев и Вера.)*

Шпигельский *(Наталье Петровне)*. Вы мне что-то хотели сказать?

Наталья Петровна. Ах, да! Точно... Вот видите ли... Мы еще с вами поговорим о... о вашем предложенье.

Шпигельский. Насчет... Веры Александровны?

Наталья Петровна. Да. Я подумаю... я подумаю.

(Оба уходят в залу.)

---

[1] идите вперед с месье *(франц.)*.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет сад. Направо и налево под деревьями скамейки; прямо малинник. Входят справа Катя и Матвей. У Кати в руках корзинка.

Матвей. Так как же, Катерина Васильевна? Извольте наконец объясниться, убедительно вас прошу.

Катя. Матвей Егорыч, я, право...

Матвей. Вам, Катерина Васильевна, слишком хорошо известно, как, то есть, я к вам расположен. Конечно, я старше вас летами; об этом, точно, спорить нельзя; но всё-таки я еще постою за себя, я еще в самом прыску-с. Нрава я тоже, как вы изволите знать, кроткого; кажется, чего еще?

Катя. Матвей Егорыч, поверьте, я очень чувствую, очень благодарна, Матвей Егорыч... Да вот... Подождать, я думаю, надо.

Матвей. Да чего же ждать, помилуйте, Катерина Васильевна? Прежде, позвольте вам заметить, вы этого не говорили-с. А что касается до уваженья, кажется, я могу за себя то есть поручиться. Такое уважение получать будете, Катерина Васильевна, какого лучше и требовать нельзя. Притом я человек непиющий, ну, и от господ тоже худого слова не слыхал.

Катя. Право, Матвей Егорыч, я не знаю, что мне вам сказать...

Матвей. Эх, Катерина Васильевна, это вы недавно что-то начали того-с...

Катя *(слегка покраснев)*. Как недавно? Отчего недавно?

Матвей. Да уж я не знаю-с... а только прежде вы... вы со мной прежде иначе изволили поступать.

Катя *(глянув в кулисы, торопливо)*. Берегитесь... Немец идет.

Матвей *(с досадой)*. А ну его, долгоносого журавля!.. А я с вами еще поговорю-с. *(Уходит направо.*

Катя тоже хочет идти в малинник. Входит слева Шааф, с удочкой на плече.)

Шааф *(вслед Кате).* Кута? Кута, Катерин?

Катя *(останавливаясь).* Нам малины велено набрать, Адам Иваныч.

Шааф. Малин?.. малин преятный фрукт. Фи любит малин?

Катя. Да, люблю.

Шааф. Хе, хе!.. И я... и я тоже. Я фзе люблю, что фи любит. *(Видя, что она хочет уйти.)* О, Катерин, ботождит немношко.

Катя. Да некогда-с... Ключница браниться будет.

Шааф. Э! ничефо. Фот и я иту... *(Указывая на уду.)* Как это скасать, рибить, фи понимайт, рибить, то изсь риб брать. Фи любит риб?

Катя. Да-с.

Шааф. Э, хе. хе, и я, и я. А знаете ли, чево я вам зкажу, Катерин... По-немецки есть безенка *(поет):* «Cathrinchen, Cathrinchen, wie lieb'ich dich so sehr!..» то исть по-русски: «О, Катринушка, Катринушка, фи карош, я тиебия люблю». *(Хочет обнять ее одной рукой.)*

Катя. Полноте, полноте, как вам не стыдно... Господа вон идут. *(Спасается в малинник.)*

Шааф *(принимая суровый вид, вполголоса).* Das ist dumm...[1]

(Входит справа Наталья Петровна, под руку с Ракитиным.)

Наталья Петровна *(Шаафу).* А! Адам Иваныч! вы идете рыбу удить?

Шааф. Дочно дак-с.

Наталья Петровна. А где Коля?

Шааф. З Лисафет Богданофне... урок на фортепиано...

Наталья Петровна. А! *(Оглядываясь.)* Вы здесь одни?

Шааф. Атин-с.

Наталья Петровна. Вы не видали Алексея Николаича?

Шааф. Никак нет.

[1] Это глупо... *(Нем.)*

Наталья Петровна *(помолчав)*. Мы с вами пойдем, Адам Иваныч, хотите? посмотрим, как-то вы рыбу ловите?

Шааф. Я одшень рад.

Ракитин *(вполголоса Наталье Петровне)*. Что за охота?

Наталья Петровна *(Ракитину)*. Пойдемте, пойдемте, beau ténébreux...[1] *(Все трое уходят направо.)*

Катя *(осторожно выставляя голову из малинника)*. Ушли... *(Выходит немного, останавливается и задумывается.)* Вишь, немец!.. *(Вздыхает и опять принимается рвать малину, напевая вполголоса.)*

Не огонь горит, не смола кипит,
А кипит-горит ретиво сердце...

А Матвей Егорыч-то прав! *(Продолжая напевать.)*

А кипит-горит ретиво сердце
Не по батюшке, не по матушке...

Крупная какая малина... *(Продолжая напевать.)*

Не по батюшке, не по матушке...

Экая жара! Даже душно. *(Продолжая напевать.)*

Не по батюшке, не по матушке...
А кипит-горит по ...

(Вдруг оглядывается; умолкает и до половины прячется за куст. Слева входят Беляев и Верочка; у Беляева в руках змей.)

Беляев *(проходя мимо малинника, Кате)*. Что ж ты перестала, Катя? *(Поет.)*

А кипит-горит по красной девице...

Катя *(краснея)*. У нас она не так поется.

Беляев. А как же? *(Катя смеется и не отвечает.)* Что это ты, малину набираешь? Дай-ка отведать.

Катя *(отдавая ему корзинку)*. Возьмите всё...

Беляев. Зачем всё... Вера Александровна. хотите? *(Вера берет из корзинки, и он берет.)* Ну, вот и довольно. *(Хочет отдать корзинку Кате.)*

Катя *(отталкивая его руку)*. Да возьмите всё, возьмите.

---

[1] демоническое существо *(франц.)*.

Б е л я е в. Нет, спасибо, Катя. *(Отдает ей корзинку.)* Спасибо. *(Вере.)* Вера Александровна, сядемте-ка на скамейку. Вот *(указывая на змея)* нужно ему хвост привязать. Вы мне поможете. *(Оба идут и садятся на скамейку. Беляев дает ей змея в руки.)* Вот так. Смотрите же держите прямо. *(Начинает привязывать хвост.)* Что же вы?

В е р а. Да эдак я вас не вижу.

Б е л я е в. Да на что ж вам меня видеть?

В е р а. То есть я хочу видеть, как вы привязываете хвост.

Б е л я е в. А! ну, постойте. *(Устраивает так змей, что ей можно его видеть.)* Катя, что ж ты не поешь? Пой. *(Спустя немного Катя начинает напевать вполголоса.)*

В е р а. Скажите, Алексей Николаич, вы в Москве тоже иногда пускали змея?

Б е л я е в. Не до змеев в Москве! Подержите-ка веревку... вот так. Вы думаете, нам в Москве другого нечего делать?

В е р а. Что ж вы делаете в Москве?

Б е л я е в. Как что? мы учимся, профессоров слушаем.

В е р а. Чему же вас учат?

Б е л я е в. Всему.

В е р а. Вы, должно быть, очень хорошо учитесь. Лучше всех других.

Б е л я е в. Нет, не очень хорошо. Какое лучше всех! Я ленив.

В е р а. Зачем же вы ленитесь?

Б е л я е в. А бог знает! Таким уж, видно, родился.

В е р а *(помолчав)*. Что, у вас есть друзья в Москве?

Б е л я е в. Как же. Эх, эта веревка не довольно крепка.

В е р а. И вы их любите?

Б е л я е в. Еще бы!.. Вы разве не любите ваших друзей?

В е р а. Друзей... У меня нет друзей.

Б е л я е в. То есть я хотел сказать, ваших приятельниц.

В е р а *(медленно)*. Да.

Б е л я е в. Ведь у вас есть приятельницы?..

В е р а. Да... только я не знаю, отчего... я с некото-

рых пор что-то мало об них думаю... даже Лизе Мóшниной не отвечала, а уж она как меня просила в своем письме.

Беляев. Как же это вы говорите, у вас нет друзей... а я-то что?

Вера *(с улыбкой)*. Ну, вы... Вы другое дело. *(Помолчав.)* Алексей Николаич!

Беляев. Что?

Вера. Вы пишете стихи?

Беляев. Нет. А что?

Вера. Так. *(Помолчав.)* У нас в пансионе одна барышня писала стихи.

Беляев *(затягивая зубами узел)*. Вот как! и хорошие?

Вера. Я не знаю. Она нам их читала, а мы плакали.

Беляев. Отчего же вы плакали?

Вера. От жалости. Так ее было жаль нам!

Беляев. Вы воспитывались в Москве?

Вера. В Москве, у госпожи Болюс. Наталья Петровна меня оттуда в прошлом году взяла.

Беляев. Вы любите Наталью Петровну?

Вера. Люблю; она такая добрая. Я ее очень люблю.

Беляев *(с усмешкой)*. И, чай, боитесь ее?

Вера *(тоже с усмешкой)*. Немножко.

Беляев *(помолчав)*. А кто вас в пансион поместил?

Вера. Натальи Петровны матушка покойница. Я у нее в доме выросла. Я сирота.

Беляев *(опустив руки)*. Вы сирота? И ни отца, ни матери вы не помните?

Вера. Нет.

Беляев. И у меня мать умерла. Мы оба с вами сироты. Что ж делать! Унывать нам всё-таки не следует.

Вера. Говорят, сироты меж собою скоро дружатся.

Беляев *(глядя ей в глаза)*. В самом деле? А вы как думаете?

Вера *(тоже глядя ему в глаза, с улыбкой)*. Я думаю, что скоро.

Беляев *(смеется и снова принимается за змей)*. Хотел бы я знать, сколько уж я времени в здешних местах?

Вера. Сегодня двадцать восьмой день.

Б е л я е в. Какая у вас память! Ну, вот и кончен змей. Посмотрите, каков хвост! Надо за Колей сходить.

К а т я *(подходя к ним с корзинкой)*. Хотите еще малины?

Б е л я е в. Нет, спасибо, Катя. *(Катя молча отходит.)*

В е р а. Коля с Лизаветой Богдановной.

Б е л я е в. И охота же в такую погоду ребенка в комнате держать!

В е р а. Лизавета Богдановна нам бы только мешала...

Б е л я е в. Да я не об ней говорю...

В е р а *(поспешно)*. Коля без нее не мог бы с нами пойти... Впрочем, она вчера об вас с большой похвалой отзывалась.

Б е л я е в. В самом деле?

В е р а. Вам она не нравится?

Б е л я е в. Ну ее! Пусть себе табак нюхает на здоровье!.. Зачем вы вздыхаете?

В е р а *(помолчав)*. Так. Как небо ясно!

Б е л я е в. Так вы от этого вздыхаете? *(Молчание.)* Вам, может быть, скучно?

В е р а. Мне скучно? Нет. Я иногда сама не знаю, о чем я вздыхаю... Мне вовсе не скучно. Напротив... *(Помолчав.)* Я не знаю... я, должно быть, не совсем здорова. Вчера я шла наверх за книжкой — и вдруг на лестнице, вообразите, вдруг села на ступеньку и заплакала... Бог знает отчего, и потом долго всё слезы навертывались... Что такое это значит? А между тем мне хорошо...

Б е л я е в. Это от роста. Вы растете. Это бывает. То-то у вас вчера вечером глаза как будто распухли.

В е р а. А вы заметили?

Б е л я е в. Как же.

В е р а. Вы всё замечаете.

Б е л я е в. Ну, нет... не всё.

В е р а *(задумчиво)*. Алексей Николаич...

Б е л я е в. Что?

В е р а *(помолчав)*. Что бишь я хотела спросить у вас? Я забыла, право, что я хотела спросить.

Б е л я е в. Вы так рассеянны?

В е р а. Нет... но... ах, да! Вот что я хотела спросить. Вы мне, кажется, сказывали — у вас есть сестра?

Б е л я е в. Есть.

В е р а. Скажите — похожа я на нее?

Б е л я е в. О нет. Вы гораздо лучше ее.

В е р а. Как это можно! Ваша сестра... я бы желала быть на ее месте.

Б е л я е в. Как? вы желали бы быть теперь в нашем домишке?

В е р а. Я не то хотела сказать... У вас разве домик маленький?

Б е л я е в. Очень маленький... Не то. что здесь.

В е р а. Да и на что так много комнат?

Б е л я е в. Как на что? вот вы со временем узнаете, на что нужны комнаты.

В е р а. Со временем... Когда?

Б е л я е в. Когда вы сами станете хозяйкой...

В е р а *(задумчиво)*. Вы думаете?

Б е л я е в. Вот вы увидите. *(Помолчав.)* Так что ж, сходить за Колей, Вера Александровна... а?

В е р а. Отчего вы меня не зовете Верочкой?

Б е л я е в. А вы меня разве можете называть Алексеем?..

В е р а. Отчего же... *(Вдруг вздрагивая.)* Ах!

Б е л я е в. Что такое?

В е р а *(вполголоса)*. Наталья Петровна сюда идет.

Б е л я е в *(тоже вполголоса)*. Где?

В е р а *(указывая головой)*. Вон — по дорожке, с Михайлом Александрычем.

Б е л я е в *(вставая)*. Пойдемте к Коле... Он, должно быть, уж кончил свой урок.

В е р а. Пойдемте... а то я боюсь, она меня бранить будет... *(Оба встают и быстро уходят налево. Катя опять прячется в малинник. Справа входят Наталья Петровна и Ракитин.)*

Н а т а л ь я П е т р о в н а *(останавливаясь)*. Это, кажется, господин Беляев уходит с Верочкой?

Р а к и т и н. Да, это они...

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Они как будто от нас убегают.

Р а к и т и н. Может быть.

Н а т а л ь я П е т р о в н а *(помолчав)*. Однако я не думаю, чтобы Верочке следовало... эдак, наедине с молодым человеком, в саду... Конечно, она дитя; но всё-таки это неприлично... Я ей скажу.

Ракитин. Сколько ей лет?

Наталья Петровна. Семнадцать! Ей уже семнадцать лет... А сегодня жарко. Я устала. Сядемте. *(Оба садятся на скамейку, на которой сидели Вера и Беляев.)* Шпигельский уехал?

Ракитин. Уехал.

Наталья Петровна. Напрасно вы его не удержали. Я не знаю, зачем этому человеку вздумалось сделаться уездным доктором... Он очень забавен. Он меня смешит.

Ракитин. А я так вообразил, что вы сегодня не в духе смеяться.

Наталья Петровна. Почему вы это думали?

Ракитин. Так!

Наталья Петровна. Потому что мне сегодня всё чувствительное не нравится? О да! предупреждаю вас, сегодня решительно ничего не в состоянии меня тронуть.— Но это не мешает мне смеяться, напротив. Притом мне нужно было с Шпигельским переговорить.

Ракитин. Можно узнать — о чем?

Наталья Петровна. Нет, нельзя. Вы и без того всё знаете, что́ я думаю, что́ я делаю... Это скучно.

Ракитин. Извините меня... Я не предполагал...

Наталья Петровна. Мне хочется хоть что-нибудь скрыть от вас.

Ракитин. Помилуйте! из ваших слов можно заключить, что мне всё известно...

Наталья Петровна *(перебивая его)*. А будто нет?

Ракитин. Вам угодно смеяться надо мной.

Наталья Петровна. Так вам точно не всё известно, что во мне происходит? В таком случае я вас не поздравляю. Как? человек наблюдает за мной с утра до вечера...

Ракитин. Что это, упрек?

Наталья Петровна. Упрек? *(Помолчав.)* Нет, я теперь точно вижу: вы не проницательны.

Ракитин. Может быть... но так как я наблюдаю за вами с утра до вечера, то позвольте мне сообщить вам одно замечание...

Наталья Петровна. На мой счет? Сделайте одолжение.

Ракитин. Вы на меня не рассердитесь?

Наталья Петровна. Ах, нет! Я бы хотела, да нет.

Ракитин. Вы с некоторых пор, Наталья Петровна, находитесь в каком-то постоянно раздраженном состоянии, и это раздраженье в вас невольное, внутреннее: вы словно боретесь сами с собою, словно недоумеваете. Перед моей поездкой к Криницыным я этого не замечал; это в вас недавно. *(Наталья Петровна чертит зонтиком перед собой.)* Вы иногда так глубоко вздыхаете... вот как усталый, очень усталый человек вздыхает, которому никак не удается отдохнуть.

Наталья Петровна. Что ж вы из этого заключаете, господин наблюдатель?

Ракитин. Я? Ничего... Но меня это беспокоит.

Наталья Петровна. Покорно благодарю за участие.

Ракитин. И притом...

Наталья Петровна *(с некоторым нетерпением)*. Пожалуйста, переменимте разговор. *(Молчание.)*

Ракитин. Вы никуда не намерены выехать сегодня?

Наталья Петровна. Нет.

Ракитин. Отчего же? Погода хорошая.

Наталья Петровна. Лень. *(Молчание.)* Скажите мне... ведь вы знаете Большинцова?

Ракитин. Нашего соседа, Афанасья Иваныча?

Наталья Петровна. Да.

Ракитин. Что за вопрос? Не далее как третьего дня мы с ним у вас играли в преферанс.

Наталья Петровна. Что он за человек, желаю я знать.

Ракитин. Большинцов?

Наталья Петровна. Да, да, Большинцов.

Ракитин. Вот уж этого я, признаться, никак не ожидал!

Наталья Петровна *(с нетерпением)*. Чего вы не ожидали?

Ракитин. Чтобы вы когда-нибудь стали спрашивать о Большинцове! Глупый, толстый, тяжелый человек — а впрочем, дурного ничего об нем сказать нельзя.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Он совсем не так глуп и не так тяжел, как вы думаете.

Р а к и т и н. Может быть. Я, признаюсь, не слишком внимательно изучал этого господина.

Н а т а л ь я П е т р о в н а *(иронически)*. Вы за ним не наблюдали?

Р а к и т и н *(принужденно улыбается)*. И с чего вам вздумалось...

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Так! *(Опять молчание.)*

Р а к и т и н. Посмотрите, Наталья Петровна, как хорош этот темно-зеленый дуб на темно-синем небе. Он весь затоплен лучами солнца, и что за могучие краски... Сколько в нем несокрушимой жизни и силы, особенно когда вы его сравните с той молоденькой березой... Она словно вся готова исчезнуть в сиянии; ее мелкие листочки блестят каким-то жидким блеском, как будто тают, а между тем и она хороша...

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Знаете ли что, Ракитин? Я уже давно это заметила... Вы очень тонко чувствуете так называемые красоты природы и очень изящно, очень умно говорите об них... так изящно, так умно, что, я воображаю, природа должна быть вам несказанно благодарна за ваши изысканно-счастливые выражения; вы волочитесь за ней, как раздушенный маркиз на красных каблучках за хорошенькой крестьянкой... Только вот в чем беда: мне иногда кажется, что она никак бы не могла понять, оценить ваших тонких замечаний, точно так же, как крестьянка не поняла бы придворных учтивостей маркиза; природа гораздо проще, даже грубее, чем вы предполагаете, потому что она, слава богу, здорова... Березы не тают и не падают в обморок, как нервические дамы.

Р а к и т и н. Quelle tirade! [1] Природа здорова... то есть, другими словами, я болезненное существо.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Не вы одни болезненное существо, оба мы с вами не слишком здоровы.

Р а к и т и н. О, мне известен также этот способ говорить другому самым безобидным образом самые неприятные вещи... Вместо того чтобы сказать ему, например, прямо в лицо: ты, братец, глуп, стóит только

[1] Какая тирада! *(Франц.)*

заметить ему с добродушной улыбкой: мы ведь, дескать, оба с вами глупы.

Наталья Петровна. Вы обижаетесь? Полноте, что за вздор! Я только хотела сказать, что мы оба с вами... слово: болезненный — вам не нравится... что мы оба стары, очень стары.

Ракитин. Почему же стары? Я про себя этого не думаю.

Наталья Петровна. Ну, однако, послушайте; вот мы с вами теперь сидим здесь... может быть, на этой же самой скамейке за четверть часа до нас сидели... два точно молодые существа.

Ракитин. Беляев и Верочка? Конечно, они моложе нас... между нами несколько лет разницы, вот и всё... Но мы от этого еще не старики.

Наталья Петровна. Между нами разница не в одних летах.

Ракитин. А! я понимаю... Вы завидуете их... naïveté [1], их свежести, невинности... словом, их глупости...

Наталья Петровна. Вы думаете? А! вы думаете, что они глупы? у вас, я вижу, все глупы сегодня. Нет, вы меня не понимаете. Да и притом... глупы! Что за беда! Что хорошего в уме, когда он не забавляет?... Ничего нет утомительнее невеселого ума.

Ракитин. Гм. Отчего вы не хотите говорить прямо, без обиняков? я вас не забавляю — вот что вы хотите сказать... К чему вы ум вообще за меня грешного заставляете страдать?

Наталья Петровна. Это вы всё не то... *(Катя выходит из малинника.)* Что это, ты малины набрала, Катя?

Катя. Точно так-с.

Наталья Петровна. Покажи-ка... *(Катя подходит к ней.)* Славная малина! Какая алая... а твои щеки еще алей. *(Катя улыбается и потупляет глаза.)* Ну, ступай. *(Катя уходит.)*

Ракитин. Вот еще молодое существо в вашем вкусе.

Наталья Петровна. Конечно. *(Встает.)*

---

[1] простодушию *(франц.)*.

Ракитин. Куда вы?

Наталья Петровна. Во-первых, я хочу посмотреть, что делает Верочка... Пора ей домой... а во-вторых, признаюсь, наш разговор что-то мне не нравится. Лучше на некоторое время прекратить наши рассуждения о природе и молодости.

Ракитин. Вам, может быть, угодно гулять одной?

Наталья Петровна. По правде сказать, да. Мы увидимся скоро... Впрочем, мы расстаемся друзьями? *(Протягивает ему руку.)*

Ракитин *(вставая)*. Еще бы! *(Жмет ей руку.)*

Наталья Петровна. До свиданья. *(Она раскрывает зонтик и уходит налево.)*

Ракитин *(ходит некоторое время взад и вперед)*. Что с ней? *(Помолчав.)* Так! каприз. Каприз? Прежде я этого в ней не замечал. Напротив, я не знаю женщины, более ровной в обхожденье. Какая причина?.. *(Ходит опять и вдруг останавливается.)* Ах, как смешны люди, у которых одна мысль в голове, одна цель, одно занятие в жизни... Вот как я, например. Она правду сказала: с утра до вечера наблюдаешь мелочи и сам становишься мелким... Всё так; но без нее я жить не могу, в ее присутствии я более чем счастлив; этого чувства нельзя назвать счастьем, я весь принадлежу ей, расстаться с нею мне было бы, без всякого преувеличения, точно то же, что расстаться с жизнию. Что с ней? Что значит эта внутренняя тревога, эта невольная едкость речи? Не начинаю ли я надоедать ей? Гм. *(Садится.)* Я никогда себя не обманывал; я очень хорошо знаю, как она меня любит; но я надеялся, что это спокойное чувство со временем... Я надеялся! Разве я вправе, разве я смею надеяться? Признаюсь, мое положение довольно смешно... почти презрительно. *(Помолчав.)* Ну, к чему такие слова? Она честная женщина, а я не ловелас. *(С горькой усмешкой.)* К сожалению. *(Быстро поднимаясь.)* Ну, полно! Вон весь этот вздор из головы! *(Прохаживаясь.)* Какой сегодня прекрасный день! *(Помолчав.)* Как она ловко уязвила меня... Мои «изысканно-счастливые» выражения... Она очень умна, особенно когда не в духе. И что за внезапное поклонение простоте и невинности?.. Этот русский учитель... Она мне часто говорит о нем. Признаюсь, я в нем ничего особенного не вижу. Просто студент, как все студенты. Неужели она... Быть не мо-

жет! Она не в духе... сама не знает, чего ей хочется, и вот царапает меня. Бьют же дети свою няню... Какое лестное сравнение! Но не надобно мешать ей. Когда этот припадок тоскливого беспокойства пройдет, она сама первая будет смеяться над этим долговязым птенцом, над этим свежим юношей... Объяснение ваше недурно, Михайло Александрыч, друг мой, да верно ли оно? А господь ведает! Вот увидим. Уж не раз случалось вам, мой любезнейший, после долгой возни с самим собою, отказаться вдруг от всех предположений и соображений, сложить спокойно ручки и смиренно ждать, что-то будет. А пока, сознайтесь, вам самим порядочно неловко и горько... Таково уже ваше ремесло... *(Оглядывается.)* А! да вот и он сам, наш непосредственный юноша... Кстати пожаловал... Я с ним еще ни разу не поговорил как следует. Посмотрим, что за человек. *(Слева входит Беляев.)* А, Алексей Николаич! И вы вышли погулять на свежий воздух?

Беляев. Да-с.

Ракитин. То есть, признаться, воздух сегодня не совсем свеж; жара страшная, но здесь, под этими липами, в тени, довольно сносно. *(Помолчав.)* Видели вы Наталью Петровну?

Беляев. Я сейчас их встретил... Оне с Верой Александровной в дом пошли.

Ракитин. Да уж это не вас ли я с Верой Александровной здесь видел, с полчаса тому назад?

Беляев. Да-с... Я с ней гулял.

Ракитин. А! *(Берет его под руку.)* Ну, как вам нравится жизнь в деревне?

Беляев. Я люблю деревню. Одна беда: здесь охота плохая.

Ракитин. А вы охотник?

Беляев. Да-с... А вы?

Ракитин. Я? нет; я, признаться, плохой стрелок. Я слишком ленив.

Беляев. Да и я ленив... только не ходить.

Ракитин. А! Что ж вы — читать ленивы?

Беляев. Нет, я люблю читать. Мне лень долго работать; особенно одним и тем же предметом заниматься мне лень.

Ракитин *(улыбаясь)*. Ну, а, например, с дамами разговаривать?

Беляев. Э! да вы надо мной смеетесь... Дам я больше боюсь.

Ракитин *(с некоторым смущением)*. С чего вы вздумали... с какой стати стану я над вами смеяться?

Беляев. Да так... что за беда! *(Помолчав.)* Скажите, где здесь можно достать пороху?

Ракитин. Да в городе, я думаю: он там продается под именем мака. Вам нужно хорошего?

Беляев. Нет; хоть винтовочного. Мне не стрелять, мне фейерверки делать.

Ракитин. А! вы умеете...

Беляев. Умею. Я уже выбрал место: за прудом. Я слышал, через неделю именины Натальи Петровны; так вот бы кстати.

Ракитин. Наталье Петровне будет очень приятно такое внимание с вашей стороны... Вы ей нравитесь, Алексей Николаич, скажу вам.

Беляев. Мне это очень лестно... Ах, кстати, Михайло Александрыч, вы, кажется, получаете журнал. Можете вы мне дать почитать?

Ракитин. Извольте, с удовольствием... Там есть хорошие стихи.

Беляев. Я до стихов не охотник.

Ракитин. Почему же?

Беляев. Да так. Смешные стихи мне кажутся натянутыми, да притом их немного; а чувствительные стихи... я не знаю... Не верится им что-то.

Ракитин. Вы предпочитаете повести?

Беляев. Да-с, хорошие повести я люблю... но критические статьи — вот те меня забирают.

Ракитин. А что?

Беляев. Теплый человек их пишет...

Ракитин. А сами вы — не занимаетесь литературой?

Беляев. О нет-с! Что за охота писать, коли таланту бог не дал. Только людей смешить. Да и притом вот что удивительно, вот что объясните мне, сделайте одолженье: иной и умный, кажется, человек, а как возьмется за перо — хоть святых вон неси. Нет, куда нам писать — дай бог понимать написанное!

Ракитин. Знаете ли что, Алексей Николаич? Не у многих молодых людей столько здравого смысла, сколько у вас.

Беляев. Покорно вас благодарю за комплимент. *(Помолчав.)* Я выбрал место для фейерверка за прудом, потому что я умею делать римские свечи, которые горят на воде...

Ракитин. Это, должно быть, очень красиво... Извините меня, Алексей Николаич, но позвольте вас спросить... Вы знаете по-французски?

Беляев. Нет. Я перевел роман Поль де Кока «Монфермельскую молочницу» — может быть, слыхали — за пятьдесят рублей ассигнациями; но я ни слова не знаю по-французски. Вообразите: «катр-вен-дис» я перевел: четыре двадцать-десять... Нужда, знаете ли, заставила. А жаль. Я бы желал по-французски знать. Да лень проклятая. Жорж Санда я бы желал по-французски прочесть. Да выговор... как с выговором прикажете сладить? ан, он, ен, ён... Беда!

Ракитин. Ну, этому горю еще можно помочь...

Беляев. Позвольте узнать, который час?

Ракитин *(смотрит на часы)*. Половина второго.

Беляев. Что это Лизавета Богдановна так долго Колю держит за фортепьянами... Ему, чай, смерть теперь хочется побегать.

Ракитин *(ласково)*. Да ведь надобно же и учиться, Алексей Николаич...

Беляев *(со вздохом)*. Не вам бы это говорить, Михайло Александрыч — не мне бы слушать... Конечно, не всем же быть такими шалопаями, как я.

Ракитин. Ну, полноте...

Беляев. Да уж про это я знаю...

Ракитин. А я, так напротив, тоже знаю, и наверное, что именно то, что вы в себе считаете недостатком, эта ваша непринужденность, ваша свобода — это именно и нравится.

Беляев. Кому, например?

Ракитин. Да хоть бы Наталье Петровне.

Беляев. Наталье Петровне? С ней-то я и не чувствую себя, как вы говорите, свободным.

Ракитин. А! В самом деле?

Беляев. Да и, наконец, помилуйте, Михайло Александрыч, разве воспитание не первая вещь в человеке? Вам легко говорить... Я, право, не понимаю вас...

(Вдруг останавливаясь.) Что это? Как будто коростель в саду крикнул? *(Хочет идти.)*

Ракитин. Может быть... но куда же вы?

Беляев. За ружьем... *(Идет в кулисы налево, навстречу ему выходит Наталья Петровна.)*

Наталья Петровна *(увидав его, вдруг улыбается)*. Куда вы, Алексей Николаич?

Беляев. Я-с...

Ракитин. За ружьем... Он коростеля в саду услыхал...

Наталья Петровна. Нет, не стреляйте, пожалуйста, в саду... Дайте этой бедной птице пожить... Притом вы бабушку испугать можете.

Беляев. Слушаю-с.

Наталья Петровна *(смеясь)*. Ах, Алексей Николаич, как вам не стыдно? «Слушаю-с» — что это за слово? Как можно... так говорить? Да постойте; мы вот с Михайлом Александрычем займемся вашим воспитаньем... Да, да... Мы уже с ним не раз говорили о вас... Против вас заговор, я вас предупреждаю. Ведь вы позволите мне заняться вашим воспитанием?

Беляев. Помилуйте... Я-с...

Наталья Петровна. Во-первых — не будьте застенчивы, это к вам вовсе не пристало. Да, мы займемся вами. *(Указывая на Ракитина.)* Ведь мы с ним старики — а вы молодой человек... Не правда ли? Посмотрите, как это всё хорошо пойдет. Вы будете заниматься Колей — а я... а мы вами.

Беляев. Я вам буду очень благодарен.

Наталья Петровна. То-то же. О чем вы тут разговаривали с Михайлой Александрычем?

Ракитин *(улыбаясь)*. Он мне рассказывал, каким образом он перевел французскую книгу — ни слова не знавши по-французски.

Наталья Петровна. А! Ну вот мы вас и по-французски выучим. Да кстати, что́ вы сделали с вашим змеем?

Беляев. Я его домой отнес. Мне показалось, что вам... неприятно было...

Наталья Петровна *(с некоторым смущением)*. Отчего ж вам это показалось? Оттого, что я Верочке... что я Верочку домой взяла? Нет, это... Нет, вы ошиблись. *(С живостью.)* Впрочем, знаете ли что?

Теперь Коля, должно быть, кончил свой урок. Пойдемте возьмемте его, Верочку, змея — хотите? И вместе все отправимся на луг. А?

Беляев. С удовольствием, Наталья Петровна.

Наталья Петровна. И прекрасно. Ну, пойдемте же, пойдемте. *(Протягивает ему руку.)* Да возьмите же мою руку, какой вы неловкий. Пойдемте... скорей. *(Оба быстро уходят налево.)*

Ракитин *(глядя им вслед)*. Что за живость... что за веселость... Я никогда у ней на лице такого выражения не видал. И какая внезапная перемена! *(Помолчав.)* Souvent femme varie... [1] Но я... я решительно ей сегодня не по нутру. Это ясно. *(Помолчав.)* Что ж! Увидим, что далее будет. *(Медленно.)* Неужели же... *(Махает рукой.)* Быть не может!.. Но эта улыбка, этот приветный, мягкий, светлый взгляд... Ах, не дай бог мне узнать терзания ревности, особенно бессмысленной ревности! *(Вдруг оглядываясь.)* Ба, ба, ба... какими судьбами? *(Слева входят Шпигельский и Большинцов. Ракитин идет им навстречу.)* Здравствуйте, господа... Я, признаться, Шпигельский, вас сегодня не ожидал... *(Жмет им руки.)*

Шпигельский. Да и я сам того-с... Я сам не воображал... Да вот заехал к нему *(указывая на Большинцова)*, а он уж в коляске сидит, сюда едет. Ну, я тотчас оглобли назад да вместе с ним и вернулся.

Ракитин. Что ж, добро пожаловать.

Большинцов. Я точно собирался...

Шпигельский *(заминая его речь)*. Нам люди сказали, что господа все в саду... По крайней мере, в гостиной никого не было...

Ракитин. Да вы разве не встретили Наталью Петровну?

Шпигельский. Когда?

Ракитин. Да вот сейчас.

Шпигельский. Нет. Мы не прямо из дому сюда пришли. Афанасию Иванычу хотелось посмотреть, есть ли в рощице грибы?

Большинцов *(с недоумением)*. Я...

Шпигельский. Ну, да мы знаем, что вы до подберезников большой охотник. Так Наталья Пет-

---

[1] Как изменчива женщина... *(Франц.)*

ровна домой пошла? Что ж? И мы можем вернуться.

Б о л ь ш и н ц о в. Конечно.

Р а к и т и н. Да она пошла домой для того, чтобы позвать всех гулять... Они, кажется, собираются пускать змея.

Ш п и г е л ь с к и й. А! И прекрасно. В такую погоду надобно гулять.

Р а к и т и н. Вы можете остаться здесь... Я пойду, скажу ей. что вы приехали.

Ш п и г е л ь с к и й. Для чего же вы будете беспокоиться... Помилуйте, Михайло Александрыч...

Р а к и т и н. Нет... мне и без того нужно...

Ш п и г е л ь с к и й. А! ну в таком случае мы вас не удерживаем... Без церемоний, вы знаете...

Р а к и т и н. До свиданья, господа. *(Уходит налево.)*

Ш п и г е л ь с к и й. До свидания. *(Большинцову.)* Ну-с, Афанасий Иваныч...

Б о л ь ш и н ц о в *(перебивая его)*. Что это вам. Игнатий Ильич, вздумалось насчет грыбов... Я удивляюсь; какие грыбы?

Ш п и г е л ь с к и й. А небось мне, по-вашему, следовало сказать, что, дескать, заробел мой Афанасий Иваныч, прямо не хотел пойти, попросился сторонкой?

Б о л ь ш и н ц о в. Оно так... да всё же грыбы... Я не знаю, я, может быть, ошибаюсь...

Ш п и г е л ь с к и й. Наверное ошибаетесь, друг мой. Вы вот лучше о чем подумайте. Вот мы с вами сюда приехали... сделано по-вашему. Смотрите же! не ударьте лицом в грязь.

Б о л ь ш и н ц о в. Да, Игнатий Ильич, ведь вы... Вы мне сказали, то есть... Я бы желал положительно узнать, какой ответ...

Ш п и г е л ь с к и й. Почтеннейший мой Афанасий Иваныч! От вашей деревни досюда считается пятнадцать верст с лишком; вы на каждой версте по крайней мере три раза предлагали мне тот же самый вопрос... Неужели же этого вам мало? Ну, слушайте же: только это я вас балую в последний раз. Вот что мне сказала Наталья Петровна: «Я...»

Б о л ь ш и н ц о в *(кивая головой)*. Да.

Ш п и г е л ь с к и й *(с досадой)*. Да... Ну, что

«да»? Ведь я еще вам ничего не сказал... «Я, говорит, мало знаю господина Большинцова, но он мне кажется хорошим человеком; с другой стороны, я нисколько не намерена принуждать Верочку; и потому пусть он ездит к нам, и, если он заслужит...»

Б о л ь ш и н ц о в. Заслужит? Она сказала: заслужит?

Ш п и г е л ь с к и й. «Если он заслужит ее расположение, мы с Анной Семеновной не будем препятствовать...»

Б о л ь ш и н ц о в. «Не будем препятствовать»? Так-таки и сказала? Не будем препятствовать?

Ш п и г е л ь с к и й. Ну да, да, да. Какой вы странный человек! «Не будем препятствовать их счастью».

Б о л ь ш и н ц о в. Гм.

Ш п и г е л ь с к и й. «Их счастью». Да; но, заметьте, Афанасий Иваныч, в чем теперь задача состоит... Вам теперь нужно убедить самое Веру Александровну в том, что для нее брак с вами, точно, счастье; вам нужно заслужить ее расположение.

Б о л ь ш и н ц о в *(моргая)*. Да, да, заслужить... точно; я с вами согласен.

Ш п и г е л ь с к и й. Вы непременно хотели, чтобы я вас сегодня же сюда привез... Ну, посмотрим, как вы будете действовать.

Б о л ь ш и н ц о в. Действовать? да, да, нужно действовать, нужно заслужить, точно. Только вот что, Игнатий Ильич... Позвольте мне признаться вам, как лучшему моему другу, в одной моей слабости: я вот, вы изволите говорить, желал, чтобы вы сегодня привезли меня сюда...

Ш п и г е л ь с к и й. Не желали, а требовали, неотступно требовали.

Б о л ь ш и н ц о в. Ну да, положим... я с вами согласен. Да вот, видите ли: дома... я точно... я дома на всё, кажется, был готов; а теперь вот робость одолевает.

Ш п и г е л ь с к и й. Да отчего ж вы робеете?

Б о л ь ш и н ц о в *(взглянув на него исподлобья)*. Рыск-с.

Ш п и г е л ь с к и й. Что-о?

Б о л ь ш и н ц о в. Рыск-с. Большой рыск-с. Я, Игнатий Ильич, должен вам признаться, как...

Шпигельский *(прерывая)*. Как лучшему вашему другу... знаем, знаем... Далее?

Большинцов. Точно так-с, я с вами согласен. Я должен вам признаться, Игнатий Ильич, что я... я вообще с дамами, с женским полом вообще, мало, так сказать, имел сношений; я, Игнатий Ильич, признаюсь вам откровенно, просто не могу придумать, о чем можно с особой женского пола поговорить — и притом наедине... особенно с девицей.

Шпигельский. Вы меня удивляете. Я так не знаю, о чем нельзя с особой женского пола говорить, особенно с девицей, и особенно наедине.

Большинцов. Ну, да вы... Помилуйте, где ж мне за вами? Вот по этому-то случаю я бы желал прибегнуть к вам, Игнатий Ильич. Говорят, в этих делах ли́ха беда начать, так нельзя ли того-с, мне для вступленья в разговор — словечко, что ли, сообщить какое-нибудь приятное, вроде, например, замечанья — а уж там я пойду. Уж там я как-нибудь сам.

Шпигельский. Словечка я вам никакого не сообщу, Афанасий Иваныч, потому что вам никакое словечко ни к чему не послужит... а совет я вам дать могу, если хотите.

Большинцов. Да сделайте же одолженье, батюшка... А что касается до моей благодарности... Вы знаете...

Шпигельский. Полноте, полноте; что я, разве торгуюсь с вами?

Большинцов *(понизив голос)*. Насчет троечки будьте покойны.

Шпигельский. Да полноте же наконец! Вот видите ли, Афанасий Иваныч... Вы, бесспорно, прекрасный человек во всех отношениях... *(Большинцов слегка кланяется)* человек с отличными качествами...

Большинцов. О, помилуйте!

Шпигельский. Притом у вас, кажется, триста душ?

Большинцов. Триста двадцать-с.

Шпигельский. Не заложенных?

Большинцов. За мной копейки долгу не водится.

Шпигельский. Ну, вот видите. Я вам сказывал, что вы отличнейший человек и жених хоть куда.

Но вот вы сами говорите, что вы с дамами мало имели сношений...

Большинцов *(со вздохом)*. Точно так-с. Я, можно сказать, Игнатий Ильич, сызмала чуждался женского пола.

Шпигельский. Ну, вот видите. Это в муже не порок, напротив; но всё-таки в иных случаях, например при первом объяснении в любви, необходимо хоть что-нибудь уметь сказать... Не правда ли?

Большинцов. Я совершенно с вами согласен.

Шпигельский. А то ведь, пожалуй, Вера Александровна может подумать, что вы чувствуете себя нездоровыми — и больше ничего. Притом фигура ваша, хотя тоже во всех отношениях благовидная, не представляет ничего такого, что эдак в глаза, знаете ли, бросается в глаза; а нынче это требуется.

Большинцов *(со вздохом)*. Нынче это требуется.

Шпигельский. Девицам, по крайней мере, это нравится. Ну, да и лета ваши, наконец... словом, нам с вами любезностью брать не приходится. Стало быть, вам нечего думать о приятных словечках. Это опора плохая. Но у вас есть другая опора, гораздо более твердая и надежная, а именно ваши качества, почтеннейший Афанасий Иваныч, и ваши триста двадцать душ. Я на вашем месте просто сказал бы Вере Александровне...

Большинцов. Наедине?

Шпигельский. О, непременно наедине! «Вера Александровна!» *(По движениям губ Большинцова заметно, что он шёпотом повторяет каждое слово за Шпигельским.)* «Я вас люблю и прошу вашей руки. Я человек добрый, простой, смирный и не бедный: вы будете со мною совершенно свободны; я буду стараться всячески вам угождать. А вы извольте справиться обо мне, извольте обратить на меня немножко побольше внимания, чем до сих пор,— и дайте мне ответ, какой угодно и когда угодно. Я готов ждать, и даже за удовольствие почту».

Большинцов *(громко произнося последнее слово)*. Почту. Так, так, так... я с вами согласен. Только вот что, Игнатий Ильич; вы, кажется, изволили употребить слово: смирный... дескать, смирный я человек...

Шпигельский. А что ж, разве вы не смирный человек?

Большинцов. Та-ак-с... но всё-таки мне кажется... Будет ли оно прилично, Игнатий Ильич? Не лучше ли сказать, например...

Шпигельский. Например?

Большинцов. Например... например... *(Помолчав.)* Впрочем, можно, пожалуй, сказать и смирный.

Шпигельский. Эх, Афанасий Иваныч, послушайтесь вы меня; чем проще вы будете выражаться, чем меньше украшений вы подпустите в вашу речь, тем лучше дело пойдет, поверьте мне. А главное, не настаивайте, не настаивайте, Афанасий Иваныч. Вера Александровна еще очень молода; вы ее запугать можете... Дайте ей время хорошо обдумать ваше предложение. Да! еще одно... чуть было не забыл; вы ведь мне позволили вам советы давать... Вам иногда случается, любезный мой Афанасий Иваныч, говорить: крухт и фост... Оно, пожалуй, отчего же... можно... но, знаете ли: слова — фрукт и хвост как-то употребительнее; более, так сказать, в употребление вошли. А то еще, помнится, вы однажды при мне одного хлебосольного помещика назвали бонжибаном; дескать, «какой он бонжибан!» Слово тоже, конечно, хорошее, но, к сожалению, оно ничего не значит. Вы знаете, я сам не слишком горазд насчет французского диалекта, а настолько-то смыслю. Избегайте красноречья, и я вам ручаюсь за успех. *(Оглядываясь.)* Да вот они, кстати, все идут сюда. *(Большинцов хочет удалиться.)* Куда же вы? опять за грыбами? *(Большинцов улыбается, краснеет и остается.)* Главное дело не робеть!

Большинцов *(торопливо)*. А ведь Вере Александровне еще ничего неизвестно?

Шпигельский. Еще бы!

Большинцов. Впрочем, я на вас надеюсь... *(Сморкается. Слева входят: Наталья Петровна, Вера, Беляев с змеем, Коля, за ними Ракитин и Лизавета Богдановна. Наталья Петровна очень в духе.)*

Наталья Петровна *(Большинцову и Шпигельскому)*. А, здравствуйте, господа; здравствуйте, Шпигельский; я вас не ожидала сегодня, но я всегда вам рада. Здравствуйте, Афанасий Иваныч. *(Большинцов кланяется с некоторым замешательством.)*

Шпигельский (*Наталье Петровне, указывая на Большинцова*). Вот этот барин непременно желал привезти меня сюда...

Наталья Петровна (*смеясь*). Я ему очень обязана... Но разве вас нужно заставлять к нам ездить?

Шпигельский. Помилуйте! но... Я только сегодня поутру... отсюда... Помилуйте...

Наталья Петровна. А, запутался, запутался, господин дипломат!

Шпигельский. Мне, Наталья Петровна, очень приятно видеть вас в таком, сколько я могу заметить, веселом расположении духа.

Наталья Петровна. А! вы считаете нужным это заметить... Да разве со мною это так редко случается?

Шпигельский. О, помилуйте, нет... но...

Наталья Петровна. Monsieur le diplomate [1], вы более и более путаетесь.

Коля (*который всё время нетерпеливо вертелся около Беляева и Веры*). Да что ж, maman, когда же мы будем змея пускать?

Наталья Петровна. Когда хочешь... Алексей Николаич, и ты, Верочка, пойдемте на луг... (*Обращаясь к остальным.*) Вас, господа, я думаю, это не может слишком занять. Лизавета Богдановна, и вы, Ракитин, поручаю вам доброго нашего Афанасья Иваныча.

Ракитин. Да отчего, Наталья Петровна, вы думаете, что это нас не займет?

Наталья Петровна. Вы люди умные... Вам это должно казаться шалостью... Впрочем, как хотите. Мы не мешаем вам идти за нами... (*К Беляеву и Верочке.*) Пойдемте. (*Наталья, Вера, Беляев и Коля уходят направо.*)

Шпигельский (*посмотрев с некоторым удивлением на Ракитина, Большинцову*). Добрый наш Афанасий Иваныч, дайте же руку Лизавете Богдановне.

Большинцов (*торопливо*). Я с большим удовольствием... (*Берет Лизавету Богдановну под руку.*)

Шпигельский (*Ракитину*). А мы пойдем с вами, если позволите, Михайло Александрыч. (*Берет его под руку.*) Вишь, как они бегут по аллее. Пойдемте,

---

[1] Господин дипломат (*франц.*).

посмотримте, как они будут змей пускать, хотя мы и умные люди... Афанасий Иваныч, не угодно ли вперед идти?

Большинцов *(на ходу Лизавете Богдановне)*. Сегодня, погода, очень, можно сказать, приятная-с.

Лизавета Богдановна *(жеманясь)*. Ах, очень!

Шпигельский *(Ракитину)*. А мне с вами, Михайло Александрыч, нужно переговорить... *(Ракитин вдруг смеется.)* О чем вы?

Ракитин. Так... ничего... Мне смешно, что мы в ариергард попали.

Шпигельский. Авангарду, вы знаете, очень легко сделаться ариергардом... Всё дело в перемене дирекции. *(Все уходят направо.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же декорация, как в первом действии. Из дверей в залу входят Ракитин и Шпигельский.

Шпигельский. Так как же, Михайло Александрыч, помогите мне, сделайте одолжение.

Ракитин. Да чем могу я вам помочь, Игнатий Ильич?

Шпигельский. Как чем? помилуйте. Вы, Михайло Александрыч, войдите в мое положение. Собственно я в этом деле сторона, конечно; я, можно сказать, действовал больше из желания угодить... Уж погубит меня мое доброе сердце!

Ракитин *(смеясь)*. Ну, до погибели вам еще далеко.

Шпигельский *(тоже смеясь)*. Это еще неизвестно, а только мое положение действительно неловко. Я Большинцова по желанью Натальи Петровны сюда привез, и ответ ему сообщил с ее же позволенья, а теперь с одной стороны на меня дуются, словно я глупость сделал, а с другой Большинцов не дает мне покоя. Его избегают, со мной не говорят...

Ракитин. И охота же вам была, Игнатий Ильич, взяться за это дело. Ведь Большинцов, между нами, ведь он просто глуп.

Шпигельский. Вот тебе на: между нами! Экую новость вы изволили сказать! Да с каких пор одни умные люди женятся? Уж коли в чем другом, в женитьбе-то не следует дуракам хлеб отбивать. Вы говорите, я за это дело взялся... Вовсе нет. Вот как оно состоялось: приятель просит меня замолвить за него слово... Что ж? мне отказать ему было, что ли? Я человек добрый: отказывать не умею. Я исполняю поручение приятеля; мне отвечают: «Покорнейше благодарим; не извольте, то есть, более беспокоиться...» Я пони-

маю и более не беспокою. Потом вдруг сами мне предлагают и поощряют меня, так сказать... Я повинуюсь; на меня негодуют. Чем же я тут виноват?

Ракитин. Да кто вам говорит, что вы виноваты... Я удивляюсь только одному: из чего вы так хлопочете?

Шпигельский. Из чего... из чего... Человек мне покоя не дает.

Ракитин. Ну, полноте...

Шпигельский. Притом же он мой старинный приятель.

Ракитин *(с недоверчивой улыбкой)*. Да! ну, это другое дело.

Шпигельский *(тоже улыбаясь)*. Впрочем, я с вами хитрить не хочу... Вас не обманешь. Ну, да... он мне обещал... у меня пристяжная на ноги села, так вот он мне обещал...

Ракитин. Другую пристяжную?

Шпигельский. Нет, признаться, целую тройку.

Ракитин. Давно бы вы сказали!

Шпигельский *(живо)*. Но вы, пожалуйста, не подумайте... Я бы ни за что не согласился быть в таком деле посредником, это совершенно противно моей натуре *(Ракитин улыбается)*, если б я не знал Большинцова за честнейшего человека... Впрочем, я и теперь желаю только одного: пусть мне ответят решительно — да или нет?

Ракитин. Разве уж до того дело дошло?

Шпигельский. Да что вы воображаете?.. Не о женитьбе речь идет, а о позволении ездить, посещать...

Ракитин. Да кто ж это может запретить?

Шпигельский. Экие вы... запретить! Конечно, для всякого другого... но Большинцов человек робкий, невинная душа, прямо из златого века, Астреи, только что тряпки не сосет... Он на себя мало надеется, его нужно несколько поощрить. Притом его намеренья — самые благородные.

Ракитин. Да и лошади хороши.

Шпигельский. И лошади хороши. *(Нюхает табак и предлагает Ракитину табакерку.)* Вам не угодно?

Ракитин. Нет, благодарствуйте.

Шпигельский. Так так-то, Михайло Александрыч. Я вас, вы видите, не хочу обманывать. Да и к чему? Дело ясное, как на ладони. Человек честных правил, с состоянием, смирный... Годится — хорошо. Не годится — ну, так и сказать.

Ракитин. Всё это прекрасно, положим; да я-то тут что? Я, право, не вижу, в чем я могу.

Шпигельский. Эх, Михайло Александрыч! Разве мы не знаем, что Наталья Петровна вас очень уважает и даже иногда слушается вас... Право, Михайло Александрыч *(сбоку обнимая его)*, будьте друг, замолвите словечко...

Ракитин. И вы думаете, что хороший это муж для Верочки?

Шпигельский *(принимая серьезный вид)*. Я убежден в этом. Вы не верите... Вот вы увидите. Ведь в супружестве, вы сами знаете, главная вещь — солидный характер. А уж Большинцов на что солиднее! *(Оглядывается.)* А вот, кажется, и сама Наталья Петровна сюда идет... Батюшка, отец, благодетель! Две рыжих на пристяжке, гнедая в корню! Похлопочите!

Ракитин *(улыбаясь)*. Ну, хорошо, хорошо...

Шпигельский. Смотрите же, я полагаюсь на вас... *(Спасается в залу.)*

Ракитин *(глядя ему вслед)*. Экой проныра этот доктор! Верочка... и Большинцов! А, впрочем, что же? Бывают свадьбы и хуже. Исполню его комиссию, а там — не мое дело! *(Оборачивается; из кабинета выходит Наталья Петровна и, увидя его, останавливается.)*

Наталья Петровна *(нерешительно)*. Это... вы... я думала, что вы в саду...

Ракитин. Вам как будто неприятно...

Наталья Петровна *(перерывая его)*. О, полноте! *(Идет на авансцену.)* Вы здесь одни?

Ракитин. Шпигельский сейчас ушел отсюда.

Наталья Петровна *(слегка наморщив брови)*. А! этот уездный Талейран... Что он вам такое говорил? Он всё еще тут вертится?

Ракитин. Этот уездный Талейран, как вы его называете, сегодня у вас, видно, не в милости... а, кажется, вчера...

Наталья Петровна. Он смешон; он забавен,

точно; но... он не в свои дела мешается... Это неприятно. Притом он, при всем своем низкопоклонстве, очень дерзок и навязчив... Он большой циник.

Р а к и т и н *(подходя к ней)*. Вы вчера не так об нем отзывались...

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Может быть. *(Живо.)* Так что ж он вам такое говорил?

Р а к и т и н. Он мне говорил... о Большинцове.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. А! об этом глупом человеке?

Р а к и т и н. И об нем вы вчера иначе отзывались.

Н а т а л ь я П е т р о в н а *(принужденно улыбаясь)*. Вчера — не сегодня.

Р а к и т и н. Для всех... но, видно, не для меня.

Н а т а л ь я П е т р о в н а *(опустив глаза)*. Как так?

Р а к и т и н. Для меня сегодня то же, что вчера.

Н а т а л ь я П е т р о в н а *(протянув ему руку)*. Я понимаю ваш упрек, но вы ошибаетесь. Вчера я бы не созналась в том, что я виновата перед вами... *(Ракитин хочет остановить ее.)* Не возражайте мне... Я знаю, и вы знаете, что́ я хочу сказать... а сегодня я сознаюсь в этом. Я сегодня многое обдумала... Поверьте, Мишель, какие бы глупые мысли ни занимали меня, что́ бы я ни говорила, что́ бы я ни делала, я ни на кого так не полагаюсь, как на вас. *(Понизив голос.)* Я никого... так не люблю, как я вас люблю... *(Небольшое молчание.)* Вы мне не верите?

Р а к и т и н. Я верю вам... но вы сегодня как будто печальны... что с вами?

Н а т а л ь я П е т р о в н а *(не слушает его и продолжает)*. Только я убедилась в одном, Ракитин: ни в каком случае нельзя за себя отвечать, и ни за что нельзя ручаться. Мы часто своего прошедшего не понимаем... где же нам отвечать за будущее! На будущее цепей не наложишь.

Р а к и т и н. Это правда.

Н а т а л ь я П е т р о в н а *(после долгого молчания)*. Послушайте, я хочу быть с вами откровенной, может быть, я немножко огорчу вас... но я знаю: вас бы еще более огорчила моя скрытность. Признаюсь вам, Мишель, этот молодой студент... этот Беляев произвел на меня довольно сильное впечатление...

Ракитин *(вполголоса).* Я это знал.

Наталья Петровна. А! вы это заметили? Давно ли?

Ракитин. Со вчерашнего дня.

Наталья Петровна. А!

Ракитин. Уже третьего дня, помните, я говорил вам о перемене, происшедшей в вас... Я тогда еще не знал, чему приписать ее. Но вчера, после нашего разговора... и на этом лугу... если б вы могли себя видеть! Я не узнавал вас; вы словно другою стали. Вы смеялись, вы прыгали, вы резвились, как девочка, ваши глаза блестели, ваши щеки разгорелись, и с каким доверчивым любопытством, с каким радостным вниманьем вы глядели на него, как вы улыбались. *(Взглянув на нее.)* Вот даже теперь ваше лицо оживляется от одного воспоминания... *(Отворачивается.)*

Наталья Петровна. Нет, Ракитин, ради бога, не отворачивайтесь от меня... Послушайте: к чему преувеличивать? Этот человек меня заразил своею молодостью — и только. Я сама никогда не была молода, Мишель, с самого моего детства и до сих пор... Вы ведь знаете всю мою жизнь... С непривычки мне всё это в голову бросилось, как вино, но, я знаю, это так же скоро пройдет, как оно пришло скоро... Об этом даже говорить не сто́ит. *(Помолчав.)* Только вы не отворачивайтесь от меня, не отнимайте у меня вашей руки... Помогите мне...

Ракитин *(вполголоса).* Помочь вам... жестокое слово! *(Громко.)* Вы сами не знаете, Наталья Петровна, что́ с вами происходит. Вы уверены, что об этом говорить не стоит, и просите помощи... Видно, вы чувствуете, что она вам нужна!

Наталья Петровна. То есть... да... Я обращаюсь к вам, как к другу.

Ракитин *(горько).* Да-с... Я, Наталья Петровна, готов оправдать вашу доверенность... но позвольте мне немного собраться с духом...

Наталья Петровна. Собраться с духом? Да разве вам грозит какая-нибудь... неприятность? Разве что изменилось?

Ракитин *(горько).* О нет! всё по-прежнему.

Наталья Петровна. Да что вы думаете, Мишель? Неужели вы можете предполагать...

Ракитин. Я ничего не предполагаю.

Наталья Петровна. Неужели ж вы до того меня презираете...

Ракитин. Перестаньте, ради бога. Поговоримте лучше о Большинцове. Доктор ожидает ответа насчет Верочки, вы знаете.

Наталья Петровна *(печально)*. Вы на меня сердитесь.

Ракитин. Я? О нет. Но мне жаль вас.

Наталья Петровна. Право, это даже досадно. Мишель, как вам не стыдно... *(Ракитин молчит. Она пожимает плечами и продолжает с досадой.)* Вы говорите, доктор ждет ответа? Да кто его просил вмешиваться...

Ракитин. Он уверял меня, что вы сами...

Наталья Петровна *(перебивая его)*. Может быть, может быть... Хотя я, кажется, ничего ему не сказала положительного... Притом я могу переменить свои намеренья. Да и наконец, боже мой, что за беда! Шпигельский занимается делами всякого рода, в его ремесле не всё же ему должно удаваться.

Ракитин. Он только желает знать, какой ответ...

Наталья Петровна. Какой ответ... *(Помолчав.)* Мишель, полноте, дайте мне руку... к чему этот равнодушный взгляд, эта холодная вежливость?.. Чем я виновата? Подумайте, разве это моя вина? Я пришла к вам в надежде услышать добрый совет, я ни одно мгновенье не колебалась, я не думала от вас скрываться, а вы... Я вижу, напрасно я была откровенна с вами... Вам бы и в голову не пришло... Вы ничего не подозревали, вы меня обманули. А теперь вы бог знает что думаете.

Ракитин. Я? помилуйте!

Наталья Петровна. Дайте же мне руку... *(Он не шевелится; она продолжает, несколько обиженная.)* Вы решительно отворачиваетесь от меня? Смотрите же, тем хуже для вас. Впрочем, я не пеняю на вас... *(Горько.)* Вы ревнуете!

Ракитин. Я не вправе ревновать, Наталья Петровна... Помилуйте, что вы?

Наталья Петровна *(помолчав)*. Как хотите. А что касается до Большинцова, я еще не поговорила с Верочкой.

Ракитин. Я могу вам ее сейчас послать.

Наталья Петровна. Зачем же сейчас!.. Впрочем, как хотите.

Ракитин *(направляясь к двери кабинета)*. Так прикажете прислать ее?

Наталья Петровна. Мишель, в последний раз... Вы мне сейчас говорили, что вам меня жаль... Так-то вам жаль меня! Неужели ж...

Ракитин *(холодно)*. Прикажете?

Наталья Петровна *(с досадой)*. Да. *(Ракитин идет в кабинет. Наталья Петровна некоторое время остается неподвижной, садится, берет со стола книгу, раскрывает ее и роняет на колена.)* И этот! Да что ж это такое? Он... и он! А я еще на него надеялась. А Аркадий? Боже мой! Я и не вспомнила о нем! *(Выпрямясь.)* Я вижу, пора прекратить всё это... *(Из кабинета входит Вера.)* Да... пора.

Вера *(робко)*. Вы меня спрашивали, Наталья Петровна?

Наталья Петровна *(быстро оглядываясь)*. А! Верочка! Да, я тебя спрашивала.

Вера *(подходя к ней)*. Вы здоровы?

Наталья Петровна. Я? Да. А что?

Вера. Мне показалось...

Наталья Петровна. Нет, это так. Мне немножко жарко... Вот и всё. Сядь. *(Вера садится.)* Послушай, Вера; ведь ты теперь ничем не занята?

Вера. Нет-с.

Наталья Петровна. Я спрашиваю это у тебя, потому что мне нужно с тобой поговорить... серьезно поговорить. Вот видишь, душа моя, ты до сих пор была еще ребенком; но тебе семнадцать лет; ты умна... Пора тебе подумать о своей будущности. Ты знаешь, я люблю тебя, как дочь; мой дом всегда будет твоим домом... но всё-таки ты в глазах других людей — сирота; ты не богата. Тебе со временем может наскучить вечно жить у чужих людей: послушай — хочешь ты быть хозяйкой, полной хозяйкой в своем доме?

Вера *(медленно)*. Я вас не понимаю, Наталья Петровна.

Наталья Петровна *(помолчав)*. У меня просят твоей руки. *(Вера с изумлением глядит на Наталью Петровну.)* Ты этого не ожидала; признаюсь,

мне самой оно кажется несколько странным. Ты еще так молода... Мне нечего тебе говорить, что я нисколько не намерена принуждать тебя... по-моему, тебе еще рано выходить замуж; я только сочла долгом сообщить тебе... *(Вера вдруг закрывает лицо руками.)* Вера... что это? ты плачешь? *(Берет ее за руку.)* Ты вся дрожишь?.. Неужели ты меня боишься, Вера?

Вера *(глухо)*. Я в вашей власти, Наталья Петровна...

Наталья Петровна *(отнимая Вере руки от лица)*. Вера, как тебе не стыдно плакать? Как не стыдно тебе говорить, что ты в моей власти? За кого ты меня почитаешь? я говорю с тобой, как с дочерью, а ты... *(Вера целует у ней руки.)* А? вы в моей власти? Так извольте же сейчас рассмеяться... Я вам приказываю... *(Вера улыбается сквозь слезы.)* Вот так. *(Наталья Петровна обнимает ее одной рукой и притягивает к себе.)* Вера, дитя мое, будь со мною, как бы ты была с твоей матерью, или нет, лучше вообрази, что я твоя старшая сестра, и давай потолкуем вдвоем обо всех этих чудесах... Хочешь?

Вера. Я готова-с.

Наталья Петровна. Ну, слушай же... Пододвинься поближе. Вот так. Во-первых: так как ты моя сестра, положим, то мне не для чего уверять тебя, что ты здесь у себя, дома: такие глазки везде дома. Стало быть, тебе и в голову не должно прийти, что ты кому-нибудь на свете в тягость и что от тебя хотят отделаться... Слышишь? Но вот в один прекрасный день твоя сестра приходит к тебе и говорит: вообрази себе, Вера, за тебя сватаются... А? что ты ей на это ответишь? Что ты еще очень молода, что ты и не думаешь о свадьбе?

Вера. Да-с.

Наталья Петровна. Да не говори мне: да-с. Разве сестрам говорят: да-с?

Вера *(улыбаясь)*. Ну... да.

Наталья Петровна. Твоя сестра с тобой согласится, жениху откажут, и делу конец. Но если жених человек хороший, с состояньем, если он готов ждать, если он просит только позволенья изредка тебя видеть, в надежде со временем тебе понравиться.

Вера. А кто этот жених?

Наталья Петровна. А! ты любопытна. Ты не догадываешься?

Вера. Нет.

Наталья Петровна. Ты его сегодня видела... *(Вера вся краснеет.)* Он, правда, не очень собой хорош и не очень молод... Большинцов.

Вера. Афанасий Иваныч?

Наталья Петровна. Да... Афанасий Иваныч.

Вера *(глядит некоторое время на Наталью, вдруг начинает смеяться и останавливается)*. Вы не шутите?

Наталья Петровна *(улыбаясь)*. Нет... но, я вижу, Большинцову больше нечего здесь делать. Если бы ты заплакала при его имени, он бы мог еще надеяться, но ты рассмеялась. Ему остается одно: отправиться с богом восвояси.

Вера. Извините меня... но, право, я никак не ожидала... Разве в его лета еще женятся?

Наталья Петровна. Да что ты думаешь? Сколько ему лет? Ему пятидесяти лет нету. Он в самой поре.

Вера. Может быть... но у него такое странное лицо...

Наталья Петровна. Ну, не станем больше говорить о нем. Он умер, похоронен... Бог с ним! Впрочем, оно понятно: девочке в твои лета такой человек, как Большинцов, не может понравиться... Вы все хотите выйти замуж по любви, не по рассудку, не правда ли?

Вера. Да, Наталья Петровна, вы... разве вы тоже не по любви вышли за Аркадия Сергеича?

Наталья Петровна *(помолчав)*. Конечно, по любви. *(Помолчав опять и стиснув руку Вере.)* Да, Вера... я тебя сейчас назвала девочкой... но девочки правы. *(Вера опускает глаза.)* Итак, это дело решенное. Большинцов в отставке. Признаться, мне самой было бы не совсем приятно видеть его пухлое, старое лицо рядом с твоим свежим личиком, хотя он, впрочем, очень хороший человек. Вот видишь ли ты теперь, как напрасно ты меня боялась? Как всё скоро уладилось!.. *(С упреком.)* Право, ты обошлась со мной, как будто я была твоя благодетельница! Ты знаешь, как я ненавижу это слово...

В е р а *(обнимая ее)*. Простите меня, Наталья Петровна.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. То-то же. Точно ты меня не боишься?

В е р а. Нет. Я вас люблю; я не боюсь вас.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Ну, благодарствуй. Стало быть, мы теперь большие приятельницы и ничего друг от друга не скроем. Ну, а если бы я тебя спросила: Верочка, скажи-ка мне на ухо: ты не хочешь выйти замуж за Большинцова только потому, что он гораздо старше тебя и собой не красавец?

В е р а. Да разве этого не довольно, Наталья Петровна?

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Я не спорю... но другой причины нет никакой?

В е р а. Я его совсем не знаю...

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Всё так; да ты на мой вопрос не отвечаешь.

В е р а. Другой причины нету.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. В самом деле? В таком случае я бы тебе советовала еще подумать. В Большинцова, я знаю, трудно влюбиться... но он, повторяю тебе, он хороший человек. Вот если бы ты кого-нибудь другого полюбила... ну, тогда другое дело. Но ведь твое сердце до сих пор еще молчит?

В е р а *(робко)*. Как-с?

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Ты никого еще не любишь?

В е р а. Я вас люблю... Колю; я Анну Семеновну тоже люблю.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Нет, я не об этой любви говорю, ты меня не понимаешь... Например — из числа молодых людей, которых ты могла видеть здесь или в гостях, неужели ж ни один тебе не нравится?

В е р а. Нет-с... иные мне нравятся, но...

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Например, я заметила, ты на вечере у Криницыных три раза танцевала с этим высоким офицером... как бишь его?

В е р а. С офицером?

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Да, у него еще такие большие усы.

В е р а. Ах, этот!.. Нет, он мне не нравится.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Ну, а Шаланский?

Вера. Шаланский хороший человек; но он... Я думаю, ему не до меня.

Наталья Петровна. А что?

Вера. Он... он, кажется, больше думает о Лизе Вельской.

Наталья Петровна (*взглянув на нее*). А!.. ты это заметила?.. (*Молчание.*) Ну, а Ракитин?

Вера. Я Михайла Александровича очень люблю...

Наталья Петровна. Да, как брата. А, кстати, Беляев?

Вера (*покраснев*). Алексей Николаич? Алексей Николаич мне нравится.

Наталья Петровна (*наблюдая за Верой*). Да, он хороший человек. Только он так со всеми дичится...

Вера (*невинно*). Нет-с... Он со мной не дичится.

Наталья Петровна. А!

Вера. Он со мной разговаривает-с. Вам, может быть, оттого это кажется, что он... Он вас боится. Он еще не успел вас узнать.

Наталья Петровна. А ты почему знаешь, что он меня боится?

Вера. Он мне сказывал.

Наталья Петровна. А! он тебе сказывал... Он, стало быть, откровеннее с тобой, чем с другими?

Вера. Я не знаю, как он с другими, но со мной... может быть, оттого, что мы оба сироты. Притом... я в его глазах... ребенок.

Наталья Петровна. Ты думаешь? Впрочем, он мне тоже очень нравится. У него, должно быть, очень доброе сердце.

Вера. Ах, предоброе-с! Если б вы знали... все в доме его любят. Он такой ласковый. Со всеми говорит, всем помочь готов. Он третьего дня нищую старуху с большой дороги на руках до больницы донес... Он мне цветок однажды с такого обрыва сорвал, что я от страху даже глаза закрыла; я так и думала, что он упадет и расшибется... но он так ловок! Вы сами, вчера на лугу, могли видеть, как он ловок.

Наталья Петровна. Да, это правда.

Вера. Помните, когда он бежал за змеем, через какой он ров перескочил? Да ему это всё нипочем.

Наталья Петровна. И в самом деле он для

тебя сорвал цветок с опасного места? — Он, видно, тебя любит.

Вера *(помолчав)*. И всегда он весел... всегда в духе...

Наталья Петровна. Это, однако же, странно. Отчего ж он при мне...

Вера *(перебивая ее)*. Да я ж вам говорю, что он вас не знает. Но постойте, я ему скажу... Я ему скажу, что вас нечего бояться — не правда ли? — что вы так добры...

Наталья Петровна *(принужденно смеясь)*. Спасибо.

Вера. Вот вы увидите... А он меня слушается, даром что я моложе его.

Наталья Петровна. Я не знала, что ты с ним в такой дружбе... Смотри, однако, Вера, будь осторожна. Он, конечно, прекрасный молодой человек... но ты знаешь, в твои лета... Оно не годится. Могут подумать... Я уже вчера тебе это заметила — помнишь? — в саду. *(Вера опускает глаза.)* С другой стороны, я не хочу тоже препятствовать твоим наклонностям, я слишком уверена в тебе и в нем... но всё-таки... Ты не сердись на меня, душа моя, за мой педантизм... это наше стариковское дело надоедать молодежи наставлениями. Впрочем, я всё это напрасно говорю; ведь, не правда ли, он тебе нравится — и больше ничего?

Вера *(робко поднимая глаза)*. Он...

Наталья Петровна. Вот ты опять на меня по-прежнему смотришь? Разве так смотрят на сестру? Вера, послушай, нагнись ко мне... *(Лаская ее.)* Что, если бы сестра, настоящая, твоя сестра, тебя теперь спросила на ушко: Верочка, ты точно никого не любишь? а? Что бы ты ей отвечала? *(Вера нерешительно взглядывает на Наталью Петровну.)* Эти глазки мне что-то хотят сказать... *(Вера вдруг прижимает свое лицо к ее груди. Наталья Петровна бледнеет — и, помолчав, продолжает.)* Ты любишь? Скажи, любишь?

Вера *(не поднимая головы)*. Ах! я не знаю сама, что со мной...

Наталья Петровна. Бедняжка! Ты влюблена... *(Вера еще более прижимается к груди Натальи Петровны.)* Ты влюблена... а он? Вера, он?

Вера *(всё еще не поднимая головы)*. Что вы у меня

спрашиваете... Я не знаю... Может быть... Я не знаю, не знаю... *(Наталья Петровна вздрагивает и остается неподвижной. Вера поднимает голову и вдруг замечает перемену в ее лице.)* Наталья Петровна, что с вами?

Наталья Петровна *(приходя в себя)*. Со мной... ничего.. Что?.. ничего.

Вера. Вы так бледны, Наталья Петровна... Что с вами? Позвольте, я позвоню... *(Встает.)*

Наталья Петровна. Нет, нет... не звони. Это ничего... Это пройдет. Вот уж оно и прошло.

Вера. Позвольте мне по крайней мере позвать кого-нибудь...

Наталья Петровна. Напротив... я... я хочу остаться одна. Оставь меня, слышишь? Мы еще поговорим. Ступай.

Вера. Вы не сердитесь на меня, Наталья Петровна?

Наталья Петровна. Я? За что? Нисколько. Я, напротив, благодарна тебе за твое доверие... Только оставь меня, пожалуйста, теперь. *(Вера хочет взять ее руку, но Наталья Петровна отворачивается, как будто не замечая движения Веры.)*

Вера *(со слезами на глазах)*. Наталья Петровна...

Наталья Петровна. Оставьте меня, прошу вас. *(Вера медленно уходит в кабинет.)*

Наталья Петровна *(одна, остается некоторое время неподвижной)*. Теперь мне всё ясно... Эти дети друг друга любят.. . *(Останавливается и проводит рукой по лицу.)* Что ж? Тем лучше... Дай бог им счастья! *(Смеясь.)* И я... я могла подумать... *(Останавливается опять.)* Она скоро проболталась... Признаюсь, я и не подозревала... Признаюсь, эта новость меня поразила... Но погодите, не всё еще кончено. Боже мой... что я говорю? что со мной? Я себя не узнаю. До чего я дошла? (*Помолчав.)* Что это я делаю? Я бедную девочку хочу замуж выдать... за старика!.. Подсылаю доктора... тот догадывается, намекает... Аркадий, Ракитин... Да я... *(Содрогается и вдруг поднимает голову.)* Да что ж это, наконец? Я к Вере ревную? Я... я влюблена в него, что ли? *(Помолчав.)* И ты еще сомневаешься? Ты влюблена, несчастная! Как это сделалось... не знаю. Словно мне яду дали... Вдруг всё разбито, рассеяно,

унесено... Он боится меня... Все меня боятся. Что́ ему во мне?.. На что ему такое существо, как я? Он молод, и она молода. А я! *(Горько.)* Где ему меня оценить? Они оба глупы, как говорит Ракитин... Ах! ненавижу я этого умника! А Аркадий, доверчивый, добрый мой Аркадий! Боже мой, боже мой! пошли мне смерть! *(Встает.)* Однако, мне кажется, я с ума схожу. К чему преувеличивать! Ну да... я поражена... мне это в диковинку, это в первый раз... я... да! в первый раз! Я в первый раз теперь люблю! *(Она садится опять.)* Он должен уехать. Да. И Ракитин тоже. Пора мне опомниться. Я позволила себе отступить на шаг — и вот! Вот до чего я дошла. И что мне в нем понравилось? *(Задумывается.)* Так вот оно, это страшное чувство... Аркадий! Да, я уйду в его объятия, я буду умолять его простить меня, защитить, спасти меня.— Он... и больше никого! Все другие мне чужие и должны мне остаться чужими... Но разве... разве нет другого средства? Эта девочка — она ребенок. Она могла ошибиться. Это всё детство, наконец... Из чего я... Я сама с ним объяснюсь, я спрошу у него... *(С укоризной.)* А, а? Ты еще надеешься? Ты еще хочешь надеяться? И на что я надеюсь! Боже мой, не дай мне презирать самоё себя! *(Склоняет голову на руки. Из кабинета входит Ракитин, бледный и встревоженный.)*

Ракитин *(подходя к Наталье Петровне)*. Наталья Петровна... *(Она не шевелится. Про себя.)* Что это у ней могло быть такое с Верой? *(Громко.)* Наталья Петровна...

Наталья Петровна *(поднимая голову)*. Кто это? А! вы.

Ракитин. Мне Вера Александровна сказала, что вы нездоровы... я...

Наталья Петровна *(отворачиваясь.)*. Я здорова... С чего она взяла...

Ракитин. Нет, Наталья Петровна; вы нездоровы, посмотрите на себя.

Наталья Петровна. Ну, может быть... да вам-то что? Что вам надобно? Зачем вы пришли?

Ракитин *(тронутым голосом)*. Я вам скажу, зачем я пришел. Я пришел просить у вас прощенья. Полчаса тому назад я был несказанно глуп и груб с вами... Простите меня. Видите ли, Наталья Петровна, как бы

скромны ни были желанья и... и надежды человека, ему трудно не потеряться хотя на мгновенье, когда их внезапно у него вырывают; но я теперь опомнился, я понял свое положенье и свою вину, и желаю только одного — вашего прощенья. *(Он тихо садится подле нее.)* Взгляните на меня... не отворачивайтесь тоже и вы. Перед вами ваш прежний Ракитин, ваш друг, человек, который не требует ничего, кроме позволенья служить вам, как вы говорили, опорой... Не лишайте меня вашего доверия, располагайте мной и забудьте, что я некогда... Забудьте всё, что могло вас оскорбить...

Наталья Петровна *(которая всё время неподвижно глядела на пол)*. Да, да... *(Останавливаясь.)* Ах, извините, Ракитин, я ничего не слышала, что вы такое мне говорили.

Ракитин *(печально)*. Я говорил... я просил у вас прощенья, Наталья Петровна. Я спрашивал у вас, хотите ли вы позволить мне остаться вашим другом.

Наталья Петровна *(медленно поворачиваясь к нему и кладя обе руки ему на плеча)*. Ракитин, скажите, что со мной?

Ракитин *(помолчав)*. Вы влюблены.

Наталья Петровна *(медленно повторяя за ним)*. Я влюблена... Но это безумие, Ракитин. Это невозможно. Разве это может так внезапно... Вы говорите, я влюблена... *(Умолкает.)*

Ракитин. Да, вы влюблены, бедная женщина... Не обманывайте себя.

Наталья Петровна *(не глядя на него)*. Что ж мне остается теперь делать?

Ракитин. Я готов вам это сказать, Наталья Петровна, если вы мне обещаете...

Наталья Петровна *(перерывая его и всё не глядя на него)*. Вы знаете, что эта девочка, Вера, его любит... Они оба друг в друга влюблены.

Ракитин. В таком случае еще одной причиной больше...

Наталья Петровна *(опять его перерывает)*. Я давно это подозревала, но она сама сейчас во всем созналась... сейчас.

Ракитин *(вполголоса, словно про себя)*. Бедная женщина!

Наталья Петровна *(проводя рукой по ли-*

цу). Ну, однако... пора опомниться. Вы мне, кажется, хотели что-то сказать... Посоветуйте мне, ради бога, Ракитин, что мне делать...

Ракитин. Я готов вам советовать, Наталья Петровна, только под одним условием.

Наталья Петровна. Говорите, что такое?

Ракитин. Обещайте мне, что вы не будете подозревать мои намерения. Скажите мне, что вы верите моему бескорыстному желанию помочь вам; помогите мне тоже и вы. Ваша доверенность даст мне силу, или уж лучше позвольте мне молчать.

Наталья Петровна. Говорите, говорите.

Ракитин. Вы не сомневаетесь во мне?

Наталья Петровна. Говорите.

Ракитин. Ну, так слушайте: он должен уехать. *(Наталья Петровна молча глядит на него.)* Да, он должен уехать. Я не стану говорить вам о... вашем муже, о вашем долге. В моих устах эти слова... неуместны... Но эти дети любят друг друга. Вы сами это мне сейчас сказали; вообразите же вы себя теперь между ними... Да вы погибнете!

Наталья Петровна. Он должен уехать... *(Помолчав.)* А вы? вы останетесь?

Ракитин *(с смущением)*. Я?.. я?.. *(Помолчав.)* И я должен уехать. Для вашего покоя, для вашего счастья, для счастья Верочки, и он... и я... мы оба должны уехать навсегда.

Наталья Петровна. Ракитин... я до того дошла, что я... я почти готова была эту бедную девочку, сироту, порученную мне моею матерью,— выдать замуж за глупого, смешного старика!.. У меня духа недостало, Ракитин; слова у меня замерли на губах, когда она рассмеялась в ответ на мое предложенье... но я сговаривалась с этим доктором, я позволяла ему значительно улыбаться; я сносила эти улыбки, его любезности, его намеки... О, я чувствую, что я на краю пропасти, спасите меня!

Ракитин. Наталья Петровна, вы видите, что я был прав... *(Она молчит; он поспешно продолжает.)* Он должен уехать... мы оба должны уехать... Другого спасенья нет.

Наталья Петровна *(уныло)*. Но для чего же жить потом?

Ракитин. Боже мой, неужели же до этого дошло... Наталья Петровна, вы выздоровеете, поверьте мне... Это всё пройдет. Как для чего жить?

Наталья Петровна. Да, для чего жить, когда все меня оставляют?

Ракитин. Но... ваше семейство... *(Наталья Петровна опускает глаза.)* Послушайте, если вы хотите, после его отъезда я могу несколько дней еще остаться... для того, чтобы...

Наталья Петровна *(мрачно)*. А! я вас понимаю. Вы рассчитываете на привычку, на прежнюю дружбу... Вы надеетесь, что я приду в себя, что я к вам вернусь; не правда ли? Я понимаю вас.

Ракитин *(краснея)*. Наталья Петровна! Зачем вы меня оскорбляете?

Наталья Петровна *(горько)*. Я вас понимаю... но вы обманываетесь.

Ракитин. Как? После ваших обещаний, после того как я для вас, для вас однех, для вашего счастья, для вашего положенья в свете, наконец...

Наталья Петровна. А! давно ли вы так об нем заботитесь? Зачем же вы прежде никогда мне не говорили об этом?

Ракитин *(вставая)*. Наталья Петровна, я сегодня же, я сейчас уеду отсюда, и вы более меня никогда не увидите... *(Хочет идти.)*

Наталья Петровна *(протягивая к нему руки)*. Мишель, простите меня; я сама не знаю, что я говорю... Вы видите, в каком я положении. Простите меня.

Ракитин *(быстро возвращается к ней и берет ее за руки)*. Наталья Петровна...

Наталья Петровна. Ах, Мишель, мне невыразимо тяжело... *(Прислоняется на его плечо и прижимает платок к глазам.)* Помогите мне, я погибла без вас... *(В это мгновенье дверь залы растворяется, входят Ислаев и Анна Семеновна.)*

Ислаев *(громко)*. Я всегда был того мнения... *(Останавливается в изумлении при виде Ракитина и Натальи Петровны. Наталья Петровна оглядывается и быстро уходит. Ракитин остается на месте, чрезвычайно смущенный.)*

Ислаев *(Ракитину)*. Что это значит? Что за сцена?

Ракитин. Так... ничего... это...

Ислаев. Наталья Петровна нездорова, что ли?

Ракитин. Нет... но...

Ислаев. И отчего она вдруг убежала? О чем вы с ней говорили? Она как будто плакала... Ты ее утешал... Что такое?

Ракитин. Право, ничего.

Анна Семеновна. Однако как же ничего, Михайла Александрыч? *(Помолчав.)* Я пойду, посмотрю... *(Хочет идти в кабинет.)*

Ракитин *(останавливая ее)*. Нет, вы лучше оставьте ее теперь в покое, прошу вас.

Ислаев. Да что всё это значит? скажи наконец!

Ракитин. Ничего, клянусь тебе... Послушайте, я обещаю вам обоим сегодня же всё объяснить. Слово даю вам. Но теперь, пожалуйста, если вы мне доверяете, не спрашивайте у меня ничего — и Натальи Петровны не тревожьте.

Ислаев. Пожалуй... только это удивительно. С Наташей этого прежде не бывало. Это что-то необыкновенно.

Анна Семеновна. Главное — что́ могло заставить Наташу плакать? И отчего она ушла!.. Разве мы чужие?

Ракитин. Что вы говорите! Как можно! — Но послушайте — признаться сказать, мы не докончили нашего разговора... Я вас должен попросить... обоих — оставьте нас на некоторое время одних.

Ислаев. Вот как! Стало быть, между вами тайна?

Ракитин. Тайна... но ты ее узнаешь.

Ислаев *(подумавши)*. Пойдемте, маменька... оставимте их. Пусть они докончат свою таинственную беседу.

Анна Семеновна. Но...

Ислаев. Пойдемте, пойдемте.— Вы слышите, он обещается всё объяснить.

Ракитин. Ты можешь быть спокоен...

Ислаев *(холодно)*. О, я совершенно спокоен! *(К Анне Семеновне.)* Пойдемте. *(Уходят оба.)*

Ракитин *(глядит им вслед и быстро подходит к дверям кабинета)*. Наталья Петровна... Наталья Петровна, выдьте, прошу вас.

Наталья Петровна *(выходит из кабинета. Она очень бледна)*. Что они сказали?

Ракитин. Ничего, успокойтесь... Они, точно, несколько удивились. Ваш муж подумал, что вы нездоровы... Он заметил ваше волнение... Сядьте; вы едва на ногах стоите... *(Наталья Петровна садится.)* Я ему сказал... я попросил его не беспокоить вас... оставить нас одних.

Наталья Петровна. И он согласился?

Ракитин. Да. Я, признаться, должен был ему обещать, что завтра всё объясню... Зачем вы ушли?

Наталья Петровна *(горько)*. Зачем!.. Но что ж вы скажете?

Ракитин. Я... я придумаю что-нибудь. Теперь дело не в том... Надобно нам воспользоваться этой отсрочкой. Вы видите, это не может так продолжаться. . Вы не в состоянье переносить подобные тревоги... они недостойны вас... я сам... Но не об этом речь. Будьте только вы тверды, а уж я! Послушайте, вы ведь согласны со мной...

Наталья Петровна. В чем?

Ракитин. В необходимости... нашего отъезда? Согласны? В таком случае мешкать нечего. Если вы мне позволите, я сейчас сам переговорю с Беляевым... Он благородный человек, он поймет...

Наталья Петровна. Вы хотите с ним переговорить? вы? Но что вы ему можете сказать?

Ракитин *(с смущением)*. Я...

Наталья Петровна *(помолчав)*. Ракитин, послушайте, не кажется ли вам, что мы оба словно сумасшедшие?.. Я испугалась, перепугала вас, и всё, может быть, из пустяков.

Ракитин. Как?

Наталья Петровна. Право. Что это мы с вами? Давно ли, кажется, всё было так тихо, так покойно в этом доме... и вдруг... откуда что взялось! Право, мы все с ума сошли. Полноте, довольно мы подурачились... Станемте жить по-прежнему... А Аркадию вам нечего будет объяснять; я сама ему расскажу наши проказы, и мы вдвоем над ними посмеемся. Я не нуждаюсь в посреднике между мной и моим мужем!

Ракитин. Наталья Петровна, вы теперь меня пугаете. Вы улыбаетесь, и бледны, как смерть... Да вспомните хоть то, что́ вы мне за четверть часа говорили...

Наталья Петровна. Мало ли чего нет!

А впрочем, я вижу, в чем дело... Вы сами поднимаете эту бурю... для того, чтобы, по крайней мере, не одному потонуть.

Ракитин. Опять, опять подозрение, опять упрек, Наталья Петровна... Бог с вами... но вы меня терзаете. Или вы раскаиваетесь в своей откровенности?

Наталья Петровна. Я ни в чем не раскаиваюсь.

Ракитин. Так как же мне понять вас?

Наталья Петровна *(с живостью)*. Ракитин, если вы хотя слово скажете от меня или обо мне Беляеву, я вам этого никогда не прощу.

Ракитин. А! вот что!.. Будьте покойны, Наталья Петровна. Я не только ничего не скажу господину Беляеву, но даже не прощусь с ним, уезжая отсюда. Я не намерен навязываться с своими услугами.

Наталья Петровна *(с некоторым смущением)*. Да вы, может быть, думаете, что я переменила свое мнение насчет... его отъезда?

Ракитин. Я ничего не думаю.

Наталья Петровна. Напротив, я так убеждена в необходимости, как вы говорите, его отъезда, что я сама намерена ему отказать. *(Помолчав.)* Да; я сама ему откажу.

Ракитин. Вы?

Наталья Петровна. Да; я. И сейчас же. Я вас прошу прислать его ко мне.

Ракитин. Как? сейчас?

Наталья Петровна. Сейчас. Я прошу вас об этом, Ракитин. Вы видите, я теперь спокойна. Притом мне теперь не помешают. Надобно этим воспользоваться... Я вам буду очень благодарна. Я его расспрошу.

Ракитин. Да он вам ничего не скажет, помилуйте. Он мне сам сознался, что ему в вашем присутствии неловко.

Наталья Петровна *(подозрительно)*. А! вы уже говорили с ним обо мне? *(Ракитин пожимает плечами.)* Ну, извините, извините меня, Мишель, и пришлите мне его. Вы увидите, я ему откажу, и всё кончится. Всё пройдет и позабудется, как дурной сон. Пожалуйста, пришлите его мне. Мне непременно нужно с ним переговорить окончательно. Вы будете мной довольны. Пожалуйста.

Ракитин *(который всё время не сводил с нее взора, холодно и печально)*. Извольте. Ваше желание будет исполнено. *(Идет к дверям залы.)*

Наталья Петровна *(ему вслед)*. Благодарствуйте, Мишель.

Ракитин *(оборачиваясь)*. О, не благодарите меня по крайней мере... *(Быстро уходит в залу.)*

Наталья Петровна *(одна, помолчав)*. Он благородный человек... Но неужели я когда-нибудь его любила? *(Встает.)* Он прав. Тот должен уехать. Но как отказать ему! Я только желаю знать, точно ли ему нравится эта девочка? Может быть, это всё пустяки. Как могла я прийти в такое волнение... к чему все эти излияния? Ну, теперь делать нечего. Желаю я знать, что он мне скажет? Но он должен уехать... Непременно... непременно. Он, может быть, не захочет мне отвечать... Ведь он меня боится... Что ж? Тем лучше. Мне нечего с ним много разговаривать... *(Прикладывает руку ко лбу.)* А у меня голова болит. Не отложить ли до завтра? В самом деле. Сегодня мне всё кажется, что за мной наблюдают... До чего я дошла! Нет, уж лучше кончить разом... Еще одно, последнее усилие, и я свободна!.. О да! я жажду свободы и покоя. *(Из залы входит Беляев.)* Это он...

Беляев *(подходя к ней)*. Наталья Петровна, мне Михайло Александрыч сказал, что вам угодно было меня видеть...

Наталья Петровна *(с некоторым усилием)*. Да, точно... Мне нужно с вами... объясниться.

Беляев. Объясниться?

Наталья Петровна *(не глядя на него)*. Да... объясниться. *(Помолчав.)* Позвольте вам сказать, Алексей Николаич, я... я недовольна вами.

Беляев. Могу я узнать, какая причина?

Наталья Петровна. Выслушайте меня... Я... я, право, не знаю, с чего начать. Впрочем, я должна предупредить вас, что мое неудовольствие не происходит от какого-нибудь упущения... по вашей части... Напротив, ваше обращение с Колей мне нравится.

Беляев. Так что же это может быть?

Наталья Петровна *(взглянув на него)*. Вы напрасно тревожитесь... Ваша вина еще не так ве-

лика. Вы молоды; вероятно, никогда не жили в чужом доме. Вы не могли предвидеть...

Б е л я е в. Но, Наталья Петровна...

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Вы желаете знать, в чем же дело наконец? Я понимаю ваше нетерпение. Итак, я должна вам сказать, что Верочка... *(взглянув на него)* Верочка мне во всем призналась.

Б е л я е в *(с изумлением)*. Вера Александровна? В чем могла вам признаться Вера Александровна? И что же я тут?

Н а т а л ь я П е т р о в н а. И вы точно не знаете, в чем она могла признаться? Вы не догадываетесь?

Б е л я е в. Я? нисколько.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. В таком случае извините меня. Если вы точно не догадываетесь — я должна просить у вас извинения. Я думала... я ошибалась. Но, позвольте вам заметить, я вам не верю. Я понимаю, что́ вас заставляет так говорить... Я очень уважаю вашу скромность.

Б е л я е в. Я вас решительно не понимаю, Наталья Петровна.

Н а т а л ь я П е т р о в н а. В самом деле? Неужели вы думаете меня уверить, что вы не заметили расположения этого ребенка, Веры, к вам?

Б е л я е в. Расположение Веры Александровны ко мне? Я даже не знаю, что вам сказать на это... Помилуйте. Кажется, я всегда был с Верой Александровной, как...

Н а т а л ь я П е т р о в н а. Как со всеми, не правда ли? *(Помолчав немного.)* Как бы то ни было, точно ли вы этого не знаете, притворяетесь ли вы, что не знаете, дело вот в чем: эта девочка вас любит. Она сама мне в этом созналась. Ну, теперь я спрашиваю вас, как честного человека, что вы намерены сделать?

Б е л я е в *(с смущением)*. Что я намерен сделать?

Н а т а л ь я П е т р о в н а *(скрестив руки)*. Да.

Б е л я е в. Всё это так неожиданно, Наталья Петровна...

Н а т а л ь я П е т р о в н а *(помолчав)*. Алексей Николаич, я вижу... я нехорошо взялась за это дело. Вы меня не понимаете. Вы думаете, что я сержусь на вас... а я... только... немного взволнована. И это очень естественно. Успокойтесь. Сядемте. *(Оба садятся.)* Я

буду откровенна с вами, Алексей Николаич, будьте же и вы хотя несколько более доверчивы со мной. Право, вы напрасно меня чуждаетесь. Вера вас любит... конечно, вы в этом не виноваты; я готова предположить, что вы в этом не виноваты... Но видите ли, Алексей Николаич, она сирота, моя воспитанница: я отвечаю за нее, за ее будущность, за ее счастье. Она еще молода, и, я уверена, чувство, которое вы внушили ей, может скоро исчезнуть... в ее лета любят ненадолго. Но вы понимаете, что моя обязанность была предупредить вас. Играть огнем всё-таки опасно... и я не сомневаюсь, что вы, зная теперь ее расположение к вам, перемените ваше обращение с ней, будете избегать свиданий, прогулок в саду... Не правда ли? Я могу на вас надеяться... С другим я бы побоялась так прямо объясниться.

Беляев. Наталья Петровна, поверьте, я умею ценить...

Наталья Петровна. Я вам говорю, что я в вас не сомневаюсь... притом это всё останется тайной между нами.

Беляев. Признаюсь вам, Наталья Петровна, всё, что вы мне сказали, кажется мне до того странным... конечно, я не смею не верить вам, но...

Наталья Петровна. Послушайте, Алексей Николаич. Всё, что я сказала вам теперь... я это сказала в том предположенье, что с вашей стороны — нет ничего... *(перерывает самоё себя)* потому что в противном случае... конечно, я вас еще мало знаю, но я настолько уже знаю вас, что не вижу причины противиться вашим намерениям. Вы не богаты... но вы молоды, у вас есть будущность, и когда два человека друг друга любят... Я, повторяю вам, я сочла своей обязанностью предупредить вас, как честного человека, насчет последствий вашего знакомства с Верой, но если вы...

Беляев *(с недоумением)*. Я, право, не знаю, Наталья Петровна, что́ вы хотите сказать...

Наталья Петровна *(поспешно)*. О, поверьте, я не требую от вас признания, я и без того... я из вашего поведения пойму, в чем дело... *(Взглянув на него.)* Впрочем, я должна вам сказать. что Вере показалось, что и вы к ней не совсем равнодушны.

Беляев *(помолчав, встает)*. Наталья Петровна, я вижу: мне нельзя остаться у вас в доме.

Наталья Петровна *(вспыхнув)*. Вы бы, кажется, могли подождать, чтобы я вам сама отказала... *(Встает.)*

Беляев. Вы были со мной откровенны... Позвольте же и мне быть откровенным с вами. Я не люблю Веру Александровну; по крайней мере, я не люблю ее так, как вы предполагаете.

Наталья Петровна. Да разве я... *(Останавливается.)*

Беляев. И если я понравился Вере Александровне, если ей показалось, что и я, как вы говорите, к ней неравнодушен, я не хочу ее обманывать; я ей самой всё скажу, всю правду. Но после подобного объясненья, вы поймете сами, Наталья Петровна, мне будет трудно здесь остаться: мое положение было бы слишком неловко. Я не стану вам говорить, как мне тяжело оставить ваш дом... мне другого делать нечего. Я всегда с благодарностью буду вспоминать об вас... Позвольте мне удалиться... Я еще буду иметь честь проститься с вами.

Наталья Петровна *(с притворным равнодушием)*. Как хотите... но я, признаюсь, этого не ожидала... Я совсем не для того хотела с вами объясниться... Я только хотела предупредить вас... Вера еще дитя... Я, может быть, придала всему этому слишком много значенья. Я не вижу необходимости вашего отъезда. Впрочем, как хотите.

Беляев. Наталья Петровна... мне, право, невозможно более остаться здесь.

Наталья Петровна. Вам, видно, очень легко расстаться с нами!

Беляев. Нет, Наталья Петровна, не легко.

Наталья Петровна. Я не привыкла удерживать людей против их воли... но, признаюсь, это мне очень неприятно.

Беляев *(после некоторой нерешимости)*. Наталья Петровна... я не желал бы причинить вам малейшую неприятность... Я остаюсь.

Наталья Петровна *(подозрительно)*. А!.. *(Помолчав.)* Я не ожидала, что вы так скоро перемените ваше решение... Я вам благодарна, но... Позвольте

мне подумать. Может быть, вы правы; может быть, вам точно надобно уехать. Я подумаю, я вам дам знать... Вы позволите мне до сегодняшнего вечера оставить вас в неизвестности?

Беляев. Я готов ждать, сколько вам угодно. *(Кланяется и хочет уйти.)*

Наталья Петровна. Вы мне обещаете...

Беляев *(останавливаясь)*. Что-с?

Наталья Петровна. Вы, кажется, хотели объясниться с Верой... Я не знаю, будет ли это прилично. Впрочем, я вам дам знать мое решение. Я начинаю думать, что вам точно надобно уехать. До свидания. *(Беляев вторично кланяется и уходит в залу. Наталья Петровна глядит ему вслед.)* Я спокойна! Он ее не любит... *(Прохаживается по комнате.)* Итак, вместо того чтобы отказать ему, я сама его удержала? Он остается... Но что я скажу Ракитину? Что я сделала? *(Помолчав.)* И какое имела я право разгласить любовь этой бедной девочки?.. Как? Я сама выманила у ней признание... полупризнание, и потом я же сама так безжалостно, так грубо... *(Закрывает лицо руками.)* Может быть, он начинал ее любить... С какого права я растоптала этот цветок в зародыше... Да и полно, растоптала ли я его? Может быть, он обманул меня... Хотела же я его обмануть!.. О нет! Он для этого слишком благороден... Он не то, что я! И из чего я так торопилась? сейчас всё разболтала? *(Вздохнув.)* Мало чего нет? Если бы я могла предвидеть... Как я хитрила, как я лгала перед ним... а он! Как он смело и свободно говорил... Я склонялась перед ним... Это человек! Я его еще не знала... Он должен уехать. Если он останется... Я чувствую, я дойду до того, что я потеряю всякое уважение к самой себе... Он должен уехать, или я погибла! Я ему напишу, пока он еще не успел увидаться с Верой... Он должен уехать! *(Быстро уходит в кабинет.)*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Театр представляет большие пустые сени. Стены голые, пол неровный, каменный; шесть кирпичных, выбеленных и облупленных колонн, по три с каждого бока, поддерживают потолок. Налево два открытых окна и дверь в сад. Направо дверь в коридор, ведущий к главному дому; прямо железная дверь в кладовую. Возле первой колонны направо садовая зеленая скамья; в одном углу несколько лопат, леек и горшков. Вечер. Красные лучи солнца падают сквозь окна на пол.

Катя *(входит из двери направо, проворно идет к окну и глядит некоторое время в сад)*. Нет, не видать. А мне сказали, что он пошел в оранжерею. Знать, еще не вышел оттуда. Что ж, подожду, пока мимо пойдет. Ему другой дороги нету... *(Вздыхает и прислоняется к окну.)* Он, говорят, уезжает. *(Вздыхает опять.)* Как же это мы без него будем... Бедная барышня! Как она меня просила... Что ж, отчего не услужить? Пусть поговорит с ней напоследях. Экая теплынь сегодня! А, кажись, дождик накрапывает... *(Опять выглядывает из окна и вдруг подается назад.)* Да уж они не сюда ли?.. Точно сюда. Ах, батюшки... *(Хочет убежать, но не успевает еще дойти до двери коридора, как уже из саду входит Шпигельский с Лизаветой Богдановной. Катя прячется за колонну.)*

Шпигельский *(отряхивая шляпу)*. Мы можем здесь дождик переждать. Он скоро пройдет.

Лизавета Богдановна. Пожалуй.

Шпигельский *(оглядываясь)*. Что это за строение? Кладовая, что ли?

Лизавета Богдановна *(указывая на железную дверь)*. Нет, кладовая вот где. Эти сени, говорят, Аркадия Сергеича батюшка пристроил, когда из чужих краев вернулся.

Шпигельский. А! я вижу, в чем дело: Венеция, сударь ты мой. *(Садится на скамью.)* Присядемте. *(Лизавета Богдановна садится.)* А признайтесь, Лизавета Богдановна, дождик этот некстати пошел. Он перервал наши объясненья на самом чувствительном месте.

Лизавета Богдановна *(опустив глаза)*. Игнатий Ильич...

Шпигельский. Но никто нам не мешает возобновить наш разговор... Кстати, вы говорите, Анна Семеновна не в духе сегодня?

Лизавета Богдановна. Да, не в духе. Она даже обедала у себя в комнате.

Шпигельский. Вот как! Экое несчастье, подумаешь!

Лизавета Богдановна. Она сегодня поутру застала Наталью Петровну в слезах... с Михайлом Александрычем... Он, конечно, свой человек, но всё-таки... Впрочем, Михайло Александрыч обещался всё объяснить.

Шпигельский. А! Ну, напрасно ж она тревожится. Михайло Александрыч, по моему мнению, никогда не был человеком опасным, а уж теперь-то менее, чем когда-нибудь.

Лизавета Богдановна. А что?

Шпигельский. Да так. Больно умно говорит. У кого сыпью, а у этих умников всё язычком выходит, болтовней. Вы, Лизавета Богдановна, и вперед не бойтесь болтунов: они не опасны, а вот те, что больше молчат, да с придурью, да темпераменту много, да затылок широк, те вот опасны.

Лизавета Богдановна *(помолчав)*. Скажите, Наталья Петровна точно нездорова?

Шпигельский. Так же нездорова, как мы с вами.

Лизавета Богдановна. Она за обедом ничего не кушала.

Шпигельский. Не одна болезнь отнимает аппéтит.

Лизавета Богдановна. Вы у Большинцова обедали?

Шпигельский. Да, у него... Я к нему съездил. И для вас только вернулся, ей-богу.

Лизавета Богдановна. Ну, полноте.

А знаете ли что, Игнатий Ильич? Наталья Петровна за что-то на вас сердится... Она за столом не совсем выгодно об вас отозвалась.

Шпигельский. В самом деле? Видно, барыням не по нутру, коли у нашего брата глаза зрячие. Делай по-ихнему, помогай им — да и притворяйся еще, что не понимаешь их. Вишь, какие! Ну, однако, посмотрим. И Ракитин, чай, нос на квинту повесил?

Лизавета Богдановна. Да, он сегодня тоже как будто не в своей тарелке...

Шпигельский. Гм. А Вера Александровна? Беляев?

Лизавета Богдановна. Все, таки решительно все не в духе. Я, право, не могу придумать, что с ними сегодня со всеми?

Шпигельский. Много будете знать, до времени состареетесь, Лизавета Богдановна... Ну, впрочем, бог с ними. Поговоримте лучше об нашем деле. Дождик-то, вишь, всё еще не перестал... Хотите?

Лизавета Богдановна (*жеманно опустив глаза*). Что вы у меня спрашиваете, Игнатий Ильич?

Шпигельский. Эх, Лизавета Богдановна, позвольте вам заметить: что вам за охота жеманиться, глаза вдруг эдак опускать? Мы ведь с вами люди не молодые! Эти церемонии, нежности, вздохи — это всё к нам нейдет. Будемте говорить спокойно, дельно, как оно и прилично людям наших лет. Итак, вот в чем вопрос: мы друг другу нравимся... по крайней мере, я предполагаю, что я вам нравлюсь.

Лизавета Богдановна (*слегка жеманясь*). Игнатий Ильич, право...

Шпигельский. Ну да, да, хорошо. Вам, как женщине, оно даже и следует... эдак того... (*показывает рукой*) пофинтить то есть. Стало быть, мы друг другу нравимся. И в других отношениях мы тоже под пару. Я, конечно, про себя должен сказать, что я человек рода не высокого; ну да ведь и вы не знатного происхождения. Я человек не богатый; в противном случае я бы ведь и того-с... (*Усмехается.*) Но практика у меня порядочная, больные мои не все мрут; у вас, по вашим словам, пятнадцать тысяч наличных денег; это всё, изволите видеть, недурно. Притом же вам, я

воображаю, надоело вечно жить в гувернантках, ну да и с старухой возиться, вистовать ей в преферанс и поддакивать — тоже, должно быть, не весело. С моей стороны, мне не то чтобы наскучила холостая жизнь, а стареюсь я, ну да и кухарки меня грабят; стало быть, оно всё, знаете ли, приходится под лад. Но вот в чем затруднение, Лизавета Богдановна: мы ведь друг друга вовсе не знаем, то есть, по правде сказать, вы меня не знаете... Я-то вас знаю. Мне ваш характер известен. Не скажу, чтобы за вами не водилось недостатков. Вы, в девицах будучи, маленько окисли, да ведь это не беда. У хорошего мужа жена что́ мягкий воск. Но я желаю, чтобы и вы меня знали перед свадьбой; а то вы, пожалуй, потом на меня пенять станете... Я вас обманывать не хочу.

Лизавета Богдановна *(с достоинством)*. Но, Игнатий Ильич, мне кажется, я тоже имела случай узнать ваш характер...

Шпигельский. Вы? Э, полноте... Это не женское дело. Ведь вы, например, чай, думаете, что я человек веселого нрава — забавник, а?

Лизавета Богдановна. Мне всегда казалось, что вы очень любезный человек...

Шпигельский. То-то вот и есть. Видите, как легко можно ошибиться. Оттого, что я перед чужими дурачусь, анекдотцы им рассказываю, прислуживаю им, вы уж и подумали, что я в самом деле веселый человек. Если б я в них не нуждался, в этих чужих-то, да я бы и не посмотрел на них... Я и то, где только можно, без большой опасности, знаете, их же самих на́ смех поднимаю... Я, впрочем, не обманываю себя; я знаю, иные господа, которым и нужен-то я на каждом шагу, и скучно-то без меня, почитают себя вправе меня презирать; да ведь и я у них не в долгу. Вот, хоть бы Наталья Петровна... Вы думаете, я не вижу ее насквозь? *(Передразнивая ее.)* «Любезный доктор, я вас, право, очень люблю... у вас такой злой язык...» хе-хе, воркуй, голубушка, воркуй. Ух, эти мне барыни! И улыбаются-то оне вам и глазки эдак щурят, а на лице написана гадливость... Брезгают оне нами, что ты будешь делать! Я понимаю, почему она сегодня дурно обо мне отзывается. Право, эти барыни удивительный народ! Оттого, что они каждый день одеколоном моются да говорят эдак

небрежно, словно роняют слова — подбирай, мол, ты! — уж оне и воображают, что их за хвост поймать нельзя. Да, как бы не так! Такие же смертные, как и все мы, грешные!

Лизавета Богдановна. Игнатий Ильич... Вы меня удивляете.

Шпигельский. Я знал, что я вас удивлю. Вы, стало быть, видите, что я человек не веселый вовсе, может быть, даже и не слишком добрый... Но я тоже не хочу прослыть перед вами тем, чем я никогда не был. Как я ни ломаюсь перед господами, шутом меня никто не видал, по носу меня еще никто не щелкнул. Они меня даже, могу сказать, побаиваются; они знают, что я кусаюсь. Однажды, года три тому назад, один господин, черноземный такой, сдуру, за столом, взял да мне в волосы редьку воткнул. Что вы думаете? Я его в ту же минуту и не горячась, знаете, самым вежливым образом вызвал на дуэль. Черноземного от испуга чуть паралич не хватил; хозяин извиниться его заставил — эффект вышел необыкновенный!.. Я, признаться сказать, наперед знал, что он драться не станет. Вот, видите ли, Лизавета Богдановна, самолюбия у меня тьма; да жизнь уж такая вышла. Таланты тоже не большие... учился я кой-как. Доктор я плохой, перед вами мне нечего скрываться, и если вы когда у меня занеможете, не я вас лечить стану. Кабы таланты да воспитание, я бы в столицу махнул. Ну, для здешних обывателей, конечно, лучшего доктора и не надо. Что же касается собственно моего нрава, то я должен предуведомить вас, Лизавета Богдановна: дома я угрюм, молчалив, взыскателен; не сержусь, когда мне угождают и услуживают; люблю, чтобы замечали мои привычки и вкусно меня кормили; а впрочем, я не ревнив и не скуп, и в моем отсутствии вы можете делать всё, что вам угодно. Об романтической эдакой любви между нами, вы понимаете, и говорить нечего; а впрочем, я воображаю, что со мной еще можно жить под одной крышей... Лишь бы мне угождали да не плакали при мне, этого я терпеть не могу! А я не придирчив. Вот вам моя исповедь. Ну-с, что вы теперь скажете?

Лизавета Богдановна. Что мне вам сказать, Игнатий Ильич... Если вы не очернили себя с намерением...

Ш п и г е л ь с к и й. Да чем же я себя очернил? Вы не забудьте того, что другой бы на моем месте преспокойно промолчал бы о своих недостатках, благо вы ничего не заметили, а после свадьбы, шалишь, после свадьбы поздно. Но я для этого слишком горд. *(Лизавета Богдановна взглядывает на него.)* Да, да, горд... как вы ни изволите глядеть на меня. Я перед моей будущей женой притворяться и лгать не намерен, не только из пятнадцати, изо ста тысяч; а чужому я из-за куля муки низехонько поклонюсь. Таков уж мой нрав... Чужому-то я зубы скалю, а внутренно думаю: экой ты болван, братец, на какую удочку идешь; а с вами я говорю, что думаю. То есть, позвольте, и вам я не всё говорю, что думаю; по крайней мере я вас не обманываю. Я должен вам большим чудаком казаться, точно, да вот постойте, я вам когда-нибудь расскажу мою жизнь: вы удивитесь, как я еще настолько уцелел. Вы тоже, чай, в детстве не на золоте ели, а всё-таки вы, голубушка, не можете себе представить, что такое настоящая, заматерелая бедность... Впрочем, это я вам всё когда-нибудь в другое время расскажу. А теперь вот вы лучше обдумайте, что я вам имел честь доложить... Обсудите хорошенько, наедине, это дельцо, да и сообщите мне ваше решение. Вы, сколько я мог заметить, женщина благоразумная. Вы... Кстати, сколько вам лет?

Л и з а в е т а Б о г д а н о в н а. Мне... мне... тридцать лет....

Ш п и г е л ь с к и й *(спокойно)*. А вот и неправда: вам целых сорок.

Л и з а в е т а Б о г д а н о в н а *(вспыхнув)*. Совсем не сорок, а тридцать шесть.

Ш п и г е л ь с к и й. Всё же не тридцать. Вот и от этого вам, Лизавета Богдановна, надобно отвыкнуть, тем более что замужняя женщина в тридцать шесть лет вовсе не стара. Табак тоже вы напрасно нюхаете. *(Вставая.)* А дождик, кажется, перестал.

Л и з а в е т а Б о г д а н о в н а *(тоже вставая)*. Да, перестал.

Ш п и г е л ь с к и й. Итак, вы мне на днях дадите ответ?

Л и з а в е т а Б о г д а н о в н а. Я вам завтра же скажу мое решение.

Шпигельский. Вот люблю!.. Вот что умно, так умно! Ай да Лизавета Богдановна! Ну, дайте ж мне вашу руку. Пойдемте домой.

Лизавета Богдановна *(отдавая ему свою руку)*. Пойдемте.

Шпигельский. А кстати: я не поцеловал ее у вас... а оно, кажется, требуется... Ну, на этот раз куда ни шло! *(Целует ее руку. Лизавета Богдановна краснеет.)* Вот так. *(Направляется к двери сада.)*

Лизавета Богдановна *(останавливаясь)*. Так вы думаете, Игнатий Ильич, что Михайло Александрыч точно не опасный человек?

Шпигельский. Я думаю.

Лизавета Богдановна. Знаете ли что, Игнатий Ильич? мне кажется, Наталья Петровна с некоторых пор... мне кажется, что господин Беляев... Она обращает на него внимание... а? Да и Верочка, как вы думаете? Уж не от этого ли сегодня...

Шпигельский *(перебивая ее)*. Я забыл вам еще одно сказать, Лизавета Богдановна. Я сам ужасно любопытен, а любопытных женщин терпеть не могу. То есть я объяснюсь: по-моему, жена должна быть любопытна и наблюдательна (это даже очень полезно для ее мужа), только с другими... Вы понимаете меня: с другими. Впрочем, если вам непременно хочется знать мое мнение насчет Натальи Петровны, Веры Александровны, господина Беляева и вообще здешних жителей, слушайте же, я вам спою песенку. У меня голос прескверный, да вы не взыщите.

Лизавета Богдановна *(с удивлением)*. Песенку!

Шпигельский. Слушайте! Первый куплет:

Жил-был у бабушки серенький козлик,
Жил-был у бабушки серенький козлик,
  Фить как! вот как! серенький козлик!
  Фить как! вот как! серенький козлик!

Второй куплет:

Вздумалось козлику в лес погуляти,
Вздумалось козлику в лес погуляти,
  Фить как! вот как! в лес погуляти!
  Фить как! вот как! в лес погуляти!

Лизавета Богдановна. Но я, право, не понимаю...

Шпигельский. Слушайте же! Третий куплет:

Серые во-олки козлика съели,
Серые во-олки козлика съели. *(Подпрыгивая.)*
Фить как! вот как! козлика съели!
Фить как! вот как! козлика съели!

А теперь пойдемте. Мне же, кстати, нужно с Натальей Петровной потолковать. Авось не укусит. Если я не ошибаюсь, я ей еще нужен. Пойдемте. *(Уходят в сад.)*

Катя *(осторожно выходя из-за колонны)*. Насилу-то ушли! Экой этот лекарь злющий... говорил, говорил, что говорил! А уж поет-то как? Боюсь я, как бы тем временем Алексей Николаич домой не вернулся... И нужно ж им было именно сюда прийти! *(Подходит к окну.)* А Лизавета Богдановна? лекаршей будет... *(Смеется.)* Вишь, какая... Ну, да я ей не завидую... *(Выглядывает из окна.)* Как трава славно обмылась... как хорошо пахнет... Это от черемухи так пахнет... А, да вот он идет. *(Подождав.)* Алексей Николаич!.. Алексей Николаич...

Голос Беляева *(за кулисами)*. Кто меня зовет? А, это ты, Катя? *(Подходит к окну.)* Что тебе надобно?

Катя. Войдите сюда... мне вам нужно что-то сказать.

Беляев. А! изволь. *(Отходит от окна и через минуту входит в двери.)* Вот я.

Катя. Вас дождик не замочил?

Беляев. Нет... я в теплице сидел с Потапом... что, он тебе дядей, что ли, приходится?

Катя. Да-с. Они мне дяденька.

Беляев. Какая ты сегодня хорошенькая! *(Катя улыбается и опускает глаза. Он достает из кармана персик.)* Хочешь?

Катя *(отказываясь)*. Покорно благодарю... покушайте сами.

Беляев. А я разве отказался, когда ты мне вчера малины поднесла? Возьми... я для тебя его сорвал... право.

Катя. Ну, благодарствуйте. *(Берет персик.)*

Б е л я е в. То-то же. Так что ж ты мне сказать хотела?

К а т я. Барышня... Вера Александровна, попросила меня... Оне желают вас видеть.

Б е л я е в. А! Ну, я сейчас к ней пойду.

К а т я. Нет-с... оне сами сюда будут. Им нужно с вами переговорить.

Б е л я е в *(с некоторым изумлением)*. Она хочет сюда прийти?

К а т я. Да-с. Здесь, знаете ли... Сюда никто не заходит. Здесь не могут помешать... *(Вздыхает.)* Она вас очень любит, Алексей Николаич... Она такая добрая. Я схожу теперь за ней, хотите? А вы подождете?

Б е л я е в. Конечно, конечно.

К а т я. Сейчас... *(Идет и останавливается.)* Алексей Николаич, правда ли, говорят, вы от нас уезжаете?

Б е л я е в. Я? нет... Кто тебе сказал?

К а т я. Так вы не уезжаете? Ну, и слава богу! *(С смущением.)* Мы сейчас вернемся. *(Уходит в дверь, ведущую в дом.)*

Б е л я е в *(остается на некоторое время неподвижным)*. Это чудеса! чудеса со мной происходят. Признаюсь, я всего этого никак не ожидал... Вера меня любит... Наталья Петровна это знает... Вера сама ей во всем созналась... чудеса! Вера — такой милый, добрый ребенок; но... что значит, например, эта записка? *(Достает из кармана небольшой лоскуток бумаги.)* От Натальи Петровны... карандашом. «Не уезжайте, не решайтесь ни на что, пока я с вами не переговорила». О чем она хочет говорить со мной? *(Помолчав.)* Какие глупые мысли мне приходят в голову! Признаюсь, всё это меня чрезвычайно смущает. Если бы кто-нибудь мне месяц тому назад сказал, что я... я... Я никак не могу прийти в себя после этого разговора с Натальей Петровной. Отчего у меня сердце так бьется? И теперь Вера вот хочет меня видеть... Чтó я ей скажу! По крайней мере, я узнаю, в чем дело... Может быть, Наталья Петровна на меня сердится... Да за что же? *(Рассматривает опять записку.)* Это всё странно, очень странно. *(Дверь тихонько растворяется. Он быстро прячет записку. На пороге показываются Вера и Катя. Он подходит к ним. Вера очень бледна, не поднимает глаз и не трогается с места.)*

К а т я. Не бойтесь, барышня, подойдите к нему; я буду настороже... Не бойтесь. *(Беляеву.)* Ах, Алексей Николаич! *(Она закрывает окна, уходит в сад и запирает за собою дверь.)*

Б е л я е в. Вера Александровна... вы хотели меня видеть. Подойдите сюда, сядьте вот здесь. *(Берет ее за руку и ведет к скамье. Вера садится.)* Вот так. *(С удивлением глядя на нее.)* Вы плакали?

В е р а *(не поднимая глаз)*. Это ничего... Я пришла просить у вас прощения, Алексей Николаич.

Б е л я е в. В чем?

В е р а. Я слышала... у вас было неприятное объяснение с Натальей Петровной... Вы уезжаете... Вам отказали.

Б е л я е в. Кто вам это сказал?

В е р а. Сама Наталья Петровна... Я встретила ее после вашего объяснения с ней... Она мне сказала, что вы сами не хотите больше остаться у нас. Но я думаю, что вам отказали.

Б е л я е в. Скажите, в доме это знают?

В е р а. Нет... Одна Катя... Я должна была ей сказать... Я хотела с вами говорить, попросить у вас прощения. Представьте же теперь, как мне должно быть тяжело... Ведь я всему причиной, Алексей Николаич; я одна виновата.

Б е л я е в. Вы, Вера Александровна?

В е р а. Я никак не могла ожидать... Наталья Петровна... Впрочем, я ее извиняю. Извините меня и вы... Сегодня поутру я была глупым ребенком, а теперь... *(Останавливается.)*

Б е л я е в. Еще ничего не решено, Вера Александровна... Я, может быть, останусь.

В е р а *(печально)*. Вы говорите, ничего не решено, Алексей Николаич... Нет, всё решено, всё кончено. Вот вы как со мной теперь; а помните, еще вчера в саду... *(Помолчав.)* Ах, я вижу, Наталья Петровна вам всё сказала.

Б е л я е в *(с смущением)*. Вера Александровна...

В е р а. Она вам всё сказала, я это вижу... Она хотела поймать меня, и я, глупая, так и бросилась в ее сети... Но и она выдала себя... Я всё-таки не такой уже ребенок. *(Понизив голос.)* О, нет!

Б е л я е в. Что́ вы хотите сказать?

Вера *(взглянув на него)*. Алексей Николаич, точно ли вы сами хотели оставить нас?

Беляев. Да.

Вера. Отчего? *(Беляев молчит.)* Вы мне не отвечаете?

Беляев. Вера Александровна, вы не ошиблись... Наталья Петровна мне всё сказала.

Вера *(слабым голосом)*. Что, например?

Беляев. Вера Александровна... Мне, право, невозможно... Вы меня понимаете.

Вера. Она вам, может быть, сказала, что я вас люблю?

Беляев *(нерешительно)*. Да.

Вера *(быстро)*. Да это неправда...

Беляев *(с смущением)*. Как!..

Вера *(закрывает лицо руками и глухо шепчет сквозь пальцы)*. Я, по крайней мере, ей этого не сказала, я не помню... *(Поднимая голову.)* О, как жестоко она поступила со мной! И вы... вы от этого хотите уехать?

Беляев. Вера Александровна, посудите сами...

Вера *(взглянув на него)*. Он меня не любит! *(Опять закрывает лицо.)*

Беляев *(садится подле нее и берет ее руку)*. Вера Александровна, дайте мне вашу руку... Послушайте, между нами не должно быть недоразумений. Я люблю вас, как сестру; я люблю вас, потому что вас нельзя не любить. Извините меня, если я... Я отроду не был в таком положении... Я бы не желал оскорбить вас... Я не стану притворяться перед вами; я знаю, что я вам понравился, что вы меня полюбили... Но посудите сами, что из этого может выйти? Мне всего двадцать лет, за мной гроша нету. Пожалуйста, не сердитесь на меня. Я, право, не знаю, что вам сказать.

Вера *(отнимая руки от лица и глядя на него)*. И как будто я что-нибудь требовала, боже мой! Но зачем же так жестоко, так немилосердно... *(Она останавливается.)*

Беляев. Вера Александровна, я не желал огорчить вас.

Вера. Я вас не обвиняю, Алексей Николаич. В чем вы виноваты! Виновата одна я... За то и нака-

зана! Я и ее не обвиняю; я знаю, она добрая женщина, но она не могла переломить себя... Она потерялась.

Беляев *(с недоумением)*. Потерялась?

Вера *(оборачиваясь к нему)*. Наталья Петровна вас любит, Беляев.

Беляев. Как?

Вера. Она влюблена в вас.

Беляев. Что вы говорите?

Вера. Я знаю, что я говорю. Сегодняшний день меня состарил... Я не ребенок больше, поверьте. Она вздумала ревновать... ко мне! *(С горькой улыбкой.)* Как вам это кажется?

Беляев. Да это быть не может!

Вера. Не может быть... Но зачем же она вдруг вздумала выдать меня за этого господина, как бишь его, за Большинцова? Зачем подсылала ко мне доктора, зачем сама уговаривала меня? О, я знаю, что я говорю! Если б вы могли видеть, Беляев, как у ней всё лицо переменилось, когда я ей сказала... О, вы не можете вообразить, как хитро, как лукаво она выманивала у меня это сознание... Да, она вас любит; это слишком ясно...

Беляев. Вера Александровна, вы ошибаетесь, уверяю вас.

Вера. Нет, я не ошибаюсь. Поверьте мне: я не ошибаюсь. Если она вас не любит, зачем же она меня так истерзала? Что я ей сделала? *(Горько.)* Ревность всё извиняет. Да что и говорить!.. И теперь вот, зачем она вам отказывает? Она думает, что вы... что мы с вами... О, она может успокоиться! Вы можете остаться! *(Закрывает лицо руками.)*

Беляев. Она до сих пор мне не отказала, Вера Александровна... Я вам уже сказывал, что еще ничего не решено...

Вера *(вдруг поднимает голову и глядит на него)*. В самом деле?

Беляев. Да... но зачем вы так смотрите на меня?

Вера *(словно про себя)*. А! я понимаю... Да, да... она сама еще надеется... *(Дверь из коридора быстро растворяется, и на пороге показывается Наталья Петровна. Она останавливается при виде Веры и Беляева.)*

Беляев. Что вы говорите?

Вера. Да, теперь мне всё ясно... Она опомнилась,

она поняла, что я ей не опасна! и в самом деле, что́ я такое? Глупая девчонка, а она!

Беляев. Вера Александровна, как вы можете думать...

Вера. Да и наконец, кто знает? Может быть, она права... может быть, вы ее любите...

Беляев. Я?

Вера *(вставая)*. Да, вы; отчего вы краснеете?

Беляев. Я, Вера Александровна?

Вера. Вы ее любите, вы можете ее полюбить?.. Вы не отвечаете на мой вопрос?

Беляев. Но помилуйте, что вы хотите, чтобы я отвечал вам? Вера Александровна, вы так взволнованы... Успокойтесь, ради бога...

Вера *(отворачиваясь от него)*. О, вы обращаетесь со мной, как с ребенком... Вы даже не удостоиваете меня серьезного ответа... Вы просто желаете отделаться... Вы меня утешаете! *(Хочет уйти, но вдруг останавливается при виде Натальи Петровны.)* Наталья Петровна... *(Беляев быстро оглядывается.)*

Наталья Петровна *(делая несколько шагов вперед)*. Да, я. *(Она говорит с некоторым усилием.)* Я пришла за тобой, Верочка.

Вера *(медленно и холодно)*. Почему вам вздумалось именно сюда прийти? Вы, стало быть, меня искали?

Наталья Петровна. Да, я тебя искала. Ты неосторожна, Верочка... Уже не раз я тебе говорила... И вы, Алексей Николаич, вы забыли ваше обещание... Вы меня обманули.

Вера. Да полноте же наконец, Наталья Петровна, перестаньте! *(Наталья Петровна с изумлением глядит на нее.)* Полно вам говорить со мной, как с ребенком... *(Понизив голос.)* Я женщина с сегодняшнего дня... Я такая же женщина, как вы.

Наталья Петровна *(с смущением)*. Вера...

Вера *(почти шёпотом)*. Он вас не обманул... Не он искал этого свидания со мной. Ведь он меня не любит, вы это знаете, вам нечего ревновать.

Наталья Петровна *(с возрастающим изумлением)*. Вера!

Вера. Поверьте мне... не хитрите больше. Эти хитрости теперь уж ни к чему не служат... Я их насквозь вижу теперь. Поверьте. Я, Наталья Петровна,

для вас не воспитанница, за которой вы наблюдаете *(с иронией)*, как старшая сестра... *(Пододвигается к ней.)* Я для вас соперница.

Наталья Петровна. Вера, вы забываетесь...

Вера. Может быть... но кто меня до этого довел? Я сама не понимаю, откуда у меня берется смелость так говорить с вами... Может быть, я говорю так оттого, что я ни на что более не надеюсь, оттого, что вам угодно было растоптать меня... И вам это удалось... совершенно. Но слушайте: я не намерена лукавить с вами, как вы со мной... знайте: я ему *(указывая на Беляева)* всё сказала.

Наталья Петровна. Что вы могли ему сказать?

Вера. Что? *(С иронией.)* Да всё то, что мне удалось заметить. Вы надеялись из меня всё выведать, не выдавши самой себя. Вы ошиблись, Наталья Петровна. Вы слишком рассчитывали на свои силы...

Наталья Петровна. Вера, Вера, опомнитесь...

Вера *(шёпотом и еще ближе пододвинувшись к ней)*. Скажите же мне, что я ошибаюсь... Скажите мне, что вы его не любите... Сказал же он мне, что он меня не любит! *(Наталья Петровна в смущении молчит. Вера остается некоторое время неподвижной и вдруг прикладывает руку ко лбу.)* Наталья Петровна, простите меня... я... я сама не знаю... что со мною, простите меня, будьте снисходительны... *(Заливается слезами и быстро уходит в дверь коридора. Молчание.)*

Беляев *(подходя к Наталье Петровне)*. Я могу вас уверить, Наталья Петровна...

Наталья Петровна *(неподвижно глядя на пол протягивает руку в его направлении)*. Остановитесь, Алексей Николаич. Точно... Вера права... Пора... пора перестать мне хитрить. Я виновата перед ней, перед вами — вы вправе презирать меня. *(Беляев делает невольное движение.)* Я унизилась в собственных глазах. Мне остается одно средство снова заслужить ваше уважение: откровенность, полная откровенность, какие бы ни были последствия. Притом я вас вижу в последний раз, я в последний раз говорю с вами. Я люблю вас. *(Она всё не глядит на него.)*

Беляев. Вы, Наталья Петровна!..

Наталья Петровна. Да, я. Я вас люблю. Вера не обманулась и не обманула вас. Я полюбила вас с первого дня вашего приезда, но сама узнала об этом со вчерашнего дня. Я не намерена оправдывать мое поведение... Оно было недостойно меня... но по крайней мере вы теперь можете понять, можете извинить меня. Да, я ревновала к Вере; да, я мысленно выдавала ее за Большинцова, для того чтобы удалить ее от себя и от вас; да, я воспользовалась преимуществом моих лет, моего положения, чтобы выведать ее тайну, и — конечно, я этого не ожидала — и сама себя выдала. Я вас люблю, Беляев; но знайте: одна гордость вынуждает у меня это признание... комедия, разыгранная мною до сих пор, меня возмутила наконец. Вы не можете остаться здесь... Впрочем, после того, что я вам сейчас сказала, вам, вероятно, в моем присутствии будет очень неловко, и вы сами захотите как можно скорее удалиться отсюда. Я в этом уверена. Эта уверенность придала мне смелость. Я, признаюсь, не хотела, чтобы вы унесли дурное воспоминание обо мне. Теперь вы всё знаете... Я, может быть, помешала вам... может быть, если б всё это не случилось, вы бы полюбили Верочку... У меня только одно извинение, Алексей Николаич... Всё это не было в моей власти. *(Она умолкает. Она всё это говорит довольно ровным и спокойным голосом, не глядя на Беляева. Он молчит. Она продолжает с некоторым волнением, всё не глядя на него.)* Вы мне не отвечаете?.. Впрочем, я это понимаю. Вам нечего мне сказать. Положение человека, который не любит и которому объясняются в любви, слишком тягостно. Я благодарю вас за ваше молчание. Поверьте, когда я вам сказала... что я люблю вас, я не хитрила... по-прежнему; я ни на что не рассчитывала; напротив: я хотела сбросить наконец с себя личину, к которой, могу вас уверить, я не привыкла... Да и наконец, к чему еще жеманиться и лукавить, когда всё известно; к чему еще притворяться, когда даже некого обманывать? Всё кончено теперь между нами. Я вас более не удерживаю. Вы можете уйти отсюда, не сказавши мне ни слова, не простившись даже со мной. Я не только не сочту это за невежливость, напротив — я вам буду благодарна. Есть случаи, в которых деликатность

неуместна... хуже грубости. Видно, нам не было суждено узнать друг друга. Прощайте. Да, нам не было суждено узнать друг друга... но, по крайней мере, я надеюсь, что теперь я в ваших глазах перестала быть тем притеснительным, скрытным и хитрым существом... Прощайте, навсегда. *(Беляев в волненье хочет что-то сказать и не может.)* Вы не уходите?

Беляев *(кланяется, хочет уйти и после некоторой борьбы с самим собою возвращается)*. Нет, я не могу уйти... *(Наталья Петровна в первый раз взглядывает на него.)* Я не могу уйти так!.. Послушайте, Наталья Петровна, вы вот сейчас мне сказали... вы не желаете, чтобы я унес невыгодное воспоминание об вас, но и я не хочу, чтобы и вы вспомнили обо мне, как о человеке, который... Боже мой! Я не знаю, как выразиться... Наталья Петровна, извините меня... Я не умею говорить с дамами... Я до сих пор знал... совсем не таких женщин. Вы говорите, что нам не было суждено узнать друг друга, но помилуйте, мог ли я, простой, почти необразованный мальчик, мог ли я даже думать о сближении с вами? Вспомните, кто вы и кто я! Вспомните, мог ли я сметь подумать... С вашим воспитаньем... Да что я говорю о воспитании... Взгляните на меня... этот старый сюртук, и ваши пахучие платья... Помилуйте! Ну да! я боялся вас, я и теперь боюсь вас... Я, без всяких преувеличений, глядел на вас, как на существо высшее, и между тем... вы, вы говорите мне, что вы меня любите... вы, Наталья Петровна! Меня!.. Я чувствую, сердце во мне бьется, как отроду не билось; оно бьется не от одного изумления, не самолюбие во мне польщено... где!.. не до самолюбия теперь... Но я... я не могу уйти так, воля ваша!

Наталья Петровна *(помолчав, словно про себя)*. Что я сделала!

Беляев. Наталья Петровна, ради бога, поверьте...

Наталья Петровна *(измененным голосом)*. Алексей Николаич, если б я не знала вас за человека благородного, за человека, которому ложь недоступна, я бы могла бог знает чтó подумать. Я бы, может быть, раскаялась в своей откровенности. Но я верю вам. Я не хочу скрыть перед вами мои чувства: я благодарна вам за то, чтó вы мне сейчас сказали. Я теперь знаю,

почему мы не сошлись... Стало быть, собственно во мне ничего вас не отталкивало... Одно мое положение... *(Останавливается.)* Всё к лучшему, конечно... но мне теперь легче будет расстаться с вами... Прощайте. *(Хочет уйти.)*

Беляев *(помолчав)*. Наталья Петровна, я знаю, что мне нельзя здесь остаться... но я не могу передать вам всё, что во мне происходит. Вы меня любите... мне даже страшно выговорить эти слова... всё это для меня так ново... мне кажется, я вас вижу, слышу вас в первый раз, но я чувствую одно: мне необходимо уехать... я чувствую, что я ни за что отвечать не могу...

Наталья Петровна *(слабым голосом)*. Да, Беляев, вы должны уехать... Теперь, после этого объясненья, вы можете уехать... И неужели же точно, несмотря на всё, что я сделала... О, поверьте, если б я могла хоть отдаленно подозревать всё то, что вы мне теперь сказали — это признание, Беляев, оно бы умерло во мне... Я хотела только прекратить все недоразумения, я хотела покаяться, наказать себя, я хотела разом перервать последнюю нить. Если б я могла себе представить... *(Она закрывает себе лицо.)*

Беляев. Я вам верю, Наталья Петровна, я верю вам. Да я сам, за четверть часа... разве я воображал... Я только сегодня, во время нашего последнего свиданья перед обедом, в первый раз почувствовал что-то необыкновенное, небывалое, словно чья-то рука мне стиснула сердце, и так горячо стало в груди... Я, точно, прежде как будто чуждался, как будто даже не любил вас; но, когда вы мне сказали сегодня, что Вере Александровне показалось... *(Останавливается.)*

Наталья Петровна *(с невольной улыбкой счастья на губах)*. Полноте, полноте, Беляев; нам не об этом должно думать. Нам не должно позабыть, что мы говорим друг с другом в последний раз... что вы завтра уезжаете...

Беляев. О, да! я завтра же уеду! Теперь я еще могу уехать... Всё это пройдет... Вы видите, я не хочу преувеличивать... Я уеду... а там, что бог даст! Я унесу с собой одно воспоминанье, я вечно буду помнить, что вы меня полюбили... Но как же это я до сих пор не узнал вас? Вот вы смóтрите на меня теперь. Неужели

я когда-нибудь старался избегать вашего взгляда... Неужели я когда-нибудь робел в вашем присутствии?

Наталья Петровна *(с улыбкой)*. Вы сейчас мне сказали, что вы боитесь меня.

Беляев. Я? *(Помолчав.)* Точно... Я сам себе удивляюсь... Я, я так смело говорю с вами? Я себя не узнаю.

Наталья Петровна. И вы не обманываетесь?..

Беляев. В чем?

Наталья Петровна. В том, что вы меня... *(Вздрагивая.)* О боже, что я делаю... Послушайте, Беляев... Придите ко мне на помощь... Ни одна женщина не находилась еще в подобном положении. Я не в силах больше, право... Может быть, оно так к лучшему, всё разом прекращено, но мы по крайней мере узнали друг друга... Дайте мне руку — и прощайте навсегда.

Беляев *(берет ее за руку)*. Наталья Петровна... я не знаю, что́ вам сказать на прощанье... сердце у меня так полно... Дай вам бог... *(Останавливается и прижимает ее руку к губам.)* Прощайте. *(Хочет уйти в садовую дверь.)*

Наталья Петровна *(глядя ему вслед)*. Беляев...

Беляев *(оборачиваясь)*. Наталья Петровна...

Наталья Петровна *(помолчав некоторое время, слабым голосом)*. Останьтесь...

Беляев. Как?..

Наталья Петровна. Останьтесь, и пусть бог нас рассудит! *(Она прячет голову в руки.)*

Беляев *(быстро подходит к ней и протягивает к ней руки)*. Наталья Петровна... *(В это мгновение дверь из саду растворяется, и на пороге показывается Ракитин. Он некоторое время глядит на обоих и вдруг подходит к ним.)*

Ракитин *(громко)*. А вас везде ищут, Наталья Петровна... *(Наталья Петровна и Беляев оглядываются.)*

Наталья Петровна *(отнимая руки от лица и словно приходя в себя)*. А, это вы... Кто меня ищет? *(Беляев, смущенный, кланяется Наталье Петровне и хочет уйти.)* Вы ухо́дите, Алексей Николаич...

не забудьте же, вы знаете... *(Он вторично кланяется ей и уходит в сад.)*

Ракитнн. Аркадий вас ищет... Признаюсь, я не ожидал найти вас здесь... но, проходя мимо...

Наталья Петровна *(с улыбкой)*. Вы услышали наши голоса... Я встретила здесь Алексея Николаича... и имела с ним небольшое объяснение... Сегодня, видно, день объяснений, но теперь мы можем пойти домой... *(Хочет идти в дверь коридора.)*

Ракитин *(с некоторым волнением)*. Могу узнать... какое решение...

Наталья Петровна *(притворяясь удивленной)*. Какое решение?.. Я вас не понимаю.

Ракитин *(долго помолчав, печально)*. В таком случае я всё понимаю.

Наталья Петровна. Ну так и есть... Опять таинственные намеки! Ну да, я объяснилась с ним, и теперь всё опять пришло в порядок... Это пустяки были, преувеличенья... Всё, о чем мы говорили с вами, всё это ребячество. Это следует теперь позабыть.

Ракитин. Я вас не расспрашиваю, Наталья Петровна.

Наталья Петровна *(с принужденной развязностью)*. Что бишь я хотела сказать вам... Не помню. Всё равно. Пойдемте. Всё это кончено... всё прошло.

Ракитин *(пристально поглядев на нее)*. Да, всё кончено. Как вам должно быть теперь досадно на себя... за вашу сегодняшнюю откровенность... *(Он отворачивается.)*

Наталья Петровна. Ракитин... *(Он опять взглядывает на нее; она, видимо, не знает, что сказать.)* Вы еще не говорили с Аркадием?

Ракитин. Никак нет-с... Я еще не успел приготовиться... Вы понимаете, надобно что-нибудь сочинить...

Наталья Петровна. Как это несносно! Чего они от меня хотят? Следят за мной на каждом шагу. Ракитин, мне, право, совестно перед вами...

Ракитин. О, Наталья Петровна, не извольте беспокоиться... К чему? Всё это в порядке вещей. Но как заметно, что господин Беляев еще новичок! И к чему это он так смешался, убежал... Впрочем, со временем... *(вполголоса и скоро)* вы оба научитесь при-

творяться... *(Громко.)* Пойдемте. *(Наталья Петровна хочет подойти к нему и останавливается. В это мгновенье за дверью сада раздается голос Ислаева: «Он сюда пошел, вы говорите?» и вслед за тем входят Ислаев и Шпигельский.)*

Ислаев. Точно... вот он. Ба, ба, ба! Да и Наталья Петровна тут же! *(Подходя к ней.)* Что это? продолжение сегодняшнего объяснения? — Видно, предмет важный.

Ракитин. Я встретил здесь Наталью Петровну...

Ислаев. Встретил? *(Оглядывается.)* Какое проходное место, подумаешь?

Наталья Петровна. Да зашел же ты сюда...

Ислаев. Я зашел сюда потому... *(Останавливается.)*

Наталья Петровна. Ты меня искал?

Ислаев *(помолчав)*. Да — я искал тебя. Не хочешь ли ты вернуться домой? Чай уже готов. Скоро смеркнется.

Наталья Петровна *(берет его руку)*. Пойдем.

Ислаев *(оглядываясь)*. А из этих сеней можно сделать две хорошие комнаты для садовников — или другую людскую — как вы полагаете, Шпигельский?

Шпигельский. Разумеется.

Ислаев. Пойдем садом, Наташа. *(Идет в садовую дверь. Он в течение всей этой сцены ни разу не взглянул на Ракитина. На пороге он оборачивается до половины.)* Господа, что же вы? Пойдемте чай пить. *(Уходит с Натальей Петровной.)*

Шпигельский *(Ракитину)*. Что ж, Михайло Александрыч, пойдемте... Дайте мне руку... Видно, нам с вами суждено состоять в ариергарде...

Ракитин *(с сердцем)*. Ах, господин доктор, вы, позвольте вам сказать, вы мне очень надоели...

Шпигельский *(с притворным добродушием)*. А уж себе-то как я надоел, Михайло Александрыч, если б вы знали! *(Ракитин невольно улыбается.)* Пойдемте, пойдемте... *(Оба уходят в дверь сада.)*

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Та же декорация, как в первом и третьем действиях. Утро. За столом сидит Ислаев и рассматривает бумаги. Он вдруг встает.

Ислаев. Нет! решительно не могу сегодня заниматься. Словно гвоздь засел мне в голову. *(Прохаживается.)* Признаюсь, я этого не ожидал; я не ожидал, что я буду тревожиться... как теперь тревожусь.— Как тут поступить?... вот в чем задача. *(Задумывается и вдруг кричит.)* Матвей!

Матвей *(входя)*. Что прикажете?

Ислаев. Старосту мне позвать... Да копачам на плотине вели подождать меня... Ступай.

Матвей. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Ислаев *(подходя опять к столу и перелистывая бумаги)*. Да... задача!

Анна Семеновна *(входит и приближается к Ислаеву)*. Аркаша...

Ислаев. А! это вы, маменька. Как ваше здоровье?

Анна Семеновна *(садясь на диван)*. Я здорова, слава богу. *(Вздыхает.)* Я здорова. *(Вздыхает еще громче.)* Слава богу. *(Видя, что Ислаев не слушает ее, вздыхает очень сильно, с легким стоном.)*

Ислаев. Вы вздыхаете... Что с вами?

Анна Семеновна *(опять вздыхает, но уже легче)*. Ах, Аркаша, как будто ты не знаешь, о чем я вздыхаю!

Ислаев. Что вы хотите сказать?

Анна Семеновна *(помолчав)*. Я мать твоя, Аркаша. Конечно, ты человек уже взрослый, с рассудком; но всё же — я твоя мать.— Великое слово: мать!

Ислаев. Объяснитесь, пожалуйста.

Анна Семеновна. Ты знаешь, на что я намекаю, друг мой. Твоя жена, Наташа... конечно, она прекрасная женщина — и поведение ее до сих пор было

самое примерное... но она еще так молода, Аркаша! А молодость...

Ислаев. Я понимаю, что́ вы хотите сказать... Вам кажется, что ее отношения с Ракитиным...

Анна Семеновна. Сохрани бог! Я вовсе не думала...

Ислаев. Вы мне не дали договорить... Вам кажется, что ее отношения с Ракитиным не совсем... ясны. Эти таинственные разговоры, эти слезы — всё это вам кажется странным.

Анна Семеновна. А что́, Аркаша, сказал он тебе наконец, о чем это у них были разговоры?.. Мне он ничего не сказал.

Ислаев. Я, маменька, его не расспрашивал — а он, по-видимому, не слишком торопится удовлетворить мое любопытство.

Анна Семеновна. Так что ж ты намерен теперь сделать?

Ислаев. Я, маменька? Да ничего.

Анна Семеновна. Как ничего?

Ислаев. Да так же, ничего.

Анна Семеновна (*вставая*). Признаюсь, это меня удивляет.— Конечно, ты в своем доме хозяин и лучше меня знаешь, что́ хорошо и что́ дурно. Однако подумай, какие последствия...

Ислаев. Маменька, право, вы напрасно изволите тревожиться.

Анна Семеновна. Друг мой, ведь я мать... а впрочем, как знаешь. (*Помолчав.*) Я, признаюсь, пришла было к тебе с намерением предложить свое посредничество...

Ислаев (*с живостью*). Нет, уж на этот счет я должен просить вас, маменька, не беспокоиться... Сделайте одолжение!

Анна Семеновна. Как хочешь, Аркаша, как хочешь.— Я вперед уже ни слова не скажу. Я тебя предупредила, долг исполнила — а теперь — как воды в рот набрала. (*Небольшое молчание.*)

Ислаев. Вы сегодня никуда не выезжаете?

Анна Семеновна. А только я должна предупредить тебя: ты слишком доверчив, дружок мой; обо всех по себе судишь! Поверь мне: настоящие друзья слишком редки в наше время!

Ислаев *(с нетерпением)*. Маменька...

Анна Семеновна. Ну — молчу, молчу! Да и где мне, старухе? Чай, из ума выжила! — И воспитана я была в других правилах — и сама старалась тебе внушить... Ну, ну, занимайся, я мешать не буду... Я уйду. *(Идет к двери и останавливается.)* Стало быть?.. Ну, как знаешь, как знаешь! *(Уходит.)*

Ислаев *(глядя ей вслед)*. Что за охота людям, которые действительно вас любят, класть поочередно все свои пальцы в вашу рану? И ведь они убеждены в том, что от этого вам легче,— вот что забавно! — Впрочем, я матушку не виню: ее намерения точно самые лучшие — да и как не подать совета? — Но дело не в том... *(Садясь.)* Как мне поступить? *(Подумав, встает.)* Э! чем проще, тем лучше! — Дипломатические тонкости ко мне не идут... Я первый в них запутаюсь. *(Звонит. Входит Матвей.)* Михайло Александрович дома — не знаешь?

Матвей. Дома-с. Я их сейчас в биллиардной видел.

Ислаев. А! Ну, так попроси его ко мне.

Матвей. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Ислаев *(ходя взад и вперед)*. Не привык я к подобным передрягам... Надеюсь, что они не будут часто повторяться... Я хоть и крепкого сложения — а этого не вынесу. *(Кладет руку на грудь.)* Фу!.. *(Из залы входит Ракитин, смущенный.)*

Ракитин. Ты меня звал?

Ислаев. Да... *(Помолчав.)* Michel, ведь ты у меня в долгу.

Ракитин. Я?

Ислаев. А как же? Ты разве забыл свое обещание? Насчет... Наташиных слез... и вообще... Вот как мы вас с матушкой застали, помнишь — ты мне сказал, что между вами есть тайна, которую ты хотел объяснить?

Ракитин. Я сказал: тайна?

Ислаев. Сказал.

Ракитин. Да какая же у нас может быть тайна? — Был у нас разговор.

Ислаев. О чем? — И отчего она плакала?

Ракитин. Ты знаешь, Аркадий... попадаются такие минуты в жизни женщины... самой счастливой...

Ислаев. Ракитин, постой, эдак нельзя.— Я не могу видеть тебя в таком положении... Твое замешательство меня тяготит больше, чем тебя самого. *(Берет его за руку.)* Мы ведь старые друзья — ты меня с детства знаешь: хитрить я не умею — да и ты был всегда со мной откровенен. Позволь мне предложить тебе один вопрос... Даю наперед честное слово, что в искренности твоего ответа сомневаться не буду. Ты ведь любишь мою жену? *(Ракитин взглядывает на Ислаева.)* Ты меня понимаешь, любишь ли ты ее так... Ну, словом, любишь ли ты мою жену такой любовью, в которой мужу сознаться... трудно?

Ракитин *(помолчав, глухим голосом)*. Да — я люблю твою жену... такой любовью.

Ислаев *(тоже помолчав)*. Мишель, спасибо за откровенность. Ты благородный человек.— Ну, однако, что ж теперь делать? Сядь, обсудим-ка это дело вдвоем. *(Ракитин садится. Ислаев ходит по комнате.)* Я Наташу знаю; я знаю ей цену... Но и себе я цену знаю. Я тебя не сто́ю, Michel... не перебивай меня, пожалуйста,— я тебя не сто́ю. Ты умнее, лучше, наконец приятнее меня. Я простой человек. Наташа меня любит — я думаю, но у ней есть глаза... ну, словом, ты должен ей нравиться. И вот что я тебе еще скажу: я давно замечал ваше взаимное расположение... Но я в обоих вас всегда был уверен — и пока ничего не выходило наружу... Эх! говорить-то я не умею! *(Останавливается.)* Но после вчерашней сцены, после вашего вторичного свидания вечером — как тут быть? И хоть бы я один вас застал — а тут замешались свидетели; маменька, это плут Шпигельский... Ну, что ты скажешь, Michel — а?

Ракитин. Ты совершенно прав, Аркадий.

Ислаев. Не в том вопрос... а что делать? Я должен тебе сказать, Michel, что хоть я и простой человек — а настолько понимаю, что чужую жизнь заедать не годится — и что бывают случаи, когда на своих правах настаивать грешно. Это я, брат, не из книг вычитал... совесть говорит. Дать волю... ну, что ж? дать волю! — Только это обдумать надо. Это слишком важно.

Ракитин *(вставая.)* Да уж я всё обдумал.

Ислаев. Как?

Ракитин. Я должен уехать... я уезжаю.

Ислаев (*помолчав*). Ты полагаешь?.. Совсем отсюда вон?

Ракитин. Да.

Ислаев (*опять начинает ходить взад и вперед*). Это... это ты какое слово сказал! А может быть, ты прав. Тяжело нам будет без тебя... Бог ведает, может, это и к цели не приведет... Но тебе видней, тебе лучше знать. Я полагаю, это ты придумал верно. Ты мне опасен, брат... (*С грустной улыбкой.*) Да... ты мне опасен. Вот я сейчас это сказал... насчет воли-то... А ведь, пожалуй, я бы не пережил! Мне без Наташи быть... (*Махает рукой.*) И вот что, брат, еще: с некоторых пор, особенно в эти последние дни, я вижу в ней большую перемену. В ней проявилось какое-то глубокое, постоянное волнение, которое меня пугает. Не правда ли, я не ошибаюсь?

Ракитин (*горько*). О нет, ты не ошибаешься!

Ислаев. Ну, вот видишь! Стало быть, ты уезжаешь?

Ракитин. Да.

Ислаев. Гм. И как это вдруг стряслось! И нужно же тебе было так смешаться, когда мы с матушкой застали вас...

Матвей (*входя*). Староста пришел-с.

Ислаев. Пусть подождет! (*Матвей уходит.*) Michel, однако ты ненадолго уезжаешь? Уж это, брат, пустяки!

Ракитин. Не знаю, право... Я думаю... надолго.

Ислаев. Да ты меня уж не принимаешь ли за Отелло за какого-нибудь? Право, с тех пор как свет стоит, я думаю, такого разговора не было между двумя друзьями! Не могу же я так с тобой расстаться...

Ракитин (*пожимая ему руку*). Ты меня уведомишь, когда мне можно будет воротиться.

Ислаев. Ведь тебя здесь заменить некому! Не Большинцов же в самом деле!

Ракитин. Тут есть другие...

Ислаев. Кто? Криницын? Фат этот? Беляев, конечно, добрый малый... но ведь ему до тебя, как до звезды небесной!

Ракитин (*язвительно*). Ты думаешь? Ты его не знаешь, Аркадий... Ты обрати на него внимание... Со-

ветую тебе... Слышишь? Он очень... очень замечательный человек!

Ислаев. Ба! То-то вы всё с Наташей хотели его воспитаньем заняться! *(Глянув в дверь.)* А! да вот и он, кажется, сюда идет... *(Поспешно.)* Итак, милый мой, это решено — ты уезжаешь... на короткое время... на этих днях... Спешить не к чему — нужно Наташу приготовить... Маменьку я успокою... И дай бог тебе счастья! Камень у меня ты снял с сердца... Обними меня, душа моя! *(Торопливо его обнимает и оборачивается ко входящему Беляеву.)* А... это вы! Ну... ну, как можете?

Беляев. Слава богу, Аркадий Сергеич.

Ислаев. А что, Коля где?

Беляев. Он с господином Шаафом.

Ислаев. А... прекрасно! *(Берет шляпу.)* Ну, господа, однако, прощайте. Я еще нигде не был сегодня — ни на плотине, ни на постройке... Вот и бумаг не просмотрел. *(Схватывает их под мышку.)* До свиданья! Матвей! Матвей! ступай со мной! *(Уходит. Ракитин остается в задумчивости на авансцене.)*

Беляев *(подходя к Ракитину)*. Как вы сегодня себя чувствуете, Михайло Александрыч?

Ракитин. Благодарствуйте. По-обыкновенному. А вы как?

Беляев. Я здоров.

Ракитин. Это видно!

Беляев. А что?

Ракитин. Да так... по вашему лицу... Э! да вы новый сюртук сегодня надели... И что я вижу! цветок в петлице. *(Беляев, краснея, вырывает его.)* Да зачем же... зачем, помилуйте... Это очень мило... *(Помолчав.)* Кстати, Алексей Николаич, если вам что-нибудь нужно... Я завтра еду в город.

Беляев. Завтра?

Ракитин. Да... а оттуда, может быть, в Москву.

Беляев *(с удивлением)*. В Москву? Да вы, кажется, еще вчера мне говорили, что намерены пробыть здесь с месяц...

Ракитин. Да... но дела... обстоятельство вышло такое...

Беляев. И надолго вы уезжаете?

Ракитин. Не знаю... может быть, надолго.

Б е л я е в. Позвольте узнать — Наталье Петровне известно ваше намерение?

Р а к и т и н. Нет. Почему вы спрашиваете меня именно о ней?

Б е л я е в. Я? *(Несколько смущенный.)* Так.

Р а к и т и н *(помолчав и оглянувшись кругом)*. Алексей Николаич, кажется, кроме нас, никого нет в комнате, не странно ли, что мы друг перед другом комедию разыгрываем, а? как вы думаете?

Б е л я е в. Я вас не понимаю, Михайло Александрыч.

Р а к и т и н. В самом деле? Вы точно не понимаете, зачем я уезжаю?

Б е л я е в. Нет.

Р а к и т и н. Это странно... Впрочем, я готов вам верить. Может быть, вы действительно не знаете причины... Хотите, я вам скажу, зачем я уезжаю?

Б е л я е в. Сделайте одолжение.

Р а к и т и н. Вот, видите ли, Алексей Николаич,— впрочем, я надеюсь на вашу скромность,— вы сейчас застали меня с Аркадием Сергеичем... У нас с ним был довольно важный разговор. Вследствие именно этого разговора я решился уехать. И знаете ли — почему? Я вам всё это говорю, потому что считаю вас за благородного человека... Ему вообразилось, что я... ну, да, что я люблю Наталью Петровну. Как вам это кажется, а? Не правда ли, какая странная мысль? Но я за то благодарен ему, что он не стал хитрить, наблюдать за нами, что ли, а просто и прямо обратился ко мне. Ну, теперь скажите, что́ бы вы сделали на моем месте? Конечно, его подозрения не имеют никакого основания, но они его тревожат... Для покоя друзей порядочный человек должен уметь иногда пожертвовать... своим удовольствием. Вот от этого-то я и уезжаю... Я уверен, вы одобрите мое решение, не правда ли? Не правда ли, вы... вы бы точно так же поступили на моем месте? Вы бы тоже уехали?

Б е л я е в *(помолчав)*. Может быть.

Р а к и т и н. Мне очень приятно это слышать... Конечно, я не спорю, в моем намерении удалиться есть сторона смешная, я словно сам почитаю себя опасным; но, видите ли, Алексей Николаич, честь женщины такая важная вещь.... И притом — я, разумеется, это

говорю не про Наталью Петровну,— но я знавал женщин чистых и невинных сердцем, настоящих детей при всем уме, которые, именно вследствие этой чистоты и невинности, более других способны были отдаться внезапному увлеченью... А потому, кто знает? Лишняя осторожность в таких случаях не мешает, тем более что... Кстати, Алексей Николаич, вы, может быть, еще воображаете, что любовь высшее благо на земле?

Беляев *(холодно)*. Я этого еще не испытал, но я думаю, что быть любимым женщиной, которую любишь, великое счастье.

Ракитин. Дай вам бог долго сохранить такие приятные убеждения! По-моему, Алексей Николаич, всякая любовь, счастливая равно как и несчастная, настоящее бедствие, когда ей отдаешься весь.... Погодите! вы, может быть, еще узнаете, как эти нежные ручки умеют пытать, с какой ласковой заботливостью они по частичкам раздирают сердце... Погодите! вы узнаете, сколько жгучей ненависти таится под самой пламенной любовью! Вы вспомните обо мне, когда, как больной жаждет здоровья, вы будете жаждать покоя, самого бессмысленного, самого пошлого покоя, когда вы будете завидовать всякому человеку беззаботному и свободному... Погодите! Вы узнаете, что значит принадлежать юбке, что значит быть порабощенным, зараженным — и как постыдно и томительно это рабство!.. Вы узнаете наконец какие пустячки покупаются такою дорогою ценою... Но к чему я это всё говорю вам, вы мне не поверите теперь. Дело в том, что мне очень приятно ваше одобрение... да, да... в таких случаях следует быть осторожным.

Беляев *(который всё время не спускал глаз с Ракитина)*. Спасибо за урок, Михайло Александрыч, хотя я в нем и не нуждался.

Ракитин *(берет его за руку)*. Вы извините меня, пожалуйста, я не имел намерения... не мне давать уроки кому бы то ни было... Я только так разговорился...

Беляев *(с легкой иронией)*. Безо всякого повода?

Ракитин *(немного смешавшись)*. Именно, без всякого особенного повода. Я хотел только... Вы до сих пор, Алексей Николаич, не имели случая изучить женщин. Женщины — это очень своенравный народ.

Беляев. Да вы о ком говорите?

Ракитин. Так... ни о ком в особенности.

Беляев. О всех вообще, не правда ли?

Ракитин *(принужденно улыбаясь)*. Да, может быть. Я, право, не знаю, с какой стати я попал в этот наставнический тон, но уж позвольте мне на прощанье дать вам один добрый совет. *(Останавливаясь и махнув рукой.)* Э! да впрочем, что я за советчик! Извините, пожалуйста, мою болтовню...

Беляев. Напротив, напротив...

Ракитин. Итак, вам ничего не нужно из города?

Беляев. Ничего спасибо. Но мне жаль, что вы уезжаете.

Ракитин. Покорно вас благодарю... Поверьте, что и мне тоже... *(Из двери кабинета выходят Наталья Петровна и Вера. Вера очень печальна и бледна.)* Я очень был рад с вами познакомиться... *(Опять жмет ему руку.)*

Наталья Петровна *(глядит некоторое время на обоих и подходит к ним)*. Здравствуйте, господа...

Ракитин *(быстро оборачиваясь)*. Здравствуйте, Наталья Петровна... Здравствуйте, Вера Александровна... *(Беляев молча кланяется Наталье Петровне и Вере. Он смущен.)*

Наталья Петровна *(Ракитину)*. Что вы делаете хорошего?

Ракитин. Да ничего...

Наталья Петровна. А мы уж с Верой гуляли по саду... Сегодня так хорошо на воздухе... Липы так сладко пахнут. Мы все под липами гуляли... Приятно слушать в тени жужжание пчел над головой... *(Робко Беляеву)*. Мы надеялись вас там встретить. *(Беляев молчит.)*

Ракитин *Наталье Петровне*. А! и вы сегодня обращаете внимание на красоты природы... *(Помолчав.)* Алексею Николаичу нельзя было идти в сад... Он сегодня новый сюртук надел...

Беляев *(слегка вспыхнув)*. Конечно, ведь он у меня только один, а в саду, пожалуй, изорвать его можно.... Ведь вы вот что хотите сказать?

Ракитин *(покраснев)*. О нет... я совсем не то... *(Вера идет молча к дивану направо, садится и прини-*

мается за работу. Наталья Петровна принужденно улыбается Беляеву. Небольшое, довольно тягостное молчание. Ракитин продолжает с язвительной небрежностью.) Ах да, я и забыл вам сказать, Наталья Петровна, я сегодня уезжаю...

Наталья Петровна *(с некоторым волнением)*. Вы уезжаете? Куда?

Ракитин. В город... По делам.

Наталья Петровна. Я надеюсь, ненадолго?

Ракитин. Как дела пойдут.

Наталья Петровна. Смотрите же, возвращайтесь скорей. *(К Беляеву, не глядя на него.)* Алексей Николаич, это ваши рисунки мне Коля показывал? Это вы рисовали?

Беляев. Да-с... я... безделицы...

Наталья Петровна. Напротив, это очень мило. У вас талант.

Ракитин. Я вижу, вы в господине Беляеве с каждым днем открываете новые достоинства.

Наталья Петровна *(холодно)*. Может быть... Тем лучше для него. *(Беляеву.)* У вас, вероятно, есть другие рисунки, вы мне их покажете. *(Беляев кланяется.)*

Ракитин *(который всё время стоит как на иглах)*. Однако я вспомнил, что мне пора укладываться... До свиданья. *(Идет к дверям залы.)*

Наталья Петровна *(ему вслед)*. Да вы еще проститесь с нами...

Ракитин. Конечно.

Беляев *(после некоторой нерешительности)*. Михайло Александрыч, погодите, я с вами пойду. Мне нужно сказать вам два слова...

Ракитин. А! *(Оба уходят в залу. Наталья Петровна остается посреди сцены; погодя немного она садится налево.)*

Наталья Петровна *(после некоторого молчания)*. Вера!

Вера *(не поднимая головы)*. Что вам угодно?

Наталья Петровна. Вера, ради бога, не будьте так со мной... ради бога, Вера... Верочка... *(Вера ничего не говорит. Наталья Петровна встает, идет через всю сцену и тихо становится перед ней на*

колена. Вера хочет поднять ее, отворачивается и закрывает лицо. Наталья Петровна говорит на коленах.) Вера, прости меня; не плачь, Вера. Я виновата перед тобою, я виновата. Неужели ты не можешь простить меня?

Вера *(сквозь слезы)*. Встаньте, встаньте...

Наталья Петровна. Я не встану, Вера, пока ты не простишь меня. Тебе тяжело... но вспомни, разве мне легче... вспомни, Вера... Ведь ты всё знаешь... Между нами только та разница, что ты передо мной ни в чем не виновата, а я...

Вера *(горько)*. Только та разница! Нет, Наталья Петровна, между нами другая есть разница... Вы сегодня так мягки, так добры, так ласковы...

Наталья Петровна *(перебивая ее)*. Потому что я чувствую свою вину...

Вера. В самом деле? Только поэтому...

Наталья Петровна *(встает и садится подле нее)*. Да какая же может быть другая причина?

Вера. Наталья Петровна, не мучьте меня больше, не расспрашивайте меня...

Наталья Петровна *(вздохнув)*. Вера, ты, я вижу, не можешь меня простить.

Вера. Вы сегодня так добры и так мягки, потому что вы чувствуете себя любимой.

Наталья Петровна *(в смущении)*. Вера!

Вера *(оборачиваясь к ней)*. Что ж, разве это не правда?

Наталья Петровна *(печально)*. Поверь мне, мы обе с тобой равно несчастны.

Вера. Он вас любит!

Наталья Петровна. Вера, что нам за охота друг друга мучить? Пора нам обеим опомниться. Вспомни, в каком я положении, в каком мы положении обе. Вспомни, что об нашей тайне, по моей вине, конечно, знают уже здесь два человека... *(Останавливается)*. Вера, вместо того чтобы терзать друг друга подозрениями и упреками, не лучше ли нам вдвоем подумать о том, как бы выйти из этого тяжелого положения... как бы спастись! Или ты думаешь, что я могу выносить эти волненья, эти тревоги? Или ты забыла, кто я? Но ты меня не слушаешь.

Вера *(задумчиво глядит на пол)*. Он вас любит...

Наталья Петровна. Вера, он уедет.

Вера *(оборачиваясь)*. Ах, оставьте меня. *(Наталья Петровна глядит на нее с нерешительностию. В это мгновение в кабинете раздается голос Ислаева: «Наташа, а Наташа, где ты?»)*

Наталья Петровна *(быстро встает и подходит к двери кабинета)*. Я здесь.... Что тебе?

Голос Ислаева. Поди-ка сюда, мне нужно тебе что-то сказать...

Наталья Петровна. Сейчас. *(Она возвращается к Вере, протягивает ей руку. Вера не шевелится. Наталья Петровна вздыхает и уходит в кабинет.)*

Вера *(одна, после молчания)*. Он ее любит!.. И я должна остаться у ней в доме... О! это слишком... *(Она закрывает лицо руками и остается неподвижной. Из двери, ведущей в залу, показывается голова Шпигельского. Он осторожно оглядывается и подходит на цыпочках к Вере, которая его не замечает.)*

Шпигельский *(постояв перед ней, скрестя руки и с язвительной улыбкой на лице)*. Вера Александровна!.. А Вера Александровна...

Вера *(подняв голову)*. Кто это? Вы, доктор...

Шпигельский. Что вы, моя барышня, нездоровы, что ли?

Вера. Нет, ничего.

Шпигельский. Дайте-ка пощупать пульс. *(Щупает у ней пульс)*. Гм. Что так скоро? Ах вы, барышня моя, барышня... Не слушаетесь вы меня... А уж, кажется, я на что вам добра желаю.

Вера *(решительно взглянув на него)*. Игнатий Ильич...

Шпигельский *(проворно)*. Слушаю, Вера Александровна... Что за взгляд, помилуйте... Слушаю.

Вера. Этот господин... Большинцов, ваш знакомый, точно хороший человек?

Шпигельский. Мой приятель Большинцов? Отличнейший, честнейший человек... образец и пример добродетели.

Вера. Он не злой?

Шпигельский. Добрейший, помилуйте. Это не человек, это тесто, помилуйте. Только сто́ит взять да лепить. Такого добряка другого на свете днем с огнем не найти. Голубь, а не человек.

В е р а. Вы за него ручаетесь?

Ш п и г е л ь с к и й *(кладет одну руку на сердце, а другую поднимает кверху)*. Как за самого себя!

В е р а. В таком случае вы можете ему сказать... что я готова за него замуж выйти.

Ш п и г е л ь с к и й *(с радостным изумлением)*. Ой ли?

В е р а. Только как можно скорее — слышите? — как можно скорее...

Ш п и г е л ь с к и й. Завтра, если хотите... Еще бы! Ай да Вера Александровна! Молодец барышня! Я сейчас же к нему поскачу. То-то я его обрадую... Вот какое неожиданное вышло обстоятельство! Ведь он в вас души не чает, Вера Александровна...

В е р а *(с нетерпением)*. Я у вас этого не спрашиваю, Игнатий Ильич.

Ш п и г е л ь с к и й. Как знаете, Вера Александровна; как знаете. А только вы будете с ним счастливы, вы будете меня благодарить, увидите... *(Вера делает опять нетерпеливое движение.)* Ну, я молчу, я молчу... Стало быть, я могу ему сказать...

В е р а. Можете, можете.

Ш п и г е л ь с к и й. Очень хорошо-с. Так я сейчас отправляюсь. До свиданья. *(Прислушиваясь.)* Кстати же, кто-то сюда идет. *(Идет в кабинет и на пороге делает про себя изумленную гримасу.)* До свиданья. *(Уходит.)*

В е р а *(глядя ему вслед)*. Всё на свете скорей, чем здесь остаться... *(Встает.)* Да; я решилась. Я не останусь в этом доме... ни за что. Я не могу сносить ее кроткого взора, ее улыбки, я не могу видеть, как она вся отдыхает, вся нежится в своем счастии... Ведь она счастлива, как она там ни прикидывайся грустной и печальной... Ее ласки мне нестерпимы... *(Из двери залы показывается Беляев. Он осматривается и подходит к Вере.)*

Б е л я е в *(вполголоса)*. Вера Александровна, вы одне?

В е р а *(оглядывается, вздрагивает и, помолчав немного, произносит)*. Да.

Б е л я е в. Я рад, что вы одне... А то я не вошел бы сюда. Вера Александровна, я пришел проститься с вами.

В е р а. Проститься?

Б е л я е в. Да, я уезжаю.

В е р а. Вы уезжаете? И вы уезжаете?

Б е л я е в. Да... и я. *(С сильным внутренним волнением).* Вот, видите ли, Вера Александровна, мне нельзя здесь остаться. Мое присутствие уж и так здесь наделало много бед. Кроме того, что я, сам не знаю как, возмутил ваше спокойствие и спокойствие Натальи Петровны, я еще нарушил старинные, дружеские связи. По моей милости господин Ракитин уезжает отсюда, вы рассорились с вашей благодетельницей... Пора прекратить всё это. После моего отъезда всё, я надеюсь, опять успокоится и придет в порядок... Кружить голову богатым барыням и молодым девушкам не мое дело... Вы обо мне позабудете и, может быть, со временем станете удивляться, как это всё могло случиться... Меня даже теперь это удивляет... Я не хочу вас обманывать, Вера Александровна: мне страшно, мне жутко здесь остаться... Я не могу ни за что отвечать... Я, знаете ли, не привык ко всему этому. Мне неловко... мне так и кажется, что все глядят на меня... Да и, наконец, мне невозможно будет... теперь, с вами обеими...

В е р а. О, на мой счет не беспокойтесь! Я не долго останусь здесь.

Б е л я е в. Как?

В е р а. Это моя тайна. Но я вам не буду мешать, поверьте.

Б е л я е в. Ну, вот видите, как же мне не уехать? Посудите сами. Я словно чуму занес в этот дом: все бегут отсюда... Не лучше ли мне одному исчезнуть, пока еще есть время? Я сейчас имел большой разговор с господином Ракитиным... Вы не можете вообразить, сколько было горечи в его словах... А он поделом подтрунил над моим новым сюртуком... Он прав. Да: я должен уехать. Поверите ли, Вера Александровна, я не дождусь той минуты, когда я буду скакать в телеге по большой дороге... Мне душно здесь, мне хочется на воздух. Мне мочи нет как горько и в то же время легко, словно человеку, который отправляется в далекое путешествие, за море: ему тошно расставаться с друзьями, ему жутко, а между тем море так весело шумит, ветер так свежо дует ему в лицо, что кровь невольно играет в его жилах, как сердце в нем ни тяжело... Да,

я решительно уезжаю. Вернусь в Москву, к своим товарищам, стану работать.

Вера. Вы, стало быть, ее любите, Алексей Николаич; вы ее любите, а между тем вы уезжаете.

Беляев. Полноте, Вера Александровна, к чему это? Разве вы не видите, что всё кончено. Всё. Вспыхнуло и погасло, как искра. Расстанемтесь друзьями. Пора. Я опомнился. Будьте здоровы, будьте счастливы, мы когда-нибудь увидимся... Я вас никогда не забуду, Вера Александровна... Я вас очень полюбил, поверьте... *(Жмет ей руку и прибавляет поспешно.)* Отдайте от меня эту записку Наталье Петровне...

Вера *(с смущением взглянув на него)*. Записку?

Беляев. Да... я не могу с ней проститься.

Вера. Да разве вы сейчас уезжаете?

Беляев. Сейчас... Я никому ничего не сказал об этом... исключая одного Михайла Александрыча. Он одобряет меня. Я отправлюсь отсюда сейчас пешком до Петровского. В Петровском я подожду Михайла Александрыча, и мы вместе поедем в город. Из города я напишу. Мои вещи мне вышлют. Вы видите, всё уже слажено... Впрочем, вы можете прочесть эту записку. В ней всего два слова.

Вера *(принимая от него записку)*. И точно, вы уезжаете?..

Беляев. Да, да... Отдайте ей эту записку и скажите... Нет, не говорите ей ничего. К чему? *(Прислушиваясь.)* Сюда идут. Прощайте... *(Бросается к двери, останавливается на минуту на пороге и бежит вон. Вера остается с запиской в руке. Из гостиной выходит Наталья Петровна.)*

Наталья Петровна *(подходя к Вере)*. Верочка... *(Взглядывает на нее и останавливается.)* Что с тобой? *(Вера молча протягивает ей записку.)* Записка?.. от кого?

Вера *(глухо)*. Прочтите.

Наталья Петровна. Ты меня пугаешь. *(Читает про себя записку и вдруг прижимает обе руки к лицу и падает на кресло. Долгое молчание.)*

Вера *(приближаясь к ней)*. Наталья Петровна...

Наталья Петровна *(не отнимая рук от лица)*. Он уезжает!.. Он даже не хотел проститься со мной... О! с вами он, по крайней мере, простился!

В е р а *(печально)*. Он меня не любил...

Н а т а л ь я   П е т р о в н а *(отнимает руки и встает)*. Но он не имеет права так уехать... Я хочу... Он не может так... Кто ему позволил так глупо перервать... Это презрение, наконец... Я... почему он знает, что я бы никогда не решилась... *(Опускается в кресло.)* Боже мой, боже мой!..

В е р а. Наталья Петровна, вы сами сейчас мне говорили, что он должен уехать... Вспомните.

Н а т а л ь я   П е т р о в н а. Вам хорошо теперь... Он уезжает... Теперь мы обе с вами равны... *(Голос ее перерывается.)*

В е р а. Наталья Петровна, вы мне сейчас говорили... вот ваши собственные слова: вместо того чтобы терзать друг друга, не лучше ли нам вдвоем подумать о том, как бы выйти из этого положения, как бы спастись... Мы спасены теперь.

Н а т а л ь я   П е т р о в н а *(почти с ненавистью отворачиваясь от нее)*. Ах...

В е р а. Я понимаю вас, Наталья Петровна... Не беспокойтесь... Я не долго буду тяготить вас своим присутствием. Нам вместе жить нельзя.

Н а т а л ь я   П е т р о в н а *(хочет протянуть ей руку и роняет ее на колена)*. Зачем ты это говоришь, Верочка... Неужели и ты хочешь меня оставить? Да, ты права, мы спасены теперь. Всё кончено... всё опять пришло в порядок...

В е р а *(холодно)*. Не беспокойтесь, Наталья Петровна. *(Вера молча глядит на нее. Из кабинета выходит Ислаев.)*

И с л а е в *(посмотрев некоторое время на Наталью Петровну, вполголоса Вере)*. Она разве знает, что он уезжает?

В е р а *(с недоуменьем)*. Да... знает.

И с л а е в *(про себя)*. Да зачем же это он так скоро... *(Громко.)* Наташа... *(Берет ее за руку. Она поднимает голову.)* Это я, Наташа. *(Она силится улыбнуться.)* Ты нездорова, душа моя? Я бы посоветовал тебе прилечь, право...

Н а т а л ь я   П е т р о в н а. Я здорова, Аркадий... Это ничего.

И с л а е в. Однако ты бледна... Право, послушайся меня... Отдохни немножко.

Наталья Петровна. Ну, пожалуй. *(Она хочет подняться и не может.)*

Ислаев *(помогая ей)*. Вот видишь... *(Она опирается на его руку.)* Хочешь, я тебя провожу?

Наталья Петровна. О! я еще не так слаба! Пойдем, Вера. *(Направляется к кабинету. Из залы входит Ракитин. Наталья Петровна останавливается.)*

Ракитин. Я пришел, Наталья Петровна...

Ислаев *(перебивая его)*. А, Michel! поди-ка сюда! *(Отводит его в сторону — и вполголоса, с досадой.)* Зачем же ты ей всё сейчас так и сказал? Ведь я тебя, кажется, просил! К чему было торопиться... Я застал ее здесь в таком волнении...

Ракитин *(с изумлением)*. Я тебя не понимаю.

Ислаев. Ты сказал Наташе, что ты уезжаешь...

Ракитин. Так ты полагаешь, что она от этого пришла в волнение?

Ислаев. Тссс! — Она глядит на нас. *(Громко.)* Ты не идешь к себе, Наташа?

Наталья Петровна. Да... я иду...

Ракитин. Прощайте, Наталья Петровна! *(Наталья берется за ручку двери — и ничего не отвечает.)*

Ислаев *(кладя руку на плечо Ракитину)*. Наташа, знаешь ли, что это один из лучших людей...

Наталья Петровна *(с внезапным порывом)*. Да — я знаю, он прекрасный человек — все вы прекрасные люди... все, все... и между тем... *(Она вдруг закрывает лицо руками, толкает дверь коленом и быстро уходит. Вера уходит за ней. Ислаев садится молча у стола и опирается на локти.)*

Ракитин *(глядит некоторое время на него и с горькой улыбкой пожимает плечами)*. Каково мое положение? Славно, нечего сказать! Право, даже освежительно. И прощание-то каково, после четырехлетней любви? Хорошо, очень хорошо, поделом болтуну. Да и, слава богу, всё к лучшему. Пора было прекратить эти болезненные, эти чахоточные отношения. *(Громко Ислаеву.)* Ну, Аркадий, прощай.

Ислаев *(поднимает голову. У него слезы на глазах)*. Прощай, брат.— А оно того... не совсем легко. Не ожидал, брат. Словно буря в ясный день. Ну, пере-

мелется... мука будет. А всё-таки спасибо, спасибо тебе! Ты — друг, точно!

Р а к и т и н *(про себя, сквозь зубы)*. Это слишком. *(Отрывисто.)* Прощай. *(Хочет идти в залу... Ему навстречу вбегает Шпигельский.)*

Ш п и г е л ь с к и й. Что такое? Мне сказали, Наталье Петровне дурно...

И с л а е в *(вставая)*. Кто вам сказал?

Ш п и г е л ь с к и й. Девушка... горничная...

И с л а е в. Нет, это ничего, доктор. Я думаю, лучше Наташу не беспокоить теперь...

Ш п и г е л ь с к и й. А! ну и прекрасно! *(Ракитину.)* Вы, говорят, в город уезжаете?

Р а к и т и н. Да; по делам.

Ш п и г е л ь с к и й. А! по делам!.. *(В это мгновение из залы врываются разом Анна Семеновна, Лизавета Богдановна, Коля и Шааф.)*

А н н а С е м е н о в н а. Что такое? что такое? что с Наташей?

К о л я. Что с мамашей? Что с ней?

И с л а е в. Ничего с ней... Я сейчас ее видел... Что с вами?

А н н а С е м е н о в н а. Да помилуй, Аркаша, нам сказали, что Наташе дурно...

И с л а е в. А вы напрасно поверили.

А н н а С е м е н о в н а. Зачем же ты горячишься так, Аркаша? Наше участие понятно.

И с л а е в. Конечно... конечно...

Р а к и т и н. Однако мне пора ехать.

А н н а С е м е н о в н а. Вы уезжаете?

Р а к и т и н. Да... уезжаю.

А н н а С е м е н о в н а *(про себя)*. А! Ну, теперь я понимаю.

К о л я *(Ислаеву)*. Папаша...

И с л а е в. Чего тебе?

К о л я. Зачем Алексей Николаич ушел?

И с л а е в. Куда ушел?

К о л я. Я не знаю... Поцеловал меня, надел фуражку и ушел... А теперь час русского урока.

И с л а е в. Вероятно, он сейчас вернется... Впрочем, можно за ним послать.

Р а к и т и н *(вполголоса Ислаеву)*. Не посылай за ним, Аркадий. Он не вернется. *(Анна Семеновна ста-*

рается прислушаться; Шпигельский шепчется с Лизаветой Богдановной.)

Ислаев. Это что значит?

Ракитин. Он тоже уезжает.

Ислаев. Уезжает... куда?

Ракитин. В Москву.

Ислаев. Как в Москву! Да что, сегодня с ума все сходят, что ли?

Ракитин *(еще понизив голос)*. Между нами... Верочка в него влюбилась... Ну, он, как честный человек, решился удалиться. *(Ислаев, растопырив руки, опускается в кресла.)* Ты понимаешь теперь, почему...

Ислаев *(вскакивая)*. Я? я ничего не понимаю. У меня голова кругом идет. Что тут можно понять? Все улепетывают, кто куда, как куропатки, а всё потому, что честные люди... И всё это разом, в один и тот же день...

Анна Семеновна *(заходя сбоку)*. Да что такое? Господин Беляев, ты говоришь...

Ислаев *(нервически кричит)*. Ничего, матушка, ничего! Господин Шааф, извольте теперь заняться с Колей вместо господина Беляева. Извольте увести его.

Шааф. Злушаю-с... *(Берет Колю за руку.)*

Коля. Но, папаша...

Ислаев *(кричит)*. Пошел, пошел! *(Шааф уводит Колю.)* А тебя, Ракитин, я провожу... Я лошадь велю оседлать, буду ждать тебя на плотине... А вы, маменька, пока, ради бога, не беспокойте Наташу — да и вы, доктор... Матвей! Матвей! *(Уходит поспешно. Анна Семеновна с достоинством и грустью садится. Лизавета Богдановна становится сзади ее. Анна Семеновна поднимает взоры к небу, как бы желая отчудиться от всего, что происходит вокруг нее.)*

Шпигельский *(украдкой и лукаво Ракитину)*. А что, Михайло Александрыч, не прикажете ли довезти вас на новой троечке до большой дороги?

Ракитин. А!.. Разве вы уже получили лошадок?

Шпигельский *(скромно)*. Я с Верой Александровной переговорил... Так прикажете-с?

Ракитин. Пожалуй! *(Кланяется Анне Семеновне.)* Анна Семеновна, честь имею...

Анна Семеновна *(всё так же величественно,*

не поднимаясь с места). Прощайте, Михайло Александрыч... Желаю вам счастливого пути...

Ракитин. Покорно благодарю. Лизавета Богдановна... *(Кланяется ей. Она в ответ ему приседает. Он уходит в залу.)*

Шпигельский *(подходя к ручке Анны Семеновны).* Прощайте, барыня...

Анна Семеновна *(менее величественно, но всё-таки строго).* А! и вы уезжаете, доктор?

Шпигельский. Да-с... Больные, знаете, того-с. Притом же, вы видите, мое присутствие здесь не требуется. *(Раскланиваясь, хитро щурится Лизавете Богдановне, которая отвечает ему улыбкой.)* До свиданья... *(Убегает вслед за Ракитиным.)*

Анна Семеновна *(дает ему выйти и, скрестив руки, медленно обращается к Лизавете Богдановне).* Что вы об этом обо всем думаете, душа моя, а?

Лизавета Богдановна *(вздохнув).* Не знаю-с, что вам сказать, Анна Семеновна.

Анна Семеновна. Слышала ты, Беляев тоже уезжает...

Лизавета Богдановна *(опять вздохнув).* Ах, Анна Семеновна, может быть, и мне недолго придется здесь остаться... И я уезжаю. *(Анна Семеновна с невыразимым изумлением глядит на нее. Лизавета Богдановна стоит перед ней, не поднимая глаз.)*

ПРОВИНЦИАЛКА

КОМЕДИЯ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

(1850)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Алексей Иванович Ступендьев, уездный чиновник, 48 лет.
Дарья Ивановна, жена его, 28 лет.
Миша, дальний родственник Дарьи Ивановны, 19 лет.
Граф Валерьян Николаевич Любин, 49 лет.
Лакей графа, 30 лет.
Васильевна, кухарка Ступендьева, 50 лет.
Аполлон, мальчик Ступендьева, 17 лет.

Действие происходит в уездном городе, в доме Ступендьева.

Театр представляет гостиную в доме небогатого чиновника. Прямо дверь в переднюю, направо — в кабинет; налево два окна и дверь в садик. Налево в углу низенькие ширмы; спереди диван, два стула, столик и пяльцы; направо, на втором плане, небольшое фортепиано; спереди стол и стул.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

За пяльцами сидит Дарья Ивановна. Она одета очень просто, но со вкусом. На диване сидит Миша. Он скромно читает книжечку.

Дарья Ивановна *(не поднимая глаз и продолжая шить)*. Миша!

Миша *(опуская книжечку)*. Чего изволите?

Дарья Ивановна. Вы... ходили к Попову?

Миша. Ходил-с.

Дарья Ивановна. Что он вам сказал?

Миша. Он сказал-с, что всё будет прислано, как следует. Я особенно просил его о красном вине-с. Вы, говорит, будьте покойны-с. *(Помолчав.)* Позвольте узнать, Дарья Ивановна, вы кого-нибудь ожидаете?

Дарья Ивановна. Жду.

Миша *(опять помолчав)*. Можно узнать, кого-с?

Дарья Ивановна. Вы любопытны. Впрочем, вы не болтливы, и я могу вам сказать, кого я жду. Графа Любина.

Миша. Как-с, этого богатого господина, который недавно приехал к себе в именье-с?

Дарья Ивановна. Его.

Миша. Их точно сегодня ожидают в трактире у Кулешкина-с. Но позвольте узнать, разве вы с ним знакомы?

Дарья Ивановна. Теперь нет.

Миша. А! стало быть, прежде?

Дарья Ивановна. Вы меня расспрашиваете?

Миша. Извините-с. *(Помолчав.)* Впрочем, и я глуп. Ведь он, должно быть, сын Катерины Дмитревны, вашей благодетельницы.

Дарья Ивановна *(посмотрев на него)*. Да, моей благодетельницы. *(За кулисами слышен голос Ступендьева: «Не приказала? почему не приказала?»)* Что там такое?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Ступендьев с Васильевной. Они выходят из двери кабинета; Ступендьев в одном жилете; у Васильевны на руках сюртук.

Ступендьев *(к Дарье Ивановне)*. Даша, правда ли, ты приказала... *(Миша встает и кланяется.)* А, здравствуй, Миша, здравствуй. Правда ли, ты приказала этой женщине *(показывает на Васильевну)* не давать мне сегодня моего бешмета, а?

Дарья Ивановна. Я ей не приказывала.

Ступендьев *(с торжествующим лицом, обращаясь к Васильевне.)* А? что?

Дарья Ивановна. Я только сказала ей, чтоб она тебя попросила не надевать сегодня твоего бешмета.

Ступендьев. А чем же мой бешмет дурен? Он такой пестренький, с разводами. Ты же мне сама его подарила.

Дарья Ивановна. Да ведь сколько времени тому назад!

Васильевна. Ну, надевайте, надевайте сюртук, Алексей Иванович... Что, право... Хорош пестренький! На локтях прорвался; а сзади, так просто глядеть нехорошо.

Ступендьев *(надевая сюртук)*. А кто тебе велит на меня сзади глядеть? Тише, тише! разве ты не слыхала? ты меня просить должна.

Васильевна. Ну, да уж вы... *(Уходит.)*

Ступендьев *(ей вслед)*. Не рассуждай, женщина.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, кроме Васильевны.

Ступендьев. Чёрт возьми, ужас, как под мышками режет! Бывают же такие подлые портные... так и кажется, что вот-вот кверху потянут на бечевках. Право, Даша, я не понимаю, почему тебе вздумалось меня нарядить в сюртук; теперь же скоро двенадцатый час, на службу идти пора, и без того фрак прийдется надеть.

Дарья Ивановна. У нас, может быть, гости будут.

Ступендьев. Гости? Какие гости?

Дарья Ивановна. Любин... Граф Любин. Ведь ты его знаешь?

Ступендьев. Любина? Еще бы! Так ты его ожидаешь?

Дарья Ивановна. Его. *(Взглянув на него.)* Что ж тут удивительного?

Ступендьев. В этом нет ничего удивительного, я совершенно с тобою согласен; но позволь тебе заметить, душа моя, это совершенно невозможно.

Дарья Ивановна. Почему же?

Ступендьев. Невозможно, совершенно невозможно. С какой стати он придет?

Дарья Ивановна. Ему нужно будет с тобою переговорить.

Ступендьев. Положим, положим; но это ничего не доказывает, совершенно ничего не доказывает. Он меня к себе позовет. Возьмет да позовет.

Дарья Ивановна. Мы с ним были знакомы: он видал меня в доме своей матери.

Ступендьев. И это ничего не доказывает. Как ты думаешь, Миша?

Миша. Я-с? я ничего не думаю-с.

Ступендьев *(к жене)*. Ну, вот видишь... Он не придет. Помилуй, как это...

Дарья Ивановна. Ну, может быть, может быть; только ты не снимай сюртука.

Ступендьев *(помолчав)*. Впрочем, я совершенно с тобою согласен. *(Прохаживаясь по комнате.)* То-то сегодня с утра здесь такую подняли пыль... Ох, уж эта мне чистота! И ты такая нарядная!

Д а р ь я И в а н о в н а. Alexis, пожалуйста, без замечаний.

С т у п е н д ь е в. Ну да, да. Конечно, без замечаний... Вишь, этот граф поразорился, так и к нам пожаловал. Что, он молод?

Д а р ь я И в а н о в н а. Он моложе тебя.

С т у п е н д ь е в. Гм... Совершенно, я совершенно с тобой согласен... то-то ты вчера всё на фортепианах эдак того... *(разводит руками)*. Да, да. *(Напевает сквозь зубы.)*

М и ш а. Я сегодня к Кулешкину заходил-с. Так их там ждут-с.

С т у п е н д ь е в. Ждут? Ну, так пускай ждут. *(К жене.)* Как же это я его никогда у Катерины Дмитревны не видал?

Д а р ь я И в а н о в н а. Он тогда в Петербурге служил.

С т у п е н д ь е в. Гм... Он, говорят, теперь в чинах. И ты думаешь, что он придет? Помилуй, помилуй!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, и из передней выходит Аполлон; на нем голубая ливрея с белыми пуговицами, весьма неловко скроенная; лицо его выражает тупое изумление.

А п о л л о н *(таинственно Ступендьеву)*. Какой-то господин вас спрашивает.

С т у п е н д ь е в *(струхнув)*. Какой господин?

А п о л л о н. Не знаю-с, в шляпе и с бакенами.

С т у п е н д ь е в *(с волнением)*. Проси. *(Аполлон таинственно взглядывает на Ступендьева и выходит.)* Неужели граф?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, и из передней входит лакей графа. Он одет по-дорожному, но щегольски и не снимает шляпы. Из-за дверей с любопытством выглядывают Васильевна и Аполлон.

Л а к е й *(с немецким выговором)*. Здесь живет господин Ступендьев, чиновник?

С т у п е н д ь е в. Здесь. Что вам угодно?

Л а к е й. Вы господин Ступендьев?

С т у п е н д ь е в. Я. Что вам угодно?

Д а р ь я И в а н о в н а. Алексей Иваныч!

Л а к е й. Граф Любин приехал и приказал вас просить к себе.

С т у п е н д ь е в. А вы от него?

Д а р ь я И в а н о в н а. Алексей Иваныч, подите сюда.

С т у п е н д ь е в *(подходит к ней)*. Что?

Д а р ь я И в а н о в н а. Скажите ему, чтоб он шляпу снял.

С т у п е н д ь е в. Ты думаешь? Гм... Да, да... *(Подходя к лакею.)* Вы не находите, что здесь будто жарко... *(Показывая рукой на шляпу.)*

Л а к е й. Здесь не жарко. Следовательно, вы сейчас придете?

С т у п е н д ь е в. Я... *(Дарья Ивановна делает ему знак.)* Да позвольте узнать, кто вы собственно такой?

Л а к е й. Я вольнонаемный человек их сиятельства... камердинер.

С т у п е н д ь е в *(внезапно вспыхнув)*. Сними шляпу, сними шляпу, сними шляпу, говорят! *(Лакей медленно и с достоинством снимает шляпу.)* А их сиятельству скажи, что я сейчас...

Д а р ь я И в а н о в н а *(вставая)*. Скажите графу, что мой муж теперь занят и не может выйти из дому. А что если граф желает его видеть, так пусть пожалует сам. Ступайте. *(Лакей выходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, без лакея.

С т у п е н д ь е в *(к Дарье Ивановне)*. Однако, Даша, мне, право, кажется, ты того... *(Дарья Ивановна молча прохаживается взад и вперед.)* Впрочем, я совершенно с тобою согласен. А каково я его отделал, а? просто оборвал, как говорится. Нахал эдакой! *(Мише.)* Ведь хорошо?

М и ш а. Хорошо-с, Алексей Иваныч, очень хорошо-с.

С т у п е н д ь е в. То-то же!

Д а р ь я И в а н о в н а. Аполлон!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Аполлон; за ним Васильевна.

Дарья Ивановна *(поглядев некоторое время на Аполлона)*. Нет, ты слишком смешон в этой ливрее. Ты уж лучше не показывайся.

Васильевна. Да чем же он смешон, матушка? Человек как и все, да еще мой племянник...

Ступендьев. Женщина, не рассуждай!

Дарья Ивановна *(Аполлону)*. Повернись! *(Аполлон повертывается)*. Нет, тебе решительно нельзя показаться на глаза графу. Ступай и спрячься где-нибудь... А ты, Васильевна, посиди в передней, пожалуйста.

Васильевна. Да, матушка, у меня в кухне работа.

Ступендьев. А кто тебе велит работать, баловница?

Васильевна. Да помилуйте...

Ступендьев. Не рассуждай, женщина! Стыдись! Марш оба! *(Васильевна и Аполлон уходят.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, без Васильевны и Аполлона.

Ступендьев *(Дарье Ивановне)*. Итак, ты действительно думаешь, что граф теперь придет?

Дарья Ивановна. Думаю.

Ступендьев *(прохаживается)*. Я в волнении. Он придет рассерженный... я в волнении.

Дарья Ивановна. Пожалуйста, будь как можно спокойнее и хладнокровнее.

Ступендьев. Слушаю... я в волнении. Миша, а ты в волнении?

Миша. Никак нет-с.

Ступендьев. А я в волнении... *(Дарье Ивановне.)* Зачем ты не пустила меня к нему?

Дарья Ивановна. Уж это мое дело. Вспомни, что ты ему нужен.

Ступендьев. Я ему нужен... Я в волнении... Что это?

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Аполлон.

Аполлон *(с необыкновенно встревоженным лицом)*. Я не успел спрятаться. Барин пришел. Я не успел спрятаться.

Ступендьев *(шёпотом)*. Ну, ступай скорей сюда! *(Проталкивает его в кабинет.)*

Аполлон. Я не успел, а Васильевна ушла в кухню. *(Исчезает.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же, без Аполлона.

Голос Любина *(за кулисами)*. Что ж это значит? Никого нет, что ли? Зачем этот человек убежал?

Ступендьев *(с отчаянием к Дарье Ивановне)*. Васильевна в кухню ушла!

Голос Любина. Человек!

Дарья Ивановна. Миша, подите отворите.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и граф Любин, которому Миша отворяет дверь. Он одет щегольски и несколько изысканно, как обыкновенно одеваются стареющие бель-омы.

Миша. Пожалуйте.

Граф Любин. Господин Ступендьев здесь?

Ступендьев *(кланяясь с смущением)*. Я... Ступендьев.

Граф Любин. Очень рад. Я граф Любин. Я присылал к вам моего человека; но вам не угодно было ко мне пожаловать.

Ступендьев. Извините, ваше сиятельство. Я...

Граф Любин *(оборачиваясь, холодно кланяется Дарье Ивановне, которая отошла несколько в сторону)*. Мое почтенье. Признаюсь, я был удивлен. Верно, у вас занятья, занятья?

Ступендьев. Точно, ваше сиятельство, занятья.

Граф Любин. Может быть, не спорю; но мне кажется, что для иных людей можно оставить свое занятие, особенно когда... вас просят... *(Из передней*

выходит Васильевна. Ступендьев делает ей знаки, чтоб она ушла.) Когда... *(Любин с удивлением оглядывается; Васильевна смотрит на него во все глаза и убегает. Любин с улыбкою обращается к Ступендьеву.)*

Ступендьев. Это ничего, ваше сиятельство. Это так; женщина, пришла и ушла; к сожалению, пришла и, к счастию, ушла. А вот позвольте, я вам лучше представлю мою супругу.

Граф Любин *(почти не глядя на нее, холодно кланяется)*. А? очень рад.

Ступендьев. Дарья Ивановна, ваше сиятельство, Дарья Ивановна.

Граф Любин *(так же холодно)*. Очень рад, очень рад; но я пришел...

Дарья Ивановна *(скромным голосом)*. Вы не узнали меня, граф?

Граф Любин *(вглядываясь)*. Ах, боже мой!.. Позвольте, точно... Дарья Ивановна! Вот неожиданная встреча! Сколько лет, сколько зим... Это вы? Скажите!

Дарья Ивановна. Да-с, граф, давно мы не видались... Видно, я много переменилась с тех пор.

Граф Любин. Помилуйте, вы только похорошели. Вот я небось другое дело!

Дарья Ивановна *(невинно)*. Вы нисколько не изменились, граф.

Граф Любин. О, полноте! Но мне теперь весьма приятно, что вашему супругу нельзя было пожаловать ко мне: это мне доставило случай возобновить знакомство с вами. Ведь мы старинные друзья.

Ступендьев. А ведь это, ваше сиятельство, она...

Дарья Ивановна *(поспешно перебивая его)*. Старинные друзья... Вы, граф, должно быть, во всё время не вспомнили о... об ваших старинных друзьях?

Граф Любин. Я?.. Напротив, напротив. Признаюсь, я хорошенько не помнил, за кого вы вышли замуж... Покойница матушка мне как-то писала незадолго перед своей кончиной... но...

Дарья Ивановна. Да и как же вам было в Петербурге, в большом свете, не забыть о нас? Вот мы, бедные, уездные жители — мы не забываем *(с легким вздохом)*, мы ничего не забываем.

Граф Любин. Нет, я вас уверяю. *(Помолчав.)* Поверьте, я всегда принимал живейшее участие в вашей судьбе и очень рад видеть вас теперь... *(ищет слова)* в положении упроченном...

Ступендьев *(кланяясь с благодарностью)*. Совершенно, совершенно упроченном, ваше сиятельство. Одно — бедность, недостатки — вот что горе!

Граф Любин. Ну да, ну да. *(Помолчав.)* Однако *(обращаясь к Ступендьеву)* позвольте узнать ваше имя и отчество?

Ступендьев *(кланяясь)*. Алексей Иваныч, ваше сиятельство, Алексей Иваныч.

Граф Любин. Любезнейший Алексей Иваныч, нам нужно с вами переговорить о деле... Я думаю, этот разговор вашу супругу занять не может... так не лучше ли нам, знаете... удалиться, остаться наедине на некоторое время а?.. Мы с вами потолкуем...

Ступендьев. Как вашему сиятельству будет угодно... Даша... *(Дарья Ивановна хочет уйти.)*

Граф Любин. О нет, помилуйте, не беспокойтесь, останьтесь... Мы с Алексей Иванычем можем выйти, мы в вашу комнату пойдем, Алексей Иваныч, хотите?

Ступендьев. В мою комнату... гм... в мой кабинет то есть...

Граф Любин. Да, да, в ваш кабинет...

Ступендьев. Как вашему сиятельству будет угодно... но...

Граф Любин *(к Дарье Ивановне)*. А мы, Дарья Ивановна, еще с вами увидимся... я надеюсь. *(Дарья Ивановна приседает.)* До свидания. *(К Ступендьеву.)* Куда идти — сюда? *(Указывает шляпою на дверь в кабинет.)*

Ступендьев. Сюда-с... но... там, ваше сиятельство...

Граф Любин *(не слушая его)*. Очень хорошо, очень хорошо... *(Идет в кабинет; за ним Ступендьев, который, уходя, делает какие-то знаки жене. Дарья Ивановна остается в раздумье и глядит за ними вслед. Через несколько мгновений из кабинета стрелой вылетает Аполлон и убегает в переднюю. Дарья Ивановна вздрагивает, улыбается и опять погружается в раздумье.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Дарья Ивановна и Миша.

Миша *(подходя к ней)*. Дарья Ивановна!

Дарья Ивановна *(встрепенувшись.)* Что?

Миша. Позвольте узнать-с, давно вы не видались с их сиятельством?

Дарья Ивановна. Давно, двенадцать лет.

Миша. Двенадцать лет! Скажите! И в течение всего этого времени получали вы от них какие-нибудь известия-с?

Дарья Ивановна. Я? Никаких. Он столько же думал обо мне, сколько о китайском императоре.

Миша. Скажите! Как же это они говорили-с, что принимали-с живейшее участие в вашей судьбе-с?

Дарья Ивановна. А вас это удивляет? Как вы еще молоды — если это вас точно удивляет! *(Помолчав.)* Как он постарел!

Миша. Постарел?

Дарья Ивановна. Румянится, белится... красит волосы, а морщин-то, морщин...

Миша. Неужели красит волосы? Ай, ай, ай, как стыдно! *(Помолчав.)* А они, кажется, скоро намерены уйти-с.

Дарья Ивановна *(быстро оборачивается к нему)*. Почему вы это думаете?

Миша *(скромно потупив глаза)*. Да так-с.

Дарья Ивановна. Нет... он останется обедать.

Миша *(со вздохом)*. Ах! уж как бы это было хорошо!

Дарья Ивановна. А что?

Миша *(с скромностью)*. Провизии даром пропадут-с... и вино-с... если они не останутся, то есть...

Дарья Ивановна *(с расстановкой)*. Да. Ну, послушайте, Миша, вот в чем дело. Они оба теперь скоро выйдут.

Миша *(внимательно глядя на нее)*. Да-с.

Дарья Ивановна. Так вот, видите ли, оставьте меня теперь одну.

Миша. Да-с.

Дарья Ивановна. Я графа приглашу отобедать, а Алексея Иваныча...

Миша. Понимаю-с.

Дарья Ивановна *(слегка наморщив брови)*. Что вы понимаете? Алексея Иваныча я вышлю к вам...

Миша. Так-с.

Дарья Ивановна. А вы его задержите... так, не на долгое время. Вы ему скажите, что мне нужно переговорить с графом, для его же пользы... Вы понимаете?

Миша. Слушаю-с.

Дарья Ивановна. Ну да. Я на вас надеюсь. Вы можете с ним, если хотите, прогуляться немного.

Миша. Конечно-с; отчего ж не прогуляться?

Дарья Ивановна. Ну да, да. Теперь ступайте, оставьте меня.

Миша. Слушаю-с. *(Уходя, останавливается.)* Уж вы и меня не забудьте, Дарья Ивановна. Ведь вы знаете, как я вам предан, можно сказать, и телом и душой...

Дарья Ивановна. Что вы хотите сказать?

Миша. Ах, Дарья Ивановна, ведь и мне страх как хочется в Петербург! Что я здесь буду делать без вас?.. Сделайте одолжение, Дарья Ивановна... А я вам заслужу.

Дарья Ивановна *(помолчав)*. Я не понимаю вас, я еще сама не знаю... Впрочем, хорошо, ступайте.

Миша. Слушаю-с. *(Возводя глаза к небу)*. А я вам заслужу, Дарья Ивановна! *(Уходит в переднюю.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Дарья Ивановна, одна.

Дарья Ивановна *(остается некоторое время неподвижною)*. Он не обращает на меня ни малейшего внимания — это ясно. Он меня позабыл. И, кажется, я напрасно рассчитывала на его приезд. А сколько надежд у меня было сопряжено с этим приездом!.. *(Оглядывается.)* Неужели же я вечно должна остаться здесь, здесь?.. Что делать! *(Помолчав.)* Впрочем, еще ничего не решено. Он почти не видел меня... *(Взглянув в зеркало.)* Я по крайней мере не крашу своих волос... Посмотрим, посмотрим. *(Прохаживается по комнате, подходит к фортепиано и берет несколько аккордов.)*

Они не скоро еще выйдут. Ожиданье меня замучит. *(Садится на диван.)* Но, может быть, я сама заржавела в этом городишке... Почем я знаю? Кто мне скажет здесь, чтó из меня вышло, кто может в этом обществе мне дать почувствовать, чтó сделалось со мной? К несчастию, я выше их всех. Я выше их; но для него — я всё-таки провинциалка, жена уездного чиновника, бывшая воспитанница богатой барыни, которую потом кой-как пристроили... а он, он знатный человек, в чинах, богатый... ну, не совсем богатый: дела его расстроились в Петербурге, и он, я думаю, не на один месяц сюда приехал. Он хорош собой, то есть был хорош собой... теперь он белится и красит волосы. Говорят, что для людей в его положении воспоминания молодости особенно дороги... а он меня знал двенадцать лет тому назад, волочился за мною... Да, да, конечно, он волочился за мной от нечего делать; но всё-таки... *(Вздыхает.)* И я в то время, помнится, мечтала... О чем не мечтаешь в шестнадцать лет! *(Вдруг выпрямляясь.)* Ах, боже мой! да у меня, должнó быть, хранится одно его письмо... Точно. Но где оно? Как досадно, что я прежде о нем не вспомнила!.. Впрочем, я успею... *(Помолчав.)* Посмотрим. Но как кстати пришли эти ноты и книги! Мне смешно... я, точно генерал перед сраженьем, приготовляюсь встретить неприятеля... А как я переменилась в последнее время! Неужели это я так холодно, так спокойно обдумываю, чтó мне должно делать? Нужда всему научит и от многого отучит. Нет, я не спокойна, я в волнении теперь, но только от того, что я не знаю, удастся ли... Полно, так ли? Ведь уж я не ребенок, и воспоминания уже стали дороги и для меня... какие бы они ни были... ведь других у меня не будет, ведь уж полжизни, более полжизни прошло. *(Умолкает.)* Однако они всё нейдут! И чего я прошу? чего добиваюсь? Самой безделицы. Для него дать нам возможность переехать в Петербург, сыскать нам там место — безделица. А Алексей Иваныч всякому месту будет рад... Неужели ж я и этого не добьюсь?.. В таком случае мне и след оставаться в уездном городе... я не заслуживаю лучшей участи... *(Прикладывая руку к щеке.)* А у меня от этой неизвестности, от всех этих размышлений — лихорадка; щеки так и горят. *(Помолчав).* Что ж? Тем лучше. *(Услышав шум в кабинете.)* Они

идут... сражение начинается... О робость, неуместная робость, оставь меня теперь! *(Берется за книгу и прислоняется к спинке дивана.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Дарья Ивановна, Ступендьев и граф Любин.

Граф. Итак, я могу надеяться на вас, любезнейший Алексей Иваныч?

Ступендьев. Ваше сиятельство, я, с своей стороны, готов во всем, что от меня зависит...

Граф. Очень, очень вам благодарен. А бумаги я вам сообщу в самое короткое время... Сегодня я вернусь к себе, и завтра или послезавтра...

Ступендьев. Слушаю-с, слушаю-с.

Граф *(подходя к Дарье Ивановне)*. Дарья Ивановна, вы, пожалуйста, извините меня: я сегодня, к сожалению, не могу у вас остаться долее, но я надеюсь, что в другой раз...

Дарья Ивановна. Разве вы не обедаете у нас, граф? *(Встает.)*

Граф. Я вам очень благодарен за приглашение, но...

Дарья Ивановна. А я так радовалась наперед... я надеялась, что вы проведете хоть немного времени с нами!.. Конечно, мы не смеем вас удерживать.

Граф. Вы слишком добры, но право... если б вы знали — у меня столько дела.

Дарья Ивановна. Вспомните, как давно мы не видались... и бог знает, когда нам придется опять увидеться с вами! Ведь вы у нас такой редкий гость...

Ступендьев. Именно, ваше сиятельство, так сказать, феникс.

Дарья Ивановна *(перебивая его)*. Притом же вы теперь не успеете вернуться к обеду домой; а у нас... я могу вас уверить, вы отобедаете лучше, чем где-нибудь в городе.

Ступендьев. Мы ведь знали о прибытии вашего сиятельства.

Дарья Ивановна *(опять перебивая его)*. Так вы обещаете, не правда ли?

Граф *(несколько принужденно)*. Вы так мило меня просите, что мне невозможно вам отказать...

Дарья Ивановна. А! *(Берет у него шляпу из рук и ставит на фортепиано.)*

Граф *(Дарье Ивановне)*. Признаюсь, я сегодня поутру, выезжая из дому, никак не ожидал иметь удовольствие встретить вас... *(Помолчав.)* А ваш город, сколько я мог заметить, недурен.

Ступендьев. Для уездного города живет, ваше сиятельство.

Дарья Ивановна *(садясь)*. Сядьте же, граф, прошу вас... *(Граф садится.)* Вы не можете себе представить, как я счастлива, как я рада видеть вас у себя. *(К мужу.)* Ах, кстати, Alexis, тебя Миша спрашивает.

Ступендьев. Что ему надобно?

Дарья Ивановна. Не знаю, но ты, кажется, ему очень нужен; поди, пожалуйста, к нему.

Ступендьев. Да как же я... их сиятельство, вот... мне теперь невозможно...

Граф. О, помилуйте, сделайте одолжение, не церемоньтесь. Я остаюсь в очень приятном обществе. *(Равнодушно проводит рукою по волосам.)*

Ступендьев. Да что ж его могло так приспичить?

Дарья Ивановна. Ты ему нужен; ступай, mon ami.

Ступендьев *(помолчав)*. Слушаю... Но я сейчас вернусь... к вашему сиятельству... *(Кланяется; граф ему кланяется. Ступендьев уходит в переднюю и говорит про себя.)* И что ему такое вдруг занадобилось?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Дарья Ивановна и граф. Небольшое молчание. Граф с легкой улыбкой посматривает сбоку на Дарья Ивановну и покачивает ногой.

Дарья Ивановна *(опуская глаза)*. Надолго вы приехали в наши края, ваше сиятельство?

Граф. Месяца на два; я уеду, как только дела мои несколько устроятся.

Дарья Ивановна. Вы в Спасском остановились?

Граф. Да, в матушкином имении.

Дарья Ивановна. В том же доме?

Граф. В том же. Признаюсь, в нем теперь жить невесело. Он так обветшал, так развалился... я на будущий год его намерен сломать.

Дарья Ивановна. Вы говорите, граф, в нем теперь невесело жить... Я не знаю, мои воспоминания об нем чрезвычайно приятны. Неужели вы точно хотите его сломать?

Граф. А разве вам его жаль?

Дарья Ивановна. Еще бы! Я в нем провела лучшее время моей жизни. Притом память о моей благодетельнице, вашей покойной матушке. Вы понимаете.

Граф (*перебивая ее*). Ну да, да... я понимаю. (*Помолчав.*) А ведь точно в прежнее время там бывало весело...

Дарья Ивановна. А вы не забыли...

Граф. Чего?

Дарья Ивановна (*опять опустив глаза*). Прежнего времени!

Граф (*понемногу оборачиваясь и начиная обращать некоторое внимание на Дарью Ивановну*). Я ничего не забыл, поверьте... Скажите, пожалуйста, Дарья Ивановна, сколько вам тогда было лет?.. Постойте, постойте... Знаете ли, ведь вы от меня не можете скрыть свои годы?

Дарья Ивановна. Я их и не скрываю... Мне, граф, столько, сколько вам было тогда — двадцать восемь лет.

Граф. Неужели мне тогда было уже двадцать восемь лет? Мне кажется, вы ошибаетесь...

Дарья Ивановна. О нет, граф, не ошибаюсь... Я слишком хорошо помню всё, что касается до вас...

Граф (*принужденно смеясь*). Какой же я старик после этого!

Дарья Ивановна. Вы старик? Полноте.

Граф. Ну, положим, положим, я с вами в этом спорить не стану. (*Помолчав.*) Да, да, хорошее было тогда время! Помните наши утренние прогулки в саду, по липовой аллее, перед завтраком? (*Дарья Ивановна опускает глаза.*) Нет, скажите, помните?

Дарья Ивановна. Я вам уже сказала граф, что нам, деревенским жителям, нельзя не помнить прошедшего, особенно когда оно... почти не повторилось. Вот вы — другое дело!

Граф *(всё более одушевляясь)*. Нет, послушайте, Дарья Ивановна, вы этого не думайте. Я вам это серьезно говорю. Конечно, в больших городах так много рассеянности, особенно для молодого человека; конечно, это разнообразная, шумная жизнь... Но могу вас уверить, Дарья Ивановна, первые, знаете ли, первые впечатления никогда не изглаживаются, а иногда, среди этого вихря, сердце... вы понимаете, сердце, наскучив пустотою... знаете ли, его так и тянет...

Дарья Ивановна. О да, граф, я с вами согласна: первые впечатления не проходят. Я это испытала.

Граф. А! *(Помолчав.)* А признайтесь, Дарья Ивановна, ведь вам, должно быть, здесь довольно скучно?

Дарья Ивановна *(с расстановкой)*. Не скажу. Сначала мне точно было несколько трудно привыкать к этому новому образу жизни; но потом... мой муж такой добрый, прекрасный человек!

Граф. О да... я с вами согласен... Он очень, очень достойный человек, очень; но...

Дарья Ивановна. Потом я... я привыкла. Для счастия немного нужно. Домашний быт, семейство... *(понизив голос)* и несколько хороших воспоминаний...

Граф. А у вас есть такие воспоминанья?

Дарья Ивановна. Есть, как у всякого; с ними легче переносить скуку.

Граф. Стало быть, вы всё-таки скучаете иногда?

Дарья Ивановна. Вас это удивляет, граф? Вы вспомните, я имела счастие быть воспитанной в доме вашей матушки. Сравните же то, к чему я привыкла в молодости, с тем, что меня теперь окружает. Конечно, ни мое состоянье, ни мое рожденье, словом, ничто не давало мне права надеяться, что я так же буду продолжать жить, как начала; но вы сами сказали: первые впечатления не изглаживаются и что нельзя же насильно выкинуть из памяти то *(потупляя голову)*, что благоразумие советовало бы забыть... Я буду откровенна с вами, граф. Неужели вы думаете, что я не

чувствую, как вам всё здесь должно казаться бедно... и смешно? Этот лакей, который спасается от вас, как заяц; эта кухарка — и... и, может быть, я сама...

Граф. Вы, Дарья Ивановна? Вы шутите, помилуйте! Да я, я вас уверяю... я, напротив, удивляюсь...

Дарья Ивановна (*живо*). Я вам скажу, чему вы удивляетесь, граф. Вы удивляетесь тому, что я еще не совсем потеряла привычки моей молодости, что я еще не успела вполне превратиться в провинциалку... Это удивление для меня, вы думаете, лестно?..

Граф. Как вы дурно толкуете мои слова, Дарья Ивановна!

Дарья Ивановна. Может быть; но оставим это, прошу вас. До иных ран, даже когда они и зажили, всё больно дотрогиваться. Притом же я совершенно примирилась с своей судьбой, живу одна в своем темном уголку; и если б ваш приезд не пробудил во мне многих воспоминаний, мне бы всё это и в голову не пришло. Я бы, по крайней мере, об этом никогда не заговорила. Мне и так совестно, что я, вместо того чтоб занять вас по мере возможности...

Граф. Да за кого же вы меня принимаете, позвольте вас спросить? Неужели же вы думаете, что я не дорожу вашей доверенностью, не умею ценить ее? Но вы клевещете на себя. Не может быть, я не хочу верить, чтоб вы, с вашим умом, с вашим образованьем, остались незамеченною здесь...

Дарья Ивановна. Совершенно, граф, уверяю вас. И я об этом нисколько не тужу. Послушайте: я горда. Это только у меня осталось от моего прошедшего. Я не желаю нравиться людям, которые мне самой не нравятся... Притом мы бедны, зависим от других; всё это мешает сближенью — такому сближенью, которое бы меня не оскорбляло. Такое сближенье невозможно... Я и предпочла одиночество. Притом мне одиночество не страшно — я читаю, занимаюсь; к счастью, я нашла в муже честного человека.

Граф. Да, это тотчас видно.

Дарья Ивановна. Мой муж, конечно, не без странностей... Я вам говорю это так смело потому, что вы, с вашим проницательным взглядом, не могли их не заметить — но он прекрасный человек. И я бы

ни на что не жаловалась, я бы всем была довольна, если б...

Граф. Если б что?

Дарья Ивановна. Если б... иногда... иные непредвиденные... случайности не возмущали моего спокойствия.

Граф. Я не смею понимать вас, Дарья Ивановна... Какие случайности? Вы сперва говорили о воспоминаниях...

Дарья Ивановна *(прямо и невинно глядя в глаза графу)*. Послушайте, граф; я с вами хитрить не стану. Я вообще хитрить не умею, а с вами это было бы просто смешно. Неужели вы думаете, что для женщины ничего не значит увидеть человека, которого она знала в молодости, знала совершенно в другом мире, в других отношениях — и увидать его, как я вижу теперь вас... *(Граф украдкой поправляет волосы.)* Говорить с ним, вспоминать о прошлом...

Граф *(перебивая ее)*. А вы разве тоже думаете, что ничего не значит для мужчины, которого судьба, так сказать, бросала во все концы мира,— что ничего ему не значит встретить женщину, подобную вам, сохранившую всю... всю эту прелесть молодости, этот... этот ум, эту любезность — cette grâce?[1]

Дарья Ивановна *(с улыбкой)*. А между тем эта женщина едва-едва уговорила этого мужчину остаться у ней обедать!

Граф. Ах, вы злопамятны! Но нет, скажите, как вы думаете — это для него ничего не значит?

Дарья Ивановна. Я этого не думаю. Вот, видите ли, как я с вами откровенна. Всегда приятно вспоминать про свою молодость, особенно когда в ней нет ничего такого, что могло бы служить упреком.

Граф. Ну, и скажите, что ответит эта женщина этому мужчине, если он, этот мужчина, уверит ее, что никогда, никогда не забывал ее, что свидание с ней, так сказать, сердечно его тронуло?

Дарья Ивановна. Что она ответит?

Граф. Да, да, что она ответит?

Дарья Ивановна. Она ему ответит, что сама тронута его ласковыми словами, и *(протягивая ему*

[1] эту грацию? *(Франц.)*

руку) предложит ему руку на возобновление старинной искренней дружбы.

Граф *(схватывая ее руку)*. Vous êtes charmante.[1] *(Хочет поцеловать у ней руку, но Дарья Ивановна принимает ее.)* Вы милы, вы чрезвычайно милы!

Дарья Ивановна *(встает с веселым видом)*. Ах, как я рада! как я рада! Я так боялась, что вы не захотите вспомнить обо мне, что вам будет неловко, неприятно у нас, что вы даже найдете нас навязчивыми.

Граф *(сидя, следит за ней глазами)*. Скажите, Дарья Ивановна...

Дарья Ивановна *(слегка к нему оборачиваясь)*. Что?

Граф. Вы отсоветовали Алексею Иванычу прийти ко мне? *(Дарья Ивановна лукаво кивает головой.)* Вы? *(Вставая.)* Уверяю вас честью, что вы в этом раскаиваться не будете.

Дарья Ивановна. Еще бы! я вас увидала.

Граф. Нет, нет, я не в том смысле говорю.

Дарья Ивановна *(невинно)*. Не в том? в каком же?

Граф. А в том, что вам грешно оставаться здесь. Я этого не потерплю. Я не потерплю, чтоб такая жемчужина пропадала в глуши... Я вам — я вашему мужу доставлю место в Петербурге.

Дарья Ивановна. Полноте!

Граф. Вы увидите.

Дарья Ивановна. Да полноте, говорят вам!

Граф. Вы, может быть, думаете, Дарья Ивановна, что у меня для этого нет довольно... э... э... *(он ищет слова)* influence[2]?..

Дарья Ивановна. Oh, j'en suis parfaitement persuadée![3]

Граф. Tiens![4] *(У него это восклицание вырвалось невольно.)*

Дарья Ивановна *(смеясь)*. Вы, граф, кажется, сказали: tiens! Неужели вы воображали, что я забыла по-французски?

---

[1] Вы очаровательны. *(Франц.)*
[2] влияния *(франц.)*.
[3] О, в этом я совершенно убеждена! *(Франц.)*
[4] Вот как! *(Франц.)*

Граф. Нет, я этого не воображаю... mais quel accent! [1]

Дарья Ивановна. О, полноте!..

Граф. А место всё-таки я вам обещаю.

Дарья Ивановна. В самом деле? не шутя?

Граф. Не шутя, не шутя, вовсе не шутя.

Дарья Ивановна. Ну, тем лучше. Алексей Иваныч вам будет очень, очень благодарен. *(Помолчав.)* Только вы, пожалуйста, не подумайте...

Граф. Чего?

Дарья Ивановна. Нет, ничего. Эта мысль не могла прийти в вашу голову, и потому ей не следовало приходить в мою. Так мы, может быть, будем в Петербурге? Ах, какое счастье! Как Алексей Иваныч будет рад! Ведь мы часто будем видеться, не правда ли?

Граф. Я гляжу на вас, на ваши глаза, на ваши локоны — и мне, право, кажется, что вам шестнадцать лет и что мы по-прежнему гуляем с вами в саду, sous ces magnifiques tilleuls... [2] Ваша улыбка нисколько не изменилась, ваш смех так же звонок, так же приятен, так же молод, как тогда.

Дарья Ивановна. А почему вы это знаете?

Граф. Как почему? Разве я не помню?

Дарья Ивановна. Я тогда не смеялась... Мне было не до смеху. Я была грустна, задумчива, молчалива — разве вы забыли?..

Граф. Всё же иногда...

Дарья Ивановна. Вам бы менее всякого другого следовало это позабыть, monsieur le comte [3]. Ах, как мы были молоды тогда.. особенно я!.. Вы — вы уже приехали к нам блестящим офицером... Помните, как ваша матушка вам обрадовалась, как не могла наглядеться на вас... Помните, как вы даже вашей старой тетушке, княжне Лизе, вскружили голову... *(Помолчав.)* Нет, я не смеялась тогда.

Граф. Vous êtes adorable... plus adorable que jamais [4].

---

[1] но какое произношение! *(Франц.)*

[2] под этими чудесными липами... *(Франц.)*

[3] господин граф *(франц.)*.

[4] Вы очаровательны... очаровательнее, чем когда-либо. *(Франц.)*.

Дарья Ивановна. En vérité?[1] Что значит воспоминанье! Вы мне тогда этого не говорили.

Граф. Я? я, который...

Дарья Ивановна. Ну, полноте. А не то я могу подумать, что вы собираетесь мне делать комплименты; это не годится между старыми друзьями.

Граф. Я? вам комплименты?

Дарья Ивановна. Да, вы. Не думаете ли вы, что вы много переменились с тех пор, как я видела вас? Впрочем, давайте говорить о чем-нибудь другом. Скажите мне лучше, что вы делаете, как вы живете в Петербурге — все это меня так интересует... Ведь вы продолжаете заниматься музыкой, не правда ли?

Граф. Да, между делом, знаете.

Дарья Ивановна. Что, у вас такой же прекрасный голос?

Граф. Прекрасного голоса у меня никогда не было, но я еще пою.

Дарья Ивановна. Ах, я помню, у вас был чудесный голос, такой симпатичный... Ведь вы, кажется, тоже композировали?

Граф. Я и теперь занимаюсь иногда композицией.

Дарья Ивановна. В каком роде?

Граф. В итальянском. Я другого не признаю. Pour moi — je fais peu; mais ce que je fais est bien.[2] Кстати, ведь и вы занимались музыкой. Вы очень хорошо на фортепианах играли. Я надеюсь, вы всего этого не бросили?

Дарья Ивановна *(указывая на фортепиано и на лежащие на нем ноты)*. Вот мой ответ.

Граф. А! *(Подходит к фортепиано.)*

Дарья Ивановна. Но, к сожалению, фортепиана мои очень плохи; зато по крайней мере верны. Они дребезжат, но от них не делается тоски.

Граф *(берет два-три аккорда)*. Звук недурен. Ах, кстати — какая мысль! Ведь вы разбираете à livre ouvert?[3]

---

[1] Правда? *(Франц.)*

[2] Для себя — я делаю мало, но то, что я делаю, делаю хорошо. *(Франц.)*

[3] с листа? *(Франц.)*

Дарья Ивановна. Если не слишком трудно, разбираю.

Граф. О! это нисколько не трудно. У меня здесь небольшая вещь, une bagatelle que j'ai composée [1], романс из моей оперы для тенора. Я — вы, может быть, слыхали, я пишу оперу — для забавы, знаете ли... без всякой претензии.

Дарья Ивановна. Неужели?

Граф. Так вот, если вы позволите, я пошлю за этим романсом или, лучше, нет, я сам схожу за ним. Мы его разберем с вами — хотите?

Дарья Ивановна. А он у вас здесь?

Граф. Здесь, на квартире.

Дарья Ивановна. Ах, ради бога, граф, принесите его поскорей. Боже мой, как я вам благодарна! Пожалуйста, ступайте за ним.

Граф *(берет шляпу)*. Сейчас, сейчас. Vous verrez, cela n'est pas mal.[2] Я надеюсь, что эта безделка вам понравится.

Дарья Ивановна. Может ли быть иначе? Только я наперед прошу вашего снисхождения.

Граф. О, помилуйте! напротив, я... *(Уходя, в дверях.)* А! так вам не до смеху было тогда!

Дарья Ивановна. Вы, кажется, надо мной теперь смеетесь... А я бы могла вам показать одну вещь...

Граф. Что такое? что такое?

Дарья Ивановна. Которая у меня хранится... Я бы посмотрела, узнали ли бы вы ее.

Граф. Да о чем вы говорите?..

Дарья Ивановна. Я уж знаю, о чем. Ступайте теперь, принесите ваш романс, а потом мы увидим.

Граф. Vous êtes un ange.[3] Я сейчас вернусь. Vous êtes un ange! *(Делает ей ручкой и исчезает в переднюю.)*

---

[1] безделица, которую я сочинил *(франц.)*.
[2] Вы увидите, это совсем неплохо. *(Франц.)*
[3] Вы — ангел. *(Франц.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Дарья Ивановна одна.

Дарья Ивановна *(глядит ему вслед и после небольшого молчания восклицает)*. Победа! победа!.. Неужели? И так скоро, так неожиданно! А! je suis un ange — je suis adorable! [1] Стало быть, я еще не совсем заржавела здесь. Я еще могу нравиться даже таким людям, как он *(улыбаясь)*, как он... О, милый мой граф! я не могу вам скрыть, что вы довольно смешны и очень устарели. А он и не поморщился, когда я ему сказала, что ему было тогда двадцать восемь лет вместо тридцати семи... как я, однако, спокойно солгала. Ступайте за вашим романсом. Вы можете быть наперед уверены, что я найду его прелестным. *(Останавливается перед зеркалом, глядится и проводит обеими руками по своей талии.)* Мое бедное, деревенское платьице, я скоро расстанусь с тобой, прощай! Недаром я сама хлопотала над тобой, недаром я для тебя выпросила картинку у нашей городничихи. Ты мне сослужило службу. Я тебя никогда не брошу; но в Петербурге уж я тебя надевать не стану. *(Охорашиваясь.)* Мне кажется, на этих плечах не стыдно лежать и бархату...

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Дарья Ивановна. Дверь из передней слегка растворяется, и выказывается голова Миши. Он глядит некоторое время на Дарью Ивановну и, не входя в комнату, говорит вполголоса: «Дарья Ивановна!..»

Дарья Ивановна *(быстро оглядывается)*. А, это вы, Миша! Что вам? Мне теперь некогда...

Миша. Я знаю, знаю... я не войду-с; я только желал вас предупредить, что Алексей Иваныч сейчас придут.

Дарья Ивановна. Зачем же вы с ним не пошли гулять?

Миша. Я гулял-с с ним, Дарья Ивановна; но они мне сказали-с, что желают идти на службу; я не мог их удержать-с.

---

[1] Я ангел — я очаровательна! *(Франц.)*

Дарья Ивановна. Ну, он отправился на службу?

Миша. Они точно вошли в присутствие, но через короткое время изволили выйти-с.

Дарья Ивановна. А вы почем знаете, что он вышел?

Миша. А я из-за угла глядел-с. *(Прислушивается.)* Вот они, кажется, сюда идут-с. *(Скрывается и через минуту показывается опять.)* Ведь вы меня не забудете-с?

Дарья Ивановна. Нет, нет.

Миша. Слушаю-с. *(Исчезает.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Дарья Ивановна; немного погодя Алексей Иванович.

Дарья Ивановна. Неужели Алексей Иваныч вздумал ревновать? Вот кстати, нечего сказать! *(Она садится. Из двери передней выходит Алексей Иванович. Он в смущении. Дарья Ивановна оглядывается.)* А, это ты, Alexis?

Ступендьев. Я, я, душа моя, я. А разве граф ушел?

Дарья Ивановна. Я думала, что ты на службе.

Ступендьев. Я и то заходил в присутствие сказать, знаешь, чтоб меня не ждали. Да и как же бы я мог сегодня. У нас такой почетный гость... Да куда ж это он ушел?

Дарья Ивановна *(встает)*. Послушайте, Алексей Иванович, хотите вы получить хорошее место, с хорошим жалованьем, в Петербурге?

Ступендьев. Я? Еще бы!

Дарья Ивановна. Хотите?

Ступендьев. Конечно... Какой вопрос!

Дарья Ивановна. Так оставьте меня одну.

Ступендьев. То есть как одну?

Дарья Ивановна. Одну с графом. Он сейчас придет. Он пошел на свою квартиру за романсом.

Ступендьев. За романсом?

Дарья Ивановна. Да, за романсом. Он сочинил романс. Мы хотим его вместе разобрать.

Ступендьев. Отчего же я должен уйти?.. Я бы тоже хотел послушать...

Дарья Ивановна. Ах, Алексей Иваныч! Вы знаете, все авторы ужасно робки, и третье лицо — для них просто беда.

Ступендьев. Для авторов? Гм... Да, третье лицо... Но я, право, не знаю, прилично ли это будет... Как же это я уйду из дому?.. Граф, наконец, может обидеться.

Дарья Ивановна. Нисколько,— уверяю тебя. Он знает, что ты человек занятой, служащий; притом же ты к обеду вернешься.

Ступендьев. К обеду? Да.

Дарья Ивановна. В три часа.

Ступендьев. В три часа. Гм! Да... Я совершенно с тобою согласен. К обеду. Да, в три часа. *(Вертится на месте.)*

Дарья Ивановна *(подождав)*. Ну, что же ты?

Ступендьев. Я не знаю... У меня что-то, словно эдак, голова болит. Вот эта, левая сторона.

Дарья Ивановна. Неужели? Левая сторона?

Ступендьев. Ей-богу. Вот, вот, вся эта сторона; я не знаю... мне, кажется, лучше дома остаться.

Дарья Ивановна. Послушай, мой друг, ты ревнуешь меня к графу, это ясно.

Ступендьев. Я? С чего ты это взяла? Это было бы слишком глупо...

Дарья Ивановна. Конечно, это было бы очень глупо, в этом нет никакого сомнения; но ты ревнуешь.

Ступендьев. Я?

Дарья Ивановна. Ты ревнуешь меня к человеку, который красит себе волосы.

Ступендьев. Граф себе красит волосы? Так что ж? Я ношу парик.

Дарья Ивановна. И то правда; а потому, так как мне твое спокойствие дороже всего, пожалуй, оставайся... Но уж не думай о Петербурге.

Ступендьев. Да отчего же? разве это место в Петербурге... разве оно зависит от моего отсутствия?

Дарья Ивановна. Именно.

Ступендьев. Гм! Странно. Я, конечно, согласен с тобой; но всё-таки это странно, согласись и ты.

Дарья Ивановна. Может быть.

Ступендьев. Как это странно... как это странно! *(Расхаживает по комнате.)* Гм!

Дарья Ивановна. Но во всяком случае решайся скорее... Граф сейчас должен вернуться.

Ступендьев. Как это странно! *(Помолчав.)* Знаешь ли что, Даша, я останусь.

Дарья Ивановна. Как тебе угодно.

Ступендьев. Да разве граф тебе говорил что-нибудь об этом месте?

Дарья Ивановна. Я ничего не могу прибавить к тому, что я тебе уже сказала. Оставайся или уходи; как хочешь.

Ступендьев. И хорошее место?

Дарья Ивановна. Хорошее.

Ступендьев. Я совершенно с тобою согласен. Я... я остаюсь... я решительно остаюсь, Даша. *(В передней раздается голос графа, который делает руладу.)* Вот он. *(После небольшого колебания.)* В три часа! Прощай! *(Бежит в кабинет.)*

Дарья Ивановна. Слава богу!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Дарья Ивановна и граф, у него в руках сверток.

Дарья Ивановна. Наконец я вас дождалась, граф.

Граф. Me voilà, me voilà, ma toute belle. [1] Я немножко замешкался.

Дарья Ивановна. Покажите, покажите... Вы не можете себе представить, в каком я нетерпении. *(Берет у него сверток из рук и с жадностью его рассматривает.)*

Граф. Вы, пожалуйста, не ожидайте чего-нибудь эдакого, слишком необыкновенного. Ведь я вам наперед сказал, что это безделка, сущая безделка.

---

[1] Вот и я, вот и я, моя прекрасная. *(Франц.)*

Д а р ь я И в а н о в н а *(не сводя глаз с нот).* Напротив, напротив... Oh! mais c'est charmant! [1] Ах, как этот переход мил! *(Указывая пальцем на одно место.)* Ах, я влюблена в этот переход!..

Г р а ф *(с скромной усмешкой).* Да, он не совсем обыкновенный.

Д а р ь я И в а н о в н а. И эта rentrée[2]!

Г р а ф. А! она вам нравится?

Д а р ь я И в а н о в н а. Очень, очень мило! Ну, пойдемте, пойдемте; что время терять! *(Идет к фортепиано, садится, поднимает пюпитр и кладет ноты... Граф становится за ее стулом.)* Это andante? [3]

Г р а ф. Andante, andante amoroso, quasi cantando. [4] *(Откашливается.)* Гм, гм! Я сегодня не в голосе... Но вы извините... Une voix de compositeur, vous savez. [5]

Д а р ь я И в а н о в н а. Известная отговорка. Что ж мне, бедной, сказать после этого? Я начинаю. *(Она играет ритурнель.)* Вот это трудно.

Г р а ф. Не для вас.

Д а р ь я И в а н о в н а. А слова очень милы.

Г р а ф. Да... я их нашел, кажется, dans Metastase... [6] я не знаю, четко ли они написаны. *(Указывая пальцем.)* Это он ей поет.

La dolce tua immagine,
O vergine amata,
Dell'alma innamorata... [7]

Да вот, позвольте, слушайте. *(Поет романс в итальянском вкусе; Дарья Ивановна аккомпанирует ему.)*

Д а р ь я И в а н о в н а. Прекрасно, прекрасно... Oh, que c'est joli! [8]

Г р а ф. Вы находите?

Д а р ь я И в а н о в н а. Удивительно, удивительно!

---

[1] О, это чудесно! *(Франц.)*
[2] повторение *(франц.).*
[3] умеренно? *(Итал.)*
[4] Умеренно, умеренно страстно, почти певуче. *(Итал.)*
[5] Голос композитора, вы знаете. *(Франц.)*
[6] у Метастазио *(франц.).*
[7] Нежный твой образ, // О возлюбленная дева, // Влюбленной души... *(Итал.)*
[8] О, как это красиво! *(Франц.)*

Г р а ф. Я еще не так это спел, как бы следовало. Но как вы мне аккомпанировали, боже мой! Я вас уверяю, никто, никто мне так не аккомпанировал... никто!

Д а р ь я И в а н о в н а. Вы мне льстите.

Г р а ф. Я? это не в моем характере, Дарья Ивановна. Верьте мне, c'est moi qui vous le dis [1]. Вы великая музыкантша.

Д а р ь я И в а н о в н а *(словно всё еще погруженная в созерцание нот)*. Как этот пассаж мне нравится! Как это ново!

Г р а ф. Не правда ли?

Д а р ь я И в а н о в н а. И неужели вся опера так же хороша?

Г р а ф. Вы знаете, в этом деле автор не судья; но мне кажется, что по крайней мере остальное не хуже, если не лучше.

Д а р ь я И в а н о в н а. Боже мой! Неужели вы мне не сыграете что-нибудь из этой оперы?

Г р а ф. Я был бы слишком рад и счастлив исполнить вашу просьбу, Дарья Ивановна, но, к сожалению, я не играю на фортепиано и ничего не взял с собой.

Д а р ь я И в а н о в н а. Как жаль! *(Вставая.)* До другого раза. Ведь я надеюсь, граф, что вы побываете к нам перед вашим отъездом.

Г р а ф. Я? я, если вы позволите, готов к вам ездить каждый день. Что ж касается до моего обещания, то уж на этот счет вы можете быть совершенно покойны.

Д а р ь я И в а н о в н а *(невинно)*. Какого обещания?

Г р а ф. Я вашему мужу доставлю место в Петербурге, ручаюсь вам честным словом. Вам нельзя здесь оставаться. Помилуйте, это было бы просто срам! Vous n'êtes pas faite [2], чтобы эдак pour végéter ici [3]. Вы должны быть одним из блестящих украшений нашего общества, и я хочу... я буду гордиться тем, что я первый... Но вы, кажется, задумались... о чем, смею спросить?

Д а р ь я И в а н о в н а *(напевая, будто про себя)*. La dolce tua immagine...

---

[1] это я вам говорю *(франц.)*.
[2] Вы не созданы *(франц.)*.
[3] для прозябания здесь *(франц.)*.

Граф. А! я знал, я знал, что эта фраза останется у вас в памяти... Вообще всё, что я делаю, est très chantant [1].

Дарья Ивановна. Эта фраза чрезвычайно мила. Но извините, граф... я и не слыхала, что вы мне говорили... по милости вашей музыки.

Граф. Я вам говорил, Дарья Ивановна, что вам непременно нужно переехать в Петербург — во-первых, для вас и для вашего мужа, а во-вторых, и для меня. Я осмеливаюсь упомянуть о себе, потому что... потому что наша старинная, можно сказать, связь дает мне некоторое право на это. Я никогда не забывал вас, Дарья Ивановна, а теперь более чем когда-нибудь могу вас уверить, что я искренно вам предан... что эта встреча с вами...

Дарья Ивановна *(печально)*. Граф, к чему вы это говорите?

Граф. Почему ж мне не говорить того, что я чувствую?

Дарья Ивановна. Потому что вам не следовало бы возбуждать во мне...

Граф. Что возбуждать... что возбуждать? говорите...

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Те же и Ступендьев показывается в дверях кабинета.

Дарья Ивановна. Напрасные ожидания.

Граф. Почему ж напрасные? И какие ожиданья?

Дарья Ивановна. Почему? Я решилась быть откровенной с вами, Валерьян Николаич.

Граф. Вы помните мое имя!

Дарья Ивановна. Вот, видите ли, здесь... вы обратили на меня... некоторое внимание, а в Петербурге я, может быть, покажусь вам такою незначительною, что вы, пожалуй, будете сожалеть о том, что теперь намерены сделать для нас.

Граф. О, что вы говорите, помилуйте! Вы себе не знаете цены. Но разве вы не понимаете... mais vous

---

[1] это очень певуче *(франц.)*.

êtes une femme charmante...[1] Сожалеть о том, что́ сделаю для вас, Дарья Ивановна!..

Дарья Ивановна *(увидав Ступендьева)*. Для моего мужа, вы хотите сказать.

Граф. Ну да, да, для вашего мужа. Сожалеть... Нет, вы еще не знаете настоящих моих чувств... я тоже хочу быть откровенным с вами... в свою очередь.

Дарья Ивановна *(в смущенье)*. Граф...

Граф. Вы не знаете моих настоящих чувств, говорю вам: вы их не знаете.

Ступендьев *(быстро входит в комнату, приближается к графу, который стоит к нему спиной, и кланяется)*. Ваше сиятельство, ваше сиятельство...

Граф. Вы не знаете чувств моих, Дарья Ивановна.

Ступендьев *(кричит)*. Ваше сиятельство... ваше сиятельство...

Граф *(быстро оборачивается, глядит на него некоторое время и спокойно говорит)*. А, это вы, Алексей Иваныч. Откуда вы явились?

Ступендьев. Из кабинета... из кабинета, ваше сиятельство. Я был тут, в кабинете, ваше сиятельство...

Граф. Я думал, что вы на службе. А мы здесь с вашей супругой занимались музыкой. Господин Ступендьев, вы счастливейший человек! Я вам это говорю так просто, без обиняков, потому что я вашу жену знаю с детства.

Ступендьев. Вы слишком добры, ваше сиятельство.

Граф. Да, да... Вы счастливый человек!

Дарья Ивановна. Друг мой, ты можешь благодарить графа.

Граф *(быстро перерывая)*. Permettez... Je le lui dirai moi-même... plus tard... quand nous serons plus d'accord [2]. *(Громко к Ступендьеву.)* Вы счастливый человек! Любите вы музыку?

Ступендьев. Как же, ваше сиятельство. Я...

Граф *(обращаясь к Дарье Ивановне)*. Кстати... вы мне хотели что-то показать, вы забыли?

---

[1] вы очаровательная женщина... *(Франц.)*

[2] Разрешите... Я ему скажу сам... позже... когда мы придем к большему согласию *(франц.)*.

Дарья Ивановна. Я?

Граф. Да... вы... Vous avez déjà oublié? [1]

Дарья Ивановна *(быстро, вполголоса).* Il est jaloux et il comprend le français [2]. Ах да, точно... Я теперь вспомнила; я хотела вам... я хотела вам показать наш сад; до обеда еще есть время.

Граф. А! *(Помолчав.)* А! у вас есть сад?

Дарья Ивановна. Небольшой, но в нем довольно цветов.

Граф. Да, да, я помню; вы всегда были до них большая охотница. Покажите, покажите мне ваш сад, сделайте одолжение. *(Идет к фортепианам за шляпой.)*

Ступендьев *(вполголоса, подходя к Дарье Ивановне).* Что ж это... что ж это... что ж это значит — а?

Дарья Ивановна *(вполголоса).* В три часа, или без места. *(Отходит от него и берет со столика зонтик.)*

Граф *(возвращаясь).* Дайте мне вашу руку. *(Вполголоса.)* Я вас понимаю.

Дарья Ивановна *(глядя на него с едва заметной усмешкой).* Вы думаете?

Ступендьев *(словно просыпаясь).* Да, позвольте, позвольте... И я с вами пойду.

Дарья Ивановна *(останавливается и оглядывается).* И ты хочешь идти, mon ami? [3] Ступай, ступай с нами, ступай. *(Они с графом направляются к двери сада.)*

Ступендьев. Да... я... пойду. *(Схватывает шляпу и делает несколько шагов.)*

Дарья Ивановна. Ступай, ступай... *(Она уходит с графом.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Ступендьев один.

Ступендьев *(делает еще несколько шагов, комкает шляпу и бросает ее на пол).* Да, чёрт возьми, я остаюсь! остаюсь! не пойду! *(Ходит по комнате.)*

---

[1] Вы уже забыли? *(франц.)*
[2] Он ревнив, и он понимает по-французски *(франц.)*.
[3] друг мой? *(Франц.)*

Я человек решительный, я не люблю полумер. Я хочу видеть, докуда... я хочу всё это вынести до конца. Я хочу убедиться собственными глазами. Вот что я хочу... Ведь это, наконец, неслыханное дело! Ну, положим, она знала его в детстве; ну, положим, она образованная женщина, очень, слишком образованная женщина — да какая же нужда меня-то дурачить? Оттого, что я не получил воспитания? Во-первых, это не моя вина. Говорит там о месте в Петербурге — ну, что за вздор? ну, можно ли этому поверить? Как бы не так! Граф этот сейчас даст мне место! Да и, наконец, сам-то он разве такая важная птица — дела его совершенно плохи... Ну, положим, он там как-нибудь мне точно доставит место; да зачем всё эдак с ним, тѐт-ан-тѐт, целый день?.. Ведь это неприлично! Ну, обещал — и конец. В три часа... Еще говорит, в три часа *(глядит на часы)*, а теперь всего четверть третьего! *(Останавливается.)* А пойду-ка я в сад! *(Взглядывает.)* Вишь, не видать их. *(Поднимает шляпу и расправляет ее.)* Пойду, ей-богу пойду. Сама же, сама мне *(передразнивая жену)*: ступай, мон-ами, ступай! *(Помолчав.)* Да, как бы не так, пойдешь! Нет, брат, знаю я тебя... куда тебе пойти! Пойдешь, как же, сейчас! Э! *(С досадой опять швыряет шляпу на пол.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Ступендьев и Миша выходит из передней.

Миша *(подходя к Ступендьеву)*. Что с вами, Алексей Иваныч? вы как будто не совсем в своей тарелке-с? *(Поднимает шляпу, расправляет ее и ставит на стол.)* Что с вами-с?

Ступендьев. Отстань, брат, пожалуйста. Не надоедай хоть ты по крайней мере.

Миша. Помилуйте, Алексей Иваныч, не извольте так выражаться; неужели я вас чем-нибудь обеспокоил-с?

Ступендьев *(помолчав)*. Не ты меня беспокоишь, а *(показывает рукой в направлении к саду)* вон кто!

Миша *(глянув в дверь, невинным голосом)*. Кто же такое, смею спросить?

Ступендьев. Кто?.. он...

Миша. Кто оне-с?

Ступендьев. Как будто ты не знаешь! Этот приезжий граф.

Миша. Каким же манером мог он вас беспокоить-с?

Ступендьев. Каким манером!.. Он вот с утра от Дарьи Ивановны не отходит, поет с ней, гуляет... Что ты думаешь... это... это приятно? приятно это — а? для мужа то есть?

Миша. Для мужа ничего-с.

Ступендьев. Как ничего? Разве ты не слышишь: гуляет с ней, поет?

Миша. Только-то-с?.. Помилуйте, Алексей Иваныч, как вам не грешно эдак того-с... беспокоиться? Ведь это всё, так сказать, для вашего блага делается. Граф человек важный, с влияньем, знал Дарью Ивановну с детства — как же этим не воспользоваться, помилуйте-с? Да после этого вам бы просто стыдно было показаться на глаза всякому благомыслящему человеку. Я чувствую, что выражения мои сильны, слишком сильны, но мое усердие к вам...

Ступендьев. Убирайся ты с твоим усердием! *(Садится и отворачивается.)*

Миша. Алексей Иваныч... *(Помолчав.)* Алексей Иваныч!

Ступендьев *(не переменяя положения)*. Ну, что тебе?

Миша. Что вы изволите так сидеть? Пойдемте лучше гулять.

Ступендьев *(всё так же)*. Не хочу я гулять.

Миша. Пойдемте-с... Ей-богу, пойдемте-с.

Ступендьев *(быстро оборачиваясь и скрещивая руки)*. Да что тебе надобно, наконец? а?.. Что ты от меня сегодня ни на шаг не отходишь с утра? Что тебя ко мне приставили, как няньку, что ли?

Миша *(опуская глаза)*. Точно, приставили-с.

Ступендьев *(вставая)*. Кто, смею спросить?

Миша. Для вашего же блага-с, Алексей Иваныч.

Ступендьев. Позвольте узнать, милостивый государь, кто вас ко мне приставил?

Миша *(с некоторым стенаньем)*. Только выслушайте меня, Алексей Иваныч, ради бога. Два слова,

Алексей Иваныч, два слова... я не могу вам эдак подробно объяснить. Кажется, вот дождичек идти собирается... они сейчас придут...

Ступендьев. Дождик собирается идти, а ты меня зовешь гулять!

Миша. Да мы можем эдак не по улице... Помилуйте, Алексей Иваныч, не тревожьтесь... Чего вы можете бояться? Ведь мы тут; ведь мы наблюдаем-с... ведь, кажется, это всё вещь такая известная-с... Вы вот в три часа вернетесь...

Ступендьев. Да из чего ты-то хлопочешь? Что она тебе такое говорила?..

Миша. Оне мне ничего эдак собственно не говорили-с... а так-с... Помилуйте, ведь вы оба мои благодетели. Вы мой благодетель, а Дарья Ивановна моя благодетельница; притом же оне мне и родственница. Как же мне не радеть... *(Берет его под руку.)*

Ступендьев. Я остаюсь, говорят! Мое место здесь! Я здесь хозяин... Здесь мое место! Я разрушу их замысел!

Миша. Конечно, вы хозяин-с; да ведь коли я вам говорю, что мне всё известно.

Ступендьев. Так что ж? Ты думаешь, она тебя не проведет? Небось ты, брат, еще молод и глуп. Ты еще женщин не знаешь...

Миша. Где мне их знать-с... Только вот-с...

Ступендьев. Я здесь графа застал и своими собственными ушами слышал, как он приставал: вы, мол, сударыня, не знаете моих чувствий; я, мол, их вам открою, мои чувствия... А ты зовешь меня гулять...

Миша *(тоскливо)*. Кажется, дождик накрапывает... Алексей Иваныч! Алексей Иваныч!

Ступендьев. Ведь вишь, пристал! *(Помолчав.)* А ведь в самом деле накрапывает!

Миша. Они сюда идут, они сюда идут... *(Опять берет его под руку.)*

Ступендьев *(упираясь)*. Да нет же, говорят! *(Помолчав.)* Ну, а впрочем, чёрт возьми, пойдем!

Миша. Позвольте, я шляпу, шляпу...

Ступендьев. Где тут шляпу? брось! *(Оба убегают в переднюю.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Дарья Ивановна и граф входят из сада.

Граф. Charmant, charmant! [1]

Дарья Ивановна. Вы находите?

Граф. Ваш сад чрезвычайно мил, как и всё здесь. *(Помолчав.)* Дарья Ивановна, я признаюсь... я всего этого не ожидал; я в очарованье, я в очарованье...

Дарья Ивановна. Чего вы не ожидали, граф?

Граф. Вы меня понимаете. Но когда вы мне покажете это письмо?

Дарья Ивановна. Зачем оно вам?..

Граф. Как зачем?.. Я бы желал знать, так же ли я чувствовал в то время, в то прекрасное время, когда мы были так молоды оба...

Дарья Ивановна. Граф, нам, я думаю, лучше не касаться до того времени.

Граф. Да почему же? Разве вы, Дарья Ивановна, разве вы не видите, какое вы произвели на меня впечатление?..

Дарья Ивановна *(с смущением)*. Граф...

Граф. Нет, выслушайте меня... Я вам правду скажу... Когда я пришел сюда, когда я вас увидел, я, признаюсь, подумал — извините меня, пожалуйста, — я подумал, что вы желали только возобновить знакомство со мной...

Дарья Ивановна *(поднимая глаза)*. И вы не ошиблись...

Граф. И потому я... я...

Дарья Ивановна *(с улыбкой)*. Далее, граф, далее.

Граф. Потом я вдруг убедился, что имею дело с женщиной чрезвычайно пленительной, а теперь откровенно должен вам сознаться — теперь вы мне совершенно вскружили голову.

Дарья Ивановна. Вы смеетесь надо мной, граф...

Граф. Я смеюсь над вами?

Дарья Ивановна. Да, вы! Сядемте, граф. Позвольте мне вам сказать два слова. *(Садится)*.

---

[1] Прелестно, прелестно! *(Франц.)*

Граф (*садясь*). Вы мне всё не верите!..

Дарья Ивановна. А вы хотите, чтоб я вам верила? Полноте... как будто бы я не знаю, какого рода впечатление произвожу на вас. Сегодня я вам, бог знает почему, нравлюсь; завтра вы меня позабудете. (*Он хочет говорить, но она его останавливает.*) Поставьте себя в мое положение... Вы еще молоды, блестящи, живете в большом свете; у нас вы случайный гость...

Граф. Но...

Дарья Ивановна (*останавливая его*). Мимоходом вы заметили меня. Вы знаете, что наши дороги в жизни так различны... что же вам сто́ит уверить меня в вашей... в вашей дружбе?.. Но я, граф, я, которой суждено провести весь свой век в уединении,— я должна дорожить своим покоем, я должна строго наблюдать за своим сердцем, если не хочу со временем...

Граф (*перебивая ее*). Сердцем, сердцем; vous dites [1] сердцем! Да разве у меня тоже нет сердца, наконец? И почему вы знаете, что оно... это сердце, не... не заговорило, наконец? Вы говорите: уединенье! Но почему же уединенье?

Дарья Ивановна. Я дурно выразилась, граф; я не одна — я не имею права говорить об уединении.

Граф. Понимаю, понимаю — ваш муж... но разве... разве... Ведь это только между нами... одна эдак... de la sympathie [2]. (*Небольшое молчание.*) Мне только, признаюсь, одно больно: мне больно, что вы не отдаете мне справедливости, что вы видите во мне какого-то, я не знаю... какого-то фальшивого человека... что вы не верите мне, наконец...

Дарья Ивановна (*помолчав и посмотрев на него сбоку*). Так верить мне вам, граф?

Граф. Oh, vous êtes charmante! [3] (*Берет ее руку. Дарья Ивановна сперва как будто хочет принять ее, потом оставляет. Граф с жаром ее целует.*) Да, верьте мне, Дарья Ивановна, верьте... я вас не обманываю. Я сдержу все свои обещанья. Вы будете жить в Петер-

---

[1] вы говорите (*франц.*).
[2] симпатия (*франц.*).
[3] О, вы очаровательны! (*Франц.*)

бурге... Вы... вы... увидите. И не в уединении... я за это вам ручаюсь. Вы говорите, я вас забуду? Как бы вы меня не забыли!

Дарья Ивановна. Валерьян Николаич!

Граф. А, вы сами теперь видите, как неприятно, как оскорбительно сомнение! Ведь я бы мог тоже подумать, что вы притворяетесь, que ce n'est pas pour mes beaux yeux...[1]

Дарья Ивановна. Валерьян Николаич!

Граф *(более и более одушевляясь и вставая)*. Впрочем, что мне за дело, какого бы вы ни были мнения обо мне!.. Я... я должен вам сказать, что я вам душевно предан, что я, наконец, влюблен в вас, страстно, страстно влюблен, и готов на коленях поклясться вам.

Дарья Ивановна. На коленях, граф? *(Встает)*.

Граф. Да, на коленях, если б это не было принято — так, чем-то театральным.

Дарья Ивановна. Отчего же?.. Нет, это, признаюсь, это, должно быть, очень приятно — для женщины. *(Быстро оборачиваясь к Любину.)* Станьте на колена, граф, коли вы точно не смеетесь надо мной.

Граф. С удовольствием, Дарья Ивановна, если это только может вас заставить поверить, наконец... *(Не без труда становится на колена.)*

Дарья Ивановна *(дает ему стать на колена и быстро приближается к нему)*. Помилуйте, граф, что вы! я шутила, встаньте.

Граф *(пробует встать и не может)*. Всё равно, оставьте. Je vous aime, Dorothée... Et vous? [2]

Дарья Ивановна. Встаньте, прошу вас... *(Из передней показывается Ступендьев, напрасно удерживаемый Мишей.)* Встаньте... *(Она делает мужу знаки и сама с трудом удерживает смех.)* Встаньте... *(Граф с изумлением глядит на нее и замечает ее знаки.)* Да встаньте же, говорят...

Граф *(не вставая)*. Кому вы делаете знаки?

Дарья Ивановна. Граф, ради бога, встаньте!

Граф. Дайте мне руку.

---

[1] что это не ради моих прекрасных глаз *(франц.)*.
[2] Я люблю вас, Доротея... А вы? *(Франц.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Ступендьев и Миша. Ступендьев во время этого разговора подошел к самому графу. Миша остановился у порога. Дарья Ивановна глядит на графа, на мужа и с звонким хохотом бросается в кресла. Граф в смущении оглядывается и видит Ступендьева. Тот ему кланяется. Граф с досадой обращается к нему.

Граф. Помогите мне встать, милостивый государь!.. Я как-то... здесь стал на колена. Да помогите же мне! *(Дарья Ивановна перестает смеяться.)*

Ступендьев *(хочет поднять его под мышки)*. Слушаю-с, ваше сиятельство... Извините меня, если я... того-с...

Граф *(отталкивает его и вскакивает молодцом)*. Очень хорошо-с, очень хорошо-с — я у вас ничего не спрашиваю. *(Подходя к Дарье Ивановне.)* Прекрасно, Дарья Ивановна, очень вам благодарен.

Дарья Ивановна *(принимая умоляющий вид)*. Чем же я виновата, Валерьян Николаич?

Граф. Вы нисколько не виноваты, помилуйте! Нельзя не смеяться над тем, что смешно,— я вас в этом не упрекаю, поверьте; но, сколько я мог заметить, это всё было у вас наперед сговорено с вашим супругом.

Дарья Ивановна. Почему вы это думаете, граф?

Граф. Почему? Да потому, что в эдаких случаях, обыкновенно, не смеются и не делают знаков.

Ступендьев *(который вслушался)*. Помилуйте, ваше сиятельство, между нами ничего не было сговорено, уверяю вас, ваше сиятельство. *(Миша дергает его за фалду.)*

Граф *(с горьким смехом к Дарье Ивановне)*. Ну, после этого вам трудно будет еще запираться... *(Помолчав.)* Впрочем, вам и не для чего запираться. Я совершенно заслуживал это.

Дарья Ивановна. Граф...

Граф. Не извиняйтесь, прошу вас. *(Помолчав, про себя.)* Какой позор! Одно только осталось средство выйти из этого глупого положения... *(Громко к Дарье Ивановне.)* Дарья Ивановна?..

Дарья Ивановна. Граф?

Граф *(помолчав)*. Вы, может быть, думаете, что я теперь не сдержу своего слова, сейчас уеду и не прощу вам вашей мистификации? Я бы, может быть, имел право это сделать, потому что всё-таки с порядочным человеком так шутить не следует; но я желаю, чтоб вы в свою очередь узнали, с кем имели дело. Madame, je suis un galant homme [1]. Притом я уважаю ум всегда, даже когда мне от него достается... Я остаюсь обедать — если господину Ступендьеву это не будет противно — и, повторяю вам, сдержу все свои обещания, теперь еще более, чем когда-нибудь...

Дарья Ивановна. Валерьян Николаич, вы, я надеюсь, тоже не такого дурного мнения обо мне; вы не подумаете, не правда ли, что я не умею ценить... что я не до глубины сердца тронута вашим великодушьем... Я виновата перед вами; но вы меня узнàете, как я теперь узнала вас...

Граф. О, помилуйте! К чему все эти слова?.. Всё это не стоит благодарности... Но как вы хорошо играете комедию!..

Дарья Ивановна. Граф, вы знаете, комедию хорошо играешь тогда, когда чувствуешь, что говоришь...

Граф. А! вы опять... Нет, уж извините — два раза сряду я не попадусь. *(Обращаясь к Ступендьеву.)* Я должен быть очень смешон в ваших глазах теперь, милостивый государь; но постараюсь доказать на деле мое желанье быть вам полезным...

Ступендьев. Ваше сиятельство, поверьте, я... *(В сторону.)* Я ничего не понимаю.

Дарья Ивановна. Да это и не нужно... Благодари только его сиятельство...

Ступендьев. Ваше сиятельство, поверьте.

Граф. Полноте, полноте...

Дарья Ивановна. А вас, Валерьян Николаич, я поблагодарю в Петербурге.

Граф. И покажете мне письмо?..

Дарья Ивановна. Покажу, и, может быть, с ответом.

---

[1] Сударыня, я порядочный человек. *(Франц.)*

Граф. Eh bien! il n'y a pas à dire, vous êtes charmante après tout...[1] и я ни в чем не раскаиваюсь...

Дарья Ивановна. Я, может быть, не буду в состоянии это сказать... *(Граф рисуется; она улыбается.)*

Ступендьев *(в сторону, глядя на часы)*. А ведь я пришел в три четверти третьего, а не в три.

Миша *(робко подходя к Дарье Ивановне)*. Дарья Ивановна, что ж вы, меня-то?.. Вы меня-то, кажется, забыли... А уж я как старался!

Дарья Ивановна *(вполголоса)*. Я вас не забыла... *(Громко.)* Граф, позвольте вам представить одного молодого человека... *(Миша кланяется.)* Я принимаю в нем участие, и если...

Граф. Вы принимаете в нем участие?.. Этого довольно... Молодой человек, вы можете быть покойны: мы об вас не забудем.

Миша *(подобострастно)*. Ваше сиятельство...

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

Те же, Аполлон и Васильевна.

Аполлон *(выходя из передней)*. Кушанье...

Васильевна *(выходя из-за Аполлона)*. Кушанье готово.

Ступендьев. А! Ваше сиятельство, милости просим.

Граф *(подавая руку Дарье Ивановне, к Ступендьеву)*. Вы позволите?

Ступендьев. Сделайте одолжение... *(Граф с Дарьей Ивановной приближается к дверям.)* Однако я пришел не в три, а в три четверти третьего... всё равно; я ничего не понимаю, но моя жена — великая женщина!

Миша. Пойдемте, Алексей Иваныч.

Дарья Ивановна. Граф, я заранее прошу у вас извиненья за провинциальный наш обед.

Граф. Хорошо, хорошо... До свиданья в Петербурге, провинциалка!

---

[1] Ну что ж! ничего не скажешь, вы прелестны, несмотря ни на что... *(Франц.)*

РАЗГОВОР НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ

СЦЕНА

(Посвящено П. М. Садовскому)

(1850)

По большой ... ой дороге тащится довольно уже ветхий тарантас, запряженный тройкою загнанных лошадей. В тарантасе сидят рядом: господин лет 28-ми, Аркадий Артемьевич *Михрюткин*, худенький человек, с крошечным лицом, унылым красным носом и бурыми усиками, закутанный в серую поношенную шинель,— и слуга его *Селивёрст* (он также и земский), расплывшийся, пухлый мужчина 40 лет, рябой, с свиными глазками и желтыми волосами. На козлах сидит кучер *Ефрем*, бородастый, красный и курносый, одетый в тяжелый рыжий армяк и шляпу с опустившимися краями; ему тоже около 40 лет. Солнце печет; жара и духота страшная.— Едут они из уездного города и полчаса тому назад останавливались в постоялом дворике, где и Ефрем и Селивёрст оба успели немного выпить.— Г-н Михрюткин часто кашляет,— грудь у него расстроена, и вообще он вид имеет недовольный. Он говорит торопливо и смутно, словно спросонья; Ефрем выражается медленно и обдуманно. Селивёрст произносит слова с трудом, словно выпирает их из желудка; он страдает одышкой.

Михрюткин *(внезапно встряхнув шинелью)*. Ефрем, а Ефрем!

Ефрем *(оборачиваясь к нему вполовину)*. Чего изволите?

Михрюткин. Да что, ты спишь, должно быть, на козлах-то? Как же ты не видишь, что́ у тебя под носом делается, а? Любезный ты мой друг.

Ефрем. А что-с?

Михрюткин. Что-с? У тебя одна пристяжная вовсе не работает. Что ж ты за кучер после этого,— а?

Ефрем. Какая пристяжная не работает?

Михрюткин. Какая... какая... Известно, какая; правая вороная. Ничего не везет — разве ты не видишь?

Ефрем. Правая?

М и х р ю т к и н. Ну, не рассуждай, пожалуйста, и не повторяй слов моих. Я этой гнусной привычки в дворовых людях терпеть не могу. Стегни-ка ее, стегни, хорошенько стегни, да вперед не давай ей дремать, да и сам тоже того... *(Ефрем с язвительной усмешкой сечет правую пристяжную.)* После этого мне остается самому на козлы сесть,— да разве это мое дело? Это твое дело. Дурак. *(Ефрем продолжает сечь пристяжную. Она брыкает.)* Ну, однако, тише! *(Помолчав.)* Экая, между прочим, жара несносная. *(Закутывается в шинель и кашляет.)*

С е л и в ё р с т *(помолчав).* Да-с... оно точно, жара. Ну, а впрочем — для уборки хлебов — оно ничего-с. О-ох, господи! *(Вздыхает и чмокает губами, как бы собираясь дремать.)*

М и х р ю т к и н *(помолчав, Селивёрсту).* Скажи, пожалуйста, что это за толстая баба на постоялом дворе с нами рассчитывалась? Я прежде ее не видывал.

С е л и в ё р с т. А сама хозяйка. Из Белева надысь наехала.

М и х р ю т к и н. Отчего она такая толстая?

С е л и в ё р с т. А кто ж ее знает? Иного эдак вдруг разопрет, чем он в нефтом случае виноват?

М и х р ю т к и н. Она с нас дорого взяла, эта баба. Я заметил, ты никогда на постоялых дворах не торгуешься. Никогда.— Что запросят, то и даешь. Знать, она тебе поднесла, эта баба. И в городе тоже втрое заплатил.

С е л и в ё р с т. Что вы изволите говорить, Аркадий Артемьич!.. Я, кажется, не таковский человек, чтобы из каких там нибудь угожденьев или видов...

М и х р ю т к и н. Ну, хорошо, хорошо...

С е л и в ё р с т. Я, Аркадий Артемьич, сызмала еще вашему батюшке покойному служил — и до сих пор служу вашей милости, то есть. И никто за мной никаких операций не замечал. Потому что я чувствую; и чтобы что-нибудь эдак против господской выгоды или вообще не по совести — честь свою замарать согласиться... да я, помилуйте — я — да и господи боже ты мой...

М и х р ю т к и н. Ну, да хорошо же...

С е л и в ё р с т. А баба эта с нас даже не дорого взяла, так ли еще берут на постоялых дворах! — Вы го-

ворите — она мне поднесла; что ж? может быть, и поднесла. Я от своего количества не отказываюсь. Я пью, но пью умеренно, с воздержанием.

Михрюткин. Ну да говорят тебе — хорошо.

Селивёрст. Вы только напрасно меня обидеть изволили, Аркадий Артемьич, — бог с вами! *(Михрюткин молчит.)* Бог с вами совсем!

Михрюткин *(с сердцем)*. Ну, да перестань же, чёрт!

Селивёрст. Слушаю-с. *(Воцаряется молчанье.)*

Михрюткин *(который напрасно старался заснуть, Ефрему)*. А отчего это у тебя коренная ушами трясет — устала, что ли, она — вишь, вишь, на каждом шагу встряхивает?

Ефрем *(оборачиваясь вполовину)*. Какая лошадь ухми трясет?

Михрюткин. Коренная, разве ты не видишь?

Ефрем. Коренная ухми трясет?

Михрюткин. Да-да, ушми.

Ефрем. Не знаю, отчего она ухми трясти будет. Разве от мух.

Михрюткин. От мух лошадь всей головой трясет, а не одними ухми. *(Помолчав.)* А что — ведь она, кажется, на ноги разбита?

Ефрем. Лядащая лошадь, как есть. *(Бьет ее кнутом.)*

Михрюткин. Ну, ты ее не любишь, я знаю.

Ефрем. Нет, Аркадий Артемьич, я ее люблю. *(Бьет ее.)* Я, Аркадий Артемьич, всех ваших лошадей одинаково соблюдаю, потому что это первое дело; а тот уж не кучер, который не соблюдает лошадей — тот просто легковерный человек. Нет, я ее люблю. А только я справедлив. — Где хвалить нечего — не хвалю.

Михрюткин. Что ж ты в ней, например, находишь дурного?

Ефрем. Аркадий Артемьич, позвольте вам доложить. Лошадь лошади рознь. — Вот как между людьми, например, человек бывает натуральный, без образованья, одним словом — пахондрик, так и в лошадях. Необстоятельная лошадь, Аркадий Артемьич; приятности в ней никакой нет. — Что, например, бежит

она — на взволок, что ли, по ровному ли месту, или, например, под гору спущает — ничего в ней нет, извольте сами посмотреть. *(Гнется на один бок.)* Ну что, бежит, помилуйте? Нет от нее никакого удовольствия. Просто пустая лошадь. *(Бьет ее кнутом.)*

Михрюткин. Ну, а пристяжные, по-твоему,— каковы?

Ефрем. Ну, пристяжные — ничего. Вороная, например, лошадь обходительная; божевольна маленько, пуглива — ну, и ленца есть; а только обходительная лошадь, вежливая, а уж эта вот *(указывает кнутом на левую пристяжную)*, гнедая — просто без числа.— Конь добрый, степенный, ко кнуту ласков, бежит прохладно, доброхот: слуга, можно сказать, из слуг слуга. Ногами, правда, немного тронут — да ведь у нас какая езда, Аркадий Артемьич, помилуйте. То туды, то сюды — покоя нет лошадям ни малеющего. То вы сами изволите куда, например, прокатиться, то барыня погонит в город, то приказчик поскачет.— Где ж им тут справиться? А уж я, кажется, об них, как об отцах родных, забочусь. Эх вы, котята! *(Погоняет их.)*

Михрюткин *(помолчав)*. Так что ж ты думаешь насчет коренной-то — коли она так плоха?

Ефрем. Продать ее следует, Аркадий Артемьич. На что такую лошадь держать — сами вы изволите рассудить! Что дурная, что хорошая лошадь — одинаково корм едят. А то и променять ее можно.

Михрюткин. Променять! — Знаю я ваши промены! — Придашь денег пропасть, своя лошадь ни за что пойдет, а смотришь — та то еще хуже.

Ефрем. На что же так менять, Аркадий Артемьич. Эдак менять нехорошо. Надо без придачи менять — ухо на ухо.

Михрюткин. Ухо на ухо! Да где ж ты такого дурака найдешь, который бы тебе за дрянную лошадь хорошую без придачи отдал, а? Что ты, однако, за кого меня принимаешь, наконец? *(Кашляет.)*

Ефрем. Да, Аркадий Артемьич, помилуйте. Кому какая лошадь нужна: иному наша лошадь покажется, а нам — его. Вот хучь бы у соседа нашего, у Евграфа Авдеича, есть животик. Евграф-то Авдеич пораастратился, так, может быть, он сгоряча согласится. А лошадка добрая, добрая лошадка.— Он же такой чело-

век рассеянный, вертлюшок: где ему лошадь прокормить — сам без хлеба сидит.

Михрюткин. А ты, однако, я вижу, глуп. Коли ему нечем лошадь прокормить — ну из чего, с какой стати станет он меняться,— а?

Ефрем. Ну, так купить у него можно. А он отдаст дешево. Просто, за что угодно отдаст. Лишь бы со двора долой.

Михрюткин *(помолчав)*. А лошадь точно порядочная?

Ефрем. Отменная лошадь — вот изволите увидеть.

Михрюткин *(опять помолчав)*. Да ты,— чёрт тебя знает,— ты всё врешь.

Ефрем. Зачем врать? Пес врет, зато он и собака.

Михрюткин *(недовольным голосом)*. Ну, не рассуждай. *(Помолчав.)* И на этой еще поездим.

Ефрем. Как вашей милости угодно будет.— А только эта лошадь, воля ваша, просто никуда. Просто — вохляк.

Михрюткин. Что-о?

Ефрем. Вохляк.

Михрюткин. Сам ты вохляк.

Ефрем *(оборачиваясь вполовину)*. Кто... я вохляк?

Михрюткин. Да — ты. Что ж тут удивительного! — Ты.

Ефрем *(протянув голову)*. Ну... ну это вы, однако, Аркадий Артемьич, уже того... больно изволите того... *(Он чрезвычайно обижен и взволнован.)*

Михрюткин *(вспыхнув)*. Что-о... Что-о?

Ефрем. Да помилуйте... как же можно...

Михрюткин. Молчать! молчать! говорю тебе — молчать! — Ах ты, армяк верблюжий! Обижаться вздумал — вишь! Да, вохляк, вохляк — еще какой вохляк. Что ж, после этого я, по-твоему, уже ничего не смей сказать? Ты мне тут, бог тебя знает, что наболтал — а я должен перед тобой безмолвствовать? — Вишь, краснобай эдакой! — Еще обижается! *(Кашляет.)* Молчать!.. *(Страшный кашель прерывает слова Михрюткина. Он вынимает из кармана бумажку, развертывает ее, достает оттуда кусок леденца и принимается сосать его. Ефрем молча погоняет лошадей;*

выражение его лица достойное и строгое. Успокоившись немножко, Михрюткин напрасно силится поправить за спиной кожаную подушку и толкает под бок Селивёрста, который во всё время разговора Аркадия Артемьича с Ефремом спал мертвым сном.) Селивёрст, Селивёрст! Ну, разоспался, охреян неприличный,— Селивёрст!

Селивёрст *(просыпаясь)*. Чего прикажете?

Михрюткин. Вот то-то и есть. Не будь я так непростительно добр с вами, вы бы меня уважали!.. а то вы всякое уважение ко мне потеряли. Ну что спишь, словно не видал, как спят... Тут кучер позабылся, барина обеспокоил — а ты спишь.

Селивёрст. Я так только, немножко, Аркадий Артемьич...

Михрюткин. То-то, так. *(Утихая.)* Поправь мне подушку сзади. *(Селивёрст поправляет подушку.)* Одному я удивляюсь: кажется, уж на что я снисходителен, уж на что; а никакой привязанности в вас не заслужил. Вы все меня за грош готовы продать — ей-ей! *(Едва сдерживая слезы.)* Да вот потерпите маленько; недолго мне вам надоедать. Скоро, скоро, сложу я свою головушку. *(Кланяется.)* Посмотрю я, лучше ли вам будет без меня.

Селивёрст. Аркадий Артемьич, что это вы изволите говорить? Не извольте отчаиваться! Бог милостив. И не стыдно тебе, Ефрем, азиятская ты душа...

Михрюткин *(перебивая Селивёрста)*. Не об Ефреме речь. Все вы таковы. Вот, например, что я стану теперь делать? Как я жене на глаза покажусь? Последние были денежки — и те даром ухлопал. Еще хуже наделал. Уж теперь мне от опеки не отвертеться... шалишь! Уж теперь меня проберут — вот как проберут!

Селивёрст. Оно точно, Аркадий Артемьич, не ладно. Кому ж иефто знать, коли не мне? Да чем же мы-то виноваты, помилосердуйте — скажите. Уж мы бы, кажется, и телом и душой; и всем, всем рады...

Михрюткин. По крайней мере, не огорчали бы, не раздражали. Видите — барину плохо приходится, просто так приходится плохо, что сказать нельзя — очи, как говорится, на лоб лезут — а вы-то тут, вам-то тут любо... *(Сосет леденец.)*

Селивёрст. Вся причина в том, что люди в городе живут бесчувственные... Удоблетворили их — какого им еще рожна нужно — прости, господи, мое прегрешенье! Экие черти, право, согрешил я, грешный! *(Плюет.)*

Михрюткин. Именно грабители. Вот мне в городе леденец продали... говорили, малиной отзываться будет, а в нем и сладости никакой нет... просто один клей туда напихан. *(Помолчав.)* Хоть бы провизии на эти пятьдесят рублей купил! Лиссабонского-то ведь, чай, ни одной бутылочки не осталось?

Селивёрст. Последнюю перед отъездом изволили выкушать.

Михрюткин. Ну, так и есть! И жене ничего не купил — а она приказывала... Эх!

Селивёрст. Раиса Карповна гневаться будет, точно.

Михрюткин *(слезливо, почти крича)*. Ну для чего ты меня раздражаешь? Ну для чего? Боже мой, боже мой! Что ж это такое! что ж это такое! Что ж это я за несчастнейший человек на свете? *(Потупляет голову и кашляет.)*

Селивёрст. Аркадий Артемьич... По глупости... Извините... *(Михрюткин кашляет и кутается в шинель.)* От ревности, Аркадий Артемьич. *(Михрюткин молчит. Селивёрст в свою очередь умолкает. Никто не говорит в течение четверти часа. Лошади едва плетутся рысцой, оводы жадно вьются над ними. Селивёрст опять засыпает. Михрюткин понемногу поднимает голову.)*

Михрюткин *(успокоенным голосом Ефрему)*. Ну что — опомнился? *(Молчание.)* Тебе говорю, опомнился?

Ефрем *(помолчав и передернув вожжами)*. Опомнился.

Михрюткин. Очунел?

Ефрем. Очунел.

Михрюткин. Ну что ж ты — не знаешь порядков, что ли? Извиненья попроси.

Ефрем. Простите меня, Аркадий Артемьич.

Михрюткин. Бог тебя простит. *(Помолчав.)* А какой масти Евграфа Авденчина-то лошадь?

Ефрем. Гнедая.

Михрюткин. Гнедая... А сколько ей лет?

Ефрем. Девять лет.

Михрюткин. А хорошо бежит?

Ефрем. Хорошо.

Михрюткин. Какой, однако, у тебя злющий нрав! Отвечаешь мне — словно брешешь... Ты сердишься на меня?

Ефрем (*помолчав*). Помилуйте, Аркадий Артемьич — разве я не знаю. Я всё знаю, Аркадий Артемьич. Как нашему брату не знать? — Господин, например, гневаться изволит. Так что ж? — Где гнев, там и милость.

Михрюткин. Хорошо, вот это хорошо.

Ефрем. Помилуйте, Аркадий Артемьич... мы, конечно, не то чтобы в отдаленности пробавлялись, за морем не бывали, точно; в Петербурхе больше понатерлись: всё-таки — не такие уже, однако, пеньтюхи, чтобы, примером будучи, коровы от свиньи не спознать. Иному мужику, конечно, всякая дрянь в диво... ему что́ — он деревенщина, неуч... где ему! Следует рассудить; во всех делах следует рассудить — с кем греха не случается? Ну, как-нибудь не спапашился или так, просто сказать, не в час попался — ну не показалось господину. Он тебя и того, а ты выжидай... глядишь, блажь соскочила — и опять старые порядки пошли.

Михрюткин. Вот что умно, так умно! я никогда не скажу, что человек глупости говорит, когда он умно говорит; никогда я этого не сделаю.

Ефрем. Помилуйте, Аркадий Артемьич. Ведь вам всё это еще лучше моего известно. Что я за иезоп такой, чтобы сердиться? За всяким толчком, не токмя что за побранкой — не угоняешься. Вы сами знаете: быль, что смола, не́быль, что вода. А неприятность со всяким может случиться; первеющий астроном — и тот от беды не убережется. Стрясется вдруг... откуда, батюшки? Да и кто может определить наперед: это вот эдак будет,— а это так. А господь его знает, как оно там выдет! Это всё темнота. Вот, например, хучь медведь: зверь лесной, пространный, а хвост у него — так, с пуговку небольшую; а сорока вот — птица малая, перелетная — а вишь, хвостище какой нацепила. Да кто ж это поймет? Тут есть мудрость, тут ничего

не разберешь: одна надежда на бога. Вот, например, позвольте вам доложить, Аркадий Артемьич, от усердия позвольте доложить, вы вот изволите отчаиваться, а отчего?

Михрюткин. Как отчего? Еще бы мне не отчаиваться. Вот еще что вздумал: отчего?

Ефрем. Я знаю, знаю, Аркадий Артемьич,— помилуйте, как нам не знать? Мы всё знаем. Но вы вот что позвольте сообразить: и тут, и в этим случае, ничего тоже сказать нельзя наверняк. Вот, например, вы изволите знать соседа нашего — Финтренблюдова? Уж на что был важный барин! Лакеи в кувбическую сажень ростом, что̀ одного галу̀на, дворня — просто картинная галдарея, лошади — рысаки тысячные, кучер — не кучер, просто единорог сидит! Залы там, трубачи-французы на хорах — те же арапы; ну просто все удобства, какие только есть в жизни. И чем же кончилось? Продали всё его имение сукциону. А вас, может быть, господь и помилует, и всё так обойдется.

Михрюткин. Дай бог! Но мне что-то не верится.

Ефрем. Помилуйте, Аркадий Артемьич. Отчего же не верится?

Михрюткин. Не таково мое счастье, брат. Уж я себя знаю; знаю я свое счастье; выеденного яйца оно не сто̀ит, мое счастье-то.

Ефрем. Помилуйте, Аркадий Артемьич!

Михрюткин. Да уж ты не говори, пожалуйста. Ты вот лучше посмотри — лошади-то твои не бегут вовсе.

Ефрем. Помилуйте, лошади бегут как следует.

Михрюткин. Ну, хорошо... Я не говорю... я с тобой согласен. *(Возвышает голос.)* Я согласен с тобой, говорю тебе. *(Вздыхает.)* Экая жара, боже мой! *(Помолчав.)* Эка парит, господи! *(Еще помолчав.)* Мне хочется попробовать, не засну ли я маленько... *(Оправляется и прислоняет голову к боку кибитки.)*

Ефрем. Ну что ж — и с богом, батюшка. *(Продолжительное молчанье. Михрюткин засыпает и похрапывает, слегка посвистывая и пощелкивая во сне. Голова у него заваливается назад. Рот раскрывается.)*

Селивёрст *(открывает сперва один глаз, потом другой и вполголоса обращается к Ефрему).* Од-

нако ты, я вижу, хорош гусь. Чего соловьем распелся?

Е ф р е м *(помолчав и тоже вполголоса)*. Чего распелся? Экой ты, братец, непонятный. Разве ты не видишь — барин у нас еще млад, малодушен... Надобно ж ему посоветовать, как то есть ему в жизни действовать...

С е л и в ё р с т. Ну его! Вишь, вздумал нянчиться!..

Е ф р е м. Что ж — коли другие пренебрегают...

С е л и в ё р с т. Другие... другие...

Е ф р е м. Конечно, другие.— Впрочем — ты... известное дело. Ты... Для тебя, что барин, что чужой человек — всё едино.

С е л и в ё р с т. А тебе, небось, нет?

Е ф р е м *(помолчав)*. А что — неужто взаправду опеку хотят наложить?

С е л и в ё р с т. Непременно наложат. Мне сам секлетарь сказывал.

Е ф р е м. Вот как. Ну, а барыня... стало быть, и она не будет — того — распоряжаться?

С е л и в ё р с т. Вестимо, не будет... Именье не ее.

Е ф р е м. Нет,— я по дому говорю, по дому.

С е л и в ё р с т. Нет, по дому распоряжаться будет.

Е ф р е м. Так какой же в эфтом толк? Хороша твоя опека, нечего сказать! *(Михрюткин ворочается во сне. Селивёрст и Ефрем зорко взглядывают на него; он спит.)* Еще пуще осерчает чего доброго.

С е л и в ё р с т. И это бывает.

Е ф р е м. То-то же бывает. Его-то мне жаль.

С е л и в ё р с т. А мне не жаль. Вольно ж было ему. Несчастный, кричит, человек я теперича стал в свете... А кто виноват? Не дурачился бы сверх мер человеческих. Да.

Е ф р е м. Эх, Александрыч, какой ты, право, нерассудительный!.. Ты сообрази: ведь он всё-таки есть барин.

С е л и в ё р с т. Ну, да уж ты мне, пожалуйста, там не расписывай... *(Михрюткин опять ворочается и приподнимается слегка. Селивёрст проворно прячет голову в угол и закрывает глаза. Ефрем проводит кнутом над лошадьми и кричит: «А ва, ва, хвы, хвы, хва...»)*

М и х р ю т к и н *(открывает глаза, щурится и потягивается).* А я, кажется, тово, соснул.

Е ф р е м. Изволили почивать, точно.

М и х р ю т к и н. Далеко мы отъехали? *(Селивёрст приподнимается.)*

Е ф р е м. До повертка еще версты три будет.

М и х р ю т к и н *(помолчав).* Какой мне, однако, неприятный сон приснился! Не помню хорошенько, что такое было, а только очень что-то неприятное. *(Помолчав.)* Насчет именья... опеки. Будто вдруг меня под суд во Францию повезли... Очень неприятно... очень.

С е л и в ё р с т. Известно... сонное мечтанье.

М и х р ю т к и н. Меня это беспокоит. *(Кашляет.)*

Е ф р е м. Помилуйте, Аркадий Артемьич, зачем вы изволите беспокоиться? С кем этого не бывает? Вот я на днях имел сон, вот уж точно удивительный сон, просто непонятный. Вижу я... *(Наклоняет голову и у самого своего желудка нюхает из тавлинки табак, чтобы не засорить глаза барину.)* Вижу я... *(Кряхтит и шепчет вполголоса.)* Эк пробрал, разбойник!.. *(Громко.)* Вижу я себя эдак словно в поле, ночью, на дороге. Вот иду я дорогой, да и думаю: куда ж это я иду? А места кругом как будто незнакомые — холмы какие-то, буераки — пустые места. Вот иду я и, знаете ли, эдак всё смотрю — куда ж эта дорога ведет; не знаю, мол, куда это она ведет. И вдруг мне навстречу будто теленок бежит — да так шибко бежит и головой трясет.— Ну, хорошо. Бежит, сударь, теленок, а я будто думаю: э! да это никак отца Пафнутья теленок сорвался, дай поймаю его. Да как ударюсь бежать за ним... А ночь, изволю вам доложить, темная-претемная — просто зги не видать. Вот,— бегу я за ним,— за этим теленком-та — не поймаю его,— ну что хошь,— не поймаю! Ах, братец ты мой, думаю я, эдак будто сам про себя: да ведь это, должно быть, не теленок, а что-нибудь этакое недоброе. Дай, думаю я, вернусь — пусть бежит себе, куда знает. Ну, хорошо. Вот иду я опять прежней дорогой — а близ дороги этак будто древо стоит,— иду я,— а он вдруг как наскочит сзади на меня,— да как толкнет меня рогами в бедро... Смерть моя пришла. Оробел я — во сне-то, знаете ли — просто так оробел, что и сказать невозможно, даже лытки трясутся. Од-

нако, думаю я, что ж это он будет меня в бедро толкать — да, знаете ли, этак взял да оглянулся... А уж за мной не теленок, а будто жена стоит, как есть простоволосая, и смотрит на меня злобственно. Я к ней — а она как примется ругать меня... Ты, мол, пьяница, куда ходил? Я, говорю, я не пьяница, говорю, где ты этаких пьяниц видала, говорю,— а ты сама мне лучше скажи, каким ты манером сюда попала? Я, мол, барину пожалюсь,— бесстыдница ты эдакая... И Раисе Карпиевне тоже пожалюсь.— А она будто вдруг как захохочит, как захохочит... у меня так по животику мурашки и поползли. Гляжу я на нее, а у ней глаза так и светятся, зеленые такие, как у кошки. Не смейся этак, жена, говорю я ей,— этак смеяться грех. Не смейся,— уважь меня.— Какая, говорит, я тебе жена — я русалка. Вот постой, я тебя съем. Да как разинет рот,— а у ней во рту зубов-то, зубов — как у щуки... Тут уж я просто не выдержал, закричал, благим матом закричал... Куприяныч-то, старик, со мной в одном угле спал — так тот, как сумасшедший, с полатей долой кубарем — подбегает ко мне, крестит меня, что с тобой, Ефремушка, говорит, что с тобой, дай потру живот — а я сижу на постельке да этак весь трясусь, гляжу на него, просто ничего не понимаю, даже рубашка на теле трясется. Так вот какие бывают удивительные сны!

Михрюткин. Да; странный сон. Что ж, ты жене рассказал его?

Ефрем. Как же.

Михрюткин. Ну, что ж она?

Ефрем. Она говорит, что теленка во сне видеть, значит к прыщам, а русалку видеть — к побоям.

Михрюткин. А! я этого не знал.

Ефрем. А, говорит, закричал ты оттого, что домовой на тебе ездил.

Михрюткин. Вот вздор какой! будто есть домовые?

Ефрем. А то как же-с? Помилуйте. Намеднись ключница зачем-то, под вечер, в баню пошла, не мыться пошла — баню-то в тот день и не топили, да и с какой стати старухе мыться, а так — нужда какая-то приспичила. Что ж вы думаете? входит она в предбанник, а в предбаннике-то темно, протягивает руку и вдруг

чувствует — кто-то стоит. Она щупает: овчина, да такая густая, прегустая.

М и х р ю т к и н. Это, верно, тулуп какой висел — она его и тронула.

Е ф р е м. Тулуп? Да в предбаннике отроду никакого тулупа не висело.

М и х р ю т к и н. Ну, так мужик какой-нибудь зашел.

Е ф р е м. Мужик? А зачем мужик станет тулуп шерстью кверху надевать. Мужик этого не сделает.

М и х р ю т к и н. Ну и что ж случилось?

Е ф р е м. А вот что случилось. Говорит она, старуха-то: с нами крестная сила! Кто это? Ей не отвечают. Она опять: да кто ж это такое? А тот-то как забормочет вдруг по-медвежьи... Она так и прыснула вон. Насилу отдохнула, старая.

М и х р ю т к и н. Так кто ж это, по-твоему, был?

Е ф р е м. Известно кто: домовой. Он воду любит.

М и х р ю т к и н *(помолчав)*. Ну, глуп же ты, Ефрем, признаюсь. *(Обращаясь к Селивёрсту.)* И ты тоже в домовых веришь?

С е л и в ё р с т *(с неудовольствием)*. Охота вам, барин, об эфтих предметах разговаривать.

Е ф р е м. Да помилуйте, Аркадий Артемьич, это малые детки знают. А на лошадях по ночам кто ездит? Да у нас не одни домовые — у нас и марухи водятся.

С е л и в ё р с т. Да перестань, Ефрем!

Е ф р е м. А что?

С е л и в ё р с т. Да так. Нехорошо. Вот нашел предмет к разговору.

М и х р ю т к и н. Марухи? Это что еще такое?

Е ф р е м. А вы не знаете? Старые такие, маленькие бабы, по ночам на печах сидят, пряжу прядут, и всё эдак подпрыгивают да шепчут. Намеднись в Марчукова Федора одна этакая маруха кирпичом пустила — он было к ней на печку полез...

М и х р ю т к и н. Он, дурак, во сне это видел.

Е ф р е м. Нет,— не во сне.

М и х р ю т к и н. А коли не во сне, зачем он к ней полез?

Е ф р е м. Видно, поближе рассмотреть захотелось.

М и х р ю т к и н. То-то же, поближе! *(Помолчав.)* Какой, однако, это вздор, ха-ха! *(Опять помолчав.)*

И к чему ты об этом заговорил — я удивляюсь. Только уныние наводить.

Селивёрст. И точно уныние.

Михрюткин. Конечно, я этим пустякам не верю. Конечно. Одни только необразованные люди могут этому верить.

Ефрем. Ваша правда, Аркадий Артемьич.

Михрюткин. Ведь эти марухи, например, и прочее, ведь ты сам посуди, это разве тело? Как ты полагаешь?

Ефрем. А не умею вам сказать, Аркадий Артемьич... кто их знает, что они такое.

Михрюткин. А коли не тело, разве они могут жить, существовать то есть? Ты меня пойми: то бывает тело — а то дух.

Ефрем. Та-ак-с.

Михрюткин. Ну,— и следовательно, это всё вздор, одна мечта: просто сказать — предрассудок.

Ефрем. Тэ-эк-с.

Михрюткин. А всё-таки об этом говорить не следует. К чему? Вопрос.

Ефрем. К слову пришлось, а впрочем, бог с ними совсем... *(Коренная спотыкается.)* Ну ты, дьявол,— съели тебя мухи-то!

Селивёрст. Вот, дурак, как несообразно говорит! *(Плюет.)* Пфу! Чтоб им пусто было! Экой ты, Ефрем, легкомысленный человек,— а еще кучер!

Ефрем. Ну, да ведь уж вы, Селивёрст Александрыч...

Михрюткин. Ну, ну, ну!.. Это что еще? Этого еще недоставало, чтобы вы в моем присутствии поссорились...

Ефрем. Помилуйте, Аркадий Артемьич...

Михрюткин. Покорнейше прошу вас обоих молчать. *(Небольшое молчание.)* А тебя, Селивёрст, прошу не спать. Во-первых, оно неучтиво, а во-вторых — беспорядок. Что за спанье днем? На то есть ночь. Терпеть я не могу этих беспорядков!

Селивёрст. Слушаю-с.

Михрюткин *(помолчав, Ефрему)*. Ах, да! скажи-ка твоей жене — кстати, об ней речь зашла,— чтобы она не забыла окурить коров... Мне в городе сказывали — в Жерловой падеж.

Е ф р е м. Слушаю-с.

М и х р ю т к и н *(помолчав)*. А что она... твоя жена... доволен ты ей?

Е ф р е м. В каком то есть, например, смысле вы изволите говорить?

М и х р ю т к и н. Известно, в каком. Так, вообще. Я, с своей стороны, ею доволен. Она скотница хорошая.

Е ф р е м. Знает свое дело. *(Медленно.)* Известная вещь: без жены человеку быть несвойственно. Жена на то и дана человеку, чтобы служить ему, так сказать, в знак удовлетворенья. Ну, а впрочем, и в этим случае осторожность не помеха. Недаром в пословице говорится: не верь коню в поле — а жене в доме. Баба, известно — человек лукавый, слабый человек; баба — плут. А муж не зевай. Женино дело — мужу угождать и детей соблюдать, а мужнино дело — жену в повиновеньи содержать: и в ласке-то будь он к ней строг. Вот этак всё хорошо и пойдет. *(Стегает лошадей.)* Иные мужья, в простонародье, этак, я знаю, говорят про своих жен: аль погибели на тебя нет! Я их осуждаю...

М и х р ю т к и н *(торопливо)*. Как, как они говорят?

Е ф р е м. Погибели на тебя нет...

М и х р ю т к и н *(задумчиво)*. Гм... вот как...

Е ф р е м. Я их осуждаю... Почему? Потому я их осуждаю...

М и х р ю т к и н *(с жаром)*. А я их не осуждаю... я их не осуждаю... *(Помолчав.)* Однако перестань, наконец, молоть вздор. Право, с тобой бог знает до чего... право. *(Помолчав и указывая рукой вперед.)* Что, ведь это, кажется, поворот в Голоплёки?

Е ф р е м. Это-с.

М и х р ю т к и н. Ну и слава богу! *(Сбрасывает с себя шинель и отряхивается.)* Живей, Ефремушка, живей! *(Наклоняется вперед.)* Вот он, поверток-то! вот он! *(Тарантас сворачивает с большой дороги.)* Что, теперь версты три осталось — не больше?

Е ф р е м. Будет ли еще. Вот только сто́ит спуститься в верх, а там взобрался на взлобочек, да и пошел взлызом — катай-валяй!

М и х р ю т к и н *(словно про себя)*. А что ни говорите, приятно возвращаться на родину. Душа веселится, сердце радуется. Даже лошади с бо́льшим удо-

вольствием везут. Вишь, вишь, ветерок — прямо в лицо мне дует, канашка! *(К Селивёрсту.)* Что, ведь это, кажется, Грачевская роща на горе?

Селивёрст. Точно так — Грачевская.

Михрюткин. Славный лесок! Видный лесок! Приятный лесок! *(Продолжая глядеть кругом.)* Вишь, какая гречиха! и овсы вот хороши. Так и играют на солнце, бестьи! Вот иржы тоже хороши. Чьи эти овсы?

Селивёрст. Бескучинских однодворцев.

Михрюткин. Вишь, однодворцы! — Что, у них хозяйство каково?

Селивёрст. Хозяйство у них не то чтобы того... а впрочем — ничего. Живут, чего им еще?

Михрюткин. Хорошие овсы. *(Помолчав.)* И у нас овсы не дурны... Но к чему мне они теперь? К чему всё это? Ведь я пропал, совершенно пропал... Пропала моя головушка... Отнимут у меня и это последнее удовольствие...

Селивёрст. Не извольте отчаиваться, Аркадий Артемьич.

Михрюткин. И Раиса Карповна — задаст она мне встрепку теперь! А я еще, глупый человек, радуюсь, что на родину возвращаюсь! Ах, я несчастнейшее, несчастнейшее существо! *(Умолкает и спустя несколько времени подымает голову.)* Вот уж Ахлопково стало видно... Хорошее сельцо. Вон поповский орешник. В этом орешнике, должно быть, зайцы есть. Эх, ребята, послушайте-ка... Что унывать? Ну-ка: «В темном лесе». *(Запевает.)*

В темном лесе...

Ефрем и Селивёрст *(дружно подхватывают)*.

В темном лесе,
В темном лесе —
В темном...

Михрюткин. Ты высоко забираешь, Ефрем, ты не дьячок, что ты голосом виляешь-то?

Ефрем *(откашливаясь)*. А вот сейчас лучше пойдет.

Михрюткин *(тоненьким голоском)*.

Да в залесье...

Ефрем и Селивёрст.

Да в залесье...

Михрюткин *(кашляя)*.

Распашу я... распашу я...

Ефрем. Эх, вы, миленькие!

Распашу я... Распашу я...

Селивёрст. Распашу я... *(Кашель заставляет Михрюткина умолкнуть. Селивёрст запинается. Слышен один высочайший фальцет Ефрема, который поет:)*

И па... шин... нику...
И па... шин... нику...

(Тарантас въезжает в березовую рощу.)

Орловские слова,
которые попадаются в «Разговоре».

1. Лядащий — никуда негодный, дрянной.
2. Божевольный — шаловливый, пугливый.
3. Вохляк — неловкий, мешок.
4. Очунеть — прийти в себя.
5. Спапашиться — справиться, изловчиться.
6. Лытки — мышцы под коленками.
7. Верх — овраг.
8. Взлобок, взлобочек — выдающийся мыс между двумя оврагами.
9. Взлыз — покатое место, pente douce.
10. Иржы — множественное число слова: рожь.

ВЕЧЕР В СОРРЕНТЕ

СЦЕНА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Надежда Павловна Елецкая, вдова, 30 лет.
Мария Петровна Елецкая, ее племянница, 18 лет.
Алексей Николаевич Бельский, 28 лет.
Сергей Платонович Аваков, 45 лет.
Слуга, итальянец.
M-r Popelin, французский художник.
Певец-импровизатор.

Действие происходит в Сорренте, в гостинице, на берегу моря.

Театр представляет довольно большую комнату, убранную — как обыкновенно бывают убраны комнаты в гостиницах; прямо: одна дверь в переднюю, другая в кабинет; налево два окна, — направо дверь в сад. На диване посередине комнаты сидит Аваков и спит, прислонясь к спинке — голова его накрыта платком.

Аваков *(шевелится и издает неясные звуки. Наконец он восклицает сонливым голосом)*. Федька!.. Федька!.. Федюшка! *(Он вздрагивает, снимает с себя платок и с изумленьем оглядывается.)* Да где ж это я?.. *(Оглядывается опять и, помолчав, с досадой махает рукой.)* В Италии! *(Помолчав опять.)* А какой я было славный сон видел! Право. Будто я этак сижу у себя в Покровском под окном — гляжу, а на дворе всё утки ходят, и у каждой на затылке хохол. Филипп кучер телегу подмазывает, а Федюшка мне трубки не несет. Удивительный, приятный сон! *(Вздыхает.)* Эх-эх!.. Когда-то господь бог приведет увидеть всё это опять... *(Встает)*. Устал я, признаться сказать, устал таскаться по трактирам... старые кости мыкать. Ведь третий год... Вот уж точно можно сказать, седина в голову, а бес в ребро... *(Помолчав.)* А они, должно быть, ушли. *(Подходит к двери в сад.)* В саду их нет... *(Подходит к двери в кабинет и стучится.)* Надежда Павловна... Надежда Павловна... Вы здесь? — Нету. Должно быть, ушли. Я тут вздремнул после обеда, а они взяли да ушли... Гм! Ушли... Ух этот мне Алексей Николаич — это всё его штуки... я знаю. И кто его принес к нам... *(С волненьем дергает за снурок колокольчика.)* Очень было нужно... *(Дергает опять.)* Как будто без него мало их... Да что ж это никто не идет? *(Дергает три раза сряду. Из передней выскакивает слуга-итальянец в курточке и с салфеткой под мышкой.)*

С л у г а *(наклоняясь вперед всем телом).* 'Celenza comanda? [1]

А в а к о в *(глядя на него сбоку).* Эка зубы скалит! Странное дело! все эти слуги в гостиницах друг на друга похожи — в Париже, в Германии, здесь... везде... Точно одно племя... *(К слуге.)* Пуркуа не вене ву па тудсюит? [2] *(Аваков не совсем чисто говорит по-французски.)*

С л у г а *(улыбаясь и вертя салфеткой).* 'Celenza, jé... moua... héhé...[3]

А в а к о в. У э... у сон се дам? [4]

С л у г а. Soun sorti... per passeggiare... pour prouмené... Madama la countessa, aveco la Signorina e aveco Moussu lou Counte — l'otro Counte Rousso...[5]

А в а к о в. Се биен, се биен... Аллè [6].

С л у г а. Si, signore [7]. *(Выскакивает вон.)*

А в а к о в. Боже! Как эти мне физиономии опротивели!.. *(Ходит по комнате.)* Пошли гулять... Гм... Морем, небось, любоваться пошли. Воображаю себе, как этот господинчик теперь рассыпается... А она... я ее знаю, она рада... Это ее страсть. И что она в нем нашла — не понимаю... Решительно пустой человек. И притом вовсе не занимательный человек. *(Опять ходит по комнате.)* Господи боже мой! Когда-то это она успокоится, когда-то ей наскучат, наконец, все эти новые лица... *(Дверь из передней до половины отворяется, и выказывается m-r Popelin. На нем курточка с большими клетками, галстучек à l'enfant [8]. Он в бороде и длинных волосах.)*

M - r P o p e l i n. Pardon, monsieur...

А в а к о в *(оглядываясь).* Это кто еще?

M - r P o p e l i n *(всё еще не входя).* Pardon, c'est ici que demeure Madame la comtesse de Geletska? [9]

---

[1] Ваше сиятельство, звали? *(Итал.)*

[2] Почему вы не приходите сразу? *(Франц.)*

[3] Ваше сиятельство, я... я... *(Итал. и франц.)*

[4] Где эти дамы? *(Франц.)*

[5] Они вышли... прогуляться... Госпожа графиня с синьориной и с господином графом — другим русским графом *(франц. и итал.).*

[6] Хорошо, хорошо... Идите *(франц.).*

[7] Да, синьор *(итал.).*

[8] по-детски *(франц.).*

[9] Простите, здесь живет госпожа графиня Елецкая? *(Франц.)*

А в а к о в *(помолчав)*. Вуй. Кеске ву вуле́? [1]

M - r P o p e l i n *(входит. У него небольшой портфель под мышкой)*. Et... pardon... Madame est-elle à la maison? [2]

А в а к о в *(всё не двигаясь с места)*. Нон. Кеске ву вуле́? [3]

M - r P o p e l i n. Ah! Que c'est dommage! Pardon, monsieur, vous ne savez pas — reviendra-t-elle bientôt? [4]

А в а к о в. Нон... нон... Кеске ву вуле́?

M - r P o p e l i n *(поглядев на него с некоторым изумленьем)*. Pardon, monsieur... C'est à monsieur le comte que j'ai l'honneur de parler? [5]

А в а к о в. Нон, мосьё, нон.

M - r P o p e l i n. Ah! *(С некоторым достоинством.)* Et bien, monsieur, vous aurez la complaisance de dire à Madame que monsieur Popelin, artiste-peintre, est venu la voir — d'après sa propre invitation — et qu'il regrette beaucoup... *(Видя, что Аваков делает нетерпеливые движения.)* Monsieur, j'ai l'honneur de vous saluer. [6] *(Надевает шляпу и уходит.)*

А в а к о в. Адё, монсьё. *(Глядит ему вслед и восклицает.)* Еще один! Чёрт бы побрал всех этих художников, музыкантов, пьянистов и живописцев! Откуда их только набирается такая пропасть? И как это они сейчас нас пронюхают. Глядишь, уж и познакомились, уж и вертятся тут, ухаживают. И чем всё это кончится? Известно чем. Поднесут какую-нибудь дрянную акварель или статуэтку, а им по знакомству и плати втридорога. И сколько мы с собой этого хлама возим!.. Это ужасно. А ведь сначала послушай-ка их... Всё так свысока... художники, дескать... бескорыстие... голодный народец, известно. Эх! *(Вздыхая.)* Как это мне всё надоело... Ах, как это мне всё надоело! *(Ходит*

---

[1] Да. Что вы хотите? *(Франц.)*

[2] Простите... Мадам дома? *(Франц.)*

[3] Нет. Что вы хотите? *(Франц.)*

[4] Ах! Как жаль! Простите, сударь, вы не знаете, скоро ли она вернется? *(Франц.)*

[5] Простите, сударь... Я имею честь говорить с господином графом? *(Франц.)*

[6] А! Тогда, сударь, будьте любезны передать мадам, что мосьё Поплен, артист-художник, пришел к ней, по ее собственному приглашению, и что он очень сожалеет... Сударь, честь имею кланяться. *(Франц.)*

по комнате.) А они не идут. Гм! Знать, прогулка пó сердцу пришлась. Вот уж и вечер на дворе. *(Помолчав.)* Да пойду-ка я им навстречу... в самом деле... *(Берет шляпу и идет к передней.)* А, да вот и они, наконец! *(Из передней входят Надежда Павловна, Марья Петровна и Бельский. Лицо Надежды Павловны выражает некоторое неудовольствие.)* Насилу-то изволили вернуться! Зачем же это вы без меня гулять пошли?

Надежда Павловна *(подходит к зеркалу направо и снимает шляпу)*. А вы разве давно проснулись?

Аваков. Давно.

Надежда Павловна. Что ж, выспались?

Аваков. Да я и не спал вовсе... Так только...

Надежда Павловна *(перебивая его)*. Ну, знаем, знаем... вздремнули...

Аваков. Хе... хе... А что, приятная была прогулка?

Надежда Павловна *(сухо)*. Да... Никого без меня не было?

Аваков. Никого... То есть, виноват, приходил какой-то живописец.

Надежда Павловна *(быстро)*. M-r Popelin?

Аваков. Да, кажется, он.

Надежда Павловна. Что ж вы ему сказали?

Аваков. Да ничего. Он вас спрашивал и велел вам сказать, что был...

Надежда Павловна. Зачем же вы его не попросили подождать?

Аваков. Я, право, не знал.

Надежда Павловна *(с досадой)*. Ах, вы всегда такой! *(Обращаясь к Бельскому, который с самого своего прихода отошел к окну налево вместе с Марьей Петровной и разговаривал с ней)*. Бельский!.. Бельский, да полноте вам любезничать с Машей.

Бельский. Что вам угодно, Надежда Павловна?

Надежда Павловна. Что мне угодно... *(Помолчав.)* Вот что мне угодно: здесь сейчас был M-r Popelin, живописец, вы знаете, тот, с которым я третьего дня познакомилась,— он еще мне показывал

виды Везувия... Я его сама пригласила, он пришел, а этот вот господин *(указывая на Авакова)* не умел его удержать.

Бельский. Так что ж вы прикажете?

Надежда Павловна. Как вы недогадливы стали — с некоторых пор!.. Извольте сейчас идти, сыщите мне его, приведите его сюда, слышите? Непременно приведите его сейчас.

Бельский. Да я его адреса не знаю.

Надежда Павловна. Узнайте его адрес, спросите здесь, в гостинице — где хотите. Да ступайте же, мне он нужен, говорят вам. Ступайте.

Бельский *(помолчав)*. Слушаю-с. Иду отыскивать г-на живописца с видами Везувия. Должно быть, они вам очень понравились... *(Взглянув на нее.)* Иду, иду. *(Уходит.)*

Надежда Павловна *(садится на диван и нетерпеливо стучит ногой по полу. Аваков с замешательством улыбается. Наконец, она восклицает)*. Маша!

Марья Петровна. Ma tante?

Надежда Павловна. Ma tante... ma tante... Что это ты меня всё тетушкой величаешь? Как будто уж я такая старуха.

Марья Петровна. Да как же мне, тетушка, вас называть иначе?

Надежда Павловна *(помолчав)*. Ты напрасно стоишь у окна, ты можешь простудиться.

Марья Петровна. Помилуйте, на дворе так тепло...

Надежда Павловна. Я не знаю... мне кажется, здесь дует... Сергей Платоныч, ведь дует?

Аваков *(вздрагивает и играет пальцами обеих рук на воздухе)*. Дует, дует.

Надежда Павловна *(Марье Петровне)*. Ты, мне кажется, слишком легко одета?.. Маша... Ты бы лучше надела другое платье.

Марья Петровна. Вы думаете, тетушка?

Надежда Павловна. Да, думаю, моя племянница.

Марья Петровна. Извольте, я сейчас надену другое. *(Стоит некоторое время неподвижно, со смехом подбегает к Надежде Павловне и целует ее.)*

Надежда Павловна *(смеясь)*. Ну, хорошо, лиса, хорошо, ступай... *(Марья Петровна выбегает в дверь кабинета. Аваков тоже смеется и потирает руки. Надежда Павловна взглядывает на него и принимает серьезный вид. Аваков слегка́ конфузится. Небольшое молчанье.)*

Аваков. Вы... вы, кажется, сегодня не в духе, Надежда Павловна.

Надежда Павловна. Кто вам это сказал? Напротив. Ваши замечанья всегда ужасно невпопад, Сергей Платоныч. Вам всё такое кажется, чего совсем нету. *(С улыбкой.)* Ну, например, ну, скажите правду, разве дует здесь?

Аваков *(глядя на нее)*. А... А вам как угодно? чтобы не дуло?

Надежда Павловна. Ну вот, видите.

Аваков *(помолчав)*. Да если б я знал, что вам так хочется видеть этого французика... Если б вы мне по крайней мере сказали наперед...

Надежда Павловна. Опять вы невпопад. Мне нисколько не хочется видеть этого француза... мне он совершенно не нужен.

Аваков *(с недоуменьем)*. Однако вы послали за ним Бельского...

Надежда Павловна *(помолчав)*. Я послала за ним Бельского... потому что... потому что он мне надоел... Мне надоело его видеть.

Аваков. Кого? Бельского? *(Надежда Павловна утвердительно качает головой.)*

Аваков. Не может быть!

Надежда Павловна. Как не может быть?

Аваков. Да ей-богу же, не может быть. Помилуйте, Надежда Павловна, сегодня за столом, вспомните, как вы с ним были ласковы? Да не только сегодня, всё это время — и в Риме, и на дороге в Неаполь, и здесь...

Надежда Павловна. Во-первых, это неправда...

Аваков. Как неправда?

Надежда Павловна. А во-вторых, что ж! Мне хотелось вас помучить.

Аваков. Полноте, Надежда Павловна, меня, старика, вы и без того умеете мучить.

Надежда Павловна. Вы жалуетесь?

Аваков. О, нисколько, нисколько! Я только хотел сказать, что... это всё не то... что под этим что-то другое скрывается.

Надежда Павловна. Что такое, позвольте узнать?

Аваков. Он вас чем-нибудь рассердил сегодня.

Надежда Павловна. Позвольте узнать, чем мог *он* рассердить меня? Что такое для меня m-r Бельский?

Аваков *(в раздумье)*. С другой стороны... точно... он так за вами ухаживает...

Надежда Павловна. Вот то-то и есть, мой милый Сергей Платоныч, вы хотя и беспрестанно за нами подсматриваете, а ничего не видите... Он и не думает за мной ухаживать.

Аваков. Как?

Надежда Павловна. Поглядели бы вы на него во время нашей прогулки!

Аваков. А что?

Надежда Павловна. Ах, боже мой! да неужель же вы давно не заметили, что он волочится за Машей?

Аваков. Бельский?

Надежда Павловна. Ну да!

Аваков *(внезапно)*. Это хитрость!

Надежда Павловна. Как?

Аваков. Хитрость, Надежда Павловна, хитрость и больше ничего. Помилуйте, Надежда Павловна, да ведь это ясно, как дважды два четыре... Хитрость, поверьте мне, старая штука. Он хочет в вас возбудить ревность... Помилуйте, да это очевидно...

Надежда Павловна. Что вы говорите, Сергей Платоныч?

Аваков. Очевидно, Надежда Павловна, помилуйте. Верьте мне, ведь я ваш старинный друг, ведь уж, кажется, нам с вами не знакомиться стать, ведь я преданный вам человек, хитрость, Надежда Павловна, хитрость. Ну, возможно ли предпочесть вам кого-нибудь на свете? Ну, поверю я этому, полноте. *(Надежда Павловна молчит и потупляет глаза.)*

Аваков *(помолчав, не без робости.)* О чем вы думаете, Надежда Павловна?

Н а д е ж д а П а в л о в н а *(помолчав)*. О чем... Я думаю, что точно имею в вас доброго и верного друга... *(Протягивает ему руку.)*

А в а к о в *(с восхищением целуя ее руку)*. Помилуйте, Надежда Павловна... еще бы!

Н а д е ж д а П а в л о в н а *(встает)*. А г-н Бельский, поверьте, мне всё равно, волочится ли он за Машей, или нет, и с какой целью он за ней волочится — мне это совершенно всё равно.

А в а к о в. Да уж я вам могу поверить...

Н а д е ж д а П а в л о в н а *(перебивая его)*. Ну полно, бог с ним... Бог с ним совсем... Мы и без него обойдемся, не правда ли?

А в а к о в. Как вы добры... *(Помолчав.)* А всё-таки грешно вам, Надежда Павловна...

Н а д е ж д а П а в л о в н а. Что такое?

А в а к о в. Зачем вы не велели меня разбудить? Зачем пошли гулять без меня?

Н а д е ж д а П а в л о в н а. Да ведь я знаю, Сергей Платоныч, вы до всех этих прогулок не охотник. Помните, в Риме, в катакомбах, как вы ко мне приставали — что́, дескать, если с этим монахом, с проводником, удар случится—ну, как мы отсюда выйдем?

А в а к о в. Что же? и точно...

Н а д е ж д а П а в л о в н а. Трус!

А в а к о в. Да ведь это я всё-таки для вас боялся. А впрочем — прогулка прогулке рознь. Ну, в хорошую погоду отчего не пройтись этак возле моря... Оно, точно, приятно. Но, например, вот на днях мы ездили смотреть какие-то подземные ванны... Ну, что тут хорошего? Темнота, грязь. Сидишь на спине какого-то дурака, а он еще смеется над тобой, что ты тяжел. Мне говорят, в этих ваннах консулы купались,— да какое мне дело до этих консулов, позвольте спросить?

Н а д е ж д а П а в л о в н а. Небось русские бани лучше?

А в а к о в. Да полноте, Надежда Павловна, полноте — захочется и вам, наконец, домой-то вернуться. Погодите еще, надоест вам разъезжать с конца в конец по Европе. Прискучат вам все эти ваши синьоры, да мейнгеры, да французики... со своими курточками, бородками, ужимочками. *(Передразнивает их. Надежда Павловна смеется.)*

А в а к о в. Я одному удивляюсь, Надежда Павловна... Как вы, с вашим умом, даете себя в обман. Ведь вы посмотрите на них — ведь у них так в глазах и написано, что вы, мол, варвары — и если б не ваши деньги...

Н а д е ж д а П а в л о в н а. Ну, уж извините, Сергей Платоныч, я не думаю, чтобы со мной знакомились из-за моих денег...

А в а к о в. А то еще хуже... Какой-нибудь этакий фигурантик подходит к вам таким завоевателем, ему бы за неслыханное счастье надо почитать, что вы его пускаете к себе, а он куда?.. он завоеватель, он рисуется! говорит с вами — и палец за жилет закладывает, а? палец? каково? Еще иной не умеет... не попадает... за жилет-то... *(Опять передразнивает его.)*

Н а д е ж д а П а в л о в н а *(смеясь)*. Ну, полноте, Сергей Платоныч, не горячитесь, поверьте, я не хуже вас знаю цену этим господам.

А в а к о в. Да... знаете... А между тем, небось, что они меж собой говорят: что, мол, мон шер, чем ты теперь занимаешься, мон шер? Да ничем, мон шер, в меня одна русская княгиня влюбилась, а сам этак ножкой постукивает да цепочкой по пустому-то по желудку играет, юн пренсесс рюсс, моп шер, так я вот с ней от скуки, знаешь, мон шер...

Н а д е ж д а П а в л о в н а *(с некоторой досадой)*. Сергей Платоныч, вы мне напрасно всё это говорите... поверьте... у меня теперь совсем другие мысли в голове.

А в а к о в *(помолчав и вздохнув)*. Да... я согласен, у вас точно... теперь... другие мысли...

Н а д е ж д а П а в л о в н а *(смеясь)*. Ну, полноте, не вздыхайте. Так вам жаль, что мы вас с собой не взяли сегодня?

А в а к о в. Еще бы!

Н а д е ж д а П а в л о в н а. Ну, пойдемте, пройдемся по саду. Хотите?

А в а к о в. С удовольствием, с удовольствием! *(Ищет шляпу.)*

Н а д е ж д а П а в л о в н а. Постойте, я, кажется, слышу шаги Бельского...

А в а к о в. Да на что ж он вам нужен?.. *(Из передней входит Бельский.)*

Б е л ь с к и й. Уф!.. Вот бежал-то... *(К Надежде Павловне.)* Надежда Павловна, ваш живописец уехал!

Н а д е ж д а П а в л о в н а. Какой живописец?

Б е л ь с к и й. Как какой? M-r Popelin, тот самый, за которым вы меня посылали. Он уехал в Неаполь, полчаса тому назад.

Н а д е ж д а П а в л о в н а *(глядя на него)*. Ах, как вы запыхались, Алексей Николаевич... *(Смеется.)* Ах, как вы смешны!

Б е л ь с к и й. Я?

Н а д е ж д а П а в л о в н а. Да, вы... ха-ха-ха... Не правда ли, как он смешон, Сергей Платоныч.

А в а к о в. Да, да. Ха-ха... Ха-ха.

Н а д е ж д а П а в л о в н а *(Авакову)*. Ну, пойдемте, пойдемте.

Б е л ь с к и й. Куда это вы идете?

Н а д е ж д а П а в л о в н а. Иду гулять с ним в сад.

Б е л ь с к и й. А я?..

Н а д е ж д а П а в л о в н а. А вы здесь останетесь... Да, что это так темно здесь? *(Звонит. Входит слуга.)* Apportez des lumières. [1] *(Слуга выходит.)* Вы можете, если хотите, читать... Впрочем, я вас оставляю в обществе Маши. Вы, кажется, еще не наговорились с ней... Или, может быть, вы опять пойдете отыскивать M-r Popelin? *(Бельский глядит на нее с изумлением.)* Ах, не глядите так на меня, вы так смешны... Пойдемте, Сергей Платоныч... *(Взглядывает на Бельского.)* Ха-ха-ха!

А в а к о в. Ха-ха-ха! В самом деле! *(Оба уходят в сад. Слуга вносит свечи и ставит их на стол подле окна.— Бельский стоит неподвижно и вдруг поднимает одну руку. Слуга воображает, что он зовет его, подбегает и говорит: «'Celenza?» — но, видя что Бельский не обращает на него внимания, кланяется его спине и уходит.)*

Б е л ь с к и й. Что это значит? Гм. Не понимаю. Какая-нибудь фантазия... *(Ходит взад и вперед по комнате.)* А должно сознаться, удивительная она женщина! Умна, насмешлива, мила... Да, но теперь мне не до того. Точно, три месяца тому назад, когда я ее встретил в Риме, она мне вскружила голову — и до

---

[1] Принесите свечи. *(Франц.)*

сих пор еще я не могу сказать, чтобы я был совершенно спокоен в ее присутствии... но в сердце у меня... теперь... Ах, я слишком хорошо знаю, что́ у меня в сердце!.. Она мне сейчас сказала, что оставляет меня в обществе Марьи Петровны... Да где же Мария Петровна?.. *(Помолчав.)* Читать мне советовала... Читать! В такую ночь — и после сегодняшнего разговора... *(Подходит к окну.)* Боже! какая великолепная ночь! *(Из кабинета выходит Марья Петровна. Она некоторое время глядит на Бельского и идет на середину комнаты.)*

Бельский *(оглядываясь)*. Ах, это вы, Марья Петровна, где вы были?

Мария Петровна *(указывая на кабинет)*. Здесь... Мне тетенька велела надеть другое платье...

Бельский *(оглядывая ее)*. Однако я не вижу, чтобы вы...

Мария Петровна. Да тетенька мне это только так сказала... Ей хотелось поговорить наедине с Сергеем Платонычем... Где она?

Бельский. Она пошла с ним в сад...

Мария Петровна. А вы что ж не пошли с ними?..

Бельский. Я? Я предпочел остаться.

Мария Петровна. В самом деле? *(Садится.)*

Бельский. То есть, по правде сказать, она сама мне велела остаться...

Мария Петровна. А! Теперь я не удивляюсь... Бедный Алексей Николаич!.. Мне жаль вас.

Бельский *(подходя к ней и садясь подле нее)*. Будто? Не думаете ли вы, что я завидую Сергею Платонычу?

Мария Петровна. А разве нет?

Бельский. Марья Петровна, и вы, я вижу, уже умеете притворяться...

Мария Петровна. Я вас не понимаю... Но, не правда ли, какой Сергей Платоныч прекрасный человек!

Бельский. Да.

Мария Петровна. Как он предан тетеньке!

Бельский. Да. Оттого-то ей и грешно его мучить. Ваша тетушка премилая женщина, но ужасная кокетка.

М а р и я П е т р о в н а *(посмотрев на него)*. А ведь, воля ваша, вам досадно, что вас не взяли в сад...

Б е л ь с к и й. Опять!

М а р и я П е т р о в н а. По крайней мере, вы прежде так об тетушке никогда не отзывались.

Б е л ь с к и й. Прежде! Еще бы! Я очень хорошо знаю, что когда я познакомился с вами, помните, это было в самый первый день карнавала — я вас увидел на балконе в Корсо — я знаю, какое она тогда произвела впечатление на меня...

М а р и я П е т р о в н а. Да... помню, как вы с улицы поднесли ей вдруг на машинке букет и как она сперва испугалась, потом засмеялась и взяла ваши цветы...

Б е л ь с к и й. Помните, возле нее стоял этот долговязый джентльмен, сынок какого-то лорда, он еще так на меня потом дулся и ревновал и с достоинством бормотал в нос, точно тетерев...

М а р и я П е т р о в н а. Как же... как же...

Б е л ь с к и й. Но ведь это всё три месяца тому назад происходило... а с тех пор... с тех пор я узнал другое чувство — я понял, что все очарования женского кокетства ничто перед стыдливой прелестью молодости...

М а р и я П е т р о в н а *(с смущеньем)*. Что вы хотите сказать?

Б е л ь с к и й *(тоже с смущеньем)*. Я?.. Так... Ничего. *(Помолчав.)* Что вы читали сегодня, Мария Петровна?

М а р и я П е т р о в н а. Я? Шиллера, Алексей Николаич.

Б е л ь с к и й. Позвольте узнать, что именно?

М а р и я П е т р о в н а. Иоанну д'Арк.

Б е л ь с к и й. А! хорошее сочинение... *(В сторону.)* Как я глуп, боже мой! *(Встает и идет к окну.)*

М а р и я П е т р о в н а *(помолчав)*. Что вы там смотрите, Алексей Николаич?

Б е л ь с к и й. Я смотрю на небо, на звезды, на море... слышите вы его мерные, протяжные всплески? Мария Петровна, неужели эта тишина, этот воздух, этот лунный свет — неужели вся эта дивная ночь ничего не говорит вам...

Мария Петровна *(вставая)*. А вам, Алексей Николаич, что́ она говорит?..

Бельский *(с смущеньем)*. Мне?.. Она... Она мне говорит множество хороших вещей...

Мария Петровна *(с улыбкой)*. А! Какие же, например?

Бельский *(в сторону)*. Это, наконец, невыносимо... Я должен казаться ей смешным... Боже мой! боже мой! сердце во мне так бьется, я хочу высказаться, высказаться наконец,— и не могу... Если б хоть что-нибудь, теперь, в эту минуту... *(За окном раздается аккорд гитары)*.

Мария Петровна. Что это?

Бельский *(протягивая к ней руку, с волненьем)*. Не знаю, погодите, должно быть, импровизатор... *(Певец поет серенаду под окном. Во всё время пенья, оба, Бельский и Мария Петровна, стоят неподвижно. По окончании первого куплета Бельский бросается к окну и кричит: «браво, браво...»)*

Голос певца. Qualche cosa per il musico, signore...[1]

Мария Петровна *(подходя к Бельскому)*. Бросьте ему что-нибудь.

Бельский. Постойте, он так не увидит... *(Достает из кармана монету, проворно обертывает ее бумажкой, зажигает ее у свечи и бросает за окно.)*

Голос певца. Grazie, mille grazie...[2]

Мария Петровна *(которая тоже обернула монету в бумажку)*. Вот дайте ему еще...

(Бельский зажигает ее и бросает.)

Голос певца. Grazie, grazie... *(Он поет второй куплет. Бельский и Мария Петровна стоят у окна и слушают. Когда он кончает, Бельский кричит: «браво!», бросает ему еще монету. Мария Петровна хочет отойти, но он схватывает ее за руку.)*

Бельский. Постойте, Марья Петровна, постойте... До сих пор мы наградили в нем ремесленника — но я хочу теперь благодарить художника... *(Быстро берет свечу со стола.)* Подойдите, я освещу вас... *(Мария Петровна слегка противится, но подходит к окну.)*

---

[1] Подайте что-нибудь музыканту, синьор... *(Итал.)*
[2] Благодарю, тысячу раз благодарю... *(Итал.)*

Голос певца. Ah, que bella ragazza![1]

Мария Петровна *(краснея, отходит от окна)*. Полноте...

Бельский *(ставя свечу на стол)*. Нет, решительно я не могу молчать долее... Эта неожиданная песнь, этот сладкий итальянский голос — и именно теперь, в эту ночь, когда уж и так я готов был сказать вам, что у меня на сердце,— нет, нет, я не могу, я не хочу молчать...

Мария Петровна *(с волненьем)*. Алексей Николаич...

Бельский. Я знаю, что всё это безумно, что вы будете негодовать на меня — но так и быть, я не в силах более притворяться... Марья Петровна, я люблю вас, люблю вас страстно...

(Мария Петровна молчит и потупляет глаза.)

Бельский. Да, я люблю вас, вы давно могли это заметить. И теперь, если... если вы не согласитесь быть моей женой, мне остается одно: уехать отсюда как можно скорей и как можно дальше... Я знаю, что я своей поспешностью, может быть, всё испортил, но виноват не я... этот певец виноват... *(Взглянув на Марию Петровну.)* Марья Петровна, скажите, уехать мне или остаться, сердиться мне на этого певца или вечно благодарить его...

Мария Петровна. Я, право, не знаю...

Бельский. Скажите, скажите...

Мария Петровна. Мне кажется... на этого певца трудно сердиться...

Бельский *(схватывая ее за руку)*. Неужели?.. Боже мой! неужели я могу...

Мария Петровна. Но я... но что скажет тетушка...

Бельский. Что она скажет? Она согласится... Да вот она, кстати, и идет... Вы увидите... Я уверен, она согласится...

Мария Петровна. Бельский, что вы делаете...

Бельский. Ничего, ничего... вы увидите...

(Мария Петровна старается его удержать. Из двери сада входят Надежда Павловна и Аваков.)

---

[1] Ах, какая красавица! *(Итал.)*

А в а к о в. И вы так рано возвращаетесь, Надежда Павловна...

Н а д е ж д а П а в л о в н а. Да нельзя же... Сергей Платоныч... Чтоб они там... вдвоем...

Б е л ь с к и й *(бросаясь к Надежде Павловне)*. Надежда Павловна...

Н а д е ж д а П а в л о в н а *(вздрагивает)*. Что с вами, вы меня испугали... *(Аваков с изумленьем глядит на него.)*

Б е л ь с к и й. Надежда Павловна, я в большом волненье... но вы не обращайте на это вниманья... Я, видите ли, я не могу более скрыть... я... я решаюсь просить у вас руки...

А в а к о в. Боже! Всё кончено... *(Падает на кресла.)*

Б е л ь с к и й. Руки вашей племянницы Марьи Петровны...

Н а д е ж д а П а в л о в н а *(с изумленьем)*. Моей племянницы?

А в а к о в. Как? Что?.. *(Вскакивает.)* Вы просите руки Марьи Петровны?.. Согласен, согласен и разрешаю... Дети, дайте сюда ваши руки. *(Насильно берет руку Маши и соединяет ее с рукою Бельского.)* Благословляю вас, друзья мои — живите долго, в ладу и согласии, и имейте как можно больше детей!..

Н а д е ж д а П а в л о в н а. Да, постойте, постойте, Сергей Платоныч, вы с ума сошли... Что это такое? Я ничего не понимаю... Вы, Алексей Николаевич, просите у меня руки Маши, вы?

Б е л ь с к и й. Я.

Н а д е ж д а П а в л о в н а. А она... что ж?

Б е л ь с к и й. Она не противится.

Н а д е ж д а П а в л о в н а. Маша... ты молчишь?

А в а к о в. Да помилуйте, Надежда Павловна, что ж ей говорить? Неужели ж вы думаете, что всё это без ее согласия делалось?

Н а д е ж д а П а в л о в н а *(Авакову)*. Во всяком случае, оно сделалось по вашей милости. *(К Бельскому.)* Хотя ваше предложение, признаюсь, меня очень удивляет — оно так неожиданно,— но я не желаю препятствовать счастью моей племянницы, если только вы можете составить ее счастье...

Б е л ь с к и й. Стало быть, вы согласны? *(Целует ее руку.)*

А в а к о в. Да, конечно, согласна... Ура! Марья Петровна, подойдите же и вы...

М а р и я П е т р о в н а *(подходя к Надежде Павловне)*. Chère tante ...[1]

Н а д е ж д а П а в л о в н а. Хорошо, хорошо. *(Треплет ее по щеке.)* Vous êtes fine, ma nièce ...[2] *(Обращаясь к Авакову.)* А не правда ли, Сергей Платоныч, как ваши догадки были верны... и безошибочны...

А в а к о в. Эх, Надежда Павловна, я за свои догадки не стою́, и ошибаться мне тоже случается, как и всякому смертному, а вот за одно я отвечаю — за мою неизменную и вечную преданность к вам... Надежда Павловна, что бы право...

Н а д е ж д а П а в л о в н а. Что такое?

А в а к о в. По примеру этих молодых людей...

Н а д е ж д а П а в л о в н а. Молодых людей! Говорите про себя, Сергей Платоныч, а я не нахожу себя старой...

А в а к о в. Да вы меня понимаете... Право. И поехали бы мы к себе, домой... Надежда Павловна. И как бы там зажили!

Н а д е ж д а П а в л о в н а. Я вам не говорю... нет— но мы сперва в Париж заедем.

А в а к о в *(чешет себя за ухо)*. Да разве Париж... на дороге... в Саратов?

Н а д е ж д а П а в л о в н а. Нет, уж это как хотите. Мы непременно едем в Париж... *молодые* люди там женятся...

А в а к о в. Мы все там женимся!.. А там и домой...

Н а д е ж д а П а в л о в н а. Ну, это мы увидим... *(Помолчав.)* Но не забуду я этого вечера в Сорренте...

Б е л ь с к и й. Ни я...

М а р и я П е т р о в н а. Ни я...

А в а к о в. Да никто его не забудет!

Н а д е ж д а П а в л о в н а. Ну, погодите, Сергей Платоныч, не отвечайте за других.

(Занавес падает.)

10го янв. 1852.
С.-Петербург.

---

[1] Дорогая тетя... *(Франц.)*
[2] Вы хитры, племянница... *(Франц.)*

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Издавая в первый раз собрание моих «Сцен и комедий», я считаю долгом оговориться перед читателями. Не признавая в себе драматического таланта, я бы не уступил одним просьбам г-д издателей, желавших напечатать мои сочинения в возможной полноте, если б я не думал, что пиесы мои, неудовлетворительные на сцене, могут представить некоторый интерес в чтении. Я, быть может, ошибаюсь и в этом; пусть судит публика.

Позволяю себе заметить, что «Месяц в деревне» является теперь в первобытном виде. Я поставил было себе в этой комедии довольно сложную психологическую задачу; но тогдашняя цензура, принудив меня выкинуть мужа и превратить его жену во вдову,— совершенно исказила мои намерения.— Не могу также не упомянуть с чувством глубокой благодарности, что гениальный Мартынов удостоил играть в четырех из этих пиес и между прочим, перед самым концом своей блестящей, слишком рано прерванной карьеры, превратил, силою великого дарования, бледную фигуру Мошкина (в «Холостяке») в живое и трогательное лицо.

Ив. Тургенев.

НЕОКОНЧЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ПЛАНЫ, НАБРОСКИ

ИСКУШЕНИЕ СВЯТОГО АНТОНИЯ[1]

Драма в 1-м действии

СЦЕНА 1-ая

Пустынный берег моря. Скалы. Под одной из них видна пещера. От пещеры идут две тропинки — одна к морю, другая в гору. Сильный, ровный ветер: валы плещут[2]. Недалеко от берега сидит на море чертёнок; его беспрестанно подносит и относит. Чертёнку скучно — он зевает. Вдруг подле него из воды высовывается голова другого чертёнка.

Чертёнок 2-й. Давно ты на часах?

Чертёнок 1-й. Давно. Скучно. Пора бы смениться.

Чертёнок 2-й. Старик не выходил?

Чертёнок 1-й. Нет.

Чертёнок 2-й. А ты не подходил[3] сам к пещере?

Чертёнок 1-й. Нет[4]... два журавля всё таскались по берегу — я их побоялся: пожалуй, заклюют.

Чертёнок 2-й. Да, где ж они?

Чертёнок 1-й. Сейчас улетели: слышишь — кричат...

Журавль *(под облаками, другому журавлю)*. На Юг... на Юг...

Другой журавль *(не так громко)*. На Юг...

Чертёнок 2-й. А[5] скоро он выдет?..

Чертёнок 1-й. Теперь скоро.

---

[1] *Далее зачеркнуто: а)* Тургенев⟨а⟩, *б)* Драматическая сцена. [2] *Далее зачеркнуто:* На [3] ходил [4] *Далее зачеркнуто:* Целый день [5] Теперь

(Слышен шум в пещере... 2-й[1] *чертёнок в одно мгновение исчезает... Через несколько времени он робко высовывает голову из воды...)*

2-й чертёнок. Что?

Чертёнок 1-й. Что? Ничего.

Чертёнок 2-й. Он не выходил [2]?

Чертёнок 1-й. Нет... Ну трус же ты, братец!

Чертёнок 2-й. Трус... А у самого, посмотри [3] — хвост так и дрожит [4]...

Чертёнок 1-й. Сказывал я тебе... Сегодня [5] все наши здесь... все. *(Шёпотом.)* Говорят, и его величество пожалует...

Чертёнок 2-й. Так прощай [6] же, братец... прощай; спрячусь... Я его величества боюсь пуще нашего [7] старика... прощай...

Чертёнок 1-й. Погоди, не торопись... Успеем еще спеть и песенку...

Чертёнок 2-й *(не выходя совсем из воды)*. Изволь.

Чертёнок 1-й *(вполголоса... 2-й подтягивает)*.

Море, море глупое,
Море бестолковое,
Что ты расшумелося,
Что расхорохорилось?
Нас не испугаешь ты:
Нет у нас корабликов,
Лодочек с товарами...
Нам бояться не за что...

Улитка осторожно подползает к морю и слушает[8]...

Мы с ним чертенятушки [9]
Смирные ребятушки.
Выростем со временем,
С нами не шути.

Из пещеры выходит св. Антоний, высокий, худой старик[10] *в монашеской одежде... на поясе висят четки. Оба чертёнка быстро ныряют в воду.*

---

[1] и [2] вышел [3] *Далее зачеркнуто:* как [4] *а)* как дрожит хвост *б)* так и дрожит хвост [5] здесь [6] пойду [7] нашего — *вписано.* [8] *Далее зачеркнуто: 2-й ч⟨ертёнок⟩ ее проворно хватает за рога и проглатывает* [9] *Перед этой строкой начато и зачеркнуто:* не кичит⟨есь⟩ [10] *человек в коричневом монашеском одеянье*

Св. Антоний

Мне душно там... молиться не могу я...
Хотел заснуть... не спится — кровь кипит...
А, кажется, пора бы ей уняться [1]...
Меня смущают грешные мечты.
Я взял Святую Книгу [2], стал читать;
Бегут глаза лениво по строкам,
А мысли закружилися, как птицы,
И носятся, и нет покоя им [3]...
Тоскую я [4]... и злюсь... мне тяжело [5]...
Я сяду здесь [6] — а ты шуми, о море,
И глупого баюкай старика!

2 небольшие тучи пролетают над скалами.

1-я. Быть грозе [7]...
2-я. Солнце [8] село — быть грозе.

Большое белое облако плывет вслед за ними:

Ну, ну, детки, не мешкайте...

Проносится[9] медленно черная грозовая туча, ворчит:

Старый дурак... убила б его... да не смею... старый дурак...

Св. Антоний

Куда ушел мой мальчик, мой Валерий [10]?
Пора б ему вернуться... Я давно
Его послал за хлебом... Милый мальчик!
Как кроток он и тих и как задумчив,
Как любит он молиться... он растет,
Как деревцо на солнце [11]... Ах, не так,
Не так прошла ты, молодость моя!
Я был и горд, и зол, и скор, и вспыльчив.
О боге и не думал — и страстям
Я предавался весь и без возврата...

---

[1] *Далее было начато:* Тоска меня сего⟨дня⟩ [2] *а)* я Книгу взял Святую *б)* я взял Святую Книгу, но глаза *в)* я взял Святую Книгу, но глаза бегут [3] я взял ∽ покоя им — *вписано.* [4] *Далее зачеркнуто:* и [5] *а)* стыдно *б) 1 нрзб в)* стыдно [6] И вот я вышел [7] *Далее зачеркнуто:* что за старик? [8] *Перед этим зачеркнуто:* Отшельник — святой человек [9] *Перед этим зачеркнуто: Мед-л⟨енно⟩* [10] Гавриил [11] он растет ∽ на солнце — *вписано.*

Железный был я, грешный человек...
Да и теперь не весь я изменился —
И груб и дик [1] еще теперь... О боже,
Не оставляй меня, о мой спаситель,
Тебе я весь — смиренно — предаюсь.

(Ветер увеличивается... Море темнеет [2].)

Св. Антоний

Что ж он нейдет? Люблю я с ним молиться [3]...
И без него заснуть я не могу...
Перед распятьем вместе каждый вечер [4]
Мы станем на колени — он читает [5] —
И слушаю... и вот из старых глаз
Закáпают спасительные слезы.
Иль иногда мы вечером пойдем [6]
На берег моря... сядем; и ему
Я говорю о боге [7], о святых,
О жизни их спокойной и прекрасной [8]...
Молитвы их мы вместе повторяем —
И долго с ним мы говорим, и часто [9]
Слагаем сами грешные молитвы [10]...

Антоний задумывается. [11]

---

[1] *Далее зачеркнуто:* ...О боже, доверши [2] *Далее зачеркнуто: (Из-за скалы показывается голова Сатаны — и вдруг скрывается)* [3] *Далее зачеркнуто: а)* Его тогда я ставлю пред собой *б)* И без него заснуть я не могу... *в)* Читает он Евангелье... и голос// Его так ясен [4] *Вместо:* каждый вечер *было:* на колени [5] Мы станем, и читает он молитвы. *После:* читает *было начато:* Молитв праведных, святых мо⟨литв⟩ [6] *а)* Иль иногда мы ся⟨дем⟩ *б)* Иль иногда пойдем *в)* Иль иногда мы вы⟨йдем⟩ *г)* Иль иногда мы сядем где-нибудь//Там на скале... и [долго] оба мы молчим *д)* Иль иногда пойдем мы с ним бродить//Вдоль моря *е)* Иль иногда мы долго ходим//Вдоль моря — или сядем где-нибудь//Там на скале — и голову свою//Положит он ко мне на грудь и тихо//Заснет... [7] про ⟨бога⟩ [8] *После этой строки было: а)* О смерт⟨и⟩ *б)* А там *в)* И попрося благослов⟨енья⟩ *г)* О их любви великой бесконечной... *д)* Как взгляд его *е)* О рад⟨ости⟩ [9] *После этой строки было: а)* Мы замолчим и голову свою//Ко мне на грудь положит он... и дремлет *б) После:* замолчим — *вписано и зачеркнуто:* ⟨5 *нрзб*⟩ *в)* И часто, помолясь усердно богу//Слагаем сами робкие молитвы. *Далее приписано:* И задрожит его ребячий голос, //И, видимо. *Вместо:* часто — *было:* там [10] *а) Как в тексте. б)* Слагаем сами робкие молитвы... Ко мне на грудь он голову положит//И дремлет [11] *Перед этой строкой было: На скале показывается мальчик. Он поет: Далее зачеркнуто: Ветер* [*пролет⟨ая⟩*] *шепчет:*

Чертёнок 1-й *(осторожно выплывая*[1] *на берег).* Сюда... сюда... посмотри на него!

Чертёнок 2-й *(выказываясь из воды).* Где?.. А!.. Какая у него длинная борода... Он нас не видит?

Чертёнок 1-й. Он подымает голову...

(Оба скрываются.)[2]

Валерий *(сходит со скалы)*

Отец, вернулся я...

Антоний *(встает)*

А! наконец...
Устал ты, бедный!

Валерий

Да, устал немного.
Я хлеб принес[3]...

Антоний

Ступай и отдохни...

Валерий

А ты?

Антоний[4]

Я здесь[5] побуду — но недолго...

Валерий

Мне холодно, прощай — и приходи.

Антоний[6]

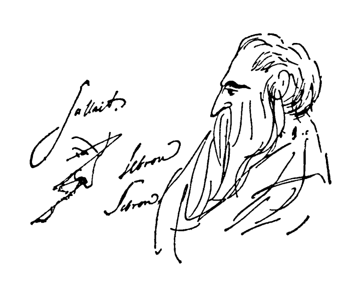
Чернеет море... Длинными[7] грядами[8]
Бегут валы на мрачный твердый берег...
С высоких волн срывает брызги[9] ветер
И мне в лицо сердито их бросает.

---

[1] *Далее зачеркнуто:* из [2] *После этой строки было: а) Ветер шепчет Антонию, б) На скале показывается мальчик. Он поет*
[3] Я хлеб принес — Какой сердитый ветр...//Сегодня ночью
[4] *Далее зачеркнуто: а)* Ты видишь — мо⟨лния⟩ *б)* Смотри какие тучи — быть грозе [5] *а)* Здесь *б)* Когда *в) Как в тексте.* [6] *Далее зачеркнуто: а)* Со всех сторон несутся дружно тучи *б)* Из-за скал всё ниже, ниже//Мчатся тучи — ветер воет,// [И к нему всё ближе, ближе] // Ветер море [словно] точно роет. *Эти строки Тургеневым изъяты как недоработанные; в)* Мы [7] Долгими
[8] *Далее было:* Бежит оно на торный твердый берег//И ветер с волн срывает//И мне в лицо и в бороду бросает. [9] *Далее зачеркнуто:* буйный.

Торопятся — уходят в горы чайки
И жалобно кричат [1]... я здесь усядусь
И бурей стану молча любоваться
И молодость свою припоминать...

(Садится.)

С горы сходит человек в широкой черной шляпе [2] и темном плаще; на сапогах у него шпоры; конец шпаги виден из-под плаща.

Человек. Заблудился я, чёрт возьми... Того и смотри польет дождь — а [3] здесь и спрятаться негде... *(Увидев Антония.)* Монах... подойду к нему. *(Под⟨ходит⟩ к Антонию.)* Честной отец, как бы мне пройти в...

Антоний *(подымает голову)*.

Человек. Честной... Что за чудо... да это... это Антонио, как бишь его звали... ну как тебя звали... *(Антоний глядит на него.)* Он, точно он, или ты меня не узнаёшь?

Антоний. Нет.

Человек. Его голос... Он! [4] Давно мы с тобой не видались, старый товарищ — а были друзьями... целые два года жили — душа в душу... с тех пор прошло 20... куда! более [5] 25 лет... О, да вспомни ж меня...

Антоний. Дай мне в тебя вглядеться... Ты... похож... ты — Карло...

Человек *(ударив его по плечу)* [6]. Карло Спада — что? узнаешь меня?

---

[1] *Далее зачеркнуто:* и я ⟨*нрзб.*⟩ [2] *Далее зачеркнуто:* с [3] *Далее зачеркнуто:* мне [4] *Далее зачеркнуто: а)* Давно ли ты спасаешься *б)* А давно [5] более — *вписано.* [6] *Ремарка вписана.*

Антоний. Карло Спада... но его в глазах моих убили...

Человек. Не убили, как видишь [1]... Всё расскажу тебе, старый товарищ, приятель... Вот не думал [2], не гадал... Да скажи пожалуйста, ты не далеко отсюда живешь?

Антоний. Я здесь живу.

Карло. Здесь? Да где ж... *(Оглядывается.)*

Антоний *(показывает на пещеру)*.

Карло. В этой яме? *(Заглядывает в пещеру и посвистывает [3]. Антонию с некоторым замешательством.)* Ты монах [4] — отшельник, спасаешься.

Антоний. Я здесь молюсь богу, и живу [5].

Карло. А! Я, видишь ли [6], я хотел было добраться до [7] Пиетра Нюова, да заблудился... отстал [8] от своего полка... гроза меня [9] застигла [10]... что ж, брат Антонио, позволь мне [11] переночевать у тебя [12].

Антоний. Разумеется, взойди [13]. *(Входят.)* Садись. Хочешь хлеба?

Карло *(садится на кучу сухих листьев)*. Спасибо — я сыт [14]. *(Оглядывается.)* И ты круглый год здесь живешь?

Антоний. Да.

Карло. Гм...

Антоний. Покойно ли ты сидишь?

Карло. У кого вздумал спрашивать! да [15] мне ли, старому дураку [16], нежиться? Мое тело не молодо — ко всему привыкло [17]... Ха-ха-ха!

Антоний. Не смейся громко... *(Показывая на Валерия.)* Ты его разбудишь...

---

[1] *Далее зачеркнуто: а)* Помнишь ли на *б)* А помнишь? был жаркий денек. *Далее следовал рассказ о битве, см. стр. 490.* [2] *Далее зачеркнуто:* встретиться [3] *После: посвистывает — скобка была закрыта и было начато:* Д⟨...⟩ [4] *Далее вписано и зачеркнуто: а)* райска⟨я птица⟩ *б) начато:* из [5] Я молюсь здесь богу и живу здесь [6] *а)* А! видите ли, честный отец, я шел в *б)* А! я видишь, честный отец [7] в [8] Я отстал [9] *Далее зачеркнуто:* и [10] гроза ∽ застигла — *вписано.* [11] *Вместо:* позволь мне — *было:* позволишь ли ты [12] у тебя? [13] *Далее зачеркнуто:* сяд⟨ь⟩ [14] *Далее зачеркнуто:* Скажи мне [15] да — *вписано.* [16] рубаке [17] *вместо:* Мое тело ∽ привыкло...— *было:* Мои кости стары, ко всему привыкли...

К а р л о. Э... сын или внук?

А н т о н и й. Нет... Расскажи же мне.

К а р л о. Да [1] — что ж я... Ну... *(Снимает [2] свою шпагу.)* Помнишь ли ты — тому лет [3]... лет... ну всё равно... мы с тобой служили в одном полку, в войске славного, знаменитого [4] Сфорцы — и дрались за ее величество королеву Иоанну [5]...

А н т о н и о. Помню, помню...

К а р л о. Ну... и последнее наше сражение помнишь?.. Признаться [6] — жаркий был денек: мы целый день дрались, как львы [7],— да невмочь [8] пришло: не совладать одному с десятерыми... погнали нас... у меня голова ходила кругом, язык пересох — наглотался я пыли... что́ бы я дал тогда за кружку воды... мы с тобой бежали рядышком... помнишь? [9]

А н т о н и й. Помню [10]... рассказывай [11].

К а р л о. Вдруг я слышу выстрел... оглянулся [12]— прямо на нас, как теперь вижу, летит великан [13] в черных латах на буром коне, подскакал [14], замахнулся — я было подставил шпагу, да куда! [15] — повалился я, как сноп!.. раскроил мне голову [16], проклятый [17]! Говорят [18], ты его тут же ссадил с коня — молодец ты был, Антонио, рубака знатный [19]... Ну [20], кровь залила мне глаза, дыхание сперлось; я подумал [21], пришлось околевать [22] — и что ж? Валялся дня два на земле — и видишь, жив [23]. Меня нашли, подняли; я

---

[1] *Далее зачеркнуто:* точно [2] *доста⟨ет⟩ Далее вписано и зачеркнуто: стальн⟨ую⟩* [3] лет 25 [4] *Вместо:* славного, знаменитого — *было:* великого [5] *Далее: а)* то есть, правду сказать, за того мы дрались, кто больше платил *б)* против [6] Признаться — *вписано.* [7] *Далее зачеркнуто: а)* а по́д вечер *б)* и прогнали бы [8] невтерпеж [9] помнишь — *вписано.* [10] Помню, помню [11] *Реплика вписана. Далее вписано и зачеркнуто: а)* Да дай прип⟨омнить⟩ *б)* Помнишь ли с меня шишак свалился — ты мне его поднял... [12] *Далее зачеркнуто: а)* на гнедой лошади, как теперь вижу *б)* да и не успел глазом мигнуть: какой [13] *Вместо:* как теперь ∾ великан — *было:* мчится сорванец рыжий [14] подлетел [15] *Далее зачеркнуто: а)* раскроил он мне *б)* так и повалился с раскроенной головой *в)* и повалился я, свету не взвидев [16] башку [17] окаянный [18] Помнится [19] *а)* хоть *б)* хоть куда [20] Ну, а после — [21] *Вместо:* я подумал — *было:* подумал [22] *Далее зачеркнуто:* А н т ⟨о н и й⟩. Ну... Ч⟨е л о в е к⟩ ⟨*нрзб.*⟩ [23] *Далее зачеркнуто: а)* Попался в плен *б)* нашли меня, подняли; был в плену

долго был болен, выздоровел[1]... *(Со вздохом.)* Уж мыкался я, мыкался по свету... Где ни бывал? Кому ни служил? Вот и стар[2] стал и сед, как видишь,— а всё еще не нашел себе пристанища[3]! Да и на что?[4]

(Гроза начинается.)

А удивляюсь[5] я тебе, брат Антонио, признаюсь... Совсем ты стал другим человеком... помнишь, бывало... Ну извини, извини: я вижу, ты хмуришься — а хотел бы я поболтать с тобой о старине...

Антоний *(садится к нему ближе)*. Так что ж? говори — я не испугаюсь.

Карло. Ай да славно! Вот — люблю... Так садись же поближе ко мне[6]...

(Гроза усиливается.)

СЦЕНА 2-ая

Небольшая роскошно убранная комната[7]. На полу ковер... благовонные[8] свечи горят[9] в белых вазах[10]; везде[11] множество великолепных тропических пахучих[12] цветов[13]. Окны раскрыты[14], на дворе темно. Посередине комнаты стол... На первом месте сидит Аннунциата[15], несколько[16] молодых людей и дев[17]. Ужин клонится к концу.

(Аннунциата кончает песню.)[18]

---

[1] *Далее зачеркнуто:* однако дождик накрапывает... Куда бы нам... *(Оглядывается).* Ант⟨оний⟩. Пойдем. Ч⟨еловек⟩. Куда? Ант⟨оний⟩. Ко мне. Ч⟨еловек⟩. Да разве ты тут живешь? А⟨нтоний⟩. Тут. *(Пок⟨азывает⟩ на пещеру.)* К⟨арло⟩ *(посвистывает).* А⟨нтоний⟩. Тише — я здесь не один. К⟨арло⟩. Кто ж тут с тобой? А⟨нтоний⟩. *(Пок⟨азывая⟩ на **Вал.**).* Он спит... К⟨арло⟩. Сын?.. или внук?.. А⟨нтоний⟩. Садись... хочешь хлеба? К⟨арло⟩. Спасибо, я сыт... *(Садятся).* Ну, брат, ты [и ту⟨т⟩] живешь по-нашему, по-старинному [камень под голову] *Далее следует продолжение рассказа Карло.* [2] калека — а [3] приюта [4] *Далее зачеркнуто: а)* На нетях *б)* Нашему брату на свете жить любо, слова не смеет ⟨сказать⟩ *в)* Ант⟨оний⟩ [5] не думал я, признаюсь [6] *Далее зачеркнуто:* и слушай [7] Небольшая комната. Везде [8] душистые [9] Благовонные ∽ горят — *вписано:* [10] *Далее зачеркнуто:* горят лампы [11] *Далее вписано: а)* странные *б)* великолепные тропические пахучие цветы [12] множество ∽ пахучих — *вписано.* [13] *Далее зачеркнуто:* Два окна раскрыты, оба [14] *Далее зачеркнуто:* дают в сад [15] Падилья, кругом [16] несколько — *вписано* [17] 2 женщины. [18] *Ремарка вписана.*

Д ж у л и о. Браво! Брависсима [1]. Друзья мои, на колени — все на колени! и выпьем [2] за здоровье прекраснейшей женщины [3]!

Все становятся на колени, исключая женщин и[4] *Астольфа, и пьют...*

А н н у н ц и а т а. Благодарю вас, дети... Позволяю одному из вас поцеловать завтра мою... перчатку.

П и е т р о. Кому же? кому? [5]

Д ж у л и о. Мы кинем жеребий [6]...

Р о б е р т о. Будем [7] драться, и кто победит...

П и е т р о. А ты что ж не становился на колени, Астольфо?

Д ж у л и о. А разве он не становился?

А с т о л ь ф о. Какие у тебя прекрасные волосы, Джулиетто mio! Как я люблю тебя.

П и е т р о. Он пьян, как немец...

А н д р е а. Как лошадь...

А н н у н ц и а т а. Как вы все...

А с т о л ь ф о. Венчайте меня розами и незабудками, о друзья мои [8], и дайте мне чашу [9]... *(Жалобным голосом.)* Чашу, друзья мои [10].

Д ж у л и о. Аннунциата, я вас...

А н н у н ц и а т а. Ну?

Д ж у л и о. Аннунциата... я [11]... Я вас люблю безумно...

П и е т р о. И я.

А н д р е а. И я...

Д ж у л и о. Я готов вам доказать мою любовь на деле [12]... Прикажите мне убить кого-нибудь [13] — вот хоть этого толстого пьяницу, Астольфо,— кого хотите...

А н н у н ц и а т а. Кого хочу! Мой Джулиетто [14]... Мой милый Джулиетто, убей самого себя.

Д ж у л и о. Прикажи...

---

[1] браво [2] выпьемте [3] пе⟨ви⟩цы! [4] *женщин и — вписано.* [5] *Реплика вписана.* [6] *Далее зачеркнуто:* кому [7] *а)* Или *б)* Давайте [8] *Далее зачеркнуто:* наденьте мне ⟨?⟩ [9] *Далее зачеркнуто:* где же она чаша? [10] *Реплика Астольфо вписана на полях. После:* мои — *зачеркнуто:* наденьте шляпы и: мне — чашу! [11] *Далее зачеркнуто:* безумный, влюблен в вас. [12] Я ∽ на деле — *вписано.* [13] хотите [14] *Далее зачеркнуто: а)* а *б)* а самого себя... убьешь?

Аннунциата. Нет, погоди, подумаем... Господа, вы совсем [1] позабыли ваших дам... Садитесь и пейте... и слушайте... Я вам еще спою песенку [2]...

1

Под окном [3] прекрасной донны,
Больше [4] часу, при луне
Ходит юноша влюбленный [5]
В черном бархатном плаще.

2

Он [6] играет на гитаре
Песни, полные тоски [7]...
Он [8] поет о страстном жаре,
О звездах и о любви [9]...

3

Вдруг окошко растворилось [10],
И украдкой из окна [11]
Показалась и склонилась [12]
Милой донны голова.

4

Он умолк... она с улыбкой
Говорит ему: «Сеньор,
Я боюсь за вас: ошибкой
Вас возьмет ночной дозор [13].

5

Хоть приподнят длинной шпагой
Край широкого плаща [14],

---

[1] *Далее зачеркнуто: а)* позабыли *б)* не занимаете [2] песню [3] *Далее зачеркнуто:* сеньоры бледной [4] *Перед этим начато и зачеркнуто:* Ночью [5] *Зачеркнуто:* Бродит витязь бедный [6] *а)* То *б)* Он *в)* То [7] *Зачеркнуто:* И гитару к сердцу жмет [8] *а)* И *б)* Он *в)* То [9] *а)* о томительной любви *б) Как в тексте. в)* Об луне и о любви. *Переработка не завершена.* [10] озарилось [11] Из высокого окна [12] Так задумчиво склонилась [13] *а) как в тексте. б)* Остановит вас дозор [14] *а)* Хоть над шляпой длинной вашей//Веет [дол⟨гое⟩] гордое перо *б) Начато:* Хоть я вижу тонкой шпагой *в)* Хоть приподнят тонкой шпагой

Хоть и веет злой отвагой
От усов и от пера [1],

6

Хоть умны вы и прекрасны,
Хоть в меня вы влюблены [2]...
Но ни мало не опасны —
Скромный друг чужой жены [3]...»

7

И окошко, как живое,
Затворилось... и домой,
Поглупев — едва ль не втрое,
Потащился витязь мой.

Аннунциата. И вы все в меня влюблены?

Все *(иск⟨лючая⟩ Аст⟨ольф⟩о)*. Все... все...

Аннунциата *(женщинам)*. Простите им,— они не знают, что говорят [4]. Вы меня любите... Много чести. Но [5] ты, Джулио *(гладя его по голове)* — лучше всех; оттого, что глуп и молод.

Аннунциата *(встает)*. Так слушайте ж, мои витязи! Вы должны все дать мне честное слово никогда не жениться, никогда не влюбляться... Слышите? а я [6]...

Джулио. А вы?

Аннунциата. Джулио, вы тронуты и [7] расположены к нежности; посмотритесь в зеркало: вы бесконечно смешны... А я — вас уверяю, что я вас всех терпеть не могу.

Пиетро. Как она мила, боже мой, как она мила!

---

[1] *а)* Хоть над шляпою с отвагой//Веют, веют три пера *б) Начато:* Хоть неслыханной отвагой *в)* И неслыханной отвагой// Хоть вы славились всегда... *г)* Хоть воткнули вы с отвагой// В вашу шляпу три пера *д)* Хоть и носите с отвагой//Вы на шляпе три пера [2] Вы любезны, вы прекрасны//И в меня вы влюблены [3] Витязь девственной луны! [4] *Далее зачеркнуто:* Да и любовь их едва ли сто́ит сожаленья... [Слова] [ответ ваш, Джулио] — Лучший из них это ты, Джулио [5] меня ∽ Но — *вписано.* [6] Слушайте, мои витязи! Вы должны мне все — дать честное слово никогда не жениться, никогда не влюбляться... в другую женщину — а я... [7] *Далее зачеркнуто:* кажется

Аннунциата. Неправда ли, господин Пиетро,— удивительно!

Пиетро. Невыразимо!

Аннунциата. Непостижимо!

Пиетро. Невообразимо!

Аннунциата. Безгранично, как ваша любезность [1]. Бедный добрый мальчик, сидит подле женщины, выпил немного вина — и думает, что любит...

Джулио. Аннунциата,— вы, кажется, смеетесь над нами [2]...

Аннунциата. Может быть; вы догадливы.

Джулио. Но всё-таки вы нас всех сводите с ума...

Астольфо. Кто сошел с ума? Выгоните его вон... Я не люблю сумасшедших... [3]

Джулио *(Андреа)*. Подожги ему бороду, Андреа, сделай милость...

(Удар грома.)

Аннунциата. Затворите окна... Какой душный ветер... посмотрите, как свечи тускло стали гореть...

Андреа. И цветы вдруг так сильно начали пахнуть [4].

Джулио. Сирокко [5]...

Аннунциата. Не запирайте окон [6]... *(Она вдруг бледнеет...)*

Джулио. Что с вами, Аннунциата,— вы бледнеете, вам дурно... воды!

Аннунциата *(с презр⟨ением⟩)*. Мне дурно!? Подите прочь... прочь [7]... Молчите... *(Встает.)* [8] Слы-

---

[1] *Далее зачеркнуто: а)* оттого *б) (глядя на него) в)* и *г)* просто воображаешь, что любишь меня *д)* Как у теб⟨я⟩ *е)* Посмотрите, как глаза у него горят *ж)* Посмотрите *(глядит ему в глаза)*, как глаза у него горят *з)* Бедный Джулио, ты сидишь подле женщины, [он] выпил [рю⟨мку⟩] лишнюю рюмку вина — и думаешь, что любишь... Добрый Джулио [2] *а)* Вы смеетесь надо мной... *б)* Вы насмехаетесь надо мной... [3] Аннунциата, вы, кажется ∽ не люблю сумасшедших — *вписано.* [4] *Реплика вписана. Зачеркнуто:* И вдруг сильно запахли цветы... [5] *Далее зачеркнуто:* как сильно пахнут цветы... Стал ⟨...⟩ [6] *После этого вписано и зачеркнуто:* И цветы вдруг так сильно начали пахнуть [7] прочь — *вписано.* [8] *(Встает.) — вписано.*

шите ли вы [1], слышите ли вы — словно приближение великой рати... словно прилив широкого моря...

Джулио. Я слышу отдаленный гром...

Аннунциата. А теперь [2] — всё умолкло, всё [3], как будто никогда не бывало на земле ни движения, ни жизни [4] — мой голос странно звучит в застывшем воздухе...

Джулио. Перед грозой...

Аннунциата. Молчите, молчите все... *(Она закрывает лицо руками.)*

Голос Сатаны *(торжественно и медленно [5])*. Аннунциата!

(Все вздрагивают...)

Джулио *(трепещущим голосом)*. Кто вас зовет?

Аннунциата. Мой любовник... я иду к нему...

Джулио. Ваш любовник... но кто ваш любовник? Где он? — в саду [6]... Мы вас [7] не пустим — и пойдем сами к нему навстречу...

Аннунциата *(качая головой)*. Вы меня не пустите! Вы...

Все вместе. Да [8]... Да...

Аннунциата. Вы хотите знать, кто мой любовник? Так вслушайтесь же в его голос...

(Молчание.)

Голос Сатаны *(еще медленнее)*. Аннунциата...

(Женщины вскрикивают.)

---

[1] вы — *вписано.* [2] *Далее зачеркнуто:* как [3] всё — *вписано.* [4] *Зачеркнуто:* и [5] *тихо* [6] *Зачеркнуто: (вынимает шпагу)* [7] *Далее зачеркнуто:* к нему [8] *Далее зачеркнуто:* мы

Аннунциата *(восторженно и с злою насмешкой).* [1]

Меня зовет он [2]... Господа,
Вы удержать меня не в силе! [3]
«*Ему*» останусь я верна [4]
И на земле... да и в могиле!..[5]
Меня смирил лишь он один...
Мой грозный друг — мой властелин
Меня найдет всегда готовой [6]
В последний раз — как [7] в первый раз...
Меня зовет мой друг суровый [8] ...
Его люблю я... больше вас.

(Она быстро уходит [9].)

Джулио. Опомнитесь, господа [10]... за мною — в сад и шпаги наголо!

Пиетро, Андреа, Роберто бегут вслед за Джулио... Обе женщины, дрожа, прижимаются к Астольфу...
Вдруг в саду раздается слитный [11] крик 4-х молодых людей [12].

СЦЕНА 3-я

Антонио, Карло Спада сидят у входа пещеры... Меж ними широкий плоский [13] камень. На камне бутылка. Гроза [14]. На дне пещеры, при каждом [15] блеске молнии, виден [16] Валерий. Он спит на груде сухих листьев.

Карло. Та́к-то, брат, та́к-то! *(Пьет немного из бутылки.)* [17] Не погневайся [18] — я продрог, да и привык к вину [19]... Какова погодка?

---

[1] *Зачеркнуто: а) поет (с презрением) б) поет (с насмешкой) в) поет (с злою насмешкой)* [2] *Далее зачеркнуто:* Он зовет — [3] *а)* Вы удержать меня [не в силе] хотите! *б)* Меня сдержать — не в вашей силе! [4] Иду я, ему останусь я верна [5] могиле — *вписано.* [6] *а) Как в тексте. б)* меня всегда найдет готовой [7] и [8] Меня зовет любовник... *(оглядываясь и с странной улыбкой)* новый... [9] *выходит* [10] Помилуйте, господа... мы здесь стоим — а она... [11] *Далее зачеркнуто: ⟨нрзб.⟩ дрожащий. Затем: слитный — было перенесено после: дрожащий* [12] *Вместо: 4-х молодых людей — было: Джулио, Роберто, Пиетро и Андреа* [13] широкий плоский — *вписано.* [14] *Далее начато:* В [15] каждом — *вписано.* [16] *Далее зачеркнуто:* и [17] *После ремарки было начато:* Ты, брат, изви⟨ни⟩ [18] *Далее зачеркнуто:* брат [19] *Далее зачеркнуто:* как ветер воет, свистит — а море,— море-то как расшумелось...

Антоний. Карло...

Карло. Ну?

Антоний. Помнишь ли ты... Марцеллину?

Карло *(в смущении)*[1]. Марцеллину... Какую Марцеллину?..[2] Нет, нет... *(Пьет.)* И на что тебе?

Антоний. Я ее любил...

Карло. Да, да — теперь вспомнил... хороша была покойница...

Антоний. Она умерла?

Карло. Умерла... *(Молчание.)* А[3] сколько тебе лет, Антонио?

Антоний. Однолетки[4], семьдесят три года.

Карло. Семьдесят три года... *(Вполголоса.)*[5] Можно бы покаяться[6]... А кто его знает!

Антоний. Что ты говоришь?

Карло. Да что за вздор! чего я боюсь?[7] мы с[8] ним старики — да он[9], вишь[10], и монахом стал... *(Громко.)*[11] Каюсь, отче: сгубил я бедную твою[12] Марцеллину...

Антоний. Что?

Карло. Эге, брат — глаза у тебя засверкали попрежнему[13]... Тогда, помнится, с тобой шутить не годилось.

Антоний *(задумчиво)*. Боже мой, прости мне мое прегрешение... Рассказывай[14], товарищ... и не бойся[15], я стар[16] и расстался с прежней жизнью... навсегда.

Карло[17]. Смотри ж — не сердись на меня. После нашей разлуки, года два спустя[18], занесло меня[19]

---

[1] *Ремарка вписана.* [2] *Далее зачеркнуто:* Я вспомнил, вспомнил... Эге, брат — у тебя видно память [хороша] свежа!.. Ты ее любил — хороша была покойница [3] *Вместо:* Умерла ∽ А — *было:* Да — мне говорили... [4] Однолетки *вписано.* [5] *Ремарка вписана.* [6] *Далее зачеркнуто: а) как в тексте. б)* А как вспомню... здесь страшно... [7] чего я боюсь? — *вписано.* [8] с тобой [9] ты [10] вишь — *вписано.* [11] *Ремарка вписана.* [12] твою — *вписано.* [13] *Далее зачеркнуто:* помн⟨ится⟩ [14] *Далее зачеркнуто:* старый [15] *Далее зачеркнуто: а)* я на свою бы *б)* прежняя жизнь *в)* бывшая жизнь [16] *Далее зачеркнуто:* да [17] *Далее зачеркнуто:* Что ж мне тебе сказать? Года два спус⟨тя⟩ [18] *а)* год *б)* с год *в)* два года [19] занесла меня судьба

опять [1] в Болонью — с кем и зачем позабыл [2]. На другой же день отправился я к Марцеллине [3]. Вспомнил я о тебе, брат Антонио, как взошел в тот темный чудный проходец — знаешь [4]? вот [5] и направо знакомая дверь, высокий каменный порог... я стукнул [6], она сама мне отворила. Увидав меня, она вскрикнула [7], поднялась на цыпочки [8], поглядела, нет ли тебя за мной [9] и спросила: А Антонио?.. Я сказал, что сам пришел к ней [10] осведомиться о тебе... Она побледнела и уронила головку... Я взошел в ее комнатку, оглянулся [11] — всё на том же месте: на стене твой портрет, нарисованный углем нашим знакомым живописцем [12], помнишь, после славной [13] пирушки [14], как бишь его звали, такой был веселый... на кровати твоя шляпа [15] с полинялыми перьями... На окне те же цветы, во всей комнате тот же милый запах [16]... Я сел на окно [17] — она подле меня на низеньком стуле [18]... Я ей всё рассказал [19] — она слушала и плакала: и я всплакнул раз... Уходя, я [20] стащил с руки свою огромную [21] перчатку и тихонько пожал ее бледные пальчики [22]... она посмотрела на меня так пристально, так грустно [23]... Я у ней бывал часто: она мне сказывала, что с тех пор живет одна и никого не видит, что более году от тебя не имеет известий, что ее сестра ушла в Рим с [24] одним беглым монахом... И платье-то на ней было то же — да поизносилось в два года... Она всё еще была [25] хороша, хоть и похудела очень — и так же задумчиво [26] улыбалась [27] и так

---

[1] опять — *вписано.* [2] ей-ей не помню [3] *Далее зачеркнуто: а)* Она жила там же и сама мне отворила *б)* Взобрался [4] помнишь [5] *Далее было:* и дверь [6] вспомнил я ∽ я стукнул — *вписано. После:* стукнул — *было:* а у самого сердце перестало биться [7] *Далее зачеркнуто:* и тотчас спросила о тебе [8] поднялась ∽ А Антонио? — *вписано.* [9] *Вместо:* нет ли тебя за мной — *было:* мне через плечо [10] *а)* пришел сам к ней *б)* ничего сам ⟨не знаю⟩ *в)* сам хотел узнать *г)* сам хотел спросить у нее, что *д)* сам за *е)* сам спросить *ж)* она про тебя [11] *Далее зачеркнуто: а)* ничего *б)* всё *в)* ничего [12] *а)* неким живописцем *б)* неким черноризцем. *После:* живописцем — *было:* помнишь в [13] веселой [14] после ∽ пирушки — *вписано.* [15] в угле твоя шпага [16] окне ∽ запах — *вписано.* [17] на стул подле окна [18] на окно [19] рассказывал [20] *Далее начато:* ей пожал [21] нарядную [22] бледную ручку... [23] *Далее зачеркнуто: а)* и поцеловала меня в лоб *б)* Она *в)* Я стал к ней [24] за [25] Она была [26] задумчиво — *вписано.* [27] *Далее зачеркнуто:* как никогда

же причесывала волосы [1]. Вот однажды — я [2] был у ней, сидел до вечера — вышел [3] на улицу, и вдруг пришло мне в голову, что я ее люблю [4], что я ее [5] всегда любил, и тогда уж, когда [6] мы с тобой ходили к ней... я даже удивляюся, как я [7] тебя в то время не убил. Я тотчас же с улицы вернулся к ней. До того [8] я только уходя позволял себе пожимать ее руку — я, кондоттиёри [9], слуга Сфорцы!..[10] На эту женщину я и взглянуть-то нагло [11] не смел [12], при ней не смеялся громко... Я в ее комнатку взошел: она [13] посмотрела на меня с удивлением, я подошел к ней и тихо ее обнял... признаюсь: когда руки мои [14] соединились за ее станом [15] — я задрожал весь и упал перед ней на колени... Если б меня увидали товарищи! они бы умерли со смеху — но ты ее знал, Антонио, ты знал эту женщину...

(Молчание.) [16]

Целых три месяца мы любили друг друга... или нет, нет: она меня не любила, как любила тебя; в эти три месяца она странно изменилась: всё беспокоилась [17]; то прятала твою шляпу, то со слезами доставала ее опять и клала к себе на колени... она [18] плакала без причины, ревновала — и казалось, страстно была в меня влюблена... но я не был счастлив... хоть и не знал, чего хочу [19]... мне стали [20] гадки буйные потехи моих товарищей, а [21] не мог я не сознаться, что они были,

---

[1] *Далее зачеркнуто:* Что ж мне тебе сказать? — не знаю [2] *Далее было начато:* вышел от [3] *Вписано и зачеркнуто:* я [4] *Далее зачеркнуто:* всей [5] ее — *вписано.* [6] как [7] *Далее зачеркнуто:* *а)* мог *б)* тебя не убил тогда *в)* мог тогда [8] *Далее зачеркнуто:* *а)* вечера *б)* времени [9] старый кондоттиери *Далее было начато:* Сфо⟨рцы⟩ [10] *Далее зачеркнуто:* Но до этого [11] нагло взглянуть бы [12] *а)* При ней громко не смеялся *б)* Громко не смеялся при ней — такая была женщина... [Но тут] В тот вечер я к ней взошел и, не сказав ей ни слова *в)* В тот вечер я к ней взошел и тихо обнял... [13] *Далее зачеркнуто*: удивилась [14] *Далее зачеркнуто:* *а)* прикоснулись до ее стана *б)* прикоснулись к ее стану — я весь задрожал [15] *Далее зачеркнуто:* едва смел до нее [16] *После ремарки было начато:* *а)* А н т⟨о н и й⟩ *б)* Полгода о [17] *Далее зачеркнуто:* *а)* не хотела спрятать ни шляпы твоей, ни шпаги... *б)* то прятала в ящик твою шляпу, то твою шпагу, то опять со слезами брала [18] *Далее зачеркнуто:* страстно обнимала меня [19] *Далее было начато:* поверь [20] были [21] хоть и

по-своему, счастливей и веселей меня [1]. Да что! С тех пор прошло так много лет... и хоть, кажется, я понимаю и чувствую, что тогда со мной происходило,— да говорить, выражаться я [2] разучился; скажу тебе одно: я так же внезапно ее разлюбил, как полюбил ее... В одно осеннее утро — я вдруг почувствовал, что я ее не люблю; мне стало так легко: я вздохнул так свободно, так глубоко [3]... Спокойно пошел к ней и был почти уверен [4], что она знает, зачем я пришел [5]... Я остановился на пороге, протянул ей руку и сказал: прощай... Она подняла голову, посмотрела на меня без удивления [6] и сама [7] глухо сказала: прощай [8]... Я быстро [9] повернулся на каблуках и вышел [10]... Помню, мне стало грустно расстаться — не с ней... нет — а с этой дверью, с этим порогом [11], с этим домиком [12], но я махнул рукой, завернулся в плащ и пошел [13] по улице молодцом, побрякивая шпорами; из одного окошка с любопытством посмотрела на меня премилая девушка, и я лукаво и приветливо взглянул на нее [14]. Дня через два приносят ко мне записку: ее рука... Я с полчаса [15] лежал на спине и посвистывал... мне за нее было стыдно... распечатываю... вот оно, ее письмо: я с тех пор не расстаюся [16] с ним.

(Читает.)

«Карло, вам [17] принесут эту [18] записку в 2 часа... в двенадцать я утопилась. Не из любви к вам, нет — я с нетерпением ждала разлуки [19] с вами [20], я вас не

---

[1] *Далее было: а)* и так же внезапно как *б)* что мне тебе сказать? Всему этому прошло так много лет... и хоть мне кажется, что я и понимаю [2] я — *вписано.* [3] *Зачеркнуто* ⟨*2 нрзб.*⟩ [4] *Далее было: а)* что она догадалась, зачем *б)* что она догадалась, о чем я стану говорить *в)* что и сама знает [5] прихожу [6] без удивления — *вписано.* [7] *Далее вписано и зачеркнуто:* не удивив⟨шись⟩ [8] *Далее зачеркнуто:* В ее голосе не было ни удивления, ни гнева... [9] быстро — *вписано.* [10] *Далее зачеркнуто:* и помню ⟨*нрзб.*⟩ мне грустно стало [11] *Далее зачеркнуто:* однако [12] с этим домиком — *вписано.* [13] *Далее зачеркнуто: а)* скорым *б)* решительным *в)* мол⟨одцом⟩ [14] *Далее зачеркнуто: а)* ...хоть после мне стало смешно — и даже страшно *б)* и тотчас мне стало смешно — и даже страшно *в)* и мне самому стало смешно — и даже страшно *г)* Но, признаюсь, мне то [15] *Далее зачеркнуто:* ее не распечатывал [16] не расставался [17] через [18] мою [19] нашей разлуки [20] с нетерпением ∽ с вами — *вписано.*

люблю и не любила никогда... хотя я [1] и по собственной воле изменила памяти Антония... Но я не берусь сама себя растолковать [2]. Я решилась умертвить себя — потому что мне, право, совестно... даже гадко жить. Не обвиняйте [3] себя ни в чем, прошу вас [4]: вы сами знаете — вы ни в чем [5] не виноваты... Если б вы не вернулись в Болонью [6] — правда [7], я бы еще теперь жила [8], а жила бы долго, может быть... но скажите, к чему? Я спокойна и почти весела и совсем примирилась с богом и людьми [9]. Мне кажется, жизнь моя не могла иначе начаться, иначе кончиться... И прекрасно. Я довольна [10] ею, но теперь я устала и думаю, что не к чему больше жить. Я иду к реке [11] топиться, точно так же как прежде ходила по утрам за водой... Если вы когда-нибудь увидите Антония, скажите ему, что я его любила [12]. Ни одно растение [13] не цветет дважды, смешно желать два раза жить...

Марцеллина».

Антоний *(берет письмо)* [14]. И она утопилась?

Карло. Да.

Антоний *(после некоторого молчания)* [15].

О боже ⟨мой⟩! Как тронут [16] я глубоко...
Как я дрожу и сам себе не верю,
Как сердце бьется... К старческим губам
Прижмись письмо [17]... прижмися крепче, ближе.
Одарены [18] непостижимой силой
Вы, бледные, трепещущие [19] строки,
Начертанные в час тоски безумной

---

[1] хоть я [2] Но ∽ растолковать — *вписано.* [3] Не вините [4] прошу вас — *вписано.* [5] ни в чем — *вписано.* [6] в Болонью — *вписано.* [7] правда — *вписано.* [8] *Далее вписано и зачеркнуто:* может быть [9] *Вместо:* Я спокойна ∽ людьми — *было:* Видите ли, я прежде не верила предопределенью... я и теперь не верю... но мне [10] *Далее зачеркнуто:* своей жизнью... Необходимость смерти моей мне так понятна, так ясна [11] *а)* теперь к ⟨реке⟩ *б)* на мост [12] *Далее зачеркнуто: а)* что я знаю, что он меня любит *б)* что я знаю, что он меня любил *в)* я [13] *а)* ни один цветок *б)* ни одного растения [14] *Далее зачеркнуто: глядит на него долго и медленно отдает* [15] *После ремарки было: а)* Как *б)* Я думал, что все мои воспоминания *в)* О боже мой! О боже мой! О боже! Как глубоко я тронут и смущен! [16] бьется. *Далее зачеркнуто:* Что это?.. А! [17] *Далее зачеркнуто: а)* таинственная сила *б)* силой непонятной [18] *а)* Ты одарен *б)* Одарены *в)* Вы *г)* чуть видно строки [19] вы трепетные

Любимой [1] женскою [2] рукой... Меня [3]
Влечете вы — куда я сам не знаю [4]...
Я точно сам из гроба воскрешаю
Знакомые бывалые волненья [5].
И старику [6] и больно и легко.
Как странно! Я гляжу [7]... и что ж я вижу —
Передо мной не берег и не море...
Нет — поле... солнце светит. Там вдали
Проходит [8] конница... вот — вьется пыль;
Я слышу ржанье добрых лошадей;
По шишакам, по черным гладким ложам,
Как огоньки проворной перестрелки,
Сверкают быстро светлые лучи...
И слышится мне долгий смутный топот...
Вот впереди на темном жеребце
В высоком шлеме скачет их полковник.
А там вдали из-за деревьев церковь
Как будто поднялась да и глядит...
Ах — эта церковь! мне ли не знакома!
За ней еще пять, шесть других церквей:
За нею целый город — вся [9] Болонья.
Но подле церкви той... почти напротив,
Есть домик... домик темный, небольшой,
И в доме том два маленьких окошка,
И под окном [10] она сидит — и ждет.[11]

Карло Спада

Да толь еще! Всмотрись-ка хорошенько:
Не правда ли, с тобою мы сидим
Под каменным навесом остерии...
Эх, время было, время золотое! [12]

---

[1] Любимою [2] нежною [3] Во мне [4] Одарены ∽ не знаю — *вписано. а)* Вы увлекли в далекий позабытый *б)* Вы увлекли ⟨*3 нрзб.*⟩ *в)* Почти мне *г)* И с радостным я страхом *д)* И с радостным волнением я встретить рад [5] *а)* О неужели *б)* и опять возобновились//В последний раз бывалые волненья *в)* В последний раз в душе моей. *После:* знакомые — *было начато:* стар⟨инные⟩, *после:* волненья — *было: а)* Я внов⟨ь⟩ *б)* Я точно воскресаю [6] *Было начато:* Мне тяжело [7] *Далее зачеркнуто:* глазам не верю [8] Проходят [9] В старинном славном городе [10] окошком [11] *Вслед за этим стихом первоначально следовали стихи 15—20 этого монолога.* [12] золотое — *вписано.*

Придешь бывало... на дубовый стол
Уронишь тяжко шпагу, бросишь шляпу,
Перчатки снимешь медленно — а там
Кричишь «*вина!*», небрежно крутишь ус —
Да свысока́ посмотришь [1] на соседей.
А впереди, вкруг мшистого столба [2],
Зеленый плющ обвился [3] — и на солнце
Листочек каждый блещет и дрожит [4]...
А ты сидишь, небрежно развалясь,
Да девушкам глядишь в глаза с улыбкой...

Антоний

О Марцеллина...

Карло

А война, Антонио? [5]
Люблю войну! В карманы деньги льются
Не знаешь сам ⟨откуда и⟩ за что [6]...
Одна беда — карманы наши плохи [7].
⟨Не бережешь их глупых!⟩ [8] И везде
Какой прием... купец встречает нас
С почтением, и жадностью, и страхом [9].
А девушки усядутся и робко
Из узких окон высунут головки,
Глядят на нас, краснеют и смеются.
И матери напрасно их зовут [10],
Напрасно сзади дергают за платье...
Городовые судьи, старшины [11],
Все важные и чопорные люди

---

[1] глядишь ты [2] *а)* А вкруг столба его зеленый плющ растет *б)* Вкруг черного *в)* Вкруг старого *г)* А впереди, на солнце, вкруг столба [3] растет//Его листы на солнце [4] смеется *а)* Но все ж не так *б)* И мимо нас проходят торопливо [5] Помнишь, друг Антонио? [6] Не знаешь сам откуда — да за что [7] плохи — *вписано.* [8] Не бережешь вас глупых! *Переработка не закончена.* [9] *а) Как в тексте. б)* С подобострастной жадностью и страхом. *Далее вписано и зачеркнуто: а)* Почтительно согнувшись ⟨*2 нрзб.*⟩ *б)* Почтительно согнув худую спину [10] *а)* В наряде лучшем *б)* А девушки нарядятся и смотрят//Из узких окон всё на нас и гнутся//И щеки всех краснеют и смеются [и вздыхают] //И матерей не слушают [11] *а)* Судья городовой со всем своим хвостом *б)* Городовые судьи всем советом *в)* Городовые судьи, весь совет. *Далее следовало вписанное: а)* С писцами и *б)* С хвостом писцов присяжных и иных

С ужимками волочатся за нами [1],
И трусят, и задабривают нас [2].
И графы в платьях бархатных, дворяне [3]
Все нам друзья, любезные друзья [4]
Нас жалуют, ласкают и балуют [5],
Хоронят нас и с нами же пируют.
И дорого нам [6] платят... И за что? [7]
Люблю войну! Ура! Ура! Ура! [8]

(Пьет.)

Антоний [9] *(не слушая его, задумчиво).*

Да... да [10]. Как странно [11], точно из тумана,
Прошедшее спокойно выплывает [12]
И медленно проходит предо мной [13]...
О сердце,— полно биться! Я б не мог [14]
Идти другой дорогой... так понятна [15]
Мне жизнь моя [16]... Мой бог, не ложный [17] бог...
Я знаю — нет, меня ты не покинешь,
Не покидал меня ты никогда...
Но — милый образ женщины любимой!
Вы, годы счастья детского, слепого,
Томительных борений [18] и восторгов...
Ты, странная [19], тревожная любовь —
Смотрите — всем я душу открываю [20],
Антонио, отшельник, вас зовет [21]...

---

[1] Встречают нас с почтительным усердьем [2] Боятся нас, задабривают нас. *Этот стих и предыдущий вписаны.* [3] *Вместо:* дворяне — *начато и зачеркнуто:* все [4] *Стих вписан.* [5] *Было начато: а)* Смѣ⟨ются?⟩ *б)* Нас жалуют и ласково [6] *Было начато:* И дорого за нас [7] *Вместо:* И за что? *было: а)* Чёрт возьми *б)* Нет, чёрт возьми. *Далее следовало: а)* что *б)* За нашу жизнь... *в)* Подумай, брат Антонио//Какой ценой *г)* Наверное за то, что *д)* я гляжу [8] *Стих вписан.* [9] *Далее зачеркнуто: (тихо).* [10] *Было начато:* О зачем//Зачем мне всё [11] *Далее зачеркнуто:* И предо мной как будто из тумана [12] *а)* Всё медленно глазам моим навстречу выплывает *б)* Всё медленно глазам навстречу выступает [13] *Стих вписан.* [14] Если б мог//Я снова [15] Так глубоко [16] *Далее зачеркнуто:* Нет! Нет! [17] мой [18] *Было начато:* Бор⟨ений⟩ [19] *Было начато:* Любовь [20] *Было: а) начато:* Вс⟨ех⟩ *б)* Смотрите — всех я в душу принимаю. *Далее следовало:* Плывите ж вы ко мне, плывите тихо//Послушайтесь ⟨*4 нрзб.*⟩ *И далее: а)* Как *б)* Мне кажется *в)* Как на заре [несутся] ⟨*нрзб.*⟩ спокойно звуки//И медленно ложатся в слух людей... [21] *Стих вписан.*

Карло Спада

Я знал [1], и ты о прежнем пожалеешь,
Недаром я тебя расшевелил [2].
А Марцеллина... что, старик, признайся,
Ее забыть не мог ты никогда.

Антоний

Ты думаешь? Я отвечать [3] не стану [4],
Меня понять, я вижу, ты не можешь [5],
Мы разошлись [6] и ⟨слишком⟩ далеко [7].

Карло

И точно... точно: мне ль тебя [8] понять.

Антоний

Жалеешь ты о прежнем, бедный Карло [9]...
И я б жалел, быть может, если б с жизнью,
С той жизнью буйной, вольной и веселой
Я б не умел расстаться безвозвратно [10],
Расстаться, как с любовницей моей...
Меня томили грозные порывы [11],
Не признавал я вашего блаженства —
Я полноты и Знания хотел [12],
Хотел любви, любви неистощимой,
Могучей, и спокойной, и святой.
Я убежал... Но был тогда я молод,
И страсти все, все прежние тревоги [13]
В пустыне не покинули меня.
Я богу сердце пылкое, живое,
Не унывая, покорял [14]... О Карло,
Лишь оттого с таким восторгом тайным
Я предаюсь [15] моим воспоминаньям,
Что нет во мне ни горечи, ни злобы,

---

[1] *Далее было начато:* тво⟨...⟩ [2] *Стих вписан.* [3] говорить [4] *Стих вписан. Первоначально:* тебе ль, скажи, понять мое волненье? [5] *Стих вписан.* [6] разошлися [7] *Стих вписан.* [8] его [9] *а)* Бывалые безумные волненья *б)* Бывалые свободные волненья *в)* Жалеешь ты о прежнем *г)* Жалеешь ты, я вижу, о был⟨ом⟩ [10] своевольно [11] желанья [12] желал [13] И я принес в свое уединенье//Все страсти, все тревоги прежних дней... *Далее следовало:* Не без борьбы, но и с отрадой тайной [14] *Далее зачеркнуто:* Ты шел//Другим путем; быть может, оба правы//Но к богу всякий путь ведет... *Далее вписано:* Куда пришел — не знаю... [15] отдаюсь

Что я старик, и детства не стыжусь [1].
И предаюсь — как *прежде* никогда
И ничему не мог я предаваться.

Карло Спада

Я вижу — брат Антон не даром слыл
С [2] ребячьих лет ученым и разумным...
Умеет он собою любоваться [3],
Без умысла — обманывать себя [4]...
Подумаешь! отшельник круглый год
Живет [5] один, всё думает о боге —
К нему [6] стремится жадно и себя
И [7] позабыть и умертвить желает...
Как бы не так! Себя не умертвишь...
Нет [8], человек живуч [9] — и раб обмана...
О гордость! жизнь людская... презирать [10]
Людскую жизнь — он смеет... жизнь *толпы*...
Не правда ли, смиренный брат,[11] — *толпы*.
И сам себе он гадок [12]... и противен [13] —
И падает [14] в тоске уничижения
Перед собой — под именем другим [15]...
И вот [16] бежит в мир лучший [17] — в мир прекрасный [18],
Как будто есть куда бежать,— и верит —
И весь горит божественной любовью,
Томится весь надеждой откровенья,
Восторгом «чистым, полным и святым».

Антоний выходит из пещеры... Карло сидит неподвижно и шепчет...

---

[1] Что не стыжусь я юности моей. *Далее следовало:* Я всей душой все радости былые // Все горести так жадно принимаю... [2] От [3] *а)* Владеет *б)* Искусен он в науке *в)* Умеет он как ⟨*2 нрзб.*⟩ [4] *После этого следовало: а)* Своим восторгом любоваться *б)* И собственным восторгом любоваться [5] Сидит [6] Себя [7] Он [8] О [9] *Далее зачеркнуто:* — и часто [10] И гордость! — жизнь земная // Ему противна — сам себе он гадок [11] *Далее было:* Антонио [12] *Далее зачеркнуто:* Фуй! воняет... [13] *Стихи:* О гордость ∽ противен — *вписаны.* [14] *Было:* И часто падал он в слезах. *Далее следовало: а)* Смешным и странным *б) начато:* И что же *в)* и вдруг смешным и странным станет. [15] *а)* Я знал *б)* Я долго жил с одним. *И далее: а)* Ты *б)* Но ты *в)* Неправда ли, ты сам себе был гадок [16] он [17] *а)* Себе он станет ⟨*1 нрзб.*⟩ гадок и бежит *б)* Бежи⟨т⟩ *в)* Как будто есть *г)* Бежит // Ему людская *д)* Мирская жизнь // Ему противна [18] Ты уб⟨егаешь?⟩ в мир другой

Хор волн

Старик... старик, мы много раз [1]
Тебя ви⟨дали⟩ ⟨...⟩
И ты любил смотреть на нас,
Но никогда не помнишь ты...
И из твоих горячих глаз
Бывало слезы упадали.
Но мы с тобой сдружились [2],
Тебя мы любим, ты велик,
Как мы — свободен.
И мы бежим толпою шумной,
Стремимся жадной чередой
К твоим ногам, старик безумный,
Старик великий и святой!
⟨. . . . .⟩
И много, много бурь, старик,
Как мы, ты вынести сумеешь.

Карло

Послушай, друг Антонио, видишь [3] — я
Бог знает где скитался; — много видел
И много слышал... тайну я узнал [4]...
Тебе ее, как другу, я открою...
Ее, старик, мне [5] передал [6] монах,
Такой же, как и ты... старик ученый [7]...
Кого хочу [8] — могу я вызвать...

Антоний

Вызвать?

Карло

Из гроба.

Антоний

Ты? ты шутишь?

Карло

Я? шутить!

---

[1] *а)* Мы падаем *б)* Бежим мы, обрушаемся *в)* Взбегаем сердито [2] *После этого следуют слова, начинающие два стиха:* Тебя *и* И [3] знаешь [4] знал я [5] один [6] открыл [7] Меня за что он полюбил, не знаю...//Но [8] *Далее зачеркнуто:* Хотя из

А н т о н и й *(медленно)* [1]

Так ты колдун?

К а р л о

Я? Нет! [2] Какой колдун...
Не должен был я кровью расписаться,
Души своей на тайну не менял...

А н т о н и й

Так покажи ж мне Марцеллину...

К а р л о

Тотчас.
Увидишь, я не лгу... Но отвернись...

А н т о н и й. Готов ты, что ли?

К а р л о. Я готов... слушай [3]... теперь позволь мне [4] положить руку на твои глаза...

А н т о н и й. Клади [5].

К а р л о. Теперь — смотри...

(В нескольких шагах от Антонио стоит Аннунциата.)

А н т о н и й. Марцеллина!

(Бросается к ней и вдруг останавливается.)

Марцеллина... ты

А н н у н ц и а т а. Старик...

А н т о н и й *(вздрагивает...)*

А н н у н ц и а т а. Старик, чего ты боишься...

А н т о н и й. Это ее голос...

А н н у н ц и а т а [6]. Мой голос, Антонио... Послушай, полно думать и ломать голову... Ты видишь, я стою перед тобой... вот [7], я беру твою руку... но по-

---

[1] *тихо* [2] Нет — *вписано. Далее следовало: а)* Нет, нет... поверь, не нужно было мне//Отдать мою *б)* Не приходилось//Наставнику за откровенье *в)* Не приходилось [3] но слушай [4] *Далее зачеркнуто: а)* руку *б)* сперва руку [5] Изволь [6] М а р ц е л л и н а [7] ты

целовать тебя я не смею — я боюсь твоей белой большой бороды... [1]

Антоний. Садись [2], я... я дрожу, как дитя — но это пройдет — садись, дай мне молча посмотреть на тебя...

Аннунциата. Смотри... Не правда ль, я всё та же — помнишь ли ты, как ты встретил меня в первый раз... Я шла в церковь... ты заговорил со мной — ах, я тотчас тебе [3] отвечала... Вся моя скромность, моя девическая гордость исчезла [4] при первом твоем слове... я [5] не могла не полюбить тебя [6]... А еще поутру [7] я так чопорно одевалась [8], так [9] смешно и невинно собиралась в церковь [10]... А потом, помнишь ли [11], наше второе свидание вечером, у забора [12] нашего сада под широкими липами [13]... Как скоро ты выпросил у меня мой первый поцелуй... Как лукаво шушукали листья, как весело зажигалися звезды... И вот [14] по дороге, облитой румяным блеском зари, проехал мимо нас [15] верховый — на белой лошади — насилу мы дождались пока он заехал за крайний куст орешника, и вдруг оба бросились в объятья друг другу... помнишь? помнишь?

Антоний. Помню... помню...

Аннунциата. Я [16] не таила [17] своей любви; я днем [18] по улицам ходила с тобой, рука об руку — и улыбалась в ответ на презрительные взгляды [19]... Антонио, первый молодец в Болонии — мой любовник — и мне стыдиться? Как бы не так! О я знаю, знаю — всем другим девушкам было бог знает как завидно, когда ты мне на площади [20], в полдень [21], помогал черпать воду [22]... Бывало [23], я поставлю кувшин на голову и пойду потихоньку — а ты идешь за мной в твоих больших сапогах, с твоей огромной шпагой — да еще шляпу

---

[1] *Вместо:* я боюсь ∽ бороды... *было:* мне страшна твоя белая большая борода... [2] *Далее начато:* не обращай внимания [3] в тебя [4] *Далее зачеркнуто:* тотчас [5] Ах, [6] *Вся фраза вписана.* [7] за полчаса [8] одевалась — *вписано.* [9] *Далее зачеркнуто:* бесконечно [10] *Далее зачеркнуто:* Как скоро ты выпросил у меня [11] ли — *вписано.* [12] *а)* у нашего забора *б)* у низкого забора [13] широким каштаном [14] Помнишь ли? [15] тогда [16] Друг... [17] не хотела таить [18] в полдень [19] *Далее зачеркнуто: а)* Как я была счастлива *б)* Ты [20] на площади — *вписано.* [21] в полдень — *вписано.* [22] *Далее зачеркнуто:* на площади [23] Бывало — *вписано.*

надвинешь на брови... Такой молодец, такой страшный... А все молодые щеголи [1], все красивые господчики на тоненьких ножках издали сворачивают в сторону... Ах, Антонио, мой Антонио, как я люблю тебя!..

Антоний. Вообрази себе, Марцеллина, какой я видел странный сон... или нет... нет — я помню морской [2] берег, помню долгие, долгие годы...

Аннунциата [3]. Ты видел во сне, что ты старик? что ты отшельник? что жил 20 лет в одной пещере и не знался с людьми? Какой глупый сон! Нет, Антонио, нет — ты молод, молод — положи руку на свое сердце, не правда ли [4], как оно бьется? Посмотри мне в лицо! Разве я стара? А я всего тебя годом моложе... Антонио, ты молод...

Антоний. Я молод, Марцеллина [5]... Что за вздорные мечтания! [6] Послушай, дай мне шляпу... куда мы пойдем? На площадь, что ли,— погреться на солнце да показаться людям [7] — или в сад, побегать по росистой траве? [8] Или [9] в поле — туда, за Болонью, за реку [10],— вон [11] к тому длинному ряду голубоватых тополей...

Аннунциата. Останемся, Антонио... Куда нам идти? Здесь так хорошо, так тихо, так спокойно... послушай, как ветер воет [12]. Посмотри на небо [13], на звезды — мимо их, беспрестанно их закрывая, проносятся серые тучи [14]. Останемся, Антонио, я спою тебе песенку:

По всей земле тревожное волненье...
И моря плеск похож на стон тоски.
Пойми, мой друг, пойми [15] мое стремленье,
Прими меня в объятия твои [16].

---

[1] А все молодые щеголи с тоненькими ножками [2] морской — *вписано.* [3] Марц⟨еллина⟩ [4] послушай [5] *Далее зачеркнуто:* Эх да ⟨...⟩ [6] что ᔕ мечтания — *вписано.* [7] поболтать с соседями [8] побегать ᔕ Или — *вписано.* [9] *Далее зачеркнуто:* лучше пойдем [10] за реку — *вписано.* [11] вон за [12] *Вместо:* Здесь ᔕ воет — *было:* может быть, зайдет к нам... наш друг Лоренцо. А если он и не зайдет — [может быть] я чувствую, сегодня же для нас настанут часы [тех] знакомых страстных, самобывчивых сближений [порывистых] [13] на небо — *вписано.* [14] *Далее зачеркнуто:* Послушай-ка мою песенку: [15] Пойми ж меня, пойми ж [16] свои

*

На грудь твою я припаду, мой милый,
Прижмусь лицом к широкому плечу [1].
Спаси меня, покрой твоею силой [2],
Ты обещал мне жизнь... Я жить хочу [3].

*

И мне легко!.. С меня [4] ты снял оковы.
Хочу молчать и чувствовать в груди [5]
Восторг глубокий, страстный, вечно новый [6],
Блаженное присутствие любви [7].

*

Я не хочу ни ласки, ни лобзанья [8],
Мой друг, мой царь, пойми меня, пойми [9]...
В моей душе погасли все желанья [10]...
Прими меня в объятия твои.

Антоний. Но, Марцеллина, скажи мне, отчего вчера... или нет — когда мы с тобой в последний раз [11] ходили за́ город? Ну, всё равно... отчего я шел так скоро всё вдаль, вдаль — и почти забывал тебя? Ты не могла поспевать за мною и изредка жаловалась — я останавливался и опять бежал вперед... Чего я искал? Куда стремился? [12] Не была ли ты со мной?

Аннунциата.

---

[1] *а)* И стану я глядеть в твои глаза... *б)* [Я] А ты меня баюкай и лелей *в)* И от тебя я глаз не отведу [2] *а)* На *б)* Здесь я *в)* Прижми меня *г)* Ах, я люблю *д)* Сбылося всё, что сердце так сулило *е)* Одень, спаси меня, покрой твоею силой *ж)* Покрой меня, покрой твоею силой *з)* Возьми меня, покрой твоею силой [3] *а)* Здесь *б)* Ты дал мне жизнь, о друг, и я живу [4] С меня — *вписано* [5] *а)* Что я хочу *б)* Чего хочу я *в)* ⟨И⟩ я б хотела вечно// Лежать [6] бесконечный [7] чуд⟨ес⟩ [8] *а)* Так пусть *б)* Я слышу *в)* Я слышу плеск, и стон, и ропот моря//Гроза *г) Как в тексте.* *д)* Я не хочу порывистых лобзаний [9] *а)* Не нарушай *б)* О, тишины моей не нарушай... *в)* Хочу любви, одной любви твоей [10] В моей душе нет страсти, нет желаний//Люби меня. *Далее следовало: а)* Ах, ты велик, и силен, и спокоен *б)* Так пускай *в)* Шуми, тоскуй, о море... море *г)* Шуми, тоскуй, о море... [Ах] О! бывало// Твоя тоска была моей тоской...//Но *д)* Забыла всё я [11] в последний раз — *вписано.* [12] *Далее зачеркнуто:* Как я

ДВЕ СЕСТРЫ

Драма в 1-м действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Фабиан, знатный и богатый человек, 35 лет.
Валерий[1], приятель Фабиана, 50 лет.
Неморино, бедный студент, 19 лет.
Клара, любовница Фабиана, 23 лет.
Антонистта, ее сестра, 17 лет.
Немой негр, слуга Клары.
Паж Клары[2].

Действие происходит в загородном доме Клары.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Умные люди говорят, что драма должна — как бишь?.. воссоздавать современный быт, известное, определенное общество... извините, остального не припомню. С умными людьми приятно соглашаться, но не всегда возможно следовать их советам. И потому я, сознавая свое бессилие, дал было действующим лицам моей драмы испанские имена; мы как-то (впрочем не без причины) привыкли воображать себе Испанию страною любовных и необыкновенных приключений; но один испанец, которому я прочел мое произведение, заметил мне, что мои «действующие лица» так же похожи на испанцев, как и на китайцев. Вследствие этого замечания я и дал всем особам имена совершенно произвольные и не принадлежащие ни одному народу в особенности. Кончаю небольшим признанием: «Театр Клары Газуль», известное сочинение остроумного Мериме, подал мне мысль написать безделку в его роде... Что делаю:

Мы *подражаем* понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь.

Июнь 1844. Т. Л.

---

[1] Линдор [2] Фабиана

Довольно большая с[1] вкусом убранная комната. Из окон вид на сад, освещенный луной. Между окнами[2] стеклянная дверь,[3] до половины закрытая ярко-пунцовым занавесом. Под потолком висит лампа в алебастровой вазе. Направо другая дверь. На полу пестрый ковер, низкие диваны,[4] обтянутые шелком и бархатом, резные столики и т. д. Посредине комнаты на желтой[5] атласной подушке сидит Антониетта и кормит собачку сахаром. В углу, под широким и пышным деревом, покрытым странными красными цветами, сидит Клара. Она вся в белом; на Антониетте темное платьице. Возле Клары большая корзина с самыми светлыми розами, из которых она рассеянно вырывает лепестки[6]. В другом углу, в красивой клетке, голубой бразильский попугайчик.

Антониетта *(обращается к собачке)*. Кушайте, мой милый дружок, кушайте... вы, я вижу, привыкли к разным пряностям и простой сахар презираете... но пряности вредны, воспаляют и портят кровь. Если вы мне не верите, спросите у моей старшей сестры...

Клара. Перестань болтать, Антониетта, ты мне надоела.

Антониетта *(встает)*. Не я тебе надоела, а тебе надоело ждать...

Клара *(с досадой)*. Как вы наблюдательны? Знаете ли вы ваш вчерашний урок?

Антониетта *(однозвучным голосом, смиренно сложив руки)*. Франция есть великое государство... Париж — столица Франции...

Клара *(смеясь)*. Верно... Верно...

Антониетта *(садится у ног[7] Клары и ласкается к ней)*. У Клары сестра глупенькая... Кларе грех на нее сердиться...

Клара *(гладит Антониетту по головке)*. Кошка... кошка...

Антониетта *(берет ее за руку)*. Ах, сестра, какие у тебя прекрасные руки!.. И мои руки недурны, но твои — посмотри сама — гораздо белее, нежнее... *(целует их)*. Скажи — Фабиан так их целует, что ли?

Клара. Полно... Дай мне гитару. Спою что-нибудь. *(Антониетта приносит ей гитару; Клара*

---

[1] *Далее зачеркнуто:* большим [2] *Далее зачеркнуто 1 нрзб.* [3] *Далее зачеркнуто:* завешанная [4] столы [5] *Далее зачеркнуто:* подушке [6] листочки [7] у коленьев

берет несколько аккордов...) Петь не могу... Я сегодня не в духе.

Антониетта. Так позволь мне спеть тебе песенку... *(Она поет.)*

Засыпает город сонный.
Полночь! Звучно бьют часы...
Ходит юноша влюбленный
Под окном своей красы.

Вдруг окошко с легким звоном
Растворилось... и едва
Над белеющим балконом
Показалась голова.

Он притих... она с улыбкой
Говорит ему: «Сеньор!
Я боюсь за вас,— ошибкой
Вас возьмет ночной дозор.

Хоть умны вы и прекрасны [1],
Хоть в меня вы влюблены...
Но ни мало не опасны —
Скромный друг чужой жены».

И раздался смех звенящий,
И в тени немых аллей
Пробудился воздух спящий
И лукаво вторит ей.

Клара. Кто тебя научил этой песенке?

Антониетта. Не скажу.

Клара. Неморино?

Антониетта *(с легкой ужимкой)*. Он?.. Где ему!

Клара. Так кто ж?

Антониетта. На что тебе?

Клара. Ты должна во всем мне сознаваться... Скажешь?

Антониетта *(молчит и ласкается к сестре)*.

Клара *(слегка отталкивая ее)*. Я не шучу... прошу отвечать на мой вопрос...

---

[1] Вы любезны — вы ⟨прекрасны⟩

Антониетта. Я сама сложила эту песенку.

Клара. Ты? Быть не может. Ты лжешь. Ложь — смертный грех...

Антониетта. Будто?

Клара. Я приказываю тебе...

Антониетта (*перебивая ее*). Да на что́ вам [1]...

Клара (*возвышая голос*). Я приказываю вам слушаться меня...

Антониетта (*молчит*).

Клара. Как я вижу, тебе нельзя жить у меня. Ты занимаешься одними глупостями. В твои годы ты уже думаешь — бог знает о чем ты думаешь... Я тебя отдам — года на два — в монастырь. Я давно об этом думала. За тобой нужен присмотр, строгий присмотр, а мне некогда. Прошу не смеяться... Я тебя отдам в монастырь. Непременно... сейчас... Чему ты удивляешься? Я сейчас напишу записку к настоятельнице... или нет: к Фабиану. (*Она прикладывает руку к колокольчику.*)

Антониетта. Душа моя, сестра, Клара, не гневайся... Я буду слушаться тебя [2], не буду заниматься глупостями...

Клара. Так кто ж тебя научил этой песенке?

Антониетта (*молчит*).

Клара. Сегодня ж я отправлю тебя в монастырь.

Антониетта. Не отправишь.

Клара. Посмотрим... (*Проворно пишет записку.*) Посмотрим. (*Звонит в колокольчик... входит негр.*) К Фабиану! (*Негр выходит.*) Я докажу целому свету, что я ваша старшая сестра...

Антониетта. Целыми шестью годами.

Клара. Антониетта, не сердите меня...

Антониетта. Ну полно, Клара, помиримся.

Клара. Подите прочь.

Антониетта. И будто ты можешь расстаться с своей Антониеттой? Кто же будет угождать тебе, смешить тебя, говорить с тобой о Фабиане.. кто же будет читать тебе по вечерам книжки, заплетать твою густую косу?.. А, скажи? Кто?

Клара (*несколько смешавшись*). А всё-таки я тебя отправлю в монастырь.

---

[1] тебе [2] *Далее зачеркнуто:* я не забуду

Антониетта. Фабиан[1] за меня заступится. Он такой добрый... Клара, не правда ли, какая у него милая улыбка... как усы к нему пристали... как он любит тебя[2]! *(Вздыхает.)*

Клара. Ты меня не обморочишь.

Антониетта. Я тебя не понимаю, Клара... Дай мне руку... Не хочешь? Погоди ж[3]... Фабиан придет — я ему пожалуюсь на тебя... Он не такой, как ты, он никогда не сердится[4]... Да уж не он ли это... *(Прислушивается.)* Нет, не он.

Клара. Антониетта, выбрала ты ему перья на шляпу?

Антониетта. Как же... я сама ездила вчера за ними в город... Клара, ты не сошлешь меня в монастырь?

Клара. Ну, посмотрим, посмотрим. *(Антониетта с жаром ее обнимает.)* Сознайся[5], плутовка, ты нарочно заговорила о Фабиане.

Антониетта. Конечно... надобно ж было чем-нибудь отвратить грозу.

Клара. И ты мне всё-таки не сказала[6]...

Антониетта *(перебивая ее)*. Ну полно, полно... *(Подходит к окну.)* Какая прекрасная ночь! А Фабиан всё не идет...

Клара. Не идет...

Антониетта *(прислушив⟨ается⟩)*. Он... нет, не его походка...

Клара. Достань какую-нибудь книжку — прочти мне что-нибудь. Я сегодня в таком волнении... Боже мой, как этот несносный попугай кричит!

Антониетта. Да.

Клара. Неужели ж нельзя заставить его замолчать...

Антониетта. Очень легко.

Клара. Ах, сделай одолжение.

Антониетта *(достает попугая и проворно отвертывает ему шейку)*. Вот — теперь не будет кричать.

---

[1] *Было начато:* А я по⟨прошу⟩ [2] меня [3] Фабиан [4] *Далее зачеркнуто:* Он так мил, так ласков [5] А ведь ты [6] *Далее зачеркнуто:* мне

К л а р а. Ай! что ты сделала? Сумасшедшая, злая девчонка — ты убила моего попугайчика [1]...

А н т о н и е т т а. Но ты сама...

К л а р а. Оставь меня [2], оставь меня! *(Плачет.)* Бедная птичка! [3] ножки [4] у ней еще дрожат... *(Обр⟨а-щаясь⟩ к Ант⟨ониетте⟩.)* Ступай вон, я не могу смотреть на тебя.

А н т о н и е т т а *хочет идти... Вх⟨одит⟩ паж* [5].

П а ж *(докладывает).* Господин Фабиан...

К л а р а. Он пришел?.. Проси его.

П а ж. С ним еще кто-то.

К л а р а. Кто это?

П а ж. Не знаю-с.

К л а р а. Ну, всё равно — проси их... Я сейчас приду... Бедный мой попугайчик [6]. *(Уходит.)*

А н т о н и е т т а *(прячется [7] за дерево).*

Вх⟨одят⟩ Фабиан и Валерий.

В а л е р и й *(медленно доходит до середины комнаты, внимательно оглядывается и говорит с расстановкой Фабиану).* Хорошо... хорошо... очень хорошо. Ты человек со вкусом.

Ф а б и а н *(краснея от удовольствия).* Валерий, такая похвала...

В а л е р и й *(мед⟨ленно⟩ и торжественно).* Ты знаешь, я человек откровенный и строгий. Я не щажу никого — никого. Но... эта комната мне нравится. Во всём, что я здесь вижу, заметен вкус; умный вкус — не восторженный, не преувеличенный вкус — нежный, тонкий [8] вкус. *(Возвышая голос.)* Ты человек мыслящий, Фабиан... Цвет этого заката, может быть, несколько ярок... но впрочем, может быть, ты прав. Вот этот столик надобно принять: он слишком вычурен, не годится. *(Фабиан бросает столик за окошко.)* Здесь накурено. Напрасно. Запах куренья — хоть превосходного...[9] *(нюхает)* действительно превосходного — не вполне согласуется с свежим безыскусственным запахом роз. Впрочем, я доволен. Хорошо, весьма хорошо.

---

[1] *Далее зачеркнуто:* подарок Фабиана [2] *Далее зачеркнуто:* ступай вон [3] *Далее зачеркнуто:* целует ее [4] лапки [5] *негр Фабиана* [6] бедная птичка [7] *садится в* [8] стройный [9] прекрасного

Я, я, Валерий, говорю тебе, Фабиан: ты человек со вкусом.

Фабиан *(жмет ему руку)*.

Валерий. Но где же... она?

Фабиан. Она сейчас явится. *(Идет к двери направо, к нему навстречу выходит Клара.)*

Фабиан. Клара, представляю тебе Валерия, моего лучшего друга.

Валерий *(молча кланяется ей и оглядывает ее с ног до головы; Клара с удивлением смотрит на него; Фабиан в волненье)*. Брависсимо, Фабиан, брависсимо! *(Подходит к Кларе.)* Позвольте мне поцеловать вашу руку.

Фабиан *(тихо Кларе)*. Клара! я в восторге!

Клара. Но, Фабиан, я, право...

Фабиан *(к Кларе)*. Видно, что ты не здешняя. Кто в городе не знает Валерия, знаменитого, великого Валерия! Законодателя в области изящного, глубокого, тонкого знатока Валерия! Клара, перед тобой стоит человек...

Валерий *(перебивая его)*. Которому приятнее было бы сидеть... И потому — сядем. *(Они садятся; обр⟨ащаясь⟩ к Кларе:)* Прекрасная женщина, вы на меня смотрите с удивлением и с любопытством — как на весьма странного чудака. Я, действительно, чудак. Я влюблен, пламенно влюблен во всё прекрасное — и потому прошу вас, считайте меня с нынешнего вечера в числе ваших искреннейших обожателей... Не бойтесь, Фабиан вас ревновать ко мне не станет: я безвредный чудак. Но прекрасное, по-моему, должно быть прекрасным; я люблю наслаждаться...

ВЕЧЕРИНКА

Сцена[1]

Париж. Август 1848.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Михайла Александрович Беляев, 20 лет[2].	студенты
Николай Семенович Долинский, 19 лет[3].	
Василий Иваныч Вербин, 23 лет[4].	
Блех, 17 лет[5].	
Щитов, 32 лет.	
Аполлон Субботин, 26 лет.	
Копотенко, 28 лет.	

Катя, 20 лет.

Терентий, слуга Вербина, 55 лет.

Действие происходит на квартире Вербина, в Москве, в 183... году.

Театр представляет комнату холостого студента; вдоль стен[6] стоят стулья, два дивана[7], комод; две медные лампы горят на стенах[8]. На авансцене направо — большой[9] круглый стол, покрытый скатертью[10]. Прямо дверь в переднюю; налево — в кабинет.
На одном из диванов лежит Вербин и читает книгу...[11]

Вербин[12] *(опускает книгу и поднимает голову)*. Терентий!.. Терентий!

Голос Терентия *(из передней, не без усилья)*[13]. Чего изволите?

Вербин *(про себя)*. Каков скот! Который час, Терентий?

Голос Терентия *(после продолжительного молчанья)*. Девятый-с.

Вербин *(про себя)*. Невыносимый ответ! *(Громко.)* Да сколько девятого?

---

[1] Комедия в 1-м действии [2] 22 лет. [3] *а)* 25 *б)* 23 лет [4] *а)* 22 *б)* 19 лет. [5] 18 лет. [6] *Вместо:* вдоль стен — *было:* по стене [7] *Далее зачеркнуто:* — один на авансцене, большой. [8] две медные ∽ стенах — *вписано.* [9] *После:* большой — *было начато:* отде⟨...⟩ [10] покрытый скатертью — *вписано.* [11] *Далее зачеркнуто:* Терентий становит на стол блюда и бутылки. [12] *После:* В⟨ербин⟩ — *было: а) пероста⟨ет читать⟩ б) ро⟨няет книгу⟩* [13] *не без усилья — вписано.*

53.

Вечеринка.

2

«ВЕЧЕРИНКА». ПЕРВАЯ СТРАНИЦА НЕОКОНЧЕННОЙ КОМЕДИИ. АВТОГРАФ И. С. ТУРГЕНЕВА.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).

Терентий[1] *(входит)*. Чего изволите-с?

Вербин. Сколько девятого, я спрашиваю?

Терентий *(медленно возвращается в переднюю и отвечает оттуда)*. Без четверти восемь [2].

Вербин. Без четверти восемь? Что ж это никто не идет? *(Опять принимается за книгу и вдруг*[3] *восклицает*[4]*.)* Терентий!

Голос Терентия. Чего извольте-с?

Вербин. Ведь сегодня суббота.

Голос Терентия *(после долгого молчанья)*. Суббота-с...

Вербин *(подумав немного)*. Придут... *(В передней раздается стук.)* Ну, наконец... *(Опирается на локоть, своpачивает голову и глядит на дверь. Входят Копотенко*[5] *и Блех.)* Здравствуйте, господа... Что так поздно?

Копотенко. Здравствуй, Вася. Что за поздно? *(Оглядывается.)* Мы первые [6].

Блех. Здравствуйте, Василий Иваныч.

Вербин. Я удивляюсь, что́ другие делают. Ну что нового?

Копотенко. Ничего... *(Набивает себе трубку.)* Ничего нового [7]. Тетка, неблагородная, мне из деревни письмо написала, поздравляет с днем ангела — а денег не высылает, говорит — на мужиков погорелых пошли... А ну ее совсем!

Вербин. Да разве у тебя тетка именьем управляет?

Копотенко *(помолчав)*. Именьем? Шестнадцать душ — это по-твоему — именье? Тетка. Надоела она мне — ты не поверишь. *(Указывая*[8] *на свой затылок.)* Вот где она у меня сидит, эта тетка. Да выжить-то [9] ее нет никакой возможности — вот что.

---

[1] *Перед:* Т⟨ерент⟩ий — *было:* Гол⟨ос⟩ [2] *Вместо:* без четверти восемь *было: а)* восемь часов и пять... *б)* с четвертью восемь [3] *Перед:* вдруг — *было:* потом [4] *спр⟨ашивает⟩* [5] Колотенко [6] *а)* Здравствуй, Вася. Какое поздно, коли первые пришли. *б)* Здравствуй, Вася. Что́ за поздно? *(Оглядывается.)* Да еще мы первые. [7] *Далее было: а)* Дядя, подлец, пишет из деревни, что денег нету: выслать нечего *б)* тетка, неблагородная, пишет из деревни; денег мне [высылать] выслать не может; говорит — [нету] [вс⟨е⟩] на мужиков погорелых пошли... *в)* тетка, неблагородная, мне из деревни пишет, с праздником поздравляет [8] *показывая* [9] выжить

В е р б и н *(Блеху)*. Ну, а вы как[1] поживаете?

К о п о т е н к о. Что ты его спрашиваешь? Разумеется, хорошо. Его отец — немец, чиновник, живет в Петербурге и на купеческой дочери женат. Чего еще? Жалованье свое получает он аккуратно

ЖЕНИХ

Ком⟨едия⟩ в 3-х действиях[2]

1. П о д о б а е в, А н т⟨о н⟩ А н т о н ы ч, помещик.
2. П о д о б а е в а, А г р а ф е н а[3] А н т о н⟨о в н а⟩, его жена.
3. П о л и к с е н а А н т о н о в н а, дочь их.
4. К а р п е т к и н а[4], М а т р е н а С е м е н о в н а, соседка.
5. В о б ц е в, В о и н О с и п ы ч, сосед.
6. Л у п о б е р о в, В и к т о р А р д а л и о н ы ч, сосед.
7. Л у ш и н, В а с и л и й М и х а й л ы ч.
8. З а х а р, слуга.
9. М а р ф у ш к а — девка.

17-й №

К⟨омедия⟩ в 1 а⟨кте⟩

1. Ч у п ч и ч а й л о в, И л ь я И л ь и ч[5], отс⟨тавной⟩ гус⟨арский⟩ оф⟨ицер⟩[6], 27 л⟨ет⟩.
2. К о б е н и у с, Ф е д о р[7] Ф о м и ч — 22-х ⟨лет⟩.
3. С в е р б и ш к и н, купчик, 24 л⟨ет⟩.
4. Б о б о ш а — 21 г⟨од⟩.
5. М у х л е в, С а в е л и й К у з ь м и ч — 51 г⟨од⟩.
6. М у х л е в а, О л и м п и а д а К и р и л л о в н а — 44 л⟨ет⟩.
7. А в д о т ь я[8] С а в е л ь е в н а, дочь их — 23 л⟨ет⟩. Ф у н ь ч и к, сын их, 6 л⟨ет⟩[9].
8. К а с с ъ я н[10], 40 л⟨ет⟩.
9. Д а ш а — 20 л⟨ет⟩.
10. А л е ш а[11] — 25.

---

[1] *Далее было:* в своих [2] в 2-х действиях [3] Глафира [4] *а)* Хлебаева *б)* Колотухина [5] *а)* Платон Антоныч *б)* Лукьян Спирид⟨оныч⟩ [6] отс⟨тавной⟩ гус⟨арский⟩ оф⟨ицер⟩ — *вписано.* [7] Фома [8] Клеопатра [9] Фуньчик, сын их, 6 л⟨ет⟩ — *вписано.* [10] *Так в подлиннике.* [11] Алешка

КОМПАНЬОНКА

Комедия в пяти действиях

Начата 23-го марта 1850 в Париже
Кончена —

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

1. Глафира Ивановна Званова, богатая помещица, вдова — 50 лет.
2. Дмитрий Петрович Званов, ее сын, 26 лет.
3. Катерина Федоровна Халабанская[1], бедная генеральша, на хлебах у Звановой, 40 лет.
4. Елизавета Михайловна[2], компаньонка, 24 лет.
5. Нилушка, юнкер, protégé г-жи Звановой, 20 лет.
6. Платон Егорыч Чигасов[3], надворный советник в отставке, 40 лет[4].
8. Федор Маркелыч Моржак-Лендрыховский, сосед, 48 лет.
9. M-r Dessert, бывший учитель Званова, 60 лет.
10. Сергей Сергеич[5], небогатый сосед, 45 лет.
11. Авдотья Кузьминична[6], жена его, 42 лет.
12. Кинтилиан, управляющий — 50 лет.
13. Метр-Жан (он же и Свергибус), дворецкий, 65 лет.
14. Léon, секретарь, 26 лет.
15. Васильевна, старуха-приживалка, 60 лет.
16. Авдотья Никитишна, главная служанка, 30 лет.
17. Пуфка, девушка, 8 лет[7].
    Маша, девушка, 14 лет.
18. Суслик, мальчик, 15 лет.
19. Василий Васильевич Званов, двоюродный брат покойного мужа Глафиры Ивановны — 44 лет[8].

Действие происходит в селе Воскресенском, родовом именье г-жи Звановой.

---

[1] *Далее зачеркнуто:* проживающая [2] Васильевна *Далее зачеркнуто:* Баум [3] *Далее зачеркнуто:* отставной [4] *Далее зачеркнуто:* 7. Кирила Бензоаров, армейский подпоручик — 28 лет [5] *Далее зачеркнуто:* Подоклюев [6] *Далее зачеркнуто:* Подоклюева, соседка [7] *Возможно, что это описка, следует читать: 18 лет* [8] 19. Василий Васильевич ∽ 44 лет — *вписано на полях между справками о 2 и 3 персонажах.*

ПЕРЕЧЕНЬ НАПИСАННЫХ, НАЧАТЫХ И ЗАДУМАННЫХ ПЬЕС, СДЕЛАННЫЙ НА ЗАГЛАВНОМ ЛИСТЕ ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ «ДНЕВНИКА ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА» (1851 г.).

Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ПЕРЕЧНИ НАПИСАННЫХ, НАЧАТЫХ И ЗАДУМАННЫХ ПЬЕС

⟨1⟩

Драматические очерки
Париж. Июль 1848.

⟨2⟩

1.	Неос⟨торожность⟩	⟨—1⟩
2.	Безд⟨енежье⟩	⟨—1⟩
3.	Г⟨де⟩ т⟨онко⟩, т⟨ам⟩ и рв⟨ется⟩	—1
4.	Нах⟨лебник⟩	—2
5.	Хол⟨остяк⟩	—3
6.	Зав⟨трак⟩ у пр⟨едводителя⟩	—1
7.	Студент	—5
8.	Компаньонка	—5
9.	Жен⟨их⟩	—2
10.	17 №	—1
11.	2 сестры	—2
12.	Судьба	—5

29 А⟨ктов⟩.

⟨3⟩

[1.]	Где тонко, там и рв⟨ется⟩	—1 А⟨кт⟩
[2.]	Неос⟨торожность⟩	—1 А.
[3.]	Безд⟨енежье⟩	—1 А.
[4.]	Нах⟨лебник⟩	—2 А.
[5.]	Зав⟨трак⟩ у пр⟨едводителя⟩	—1 А.
[6.]	Холостяк	—3 А.
[7.]	Студент	—5 А.
	Друг дома	—3 А.
	Вечеринка	—1 А.
	Две сестры	—2 А.
	Судьба	—5 А.
	[Недораз⟨умение⟩]	—2 А.
	[Жених]	
	17-й Нумер	—1 А.
	Вор	—1 А.
	[8.] Провинциалка	—1 А.

ПРИМЕЧАНИЯ

ДРАМАТУРГИЯ И. С. ТУРГЕНЕВА

Драматургия составляет особую и существенную часть творческого наследия И. С. Тургенева. Тургенев не только автор нескольких шедевров, вошедших в золотой фонд русского классического репертуара и завоевавших признание деятелей и теоретиков международного театра, он создал свою драматургическую систему. Несмотря на споры, которые велись в течение десятилетий вокруг вопроса о сценичности пьес Тургенева, споры, порожденные глубокой оригинальностью художественных принципов его драматургии, творчество Тургенева оказало заметное влияние на развитие русской драматической литературы и театра.

Работа над произведениями в драматическом роде составила важный этап в творческом развитии Тургенева. Театр, связанные с ним литературные жанры: драматургия, диалоги, предназначенные для концертного исполнения, оперные либретто, театральная критика — живо интересовали Тургенева на протяжении всей его жизни. Однако совершенно определенный период — 1840-е годы, в особенности же конец десятилетия и начало 1850-х годов — были временем наиболее интенсивной деятельности писателя в области драматургии, наиболее углубленных его размышлений над вопросами истории и теории драмы.

Сороковые годы принесли Тургеневу первые серьезные литературные успехи. Робкий неофит, сознававший незрелость своих литературных опытов в конце 1830-х годов, в конце следующего десятилетия он был уже одним из выдающихся писателей, автором, произведения которого воспринимались как события в художественной и умственной жизни общества.

В 1840-х годах получила признание поэзия Тургенева и совершился его переход к повествовательной прозе. В это время сложились основные черты его творческой манеры как рассказчика, новеллиста и сформировался принесший ему славу цикл «Записок охотника». Здесь Тургенев сумел выразить свое последовательное категорическое неприятие крепостнических отношений, выступил как горячий защитник крестьян, тонкий наблюдатель и поэт народной жизни. Сороковые годы были временем

наибольшего сближения Тургенева с демократами, знакомства и общения с Белинским и Герценом, увлечения Фейербахом. Беседы с Белинским, влияние великого критика, «пророка» молодых писателей-реалистов, ощутимо в ряде рассказов «Записок охотника». Отголоски этого влияния можно усмотреть и в драматургии Тургенева. Современное состояние драматургии не удовлетворяло Белинского: «Драматическая русская литература представляет собою странное зрелище,— писал он в 1845 году.— У нас есть комедии Фонвизина, „Горе от ума“ Грибоедова, „Ревизор“, „Женитьба“ и разные драматические сцены Гоголя — превосходные творения разных эпох нашей литературы и, кроме них, нет ничего» [1]. Это, опубликованное в конце 1845 г., суждение Белинского и другие аналогичные его высказывания [2] имел в виду Тургенев, ссылаясь на мнение «Отечественных записок» как на совпадающее со своим: «Мы не станем повторять уже не раз высказанные на страницах „Отечественных записок“ мнения о Фонвизине, Грибоедове и Гоголе: читатели знают, почему первые два не могли создать у нас театра; что же касается до Гоголя, то он сделал всё, что возможно сделать первому начинателю, одинокому гениальному дарованию: он проложил, он указал дорогу, по которой со временем пойдет наша драматическая литература; но театр есть самое непосредственное произведение целого общества, целого быта 〈...〉 Семена, посеянные Гоголем,— мы в этом уверены,— безмолвно зреют теперь во многих умах, во многих дарованиях» (наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 236—237). Так сформулировал Тургенев в 1846 году свои взгляды на положение русского театра и задачи драматургов. Он был убежден, что кризис театрального репертуара может быть преодолен усилиями писателей, стоящих на уровне современного развития литературы, высшим достижением которой в области драматургии ему представлялись пьесы Гоголя. Из среды последователей Гоголя, утверждал Тургенев, выдвинутся авторы, которым суждено будет обновить репертуар театра. Себя он причислял к писателям этого направления и перед собою ставил определенные серьезные задачи, в решении которых, впрочем, как он думал, он будет поддержан литераторами одного с ним поколения и сходных творческих устремлений.

Важное место в системе взглядов Тургенева 1840-х годов занимала высказанная им в статье о драме С. А. Гедеонова «Смерть Ляпунова» мысль о том, что явления искусства порож-

---

[1] *Белинский*, т. 9, с. 346.
[2] Там же, т. 7, с. 83, т. 8, с. 65 и др.

даются и определяются исторической жизнью общества. Через все его критические статьи как лейтмотив проходит утверждение, что достоинства и недостатки произведений искусства, в особенности же драматических произведений, суть зеркало отношений и взглядов народа в определенную эпоху его исторического бытия. Капитальным недостатком драмы Гедеонова Тургенев считает ее подражательность, мозаичность, многочисленные заимствования из отечественной и зарубежной драматургии, которые могут быть обнаружены в ее тексте и, свидетельствуя о начитанности автора, вместе с тем говорят о полной его несостоятельности как художника; «...только живое нас занимает, а всё механически составленное — мертво» (там же, с. 240).

Особенность подхода Тургенева к проблеме формирования новой реалистической русской драматургии состояла в том, что, основываясь в своих творческих опытах на изучении художественного наследия великих писателей разных народов и эпох, он искал путей развития самобытного искусства, стремился найти свой собственный и соответствующий духовным потребностям своих современников и соотечественников стиль драматургии. Пропагандируя русскую литературу, в частности драматургию, на Западе в течение десятилетий, Тургенев никогда не шел по пути ее приспособления к вкусам и привычкам западного читателя и зрителя, а подчеркивал, разъяснял ее неповторимое своеобразие [1].

Творчество Шекспира было для Тургенева не только источником величайших художественных идей, не только образцом постижения драматизма истории, но и сокровищницей мыслей о человеческой природе и закономерностях исторической жизни людей [2]. Тургенев ощущал глубокое внутреннее родство между устремлениями русской реалистической литературы и творчеством Шекспира и даже между личностью Шекспира и характерными чертами русского народа, выразившимися в его культуре: «...может ли не существовать особой близости и связи между ⟨...⟩ поэтом, более всех и глубже всех проникнувшим в тайны жизни, и народом, главная отличительная черта которого ⟨...⟩ состоит в почти беспримерной жажде самосознания, в неутомимом изучении самого себя,— народом, так же не щадящим собственных

[1] См.: Алексеев М. П. И. С. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе.— В кн.: Труды Отдела новой русской литературы. 1, М.; Л., 1948, с. 61—80.

[2] См.: Левин Ю. Д. Шестидесятые годы.— В кн.: Шекспир и русская культура./Под ред. акад. М. П. Алексеева. М.; Л., 1965, с. 450—472.

слабостей, как и прощающим их у других,— народом, наконец, не боящимся выводить эти самые слабости на свет божий, как и Шекспир не страшится выносить темные стороны души на свет поэтической правды, на тот свет, который в одно и то же время и озаряет и очищает их?» Задавая в своей речи о Шекспире (1864) этот риторический вопрос, Тургенев подразумевал наличие подобной связи. При таком понимании сути шекспировского творчества Шекспир и Гоголь оказывались не бесконечно далекими, а сопоставимыми и даже в некоторых отношениях близкими друг другу явлениями мировой культуры. Один воплощал гений трагедийного творчества, другой — комедийного.

В начале своей деятельности Тургенев, охваченный романтическими настроениями и увлеченный романтической литературой, тяготел к трагическим темам и трагедийным жанрам. Набираясь литературного опыта, он работал над переводами «Отелло» и «Короля Лира» Шекспира, причем переводил эти трагедии не целиком, а выборочно, с целью изучения Шекспира и освоения литературных приемов драматургии. Переводил юный автор и «Манфреда» Байрона. Под впечатлением этого произведения он написал свое первое произведение — драматическую поэму «Сте́но» (1834).

И. Г. Ямпольский указал, что в «Сте́но», помимо влияния Байрона, сказывается воздействие на писателя драматической фантазии Н. В. Кукольника «Торквато Тассо», ультраромантического произведения, которое удостоилось положительной оценки В. К. Кюхельбекера и В. Г. Белинского. Вместе с тем он отметил, вслед за М. О. Гершензоном и А. Е. Грузинским, черты творческой оригинальности Тургенева, проявившиеся уже в первом его произведении: образ рефлектирующего героя и относительная реальность, конкретность обстановки действия [1].

Изучая на протяжении многих лет и почитая Шекспира, Тургенев никогда не делал попытки создать драматическое произведение в его роде. Он давал интерпретацию образов Шекспира в рассказах конца 1840-х — начала 1850-х годов, в одном из них он вспоминал об исполнении П. С. Мочаловым роли Гамлета («Петр Петрович Каратаев»). Но и в рассказах 40-х годов, и позднее, в повестях и романах 1860—1870-х годов, намекая на шекспировские аналоги характеров своих героев, он подчеркивал и своеобразие изображенных им лиц, отличие их от типа, с кото-

---

[1] Ямпольский И. Г. Поэзия И. С. Тургенева.— В кн.: *Т, Стихотворения и поэмы, 1970*, с. 8—9; Гершензон М. О. Мечты и мысль И. С. Тургенева. М., 1919, с. 14—16; Грузинский А. Е. И. С. Тургенев. М., 1918, с. 24.

рым они могут быть сопоставлены. «Гамлет Щигровского уезда», «Степной король Лир» — в этих заглавиях сближение с образами Шекспира сочетается с противопоставлением им. Попытки современных ему драматургов воспользоваться творчеством Шекспира как образцом для подражания или источником для заимствования испытанных театральных эффектов вызывали у Тургенева раздражение: «Тень Шекспира тяготеет над всеми драматическими писателями, они не могут отделаться от воспоминаний; слишком много эти несчастные читали и слишком мало жили ⟨...⟩ Ото всех создаваемых ныне произведений разит литературой, ремеслом, условностью»,— писал он в 1847 году [1].

Сознавая художественное несовершенство и подражательность своего первого произведения, Тургенев, тем не менее, не утратил полностью к нему интереса. Он дважды обращался к знатокам литературы — своим университетским учителям — с просьбой дать оценку драматической поэме «Сте́но», в надежде, что «по первому шагу можно ⟨...⟩ предузнать будущее» [2]. Через восемь лет после завершения «Сте́но» он возвратился к образу одного из героев этого произведения — монаха Антонио — и сделал попытку создать драму с этим лицом в качестве главного персонажа. Уже в «Сте́но» центральным эпизодом является своеобразное «искушение» монаха-аскета встречей с грешником и воспоминанием о любимой женщине. В «Искушении святого Антония» эти мотивы видоизменяются. Однако образ монаха Антония, а также характер драматургии пьесы: обилие лирических монологов, участие фантастических фигур и персонифицированных сил природы в действии — свидетельствуют о том, что эти произведения близки не только в сюжетном, но и в стилистическом отношении.

Л. П. Гроссман отметил совпадение заглавия пьесы Тургенева и комедии П. Мериме в цикле «Театр Клары Газуль» — «Женщина-дьявол, или Искушение святого Антония» («Une femme est un diable où La tentation de saint Antoine»).

Основываясь на сходстве этих заглавий и на указании Тургенева в предисловии к неоконченной драме «Две сестры» (1844), утверждавшего, что он хочет эту пьесу выполнить в стиле «Театра Клары Газуль», Гроссман и «Искушение святого Антония» относит к разряду «подражаний» Тургенева Мериме, полагая, что «Искушение святого Антония» составляет единство с другими

[1] Письмо к П. Виардо от 26 ноября (8 декабря) 1847 г.; цит. в переводе с французского (см.: наст. изд., Письма, т. I).

[2] Письмо к А. В. Никитенко от 26 марта (7 апреля) 1837 г. (там же).

задуманными писателем одноактными пьесами: «Неосторожность» (1843) и «Две сестры». Эти три произведения, по мнению исследователя,— «трилогия Тургенева из коротких пьес о страсти, ревности и смерти, выдержанных в характерной манере знаменитой литературной мистификации» [1].

Однако одноактные пьесы «Неосторожность» и «Две сестры» явно не могут быть объединены в «трилогию» с «Искушением святого Антония». Сам автор, очевидно, смотрел на эти свои замыслы как на произведения нового этапа творчества и работал над ними, отказавшись от мысли написать «Искушение святого Антония». Это видно из того, что он перенес из этой драмы куплеты в пьесу «Две сестры», приспособив их к новому контексту. «Неосторожность» и «Две сестры» в отличие от «Искушения святого Антония» написаны прозой. Реальное изображение в них жизни, отсутствие фантастических эпизодов резко отличает их от «Искушения...» Характерно, что в перечне написанных, начатых и задуманных пьес, составленном Тургеневым в 1849 году, присутствуют «Неосторожность» и «Две сестры». Пьесы эти стоят в списке не рядом, так как писатель сначала поместил в нем уже написанные, а затем незавершенные или лишь задуманные пьесы.

От намерения завершить драму «Две сестры» Тургенев не отказался и позже: в списке пьес и замыслов 1850 г. это название также имеется. «Искушение...» же отсутствует в обоих списках.

«Неосторожность» и «Две сестры» по своему стилю, действительно, близки к «Театру Клары Газуль». Испано-итальянский колорит обстановки, быстро развивающаяся интрига и катастрофическая развязка — все эти особенности драматургии, воплощенные в «Неосторожности» и намеченные в «Двух сестрах», соответствуют духу «Театра Клары Газуль». Однако, иронизируя в предисловии к драме «Две сестры» по поводу своего «подражания» Мериме, Тургенев фактически ориентировался в своих маленьких пьесах на опыт не одного писателя, а на более широкий круг драматических произведений в качестве образца. При этом он не столько подражал, сколько искал собственный путь в драматургии, экспериментировал и пытался противопоставить свой ори-

---

[1] Гроссман Л. П. Драматургические замыслы И.С. Тургенева.— Изв. АН СССР, ОЛЯ. 1955, т. 14, вып. 6, с. 552. Ю. Г. Оксман более категорично, чем Гроссман, утверждает зависимость «Искушения святого Антония» Тургенева от пьесы Мериме «Женщина-дьявол». Без достаточных оснований он говорит о пьесе Тургенева как о «переделке одноименной комедии Мериме» (Оксман Ю. Г. «Сцены и комедии».— В кн.: *Т, ПСС и П*, *Сочинения*, т. 2, с. 540, 550).

гинальный стиль творчеству своих предшественников. В этих своих поисках Тургенев не обошел вниманием «Маскарад» Лермонтова (сцена убийства Долорес) и маленькие трагедии Пушкина. Уже в «Искушении святого Антония», в сцене ужина у Аннунциаты, ощутимо несомненное воздействие «Каменного гостя». В «Неосторожности» усвоение стиля маленьких трагедий Пушкина более органично. Оно сказывается в стремлении молодого писателя к объективности, к тому, чтобы полностью скрыться за героями и придать реальность театральному действию. Подобно Пушкину, Тургенев тяготеет к постановке общечеловеческих социально-психологических проблем. Он не увлечен национальной экзотикой, изображением эффектных картин быта ушедших исторических эпох или специфических нравов, присущих одной стране и чуждых зрителям другой страны, для которых предназначается пьеса. Напротив, он ищет тех общих, существенных основ драматических коллизий, которые сближают зрителей с героями и возбуждают сочувствие первых к последним. В статье о «Фаусте» Гёте в переводе М. Вронченко (1845) Тургенев утверждал: «⟨...⟩ нам теперь нужны не одни поэты... мы ⟨...⟩ стали похожи на людей, которые при виде прекрасной картины, изображающей нищего, не могут любоваться „художественностью воспроизведения", но печально тревожатся мыслию о возможности нищих в наше время» (наст. изд., Сочинения, т. I, с. 219).

Подобно Мериме, Тургенев рассматривает инквизицию как характерную черту испанского быта. Однако если для Мериме жизнь Испании прежде всего экзотична и инквизицию он изображает нарочито театрально, создавая романтическую картину «суда в подземелье», то для Тургенева инквизиция — традиционно-официозное мировоззрение общества, порабощенного церковью и бюрократией, превращающей каждый частный дом в застенок. Конфликты испанского быта, которые Тургенев представил в своей ранней пьесе, выходили за пределы возможного и серьезного лишь для одной страны и одной эпохи. В «Неосторожности» и незаконченной пьесе «Две сестры» писатель разработал некоторые драматические ситуации и приемы, к которым затем неоднократно возвращался.

Сюжет «Неосторожности» имеет мнимо традиционный характер. И зрители, и герои пьесы воспринимают происходящие в ней события в духе определенных литературных и бытовых стереотипов. По традиции они готовы случайного собеседника молодой женщины счесть за ее любовника, а одержимого низкими страстями лицемера — за поборника нравственности. Внезапный взрыв событий, развязывающий узлы конфликта, обнаруживает

истинный смысл происходящего и раскрывает до конца характеры действующих лиц.

Сходным образом развивается действие в пьесах «Где тонко, там и рвется» (1847) и «Нахлебник» (1848). Явно выражен подобный ход действия в пьесе «Месяц в деревне» (1850), где часть героев так до конца и остается в полном неведении смысла внезапно разразившихся событий.

Кульминационным моментом в «Неосторожности» является нравственная пытка, которой подвергает донью Долорес дон Пабло, добиваясь от нее правды, чтобы обратить ее признание против нее и погубить ее. Аналогичные эпизоды имеют место в пьесах «Нахлебник» и «Месяц в деревне», причем в первой из этих пьес допрос с пристрастием ведет петербургский чиновник, в лицемерии и жестокости не уступающий испанскому чиновнику, изображенному в «Неосторожности». «...все чиновники похожи друг на друга»,— заметил Тургенев в 1847 году по поводу сходства нравов петербургских и парижских чиновников [1]. В незаконченной пьесе «Две сестры» впервые драматический конфликт был основан на соперничестве в любви двух родственно близких друг другу женщин разного возраста (ср. «Месяц в деревне»). Здесь же впервые появился образ «неопасного» платонического поклонника молодой женщины, слишком утонченного, чтобы быть непосредственным и решительным в чувстве. Образ Валерия, лишь намеченный в «Двух сестрах», этими своими чертами предвосхищает Горского («Где тонко, там и рвется») и Ракитина («Месяц в деревне»).

Отрицательное отношение к подражательности, мысль о самостоятельности как цели художника и признаке подлинного таланта проходит через все критические статьи и многие письма Тургенева 1840-х годов. «Глупый человек подражает рабски; умный человек без таланта подражает ⟨...⟩ с самым худшим изо всех усилий, с усилием быть оригинальным»,— писал он в 1848 г. [2] Стремление Тургенева сохранить свою самостоятельность по отношению к заинтересовавшему его театру Мериме выразилось в его обращении непосредственно к испанской драматургии.

В конце 1847 г. Тургенев читает произведения Кальдерона «само собою разумеется, на испанском языке». Сообщая об этом П. Виардо, он сопоставляет Кальдерона с Шекспиром и пытается определить особенности драматургической системы великого

---

[1] Письмо к П. Виардо от 23 декабря 1847 (4 января 1848) г.
[2] Письмо к П. Виардо от 18 (30) апреля.

испанца. Воплощенная в произведении Кальдерона грандиозная «драматическая концепция» отражает, по мнению Тургенева, эпоху, когда творил Кальдерон, и мировоззрение писателя и народа, сформировавшего его взгляды [1]. Характерно, что от размышлений о драматургии Кальдерона Тургенев непосредственно обращается к анализу современного театра. Утверждая, что художественные формы драматургии и масштаб идей и мироощущение писателя зависят от состояния общества, Тургенев делает вывод о том, что раздробленная, «распылившаяся» современная жизнь не может дать материала для грандиозных драматических концепций. Вместе с тем он не хочет мириться с господствующей на сценах Франции и оказывающей влияние на театр всех стран, в том числе и России, поверхностной драматургией. Он мечтает о трагедии с Прометеем в качестве героя и политической комедии аристофановского типа. Творческие поиски Тургенева были направлены на то, чтобы создать драматические произведения, соответствующие по своему стилю состоянию общества и в то же время выражающие социальные и исторические идеи большого масштаба.

Общественная жизнь России 40-х годов XIX века не создала условий для деятельности Прометея и не открыла пути для аристофановской сатиры. Однако в кругу молодых мыслителей и писателей, центр которого составлял Белинский, можно было наблюдать и бесстрашие анализирующей мысли, и самоотверженную преданность идеалам, и прометеевскую готовность жертвовать собой ради просвещения человечества, и фаустовскую страсть к истине. «Счастлив тот, кто может свое случайное создание (всякое создание отдельной личности случайно) возвести до исторической необходимости, означить им одну из эпох общественного развития ⟨...⟩ Одно лишь настоящее, могущественно выраженное характерами или талантами, становится неумирающим прошедшим»,— писал Тургенев в 1845 году (наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 219), в пору непосредственного дружеского общения с Белинским. Встречи и многочасовые разговоры с Белинским — «центральной натурой» эпохи («Воспоминания о Белинском» — наст. изд., Сочинения, т.11), знакомство с Герценом и другими

[1] См. письма к П. Виардо от 7(19) и 13(25) декабря 1847 г. О занятиях Тургенева творчеством Кальдерона и других испанских драматургов см.: Липовский А. Увлечение И. С. Тургенева Кальдероном.— Литературный вестник, 1903, т. 6, кн. 5, с. 33—37; Алексеев М. Тургенев и испанские писатели.— Литературный критик, 1938, № 11, с. 136—144; Zviguilsky A. Tourguénev et l' Espagne.—Revue de littérature comparée, 1959, t. 33, № 1, p. 50—79.

«людьми сороковых годов» открыли Тургеневу исторический образ времени, воплощенный в живых личностях.

Вопрос о театре принадлежал к числу эстетических проблем, вызывавших особый интерес в кругу философски мыслящих людей сороковых годов. Театр интересовал их как социальное явление. В этой связи Белинский посвятил специальную статью Александринскому театру в программном сборнике натуральной школы «Физиология Петербурга», а ряд писателей сороковых годов — Достоевский, Некрасов, Салтыков, Григорович, Панаев, Бутков и др.— в своих произведениях изображали театральные увлечения «маленьких людей» и восприятие спектаклей представителями демократических слоев города.

Театр привлекал внимание передовых литераторов этой эпохи и как искусство, которое особенно наглядно и эмоционально представляет реальную картину жизни и внушает зрителю определенное отношение к тому, «что ежеминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи» [1], искусство, дающее «заметить общие элементы нашего общества, двигающие его пружины» [2]. Гоголь был для них высшим авторитетом как теоретик и практик театра. Воплотив «всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров» [3] в своей общественной комедии, он придал осмыслению и художественному воссозданию ежедневного быта высокое эстетическое значение, показал, что комик может быть «разрешителем современных вопросов» [4].

Бытовая сценка — физиологический очерк в диалогической форме — стала в 1840-е годы излюбленным жанром авторов натуральной школы. Живую, устную речь они рассматривали как непосредственное отражение социального быта. В творчестве Тургенева-драматурга эта сторона интересов писателей круга, к которому он примыкал, нашла свое непосредственное воплощение. В середине 1840-х годов Тургенев записал ряд сюжетов, перенумеровав их. Возможно, что в этот список были внесены сюжеты, в разработке которых должны были принять участие несколько авторов [5]. Не исключено даже, что список сюжетов является первоначальным планом нового сборника натуральной школы или еще одного тома «Физиологии Петербурга». Обращает на себя вни-

---

[1] *Гоголь*, т. 6, с. 134.
[2] Там же, т. 8, с. 555.
[3] Там же, т. 6, с. 134.
[4] Там же, т. 8, с. 456.
[5] См.: Клеман М. К. Иван Сергеевич Тургенев. Очерк жизни и творчества. Л., 1936, с. 34; Шкловский В. Заметки о прозе русских классиков. М., 1955, с. 203.

мание то обстоятельство, что при многих сюжетах отмечается диалогическая, драматизированная форма задуманного очерка: четвертый сюжет сопровождается примечанием: «Тут можно поместить разговор с извозчиком», седьмой — припиской: «разговор при этом», в десятом отмечено: «об омнибусах, разговоры в них» (наст. изд., Сочинения, т.1, с.415). Напомним, что в «Физиологии Петербурга» был помещен очерк А. Я. Кульчицкого «Омнибус», содержавший разговоры пассажиров омнибуса.

Сам Тургенев начал было писать драматический очерк о ночном извозчике. Заглавие «Ванька» сопровождалось подзаголовком: «Разговор». Во второй половине 40-х годов, в одно время с выходом в свет программных изданий натуральной школы «Физиологии Петербурга», «Петербургского сборника» и других, Тургенев написал несколько драматических произведений — бытовых сцен, близких по стилю к физиологическим очеркам.

Исследователи драматургии Тургенева отмечают особое значение, которое имело для становления художественной системы писателя освоение достижений Гоголя-комедиографа и переосмысление их. Этот творческий процесс определялся идейно-художественными исканиями натуральной школы во главе с Белинским. Попытки внедрения в драматургию приемов физиологического очерка, которые делал в эти годы Тургенев, были важным звеном в разработке им новых форм драматического действия [1].

Утверждая, что в «Безденежье» (1845) Тургенева явно дает себя чувствовать стремление автора учиться у Гоголя, В. В. Виноградов видит проявление этой зависимости молодого драматурга от автора «Ревизора» прежде всего в языковых особенностях его произведения — в синтаксической организации и в лексике речи героев [2]. Следуя в тематике и подборе сюжетных ситуаций за Гоголем (изображение безденежья помещичьего сынка, промотавшегося в Петербурге, отношений между молодым барином и умудренным опытом крепостным слугой и т. д.), а в форме своей комедии учитывая образцы «малой драматургии» Гоголя («Утро делового человека», «Тяжба», «Лакейская»), Тургенев подходил к этим сюжетам как писатель новой генерации. Его интересова-

[1] Бердников Г. П. Иван Сергеевич Тургенев. М.; Л., 1951, с. 95—110, 141—142 и др.; Лотман Л. А. Н. Островский и русская драматургия его времени. 1961, с. 34—42; Винникова Г. Тургенев и Россия. Изд. 2-е. М.: «Советская Россия», 1977, с. 55—80.

[2] Виноградов В. В. Пародии на стиль Гоголя. — В кн.: Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. М., 1976, с. 275.

ли прежде всего социальные типы. Он стремился к острым бытовым характеристикам и к тому, чтобы создать полную иллюзию реальной жизни на сцене.

Тема положения неопытного и небогатого, но наделенного огромной амбицией молодого дворянина в Петербурге была одной из излюбленных в литературе натуральной школы. В одно или почти в одно время с Тургеневым этой теме посвятили свои произведения И. А. Гончаров («Обыкновенная история»), Я. П. Бутков («Кредиторы, любовь и заглавия», «Невский проспект, или Путешествие Нестора Залетаева»), Д. В. Григорович («Похождения Накатова, или Недолгое богатство», «Свистулькин»), а П. А. Федотов — свою картину «Завтрак аристократа».

Характерные проявления быта Петербурга, которые в «Ревизоре» Гоголя отражены в привычках, понятиях и образе жизни Хлестакова,— для писателей натуральной школы, посвящавших свои произведения и сборники последовательному и всестороннему литературно-социальному анализу быта столицы, представляли самостоятельный интерес; они делались содержанием очерков, повестей и пьес.

Тургенев не избег в своих «сценах из Петербургской жизни» использования некоторых водевильных приемов (вереница посетителей). Однако не следует забывать, что и Гоголь, энергичный и последовательный противник водевиля как жанра, в отдельных случаях применял комедийные приемы, традиционно присвоенные водевилем. К тому же русский, а отчасти и французский, водевиль к этому времени в целом ряде случаев проявлял тенденцию к усилению социальной типизации, приближался к бытовой комедии.

«Сцены» Тургенева не случайно носят название, отражающее постоянное положение героя, положение социально типическое. Юмор писателя направлен не на конъюнктурно-любопытные для публики театра ассоциации или веселые qui pro quo, как у водевилистов, а на ежедневный быт с его характерными ситуациями. Писатель черпает материал для комических эффектов из личных наблюдений. Поэтому тема безденежья трактуется им не без налета проникнутого юмором лиризма. По воспоминаниям современников, Тургенев — наследник большого состояния — во второй половине 40-х годов постоянно нуждался в деньгах. В. Н. Житова говорит о безденежье как постоянном положении молодого Тургенева — следствии скупости и самодурства его матери [1]. П. В. Анненков пишет, что Тургенев в 40-е годы «представлял из себя какое-то подобие гордого нищего, хотя и сознававшегося в

[1] *Житова*, с. 128.

затруднительности своего положения, но никогда не показывавшего приятелям границ, до которых доходили его лишения» [1].

«Безденежье», являясь драматическим этюдом из жизни Петербурга и социальным очерком о комических бедствиях молодого дворянина в столице, отличалось от большинства произведений такого жанра тем, что автор не был резко отделен от героя и противопоставлен ему как сатирик-наблюдатель. Таким образом, сценам Тургенева не была присуща описательность и сатирическая отрешенность, которую Достоевский устами героя «Бедных людей» Макара Девушкина расценивал как унижающую человека, ставшего объектом наблюдения и изображения. Впоследствии в комедии «Провинциалка» (1850) Тургенев опять прибег к такой форме юмористического сближения автора и героя. Иронически характеризуя графа Любина, он, вместе с тем, приписывает ему некоторые, широко известные черты собственной биографии (смерть матери — богатой помещицы, известной в губернии, приезд из столицы в имение, полученное по наследству от матери — Спасское).

Приобщение к литературным принципам натуральной школы способствовало совершенствованию мастерства сатирического бытописания Тургенева.

В «сценах из уездной жизни» «Завтрак у предводителя» (1849) Тургенев показывает столкновения, которые происходят в особой обстановке — в кругу дворян, вне их отношений с крестьянами, т. е. в отвлечении, казалось бы, от главного противоречия, главного конфликта крепостнической среды. Крепостное право, его вековые традиции, отражены здесь в характерах помещиков. Полное отсутствие у каждого из них сознания законности, укоренившаяся привычка ни с кем и ни с чем не считаться — атрофия понятия справедливости,— все эти черты, воспитанные бесконтрольно осуществляемой властью над крепостными крестьянами, являются источником комических эффектов пьесы. Жертвами крепостнических привычек здесь становятся сами их носители. Однако за комическими алогизмами поведения помещиков, не признающих никаких резонов, стоит трагический аспект социального эгоизма, ставшего законом поведения господствующего сословия. Сатира Тургенева и в этом произведении, и, очевидно, в этом произведении в очень большой степени, основывалась не только на личных наблюдениях, но и на «опыте сердца», на глубоких и далеко не «литературных» переживаниях. Во время своего конфликта с матерью, которую он очень любил, Тургенев по-

[1] *Анненков*, с. 384.

ражался алогичностью поведения умной В. П. Тургеневой, неразумностью ее эгоизма и самодурства, что, в конечном счете, и был вынужден ей высказать [1].

Сюжет «Завтрака у предводителя» был основан на реальных явлениях социального быта провинции: размежевания помещичьих земель, сопровождавшегося по большей части затяжными конфликтами. В программе «Записок охотника» сохранился заголовок «Размежевание». В «Записках охотника» тема размежевания затрагивается в рассказах «Два помещика», «Однодворец Овсянников». Однако в комедии «Завтрак у предводителя», сюжет которой целиком построен на попытке разрешить конфликт, возникший при размежевании земель, не имущественные отношения помещиков, а более общие социально-психологические проблемы определяют собою смысл произведения.

Тема попытки «полюбовного» соглашения наследников богатого помещика легла в основу пьесы А. Ф. Писемского «Раздел» (*Совр*, 1853). Писемский, в отличие от Тургенева, не рассчитывает на сложные ассоциации зрителя и не требует от него способности к тонкому анализу. Его герои просто одержимы желанием завладеть имуществом и пускаются на интриги и подкопы, чтобы захватить наследство. Их борьба и является содержанием пьесы.

На протяжении 1848—1849 гг. Тургенев создает две патетические комедии, непосредственно отражающие эволюцию натуральной школы во второй половине 40-х годов — «Нахлебник» (1848) и «Холостяк» (1849). Он переносит в драматургию патетику гуманной защиты личности маленького человека, впервые и особенно сильно прозвучавшую в романе «Бедные люди» Достоевского (опубликованном в «Петербургском сборнике», 1846 г.). Белинский отмечал в первом романе Достоевского соединение патетики, драматизма и юмора.

Ситуации романа Достоевского, восторженно и тонко истолкованные Белинским, освещали путь фантазии Тургенева к драматическому сюжету и образам «Нахлебника» [2]. В проблематике и стиле этого произведения наглядно проявилась характерная черта творчества автора. С присущей ему чуткостью к интересам

---

[1] См.: *Житова*, с. 137—139.

[2] См. *Белинский*, т. 9, с. 554. В. В. Виноградов отметил, что в психологической и речевой характеристике героев пьес Тургенева «Нахлебник» (Кузовкин) и «Холостяк» (Мошкин) ощутимо воздействие стиля молодого Достоевского. См.: Виноградов В. В. Тургенев и школа молодого Достоевского.— Русская литература, 1959, № 2, с. 45—71.

времени и движению современной художественной мысли он открывал новую страницу в русской драматургии, соответствующую интересам и вкусам передовых людей эпохи. Вместе с тем, пьеса была органическим звеном его творческого развития, в ней были продолжены те поиски в области драматической формы, которые были начаты еще «Неосторожностью», и дано развитие тех идей и сюжетов, которые привлекали читателей в «Записках охотника» и повестях Тургенева и во многом определили их огромную популярность.

Действие пьесы Тургенева развертывается в барском имении. Обстановка крепостной деревни, помещичьего дома, где попрание человеческого достоинства крестьян, дворовых и, в конечном счете, всякого зависимого человека — закон, стала фоном драматических событий, выводимых на сцену. В «Нахлебнике» Тургенева тонкая одухотворенность, гуманность бедных людей противопоставляется грубости чувств и лицемерию богатых и власть имущих.

Предысторией разыгрывающихся в «Нахлебнике» событий является трагедия одинокой и беззащитной женщины, отданной во власть грубому самодуру-помещику. Внесценические обстоятельства имеют в этой пьесе чрезвычайно большое значение: определяя события, непосредственно в ней происходящие, они придают картине быта, изображенного в ней, эпическую полноту и разносторонность.

Недаром М. Е. Салтыков-Щедрин — беспощадный обличитель дворянского беспутства — отнесся с интересом к этой пьесе Тургенева. Он не мог не обратить внимания на показанные в комедии «Нахлебник» социальные явления: отсутствие «корпоративной связи» в дворянской среде, издевательства богатых помещиков, аристократов над захудалыми, бедными дворянами. Сам сатирик намеревался посвятить подобным явлениям специальные очерки. Эта тема нашла отражение и в его цикле «Помпадуры и помпадурши» [1].

Большое значение в пьесе имеет и мотив кровной связи дворянства и его нравов с деятельностью государственного аппарата, насаждающего насилие богатого над бедным и канцелярски-равнодушное отношение к человеческому достоинству граждан. Несправедливое лишение Кузовкина принадлежащего ему наследства делает его нахлебником и фактическим рабом богатого

---

[1] См.: Никитина Н. С. Из полемики Салтыкова-Щедрина с автором «Отцов и детей» и его критиками.— В кн.: Тургенев и его современники. Л., 1977, с. 76—77.

барина Корина. Бюрократическая карьера открывает чиновнику Елецкому возможность брака с наследницей столбового дворянина Корина, богатой невестой, а этот брак позволяет ему присвоить себе вместе с приданым жены и право издеваться над Кузовкиным.

И Елецкий — «петербургский чиновник» — «человек дюжинный, не злой, но без сердца», и покойный Корин — жестокий самоуправец, поработивший бедняка Кузовкина, и помещик 400 душ Тропачев выступают не столько как первопричина страдания маленького человека, сколько как выразители и воплощения общего порядка вещей, законов жизни общества и сложившихся на их основе обычаев. Жестокость объективного порядка вещей, более тягостная, чем дурная воля отдельного человека, делает Ольгу Корину—Елецкую сообщницей мужа, превращает ее настойчивые расспросы Кузовкина в нравственную пытку, а ее дочернюю любовь в орудие унижения. Эта объективная ситуация делает бессмысленным «бунт» Кузовкина, пытающегося сопротивляться своему новому «благодетелю», но вынужденного, в конечном счете, принять оскорбительную денежную компенсацию за свои отцовские права.

Этот, последний, штрих, завершающий действие, придавал пьесе внешне благополучную развязку, которая, по существу, была глубоко трагична, так как являлась апофеозом унижения маленького человека. Пьеса Тургенева была пронизана демократическими симпатиями и настроениями. Она была радикальна по своему пафосу: в ней обличались отношения, прямо вытекающие из самых основ общественного устройства. «Вольнодумство» драматурга выразилось и в том, что он разоблачал освященный церковью брак Кориных и с патетическим сочувствием писал о «незаконной связи» любящего бедняка и его благодетельницы. Психологический интерес автора сосредоточен на Кузовкине. Именно поэтому Тургенев посвятил эту пьесу М. С. Щепкину, видя в нем будущего интерпретатора роли Кузовкина.

В комедии «Холостяк» Тургенев также делает героем маленького человека, ставя его в центре драматического происшествия. Действие комедии развертывается в среде мелких петербургских чиновников, которых изображали в своих очерках и повестях писатели натуральной школы. Сюжет и обстановка действия «Холостяка» более близки к стереотипам натуральной школы, чем содержание «Нахлебника». Для театра же произведение Тургенева было не только необычным, но демонстративно нарушающим привычные каноны. Штамп, соответствующий актерским амплуа, настраивал на то, чтобы трактовать героя «Холостяка» Мошкина

как благородного отца и хлопотуна (ср., например, образы Льва Гурыча Синичкина в одноименном водевиле Д. Т. Ленского и Лисичкина в водевиле «Дочь русского актера» П. Григорьева). Герой Тургенева, самоотверженно устраивающий замужество сироты, опекающий ее, как родной отец, таит к ней иное чувство — любовь, и этот подтекст его скрытых чувств придает особый драматизм его взятому на себя добровольно «отцовству». Образ Мошкина находится в несомненной зависимости от образа Макара Девушкина и его истолкования, данного Белинским [1]. На сцене императорских театров не шли до того пьесы с подобной тематикой и таким подходом к явлениям современного социального быта.

Одновременно с работой над пьесами в духе и стиле натуральной школы Тургенев задумывает ряд драматических произведений из жизни «культурного слоя», рисующих среду дворянской интеллигенции, людей современно мыслящих и тонко чувствующих. Проблематика этих пьес также не была вовсе чужда натуральной школе. Однако если в таких сценах, как «Безденежье», «Завтрак у предводителя», «Разговор на большой дороге», а также и в «Нахлебнике» и «Холостяке» Тургенев примыкал к тому руслу натуральной школы, которое сохраняло наиболее тесную генетическую связь с традициями Гоголя, то в пьесах «Где тонко, там и рвется», «Месяц в деревне» он выступает как соратник Герцена, автора «Кто виноват?» и «Сороки-воровки», писатель, осваивающий и по-новому осмысляющий проблемы, впервые поставленные Лермонтовым. Особенностью этих пьес Тургенева является социальная и историческая конкретность обстановки действия. Передавая атмосферу бесед, споров и бытового общения умственно изощренных людей, Тургенев замечал историческое движение в их среде, дискредитацию романтически настроенных индивидуалистов, ориентирующих свое жизненное поведение на идеалы 1830-х годов, и демократизацию симпатий и настроений молодого поколения.

В комедии «Где тонко, там и рвется» Тургенев внешне использовал форму пьесы-пословицы в духе А. Мюссе. Однако, по существу, пьеса его, в которой, как и в пословицах Мюссе, остроумный диалог имеет большое конструктивное значение, строится на диаметрально противоположном принципе. В пьесах Мюссе в словесном турнире заключено действие: более тонкий, остроумный, хитрый собеседник побеждает в состязании воль и характеров. В пьесе Тургенева — словесная дуэль лишь хрупкая оболочка

[1] См.: *Белинский*, т. 9, с. 552—553.

иного действия, которое развивается помимо остроумного диалога и выражается в его подтексте. Герой комедии, имя которого «Евгений» ассоциируется с именем героя романа Пушкина, а фамилия «Горский» напоминает о «кавказской» обстановке романа Лермонтова, сознательно следует идеалам, извлеченным из интеллектуального арсенала недавно пережитых русским обществом лет. Он не только боится потерять свою свободу и жертвует ей непосредственностью чувств, как Онегин, но и презирает с высот своего интеллектуализма окружающих и пытается в виде демонстрации и испытания своей силы вести тонкую психологическую игру, порабощая душу юной и беззащитной в своей искренности девушки. В этом он несомненно подражает Печорину. «Ваш Лермонтов»,— говорит ему героиня, понимая образец, которому он следует, и уличая его в недостатке самобытности. Тургенев меньше всего склонен был в свои молодые годы прощать подражательность. Отсутствие оригинальности было для него равнозначно бездарности человека. Поэтому подражательность героя сразу свидетельствует о том, что, по сути дела, он не имеет основания претендовать на исключительность.

Вся обстановка действия комедии, изображающей общество умной и насмешливой молодежи, взаимное наблюдение, острые диалоги, философствование, чередующееся с играми, воспроизводит быт дворянских салонов Москвы, Петербурга, а иногда и имений, где встречались молодые теоретики 40-х годов. Белинский, Герцен и другие истинные мыслители этого времени умели отличить салонную болтовню от серьезных обсуждений и споров, «дело» от светской, пусть и талантливой, беседы.

Сталкивая своего героя-эгоиста с юной девушкой, которую он готов принести в жертву самопознанию, подобно Фаусту, или своему скепсису, как Печорин княжну Мери, Тургенев именно эту потенциальную жертву наделяет силой духа, своеобразным характером, рисует как носительницу принципа «дела». Она обрывает нити тонкого, изящного диалога, в который вовлекает ее Горский, как только убеждается в неискренности собеседника. Этот момент их общения, как это нередко бывает в пьесах Тургенева, «взрывает» действие, переводя неизменное, казалось бы, неподвижное состояние изображаемого в динамическое, мгновенно перестраивающееся. «Я вам удивляюсь ⟨...⟩ Вы прозрачны, как стекло ⟨...⟩ и решительны, как Фридрих Великий» (наст. том, с. 110), — говорит Горский, потрясенный мгновенным поступком Веры, меняющим коренным образом всю ситуацию и обнаруживающим, кому из них принадлежит инициатива, право принимать решения. «Тонкость не доказывает еще ума ⟨...⟩ тонкость

редко соединяется с гением, обыкновенно простодушным, и с великим характером, всегда откровенным». Это изречение Пушкина [1] более всего выражает идею пьесы Тургенева, в которой отчетливо прозвучала ставшая затем одной из постоянных в его творчестве мысль о простоте и прямоте человека как признаке богатства его натуры [2]. Перенося ореол гениальности с сильной личности — эгоистической, навязывающей свою волю, свой разум, свои желания «дрожащей твари» — на бесхитростную, готовую подчиниться, ищущую «научения» и служения женщину, Тургенев выражал те же гуманные идеалы защиты личности против социального и семейного гнета, которыми пронизаны его драматические комедии «Нахлебник» и «Холостяк». Однако здесь к ним присоединяется важный мотив творчества писателя, нашедший затем выражение в его романах,— мысль об одаренности женской натуры, огромных нравственных и умственных ценностях, которые она может внести в культуру и жизнь нации.

Пословица, которой озаглавлена комедия, содержит помимо своего прямого смысла — иронии, направленной на преувеличение значения утонченной, элитарной культуры,— дополнительный смысл насмешки над самой формой пьесы-пословицы, которая разрушается при вторжении самой небольшой дозы подлинного, жизненного драматизма.

Уже в 1844 году Тургенев задумывался над вопросом о положительном значении и ограниченности кружковой культуры, воспитывавшей и формировавшей целые поколения молодежи: «...эпоха теорий, не условленных действительностью, а потому и не желающих применения, мечтательных и неопределенных порывов, избытка сил, которые собираются низвергнуть горы, а пока не хотят или не могут пошевельнуть соломинку,— такая эпоха необходимо повторяется в развитии каждого; но только тот из нас действительно заслуживает название человека, кто сумеет выйти из этого волшебного круга и пойти далее, вперед, к своей цели» (наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 202). Эти мысли нашли свое отражение в рассказе «Гамлет Щигровского уезда», который писался в 1848 г. и был напечатан в начале 1849 г. В это же время Тургенев задумывает пьесу «Вечеринка», посвященную быту студентов и, очевидно, предполагавшую изображение конфликтов кружковой жизни, о которых говорит герой рассказа из «Записок охотника».

---

[1] Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 7, с. 59—60.

[2] См.: Бялый Г. А. Тургенев.— В кн.: История русской литературы. М.; Л., 1956. Т. 8, кн. 1, с. 341.

С этим замыслом имеет внутреннюю связь писавшаяся в 1848—1850 гг. и законченная 22 марта 1850 г. пьеса «Студент». Фамилия одного из главных героев этой пьесы — Беляев — совпадает с фамилией действующего лица задуманной, но не осуществленной пьесы «Вечеринка». В «Вечеринке», как и в «Дневнике лишнего человека», должны были изображаться трагические для развития самостоятельной мысли и нравственного чувства кружковые предубеждения. Очевидно, именно Беляев в этой пьесе должен был проявить самостоятельность, свободу от общего увлечения и заставить остальных студентов раскаяться в их стадных чувствах [1].

«О кружок! — восклицает герой „Гамлета Щигровского уезда“,— ты не кружок: ты заколдованный круг, в котором погиб не один порядочный человек!»

Беляев в комедии «Студент» и в ее более позднем варианте «Месяц в деревне» обнаруживает способность к критической, самостоятельной мысли, к тому, чтобы перерасти кружковые интересы «и пойти далее, вперед к своей цели».

Тонко и изящно мыслящий Ракитин, устраивающий юноше Беляеву своеобразный экзамен, вынужден признать его зрелость: «Не у многих молодых людей столько здравого смысла, сколько у вас» (наст. том, с. 322). Диалог Ракитина и Беляева составляет важный момент пьесы. Сопоставление участников этого диалога дает возможность автору охарактеризовать студента по отношению к более известному, лучше освещенному литературой типу носителя традиций дворянской культуры джентльмена, скептика.

Ракитин свой в имении Ислаевых. Он не член семьи хозяев дома, но принадлежит к их кругу и поколению. Студент Беляев — представитель нового, более молодого поколения и иной среды. Социальное противопоставление Беляева и обитателей поместья составляло основную идею пьесы. В этом плане вполне закономерно изменение названия пьесы, вынужденное, вызванное придирками цензуры, но произведенное творчески — «деревня», т. е. поместье, «дворянское гнездо» и его обитатели, с одной стороны, и студент-демократ, с другой, противопоставлены в пьесе. «Месяц в деревне» — это месяц, проведенный студентом в помещичьем доме, срок достаточный, чтобы обнаружились последствия вторжения «чуждого» элемента в замкнутую дворянскую среду. Автор дает понять, что Беляев не только бедняк, человек не дворянского происхождения и воспитания, но демократ по убежде-

---

[1] Содержание задуманной пьесы изложено в воспоминаниях Н. А. Тучковой-Огаревой. См. об этом ниже, с. 692.

ниям. В тексте «Студента» герой мотивировал свое желание прочесть Ж. Санд в подлиннике знаменательными словами: «С ней дышать легко!» Впоследствии эту мотивировку пришлось снять по цензурным соображениям [1].

В окончательном тексте сохранились слова Беляева: «Мне душно здесь, мне хочется на воздух» (наст. том, с. 391). Это выражение, представляющее собой метафору ощущения гнета, может быть прокомментировано характеристикой феодальной Германии в статье Тургенева о переводе «Фауста» Гёте: «старое общество еще не разрушилось тогда в Германии; но в нем было уже душно и тесно; новое только начиналось» (наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 209). Рассказы Беляева о трудовой жизни, о студенческом товариществе не похожи на признания «Гамлета Щигровского уезда». Молодой демократ увидел и оценил здоровые начала университетской среды. В «Месяце в деревне» в разговоре Беляева с Верой еще очень осторожно, но уже отчетливо начинает звучать важная для писателя тема «пропаганды», мысль о великой миссии передовых людей общества, несущих духовное освобождение. Провозвестник нового этапа развития общества Беляев — читатель и энтузиаст статей Белинского. В лице этого героя Тургенев со свойственной ему наблюдательностью и чуткостью предвосхитил появление новой в социальном и возрастном отношении генерации русской интеллигенции — поколения Чернышевского, наиболее яркому представителю которого было суждено войти в литературу одновременно с первой, искаженной публикацией «Месяца в деревне» (1855).

В комедии «Месяц в деревне» наглядно обнаруживается глубокая самобытность драматургии Тургенева и своеобразие его обращений к опыту мирового театра. Л. П. Гроссман отметил любопытный факт совпадения ряда ситуаций и сюжетных ходов «Месяца в деревне» и «Мачехи» Бальзака. Стремясь, вслед за А. Григорьевым, обосновать положение об «отзывчивости» Тургенева, его склонности подчиняться веяниям эпохи, ее теориям, «даже модам, чисто случайным поветриям» [2], Л. П. Гроссман ставит «Месяц в деревне» в прямую зависимость от нашумевшей, сыгранной в мае 1848 г. с большим успехом в Париже в Théâtre Historique драмы Бальзака «Мачеха». Ю. Г. Оксман, устанавливая ряд принципиальных отличий «Месяца в деревне» от «Мачехи», в частности, высказывает мысль о том, что изъятие из пьесы по требованию цензуры образа Ислаева, мужа Натальи Петровны,

---

[1] *Т сб*, вып. 1, с. 111.

[2] Григорьев Ап. Сочинения. СПб., 1876. Т. 1, с. 351; *Гроссман*, *Театр Т*, с. 18—19.

не привело к распаду пьесы Тургенева, в то время как подобная «операция» неизбежно бы лишила всякого смысла «Мачеху» Бальзака (наст. том, с. 639).

Композиционное отличие пьес объясняется коренным различием их проблематики. Если главным содержанием драмы Бальзака является изображение борьбы страстей и внутренней несостоятельности буржуазной семьи, то комедия Тургенева посвящена проблеме социально-исторических сдвигов, проявлявшихся в интеллектуальной жизни России, смене общественного, а вместе с тем и человеческого идеала, взаимоотношениям поколений.

Поэтому сопоставление Ракитина и Беляева и изображение их взаимоотношений в пьесе имеют первостепенное значение. «Встреча этих антиподов оказывает решающее влияние на течение действия и определяет своеобразие драматургической организации пьесы Тургенева. Замысел героя, из которого, в конечном счете, «вырос» образ Ракитина, возник в воображении Тургенева еще во время его работы над юношеской пьесой «Искушение святого Антония». Здесь он появился в песне Аннунциаты и вместе с этой песней перешел в «Две сестры», где воплотился в фигуру эстета Валерия. Это — «не опасный», «скромный друг чужой жены». Такой герой в пьесах Тургенева, в том числе и в комедии «Месяц в деревне», несет своеобразную функцию. Он парализует действие, пресекает его, стремится остановить его течение. Противостоящий Ракитину Беляев — человек дела, а не рефлексии — является потенциальным носителем движения, перемен, даже когда к этому не стремится. Он — жоржзандист, юноша, свободно и открыто идущий навстречу чувству, может быть «опасен» всем, кто заинтересован в сохранении привычного семейного порядка и душевного равновесия.

То обстоятельство, что обе молодые женщины семьи влюбляются в Беляева, является свидетельством содержательности его личности и привлекательности, современности ее. Ракитин воздвигает препятствие на пути влияния Беляева, останавливает процесс развития чувств и отношений других персонажей, но это вызывает взрыв эмоций, действие принимает бурный характер и приводит к фактическому разрушению всех устоявшихся связей. Катастрофические последствия остановки действия свидетельствуют о его закономерности. Тургенев неоднократно подчеркивал, что его особенно интересовал в пьесе «Месяц в деревне» образ Натальи Петровны, что в этой героине сосредоточена психологическая задача произведения [1].

---

[1] См.: *Т и Савина*, с. 66.

Характеры Натальи Петровны и героини «Мачехи» Бальзака Гертруды де Граншан не имеют ничего общего, психологическая задача, выраженная в них, совершенно различна. Гертруда одержима страстью и аморальна, Наталья Петровна проникнута чувством долга. Мучительная борьба прочно усвоенного ею сознания долга с внезапно подчинившим ее себе страстным увлечением составляет существо ее душевной жизни. Линия Натальи Петровны в пьесе Тургенева с большим основанием, чем с историей героини «Мачехи» Бальзака, может быть сопоставлена с сюжетами классической французской драматургии и прежде всего с «Федрой» Расина. Не исключено, что мысль испытать свои силы в «соревновании» с Расином, произведения которого он хорошо знал с детства, пришла Тургеневу в связи с успехом Рашели в роли Федры.

В «Федре» Расина было дано ставшее надолго эталоном драматического действия воплощение конфликта между долгом и страстью замужней женщины к юноше и изображено соперничество женщины и молодой девушки, любящих одного и того же человека. Не только в общности психологической ситуации пьесы, но и в некоторых частностях монологов Натальи Петровны (III действие) можно заметить близость к «Федре» Расина. Эта близость отнюдь не является результатом подражания, хотя, как думается, автор допустил ее не бессознательно. В статье о трагедии Н. В. Кукольника «Генерал-поручик Паткуль» (конец 1846 г.) Тургенев, определяя задачи русской реалистической драматургии и говоря о значении изучения опыта великих драматургов разных стран, писал: «...Шекспир, и всегда Шекспир — и не только он, но и Корнель, и даже Расин и Шиллер... Не умрут эти поэты, потому что они самобытны, потому что они *народны* и понятны из жизни своего *народа*... А пока у нас не явятся такие люди, мы не перестанем указывать на те великие имена *не для того, чтобы подражали им*, но для того, чтобы возбудить честное соревнование...» (наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 276).

В «честное соревнование» Тургенев вступил и с Бальзаком. Идея построить драматический конфликт на соперничестве женщин-родственниц у него явилась задолго до того, как Бальзак создал и поставил «Мачеху». Такая борьба должна была составить содержание пьесы «Две сестры», причем в действии должны были, как и в комедии «Месяц в деревне», какую-то роль играть «скромный друг» дома и студент. Возможно, что постановка «Мачехи» Бальзака напомнила Тургеневу его ранний замысел и возбудила желание по-своему, в присущем ему стиле разработать эту тему. «Месяц в деревне» не просто не похож по своему стилю

на драму Бальзака, а полемически заострен против понимания драматизма, привитого французской литературе неистовой словесностью. Недаром в пьесе Тургенева герои читают и осуждают «Монте-Кристо» А. Дюма; Тургенев демонстрирует, что не интрига, кинжал и яд, жгучая ревность и адюльтер, а небольшие уклонения от строгого нравственного самоконтроля, сделки с совестью, неделикатное вторжение в чужой внутренний мир могут повести к предательству, жестокости и повлечь за собой гибель чувства, счастья и жизни.

Драматургия Тургенева подвергалась постоянным цензурным гонениям. Лучшие его пьесы «браковались» и неоднократно переделывались по требованию цензуры. Тургенев не уклонялся от этой неприятной и тяжелой работы, стремясь добиться публикации своих пьес и разрешения их постановки. Строгость и придирчивость театральной цензуры и особенно настороженное внимание цензуры вообще к пьесам, очевидно, побуждали Тургенева постоянно подчеркивать, что пьесы его написаны не для сцены. Характерно, что подобное заявление Тургенев предпослал публикации «Месяца в деревне» в «Современнике», которая так долго задерживалась цензурой и с таким трудом и творческими потерями была осуществлена.

А. Н. Островский, посвятивший всю свою жизнь театру, неоднократно писал о губительном влиянии цензуры на развитие русской драматургии, о своей готовности отказаться от творчества для сцены. Можно предположить, что отказ Тургенева от работы над пьесами во многом объясняется мучительной историей публикации и театрального воплощения его лучших произведений в этом роде. Сам Тургенев с огромным интересом относился к театру, писал свои пьесы в расчете на определенных актеров и был для талантливейших артистов своего времени желанным автором. Достаточно вспомнить таких исполнителей его пьес, как М. С. Щепкин, А. Е. Мартынов, П. М. Садовский, С. В. Шумский, М. Г. Савина, Н. А. Никулина, В. М. Давыдов. Все они были горячими сторонниками театра Тургенева, что было самому писателю хорошо известно.

Нельзя сбрасывать со счетов и впечатления Тургенева от французского театра, которые не могли не возбудить в нем сознания резкого несоответствия того, что он пишет, «общепринятому» понятию сценичности. Не принимая творчества Скриба, ставшего во Франции эталоном знания законов сцены, Тургенев не чувствовал в себе достаточной уверенности, чтобы провозгласить новые принципы театральности и драматизма, которые ощутимы во всех его оценках явлений драматургии и театра и в самой его художест-

венной деятельности. Однако желание продолжить практически борьбу за свой театр на сцене и в литературе не покидало Тургенева в течение ряда лет. Неудачная интерпретация отдельными актерами ролей в его произведениях и неудовлетворенность взыскательного художника собственными пьесами не могли погасить этого его интереса к театру и творчеству для театра. Для того чтобы полностью определить свое отношение к театру и осознать принципиальность своей позиции в драматургии, Тургенев нуждался в сценической проверке своих пьес и в поддержке критики. Ни того, ни другого он не получил в должной мере. Находясь в зале во время представлений своих пьес, он неизменно задавал себе вопрос, выполнима ли задача, которую он поставил перед актерами, «театрально» ли он мыслит: «как поучительно для автора присутствовать на представлении своей пьесы! Что там ни говори, но становишься публикой, и каждая длиннота, каждый ложный эффект поражают сразу, как удар молнии ⟨...⟩ в общем — я очень доволен. Опыт этот показал мне, что у меня есть призвание к театру и что со временем я смогу писать хорошие вещи», — утверждал он в письме к П. Виардо от 8 (20) декабря 1850 г., явно не рассчитывая на то, что в наступающем 1851 или в начале 1852 года оборвется его «карьера» драматурга.

Через много лет, в 1879 году, присутствуя на постановке комедии «Месяц в деревне» в Александринском театре и восхищаясь исполнением роли Веры молодой М. Г. Савиной, писатель сделал знаменательное признание, как бы корректирующее неоднократные его утверждения, что «Месяц в деревне» не рассчитан на театральное воплощение: «Никогда, никогда я не предполагал, что моя пьеса может быть поставлена на сцене. Теперь я вижу, что писал для театра» [1].

Понятие о сценичности у Тургенева и у «знатоков театра», вроде В. Крылова, сокращавшего «Месяц в деревне» для Савиной, было весьма различно. Театральные эффекты, привычные условности, которые представлялись сторонникам сценической рутины признаком высокого профессионализма комедиографа, поражали Тургенева как пошлость, проявление дурного вкуса, фальшь.

Белинский, положительно оценивший первый драматический опыт Тургенева, отметил отсутствие в его пьесе «Неосторожность» эффектов и предположил, что это повредит ее успеху. «Это

---

[1] Mercure de France, 1922, 15 juin, p. 853. Цит. по кн.: Гительман Л. Русская классика на французской сцене. Л.: Искусство, 1978, с. 41.

вещь необыкновенно умная, но не эффектная для дуры публики нашей»,— объяснял он А. А. Краевскому [1]. Особенности поэтики пьес Тургенева: осложненная характеристика в них героев, чувства и самая личность которых противоречивы, нравственно неоднозначны, а душевные движения скрыты, замаскированы, отказ от необычайных происшествий как основы сюжета, от эффектных монологов и реплик «под занавес» — ставили в тупик присяжных театральных критиков. Так, после талантливого исполнения М. С. Щепкиным в 1862 г. роли Кузовкина авторитетный театральный критик А. Н. Баженов утверждал, что пересказать содержание пьесы «Нахлебник» невозможно, так как «его почти и нет», что «это в строгом смысле даже не комедия, а большие сцены» [2].

Отметив хорошую игру участников спектакля, Баженов, вместе с тем, утверждал, что «каждое лицо жило на сцене полною жизнью, а взятые вместе они, при всем том, как-то плохо вяжутся в одно целое» [3].

Критик подметил несоответствия драматургии Тургенева театру, в котором нет творческой режиссуры и каждый актер действует по собственному разумению. Вместе с тем, в отзыве Баженова отразилась его неспособность понять особенности построения пьесы Тургенева, ее драматизма и внутреннего единства.

Подобное непонимание привело к тому, что при постановках «Нахлебника» в 1889 г. в Александринском театре и в 1912 г. в Московском Художественном театре исполнялось только I действие пьесы как более драматичное и эффектное. В 1913 г. режиссура Московского Художественного театра пересмотрела это решение, и пьеса была поставлена целиком.

И в 1879 году, по поводу удачного исполнения «Месяца в деревне» в Александринском театре, и в 1881 году, в связи с неудачной постановкой этой пьесы в Малом театре, театральная критика писала о «несценичности» пьес Тургенева. П. Д. Боборыкин, например, утверждал, что отсутствие бурных порывов и темперамента и обилие рефлексий героев делают пьесу Тургенева несценичной [4].

---

[1] *Белинский*, т. 12, с. 166.

[2] Баженов А. Н. Сочинения и переводы. М., 1869. Т. I, с. 152—153.

[3] Один из многих. ⟨А. М. Баженов⟩ Беседы о театре.— Развлечение, 1862, № 13.

[4] См.: Боборыкин П. Московские театры (*Рус Вед*, 1881, 18 февраля).

Таким образом, театральная критика не поддерживала и не одобряла появления пьес Тургенева на сцене [1]. Не оценила Тургенева-драматурга и литературная критика.

Очевидно, в 1840-х годах в кругу близких к «Современнику» литераторов на Тургенева смотрели как на «надежду русской сцены и новое светило нового театра» [2]. Эта формула, иронически запечатленная А. В. Дружининым в период, когда он рьяно стремился к пересмотру идей 40-х годов, свидетельствует о том, что такое отношение к опытам Тургенева в области драматургии имело место среди сторонников натуральной школы. Это подтверждает и тенденция сопоставления драматургии Тургенева и Островского и взаимного их противопоставления, которая может быть отмечена в некоторых письмах В. П. Боткина и статьях А. А. Григорьева. Провозглашая творчество Островского «новым словом» русской драматургии, А. Григорьев счел нужным в статье «Русская изящная литература в 1852 году» противопоставить «Бедную невесту» — первое произведение, в котором, по его мнению, проявились черты Островского как писателя нового направления,— «Холостяку» Тургенева. Впоследствии А. Григорьев подчеркивал, что пьесы Тургенева значительно ниже его повествовательных произведений. За этим положением, специально аргументированным в статье «И. С. Тургенев и его деятельность» (1859), стояло упорное желание критика утвердить взгляд на творчество Островского как единственно правильный и органичный путь развития русской драматургии.

Статья Тургенева о «Бедной невесте» (1852) была попыткой оспорить такую точку зрения и показать, что в творчестве Островского есть тенденции как прогрессивные, так и снижающие художественный уровень его произведений, что он не только не может служить образцом для всеобщего подражания, а сам проходит период сложного и трудного становления. При этом Тургенев проявил доброжелательство и уважение к драматургу, которому его противопоставляли. Эта позиция Тургенева не удовлетворя-

---

[1] О сценической судьбе пьес Тургенева и откликах критики на спектакли по его произведениям см. следующие работы: *Гроссман, Театр Т*, с. 119—166; *Т и театр*, М., 1953, с. 585—612. Примечания Г. П. Бердникова; З о г р а ф Н. Г. Малый театр второй половины XIX века. М., 1960, с. 116—118, 336—341; О к с м а н Ю. Г. Сцены и комедии.— В кн.: *Т*, *ПСС и П*, *Сочинения*, т. 2, с. 541, 547—548 и т. 3, с. 371—377; Очерки по истории русской театральной критики 2-ой половины XIX в./ Под ред. А. Я. Альтшуллера. Л., 1976 (по имен. указателю).

[2] Д р у ж и н и н А. В. Собр. соч. СПб., 1865. Т. 7, с. 288.

ла Боткина, который осудил «сладковатый тон статьи» о «Бедной невесте» — «тон какого-то сдерживаемого поклонения» Островскому [1].

Вместе с тем, выделение А. Григорьевым драматургии из общего состава произведений писателя уже само по себе выражало мысль о существовании особого литературного явления — театра Тургенева. Та же мысль, но более определенно была высказана М. Н. Лонгиновым, который в 1861 г. заявил о необходимости издания театра Тургенева [2]. Идея издания своих пьес особой книгой была не чужда самому писателю. В конце 1840-х годов он задумал создать целый цикл драматических произведений.

В 1849 г., а затем и в 1850 г. Тургенев составил перечни написанных и задуманных им пьес, свидетельствовавшие о том, что он предполагал издать фундаментальное собрание своих драматических произведений.

В 1856 г. Некрасов сделал попытку издать написанные Тургеневым комедии и сцены в двух томах, в качестве дополнения к вышедшему собранию повестей и рассказов писателя. Издание драматических сочинений Тургенева, прохождение которого через цензуру Некрасов тщательно продумал, не состоялось потому, что Тургенев своевременно не подготовил пьесы к печати. Его пассивность объяснялась не отсутствием интереса к обработке пьес, а желанием заняться ею серьезно и тщательно.

Издавая свои сцены и комедии в VII томе собрания сочинений в 1869 году, Тургенев произвел их тщательную проверку и правку. То́му своих драматических сочинений он счел нужным предпослать небольшое введение, озаглавив его «Вместо предисловия». Здесь писатель в чрезвычайно лаконичной и скромной форме коснулся впечатлений, которые остались у него от соприкосновения с театром. Он вспомнил с благодарностью об исполнении Мартыновым ролей в его произведениях и отдал таким образом дань уважения артистам, любившим его драматургию, упомянул о цензурных мытарствах «Месяца в деревне» и обратил внимание читателей на эту впервые появившуюся в неискаженном виде пьесу. Оговариваясь, что не признает в себе драматического таланта, он предоставил судить читателям о литературных достоинствах его пьес.

Собрание пьес Тургенева вызвало к себе интерес читателей. Частным, но знаменательным проявлением этого интереса явились реминисценции драматических произведений Тургенева в

[1] См.: *Боткин и Т*, с. 28—29.
[2] Русский вестник, 1861, кн. 2, с. 915.

повести Достоевского «Вечный муж», над которой писатель работал в 1869 году.

В комедии «Провинциалка» Тургенев, в духе Гоголя, высмеивает «вечную любовную завязку» и адюльтер как модное содержание пьес. Он показывает, что материальные интересы и соображения карьеры мужей волнуют дам больше, чем любовь, которую, по традиции, считают главным интересом их жизни [1]. Достоевский «реабилитирует» сюжет адюльтера и сосредоточивает внимание на судьбе покорного мужа, порабощенного женой и глубоко затаившего свою ревность. Он сам ссылается на аналогию своего героя Трусоцкого со Ступендьевым из «Провинциалки» Тургенева [2]. Однако этим общим сходством героев не исчерпываются отклики на драматургию Тургенева в «Вечном муже» Достоевского. В тексте этого произведения есть эпизод о бедном чиновнике, «добреньком» и смешном старичке, которого напоили шампанским и «вдоволь насмеялись» над ним «публично и безнаказанно и единственно из одного фанфаронства» [3]. Эпизод этот несомненно отражает впечатление от «Нахлебника».

Сватовство Трусоцкого к шестнадцатилетней Наде и враждебное отношение к нему молодежи — друзей и родственников девушки—напоминают эпизоды комедии «Где тонко, там и рвется» и особенно «Месяца в деревне». В черновых материалах к «Вечному мужу», рядом со сравнением Трусоцкого со Ступендьевым, имеется афоризм: «Нет, он слишком много рассуждает — он не опасен» [4]. Этот афоризм воспроизводит рассуждение Шпигельского из комедии «Месяц в деревне»: «...Михайло Александрыч, по моему мнению, никогда не был человеком опасным, а уж теперь-то менее, чем когда-нибудь ⟨...⟩ У кого сыпью, а у этих умников всё язычком выходит, болтовней» (наст. том, с. 359).

Таким образом, Тургенев, который учитывал художественный опыт Достоевского при работе над пьесами, раскрывавшими трагизм жизни маленьких людей, в свою очередь, своими комедиями дал Достоевскому новые творческие импульсы, побудил его к соревнованию в разработке определенного круга ситуаций и характеров.

Внимательным читателем драматических произведений Тургенева, очевидно, был и А. П. Чехов. Замедленное, как бы вя-

---

1 См.: Бердников Г. П. И. С. Тургенев. М.; Л., 1951, с. 111.

2 См. комментарий к рассказу «Вечный муж» (*Достоевский*, т. 9, с. 479).

3 *Достоевский*, т. 9, с. 8.

4 Там же, с. 294.

лое и внезапно «взрывающееся» течение действия, сложные «амбивалентные» характеристики героев, чувства персонажей, маскирующие другие чувства, зачастую неосознанные, — все эти особенности драматургии Тургенева оказались близки Чехову. Интересны были ему и герои тургеневских пьес, которые, как думали Боборыкин и Суворин, никого уже не могут занимать в современном изменившемся обществе,— герои больше размышляющие и рассуждающие, чем действующие.

Некоторые типы, изображенные Тургеневым в драматических произведениях, должны были обратить на себя внимание Чехова. В небольшой пьесе «Вечер в Сорренте» Тургенев, продолжив свои размышления над женским типом, поставленным им в центре пьесы «Месяц в деревне», и над некоторыми ситуациями этого произведения [1], создает новый, очень важный для русской драматургии последующих лет образ женщины-«кометы», потерявшей связи с родным дворянским гнездом и, в конечном счете, с родиной.

В бесцельных странствиях и случайных увлечениях героини «Вечера в Сорренте» косвенно отражается распадение семейных и социальных связей дворянского гнезда, гибель того мира, в обстановке которого происходило действие «Месяца в деревне». В этом отношении в пьесе Тургенева дан первый эскизный очерк социально-психологического типа, который был затем создан Чеховым в образе Раневской («Вишневый сад»). В комедии «Месяц в деревне» Чехову оказались, очевидно, близки многие герои. Это и язвительный, умный демократ—врач Шпигельский (ср. образ Дорна в «Чайке»), и учитель—студент, присутствующий в барской усадьбе, но сознающий свою непричастность к интересам ее обитателей (ср. образ Пети Трофимова — «Вишневый сад»), и рачительный хозяин Ислаев, деятельность которого обеспечивает общее благосостояние, но который, по сути дела, чужд и неинтересен окружающим (подобный характер и ситуация в разных аспектах трактуются в пьесах Чехова «Чайка» — Шамраев и «Дядя Ваня» — Войницкий).

В 1868 г. под впечатлением драматических сочинений Тургенева П. Мериме утверждал, что, обладая талантом драматурга, автор «Месяца в деревне» пишет «не для сцены наших дней», пренебрегающей «развитием характеров и страстей и вполне до-

---

[1] О сходстве и различии героев и ситуаций «Месяца в деревне» и «Вечера в Сорренте» см.: *Гроссман*, *Театр Т*, с. 62; Э й г е с И. Р. Пьеса «Месяц в деревне» И. С. Тургенева.— *Лит учеба*, 1938, № 12, с. 73—74.

вольствующейся лишь разнообразной и запутанной интригой» [1]. Драматургия Чехова, потребовавшая от театра полного разрыва с рутиной, открыла путь к пониманию драматургии Тургенева. Актеры, радовавшие Тургенева на склоне его дней исполнением его произведений или выступавшие в ролях, написанных им, вскоре после смерти писателя: М. Г. Савина, В. Н. Давыдов, К. А. Варламов, В. Ф. Комиссаржевская — стали и первыми интерпретаторами образов Чехова.

Большое значение для осознания того, что драматургия Тургенева — специфическое художественное явление, требующее особых форм сценического воплощения, имели постановки Московского Художественного театра — театра, открывшего миру драматургию Чехова и Горького.

Популярность драматургии Чехова, безусловно, облегчила проникновение пьес Тургенева на сцены Европы. Уже в 1890 г. Андре Антуан поставил в Свободном театре «Нахлебника» и с успехом исполнил роль Кузовкина, однако только после утверждения чеховского репертуара интерес к драматургии Тургенева нашел себе прочную опору в повседневной практике театров [2].

В основу настоящего издания «сцен и комедий» положен текст, установленный самим Тургеневым при подготовке к печати десятого тома его сочинений, вышедших в свет в 1880 г. Как свидетельствуют письма Тургенева от 19 сентября (1 октября) и 26 сентября (8 октября) 1879 г. к его издателю В. В. Думнову, он сразу же после отпечатания десятого тома приступил к тщательнейшей вычитке его текста с тем, чтобы отметить все его неточности в специальном перечне «Опечатки», приложенном по его требованию к первому тому издания 1880 г.

При изучении источников текста «сцен и комедий» было установлено, что ни в 1874, ни в 1883 г. Тургенев не проводил правки своих драматических произведений и что все отличия изданий этих лет от предшествующих (1869 и 1880 гг.) являются не автор-

---

[1] Mérimée Prosper. Portraits historiques et littéraires. Paris, 1874, p. 353. Ср.: Мериме Проспер. Собр. соч. в 6-ти т. М., 1963. Т. 5, с. 275.

[2] См.: *Гроссман, Театр Т*, с. 148—149; Гительман Л. Русская классика на французской сцене. Л., 1978, с. 28—53; Dornacher K. Turgenev in Deutschland nach dem II Weltkrieg (1945—1956).— Zeitschrift für Slawistik, Bd. III, H. 2—4, S. 399—402; Редгрейв М. Маска или лицо (Пути и средства работы актера). М., 1965, с. 69—70; Sliwowski René. Od Turgieniewa do Czechowa. Warszawa, 1970, s. 35—165.

скими вариантами, а редакторскими и типографскими искажениями наборного оригинала.

Особенно досадны ошибки, вкравшиеся в текст «сцен и комедий» в посмертном издании полного собрания сочинений Тургенева, вышедшем в свет в 1883 году. Несмотря на то, что все тома этого издания посылались на сверку Тургеневу, он, как свидетельствует специальное письмо об этом А. Ф. Отто (Онегина) к М. М. Стасюлевичу, хранящееся в архиве *ИРЛИ* [1], был уже настолько тяжело болен, что не имел возможности лично править корректуру и поручал эту работу своим русским землякам. В числе томов, порученных А. Ф. Отто, был и десятый, варианты которого являются таким образом следствием вторжения в авторский текст его корректора.

Об особенностях воспроизведения текста Тургенева см. в I томе наст. изд., с. 6.

Тексты подготовили: *Т. П. Голованова* («Провинциалка»), *А. П. Могилянский* («Искушение святого Антония», «Две сестры», «Вечеринка»), *Ю. Г. Оксман* («Неосторожность», «Безденежье», «Где тонко, там и рвется»), *М. А. Соколова* («Нахлебник»), *К. И. Тюнькин* («Месяц в деревне»), *В. Г. Фридлянд*, при участии *В. Б. Волиной* («Холостяк»).

Примечания составили: *Ю. Г. Оксман*, при участии *Т. П. Головановой*, *А. П. Могилянского*, *Н. А. Роскиной*, *Е. В. Свиясова*, и *К. И. Тюнькин* («Месяц в деревне»).

Автор вступительной статьи к примечаниям — «Драматургия И. С. Тургенева» — *Л. М. Лотман.*

В подготовке тома к печати принимала участие *Е. М. Лобковская.*

Редактор тома — *В. Н. Баскаков.*

---

[1] Письмо А. Ф. Отто см. в издании: Тургенев И. С. Рудин. Дворянское гнездо. Подготовка текста и комментарии М. К. Клемана. М.; Л.: Academia, 1933, с. 463—464. Об этом же см. приписку А. Ф. Отто в письме Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 26 марта (7 апреля) 1883 г.

НЕОСТОРОЖНОСТЬ

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Отеч Зап, 1843, № 10, с. 221—252.

Поправки, внесенные Тургеневым в текст журнальной редакции комедии «Неосторожность» при подготовке издания: *Т*, *Соч*, *1869*; автограф: *ГИМ*, фонд И. Е. Забелина, ед. хр. 1265, л. 166—167.

Т, *Соч*, *1869*, ч. VII, с. 5—55.

Т, *Соч*, *1880*, т. 10, с. 9—58.

Впервые опубликовано: *Отеч Зап*, 1843, № 10, с. 221—252, без подписи автора. В оглавлении обозначено: Неосторожность. Драматический очерк Т. Л. (автора *Параши*). Перепечатано, с некоторыми сокращениями и исправлениями стилистического порядка, в *Т*, *Соч*, *1869*. При подготовке этого издания Тургенев в 1868 г. сделал на особом листе следующие «Поправки» журнального текста комедии:

Отеч Зап, 1843, № 10, с. 221 — исключена ремарка «Действие происходит в Испании, в XVIII веке»; с. 222 — слово «отличнейшую» исправлено на «примерную»; с. 223 — исключено: «смешным» и «самым порядочным»; с. 224 — «сами ж говорите» исправлено на «кажется, сказали»; с. 227 — исключены строки: «Я, кажется, никогда бы с ней не расстался»; с. 233 — изъяты слова от «в другое время» до «платонической любви. Но теперь»; с. 235 — исключено: «О женщины!»; с. 240 — исключено: «одно»; с. 246 — «сегодняшного происшествия» исправлено на «сегодняшнее происшествие»; с. 247 — исключено: «Господин Сангре»; там же «Мечтал я» исправлено на «Я мечтал»; с. 248 — исключено: «быстро»; с. 251 — исключена ремарка «мрачно». Сверх того, Тургенев предложил «везде вместо *Дон Сангре* печатать *Дон Пабло*, так как *Дон* становится только перед личными именами». Сохранив прежнее жанровое обозначение пьесы («Драматический очерк»), Тургенев внес в титульный лист дату ее написания — 1843 год (*ГИМ*, ф. И. Е. Забелина, ед. хр. 1265, л. 166—167).

В редакции 1869 г. пьеса перепечатывалась во всех последующих собраниях сочинений Тургенева, но на сцене при жизни автора не появлялась ни разу. Автограф комедии неизвестен.

В настоящем издании печатается по последнему авторизованному тексту: *Т*, *Соч*, *1880*, т. 10, с. 9—58, с устранением двух опечаток, замеченных самим Тургеневым во второй сцене: «как школьник» (с. 22, строки 37—38) вместо: «как наказанный школьник» и «является» (с. 23, строка 42) вместо: «показывается», а также с исправлением «С-ст» на «Тс-с» (с. 14, строка 11 и с. 20, строка 30) по смыслу и по аналогии с передачей этого междометия на с. 28, строка 25.

Сам Тургенев датировал свою комедию 1843 годом. Никаких других свидетельств, которые могли бы уточнить творческую историю произведения, ни в архиве писателя, ни в его письмах до сих пор не обнаружено. Историю же публикаций пьесы проясняют три письма Белинского, два из которых обращены к А. А. Краевскому, редактору-издателю «Отечественных записок», а третье — к Тургеневу.

В первом из этих писем Белинский 26 июня 1843 г. вскользь отмечал: «Драму Тургенева пришлю скоро — славная вещь» (*Белинский*, т. XII, с. 164). Эта положительная оценка «Неосторожности» была мотивирована в письме Белинского к ее автору от 8 июля 1843 г.: «Драма Ваша — весьма и тонко умная и искусно изложенная вещь. Я (по данной мне Вами власти) обрек ее на растление в „Отечественных записках" и послал к Краевскому, от которого уже чёрт не вырвет ее. Не нравятся мне в ней две вещи: эпиграф (который могут счесть за претензию) и два стиха:

Подыму тебя с дороги —
Покажу тебя богам.

Если захотите их переменить,— это легко можно сделать через Панаева» (там же, с. 168).

В одновременном письме к Краевскому, говоря о «Неосторожности», Белинский повторял, что «это вещь необыкновенно умная, но не эффектная для дуры публики нашей; но как Вам нечего печатать — то и это благодать божия, благо оригинальная пьеса. Я пишу к нему, чтоб он выбросил эпиграф да переменил два стиха. Денег он, как человек обеспеченный, разумеется, не имеет в виду; но из деликатности не мешало бы предложить ему экземпляр „Отечественных записок", тем более, что он и впредь вкладчиком Вашего журнала быть не откажется» (там же, с. 166).

При публикации пьесы Тургенев безоговорочно принял обе поправки, предложенные Белинским: из «Неосторожности» были исключены и эпиграф, не удовлетворявший критика, и та строфа романса Рафаэля, которая заканчивалась стихами «Подыму тебя с дороги, покажу тебя богам» (см. с. 13—14 наст. тома). Письмо Белинского является сейчас единственным свидетельством существования некоторых отличий первопечатного текста пьесы от не дошедшей до нас рукописи.

Белинский откликнулся на «Неосторожность» и в печати, характеризуя эту новинку в обзоре «Русская литература в 1843 г.». «Из драматических произведений, напечатанных в журналах вместо повестей,— писал он,— замечателен, как мастерской эскиз, но не больше, драматический очерк г. Т. Л. (автора „Параши") „Неосторожность"» (*Отеч Зап*, 1844, № 1, отд. V, с. 39; ср.: *Белинский*, т. VIII, с. 96).

Непосредственный отклик на пьесу Тургенева в самом начале этой статьи предварялся некоторыми общими рассуждениями Белинского о специфике комедии как драматургического жанра и о трудностях восприятия «толпою» того, что он называл «иронией уже не частной, а исторической жизни»: «Комизм, юмор, ирония — не всем доступны, и всё, что возбуждает смех,

обыкновенно считается у большинства ниже того, что возбуждает восторг возвышенный. Всякому легче понять идею, прямо и положительно выговариваемую, нежели идею, которая заключает в себе смысл, противоположный тому, который выражают слова ее. Комедия — цвет цивилизации, плод развившейся общественности ⟨...⟩ Толпе доступен только внешний комизм; она не понимает, что есть точки, где комическое сходится с трагическим и возбуждает уже не легкий и радостный, а болезненный и горький смех» (там же, с. 90).

По своей внутренней и внешней структуре комедия «Неосторожность» принадлежала к числу тех произведений мирового театра, которые подготовляли переход от мещанской драмы и романтической трагедии к драматургии реалистической. На русской почве эти поиски новых форм сценической выразительности вызвали к жизни в конце двадцатых и начале тридцатых годов «маленькие трагедии» Пушкина, в Англии, несколько раньше,— «Драматические сцены» Барри Корнуолла [1], во Франции — «Театр Клары Газуль» Мериме и явно связанные с ним первые пьесы А. Мюссе.

Все эти произведения, неравноценные по своей объективной художественной значимости, имели определенный экспериментальный уклон и, противостоя традициям современного им театра, отличались предельной краткостью сценических форм, остротою коллизий, эффектами неожиданных поворотов действия, напряженным интересом их авторов к психологии больших страстей и к противоречиям человеческих характеров, всегда конкретно-исторически мотивированных.

В начале 1842 г. в Париже вышло в свет второе издание «Театра Клары Газуль» («Théâtre de Clara Gasul, comédienne espagnole»). О знакомстве Тургенева с этой книгой, находившейся в России под цензурным запретом с 1825 г. (см.: Общий алфавитный список книгам на французском языке, запрещенным иностранною цензурою с 1815 по 1853 г., СПб., 1855, с. 137), свидетельствуют фрагменты драмы «Искушение св. Антония», над которой он работал в апреле 1842 г. (см. с. 688 наст. тома). Сцены эти, написанные под непосредственным воздействием комедии Мериме «Une femme est un diable ou La tentation de saint Antoine» («Женщина-дьявол, или Искушение святого Антония»), на год предшествовали комедии «Неосторожность», основные особенности тематики, стиля и композиции которой явно восходили к гротескам того же «Театра Клары Газуль».

Из пьес Мериме были взяты, как это установлено Л. П. Гроссманом, имена почти всех персонажей «Неосторожности». Так,

---

[1] «Драматические сцены» («Dramatic Scenes») Барри Корнуолла (1815) особенную известность получили после их перепечатки в сборнике «The poetical works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall». Complette in one volume. Paris, 1829. Пять из пьес Барри Корнуолла, переведенных на русский язык, по поручению Пушкина, А. О. Ишимовой, опубликованы были в «Современнике» 1837 г., т. VIII, с. 75—175. Только за четыре года до публикации «Неосторожности» появился впервые в печати «Каменный гость» Пушкина («Сто русских литераторов». Изд. А. Смирдина. Т. I, СПб., 1839, с. 49—85).

например, имя дон Пабло принадлежало герою пьесы «Le ciel et l'enfer», дон Бальтазар был одним из действующих лиц пьесы «La carosse du saint Sacrement», Рафаэль — комедии «Une femme est un diable». Даже фамилия де-Луна перенесена была в «Неосторожность» из «Театра Клары Газуль», где это имя носит герой романса, исполняемого в пьесе «Les espagnols en Danemark» (*Гроссман*, *Театр Т*, с. 34).

Обращаясь к персонажам «Неосторожности», любопытно отметить, что один из них, а именно дон Пабло, убийца доньи Долорес, в эпилоге становится графом Торрено, так как именно в пору работы Тургенева над этой пьесой умер известный испанский историк и передовой политический деятель Хосе-Мария Куэйно де Льянос, граф Торрено (1786—1843), автор книги «Historia del levantamento, guerra y revolution de España» (1836—1838), переведенной на французский язык Луи Виардо в 1838 г.[1]

Ровно через год после создания «Неосторожности», работая над комедией «Две сестры», Тургенев в наброске предисловия к этой пьесе сделал признание, имеющее прямое отношение и к первой его комедии. Здесь впервые открыто названо было и имя Мериме как вдохновителя первых драматургических опытов Тургенева (см. с. 513 наст. тома).

Отклик Белинского на «Неосторожность» был единственным отзывом об этой комедии не только в периодике сороковых годов, но и во всей критической литературе о Тургеневе, появившейся при жизни автора.

В позднейшей специальной литературе о Тургеневе комедия «Неосторожность» долгое время или вовсе не упоминалась, или трактовалась вскользь, как подражание комедиям А. Мюссе (Буренин В. П. Литературная деятельность Тургенева. СПб., 1884, с. 16—17), как произведение, значительное не в литературном, а в психологическом отношении, как показатель интереса молодого Тургенева к «загадкам человеческой души» (*Zabel*, S. 139—140), как неудачный опыт начинающего писателя, еще «не умеющего владеть драматической формой» (реферат П. О. Морозова о драматургии Тургенева, включенный в «Обозрение деятельности С.-Петербургских театров» — Ежегодник имп. театров, вып. XIV. Сезон 1903—1904. СПб., с. 37), наконец, как «одно из последних проявлений увлечения молодого Тургенева западноевропейским романтизмом» (Клеман М. К. И. С. Тургенев. Очерк жизни и творчества. Л., 1936, с. 23).

Заслуживают к себе критического отношения и позднейшие попытки рассмотрения пьесы «Неосторожность» как «пародии на романтический театр, вступивший в сороковых годах в полосу вырождения», как «снятие романтической фальши» через ее «осмеяние» (см.: Адамович О., Уварова Г. Тургенев-драматург.— В кн.: И. С. Тургенев. К пятидесятилетию со дня

---

[1] Об отношении Тургенева к испанскому языку и литературе см. критические сводки фактических данных в специальных работах М. П. Алексеева «Тургенев и испанские писатели» (Литературный критик, 1938, № 11, с. 136—144) и А. Звигильского «Tourguénev et l'Espagne» (Revue de Littérature comparée, Paris, 1959, № 1, p. 50—79).

смерти. 1883—1933. Сборник статей. Л., 1934, с. 284). Об ироническом отношении Тургенева в «Неосторожности» к «неистовым страстям своих героев», о якобы пародировании им модной «испанской сюжетики», «самого жанра романтической драмы» и «условностей романтического театра» пишет и С. С. Данилов (см.: Данилов С. С. Очерки по истории драматического театра. М.; Л., 1948, с. 365).

Эта же концепция развивается Г. П. Бердниковым в его книгах «Иван Сергеевич Тургенев» (М.; Л.: «Искусство», 1951, с. 30—32) и «Тургенев и театр» (М., 1953, с. 17—18), в комментариях Г. Э. Водневой к комедии «Неосторожность» (*Т*, *СС*, т. II, с. 537—538), а также в статье Н. В. Климовой «К вопросу о реализме пьесы И. С. Тургенева „Неосторожность“» (Уч. зап. Ишимского гос. пед. ин-та, т. III, вып. 3, 1959, с. 51—67).

По-иному комедия «Неосторожность» охарактеризована в обзоре Л. М. Лотман «Драматургия тридцатых — сороковых годов» в «Истории русской литературы» (т. VII, М.; Л.: изд. АН СССР, 1955, с. 650—651). Напоминая о жанровой связи «Неосторожности» с «маленькими трагедиями» Пушкина и тем самым снимая несостоятельный тезис о пародийности ее фабулы и образов, Л. М. Лотман утверждает, что задачей, поставленной и разрешенной Тургеневым в его первой пьесе, являлось разоблачение, с одной стороны, «романтического героя», а с другой — «эгоистической любви, лишенной гуманного содержания и неразрывно связанной с низкими побуждениями, собственническим инстинктом, тупостью и чиновничьей черствостью». Однако эти заключения сделаны без учета традиций, органически связывавших «Неосторожность» с «Театром Клары Газуль» Мериме и с другими произведениями русской и западноевропейской драматургии двадцатых — тридцатых годов, осмысленных Тургеневым в свете задач, поставленных перед молодой русской реалистической литературой Белинским.

Стр. 9. *...как бы хорошо гулять теперь на Прадо...*— Парк в Мадриде, одно из излюбленнейших мест прогулок мадридской молодежи.

Стр. 23. *...он пошел к нашему соседу, к алькаду...*— Алькальд, алькад (*исп.)* — старшина сельской или городской общины в Испании, который исполнял также полицейские и судебные функции.

БЕЗДЕНЕЖЬЕ

Сцены из петербургской жизни молодого дворянина

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Отеч Зап, 1846, № 10, с. 249—270.
Т, *1868* — Поправки, внесенные Тургеневым в текст журнальной редакции «Безденежья» при подготовке издания: *Т*, *Соч*, *1869*; автограф (*ГИМ*, фонд И. Е. Забелина, ед. хр. 1265, л. 168).
Т, *Соч*, *1869*, ч. VII, с. 57—94.
Т, *Соч*, *1880*, т. 10, с. 59—95.

Впервые опубликовано: *Отеч Зап*, 1846, № 10, с. 249—270, с подписью: Ив. Тургенев. Перепечатано, с небольшими сокращениями и с восстановлением заключительной строки («Перевелось ты, дворянское племечко!»), изъятой из журнального текста цензурой, в *Т*, *Соч*, *1869*, ч. VII. В этом же издании впервые появилась дата написания пьесы — 1845 год.

При подготовке издания 1869 г. Тургенев сделал на особом листе несколько поправок к журнальному тексту пьесы:

Отеч Зап, 1846, № 10, с. 249 — в первой ремарке изъяты строки: «молодой человек 24 лет» и «старый слуга его»; с. 250 — «Ты понимаешь» исправлено на «Ты меня не поймешь»; с. 253 — изъято «знаете ли»; с. 254 — изъято «знаете»; там же — «хорошо, хорошо» исправлено на «хорошо»; с. 255 — снято слово «того», а «Матрехой» исправлено на «Матреной»; с. 259 — слова «покажи, покажи» и «войди сюда, войди» заменены на «покажи» и «войди сюда»; с. 261 — изъяты слова «так сказать» и «Тимофей Петрович»; с. 262 — изъяты слова от «и говорит» до «к слову пришлось»; с. 263 — «до тошноты» заменено на «до сытости»; с. 264 — изъято: «я даже, можно сказать, почитаю ее»; с. 270 — в концовку вставлены слова: «перевелось ты, дворянское племечко.»

Текст пьесы, установленный в 1869 г., повторяется во всех последующих собраниях сочинений Тургенева, отличающихся от издания 1869 г. только опечатками. Автограф «Безденежья» до нас не дошел.

В настоящем издании печатается по последнему авторизованному тексту (*Т*, *Соч*, *1880*, т. 10), с устранением следующих опечаток, вкравшихся в текст в 1874 г. и не замеченных автором в 1880 г.:

В реплике Матвея (с. 49, строка 13) вместо ошибочного: «Я вас будил» — «Я вас будил-с»; в реплике Жазикова (с. 59, строка 21) вместо: «Этого не терплю» — «Я этого не терплю»; в реплике Блинова (с. 68, строка 42) вместо: «Слышишь, отвези-ко меня в театр» — «Слышь, отвези-ко меня в театр»; в реплике Жазикова (с. 70, строка 38) вместо: «да неловко утруждать вас» — «даже неловко утруждать вас»; в реплике Матвея (с. 71,

строка 36) вместо: «Ну, слава тебе господи» — «Ну, и слава тебе господи»; в реплике Жазикова (с. 71, строка 38) вместо: «Матвей! одевайся» — «Матвей! одеваться». На с. 70 восстановлена пропущенная реплика Блинова: «Это что?», без которой непонятен ответ Жазикова: «Это ко мне».

Все эти исправления сделаны по тексту двух первых публикаций пьесы, с учетом опечатки («Матвей! одевайся»), оговоренной в издании 1880 г.

Время создания «Безденежья», по свидетельству самого Тургенева, 1845 год. За два месяца до публикации этих «сцен» он в своем разборе драмы С. А. Гедеонова «Смерть Ляпунова» выдвинул несколько совершенно конкретных литературно-теоретических положений, в которых определялись задачи писателей натуральной школы, учеников и продолжателей Гоголя на новом этапе борьбы за реалистическую драматургию, за восстановление и углубление традиций «Ревизора» в русском театре.

«Семена, посеянные Гоголем, мы в этом уверены,— писал Тургенев,— безмолвно зреют теперь во многих умах, во многих дарованиях, придет время и молодой лесок вырастет около одинокого дуба... Десять лет прошло со времени появления „Ревизора“, правда, в течение этого времени мы на русской сцене не видели ни одного произведения, которое можно было бы причислить к гоголевской школе (хотя влияние Гоголя уже заметно во многих), но изумительная перемена совершилась с тех пор в нашем сознании, в наших потребностях» (*Отеч Зап*, 1846, № 8, отд. VI, с. 88).

«Безденежье», напечатанное через два месяца после этой декларации на страницах тех же «Отечественных записок», явилось как бы наглядной иллюстрацией жизненности высказанных Тургеневым теоретических положений, а образно-характерологическая, структурная и даже тематическая близость новой пьесы к некоторым образам и ситуациям «Ревизора» (особенно во втором его действии) была настолько обнажена, что без предположения об известной нарочитости подчеркивания литературных истоков «сцен из петербургской жизни молодого дворянина» эту перекличку трудно было бы объяснить. Правда, годы, отделяющие «Безденежье» от «Ревизора» и боевые литературно-политические лозунги писателей натуральной школы от просветительской платформы Гоголя, наложили свою печать и на пьесу Тургенева. Вырождение и одичание правящего класса выдвигается в «Безденежье» уже как основная тема, определяющая отношение автора не только к Жазиковым, но и к Блиновым, и предвосхищающая тем самым в известной степени образы и коллизии «Записок охотника».

Впервые «Безденежье» поставлено на сцене 7 января 1852 г., в Петербурге, в Александринском театре; повторено 11 января. В архиве дирекции императорских театров (ныне в Государственной театральной библиотеке им. А. В. Луначарского в Ленинграде) сохранилась писарская копия журнального текста пьесы, «одобренная для представления» в бенефис А. М. Максимова старшим театральным цензором А. К. Гедерштерном 14 декабря 1851 г. (Рукопись № 269, шифр: 1. 1. 2. 90). Роль Жазикова исполнял В. В. Самойлов, Матвея — А. Е. Мартынов, Блинова — П. И. Григорьев 1-й.

Театральная редакция пьесы, как свидетельствуют многочисленные изменения, внесенные в ее первопечатный текст цензурой, не заключала в себе ни одного из тех элементов, которые так характерны были для «Безденежья» как социально-политической сатиры. Прежде всего были убраны все слова и строки, определявшие Жазикова как дворянина и помещика, а его слугу Матвея как крепостного крестьянина. Изъятию подверглись не только прямые высказывания этого порядка, вроде: «Я не разночинец какой-нибудь, я дворянин» или «Вы, батюшка, наш природный господин, вы, батюшка, столбовой помещик. У вас есть, батюшка, родовое имение» или «Одно в деревне, признаться, не хорошо... Бедность там какую-нибудь видеть, притеснение... с моими идеями неприятно» и т. п., но и целые эпизоды, в которых хотя бы косвенным образом оттенялся низкий общественно-бытовой, моральный и даже физический уровень представителей правящего класса. Так, например, вычеркнуты были из текста сентенции Матвея; «Что вы здесь живете, батюшка мой? Здесь-то вы от каждого звоночка, словно зайчик, сигаете, и денежек-то у вас не водится, да и кушаете вы не в меру» и «Да и что за господа-то к вам ходят? Ведь, ей-богу, не на что взглянуть. Народ маленький, плюгавенький, больной, кашляют, прости господи, словно овцы»; изъяты были полностью эпизоды появления в квартире Жазикова «человека с собакой» и живописца-француза, заигрывания Жазикова с девушкой из прачечной, большая часть рассказа Блинова о свалке в его деревне из-за «межевых признаков» и т. п.

Полностью изъяты были из текста и все наиболее острые черты живого просторечия, нетерпимого по тем или иным причинам на императорской сцене: «Господи боже мой» (напоминало молитву); «Впрочем, пребываю» (напоминало концовку царских рескриптов); «проклятый немец» или «не люблю немцев» (многие чины высшего государственного аппарата были немецкого происхождения). В репликах: «только слава что штаны» вместо «штаны» появилось «платье», вместо «старый пес» — «старый холоп», вместо «подлец подгадил» — «злодей повредил», вместо «потеют от страха» — «дрожат от страха» и пр.

Изменен был и подзаголовок пьесы — вместо «Сцены из петербургской жизни молодого дворянина» в афишах стояло: «Сцены из петербургской жизни молодого человека».

Пьеса Тургенева была настолько искажена театральной цензурой, что спасти ее не могла даже игра первоклассных актеров. Две другие пьесы, шедшие вместе с нею в бенефис А. М. Максимова («Русский моряк» Н. А. Полевого и «Разлука также наука» П. И. Григорьева), имели несравненно больший успех, о чем свидетельствуют все четыре дошедшие до нас отклика на этот спектакль.

Первый из них принадлежал Р. Зотову, который заключил свой краткий пересказ фабулы «Безденежья» справкой о том, что «публика приняла пьесу довольно неблагосклонно» (*Сев Пчела*, 1852, 22 янв., № 18). Этот же «неуспех пьесы одного из даровитейших наших писателей» констатировал и другой рецензент «Безденежья» — В. Петров. Не сомневаясь в том, что «Безденежье», опубликованное несколько лет назад «в одном из петербургских журналов», самим автором никогда «не предназ-

началось для театра», рецензент утверждал. что «комедии г. Тургенева принадлежат к небольшому числу пьес нашего современного репертуара, для понимания и оценки которых нужны изощренный ум и тонкое чувство. В них нет тех аляповатых каламбуров, которые заставляют хохотать раек, нет тех фокус-покусов и переодеваний, которые напоминают масляничные представления; они более действуют на ум, нежели на чувство, и потому желание бенефицианта украсить афишу свою именем г. Тургенева факт очень утешительный» (*СПб Вед*, 1852, 23 янв., № 19, с. 2). Подробный отчет о постановке «Безденежья» появился во второй книжке «Отечественных записок» 1852 г. в анонимной обзорной статье «Петербургские театры в январе».

Подчеркивая бесспорные литературные достоинства «Безденежья», в котором «каждая сцена запечатлена тою правдою, которую беспрестанно видишь в жизни и очень редко на сцене», рецензент с сожалением отмечал, что всё же «пьеса пала» и «занавес опустился при шиканье, с которым не могли спорить несколько редких рукоплесканий». Премьеру не спасло даже то, что вначале «многие места, взятые прямо с натуры, вызывали невольный хохот». Анализируя причины провала пьесы, рецензент винил автора за ее «растянутость», за нежелание считаться с условиями сцены и с требованиями театральной аудитории.

«Кто прислушался к суждению публики,— заключал рецензент,— тот нисколько не ошибется, сказав, что если б автор уничтожил несколько ненужных звонков и кредиторов, если б, вместо двух просительных писем, с которыми герой пьесы посылает своего лакея к разным лицам, а сам остается на сцене, почти ничего не делая, он послал только одно, и если б, наконец, занавес опутился хоть немного поэффектнее, то пьеса имела бы успех. Она очень хорошо поставлена на сцену. Г-н Мартынов прекрасно сыграл слугу» (*Отеч Зап*, 1852, № 2, отд. VIII, с. 163—165).

В отклике на неудачу «Безденежья», появившемся на страницах журнала «Пантеон» в статье «Русский театр в Петербурге», известный водевилист Ф. А. Кони выразил прежде всего недоумение по поводу того, что «г. Тургенев, человек с большим и решительным талантом», пустился «в этот род наскоро набросанных и незаконченных драматических картиночек», которыми «с недавнего времени» стала засоряться русская сцена. Ф. Кони утверждал, что пьеса Тургенева, несмотря на то, что «многие места» ее «обличают руку художника», в целом «вещь чрезвычайно слабая», искажающая образ современного «молодого человека» и подлинную «петербургскую жизнь». Подчеркивая недостаточную типичность и оригинальность основных персонажей пьесы, Жазикова и слуги его Матвея, которые «как-то родственно напоминают собою Хлестакова и Осипа из „Ревизора“», Кони заключал свой разбор признанием, что всё же «и в этом маленьком труде г. Тургенева есть один мастерской очерк, именно характер помещика Блинова. Рассказ его о тяжбе, желание посмотреть раздирательную трагедию и расспросы у приказчика из литографии — черты, верно подмеченные в действительности. Этот характер был прекрасно исполнен г. Григорьевым 1-м. Г-н Мартынов дополнил своею жизненною игрою недостаток типичности слуги Матвея» (Пантеон, 1852, № 1, с. 10—11).

Провал «Безденежья», снятого с репертуара после второго представления, пережит был Тургеневым очень тяжело, особенно в связи с тем, что в это же время снята была со сцены и другая его пьеса — «Где тонко, там и рвется» (см. с. 576 наст. тома). Эти неудачи, объективное значение которых сам он непомерно преувеличивал, явились ближайшим поводом для прекращения его драматургической деятельности. Остановив навсегда работу над всеми им задуманными и даже начатыми пьесами, Тургенев отказался от публикации и постановки последнего своего драматического произведения — «Вечера в Сорренте», законченного 10 января 1852 г., и категорически запретил постановку в Москве «Безденежья» и «Где тонко, там и рвется».

«Ни одна из этих пьесок не имела здесь успеха,— писал Тургенев 6 марта 1852 г. из Петербурга актеру С. В. Шумскому.— Их дали, можно сказать, против моей воли — и я повторяю, мне было бы весьма неприятно, если б эти две, уже давно мною написанные вещи, повторились на каком бы то ни было театре. Я надеюсь, что г. г. артисты уступят моей убедительной просьбе».

Постановка «Безденежья» на московской сцене состоялась лишь одиннадцать лет спустя, 18 ноября 1863 г., в бенефис С. В. Шумского. Главные роли исполняли: Жазикова — Н. А. Александров, его слуги, Матвея — А. А. Федотов, Блинова — В. И. Живокини (*Театр насл*, с. 313—314).

Еще через десять лет постановка «Безденежья» была возобновлена на сцене Александринского театра в Петербурге. Пьеса шла 16 ноября 1873 г., в ряду нескольких других произведений, в бенефис главного режиссера А. А. Яблочкина, после чего поставлена была еще дважды — 19 и 21 ноября 1873 г. Никакого успеха пьеса не имела. «Сцены г. Тургенева,— отмечал рецензент „С.-Петербургских ведомостей“,— написаны им очень давно и принадлежат к числу слабых его вещей. Они предшествовали его „Холостяку“ и „Нахлебнику“ 〈...〉 Едва ли г. Тургенев, если б он находился здесь, остался доволен возобновлением этих сцен. Вообще нам кажется, что если пьеса даровитого писателя, составившего себе громкую репутацию, написана в начале его литературной деятельности и если она снята была с репертуара, то возобновлять ее следовало бы не иначе, как с согласия автора... Мы понимаем, что г. Яблочкину для афиши имя г. Тургенева могло быть нужно. Может быть, им даже руководило при этом похвальное побуждение — выказать свою симпатию к русской литературе, в лице одного из блестящих ее представителей; но в таком случае почему бы г. Яблочкину не выбрать хоть „Завтрак у предводителя“ того же г. Тургенева — вещь очень хорошую и до сих пор не утратившую своего достоинства? Мы очень рады, что случай дает нам возможность напомнить о ней нашим артистам, которые так жалуются на недостаток хороших пьес» (*СПб Вед*, 1873, 19 ноября, № 319). Столь же отрицательно реагировал на возобновление «Безденежья» рецензент газеты «Голос» (1873, 18 ноября, № 319).

При жизни Тургенева «Безденежье» поставлено было на Александринской сцене еще раз, в той же усеченной и искаженной цензурно-театральной редакции, в которой эти сцены шли и в 1852, и в 1863, и в 1873 годах. Пьеса возобновлена была

6 ноября 1881 г., в бенефис актера А. А. Нильского, вместе с драмой Н. Я. Соловьева «Медовый месяц» и комедией-шуткой Н. Кичеева и А. Дмитриева «Единственная». Роль Жазикова исполнял А. И. Каширин, Матвея — А. А. Алексеев (Гнедич П. Хроника драматических спектаклей на Петербургской сцене 1881—1890 годов.— Сборник историко-театральной секции Тео Наркомпроса. 1918, с. 7).

В специальной литературе о драматургии Тургенева характеристика «Безденежья» как произведения, близкого по некоторым особенностям своего построения не только «Ревизору» Гоголя, но и водевильной традиции, впервые дана была в статье Б. В. Варнеке «Тургенев — драматург» («Венок Тургеневу. 1818—1918». Сборник статей. Одесса, 1919, с. 5—7). В книге Л. П. Гроссмана «Театр Тургенева» (Пг., 1924, с. 43—44) была отмечена близость основных персонажей «Безденежья» (Жазиков и его старый слуга) и некоторых ситуаций этой комедии (цепь кредиторов, до извозчика включительно, от которых Матвей защищает своего промотавшегося барина) комедии В. Лукина «Мот, любовью исправленный» (1765). О месте «Безденежья» в драматургии Тургенева см. также «Очерки по истории русского драматического театра» С. С. Данилова (М.; Л., 1948, с. 365—366).

Стр. 51. *Чёрт возьми, опять должник.* И далее в этом же монологе: *Ну, а если это не должник?* — В обоих случаях Жазиков употребляет слово «должник» в его уже в то время устаревшем значении «кредитор», которым оно и было заменено во всех театральных списках «Безденежья». Ср. у Грибоедова: «Но должников не согласил к отсрочке: Амуры и Зефиры все Распроданы поодиночке!!!» («Горе от ума», д. II, явл. 5).

Стр. 53. *...две красненьких.*— Т. е. два денежных билета десятирублевого достоинства.

Стр. 54. *Вперед буду все мёбели брать у Гамбса.*— Петербургский модный мебельный магазин, находившийся на Итальянской улице, хозяином которого был сначала Аристид, а потом Петер Гамбс.

Стр. 57. *Но грустно думать, что напрасно была нам молодость дана...*— Цитата из романа Пушкина «Евгений Онегин» (глава 8, строфа XI).

Стр. 59. *Уймитесь, волнения страсти, засни, безнадежное сердце...*— Начальные строки из романса М. И. Глинки «Сомнение» (1838), написанного на слова Н. В. Кукольника.

Стр. 67. *В «Лондоне».*— В гостинице, находившейся на Адмиралтейской площади в Петербурге.

Стр. 69. *Трагедью ~ русскую какую-нибудь, покрутей...*— Намек на трагедии Н. А. Полевого и Н. В. Кукольника, проникнутые идеей «казенного патриотизма» и отличавшиеся высокопарностью и напыщенностью.

Каратыгина мне покажи, слышишь? — Каратыгин Василий Андреевич (1802—1853), знаменитый трагический актер старой классической школы.

Стр. 71. *Я поведу вас к Сен-Жоржу...*— Сен-Жорж, владелец модного ресторана в Петербурге, на Мойке (впоследствии Донон). См. также стр. 133.

ГДЕ ТОНКО, ТАМ И РВЕТСЯ

Комедия в одном действии

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Первая рукописная редакция, с полным текстом сказки Горского, запрещенной цензурой при сдаче комедии в печать. Черновой автограф, на 26 листах тетради (размер 222×181), исписанных с обеих сторон. Дата рукописи — июль 1848 г. Позднее на первом листе, над заголовком, вписано: «Посвящено Наталье Алексеевне Тучковой». В этой же рукописи карандашная запись 12 названий сцен и комедий, частью уже написанных, частью еще не законченных («Студент»), частью только задуманных (см. с. 526 наст. тома) и черновой вариант второй редакции сказки о трех женихах (л. 1 об.), датируемый 26 июня 1849 г. Автограф хранится в рукописном отделе *ГПБ* (ф. 795, № 19). См.: Государственная ордена Трудового Красного Знамени Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Труды Отдела рукописей. Рукописи И. С. Тургенева. Описание. Л., 1953, с. 14.

Типографские гранки журнального текста комедии, скрепленные подписью цензора А. Л. Крылова (три больших наборных листа, по 8 страниц в каждом, кончающиеся репликой Веры: «В самом деле? Спасибо за откровенность» — с. 100 наст. тома). На первом листе типографская отметка: «Г-ну цензору. Окт. 6». В тексте гранок несколько изменений, сделанных рукою цензора (см. о них ниже). Две последние гранки этого же набора, с поправками цензора и с его же отметкой от 12 октября 1848 г. о разрешении пьесы к печати, принадлежали до 1917 г. А. А. Александрову, но до нас не дошли. См. о них в «Каталоге выставки в память И. С. Тургенева в императорской Академии наук», 2-е изд., с исправлениями. Составили Ф. А. Витберг и Б. Л. Модзалевский. СПб., 1909, с. 40. Три же первые гранки хранятся в Музее И. С. Тургенева в Орле, куда перешли из архива О. В. Галаховой.

Совр, 1848, № 11, с. 5—38.

Беловой автограф второй редакции сказки о трех женихах, от слов «У одного барона» до «В этом я еще не успел собрать справок», на двух листах почтовой бумаги, вклеенных в оттиск первопечатного журнального текста комедии. Оттиск этот, хранящийся ныне в рукописном отделении *ИРЛИ*, ранее принадлежал Библиотеке императорских театров (инв. № 612). В печатном тексте — ряд отметок и сокращений режиссерского порядка. Печатный перечень действующих лиц дополнен от руки именами первых исполнителей пьесы на петербургской сцене 10 декабря 1851 г.

Писарская копия журнального текста комедии, дополненная

сказкой Горского о трех женихах баронессы (по рукописи *ИРЛИ*) и представленная в театральную цензуру 29 ноября 1851 г. Копия на 50 листах, в переплете. Текст пьесы разбит на 28 явлений и испещрен цензурными и режиссерскими сокращениями. На первом листе отметка старшего театрального цензора А. Гедерштерна от 3 декабря 1851 г. о разрешении пьесы к постановке. Копия эта, хранившаяся в Библиотеке императорских театров (инв. № 611), ныне находится в Ленинградской театральной библиотеке им. А. В. Луначарского (№ 1063, шифр: II. 1. 94), см. ниже, с. 575—576.

Для легкого чтения, т. IV, с. 173—227.

Таблица исправлений и дополнений, сделанных Тургеневым в 1868 г. в тексте *Для легкого чтения* при подготовке издания 1869 г.; беловой автограф (*ГИМ*, фонд И. Е. Забелина, № 440, ед. хр. 1265, л. 169).

Т, *Соч*, *1869*, ч. VII, с. 95—146.

Т, *Соч*, *1880*, т. 10, с. 97—148.

Впервые комедия опубликована: *Совр*, 1848, № 11, с. 5—38, с посвящением Н. А. Тучковой. Подпись: Ив. Тургенев. Сказка Горского о трех женихах царевны, исключенная из журнального текста цензурой, заменена на с. 31-й двумя рядами точек. Перепечатано, с новым вариантом сказки: *Для легкого чтения*, т. IV, с. 173—227. Посвящение Н. А. Тучковой здесь отсутствовало и ни в одном переиздании комедии уже не повторялось. С небольшими сокращениями и исправлениями стилистического порядка вошла в *Т*, *Соч*, *1869*. При подготовке этого издания Тургенев сделал на особом листе несколько поправок к тому тексту комедии, который был опубликован в 1857 г. в сборнике *Для легкого чтения*. Важнейшие из этих исправлений: с. 174 сборника — «видишь» исправлено на «увидишь»; с. 175 — «оглядывая» заменено «оглядывая его»; там же изъято слово «лучше»; с. 180 — после слова «привычному» добавлено «человеку»; с. 184 — после «он» добавлено «Вам что-нибудь сказал»; с. 187 — после «и» добавлено «говорит»; с. 192 — после «сказывал» добавлено «*(Помолчав немного.)* Какой у вас прекрасный дом!»; с. 194 — «брали» заменено «выбрали»; с. 205 — «говорю» заменено «поговорю»; с. 208 — «надо же» исправлено на «надо же знать»; с. 211 — после слов «Варвара Ивановна» добавлена ремарка «*(входя)*»; с. 218 — «видно» исправлено на «видно, что». Сверх того, устранено шесть опечаток во французских словах.

Текст комедии, установленный в 1869 г., перепечатывался во всех последующих изданиях сочинений Тургенева.

В настоящем издании комедия «Где тонко, там и рвется» печатается по последнему авторизованному тексту (*Т*, *Соч*, *1880*, т. 10, с. 97—148), с устранением опечаток, отмеченных самим Тургеневым. Сверх того, устранены две опечатки, не замеченные Тургеневым в 1880 г. в репликах Горского: вместо ошибочного: «если его имения не пропадут с аукционного торгу» печатается: «если его имения не продадут с аукционного торгу» (с. 93, строки 40—41); вместо: «Не так. Не беспокойся, друг мой» — «Ну, так. Не беспокойся, друг мой» (с. 112, строки 11—12). Эти исправления сделаны по рукописи и тексту первых публикаций комедии.

Комедия «Где тонко, там и рвется» написана Тургеневым в Париже, в июле 1848 г. Время работы над этой пьесой, задержавшей окончание ранее задуманного «Нахлебника», документируется отметкой на заглавном листе ее чернового автографа: «Драматические очерки. Париж. Июль 1848 г.».

Первым упоминанием о новой пьесе является письмо Герцена из Парижа к его московским друзьям: «Тургенев,— сообщал он 5 августа 1848 г.,— написал маленькую пьесу, очень милую, для театра, и пишет другую для Мих. Сем. ⟨Щепкина⟩» (*Герцен*, т. 23, с. 90).

Н. А. Тучкова, которой была посвящена Тургеневым новая его пьеса, отмечает в своих воспоминаниях, что «Где тонко, там и рвется» было прочитано в доме ее отца во время пребывания А. А. Тучкова с дочерьми в Париже. Воспоминания Н. А. Тучковой свидетельствуют о большом внимании Тургенева к ней в эту пору, что подтверждается и письмом к ней Н. П. Огарева, относящимся к началу января 1849 г.: «Сегодня прочел комедию Тургенева,— писал он.— Тут столько наблюдательности, таланта и грации, что я убежден в будущности этого человека. Он создаст что-нибудь *важное* для Руси. А потом он вас любит» (*Рус Пропилеи*, т. IV, с. 73).

«Третьего дня Анненков читал у нас вечером Вашу комедию „Где тонко, там и рвется“,— писал Н. А. Некрасов 12 сентября 1848 г. из Петербурга в Париж Тургеневу.— Без преувеличения скажу Вам, что вещицы более грациозной и художественной в русской нынешней литературе вряд ли отыскать. Хорошо выдумано и хорошо исполнено,— выдержано до последнего слова. Это мнение не одного меня, но всех, которые слушали эту комедию, а их было человек десять,— между прочим Дружинин, которого я знакомил с Анненковым. Заметил я (и все со мной *тотчас* согласились), что немного неловка сказка о куклах, ибо *почтеннейшая публика* может принять всё это место в самую ярыжную сторону и разразиться жеребячьим хохотом. Приведите себе на память это место, взгляните на него с *этой* точки,— может быть, Вы найдете это замечание достойным внимания и сочтете нужным заменить то место. С этой целию я и сообщаю Вам его ⟨...⟩ Если пришлете еще рассказов, то я напечатал бы комедию в 11 №, а рассказы все, сколько их будет, оставил бы на первый №. Напишите, как Вам хочется. Если комедию на 11 №, то поторопитесь с поправкой (разумеется если вздумаете сделать ее)» (*Некрасов*, т. X, с. 114—116).

Однако, прежде чем «почтеннейшая публика» могла откликнуться на «сказку» Горского, о некоторой двусмысленности которой предупреждал автора Некрасов, весь этот эпизод безоговорочно был изъят из печатного текста комедии цензурой: «Из комедии Вашей вымарали сказку,— писал Некрасов 17 декабря 1848 г. Тургеневу,— и я заменил это место точками, делать было нечего! Я старался отстоять, да напрасно» (там же, с. 121).

Из журнальной редакции комедии был полностью изъят не только текст сказки о трех женихах царевны [1], но и еще не-

[1] Эти страницы впервые были опубликованы Н. Л. Бродским в сб. «Свиток», кн. 2, М., 1922, с. 116; см. также: *Т*, *ПСС и П*, *Сочинения*, т. II, с. 312—314.

сколько мест, признанных цензором «Современника» недопустимыми в печати. В числе устраненных слов и строк были и такие, которые заостряли сатирические характеристики представителей правящего класса (например, ремарка «старый лизоблюд» в данных о капитане Чуханове на с. 78, слово «помещица» в упоминании о «крикливой помещице Марье Богдановне» на с. 96, некоторые существенные детали автопризнаний Горского (например, на с. 85: «Эта смешная осторожность, этот преувеличенный страх, не предполагает ли какую-то ребяческую веру в будущность и в жизнь») и даже отдельные слова (например, на с. 99 в реплике: «Но не требуйте, ради бога, той же самой смелости и свободы от человека темного и запутанного, как я» были изъяты слова «и свободы»). Характерно, что во всех позднейших перепечатках пьесы Тургенев не устранил навязанных ему в 1848 г. цензурой искажений начального текста.

К доработке текста «Где тонко, там и рвется» Тургенев возвратился, как свидетельствует рукопись комедии, в середине июня 1849 г., имея, вероятно, в виду возможную постановку пьесы на сцене. Оставив основной текст без изменений, он переделал только сказку Горского о трех женихах, учитывая цензурные требования. Точная дата нового варианта сказки определяется отметкой в рукописи первой редакции комедии (л. 20 об.) на полях первоначального варианта сказки: «NB. Смотри. Le 26 Juin 1849». Дата эта повторялась на том же листе еще дважды, причем один раз в форме «26 (14) J.», позволяющей установить время переработки по старому и новому стилю. Теми же чернилами и тем же пером на втором листе рукописи, оставшемся прежде незаполненным, набросана была Тургеневым вторая редакция сказки. Этот новый ее вариант существенно отличался от первоначального, в котором речь шла не о баронессе, а о царевне, не о бароне, а о царе, не о двух женихах, отличавшихся своею одеждою («желтоватый» и «голубоватый»), а о трех, отличавшихся цветом своих волос (белокурый, русый и черноволосый). Развит был в новом варианте сказки мотив испытаний, предлагавшихся женихам царевной, и вовсе подверглись изъятию строки о куклах, неуместность которых отмечена была в письме Некрасова от 12 сентября 1848 г.

До нас дошел не только черновой автограф нового варианта сказки Горского (см. *Т*, *ПСС и П*, *Сочинения*, т. II, с. 326—328), но и беловой ее текст — на двух листках тонкой почтовой бумаги, вклеенных Тургеневым в оттиск первопечатного текста комедии (*ИРЛИ*, 4192, с. 39, л. 17 и 19). С этого сводного текста сделана была писарская копия пьесы, с режиссерской разбивкой ее на 28 явлений, представленная 29 ноября 1851 г. в театральную цензуру. К постановке комедия разрешена была 3 декабря 1851 г. с некоторыми дополнительными изменениями: в первом монологе Горского «генерал» заменен был «бароном», а вместо «пронюхивать» поставлено «узнавать». В реплике Горского: «Какая трогательная картина» и пр. (с. 111) «болван» заменен «глупцом». На следующей странице в строку: «Ведь я все-таки остаюсь церемониймейстером» перед последним словом вставлено «вашим». На с. 106 вычеркнуто: «А там давай бог ноги! Порядочный человек не должен позволить себе погрязнуть в этих пуховиках» (см.: *Пыпин*, *Списки пьес Т*, с. 204—205).

В театральной редакции комедии было сделано, кроме того, несколько режиссерских сокращений, а французские сентенции и диалоги переведены на русский язык. В этом же цензурно-театральном списке комедии сохранился режиссерский вариант ее концовки:

«Мухин *(становясь на место с m-lle Bienaimé, на ухо Горскому)*. Хорошо, брат, хорошо. Но согласись...

Горский. Где тонко, там и рвется. Согласен! *(Занавес.)*»

Премьера комедии «Где тонко, там и рвется» состоялась 10 декабря 1851 г. в Петербурге в бенефис Н. В. Самойловой. Пьеса поставлена была в числе шести других одноактных комедий и водевилей в присутствии, видимо, самого Тургенева. К этому же времени относился и тот перечень исполнителей пьесы, который сделан был Тургеневым на первом листе ее черновой рукописи: «Сосницкая. В. Самойлова. M-lle J. Bras. Мартынов. Максимов. Каратыгин 2-й. Григорьев» [1].

«Афиша чудесная,— писал под впечатлением этого спектакля известный водевилист и режиссер Н. И. Куликов 10 декабря 1851 г.— Шесть разных штук, спектакль кончился в 1-м часу... но увы... сбор был очень мал, в сравнении с прежними бенефисами. Лучше всех пьеса Тургенева „Где тонко, там и рвется“, комедия в одном действии. В. Самойлова и Максимов 1 превосходно выполнили свои роли. Хотя и нет в пьесе настоящей комедии по пошлым правилам драматургии,— зато сцены исполнены жизни, ума и чувства. Идея Онегина с Татьяной,— что, впрочем, на сцене еще ново» (Библиотека театра и искусства, 1913, кн. IV, с. 25).

Пьеса тем не менее успеха не имела и после еще двух представлений (12 и 16 декабря) была снята с репертуара (*Вольф, Хроника*. Ч. II. СПб., 1877, с. 170; *СПб Вед*, 1851, № 278, 282, 284).

Анонимный автор обзора «Петербургские театры в ноябре и декабре 1851 г.», характеризуя «Где тонко, там и рвется» как «прекрасную комедию», заключал свой детальный пересказ ее содержания следующими словами: «Судя по тому, что эта пьеса явилась на сцене года три после того, как была напечатана, можно заключить, что она писана не для сцены. В ней, в самом деле, очень мало сценического, очень мало того, что поражало бы всех, нравилось бы всем. В ней также есть много длиннот, очень занимательных и даже необходимых в чтении, но утомительных на сцене. Вот почему эта пьеса произвела сомнительное впечатление, несмотря на то, что была прекрасно разыграна. Г-жа Самойлова 2-я и г-н Максимов очень верно поняли свои роли и сумели с большим искусством передать их психологическую сторону» (*Отеч Зап*, 1852, № 1, отд. VIII, с. 60).

15 июня 1856 г. Некрасов обратился к Тургеневу с просьбой дать разрешение на перепечатку комедии «Где тонко, там и

---

[1] Эти имена актеров впоследствии были зачеркнуты и заменены Тургеневым в автографе пьесы фамилиями ее исполнителей на одном из великосветских любительских спектаклей, видимо, в 1852 г.: «Г-жа Баратынская. Кн. Гагарина. Шеловский. Маркевич. Долгорукий. Фредро» (*ГПБ*, ф. 795, № 19, л. 1).

рвется» в издаваемой им серии *Для легкого чтения* (*Некрасов*, т. X, с. 278). В письмах от 4 и 10 июля того же года Тургенев выразил согласие на эту перепечатку, после чего пьеса его вошла в четвертый том издания *Для легкого чтения*.

В этом сборнике, разрешенном цензурой 13 сентября 1856 г., комедия «Где тонко, там и рвется» впервые появилась в печати с текстом сказки Горского о трех женихах баронессы, но не в том ее варианте, который был включен в театральную редакцию комедии в 1851 г., а с некоторыми новыми исправлениями стилистического порядка, которые перешли затем без всяких изменений в издание 1869 г.

Текст «Где тонко, там и рвется», опубликованный в сборнике *Для легкого чтения* в 1856 г., имел еще одну особенность: в нем отсутствовало посвящение пьесы Н. А. Тучковой, которая была уже в это время женою эмигранта Н. П. Огарева. Есть все основания предполагать, что снятие посвящения в данном случае объяснялось не волею автора, а цензурно-полицейскими требованиями, так как посвящение это отсутствовало и в отдельном издании комедии, выпущенном книгопродавцем Ф. Стелловским в 1861 г. без какого бы то ни было участия Тургенева [1]. Текст этого издания, разрешенный цензурой 18 января 1861 г., представлял собою механическую перепечатку искаженного цензурой журнального текста комедии, со всеми его дефектами, даже с двумя рядами точек, заменившими в «Современнике» 1848 г. сказку Горского. В редакции 1856 г. комедия «Где тонко, там и рвется», с самыми незначительными сокращениями и исправлениями, вошла в издание «Сцен и комедий» 1869 г.

Особый литературно-театральный жанр, тематику и формы которого усвоил Тургенев в «Где тонко, там и рвется», был канонизирован в конце тридцатых — начале сороковых годов в «Драматических пословицах» («Proverbes dramatiques») Альфреда Мюссе. Характеристика пьес этого типа, данная на страницах «Современника» тотчас же после публикации «Где тонко, там и рвется», настолько искусно определяла специфические черты нового драматургического стиля, что, несмотря на отсутствие в этой анонимной статье (ее автором был, видимо, И. И. Панаев) прямых упоминаний о Тургеневе, ее можно рассматривать сейчас как первый историко-литературный комментарий к одной из популярнейших впоследствии «сцен и комедий».

«Г-н Мюссе создал еще новый род небольших драматических разговоров, которые он назвал пословицами (proverbe), потому что они действием своим выражают смысл, заключающийся в этих пословицах... Эти драматические пьески, печатавшиеся в „Revue des deux Mondes“, в первый раз появились на сцене петербургского французского театра (в 1842/1843 г.) и уже потом поставлены были в Париже на сцене Théâtre Français. В них нет почти сценического действия; главное достоинство их

---

[1] В письме Тургенева к Е. Я. Колбасину от 20 сентября 1860 г. есть глухое упоминание о получении им из Петербурга какого-то текста (печатного или рукописного — неясно) «Где тонко, там и рвется». Возможно, что эта посылка была связана с подготовкой издания Стелловского.

заключается в том неуловимо тонком и изящном светском разговоре, который может быть понят и передан только такими образованными артистами, каковы г-жа Аллан, Плесси и г-н Аллан. Пьески эти имели и на петербургской и на парижской сцене успех блистательный. У нас, к сожалению, до сих пор не существует светский разговорный язык, и потому передать в переводе драматические пословицы г. Мюссе очень трудно: они непременно должны утратить эту тонкость и этот свежий прозрачный колорит, которые составляют главное их достоинство. Переводить эти пословицы так же трудно, как, например, с художественною тонкостью скопировать какой-нибудь мастерской акварельный рисунок» (*Совр*, 1848, № 12, отд. II, с. 198—199).

После этой литературно-критической декларации ссылки на связь «пословиц» Мюссе с некоторыми из «сцен и комедий» становятся непременной принадлежностью всех критических разборов драматургии Тургенева. Никаких признаний в этом направлении самого автора «Где тонко, там и рвется» до сих пор неизвестно, но несколько строк одного из писем его к Полине Виардо, отражавших впечатления от игры г-жи Аллан на парижской сцене в «Caprice» Мюссе 27 ноября 1847 г., позволяют установить предысторию «Где тонко, там и рвется» и «Месяца в деревне»: «Кальдерон,— писал Тургенев 19 декабря 1847 г.,— гений совершенно исключительный и мощный прежде всего. Мы же, слабые потомки могучих предков, можем стремиться к достижению лишь того, чтобы казаться грациозными в своей слабости.— Я думаю о „Caprice“ Мюссе, который продолжает производить здесь фурор» [1].

Комедия «Где тонко, там и рвется» получила единодушную положительную оценку критики.

«Недавно напечатана была в „Современнике“,— писал П. В. Анненков в 1849 г. в „Заметках о русской литературе про-

---

[1] Для характеристики особенностей восприятия в России в эту пору комедий Мюссе сошлемся на заметку в «Северной пчеле»: «С легкой руки г-жи Аллан, пересадившей комедию-пословицу „Caprice“ с петербургской на парижскую сцену, пьесы Альфреда де Мюссе вошли теперь в моду и из собрания их, вышедшего в свет уже лет за десять перед сим, теперь почерпают обильную дань. Со времени открытия театров после прекращения представлений в Париже, вследствие кровавых смут, две главные пьесы, игранные с успехом, принадлежат этому писателю. Одна из них: Il ne faut jurer de rien, комедия в трех действиях, была представлена на бывшем Французском театре (нын. Театре Республики) накануне июньского мятежа и возобновилась теперь с успехом; другая, Le Chandelier, также комедия в 3-х действиях, дана недавно на Историческом театре» (*Сев Пчела*, 1848, 23 августа, № 188). Как известно, Тургенев перевел (возможно, что в это самое время) «La Chanson de Fortunio» — романс клерка из комедии «Le Chandelier» («Подсвечник») Мюссе («Не ждете ль вы, что назову я, кого люблю...»,— см. наст. изд., *Сочинения*, т. 1, с. 323). Данные о ранней русской переделке «Каприза» Мюссе и о постановке его в бенефис А. М. Каратыгиной в сезон 1837/38 г. см.: *Вольф*, *Хроника*, ч. I, с. 61—62 и 108.

шлого года“,— небольшая комедия г. Тургенева: „Где тонко, там и рвется“, открывающая новую сторону его таланта, именно живопись лиц в известном круге действователей, где не может быть ни сильных страстей, ни резких порывов, ни запутанных происшествий. Кто знает, как велик этот круг, тот поймет заслугу автора, умевшего отыскать содержание и занимательность там, где вошло в обыкновение предполагать отсутствие всех интересов. Такими чертами обрисовал он главное лицо комедии, скептическое до того, что оно не верит собственному чувству, и запутанное так, что из ложного понятия о независимости оно отказывается от счастия, которого само искало. Всякому случалось встретить подобный характер, гораздо труднейший для передачи, чем многие великолепные герои трагедий или многие нелепые герои комедий. Интрига, простая до крайности, в комедии г. Тургенева не теряет ни на минуту своей живости, а комические лица, которыми обставлена главная действующая чета, переданы, так сказать, с артистическою умеренностию» (*Совр*, 1849, № 1, отд. III, с. 20).

«Несколько месяцев тому назад,— развивал положения эти А. В. Дружинин,— автор „Записок охотника“ в маленькой пьеске „Где тонко, там и рвется“ доказал <...> что новая русская комедия может сделаться занимательною, если в нее ввести дельную мысль, наблюдательность и занимательный разговор» (*Совр*, 1849, № 10, отд. V, с. 288). Как «грациозную мастерскую этюду, предназначенную не для сцены и между тем вполне драматическую» — характеризовал «Где тонко, там и рвется» и анонимный рецензент «Отечественных записок» (1850, № 1, отд. V, с. 18).

Впечатления широкой театральной аудитории от новой пьесы Тургенева отражала эпиграмма П. А. Каратыгина:

Тургенев хоть у нас и славу заслужил,
На сцене же ему не слишком удается!
В комедии своей он так перетончил,
Что скажешь нехотя: где тонко, там и рвется [1].

Под впечатлением неуспеха пьесы в Петербурге Тургенев письмом от 6 (18) марта 1852 г. к С. В. Шумскому (см. с. 570) запретил ее постановку и в Москве. Запрет был снят только в конце года, когда Тургенев дал согласие на включение комедии «Где тонко, там и рвется» в число четырех произведений, идущих в бенефис С. В. Шумского. Спектакль состоялся 5 ноября 1852 г. и был повторен 11 ноября (*Моск вед*, 1852, № 133 и 135, 4 и 8 ноября). Роли исполняли: Веры Николаевны — А. П. Чистякова, Станицына — С. В. Васильев, Горского — И. В. Самарин, Мухина — Д. Т. Ленский, капитана Чухапова — М. С. Щепкин (*Театр насл*, с. 311). Несмотря на блестящий состав исполнителей, пьеса в репертуаре не удержалась.

Неудачей «Где тонко, там и рвется» на петербургской и московской сценах была облегчена критическая работа и принципиальных отрицателей «драматических пословиц» Мюссе и его

---

[1] Варнеке Б. В. История русского театра. Ч. 2. Казань, 1910, с. 332; то же, 2-е изд., 1913, с. 601.

русских продолжателей. «Авторы всех подобных произведений,— писал в 1859 г. А. Григорьев в статье „И. С. Тургенев и его деятельность",— стремились к *тонкости*. Тонкость была повсюду: тонкость стана героинь, тонкость голландского белья, и т. д.— *тонкость*, одним словом, и притом такая, что стан, того и гляди, напомнит жердочку в народной песне:

Тонка-тонка — гнется, боюсь — переломится⟨...⟩

Кончались *дела* обыкновенно или *мирно*, сознанием героя и героини, что они *могут позволить себе любить*, из чего, eo ipso, выходило — за сценой, разумеется, и желанное заключение,— или *трагически*: герой и героиня расставались „в безмолвном и гордом страданьи", пародируя трагическую тему Лермонтова... И этой жалкой моде, этому поветрию апатии и праздности,— поддался, скажете вы, талант Тургенева... Да, скажу я без запинки, и укажу прямо на „Провинциалку" и на „Где тонко, там и рвется". Пусть „ Где тонко, там и рвется", по истинной тонкости анализа, по прелести разговора, по множеству поэтических черт — стоит над всем этим *дамским* и *кавалерским* баловством столь же высоко, как пословицы Мюссе; пусть в „Провинциалке" женское лицо очерчено хотя и слегка, но с мастерством истинного артиста ⟨. . .⟩, но всё же эти произведения — жертва моде и какая-то женская прихоть автора „Записок охотника", „Рудина" и “Дворянского гнезда"»[1].

Признание высоких литературных достижений Тургенева в «Где тонко, там и рвется» и утверждение комедии в репертуаре всех русских театров последовало лишь после воскрешения традиций тургеневских «сцен и комедий» в психологической драме конца XIX — начала XX в.

Первым развернутым ответом критикам, недооценивавшим комедию «Где тонко, там и рвется», явилась характеристика этой пьесы в статье Е. Цабеля (см.: *Zabel*, S. 156—157), основные положения которой были развиты в обзоре Л. Я. Гуревич «Комедии Тургенева на сцене Художественного театра» в 1912 г.: «„Где тонко, там и рвется" — первая по времени вполне законченная пьеса Тургенева из русской жизни — вызывает, кажется, наиболее упреков в недостатке драматизма. В ней нет ни ярких характеров, ни глубоких чувств и вспышек страсти. Сложная, изменчивая, насквозь сознательная психология двух главных ее героев — Горского и Верочки — кажется даже с первого взгляда салонно-поверхностной, не затрагивающей никаких серьезных мотивов человеческого существования, не заключающей в себе никаких внутренне характерных конфликтов. Нет! это неверно, всмотритесь. В этой несмелой, но быстро сменяющейся в своих этапах борьбе двух человеческих душ, то приближающихся друг к другу, разгорячающихся, то смущенно отстраняющих-

---

[1] *Рус Сл*, 1859, № 5, отд. «Критика», с. 23—25. (Перепечатано в Сочинениях А. Григорьева, СПб., 1876, с. 351—352). Протест против русских подражаний комедиям Мюссе см. также в вводных страницах Достоевского к циклу статей о русской литературе в журнале «Время» (1861, № 1, отд. 3, с. 8); ср.: *Достоевский*, т. XVIII, с. 47.

ся, затронуты коренные инстинкты мужской и женской природы. Он хочет владеть ею, покорить ее, не связывая себя, не отдавая ей безраздельно своей жизни. Она хочет отдать себя всецело, но с тем, чтобы и он полностью принадлежал ей ⟨...⟩ В беглых, играющих художественных намеках представлены здесь эти непримиримые, вековечные противоречия жизни» [1].

О постановках комедии «Где тонко, там и рвется» на сцене Александринского театра в Петербурге в 1891 и 1908 гг. и в Московском Художественном театре в 1912 г. см.: Б е р д н и к о в Г. П. Тургенев и театр. М., 1953, с. 588—589; Московский Художественный театр. 1898—1938. Библиография. Сост. А. А. Аганбекян. М.; Л.: Изд. ВТО, 1939, с. 51—52.

С т р. 75. *Показывает ему «Journal des Débats».*— «Le Journal des Débats» — газета, выходила в Париже в 1814—1864 гг.

...«мы получаем „Телеграф"».— Цитата из поэмы Пушкина «Граф Нулин» (1825), звучащая в реплике Горского очень иронически, как и в первоисточнике; «Московский телеграф» — двухнедельный литературно-критический журнал, с модными картинками, выходивший в 1825—1834 гг. под редакцией Н. А. Полевого.

С т р. 76. *...сама живет и жить дает другим.*— Эта поэтическая формула вошла в русский язык после стихотворения Г. Р. Державина «На рождение царицы Гремиславы»: «Живи и жить давай другим, но только не за счет другого» (1798). В романе «Рудин» (1855) Тургенев отмечал: «Есть три разряда эгоистов: эгоисты, которые сами живут и жить дают другим; эгоисты, которые сами живут и не дают жить другим; наконец, эгоисты, которые и сами не живут и другим не дают».

...держится для этого на подножном корму разорившийся капитан в отставке.— Слова «на подножном корму», изъятые в 1848 г. из журнального текста цензурой, были восстановлены в *Т*, *Соч*, *1869*, ч. VII.

С т р. 80. *Авось и в Сциллу не попаду и Харибду миную!* — По древнегреческому мифу, Сцилла и Харибда — два чудовища, жившие на прибрежных скалах на расстоянии выстрела из лука друг от друга (Гомер, «Одиссея», 12 песня). Переносно: настигающая или грозящая опасность с двух сторон.

С т р. 88. *C'est Rastrelli...*— Растрелли Бартоломео (1700—1771), итальянец по происхождению, русский зодчий XVIII столетия.

С т р. 90. *Сонату Клементи.*— Клементи Муцио (1752—1832), английский музыкант, создатель классической формы фортепьянной сонаты.

---

[1] *Совр*, 1912, № 5, с. 319. Исключительно интересен в этом же плане отзыв Чехова об этой комедии в его письме от 24 марта 1903 г. к О. Л. Книппер: «„Где тонко, там и рвется" написано в те времена, когда на лучших писателях было еще сильно заметно влияние Байрона и Лермонтова с его Печориным; Горский ведь тот же Печорин. Жидковатый и пошловатый, но всё же Печорин» (Ч е х о в А. П. Полн. собр. соч. и писем. 1951. Т.20, с. 77). В статье Е. Цабеля образы Веры и Горского возводились к характерам Беатриче и Бенедикта в комедии Шекспира «Много шума из ничего».

С т р. 91. *Помните, я вам вчера читал Лермонтова* ∽ *о том сердце, в котором* ∽ *с враждой боролась любовь...* — Речь идет о стихотворении М. Ю. Лермонтова «Оправдание» (1841).

С т р. 93. *...какой-нибудь морской рак во сто тысяч раз фантастичнее всех рассказов Гофмана...* — Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776—1822), немецкий писатель-романтик, в произведениях которого реальность нередко переплеталась с полупризрачными, фантастическими образами.

С т р. 96. *...отчего я готов, как школьник, накуролесить всем, всем на свете...* — В рукописи Тургенева и в цензурных гранках журнального текста вместо «накуролесить» было «напакостить». Рукою цензора последнее слово было заменено словом «напроказить», но редакция «Современника», не согласившись с правкой цензора, заменила в журнальном тексте глагол «напакостить» — вариантом «накуролесить», который и сохранился во всех перепечатках комедии.

...точно в «Женитьбе» Гоголя... — Горский имеет в виду бегство Подколесина перед самым венцом («Женитьба», 1842, д. 2, явл. 21).

С т р. 101. *Хотите, я вам прочту вступление в естественную историю Бюффона?* — Жорж-Луи Леклер, граф Бюффон (1707—1788), автор многотомной «Histoire naturelle générale et particulière», частично переведенной и на русский язык. См. также наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 518.

...там есть вид Лаго-Маджиоре... — Имеется в виду живописное озеро на южном склоне Альп. В апреле-мае 1840 г. во время своего путешествия по Италии Тургенев побывал там. См. его письмо к А. П. Ефремову от 5(17) мая 1840 г.

С т р. 102. *Вот в чем вопрос.* — Слова из монолога Гамлета «Быть или не быть, вот в чем вопрос» (У. Шекспир, «Гамлет», акт III, сцена 1).

С т р. 108. *Мне бы хотелось обнять весь мир...* — Перефразировка слов Дон Гуана в «Каменном госте» Пушкина, сцена III, стих 130.

С т р. 110. *...решительны, как Фридрих Великий.* — Фридрих II Великий (1712—1786) — прусский король, представитель так называемого «просвещенного абсолютизма»; с детства отличался храбростью и воинственностью духа, независимостью суждений.

...всё к лучшему в этом мире. — Усеченная цитата из «Кандида» Вольтера («Всё к лучшему в этом лучшем из миров»).

С т р. 111. *Welche Perle warf ich weg!* — Цитата из трагедии Ф. Шиллера «Мария Стюарт» (1801), акт V, явл. 10.

НАХЛЕБНИК

Комедия в двух действиях

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Первая рукописная редакция, законченная в Париже в 1848 г. Черновой автограф, без посвящения М. С. Щепкину. Начало пьесы (кончая репликой Елецкого: «Вот я и в деревне. Странно как-то. А хорошо. Ей-богу, хорошо») написано на трех листах большого формата, сложенных пополам; продолжение и окончание — в особой тетради, пронумерованной самим Тургеневым, с. 1—57. Дальнейшая часть тетради занята текстом комедии «Холостяк» (с. 59—153) и наброском «Ванька (Разговор)» на с. 155. Хранится в *ЦГАЛИ* (ф. 509, оп. 2, ед. хр. 6/1—2).

В первых листах автографа рукою Тургенева записаны фамилии и имена его парижских друзей и знакомых —П. Виардо, Герцена, Бакунина, Киселева и других (см. с. 587), некоторых политических деятелей 1848 г. (см. там же), нескольких женщин, воспетых Гёте, набросано пять мужских профилей. На полях л. 2-го набросан план сцены с расположением дверей, окон и мебели в зале дома Кориных в их усадьбе. На обложке рукописи Тургеневым записан адрес: «M-r Abel, Rue de la Tour d/Auvergne № 38 (près de la Rue des Martyrs. P.— à droite)».

Перебеленный автограф первой редакции на 18 л. почтовой бумаги большого формата, с позднейшей правкой. После заглавия рукою А. А. Краевского вписано: «Посвящена М. С. Щепкину». Без 14-го листа. Хранится в *ИРЛИ* (ф. 250, № 573), куда поступил из собрания А. Н. Пыпина.

Рукопись эта, посланная осенью 1848 г. Тургеневым из Парижа в Москву, в распоряжение М. С. Щепкина, после запрещения постановки пьесы, была отправлена В. П. Боткиным 9 февраля 1849 г. А. А. Краевскому в Петербург. С этой же рукописи, как свидетельствуют типографская разметка ее текста, фамилии наборщиков на полях и карандашная надпись Краевского в левом верхнем ее углу: «Отпечатать особо пятнадцать экз. *Кр.*»,— сделан был в 1849 г. типографский набор пьесы. Эта же рукопись, возвращенная Тургеневу, в 1856—1857 гг. была использована им для подготовки к печати второй редакции пьесы, увидевшей свет в «Современнике» (1857, № 3), под названием «Чужой хлеб» (см. далее об этой правке, с. 594—596). Краткое описание рукописи см. в статье В. И. Чернышева «Комедия Тургенева „Чужой хлеб“ („Нахлебник“)».— Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922, с. 117—136.

14-й лист автографа находится в Ленинградском отделении Архива АН СССР (ф. 726, И. М. Гревса); см.: Р о в н я-

кова Л. И. «Нахлебник». Вновь найденный лист первой беловой редакции (1848).— *Т сб*, вып. 2, с. 7—11.

Писарской список первой редакции комедии, запрещенной в 1849 г. Список на 104 листах, из которых три листа чистых. Хранится в *ЦГАЛИ* (ф. 509, оп. 1, ед. хр. 26). На первом листе дарственная надпись: «Петру Яковлевичу Чаадаеву в знак искренней дружбы от автора» (см. фотоснимок с этого листа в «Бюллетенях Государственного литературного музея. И. С. Тургенев. Рукописи, переписка и документы». М., 1935, с. 18). В текст списка рукой Тургенева внесено 29 исправлений, устраняющих ошибки переписчика, а в нескольких случаях уточняющих текст первой редакции (см. с. 593).

Чаадаевская копия «Нахлебника», как и список комедии, сохранившийся в архиве Станкевича (см. ниже), разбита на явления.

Типографские гранки текста, набранного для третьего номера журнала «Отечественные записки» 1849 г. и запрещенного цензурой 22 февраля того же года, на шести больших листах. На каждом из них отметка: «16 февраля»; на обороте пятого листа надписано: «Г-ну Цензору Фрейгангу. Отечеств. Зап. Из тип. Глазунова». На обороте второго листа карандашная отметка: «К делу 1849 г. под № 8». Текст гранок испещрен карандашом цензора —многие слова и строки исключены, некоторые заменены другими (см. с. 590). Гранки запрещенного текста «Нахлебника», обнаруженные при разборе архива Главного Управления по делам печати в 1917 г., были опубликованы: *Лит Музеум*, с. 187—257 и 368—380. Хранятся в *ЦГИАЛ*. Второй экземпляр этих гранок, без цензурных поправок, хранится в *ГПБ*, ф. А. А. Краевского, см.: *Отчет ИПБ* за 1889 г., СПб., 1893, приложение, с. 78.

Список первого акта пьесы, сохранившийся в архиве семьи Станкевичей (*ГИМ*, ф. 351, ед. хр. 106, лл. 57—74). Список восходит к автографу первой редакции пьесы, но разбит на явления. Посвящение отсутствует. На первом листе отмечены фамилии исполнителей основных ролей пьесы, готовившейся зимою 1849—1850 г. к постановке в доме Станкевичей, с М. С. Щепкиным в главной роли. См. об этом несостоявшемся спектакле с. 592.

Совр, 1857, № 3, с. 81—133.

Таблица дополнений и поправок, сделанных Тургеневым для издания 1869 г. при вычитке журнального текста (1857 г.). Беловой автограф, хранящийся в *ГИМ* (ф. И. Е. Забелина, № 440, ед. хр. 1265, лл. 160—163).

Т, *Соч*, *1869*, ч. VII, с. 147—225.

Т, *Соч*, *1880*, т. 10, с. 149—226.

Впервые опубликовано: *Совр*, 1857, № 3, с. 81—133, под заглавием «Чужой хлеб. Комедия в двух действиях», с подписью: Иван Тургенев. Этот текст пьесы являлся переработкой первой ее редакции, написанной в 1848 г. и предназначенной, под названием «Нахлебник», для третьего номера «Отечественных записок» 1849 г., но запрещенной цензурой 22 февраля 1849 г. Третья редакция пьесы, над которой Тургенев работал в 1861 г. при подготовке ее к постановке в Москве, в бенефис М. С. Щепкина,

ЧУЖОЙ ХЛѢБЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ЛИЦА.

ПАВЕЛЪ НИКОЛАИЧЪ ЕЛЕЦКІЙ, коллежскій совѣтникъ, 32 лѣтъ.

Петербургскій чиновникъ; холоденъ, сухъ, не глупъ, аккуратенъ; одѣтъ просто, со вкусомъ. Человѣкъ дюжинный, не злой, но въ сущности безъ сердца.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА ЕЛЕЦКАЯ, урожденная Корина, его жена, 21 года.

Доброе, мягкое существо; мечтаетъ о свѣтѣ и боится свѣта, любитъ мужа, ведетъ себя весьма прилично. Хорошо одѣвается.

ВАСИЛІЙ СЕМЕНЫЧЪ КУЗОВКИНЪ, дворянинъ, проживающій на хлѣбахъ у Елецкихъ, 50 лѣтъ.

Носитъ сюртукъ съ стоячимъ воротникомъ и мѣдными пуговицами.

ФЛЕГОНТЪ АЛЕКСАНДРЫЧЪ ТРОПАЧОВЪ, сосѣдъ Елецкихъ, 36 лѣтъ.

Помѣщикъ 400 душъ, не женатъ. Высокаго роста, виденъ собою, говоритъ громко, рисуется. Служилъ въ кавалеріи и вышелъ въ отставку поручикомъ. Ѣздитъ въ Петербургъ и собирается за границу. По природѣ грубоватъ и даже подловатъ. Одѣтъ въ зеленый круглый фракъ, гороховые панталоны, шотландскій жилетъ, шелковый галстухъ съ огромной булавкой. Носитъ лакированные сапоги и палку съ золотымъ набалдашникомъ. Остриженъ коротко, à la malcontent.

ИВАНЪ КУЗЬМИЧЪ ИВАНОВЪ, другой сосѣдъ, 45 лѣтъ.

Смирное и молчаливое существо, не лишенное своего рода гордости, другъ Кузовкина. Охотно груститъ. Носитъ старенькій коричневый фракъ, вымытый желтоватый жилетъ и сѣрые панталоны. Очень бѣденъ.

КАРПАЧОВЪ, тоже сосѣдъ, 40 лѣтъ.

Очень глупый человѣкъ, съ усами, нѣчто въ родѣ адъютанта Тропачова. Не богатъ. Носитъ венгерку и шаровары. Говоритъ басомъ.

НАРЦЫСЪ КОНСТАНТИНЫЧЪ ТРЕМБИНСКІЙ, дворецкій и метръ-д'отель Елецкихъ, 40 лѣтъ.

Пронырливъ, криклявъ, хлопотливъ. Въ сущности большая бестія. Одѣтъ хорошо, какъ слѣдуетъ дворецкому въ богатомъ домѣ. Говоритъ правильно, но съ бѣлорусскимъ произношеніемъ.

ЕГОРЪ КАРТАШОВЪ, управитель, 60 лѣтъ.

Пухлый, заспанный человѣкъ. Гдѣ можно, крадетъ. Одѣтъ въ долгополый, синій сюртукъ.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА, кастелянша, 50 лѣтъ.

Сухое, злое и желчное существо. На головѣ носитъ платокъ; ходитъ въ темномъ платьѣ, шамкаетъ.

МАША, горничная, 20 лѣтъ.

Свѣжая дѣвка.

АНПАДИСТЪ, портной, 70 лѣтъ.

Дряхлый, выжившій изъ ума, изнуренный и сѣвшій на ноги дворовый человѣкъ.

ПЕТРЪ, лакей, 25 лѣтъ.

Молодой, здоровый парень. Зубоскалъ и балагуръ.

ВАСЬКА, казачокъ, 14 лѣтъ.

«ЧУЖОЙ ХЛЕБ».
ЗАГЛАВНЫЙ ЛИСТ ЖУРНАЛЬНОГО ТЕКСТА.
«Современник», 1857, № 3, с. 81.

впервые была опубликована в *Т*, *Соч*, *1869*, ч. VII. В этой редакции «Нахлебник» перепечатывался во всех последующих изданиях сочинений Тургенева.

В настоящем издании комедия «Нахлебник» печатается по последнему авторизованному тексту (*Т*, *Соч*, *1880*), с устранением некоторых дефектов текста, во-первых, отмеченных самим автором и, во-вторых, им не замеченных, но требуемых контекстом и подтверждаемых рукописями и предшествующими изданиями.

К первым относятся ошибки в репликах: Тремблинского (с. 132) — «Вот еще ... велика беда» вместо правильного: «Вот еще ... велика беда ... оставьте», Елецкого (с. 133) — «Да вы что ж, господа, не садитесь» вместо правильного: «Да вы что ж, господа, не садитесь... Милости просим», Тропачева (с. 133) — «apartait» вместо: «parfait», Ольги (с. 151) — «Что же вы так спешите» вместо: «Что же вы так спешите... Погодите», Кузовкина (с. 168) — «хлеба ломать» вместо: «хлеба ломоть».

Ко вторым относятся: пропуск данных о возрасте Тремблинского («40 лет») в перечне «действующих лиц» (с. 114); «голос девок» вместо правильного: «голоса девок» в ремарке на с. 122; «кланяется ему раз» вместо: «кланяется ему еще раз» (с. 123); «Карпачов пойдем с нами» вместо: «Карпачов пойдет с нами» (с. 131); «указывая Карпачову на рюмку, Кузовкина» вместо: «указывая Карпачову на рюмку, Кузовкину» (с. 136); «изъяснюсь» вместо: «изъясняюсь» (с. 139); «вино уже давно его разобрало» вместо правильного: «вино уже давно его разбирало» (с. 143); «в руках бумаги» вместо: «в руках бумага» (с. 166).

Самым ранним свидетельством Тургенева о «Нахлебнике» является случайное упоминание в его парижском письме от 5(17) января 1848 г. к Полине Виардо о работе над «комедией», предназначенной «для одного московского актера» («je travaille à une comédie destinée à un acteur de Moscou»). Этим актером был М. С. Щепкин, лично никак еще не связанный с Тургеневым, но друг Белинского и Герцена, самых близких Тургеневу в эту пору деятелей русской передовой литературно-общественной мысли. В те дни, когда писался «Нахлебник», Белинский в своем последнем программном литературном обзоре — «Взгляд на русскую литературу 1847 года», раскрывая общественно-политическое значение романа Герцена «Кто виноват?», объяснял своим читателям, что произведение это от начала и до конца вдохновляется мыслью «о достоинстве человеческом, которое унижается предрассудками, невежеством и унижается то несправедливостью человека к своему ближнему, то собственным добровольным искажением самого себя» (*Белинский*, т. X, с. 319—320). В легальной форме Белинский повторял здесь в сущности то же самое, что было провозглашено им в его знаменитом Зальцбруннском письме к Гоголю, когда он, дискредитируя правящий класс и мобилизуя передовую общественность на борьбу с крепостничеством и абсолютизмом, говорил о необходимости «пробуждения в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и неволе», о «правах и законах, сообразных не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью».

Отвечая тем же литературно-политическим задачам, комедия «Нахлебник» по своему общественному звучанию была близка одновременно с нею писавшимся рассказам из цикла «Записки

охотника», имевшим по официальному признанию министерства народного просвещения и Главного управления цензуры от 12 августа 1852 г. в записке на имя Николая I,— «решительное направление к унижению помещиков», представляемых «вообще или в смешном и карикатурном, или чаще в предосудительном для их чести виде», что «без сомнения послужить может к уменьшению уважения к дворянскому сословию со стороны читателей других состояний» (*Лит Музеум*, с. 316—317).

Революция 1848 года, в которой Тургенев непосредственного участия, как известно, не принимал, но событиями которой был глубоко захвачен (см. письма его к Полине Виардо в 1848 г. и позднейшие рассказы «Человек в серых очках» и «Наши послали»), на несколько месяцев оторвала Тургенева от работы и над «Записками охотника» и над «Нахлебником». Очень показательно, однако, что в черновой рукописи последнего, вместе с обычными для ранних автографов Тургенева рисунками и записями на полях фамилий тех или иных исторических лиц (Гёте, Софи Ларош, Шарлотта фон Штейн, Беттина Брентано), появляются в разных вариантах имена А. Ледрю-Роллена, министра внутренних дел временного революционного правительства, Роберта Блюма, вице-председателя франкфуртского парламента, расстрелянного в Вене в 1848 г., а из русских эмигрантов, живших в это время в Париже, фамилии Герцена, Бакунина, Сазонова, Головина. Ближе всех из них был Тургеневу в эту пору Герцен, в письме которого от 5 августа 1848 г. из Парижа к московским друзьям сохранились очень скупые, но многозначительные строки о том, что автор «Записок охотника» пишет пьесу «для Михаила Семеновича» (*Герцен*, т. XXIII, с. 90). Еще через два месяца, в письме от 8(20) октября сам Тургенев извещал Полину Виардо, что рассчитывает закончить эту пьесу дней через десять, к своему возвращению из Гиера в Париж.

Литературная отделка комедии несколько задержалась, а потому, отправляя в Москву только первый акт «Нахлебника» (с оказией, через И. В. Селиванова), Тургенев писал Щепкину 27 октября (8 ноября) 1848 г. о том, что второе действие пьесы, которое он «не успел окончить переписыванием», в ближайшие дни будет отправлено им в Москву по почте. Письмо заканчивалось следующими словами: «Прошу у Вас извинение за долгое отлагательство, желаю, чтобы мой труд Вам понравился. Если Вы найдете достойным Вашего таланта приняться за него,— я другой награды не требую. Приятели, которым я здесь прочел мою комедию — наговорили мне много любезностей по ее поводу; я, может быть, им оттого могу несколько верить, что вообще эти *приятели* довольно строго отзывались об моих трудах. Но как бы то ни было — лишь бы мой „Нахлебник“ Вам понравился и вызвал бы Вашу творческую деятельность! Боюсь я — не опоздал ли я немного. Сверх того, прошу Вас — если Вы возьмете мою комедию для своего бенефиса — не говорить заранее, кто ее написал; на меня дирекция, я знаю, втайне гневается за критику гедеоновского „Ляпунова“ в „От⟨ечественных⟩ записках“ — и с большим удовольствием готова нагадить мне [1]. Впрочем, я от-

[1] Тургенев имеет в виду свой критический разбор драмы С. А. Гедеонова «Смерть Ляпунова», опубликованный в 1846 г.

даю Вам свое произведение в полное распоряжение: делайте из него, что хотите. Как бы я был рад, если бы я мог присутствовать при первом представлении! Но об этом, кажется, нечего думать».

В этот же день, с тою же «оказией», Герцен в письме из Парижа к Т. Н. Грановскому, Н. Х. Кетчеру, Е. Ф. и М. Ф. Коршам и Н. М. Сатину сообщал, что «драма, которую пишет Тургенев,— просто объеденье» (*Герцен*, т. XXIII, с. 114), а Н. А. Герцен, присутствовавшая на чтении пьесы в Париже, с волнением писала 6(18) декабря П. В. Анненкову: «Если вы будете в Москве во время представления <...> комедии „Нахлебник“ (которая мне ужасно нравится), напишите мне эффект, следствие и проч., как на своих, так и на чужих» (*Анненков и его друзья*, с. 631).

В письме от 3(15) декабря 1848 г., прося подтвердить получение второго акта комедии и поделиться впечатлениями от него, Тургенев писал Щепкину: «Приятель наш Г⟨ерцен⟩ ⟨...⟩ сделал два небольших замечания, которые просил меня сообщить Вам (и с которыми я совершенно согласен). Во-первых, он находит, что Кузовкину не след носить дворянский сюртук — а частный; а во-вторых, он в сцене, где Елецкий выходит от жены, уже все узнавши, и видит, что Тропачев забавляется над Кузовкиным — в словах: „Да-с, Флегонт Александрыч, я, признаюсь, удивляюсь, что Вам за охота с Вашим воспитаньем, с Вашим образованьем заниматься такими, *смею сказать*, пустыми шутками“ — предлагает „смею сказать“ заменить фразой — „извините за выраженье“ — потому что, по его мнению, *смею сказать* — не идет в устах петербургского чиновника. Я с ним вполне согласен — притом же это такая мелочь, что я бы устыдился писать Вам о ней, если б он этого не потребовал».

Справка о «дворянском» сюртуке Кузовкина после этого письма была снята (ее нет поэтому и в запрещенных цензурою типографских гранках пьесы), а выражение «смею сказать» осталось.

Первая черновая редакция «Нахлебника» (см.: *Т, ПСС и П*, *Сочинения*, т. II, с. 330), датируемая январем — октябрем 1848 г., позволяет установить, что все образы комедии, все детали ее фабулы и сценария определились с самого начала с предельной четкостью и остротой. Как свидетельствует рукопись комедии, многочисленные исправления ее начального текста имели в виду и на первом этапе создания пьесы и в дальнейшей работе над ней не идейно-тематическую и не композиционную, а прежде всего стилистическую отделку «Нахлебника».

Других существенных исправлений в первой редакции комедии было совсем немного — они относились или к уточнению возраста действующих лиц (в черновой редакции пьесы Кузовкину не 50, а 60 лет, Тропачеву — 40, а не 36, Карпачову — 30 лет, а не 40, Егору Карташову — 50, а не 60), их имущественного и социального положения, их физического состояния (Тропачев был владельцем не 400, а 350 крепостных душ, о Ваське сказано было, что он «казачок, как все казачки», о дряхлом портном Анпадисте,— что он «говорит сиплым и глухим голосом»).

в «Отечественных записках» (см. наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 236—250). Автор пьесы был сыном А. М. Гедеонова, директора императорских театров.

Более тонко мотивированы были при перебеливании текста комедии и некоторые детали отношений Ольги Елецкой и Кузовкина после того, как она узнает, что он ее отец (см. с. 150—173). Все другие изменения, внесенные в первую редакцию пьесы при ее переписке в конце 1848 г., были менее значительны.

Комедия «Нахлебник» создавалась в пору работы Тургенева над рассказами из цикла «Записки охотника», а потому совершенно естественной является тесная связь фабульного материала его пьесы с некоторыми образами и ситуациями, впервые намеченными в «Моем соседе Радилове» или несколько позже в «Чертопханове и Недопюскине». Напомним сцены увеселения молодых господ престарелым Федором Михеичем («Тоже был помещик — и богатый, да разорился — вот проживает теперь у меня») в первом из этих рассказов (*Совр*, 1847, № 5, с. 143—147), или еще более волнующие страницы о другой жертве «подчиненного существования» — Тихоне Недопюскине, послужившем на своем веку «тяжелой прихоти, заспанной и злобной скуке праздного барства» (*Совр*, 1849, № 2, с. 300—301). Характерно, что даже фамилия будущего героя «Нахлебника» мелькнула уже в очерке «Петр Петрович Каратаев»: «Смотрю, едет ко мне исправник〈...〉 Степан Сергеевич Кузовкин, хороший человек, то есть, в сущности, человек не хороший» (*Совр*, 1847, № 2, с. 207).

Постановка комедии Тургенева в Москве ожидалась как событие большой литературно-общественной значимости.

11 декабря 1848 г. М. В. Станкевич писала из Москвы своим родным о том, что М. С. Щепкин читал «Нахлебника» в ее доме, в присутствии П. Л. Пикулина и А. Н. Афанасьева: «„Нахлебник“ чудная пьеса, Михайло Семенович расплакался, читая ее и воображая, как хороша она будет на сцене. Гоголь назвал ее безнравственною, из этого можно заключить о ее достоинстве. До сих пор она еще в цензуре. В ней на сцене богатые помещики и мелкопоместные бедняки, над которыми первые потешаются, и тут-то выходит настоящая трагедия. Может быть, эта пьеса будет напечатана в „Современнике“ » (*Т*, *ПСС и П*, *Сочинения*, т. II, с. 587).

Слухи о «Нахлебнике» очень скоро дошли и до петербургских друзей Тургенева. «Комедии Вашей для Щепкина не читал, но слышал про нее»,— писал ему 17 декабря 1848 г. Некрасов, впоследствии ставший одним из самых больших почитателей «Нахлебника» (*Некрасов*, т. X, с. 121 и 141).

Вопрос о публикации новой комедии занимал Тургенева несравненно менее, чем возможность ее постановки: «31-го числа января (т. е. через 24 дня) будет дана в Москве для бенефиса Щепкина моя комедия в двух актах под названием „Нахлебник“. Хотите Вы ее напечатать в „О〈течественных〉 з〈аписках〉“? — если она не шлепнется, разумеется? — запрашивал Тургенев 7(19) января 1849 г. А. А. Краевского.— Я сегодня же пишу об этом Щепкину, который тотчас, по получении от Вас письма — Вам ее вышлет. Только, ради бога, чтобы не было опечаток». Письмо заканчивалось просьбой: «Если Вы напечатаете „Н〈ахлебник〉а“, то велите поставить: Посвящена М〈ихайл〉е С〈еменович〉у Щепкину. Если можно, напечатайте 10 отдельных экземпляров. 8 доставьте брату, а 2 перешлите мне».

Письмо это свидетельствует о том, что Тургенев и не подозре-

вал о возможности запрещения пьесы как для сцены, так и для печати. Не мог он знать и того, что его московские друзья решили использовать задержку комедии в театральной цензуре для скорейшего ее опубликования.

«Спешу вам послать пьесу Тургенева, которую вчера взял я от Щепкина,— писал В. П. Боткин 9 февраля 1849 г. А. А. Краевскому,— он был в недоумении, кому послать ее: вам или „Современнику". Хотя он и получил письмо от Тургенева, где он пишет, чтобы пьесу послать вам, но вместе с этим Щепкин получил письмо и от Некрасова, в котором Некрасов просит прислать пьесу ему. Я разрешил эти сомнения, присоветав следовать письму самого автора. Щепкин покорно просит об одном. Пьеса эта не запрещена еще формально театр⟨альною⟩ ценсурой; но Щепкина уведомила дирекция, что об этом идет переписка, след., она к бенефису его и не могла поспеть. После этого он ничего не знает о театральной судьбе ее. Итак, узнайте о ней. А потом Щепкину хочется ее публично прочесть, но для этого она должна быть пропущена ценсурой. И хочется ему прочесть постом. След., нужно, чтобы она как можно скорее была представлена в ценсуру. Итак, нельзя ли сделать, чтоб вы представили ее поскорее в ценсуру и тотчас, если она будет пропущена, известили хотя меня, а я тотчас дам знать ему. Впрочем, если Щепкин замедлял прислать ее к вам, то это потому, что Тургенев пишет, чтобы послать ее вам, когда вы напишете Щепкину письмо об этом. Пока прощайте. Сделайте для Щепкина, ради бога. Да поскорее в ценсуру. Щепкин ⟨просит⟩ еще отпечатать отдельно 10 экземпляров» (*Отчет ИПБ* за 1889 г., приложения, с. 94).

О задержке пьесы в театральной цензуре Тургенев узнал довольно поздно: «Я, ей же ей, не понимаю, что могла найти цензура в „Нахлебнике", и с нетерпением ожидаю результата вашей попытки его напечатать,— писал Тургенев 1 марта 1849 г. Краевскому.— Вся комедия, как вы увидите, написана более для одной роли, и вы можете себе представить, как мне было неприятно неисполнение „Нахлебника" в его бенефис. Ну, однако, дело сделано, и я желаю только, чтобы в вашем журнале ее бы не исказили».

Как свидетельствуют многочисленные исключения, сокращения и поправки, сделанные цензорами «Отечественных записок» в тексте типографских гранок, первоначально предполагалось, что комедия Тургенева в результате этой правки может быть освобождена от наиболее криминальных сцен, строк и слов, препятствующих разрешению ее к печати. Из текста «Нахлебника» было изъято всё то, что подчеркивало связь ее персонажей с крепостным бытом и государственной службой (например, ремарки о числе душ, которыми владеет тот или иной помещик, упоминания о чинах и званиях персонажей — «коллежский советник», «голосом начальника отделения», «Вы барин, человек знатный», «Корины — фамилия ведь тоже старинная, столбовая», прямые и косвенные свидетельства о «крещеной собственности» (например: «мужики, словно куропатки, бегут, бегут», «с деревни бестягольных нагнали», «свежая девка», «сильно заезженный и севший на ноги дворовый» и т. п.).

Устранение всех этих щекотливых слов и строк было осуществлено цензорами без особых трудностей (см.: *Лит Музеум*,

с. 379—380). Но совершенно безнадежными оказались их попытки ослабить впечатление от самой фабулы пьесы, основные линии развития которой объективно дискредитировали правящий класс, дискредитировали изнутри, обнажая самую природу «дикого барства» во всех противоречиях его быта, этики, политического и социального поведения.

«Рассказ Кузовкина, на котором основан главный интерес комедии,— отмечалось в заключительной части представления цензоров А. И. Фрейганга и Ю. Е. Шидловского в С.-Петербургский цензурный комитет,— делает ее произведением безнравственным, которое, кроме того, бросает тень на дворянское сословие. В комедии, кроме шута Кузовкина, выставлены в жалком и презрительном виде еще два другие подобные ему бедняки: Карпачев и Иванов, соседи Елецких. По этим причинам комедия „Нахлебник" к напечатанию дозволена быть не может». Как свидетельствует протокол С.-Петербургского цензурного комитета от 22 февраля 1849 г., рапорт цензоров «Отечественных записок» не встретил никаких возражений, и комедия Тургенева, как произведение «совершенно безнравственное и наполненное выходками против русских дворян, представляемых в презрительном виде», была запрещена к печати, с тем, чтобы «корректурные листы оной оставлены были при деле» [1].

«Увы и трижды увы, Иван Сергеевич! — писал Краевский 11(23) марта 1849 г. Тургеневу, узнав о решении С.-Петербургского цензурного комитета.— „Нахлебник" не прошел сквозь утесы и завяз в них со всеми своими потрохами; ни одной строчки не уцелело; и это решение не одного, не двух голосов, а целого синедриона. Я спрашивал, почему же и за что: мне сказали, что нельзя указать собственно ни на один характер, который бы шокировал, ни на один факт, который был бы уж чересчур соблазнителен, но по всей комедии проходит *что-то* нехорошее; пожалуй, дескать, можно бы из нее кое-что повыкинуть, но тогда уж в ней и собачьего смысла не останется; да притом и погода на дворе стоит серая, и разные хорошие господа не перестают хмурить брови, посматривая на русскую прессу, и пр. и пр. Что тут было говорить? Пошел я домой, понурив голову и глубоко скорбя, что „Отеч. записки" лишились такой славной вещицы, которая мне понравилась более всех „Записок охотника"» (*Лит Арх*, кн. 4, с. 378—380).

«„Нахлебник" Ваш не пошел — этого бы не случилось, если б он попал к нам, а теперь он погиб невозвратно»,— замечал в письме к Тургеневу от 27 марта 1849 г. Некрасов, раздосадованный тем, что пьеса была отдана в «Отечественные записки», а не в «Современник» (*Некрасов*, т. X, с. 129). Сам автор дважды запрещенной пьесы признавался в письме к Краевскому от 2(14) апреля 1849 г., что он никак «не ожидал поражения на голову „Нахлебника"».

Под впечатлением вестей о запрещении публикации и постановки «Нахлебника» в кругу парижских друзей Тургенева воз-

---

[1] Выписка из журнала заседания С.-Петербургского цензурного комитета от 22 февраля 1849 г., куда вошли в основных своих частях оба донесения членов комитета, рассматривавших пьесу Тургенева, полностью опубликована: *Лит Музеум*, с. 369—370.

никает проект издания его комедии на французском языке. Судя по письму Тургенева к Полине Виардо от 8 июля 1849 г., этим переводом должен был заняться он сам в Куртавнеле, но, уезжая на лето из Парижа, он по ошибке захватил с собою в деревню вместо рукописи «Нахлебника» какую-то другую тетрадь. Перевод, задуманный в 1849 г., осуществлен был им лишь девять лет спустя, в сотрудничестве с Луи Виардо, и появился в свет, под названием «Le pain d'autrui», в двухтомнике произведений Тургенева, выпущенном на французском языке в Париже («Scènes de la vie russe» par M. I. Tourguéneff. Deuxième série. Traduite avec la collaboration de l'auteur par Louis Viardot. Paris, 1858, p. 157—224).

Задержка «Нахлебника» в цензуре, а потом и его запрещение необычайно подняли интерес к этой комедии в широких литературных и общественных кругах.

«„Нахлебник" Тургенева очень хорош, хотя основной мотив и не совсем идет к русской жизни,— писал В. П. Боткин 10 марта 1849 г. П. В. Анненкову.—На сцене эта пьеса произвела бы фурор и Щепкин был бы превосходен. Она завязла, как вы уже, конечно, знаете, в известном болоте и дана не была». Письмо заканчивалось, однако, сообщением о том, что «у Щепкина будет сыгран „Нахлебник" в доме. Теперь репетиции идут» (*Анненков и его друзья*, с. 557). Об этом же готовившемся спектакле вспоминает А. В. Щепкина (Русский архив, 1889, № 4, с. 538).

Копия первого акта запрещенной комедии, обнаруженная в архиве А. В. Станкевича, позволяет установить, как были распределены М. С. Щепкиным роли в затеянном им домашнем спектакле. Кузовкина должен был играть он сам, Ольгу — М. В. Станкевич, Елецкого — П. Барсов, Тропачева — А. В. Станкевич, Иванова — А. С. Щепкин, Карпачова — А. Н. Афанасьев, Тремблинского — Н. М. Щепкин, Карташова — К. П. Барсов, Прасковью Ивановну — А. В. Щепкина, Машу — И. А. Боярькина, Анпадиста — И. К. Бабст, Петра — А. М. Щепкин, Ваську — Аркадий Иванов (*ГИМ*, ф. 351, ед. хр. 106, л. 1 об.).

Постановка эта была сорвана только потому, что комедия Тургенева оказалась в числе запрещенных литературных произведений, остановивших на себе внимание органов III Отделения во время секретного дознания по делу М. В. Петрашевского и его окружения.

«Рукописная литература в Москве в большом ходу,— писал петрашевец А. Н. Плещеев, извещая 26 марта 1849 г. своего приятеля С. Ф. Дурова о настроениях передовой московской общественности.— Теперь все восхищаются письмом Белинского к Гоголю, пиеской Искандера „Перед грозой" и комедией Тургенева „Нахлебник"» (Полярная звезда на 1862 г. Лондон, 1861. Кн. VII, вып. 1, с. 71). Это письмо, перлюстрированное секретной полицейской агентурой, обсуждалось, как свидетельствуют показания А. И. Пальма, на одной из «пятниц» в кружке Петрашевского («Дело петрашевцев», 1951, т. III. с. 273).

Самый факт объединения в одном ряду письма Белинского к Гоголю и комедии Тургенева «Нахлебник» был настолько политически выразителен, что о разрешении «Нахлебника» на сцене не могло быть и речи. В связи с этим 10 сентября 1849 г., за три недели до начала суда над петрашевцами, управляющий III От-

делением генерал-лейтенант Л. В. Дубельт утвердил рапорт театрального цензора С. А. Гедеонова о запрещении «Нахлебника», как произведения «равно оскорбляющего и нравственность и дворянское сословие» (*ЦГИАЛ*, ф. 780, рапорт № 25. Ср.: Дризен Н. В. Драматическая цензура двух эпох. Пг., ⟨1917⟩, с. 77).

Однако и после этого акта комедия Тургенева продолжала распространяться в списках и читаться на литературных вечерах. Так, 5 ноября 1849 г. П. А. Плетнев писал Я. К. Гроту из Петербурга: «Третьего дня вечером я с женою был у Одоевских, которые собрали весь beau monde слушать Щепкина, читавшего Тургенева новую комедию в прозе: „Нахлебник“. Целое больше походит на анекдот, нежели на комедию. Но одно лицо (именно нахлебник) так чудесно обрисовано, в такое трогательное поставлено положение ⟨...⟩, что нельзя не признать в авторе истинного таланта» (*Переписка Грота с Плетневым*, т. III, с. 487).

Успех «Нахлебника» на вечере у кн. В. Ф. Одоевского имел в виду Тургенев в своем письме от 1 декабря 1849 г. из Парижа к Краевскому: «На днях я прочел в одном письме гр. ⟨М. Ю.⟩ Виельгорского весьма большие похвалы моему „Нахлебнику“, которого в одном обществе прочел Щепкин. Граф прибавляет: „Cette pièce n'a pas encore été jouée“. Стало быть, есть надежда, что ее дадут и в таком случае позволят печатать. Вот вам и пожива. Но я наперед прошу, чтобы никаких важных изменений в этой комедии не было. Лучше ее вовсе не печатать, чем напечатать изуродованную».

В эту же зиму 1849/50 г. М. С. Щепкин прочел «Нахлебника» в Петербурге министру императорского двора кн. П. М. Волконскому, который, удивившись, что пьеса эта не пропущена цензурой, вызвался устроить ее чтение на одном из литературных вечеров у царицы (*Лит Арх*, кн. 4, с. 388). Это чтение по случайным причинам не состоялось, но какие-то слухи о возможности снятия запрета с «Нахлебника» вновь дошли до Тургенева, который писал об этом 24 марта 1850 г. Краевскому. После возвращения летом 1850 г. в Россию Тургенев уже не возлагал никаких надежд на возможность публикации «Нахлебника». Поэтому, вероятно, он и заказал новую копию с рукописи своей запрещенной комедии и, выправив ее самым тщательным образом, поднес свою пьесу «в знак истинной дружбы» лидеру московской оппозиционной общественности П. Я. Чаадаеву (см. с. 584).

Исправляя ошибки переписчика, Тургенев, как установлено Л. В. Крестовой, внес в текст несколько изменений, не учтенных в позднейших изданиях комедии. Так, в первом действии, в реплике Тремблинского: «Вы понимаете, надо господ как следует встретить» (с. 117 наст. тома) после «надо» вставлено «ж»; во втором действии, в реплике Елецкого изменена ремарка — вместо: «Подумав немного» (с. 149) написано: «Торопливо». В реплике Тропачева: «А! боже мой,— и вы тут?» (с. 161) вместо зачеркнутого: «боже» вписано: «милый».

Под цензурным запретом «пьеса с причиной», как называл «Нахлебника» Гоголь (*Рус Сл*, 1859, № 5, с. 22. Ср.: Сочинения А. Григорьева, т. 1, 1876, с. 350), продолжала оставаться не только до смерти Николая I, но и в первые годы нового царствования.

С мертвой точки вопрос о публикации «Нахлебника» сдви-

нулся лишь в связи с задуманным в кругу петербургских друзей Тургенева отдельным изданием всех его «сцен и комедий»[1]. В специальной инструкции, составленной Некрасовым 6 августа 1856 г. для Д. Я. Колбасина, на которого была возложена реализация этого издательского плана, предусматривалось включение в двухтомник всех пьес Тургенева, в том числе и ранее запрещенных цензурой. В этом документе особо не отмечалась, но бесспорно имелась в виду предварительная публикация комедии «Нахлебник» в одном из ближайших номеров «Современника».

И в самом деле, письма Тургенева из Парижа к И. И. Панаеву от 21 сентября и 3 октября (ст. стиля) 1856 г. прямо свидетельствуют о том, что «Нахлебник» предназначался сперва для декабрьской, а затем январской и февральской книг «Современника». Отправка комедии в Петербург задерживалась с месяца на месяц из-за несогласия Тургенева печатать «Нахлебника» в прежней редакции и отсутствия у него досуга для работы над правкой устаревшего, с его точки зрения, текста.

«Я нисколько не прочь от печатания „Нахлебника" — и кое-что даже переделал и сократил,— писал Тургенев 6(18) января 1857 г. Анненкову.— Поправки эти я немедленно вышлю Панаеву — они еще ко 2-му номеру поспеют». Несмотря на всю категоричность этого заявления об окончании работы над переделкой комедии, отправлена она была в редакцию «Современника» только через пять недель: «Я отправил слегка выправленного „Нахлебника" (с переменою заглавия) Панаеву,— писал Тургенев Колбасину 16(28) февраля 1857 г.,— посмотрим, пропустит ли цензура». О том же, с каким нетерпением ожидалась пьеса Тургенева в редакции «Современника», свидетельствует письмо Н. Г. Чернышевского к Некрасову от 13 февраля 1857 г.: «Очень обрадовало меня известие (в Вашем письме к Ив. Ив. Панаеву),— писал он из Парижа,— что Вы, Николай Алексеевич, уговорили Тургенева прислать „Нахлебника" на 3-ью книжку и заняться обработкою романа. Без „Нахлебника" и 3-я книжка была бы так же неудовлетворительна, как 2-ая» (*Чернышевский*, т. XIV, с. 339).

В распоряжении Тургенева в 1856—1857 гг. за границей была та самая рукопись «Нахлебника», которая в 1849 г. прислана была им М. С. Щепкину, а последним отдана для публикации в «Отечественные записки». Возвратившись к автору, эта рукопись через восемь лет легла в основание новой редакции комедии, поскольку прежний ее текст, с первого до последнего листа, подвергся систематической правке, отражавшей новые, более

[1] В 1852 г., в пору невольного пребывания Тургенева в Спасском, один из его молодых знакомцев И. Ф. Миницкий обратился к нему с предложением напечатать комедию «Нахлебник» в Одессе. В ответном письме от 5 октября 1852 г. Тургенев отказался от этого проекта. но в ноябре 1853 г. всё же распорядился об изготовлении для Миницкого копии запрещенной пьесы. См. сводку материалов об этом в публикации Г. Э. Водневой «Из переписки о комедии „Нахлебник"» (*Лит Арх*, кн. 4, с. 375—378).

высокие требования взыскательного художника к внешней и внутренней структуре его ранних драматических произведений. Всего в текст «Нахлебника» было внесено свыше 250 изменений. Эта правка, производившаяся в течение нескольких месяцев, не спеша, с перерывами, имела своей целью многообразную чеканку языка основных персонажей пьесы, устранение из текста всякого рода длиннот, недостаточно мотивированных повторений и отступлений в сторону, замедлявших темпы действия и ослаблявших эффекты отдельных сцен.

Так, например, во второй редакции «Нахлебника» сокращены были вдвое повторения в репликах Кузовкина, типа: «Войди, Ваня. войди», «Ну послушай, Ваня, послушай». «А ласкова, Ваня, как ласкова» и т. п. Сокращены были также повторения в речах Елецкого («Покажи, покажи», «С нашим, с нашим», «А хорошо, ей-богу, хорошо», «Ах, точно, точно», «Вы правы, вы правы» и проч.), в сентенциях Ольги («Ну, вот мы дома, наконец, дома», «Я здесь родилась, Paul, я здесь выросла», «Ну, пойдем, пойдем», «Нет, пожалуйста, пожалуйста»), в обращениях Тремблинского («Эх, не время теперь, не время, не место здесь, господа, не место», «Ну, друзья мои, ступайте теперь по местам, друзья мои») и во многих других репликах всех персонажей комедии.

Во второй редакции «Нахлебника» появились и некоторые новые акценты в обрисовке линии поведения Елецкого, который, как «петербургский чиновник», человек «холодный, сухой», но «неглупый» и хорошо воспитанный, уже не столь активно. как в первом варианте пьесы, принимает участие в травле Кузовкина, затеянной Тропачевым. Поэтому в рукописи в 1857 г. были сняты или сокращены такие реплики Елецкого, как: «Да отчего же вы, Василий Семенович, не хотите теперь петь и плясать, как при покойнике» или: «А как же мне говорили, будто вы именно эту должность — должность шута у моего покойного тестя исправляли — а? Он от вас, вероятно, еще не этого требовал» (часть этой реплики отдана Тропачеву). Менее откровенно Елецкий в разговоре с Тропачевым признается в том, что он «ничего не смыслит в деревенской жизни» и даже «сроду на гумне не бывал» (формулировки рукописи) и т. п. При доработке пьесы была изъята из текста и одна существенная деталь, проливающая некоторый свет на отношения между Кузовкиным и Кориной после смерти ее мужа. Мы имеем в виду строку, следовавшую после слов Кузовкина «в лицо ей глядеть боялся» (см. с. 158): «Так что под конец она сама — ласковая душа! меня ободрять начинала» (*ИРЛИ*, л. 15, об.).

Перерабатывая свою комедию в 1857 г., Тургенев, в целях облегчения самой процедуры проведения в печать запрещенного в свое время произведения, изменил ее прежнее название «Нахлебник» на «Чужой хлеб». Других следов приспособления пьесы к требованиям цензуры в рукописи нельзя обнаружить, так как такие детали ее, как зачеркнутые слова: «Ты — барин» (в реплике Кузовкина, обращенной к Иванову: «Ты — помещик, ты — барин») или: «Барыня прогуливаться любит» (окончание реплики Тремблинского «Чистят ли дорожки в саду?») — в новых цензурных условиях не заключали в себе ничего криминального и были устранены самим автором по соображениям художественного порядка. По требованию цензуры были заменены только два

слова, как свидетельствует письмо Д. Я. Колбасина к Тургеневу от 5 марта 1857 г. (*Т и круг Совр*, с. 329): «сильно изъезженный» в авторской характеристике старого «дворового человека» Анпадиста (см. с. 114) исправлено на «изнуренный». Это исправление перешло во все издания сочинений Тургенева, как и некоторые другие варианты журнального текста, например: ремарка о возрасте Егора Карташова — «60 лет» вместо «50 лет»; «серьезно» на с. 126 вместо «развязно»; «дядя» на с. 137 вместо «дядюшка»; «во время» на с. 138 вместо «в течение»; «нехорошо» (там же) вместо «нехорошо робеть»; «Он векселя скупил, а другие говорят, что просто взял» на с. 138 вместо «Он все векселя скупил, а другие говорят, что просто взял. Запугал, да взял»; «черты лица его» на с. 153 вместо «черты его»; «будешь ездить» на с. 168 вместо «к нам будешь ездить». Этих вариантов так много, что можно допустить существование еще одной, до нас не дошедшей, рукописи комедии «Чужой хлеб», с которой сделан был в феврале 1857 г. набор журнального текста (подробнее об этом см.: Соколова М. А. «Нахлебник». Первая беловая редакция 1848 г. с авторской правкой 1857 г.— *Т сб*, вып. 1, с. 15—20).

В письме от 12(24) января 1857 г. к Панаеву Тургенев предупреждал, что в случае внесения в текст «Нахлебника» тех или иных цензурных изменений он считает необходимым, чтобы корректуру пьесы держал Л. Н. Толстой, который был уполномочен им и на внесение в комедию всех «поправок и сокращений», «буде таковые понадобятся». Прибегать к помощи Л. Н. Толстого, который к тому же в феврале находился уже за границей, не пришлось. Третья книжка «Современника», гвоздем которой был «Нахлебник», вышла в свет 10 марта 1857 г., но Тургенев с таким нетерпением ждал появления своей комедии, что потребовал от Панаева и Колбасина немедленной высылки ему в Париж чистых ее листов до рассылки журнала подписчикам. В одном из писем к Панаеву Тургенев упоминал и о размерах авторского гонорара за публикацию «Нахлебника»: «240 рублей сер., считая по 75 руб. за лист, как сказано в условии».

В редакции, установленной для «Современника», комедия «Нахлебник» появилась в 1858 г. в переводе на французский язык в двухтомнике произведений Тургенева «Scènes de la vie russe» (см. с. 592).

Появление «Нахлебника» в печати ни в какой мере не гарантировало разрешения на постановку этой пьесы, хотя хлопоты в обоих направлениях шли одновременно. Так, М. С. Щепкин, учитывая смягчение общих цензурно-полицейских условий и опираясь на советы Краевского, полагавшего, что изменение названия запрещенной пьесы может благоприятно отразиться на ее дальнейшей судьбе, 19 декабря 1856 г. обратился к П. В. Анненкову с просьбой переговорить с театральными цензорами и с начальником репертуарной части императорских театров П. С. Федоровым о получении разрешения на постановку «Нахлебника» (под названием хотя бы «Приживальщик», если нельзя придумать чего-нибудь более подходящего в этом роде), в бенефис его, назначенный на 13 января 1857 г. в Москве (*Лит Арх*, кн. 4, с. 385—386).

29 декабря 1856 г., извещая Тургенева о результатах своих хлопот, Анненков просил извинения за вынужденное изменение

названия пьесы («Нахлебник» именовался им «Даровым хлебом», превратившимся впоследствии под пером Тургенева в «Чужой хлеб») и заключал свою информацию словами: «Вышло, что отказать не отказали, а протянули так, что к бенефису комедия не поспела. При том же цензор Нордстрем (очень порядочный человек) заметил, что пьеса скорее могла бы быть допущена на сцену, если бы была н а п е ч а т а н а» (*Труды ГБЛ*, вып. III, с. 63).

Вопреки надеждам Анненкова и его друзей, пьеса Тургенева всё же не была допущена на сцену и после ее появления в печати. В библиотеке дирекции императорских театров сохранилась копия журнального текста «Чужого хлеба», представленная в театральную цензуру воронежским губернатором 16 июля 1857 г. Рукою управляющего III отделением генерал-майора А. Е. Тимашева на копии этой сделана лаконичная отметка: «Запрещено 23 августа 1857» (рукопись № 26011, по новой нумерации № 50999).

Несмотря на новые хлопоты Щепкина о разрешении постановки «Нахлебника», хотя бы в порядке награды, как он писал, «ему, старику, за пятидесятилетнюю добросовестную службу искусству», несмотря на специальную поездку для этого С. В. Шумского в начале октября 1857 г. в Петербург, несмотря на поддержку этих ходатайств влиятельными людьми в театральных верхах и в окружении вел. кн. Константина Николаевича, постановка «Нахлебника» на сцене и на этот раз допущена не была. Она осуществилась лишь в пору официальной ликвидации крепостных отношений, т. е. после манифеста 19 февраля 1861 г.

В воспоминаниях актера Ф. А. Бурдина сохранился рассказ о том, что снятие запрета с постановки комедии Тургенева на сцене было значительно облегчено благодаря временному исполнению обязанностей начальника III Отделения генералом И. В. Анненковым, С.-Петербургским обер-полицмейстером, братом писателя (*ВЕ*, 1886, № 12, с. 671—672; там же, 1901, № 9, с. 585). По настоянию последнего ген. Анненков распорядился об изготовлении специальной докладной записки о причинах запрещения «Нахлебника», а сам наложил 19 октября 1861 г. на представленном ему рапорте следующую резолюцию: «По внимательному рассмотрению этой пьесы я не нашел в ней оскорбления нравственного чувства и дворянского сословия» (*Лит Арх*, кн. 4, с. 385).

В начале ноября 1861 г., узнав от Бурдина о снятии запрета с «Нахлебника», Тургенев обратился к П. В. Анненкову с письмом, из которого видно, что автор «Нахлебника» уже давно предоставил эту пьесу в полное его распоряжение.

«Не помню,— писал Тургенев,— спрашивал ли я вас, имеете ли вы сцену, которую я прибавил во втором акте и послал Щепкину. Эта сцена необходима. На всякий случай я ее перепишу и вместе с другими поправками и изменениями пошлю вам ее дня через два или три». Об этой же «прибавочной сцене во 2 акте», без которой он просил не ставить «Нахлебника», Тургенев напоминал Анненкову и в письме от 11 декабря 1861 г.

Изменение первоначального построения заключительного акта «Нахлебника», с одной стороны, призвано было несколько более тонко мотивировать драматизм прежней развязки, с другой — резче выдвинуть в пьесе роль Елецкого, сделать более

жизненно колоритной фигуру этого жесткого «петербургского чиновника». В первых двух редакциях «Нахлебника» — запрещенной и журнальной — Елецкий, возвратившись к гостям после объяснения с Ольгой о Кузовкине, решительно обрывает Тропачева, возобновившего было свои шутки (его даже «передергивает» от них), настоятельно предлагает не вспоминать о происшедшем и, желая оставить жену с Василием Семеновичем наедине, выпроваживает всех в сад. Ольге Петровне удается уговорить отца принять деньги на выкуп Ветрова: «Вы могли отказать чужой богатой женщине,— говорит она,— вы имели право не принять ее подарка, но дочери, вашей дочери, вы не можете, вы не должны отказать... Не плачьте, не плачь... мы будем видеться... Ты к нам будешь ездить...» Кузовкин поддается уговорам и к возвращению хозяина и гостей с прогулки «всё,— говоря словами Елецкого,— устроено» (см.: *Т*, *ПСС и П*, *Сочинения*, т. II, с. 390—395). В новой редакции комедии Елецкий, предложив гостям un petit tour, сам остается с Кузовкиным, грубо обвиняет старика в вымогательстве, резко требует публичного отказа от его «нелепой басни» и, дав ему «четверть часа на размышление», выходит. Только после этого следует сцена с Ольгой Петровной, возвращение всех из сада — и прежняя концовка комедии получает, таким образом, совсем иную мотивировку (см. с. 166—172 наст. тома).

Эта переработка «Нахлебника», которую можно определить как третью редакцию пьесы, при постановке ее в 1862 г. на сцене не была принята во внимание ни в Москве, ни в Петербурге, так как дополнения и изменения, сделанные Тургеневым в тексте комедии, требовали нового обращения в театральную цензуру, на что никто из друзей автора не решался. Возможно, что этот отказ от новых переговоров с цензурными органами был сопряжен с известным риском вовсе лишиться разрешения на постановку «Нахлебника», поскольку оно было получено не совсем обычным путем, но есть основание предполагать, что перестройка второго действия пьесы не встретила к тому же сочувствия Щепкина и по существу. Об этом косвенным образом свидетельствовало и то раздражение, с которым Тургенев 10 (22) февраля 1862 г. информировал В. Я. Карташевскую о «прибавочной» сцене в «Нахлебнике», которая «не попадает в театр», хотя «в ней нет ничего зазорного и написана она более с целью поправления плохой пьесы»; «впрочем,— добавлял Тургенев,— от сокращения, по выражению Анненкова, она не будет ни лучше, ни хуже».

Премьера «Нахлебника» состоялась 30 января 1862 г. в Москве, в Большом театре, в бенефис престарелого М. С. Щепкина, боровшегося в течение тринадцати лет за возможность выступления в этой пьесе [1]. Бенефисный спектакль начинался одноактной комедией Н. И. Куликова «Которая из двух», а заканчи-

[1] Первая информация о постановке «Нахлебника» появилась в «Московских ведомостях» от 25 января 1862 г., № 19. После премьеры состоялись еще три представления «Нахлебника» — 9, 15 и 17 февраля 1862 г. (*Моск Вед*, 1862, № 30, 35, 37). Фотокопию афиши премьеры см.: *Т и театр*, вкладной лист.

вался старинным водевилем А. И. Писарева «Тридцать тысяч голов, или Находка лучше потери». Основные роли в «Нахлебнике» исполняли: Кузовкина — М. С. Щепкин, Ольги Петровны — Н. М. Медведева, Елецкого — И. В. Самарин, Тропачева — С. В. Шумский, Иванова — П. М. Садовский, Карпачова — Калинин (*Театр насл*, с. 312).

Премьера «Нахлебника», по свидетельству известного московского театрального критика А. Н. Баженова, не оправдала связанных с нею больших ожиданий, и комедия не удержалась в репертуаре. Неуспех пьесы критик объяснял ее «сценической слабостью», характерной якобы для всех комедий Тургенева и не компенсируемой их литературными достоинствами — «необыкновенно тонкой и правдивой обрисовкой характеров действующих лиц», показываемых «с какой-то особенной, обаятельной теплотою, которою приятно греется читатель». Никак не реагируя на общественно-политическое звучание пьесы, Баженов основную часть своей рецензии посвятил разбору игры Щепкина, которая очень удовлетворила его в первом акте и вызвала большие сомнения во втором:

«Г. Щепкин прекрасным исполнением своей роли в первом действии не оставлял желать ничего лучшего,— признавал критик.— С каким умением и достоинством воспользовался он всеми разнообразными положениями и переливами своей роли в первом действии! Сколько откровенной, бесхитростной радости, сколько самой нежной, именно отеческой любви показал он в старческом сердце Кузовкина при встрече приехавшей Ольги Петровны! Как цельно и с какою естественною прямотой отдавался он ласкающей его надежде во время рассказа об иске, который ведет он за какое-то поместьице! С какою правдой и постепенностью перешел он в экзальтированное состояние опьянения, именно старческого опьянения! Какими, наконец, искренними невольными слезами заплакал он под шутовским колпаком! Это была не простая слезливость, а горячее истинное чувство. К сожалению, нельзя сказать того же об игре г. Щепкина во втором действии, где он был уже много холоднее и однообразнее, чему, конечно, помогала и самая роль, не столько интересная во второй ее половине. Большой рассказ Кузовкина у г. Щепкина вышел как-то вял и неприятно плаксив. Кроме того, мне кажется, что бенефициант закостюмировался не совсем удачно: вицмундирный сюртук Кузовкина больше походил на квартальнический, чем на дворянский. Впрочем, может быть, почтенный артист имел на это свое основание».

Этот взыскательный, но, видимо, очень объективный разбор исполнения Щепкиным роли Кузовкина заканчивался краткой характеристикой сценической интерпретации других образов комедии: «Г. Шумский совершенно верно передал очень типичную личность Тропачева; в его исполнении было много всего, что нужно для обрисовки этого помещика, т. е. бездна дерзости, наглой заносчивости и какого-то особенного, деревенского фатовства. Г. Садовский необыкновенно тепло и осязательно сыграл маленькую пяти-шестисловную роль Иванова, забитого и угнетенного, но прямодушного и доброго. С уморительною, строго-комическою застенчивостью держал он себя в присутствии Елецкого и Тропачева; каждым движением показывал он,

что находится в положении вороны, залетевшей в высокие хоромы. Г. Калинин был также совершенно на месте в роли силача и грубача Карпачова, этого медведя в образе человеческом; он сумел усвоить себе всю звероподобность и отвратительное холопство этого дворянина-прихвостня. Обо всех остальных исполнителях можно только сказать, что они были недурны» (*Моск Вед*, 1862, 11 февраля, № 33; перепечатано в кн.: Б а ж е н о в А. Н. Сочинения и переводы. М., 1869. Т. 1, с. 154—155).

Отклик на московскую постановку «Нахлебника» сохранился в очерке М. Е. Салтыкова-Щедрина «Глупов и глуповцы» (1862), оставшемся ненапечатанным при жизни писателя. Сюда были перенесены два тургеневских персонажа — Карпачов и Тропачев — с характерной отметкой под строкою: «Роль Кропачева исполняется на московской сцене г. Калининым с изумительною правдою» (*Салтыков-Щедрин*, т. 4, с. 204) [1].

В Петербурге премьера «Нахлебника» состоялась 7 февраля 1862 г. в бенефис Ф. А. Снетковой.

«Имя И. С. Тургенева опять появилось на афише,— отмечал А. И. Вольф в своей „Хронике петербургских театров“.— Г-жа Снеткова 3-я выбрала себе в бенефис его комедию „Нахлебник“ и заняла, конечно, роль дочки, вышедшей замуж за светского барина — Елецкого. Роль Кузовкина (нахлебника) предложена была В. В. Самойлову, но он от нее отказался и, вероятно, потом раскаялся, когда увидел — как великолепен был в ней Васильев 2-й. В особенности удалась ему сцена, где Кузовкина хотят заставить выкидывать коленца в присутствии дочери: „За что же, за что же!“ было сказано им с таким чувством и правдою, что весь театр задрожал от рукоплесканий» [2].

Петербургская театральная аудитория высоко оценила игру П. В. Васильева и Ф. А. Снетковой, но оказалась совершенно равнодушной ко всему тому, что определяло гражданский пафос комедии, находившейся под запретом около 14 лет. Несмотря на то, что ни либеральная, ни революционно-демократическая общественность никак не реагировали на постановку «Нахлебника», эта пьеса всё же продолжала волновать чинов государственного полицейского аппарата, добившихся, после июньских пожаров 1862 г. и ареста Н. Г. Чернышевского, снятия ее со сцены. «После малого пребывания на сцене опять был снят с нее „Нахлебник“,— рассказывает хорошо осведомленный П. В. Анненков в одном из набросков своих воспоминаний.— Администрация признала свою ошибку в дозволении комедии и объяснила защитнику ее настоящую причину своей жестокости — время было эмансипации и она боялась, что комедия раздражит еще и без того тревожно настроенную публику и послужит предлогом

---

[1] О сатирическом заострении мотивов тургеневской пьесы в этом очерке Щедрина, а также в рассказе «На заре ты ее не буди» (1864) из цикла «Помпадуры и помпадурши» см.: Н и к и т и н а Н. С. Из полемики М. Е. Салтыкова-Щедрина с автором «Отцов и детей» и его критиками.— Тургенев и его современники. Л., 1977, с. 72—77.

[2] *Вольф, Хроника*, ч. III, с. 23. Ср.: *СПб Вед*, 1862, № 33; Сын отечества, 1862, 9 февраля, с. 273—274.

к переносам политических страстей с арены публичных прений в театральный партер, опасались и враждебных и симпатических заявлений»[1].

Третья редакция «Нахлебника», не попавшая в 1862 г. на сцену, впервые опубликована была в *Т*, *Соч*, *1869*, ч. VII. При подготовке этого издания Тургенев внес в текст «Нахлебника» новую сцену объяснения Елецкого с Кузовкиным, написанную в 1861 г. (см. с. 164, начиная со слов: «Только позвольте мне не сопровождать вас» и кончая строкой: «Ну, хоть убей он меня» в монологе Кузовкина на с. 166).

Сверх того, Тургеневым сделано было еще несколько изменений в журнальной редакции комедии, имевших целью, во-первых, завершение ее литературной отделки и, во-вторых — предельное сокращение пьесы, обеспечившее выигрыш места и времени для вставной сцены во втором акте. Вся правка печатного текста «Нахлебника», опубликованного в «Современнике» в 1857 г., была подытожена Тургеневым в особой таблице, собственноручно сделанной им в 1868 г. для издателя его сочинений — Ф. И. Салаева. В этой таблице было шесть рубрик: «Страница», «Строка», «Напечатано», «Читай», «Выкинь», «Вставь». Страницы и строки имели в виду текст комедии в «Современнике».

Восстановив прежнее название пьесы («Нахлебник» вместо «Чужой хлеб»), Тургенев, вместе с новой сценой объяснения Елецкого с Кузовкиным во втором акте, внес в пьесу еще один небольшой диалог Кузовкина с Елецким (с. 169, от слов «Вы берете деньги» до «А!» включительно), добавил строку в обращении Елецкого к Ольге (с. 169): «Домашнее спокойствие не десяти тысяч стоит» и в трех местах дополнил речевую характеристику Тропачева: (с. 138, после слова «почтеннейший») «Робеть... в порядочном обществе это не принято»; (с. 160, после слов: «А ваш бильярд удивительно хорош») «Только представьте, г-н Иванов отказался играть со мною! Говорит: у меня голова болит. Г-н Иванов... и болит голова!! а?»; (с. 169, после слов: «всё вообще... Да, да») «Природа и поэзия — это мои две слабости! Но что я вижу? Альбомы! Точно в столичном салоне!»

Как указано выше, при переработке пьесы в 1868 г. были сделаны некоторые сокращения. Так, на с. 114, в характеристике Елецкого как «человека дюжинного, не злого, но в сущности без сердца» сняты были слова: «но в сущности»; на с. 133, после реплики Тропачева о Сен-Жорже, снята была ремарка: «Рисуется»; с. 149, в реплике Елецкого: «Я старику этому объяснил, что, наконец, ему самому будет неприятно остаться после подобной, так сказать, сцены» — устранены были слова «наконец» и «так

---

[1] Стасюлевич и его современники. СПб., 1912. Т. III, с. 482—483. Рассказ Анненкова в этом же черновом наброске его воспоминаний о том, что якобы Щепкин приезжал на премьеру «Нахлебника» в Петербург и выступил в роли Кузовкина, явно ошибочен. Мемуарист спутал премьеру «Нахлебника» с первой постановкой в Петербурге «Холостяка», для участия в которой Щепкин специально приехал из Москвы в 1849 г. (см. с. 610). Всего «Нахлебник» прошел в Петербурге четыре раза: 7 и 12 февраля, 15 и 27 апреля 1862 г. (*Сев Пчела*, 1862, № 37, 42, 100, 112).

сказать»; с. 152, в монологе Кузовкина устранены были строки: «и дернула же его нечистая сила на старости лет буянить»; в объяснении его с Ольгой были сняты строки: «Да-с. Вы не глядите, что я... того-с..., да-с, Ольга Петровна, богом вам клянусь, я никак то есть этого не ожидал... я так и думал умереть, никому на свете не сказавши... Виноват, виноват, простите великодушно», и далее: «Начала ваша матушка сокрушаться, сохнуть, плакать... Он сперва, было, и поприудержался, да нет! Осилил лукавый»; с. 157, там же: «Она... со мной... вообразите вы испуг вашей матушки»; на с. 160 исключены были строки: «Е л е ц к и й. Оно, положим, для вас несколько неприятно будет... Но вы все-таки человек благоразумный — притом, я вижу, вы чувствуете свою вину — вы поймете... К у з о в к и н. Слушаю-с»; на с. 161 сокращен диалог Елецкого и Тропачева об охоте: «Т р о п а ч е в. Когда хотите. Е л е ц к и й. Я готов хоть завтра. Т р о п а ч е в. Извольте, с удовольствием — вот постойте»; там же изъята ремарка о Карпачове: «после минутного молчания».

Вставляя новую сцену во втором акте, Тургенев устранил из текста журнальной редакции «Нахлебника» следующие строки (после реплики Елецкого: «Да не хотите ли пока пройтись по саду?... un petit tour?» — с. 164):

«Т р о п а ч е в. Извольте. Е л е ц к и й *(обращаясь к Кузовкину)*. Вы нас здесь подождете, Василий Семеныч... *(Уходит с Тропачевым; Карпачов отправляется вслед за ними)*. К у з о в к и н *(один)*. Боже мой, что со мною будет? Она ему все сказала... Боже, боже, зачем, я это... Ах, язык мой — враг мой! Что теперь будет? И чем это кончится?».

На с. 167 были изъяты строки обращения Ольги к Кузовкину: «Я хочу знать, как вы думаете,— и уверяю вас, я во всяком случае с вами соглашусь. Я вас знаю теперь», на с. 167 из ответа Кузовкина изъяты слова: «Как вы думаете?»; на с. 168 из диалога Кузовкина с Ольгой изъяты строки: «Как же мне остаться в вашем доме? Притом же люди вчера слышали... Им уже известно, что меня в виде наказанья сослать приказано. Что ж они подумают? Нет, не могу я остаться — спасибо за ласку, доброту вашу ангельскую, а остаться я не могу»; там же в реплике Ольги изъяты строки: «Если бы мы вам не верили»; на с. 169 в реплике Елецкого сняты слова, предшествующие фразе: «Я вполне тебя одобряю» — «Ты поступила умно, благоразумно и»; на с. 169 исключен диалог: «Е л е ц к и й. Как вы себя чувствуете, Василий Семеныч? К у з о в к и н *(встрепенувшись)*. Очень, очень хорошо. Покорнейше благодарю-с».

Прочие изменения журнального текста имели еще более узкий стилистический характер: на с. 126 вместо: «И то есть того, понимаешь? Я...» оставлено только «понимаешь»; на с. 133 вместо: «Какого еще надобно» стало: «Какого еще им рожна надобно»; на с. 135 в реплике Кузовкина «Артемыч» заменен «Архинычем»; на с. 148 в словах Ольги: «разве у тебя там... дело» последнее слово исправлено на «дела»; на с. 167 — «Позвольте вас спросить» заменено словом «зачем»; там же в диалоге Кузовкина и Ольги строки: «И мне будет тяжело — и вам не будет легче, особенно вашему супругу. Притом,— что греха таить...» исправлены на: «Еще побьют, пожалуй, под старость. Да и что греха

тапть...»; с. 168 — «Да... да... да» сокращено на: «Да... да»; там же вместо: «нет... нет... нет» оставлено: «Нет»; там же вместо: «Вы имели право не принять ее подарка» появилось: «Вы могли отказать моему мужу»; на с. 169 вопрос Елецкого: «А что, скажи, всё как следует устроено?» изменен на: «Разве тебе удалось устроить?»

Через десять лет после появления третьей редакции комедии «Нахлебник» был опубликован немецкий перевод ее, сделанный, однако, не с русского, а с французского текста, напечатанного Тургеневым в сборнике «Scènes de la vie russe» в 1858 г. [1]

В переписке Тургенева с Л. Пичем, переводчиком комедии, сохранились самые поздние из известных нам авторских высказываний о «Нахлебнике», не только связанные с уступкой переводчику прав на немецкое издание и постановку пьесы, но и разъясняющие некоторые особенности ее замысла, построения и языка: «Телецкий,—писал Тургенев 8 декабря 1879 г., усвоив немецкую транскрипцию фамилии „Елецкий“,— петербургский чиновник, ничего не смыслящий ни в сельском хозяйстве, ни в его установившейся терминологии, но он хочет и будет управлять. По старому обычаю (да и теперь еще) вся возделываемая земля имения делится на три равные части, одна часть засевается рожью, вторая — овсом, гречихой и т. д., третья — под паром, и каждый год их меняют. Это первобытное земледелие держится, однако, до сих пор и носит название трехпольной системы. К этому прибавьте лес и луга, где косят сено, и, наконец, непригодную к обработке землю (плохая или же сады, парки, вообще незасеянная земля). Каждая из этих трех частей по-русски называется *клином*, и когда спрашивают, сколько десятин в имении, то отвечают,— сколько их есть в клину. Если, например, говорят 100, то это значит, что во всем имении приблизительно 400 десятин — 300 в трех клинах и около 100 (таково обычное отношение) под лугами, садами, лесом и непригодной к обработке земли. Сверх того, до самого последнего времени угодия были разделены на много отдельных частей, и только хорошие имения обладали „круглой границей“, т. е. были цельными, что по-французски переведено d'un seul tenant. Телецкий этого, конечно, не понимает. Слово «клин» перевели un sol, стало быть, если Егор отвечает 275 десятин dans chaque sol, то это значит в общем больше 800; Телецкий и этого не понимает — и затем поражен численностью десятин. Когда же дальше он говорит о земле, находящейся под паром, то Егор думает, что он хочет знать, сколько есть непригодной к обработке земли и отвечает приблизительно, потому что — по патриархальному обычаю — земля эта, как не обработанная, не измерялась» (перевод с немецкого).

Комедия «Нахлебник», снятая с репертуара в 1862 г., вернулась на сцену только 10 февраля 1889 г., когда первый ее акт был поставлен в Петербурге в Александринском театре в бенефис В. Н. Давыдова.

В том же году. 29 декабря (10 января 1890 г. по новому стилю), «Нахлебник» был поставлен с исключительным успехом

[1] Об этом переводе и о постановке «Нахлебника» в ноябре 1883 г. на сцене Франкфуртского городского театра см.: *Zabel*, S. 157—161.

на парижской сцене в новом театре («Théâtre libre»), организованном актером и режиссером Антуаном, бывшим артистом Михайловского театра в Петербурге (D a r z e n s R. Le Théâtre libre. Paris, 1890, t. I, p. 73—93. Ср.: Г н е д и ч П. Le pain d'autrui.— Бирюч Петроградских государственных театров, 1918, № 2, с. 38—41; см. также: Г и т е л ь м а н Л. И. «Нахлебник» И. С. Тургенева на сцене Свободного театра Андре Антуана.— Русская литература, 1976, № 4, с. 154—158). После парижских триумфов «Нахлебник» прочно утверждается в репертуаре передовых итальянских и немецких театров конца XIX и первой четверти XX в. (*Т и театр*, с. 591—592).

Новой вехой в истории театральной интерпретации «Нахлебника» является постановка его первого акта в Московском Художественном театре 3 марта 1912 г.; полностью «Нахлебник» был дан там же 28 января 1913 г. В 1916 г. «Нахлебник» был возобновлен на сцене Александринского театра в Петербурге, а в 1924 г.— в московском Малом театре. В числе немногих пьес Тургенева «Нахлебник» продолжает жить до наших дней на советской сцене и в кино.

Яркое, талантливое и неповторимо своеобразное воплощение образа Кузовкина создали в юбилейных, посвященных 150-летию со дня рождения Тургенева, спектаклях Ленинградского академического театра драмы им. А. С. Пушкина (1968) и МХАТа им. М. Горького (1969) А. Ф. Борисов и М. М. Яншин. Однако в Ленинградском театре режиссер О. Соловьев и исполнитель главной роли А. Ф. Борисов (руководитель постановки В. В. Эренберг) не смогли в полной мере передать трагизм созданной Тургеневым ситуации. Конец пьесы был переделан, и в исполнении Борисова Кузовкин, под аплодисменты зрительного зала, эффектно рвет дарственную на Ветрово, якобы утверждая этим поступком свое человеческое достоинство. Таким образом, существенная часть задачи, поставленной автором перед исполнителями, не нашла своего решения в спектакле.

В специальной литературе о драматургии Тургенева все разборы тематики, традиций, стиля и композиции комедии «Нахлебник» определялись в течение многих лет концепцией, выдвинутой А. А. Григорьевым в статье «И. С. Тургенев и его деятельность» на страницах журнала «Русское слово» в 1859 г. Как утверждал критик, поэтика «сентиментального натурализма», восходившая к традициям гоголевской «Шинели» и переосмысленная в русских общественно-политических условиях второй половины сороковых годов писателями-петрашевцами, во главе с Ф. М. Достоевским, оказала большое влияние на Тургенева.

«Талант глубоко искренний, как талант Тургенева, искренно подчиняется на время и теориям,— писал А. Григорьев.— Стало быть, художнически стремясь сообщить им плоть и кровь, идет смело, часто против воли смело,— смело, несмотря на мягкость собственной натуры,— до крайних граней». По мысли критика, такой «гранью» явился для Тургенева «Нахлебник», дальше которого «идти было некуда — это был сок, выжатый из повестей Ф. Достоевского, Буткова и других натуралистов

поэтом-романтиком»: «Вопль идеалиста Гоголя за идеал, за „прекрасного человека“, перешел в вопль и протест за расслабленного, за хилого морально и физически человека. Горький смех великого юмориста над измельчавшим и унизившимся человеком, смех, соединенный с пламенным негодованием на ложь и формализм той среды жизни, в которой мельчает и унижается человек, перешли в болезненный протест за измельчавшего и униженного человека, вследствие чего и самый протест против ложной и чисто формальной действительности лишился своего высшего нравственного значения» (*Рус Сл*, 1859, № 5, Критика, с. 22. Ср.: Соч. А. Григорьева. СПб., 1876. Т. 1, с. 350).

«Влияние „Бедных людей“ на тургеневские пьесы „Нахлебник“ и „Холостяк“ — факт, давно признанный в истории литературы,— писал полвека спустя известный историк русского театра Н. Н. Долгов,— и какие бы недочеты ни таились в этих произведениях, они значительны уже тем, что, отражая в своих героях, Мошкине и Кузовкине, Макара Девушкина, Тургенев делал попытку возвысить драму до той вершины, где она соприкасается с областью трагедии повседневности» (Долгов Н. А. Е. Мартынов. Очерк жизни и опыт сценической характеристики. СПб., 1910, с. 35).

Характеризуя особую значимость темы «чужого хлеба» в условиях русской крепостнической действительности, Л. М. Лотман в своей книге о драматургии сороковых-пятидесятых годов убедительно показала, что «трагедия зависимой личности, задавленной нуждой и бесправием», сочетается в пьесах Тургенева, особенно в «Нахлебнике», «с сатирическим обличением ложной просвещенности, помещичьего произвола, лицемерно скрытого за внешне гуманными формами современного европейского быта» (Лотман Л. М. А. Н. Островский и русская драматургия его времени. М.; Л., 1961, с. 39—40).

Связь образов, стилистики и гражданского пафоса «Нахлебника» с поэтикой Достоевского и его школы, а не с традициями гоголевской драматургии, как полагает Л. М. Лотман, получила конкретно-историческое обоснование в исследовании В. В. Виноградова «Тургенев и школа молодого Достоевского». Изучая открытые Достоевским в «Бедных людях» новые формы «изображения характеров, связанных с новыми сюжетными конструкциями, с своеобразным развертыванием психологических качеств личности, с особыми приемами речи персонажей, с специфическим строем диалога, сказа, эпистолярного стиля, а затем и стиля авторского повествования», В. В. Виноградов пришел к заключению, что комедия Тургенева «Нахлебник» в самой «обрисовке образа Кузовкина, в специфических качествах его речевого стиля, в динамическом и противоречивом раскрытии его психологии, его переживаний» находилась в прямой зависимости от «словесно-художественной манеры» молодого Достоевского (Русская литература, 1959, № 2, с. 63—71). Эти же приемы «сентиментально-натурального изображения социальных характеров и их психологического развития» в той же «конденсированной форме» получили отражение в поэтике и стилистике более позднего «Холостяка».

С т р. 126. *Двести семьдесят пять десятин в клину.*— См. разъяснение этих строк в письме Тургенева к Л. Пичу, приведенном выше, с. 603.

С т р. 133. *Экая бестия этот Сен-Жорж!*— См. выше, с. 571.

С т р. 137. *...пьяница горький и бурмасон...*— от слова «бурмасонить» — ругать, ворчать (владимирский говор).

...четырнадцатую часть, говорит, подай...— По законам о наследовании, действовавшим в Российской империи, дочь имела право после смерти отца, при наличии прямых наследников мужского пола, на одну четырнадцатую часть недвижимого и одну восьмую часть движимого имущества.

С т р. 157. *Должно полагать-с, что у вашей матушки, у покойницы, от такой обиды кровной на ту пору ум помешался...*— Возможно, что в рассказе Кузовкина о том, как он стал отцом Ольги Елецкой, получили отдаленное отражение семейные предания о рождении у В. П. Тургеневой, матери писателя, внебрачной дочери В. Н. Богданович, по мужу Житовой. Подробнее об этом см. в предисловии Т. Н. Волковой к книге: Ж и т о в а В. Н. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. Тульское книжное издательство, 1961, с. 8—10. С историей Кузовкина и Кориной сюжетно связан в одной из своих деталей (биография Грохольского) рассказ А. П. Чехова «Живой товар» (1882).

С т р. 161. *...ветровский помещик ∽ китайским императором считает...*— Реминисценции из «Мертвых душ» (херсонский помещик, гл. 8) и «Записок сумасшедшего» Гоголя.

С т р. 166. «*Я здесь, Инезилья, я здесь под окном*».— Первые строки романса М. И. Глинки на слова Пушкина «Я здесь, Инезилья, стою под окном» (1830). Романс Глинки опубликован в 1834 г.

ХОЛОСТЯК

Комедия в трех действиях

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Первая рукописная редакция, законченная в Париже 10(22) марта 1849 г. Черновой автограф, являющийся частью тетради (с. 59—153), начало которой занято текстом «Нахлебника» (см. с. 583). Хранится в *ЦГАЛИ* (ф. 509, оп. № 2, ед. хр. 6/2). На полях рукописи около имен действующих лиц впоследствии были указаны Тургеневым фамилии актеров, исполнявших основные роли в его пьесе на Петербургской сцене в 1849—1851 гг.: «Щепкин, Максимов, Мартынов, Каратыгин II, Самойлова, Линская».

Писарская копия с недошедшего до нас авторского оригинала пьесы, разбитая на «явления» и представленная в Дирекцию императорских театров 29 июня 1849 г. На первом листе рукописи отметка театрального цензора М. Гедеонова: «Одобрено к представлению. С.-Петербург, 7 октября 1849 года». Этой резолюции предшествовала цензурная правка пьесы, о которой см.: *Пыпин*, *Списки пьес Т*, с. 208—210. Рукопись хранится в Государственной театральной библиотеке им. А. В. Луначарского в Ленинграде. Инв. № 4450, шифр IX, 3, 32.

Отеч Зап, 1849, № 9, с. 1—64.

Т, *Соч*, *1869*, ч. VII, с. 227—232.

Т, *Соч*, *1880*, т. 10, с. 227—332.

Впервые опубликовано: *Отеч Зап*, 1849, № 9, с. 1—64, с подписью: Ив. Тургенев.

В настоящем издании печатается по последнему авторизованному тексту (*Т*, *Соч*, *1880*, т. 10), с устранением опечаток, отмеченных, во-первых, самим автором и, во-вторых, им не замеченных, но требуемых по смыслу и устанавливаемых по рукописи и предшествующим изданиям. Первые нами не оговариваются. Ко вторым же относятся: с. 176: «*(опуская руку в боковой карман)*» вместо неправильного: «*(опуская руки в боковой карман)*»; с. 190: «Она сейчас явится» вместо: «Он сейчас явится»; с. 193: «*и приговаривает*» вместо: «*и проговаривает*»; с. 197: «Пряжкина *(с усилием)*. В свои козыри-с» вместо: «Пряжкина. В свои козыри-с»; с. 201: «Век я этого обеда не забуду» вместо: «Ведь я этого обеда не забуду»; с. 208: «ваши доводы» вместо: «наши доводы»; с. 209: «решитесь!» вместо: «решитесь?»; с. 212: «не беспокойтесь» вместо: «не беспокойтеся»; с. 217: «*(горько)*» вместо: «*(громко)*»; с. 222: «Какая досада! Мне пора» вместо: «Какая досада, мне пора»; с. 238: «А вы, мол, Марья Васильевна» вместо неправильного: «А вот, Марья Васильевна»; с. 243: «но я и прежде не обманывалась» вместо: «но я и прежде же обманывалась»; с. 245: «над тобой насмехаться» вместо: «над собой насмехаться»;

с. 175, 179 и 232 восстановлено по рукописи написание «небось» вместо: «небойсь».

Время работы Тургенева над комедией «Холостяк» точно определяется его отметками на заглавном листе черновой рукописи. Пьеса начата была 28 января (9 февраля) 1849 г. в Париже и там же закончена 10(22) марта, т. е. через «сорок дней», как удостоверял сам автор.

В письме от 1(13) марта 1849 г. к А. А. Краевскому, объясняя причины задержки обещанной ему пьесы «Вечеринка», Тургенев мотивировал свою неаккуратность тем, что «чёрт дернул» его «написать другую комедию в трех актах, опять для Щепкина»; тут же он напомнил, что новость эта «должна остаться между нами». Краевский, отвечая на полученную им информацию, выразил 11(23) марта 1849 г. желание получить новую комедию (названия ее он еще не знал) для «Отечественных записок» (*Лит Арх*, т. 4, с. 380). Тургенев охотно принял это предложение. В письме от 2 апреля к Краевскому он сообщал: «Вчера мною отправлена в двух толстейших пакетах к Щепкину ⟨...⟩ комедия в 3-х актах, под названьем „Холостяк“. В этом произведенье цензуре не только нечего вычеркивать—но, напротив, она должна меня наградить за мою примерную нравственность. Разумеется—я очень буду рад видеть эту комедию в „Отеч⟨ественных⟩ записках“. Но так как она назначена для бенефиса Щепкина — а оный бенефис не будет ранее генваря будущего года, то вам придется ждать еще долго⟨...⟩ вы можете написать Щепкину и сказать ему, что „Холостяк“ назначен вам. Я, впрочем, уже сам об этом ему писал ⟨...⟩ Этот „Холостяк“ у меня много времени отнял».

29 мая 1849 г. Краевский был уведомлен Тургеневым о согласии Щепкина на публикацию комедии до ее постановки на сцене, а «что до цензурных затруднений,— писал он,—то на этот раз ручаюсь всем на свете, что буквы невозможно выкинуть».

15 июня 1849 г. В. П. Боткин, исполняя поручение автора, предупреждал Краевского о том, что «завтра, через Базунова», им будет отправлена в Петербург комедия «Холостяк»: «Кажется,— замечал Боткин,— она может быть напечатана, потому что скромнее трудно представить себе что-нибудь. Далеко уступает она „Нахлебнику“. Заметно, что автор главное имел в виду то, чтоб театральная цензура пропустила ее» (*Отчет ИПБ* за 1889 г., приложение, с. 100).

Вслед за оригиналом пьесы, отправленной в редакцию «Отечественных записок» (эта рукопись до нас не дошла), писарская копия ее была представлена 29 июня 1849 г. в Дирекцию императорских театров для передачи в театральную цензуру. В августе 1849 г. «Холостяк» был разрешен к печати для девятого номера «Отечественных записок», а 7 октября подписано было разрешение на постановку его на сцене.

И сам Тургенев, и его литературные друзья, подчеркивая в своих высказываниях о новой комедии политическую ее «благонамеренность», прежде всего имели в виду отсутствие в основных коллизиях и ситуациях «Холостяка» прямых антикрепостнических тенденций, характерных для всех прочих его произведений 1847—1849 гг. И действительно, эти тенденции как будто бы отсутствовали и в журнальной, и в театральной редакциях

«Холостяка». Однако сравнение черновой рукописи комедии с ее журнальным текстом и с театрально-цензурным списком позволяет установить, что не самим Тургеневым, а цензурой было изъято в беловой рукописи комедии несколько существенных строк о крепостной деревне, включенных в диалог фон Фонка и Шпуньдика в первом акте. Эти строки, непосредственно связывавшие «Холостяка» с тематикой «Записок охотника», следовали за словами Шпуньдика: «Урожаи больно плохи-с... вот уже третий год» (см. с. 194).

«Ф о н к. Гм. А крестьяне как у вас?

Ш п у н ь д и к. Ну, доложу вам, мужика в наших краях тоже слишком хвалить нельзя; мужик у нас легкомысленный... Да и вообще — дело известное-с, мужик, что медведь, баба, что коза-с.

Ф о н к *(смеясь)*. Почему же коза?

Ш п у н ь д и к. А уж так видно ей на роду написано. В наших местах еще и того хуже. Бабы у нас совсем что-то плохи — даже глядеть иногда неприятно-с.

Ф о н к. Неужели?

Ш п у н ь д и к. Ей-богу-с. Доложу вам — нашим житьем деревенским не всегда хвастаться можно; просто иногда тягость чувствуешь, бремя на душе-с.

Ф о н к. А! Это нехорошо».

В этом диалоге, вместо общеизвестных строк: «А как же-с! Не то плотину вдруг прорвет. Рогатый, с позволенья сказать, скот-с тоже сильно колеет-с» — в рукописной редакции было: «А как же-с? Пожары, недоимки, побеги... болезни — самому иногда крестьян лечить приходится, ну и лечишь. Какое в этом удовольствие, позвольте спросить? Не то плотину вдруг прорвет; рогатый, с позволенья сказать, скот-с тоже сильно колеет — то бишь дохнет».

Театральной цензурой было изъято еще несколько строк в репликах Мошкина: мотивировка его отношений к Маше, слова «по казенной надобности», упоминания о затянувшейся стройке Исаакиевского собора; сравнение «просто с гвардейский кулак», замененное в журнале на «солдатский кулак», превратилось в «просто диво»; из причитаний Пряжкиной исчезли строки: «Ах, пресвятая богородица, троеручица», «Иисусе Христе, помилуй меня», «А всё бог, всё бог. Во всем его святая воля»; в словах Шпуньдика вместо «перекреститесь» появилось «опомнитесь». Изменены были фамилии двух персонажей: фон Фонк был превращен в фон Клакса, а Белокопытова в Белоногову. Со всеми этими цензурными искажениями и сокращениями «Холостяк» шел на русской сцене до самой Октябрьской революции.

Черновая рукопись «Холостяка» широко характеризует приемы работы Тургенева над сценарием пьесы, над ее персонажами — их характерами и спецификой их речи, над мотивировкой их действий [1].

---

[1] Первым опытом критического учета вариантов черновой редакции «Холостяка» для уяснения истории создания комедии является статья Г. Э. Водневой «К творческой истории комедии И. С. Тургенева „Холостяк“» (*Театр насл*, с. 95—104).

Так, например, наличие в черновой редакции комедии и в ее театральном списке нескольких деклараций, обнажающих хищническую философию «искусства жить» такого преуспевающего представителя петербургского бюрократического мира, как фон Фонк, и отсутствие этих же страниц в журнальном тексте комедии позволяет установить, что они были изъяты из «Отечественных записок» не самим автором, а журнальной цензурой. Цензурой же были изъяты из журнального текста и многозначительные строки, характеризующие отношения Мошкина к Маше уже после ее разрыва с Вилицким. Подробно об этом см.: *Т*, *ПСС и П*, *Сочинения*, т. II, с. 609—610.

В рукописной редакции «Холостяка» отмечалось, что «действие» пьесы «происходит в 1842 году, в Петербурге». Эта ремарка не случайна. Именно зимою 1842—1843 г. Тургенев, поступив на службу в Особую канцелярию министерства внутренних дел, имел возможность близко наблюдать тот самый петербургский чиновничий мир, который показан был им в его новой комедии.

«Петербургский чиновник» Елецкий, человек «холодный и сухой», «аккуратный», «не злой, но без сердца», выведенный в «Нахлебнике», это, конечно, русский вариант фон Фонка. Но этот персонаж, как и другие петербургские чиновники, показанные в произведениях Тургенева и до «Холостяка» и после него, зарисовывались писателем в отрыве от профессиональной среды, в не совсем привычной для них усадебной или провинциально-городской обстановке. По-иному показан столичный бюрократический аппарат в «Холостяке», разумеется, не весь этот аппарат, а его средние и низшие звенья, так как верхушка его была строжайше ограждена от показа на сцене цензурой.

Продолжая в «Холостяке» гоголевские традиции и предвосхищая пьесы из чиновничьего быта А. Н. Островского, Тургенев сумел показать, без сатирического пафоса, без нарочито обнаженной тенденциозности, но с беспощадной трезвостью реалиста, своих Мошкиных, фон Фонков и Вилицких в примитивной домашней обстановке, обусловленной социальным положением, кастовыми предрассудками, низким культурным уровнем, аморальностью и карьеризмом, воспитанными в этих персонажах крепостническим государством и николаевской полицейско-бюрократической системой.

Премьера «Холостяка» состоялась 14 октября 1849 г. на сцене Александринского театра. Пьеса была поставлена в бенефис М. С. Щепкина, гастролировавшего в это время в Петербурге. Вместе с «Холостяком» для бенефисного спектакля были выбраны еще две пьесы — «Однофамильцы» (инсценировка рассказа Э. Гино) и старинная комедия-водевиль И. П. Котляревского «Москаль-чаривник».

Комедия «Холостяк» была первой из пьес Тургенева, появившихся на сцене. Все другие («Завтрак у предводителя», «Провинциалка», «Где тонко, там и рвется», «Безденежье») следовали уже за ней. В сезон 1849/50 г. «Холостяк» прошел всего четыре раза, так как, по удостоверению А. И. Вольфа, долгое время «никто из петербургских артистов не решился играть Мошкина после высокохудожественного исполнения этой роли московским гостем» (*Вольф*, *Хроника*, ч. 1, с. 136; ч. 2, с. 150). Особенно большой успех Щепкин имел в третьем акте, в сцене чтения письма Вилиц-

кого (роль Вилицкого исполнял А. М. Максимов). Фон Фонка в этом спектакле играл П. А. Каратыгин, Шпуньдика — А. Е. Мартынов, Белоногову — В. В. Самойлова, Пряжкину — Ю. Н. Линская.

25 января 1850 г. «Холостяк» был поставлен в Москве, в Большом театре, также в бенефис М. С. Щепкина. Вместе с «Холостяком» шла комедия в двух действиях «Богатая старушка и родственники ее» и одноактный водевиль «Отсталые люди, или Предрассудки против науки и искусства». Роль Вилицкого исполнял И. В. Самарин, фон Фонка — Д. Т. Ленский, Шпуньдика — В. И. Живокини, Белоноговой — Л. П. Косицкая, Пряжкиной — А. Т. Сабурова (*Театр насл*, с. 308—309). Спектакль был повторен 1 и 6 февраля, а затем возобновлен в конце года.

В числе первых читательских откликов на новую пьесу Тургенева были отзывы о ней в переписке братьев Достоевских. «Не знаю, понравится ли тебе комедия Тургенева, — писал М. М. Достоевский, посылая сентябрьский номер „Отечественных записок" своему брату, находившемуся в это время, в ожидании приговора, в Петропавловской крепости.— Мне в ней многое нравится, хоть и мало сценического элемента. Она написана для Щепкина, который, как говорят, дает ее в свой бенефис» (Искусство, 1927, № 1, с. 114). В презрительных и безапелляционно уничтожающих тонах отозвался о «Холостяке» Ф. М. Достоевский. «Комедия Тургенева непозволительно плоха,— отвечал он брату 14 сентября 1849 г.,— что это ему за несчастие? Неужели же ему так и суждено непременно испортить каждое произведение свое, превышающее объемом печатный лист? Я не узнал его в этой комедии. Никакой оригинальности: старая, торная дорога. Всё это было сказано до него и гораздо лучше его. Последняя сцена отзывается ребяческим бессилием. Кое-где мелькнет что-нибудь, но это что-нибудь хорошо только за неимением лучшего» (Достоевский Ф. М. Письма. М.; Л., 1928. Т. I, с. 128).

В этот же день Некрасов писал Тургеневу о его пьесе: «Ваша комедия „Холостяк" в IX № „От. зап". — просто удивительно хороша, особенно первый акт» (*Некрасов*, т. X, с. 132).

«Темные слухи дошли до меня, любезнейший Краевский,— писал последнему Тургенев 22 октября 1849 г.,— что Вы напечатали в ОЗ моего „Холостяка". Желаю, чтобы он понравился русской публике».

Отклики на «Холостяка» в печати были столь же противоречивы, как и в устном обмене мнениями об этой пьесе в литературных кругах и в переписке ее первых читателей и зрителей.

На страницах некрасовского «Современника» А. В. Дружинин безоговорочно признал, что в новой своей комедии «Холостяк» «автор представил нам настоящую, живую, новую русскую комедию, которая умна, занимательна, свежа, удобна для сцены и произвела бы на ней большой эффект... если б для нее сыскались старательные актеры и публика, предпочитающая тонкий анализ двусмысленным шуткам, пересыпанным солью... солью вовсе не аттическою!» (*Совр*, 1849, № 10, отд. «Смесь», с. 288).

Анонимный рецензент «Холостяка» в журнале «Северное обозрение», детально разбирая комедию, как «одно из редких прекрасных явлений в нашей литературе», горячо приветство-

вал возвращение Тургенева к работе для театра и не сомневался в том, что новая пьеса, несмотря на ее некоторые «длинноты и лишние лица, каковы Созоменос и Пряжкина», «открывает автору „Записок охотника" настоящее его назначение», то есть продолжение и утверждение традиций Гоголя в национальной русской драматургии (Северное обозрение, 1849, т. II, кн. 2, отд. «Смесь», с. 642—658).

В «Театральной хронике» ноябрьского номера «Отечественных записок» за 1849 г. комедия «Холостяк» определялась как «весьма замечательное явление на нашей сцене»: «Взятая из так называемого чиновничьего мира, она едва ли не первая пьеса, где человек, живущий честным трудом, не осмеян, не отмечен грязными чертами, низкими целями. Перед вами люди с странностями; одни — среди своего необразования довольны спокойною совестью, другие — с желанием выйти из своего круга. И те и другие порой смешны, но вам и в ум не приходит смеяться над ними: в них прежде всего человеческие черты. Но это еще не единственная цель комедии: в ней много интереса общего: под наружностью комедии в ней скрыта серьезная драма, какую зоркий наблюдатель увидит не в одном чиновничьем мире, а в целом обществе. Называем драмой, потому что многое из того, что смешно — в существе грустно». Переходя к характеристике исполнителей основных ролей в пьесе, критик утверждал, что «Холостяк» «вообще был разыгран весьма удовлетворительно, с большим согласием и почти все актеры поняли его, как вещь серьезную. Так оно и должно быть со всякою порядочною комедиею. М. С. Щепкин создал лицо Мошкина с необыкновенною простотою. Вы забываете, что он перед вами на сцене: его замешательство в минуту прихода Фонка, беспокойство, с каким он является к Вилицкому, потом сцена, когда получает письмо и хочет стреляться, наконец, объяснение с Машей — во всех этих сценах было так много простоты и истинного одушевления, так много серьезности под наружностью странною и оригинальною, что нельзя было не сознаться: как много высокий комик должен иметь ума и таланта» [1].

Правда, в январской книге «Отечественных записок» за 1850 г. анонимный рецензент пьесы Тургенева внес несколько существенных коррективов в предшествующий отзыв журнала о новой комедии Тургенева, отметив в ней и некоторую «незрелость», и отсутствие той «оконченности и того тонкого очертания характеров», которые показаны были в сценах «Где тонко, там и рвется» (*Отеч Зап*, 1850, № 1, отд. V, с. 18).

Пессимистические представления А. В. Дружинина об отсутствии на нашей сцене корней для настоящей «русской коме-

---

[1] *Отеч Зап*, 1849, № 11, отд. VIII, с. 156—159. Рецензия подписана инициалами Вл. Ч. В этом же отзыве высоко оценивалось толкование А. Е. Мартыновым роли «чудака помещика Шпуньдика, приятеля и ровесника Мошкина»: «Он задумал и разыграл эту роль с большим умом,— отмечал критик.— С первого взгляда Шпуньдик кажется вам чудаком, но проходит несколько минут — и вы к нему привыкаете, даже любите его; под смешной мешковатой наружностью в нем виден человек доброй души» (с. 159).

дии» из-за неподготовленности актеров к подлинно художественному ее воплощению, а зрителей к серьезному восприятию реалистической пьесы заставили Некрасова полемически заострить на страницах «Современника» давно обещанный им Тургеневу отчет о постановке «Холостяка» в Петербурге.

В самом деле, тот «явный интерес и удовольствие», с которыми публика премьеры смотрела 14 октября 1849 г. пьесу Тургенева, те жаркие толки и споры о новой комедии, которые «можно было слышать в партере и коридорах театра», то «уважение» и «внимание» к оригинальному драматическому произведению, которое с таким одушевлением проявлено было всеми исполнителями тщательно поставленного «Холостяка», всё это, по мнению Некрасова, говорило о несомненном «сочувствии к русской комедии» и не оставляло места опасениям, получившим выражение в статье Дружинина.

Оживленный обмен мнениями о «Холостяке» и общие вопросы о путях русской драмы, поднятые в связи с его постановкой, с одной стороны, объяснялись тем, что прежние комедии Тургенева не попадали на сцену, а с другой — тем, что та или иная судьба новой пьесы могла предопределить исход давнишней тяжбы писателей группы «Современника» и «Отечественных записок» с блюстителями затхлых традиций господствующего театрального репертуара. Надежды, возлагавшиеся на Тургенева как драматурга, заставляли его единомышленников быть не только на страже его интересов в печати и на сцене, но и самыми придирчивыми критиками, строгие оценки и предостережения которых могли бы быть учтены молодым автором в следующих его произведениях для театра. Вот почему и Некрасов, восторженно отозвавшийся о комедии тотчас после ознакомления с нею (см. выше), свой хвалебный разбор «Холостяка» в «Современнике» после премьеры пьесы дополнил несколькими тонкими соображениями и по поводу ее явных дефектов [1]:

«Главный недостаток, много повредивший полному успеху комедии и замеченный всеми,— растянутость, недостаток, почти неизбежный в каждом первом произведении для сцены и за который, следовательно, нельзя винить автора. В первом акте почти нет ничего лишнего, но второй утомил зрителей. Начинается он монологом, в котором Вилицкий высказывает свое колебание; жениться на Маше ему уже не хочется после того, как светский друг его фон Фонк нашел и Машу и всё семейство ее слишком недостойными великой чести породниться с Вилицким; отка-

[1] 8 ноября 1849 г. Некрасов писал Тургеневу: «У меня начато к вам большое письмо о бывшем недавно представлении „Холостяка“ — если паралич не хватит мне правую руку, то, клянусь честью, я его допишу и пошлю на днях к вам» (*Некрасов*, т. X, с. 134). Принадлежность Некрасову отзыва о «Холостяке» в ноябрьском номере «Современника» за 1849 г. впервые установлена Ю. Г. Оксманом в книге «И. С. Тургенев. Исследования и материалы» (Одесса, 1921, с. 115—126). Ср.: Некрасов Н. А. Сочинения. 1930, т. III, с. 389—393; *Некрасов*, т. IX, с. 542—546, а также: Гин М. М. Н. А. Некрасов — литературный критик. Петрозаводск, 1957, с. 82—83.

заться и страшно и совестно. Приходит фон Фонк с греком Созоменосом (лицо, заметим мимоходом, на сцене совершенно лишнее, чего не кажется в чтении), и Вилицкий, прося его совета в своем затруднительном положении, опять отчасти пересказывает то, что уже высказал в первом своем монологе.

Первый акт начинается монологом слуги, развалившегося в барских креслах, второй кончается тем, что слуга ложится на господский диван отдохнуть, с соответствующими прибаутками. Эти две сцены произвели неприятное впечатление, напомнив Осипа (в „Ревизоре“). Мы уверены, что автор совершенно не рассчитывал посмешить ими, а поместил их потому, что так действительно бывает в жизни; и в чтении они проходят совершенно незаметно; но автор не расчел, что на сцене их будет произносить актер, и как подобную роль в десять слов нельзя дать хорошему актеру, то следовательно плохой актер; что он, пожалуй, вообразит, что собственно от его роли зависит успех или падение всей пьесы, постарается, чтоб роль вышла как можно поэффектнее. Таким образом из мимолетных десятка слов выйдет нечто торжественное, на чем зритель поневоле приостановит свое внимание, хотя приостановить тут его внимание автор не желал, да и причины не было. Избежание подобных неприятностей, часто обращаемых поверхностными судьями в вину самой пьесы, приобретается только знанием сцены, и часто даже той сцены в особенности, где играется ваша пьеса. Сделаем еще следующее замечание; оно, пожалуй, ничтожно, но показывает, как должен быть осторожен иногда автор, пишущий для сцены. У г. Тургенева часто попадаются несколько тривиальные фамилии.— Где вы остановились? — „В доме Блинниковой“. С кем приехали? — „С купцом Сивопятовым“ и т. п. Из этого выходит вот что: актер, встретив в своей роли подобную фамилию (особенно, если роль незначительна и досталась плохому актеру), чаще всего думает, что автор вставил ее с намерением рассмешить; поэтому он произносит ее с особенным ударением,— раек хохочет, а образованный зритель, не вникнув в дело, сожалеет, что автор прибегает к такой избитой манере остроумия! Конечно, подобные мелочные промахи могли бы легко быть предупреждены при личном присутствии автора на репетициях пьесы, но г. Тургенева в Петербурге нет».

В заключительных страницах своей рецензии Некрасов свидетельствует, что «публика с явным интересом и удовольствием следила за ходом пьесы, и всё хорошее было замечено и одобрено громкими рукоплесканиями; жаркие толки и споры о новой комедии можно было слышать в партере и в коридорах театра, по окончании пьесы, каких не услышите после десятка новых самых эффектных французских водевилей. Ясно, что сочувствие к русской комедии в публике существует: явись настоящая русская комедия — и не увидишь, как полетят со сцены, чтоб уже никогда не возвратиться, жалкие переделки и подражания, бесцветные и безличные, натянутые фарсы и т. п. Еще более порадовало нас сочувствие к русской комедии в наших актерах.— сочувствие, которого нельзя было не заметить в представление „Холостяка“. Ни тени той самоуверенной небрежности, которая встречается при исполнении фарсов и водевилей, не заметили мы при исполнении „Холостяка“. Артисты видимо

принялись за дело с уважением, подобающим русской комедии, и исполнили его превосходно».

Подробно характеризуя игру Максимова (Вилицкий), Мартынова (Шпуньдик), Каратыгина 2-го (фон Фонк), Самойловой 2-й (Маша) и Линской (Пряжкина), Некрасов особенно сочувственно реагировал на успех Щепкина в роли Мошкина: «Роль эта, как ни трудна она, совершенно по силам и в духе таланта Щепкина. Весь третий акт с самого того места, где начинаются опасения старика за участь своей воспитанницы, был торжеством Щепкина... Рукоплескания не умолкали, и этот акт, отдельно взятый, имел огромный успех» (*Совр*, 1849, № 11, отд. «Смесь», с. 138—142).

Возможность некоторой проверки этих впечатлений и замечаний представилась Тургеневу только через год, но, в общем, он был доволен приемом «Холостяка» в Петербурге и, констатируя в письме к А. А. Краевскому от 1 (13) декабря 1849 г., что пьеса, по дошедшим до него слухам, имела лишь «un succès d'estime», оговаривался, что «другого не ожидал и рад даже этому: 2-й акт для сцены холоден».

6 декабря 1850 г. Тургенев в первый раз увидал свою комедию на сцене, и об уроках, полученных им при этом, мы можем судить по письму его из Москвы к Полине Виардо (печатаем его в переводе с французского оригинала): «Завтра я должен быть в театре,— писал он 5 (17) декабря 1850 г.— Дают мою пьесу в трех актах: „Холостяк“, с Щепкиным. Я сяду в ложе, скрытой от публики. Мне кажется, что буду бояться: второй акт холоден, как лед». В письме, отправленном через два дня после спектакля, Тургенев мог уже дать полный отчет в своих впечатлениях от пьесы: «Публика приняла ее очень горячо; особенно третий акт имел чрезвычайно большой успех. Сознаюсь, это приятно. Щепкин был великолепен, полон правды, вдохновения и чуткости; его вызвали один раз после второго акта, два раза в течение третьего и два раза после него. Одна старая актриса (А. Т. Сабурова) была великолепна в роли кумушки. Другой актер, Живокини, был очень хорош в роли доброго провинциала. Jeune première <Л. П. Косицкая> была посредственна, немного неловка, но естественна; другие актеры были плохи. Но как поучительно для автора присутствовать на представлении своей пьесы! Что там ни говори, но становишься публикой, и каждая длиннота, каждый ложный эффект поражают сразу, как удар молнии. Второй акт, несомненно, неудачен, и я нашел, что публика была слишком снисходительна. Тем не менее, в общем — я очень доволен. Опыт этот показал мне, что у меня есть призвание к театру и что со временем я смогу писать хорошие вещи».

Итак, непосредственными впечатлениями автора были подтверждены едва ли не все критические замечания о «Холостяке» в приведенном выше отчете Некрасова. В полном соответствии с его пожеланиями текст «Холостяка» тщательно был очищен в издании 1869 г. от всего того, что «замедляло и охлаждало» ход действия, причем динамизация произведения осуществлена была прежде всего благодаря значительному сокращению особенно «холодного» второго акта, последовательному устранению из пьесы всех мало характерных реплик, многочисленных повто-

рений одних и тех же слов («так справедливо, так справедливо»; «ну, однако, ступайте, ступайте»; «должен, непременно должен»; «не может, никак не может» и т. д.), благодаря более тонкой отделке несколько растянутых прежде диалогов Мошкина и Вилицкого, Вилицкого и фон Фонка и пр. Возможно, что в связи с личными впечатлениями от постановки «Холостяка» в Москве Тургеневым изъяты были из текста пьесы, как слишком «тривиальные», некоторые элементы чисто внешнего комизма в линии поведения и в речах Мошкина, Шпуньдика, а особенно Пряжкиной. По этим же, видимо, соображениям фамилия героини «Холостяка», Маши Белокопытовой, была изменена на Белову.

«Холостяк» был возобновлен на Александринской сцене в Петербурге 7 октября 1859 г., с А. Е. Мартыновым в главной роли [1].

«Мысль этого возобновления,— писал о постановке „Холостяка“ И. И. Панаев на страницах октябрьского номера „Современника“ 1859 г.,— очень счастливая, потому что пьеса, несмотря на свою длинноту, от которой охлаждается драматическое движение, имеет неоспоримые достоинства. Роль Холостяка играл прежде Щепкин, придавший этой роли, сколько я помню, к невыгоде пьесы, характер уж слишком сентиментальный. Мартынов, как великий артист, создающий типы из самых ничтожных ролей в самых ничтожных пьесах, удивительно воспользовался прекрасными данными, которые представила ему роль Холостяка, и создал из него полный и цельный характер, в высшей степени симпатический и трогательный и между тем совершенно верный действительности, поразительно истинный. Он передал роль Мошкина с тою изумительною тонкостию, которая может быть оценена только немногими, людьми, истинно понимающими искусство и любящими его, и вместе с тою глубиною чувства, которая должна трогать и смягчать самые черствые и закоренелые души и потрясать всех. Я укажу только на три сцены — на высоко комическую сцену приема Мошкиным молодого немецкого бюрократа и аристократа г. фон Клакса, на чтение Мошкиным письма с отказом Вилицкого и на раздирающее душу объяснение (в 3 акте) его с Марьею Васильевною, когда после

---

[1] «Холостяк» был поставлен в бенефис актера С. Я. Марковецкого, вместе с двумя другими пьесами — старой романтической трагедией кн. А. А. Шаховского «Керим-Гирей, Крымский хан, или Бахчисарайский фонтан» и водевилем «Колечко с бирюзой». Бенефициант исполнял роль Шпуньдика, Ф. А. Снеткова играла Белоногову, Ю. Н. Линская — Пряжкину, П. И. Малышев — Вилицкого, А. А. Яблочкин — фон Клакса. Второе представление «Холостяка», с Мартыновым в главной роли, состоялось 9 октября 1859 г., но на этот раз, как свидетельствует Панаев, «партер и ложи 1 яруса были почти пусты» (*Совр*, 1859, № 10, отд. 3, с. 476). Пьеса, однако, утвердилась в репертуаре. Об этом свидетельствуют постановки «Холостяка» 23 и 27 октября, 13 и 27 ноября 1859 г. (*Сев Пчела*, 1859, № 230. 233, 248, 259), а также 15 января 1860 г. (там же, 1860, № 12). Об успехе «Холостяка», получившего «всю прелесть новинки и долго привлекавшего публику», писал А. И. Вольф (см.: *Вольф*, *Хроника*, ч. 2, с. 19).

этого отказа доброму старику становится ясно, какою любовью он любит Марью Васильевну и как сильна и глубока эта любовь. Вследствие игры Мартынова „Холостяк" должен сделаться одною из самых замечательных пьес русского репертуара» (*Совр*, 1859, № 10, отд. 3, с. 476).

Этот отклик на постановку «Холостяка» был очень близок анонимному отчету о возобновлении «прекрасной пьесы г. Тургенева», опубликованному в «С.-Петербургских ведомостях» от 11 октября 1859 г. Вспоминая об «огромном успехе» в «Холостяке» М. С. Щепкина, рецензент отмечал, что «на этот раз роль его взял на себя г. Мартынов и сделал из нее нечто до того замечательное, что все похвалы ему непременно должны показаться бледными и ничтожными в сравнении с тем потрясающим впечатлением, какое должно произвести на всякого истинного любителя искусства такое удивительное исполнение» (*СПб Вед*, 1859, № 220).

Совсем с других литературно-политических позиций на возобновление «Холостяка» откликнулась официозная «Северная пчела», на страницах которой выступил престарелый К. А. Полевой. Решительно возражая против авторской и актерской трактовки образа Мошкина, критик полагал, что Тургенев, «развивая характер Мошкина, увлекся больше в изображение петербургского чиновника, нежели оригинала-холостяка, и даже чиновника представил неверно. Старый, опытный служака, и притом честный человек — дрожит как осиновый лист пред фанфароном, маленьким чиновником, потому только, что тот близок к какому-то из его начальников. Опытные чиновники лучше нежели кто-нибудь знают цену таких гусей и если оказывают им *глубокое почтение*, то не дрожат перед ними, именно потому, что оценивают их очень хорошо». Далее, настаивая на том, что «положение главного действующего лица выходит ложное, а ложного нельзя изобразить истинно», Полевой протестовал против того, что Мартынов показал на сцене «не холостяка, а петербургского чиновника, набитого разными предрассудками и кажущегося почти дурачком. Он нисколько не понимает своего положения и поддается всем предрассудкам своих собратов, а это неверно. Мошкин вовсе не глуп, притом чист душою, следовательно должен видеть ясно предметы, которые знает наизусть. Нам кажется, что г-н Мартынов преувеличивает и это ложное положение, являясь перед фон-Клаксом совершенно растерянным человеком. Он мог бы казаться больше самостоятельным. Еще досаднее, что и в Мошкине — опять тот же тип, который мы видали в сотне других комедий! Опять тот же склад, те же приемы: немного искривленный рот, немного склоненное на правую сторону тело, скороговорка» (*Сев Пчела*, 1859, 5 ноября, № 241).

В Москве «Холостяк» был возобновлен 21 апреля 1860 г. во время последних гастролей А. Е. Мартынова (*Моск Вед*, 1860, № 87). Об этом спектакле сохранился отчет А. Н. Баженова в девятом из его «Московских театральных писем» в редакцию журнала «Музыкальный и театральный вестник»: «Для роли Мошкина („Холостяк") не остается желать лучшего исполнителя; в этой высококомической роли более, чем во всякой другой, обнаружилась вся прочность, вся состоятельность этого

истинного таланта. В течение двух больших актов г. Мартынов ни разу не прибегнул к малейшему фарсу, не сделал ни одного лишнего движения; а между тем весь театр или от души смеялся над ним, или глубоко ему сочувствовал. Да и вся комедия имела праздничный вид, во-первых, благодаря сокращению; а во-вторых, потому, что кроме Мартынова прекрасно исполнили свои роли: г. Живокини (Шпуньдик), г. Самарин (фон Клакс), г-жа Акимова (Пряжкина) и г-жа Савина (Белоногова)» (Музыкальный и театральный вестник, 1860, № 18, с. 146).

Под впечатлением триумфов А. Е. Мартынова в «Холостяке» Тургенев в предисловии к своим «сценам и комедиям», впервые объединенным в собрании его сочинений в 1869 г., счел необходимым особо отметить, что «гениальный Мартынов перед самым концом своей блестящей, слишком рано прерванной карьеры превратил силою великого дарования бледную фигуру Мошкина (в „Холостяке“) в живое и трогательное лицо» (см.: наст. изд., Сочинения, т. 11).

После смерти Мартынова «Холостяк» на многие годы исчезает из репертуара русских театров. Возвращение этой комедии на сцену связано с именем В. Н. Давыдова, добившегося постановки «Холостяка» на спектакле в Александринском театре в пользу Литературного фонда 24 января 1882 г.; спектакль был повторен 3 и 7 февраля 1882 г. (*Т и Савина*, с. 108). Под впечатлением писем и статей об исключительном успехе Давыдова в роли Мошкина, Тургенев 1 февраля 1882 г. обратился к молодому артисту с специальным письмом, в котором отмечал: «Так же как Мартынов, Вы сумели создать живое и целостное лицо из незначительных данных, представленных Вам автором». В этот же день Тургенев писал Д. В. Григоровичу, что Давыдов «по-видимому, сравнялся с незабвенным Мартыновым, создавши, подобно ему, живой и трогательный тип из едва намеченного лица Мошкина». Об этом спектакле см. подробнее: Б р я н с к и й А. М. Владимир Николаевич Давыдов. Жизнь и творчество. Л.; М., 1939, с. 102—103.

В критической литературе о «Холостяке», создававшейся под впечатлением его постановок в 1849, 1859 и 1882 гг., разбор пьесы, как правило, подменялся разбором игры Щепкина, Мартынова и Давыдова. Исключений немного, и в числе их особенно выделяются отзывы Некрасова (см. выше), Баженова и А. Григорьева. Принципы, обусловившие неприятие последним «Нахлебника» и «Холостяка» как произведений эпигонских, характеризующих кризис школы «сентиментального натурализма», в которой «вопль идеалиста Гоголя за идеал, за „прекрасного человека“ перешел в вопль и протест за расслабленного, за хилого морально и физически человека»,— исключали возможность объективного подхода к драматургии Тургенева. А. Григорьев договаривался даже до того, что «тургеневский Мошкин, влюбляющийся на старости лет да еще представленный Щепкиным, довел натурализм, т. е. опять-таки сентиментальный натурализм конца сороковых годов, до крайних пределов комизма» (*Рус Сл*, 1859, № 5, Критика, с. 22; перепечатано: Сочинения А. Григорьева. СПб., 1876. Т. 1, с. 350). Этот приговор предшествовал на несколько месяцев появлению А. Е. Мартынова в роли Мошкина, истолкованной гениальным актером совсем не так, как

это представлялось А. Григорьеву и его эпигонам. И тем не менее даже четверть века спустя в специальной литературе о Тургеневе популяризировались формулировки именно А. Григорьева, несмотря на их явную несостоятельность.

«Комедии „Нахлебник“ и „Холостяк“,— писал в 1885 г. А. И. Незеленов,— обличают собою, своим существованием, ложь школы „сентиментального натурализма“ и должны быть признаны несомненно ошибками тургеневского творчества. Положительное значение их разве только в том, что они были в деятельности Тургенева противовесом прежним, другого характера, но тоже ложным увлечениям великого поэтического таланта, который долго искал своей самостоятельной дороги» (Незеленов А. Тургенев в его произведениях. СПб., 1885, с. 63).

Положениям Незеленова противостояла концепция немецкого критика Е. Цабеля, который, разбирая в своей статье «Iwan Turgenjew als Dramatiker» комедию «Холостяк», обращал внимание читателей на мастерство ее построения и на развитие в ней некоторых тематических линий «Клавиго» Гёте, данных в новой психологической интерпретации, поражающей своей глубиною и оригинальностью (*Zabel*, S. 161—166).

Столь же высокая оценка «Холостяка» как «настоящей комедии», а всех его персонажей как «живых созданий» дана была в статье А. Л. Волынского «Русская комедия», написанной в связи с возобновлением «Холостяка» 21 октября 1899 г. на петербургской сцене: «Публика услышала в этой комедии отзвук гоголевского юмора,— отмечал критик,— та же скорбная струна в бытовой сатире, тот же смех сквозь слезы. Только у Тургенева трагический разлад в жизни изображаемых людей смягчен нежными примирительными нотами, резкие контуры жизненных уродов стушеваны мягкой светотенью» (Волынский А. Л. Борьба за идеализм. СПб., 1900, с. 253—258).

Специфика стиля и композиции комедии «Холостяк» в литературе о Тургеневе с наибольшей полнотою была определена в исследовании В. В. Виноградова «Тургенев и школа молодого Достоевского» (Русская литература, 1959, № 2, с. 45—71). Характеризуя наличие в «Холостяке» функционально многообразных элементов стилистики Гоголя и связывая внимание Тургенева именно к этим элементам с ослаблением обличительного пафоса новой комедии сравнительно с «Нахлебником», исследователь очень убедительно показал прямое воздействие на структуру монологов Мошкина фразеологии «Бедных людей». Если, как утверждал В. В. Виноградов, Екатерина Савишна Пряжкина, слуги, отчасти и фон Фонк являлись персонажами, родственными образам Гоголя, то стержневой образ комедии, Мошкин, создан был по принципам построения социальных характеров, впервые показанных в петербургских повестях Достоевского.

Стр. 174. *Марья Васильевна Белова, сирота, проживающая у Мошкина, 19 лет. Простая русская девушка.*— В рукописи и в первой журнальной редакции фамилия Маши не Белова, а Белокопытова. Это фамилия не случайна,— ее носила воспитанница матери Тургенева, Е. С. Белокопытова, ставшая в 1846 г. женою Н. Н. Тургенева (1795—1880), дяди писателя.

В театральных списках комедии Белокопытова была переименована в 1849 г. в Белоногову; фамилия Белова в печатном тексте «Холостяка» впервые появляется в *Т*, *Соч*, *1869*, ч. VII.

Стр. 186. *Вот особенно когда Исакий будет окончен...*— Строительство Исаакиевского собора в Петербурге шло 90 лет — с 1768 по 1858 год.

Стр. 188. *Я не какой-нибудь Катон...*— Марк Порций Катон, римский политический деятель и писатель (234—149 до н. э.), позднее названный Старшим, в отличие от Марка Порция Катона Утического (95—46 до н. э.). Был известен строгостью своих моральных и общественно-политических требований.

Стр. 191. *Рубини поет в «Лучии»*.— Итальянский певец Джованни Батиста Рубини (1795—1854) пел в итальянской опере в Петербурге в течение трех сезонов: 1843, 1844, 1845 гг. «Лучия» — опера Гаэтано Доницетти «Лючиа ди Ламермур» (1835).

Стр. 223. *Уж эти мне ферлакуры!* — от франц. faire la cour — ухаживать за кем-либо.

Стр. 226. *Фосс-паркэ, как говорится...*— Эту французскую сентенцию, неожиданную в устах Мошкина, сам Тургенев разъяснил в романе «Новь»: «Фомушка плохо знал по-французски и Вольтера читал в переводе ⟨...⟩, но у него иногда вырывались выражения вроде „Это, батюшка, фосс паркэ!“ (в смысле „это подозрительно“, „неверно“), над которым много смеялись, пока один ученый француз не объяснил, что это есть старое парламентское выражение, употреблявшееся на его родине до 1789 года» («Новь», ч. I, гл. 19). О смысле и происхождении этого выражения см.: Алексеев М. П. «Фосс-паркэ» в текстах Тургенева.— *Т сб*, вып. 3, с. 185—187.

Стр. 236. *Ванька-Каин эдакой...*— Каин Иван Осипов (р. 1718) — московский вор и сыщик.

Стр. 247. *Да, на дуэль. На шпандронах, на пистолетах...*— Шпандрон — искаженное слово «экспадрон», «эспантон» (исп.) — шпага.

ЗАВТРАК У ПРЕДВОДИТЕЛЯ

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Пять больших листов типографских гранок первой редакции комедии, набранных в сентябре 1849 г. для октябрьской книжки журнала «Современник».

Гранки выправлены корректором, видимо, по оригиналу. На каждом листе в верхнем правом углу отметки: «Г-ну цензору. Сент. 12». На обороте листа 5-го адрес: «Г-ну цензору Срезневскому. Современник. Из тип. Праца». Эти гранки оказались осенью 1850 г. в распоряжении Тургенева, о чем свидетельствует, во-первых, позднейший карандашный адрес на л. 5: «Гост⟨иница⟩ Наполеон, в Мал⟨ой⟩ Морск⟨ой⟩, г-ну Тургеневу в 6 №», а во-вторых, фамилии исполнителей пьесы в сезон 1850/51 г. на петербургской сцене, вписанные рукой Тургенева на л. 1 в роспись действующих лиц: Сосницкий, Самойлов, Каратыгин 2-й, Мартынов, Сосницкая. К 1850 г. относится и цензурная правка гранок, сделанная, судя по почерку, А. И. Фрейгангом, цензором журнала «Отечественные записки». Правка сделана в л. 1 и в начале л. 2-го красными чернилами, а затем карандашом. На обороте л. 5-го отметка: «К делу — 1850 г., № 26», свидетельствующая о том, что гранки были приобщены к «делу» С.-Петербургского цензурного комитета «О статьях, запрещенных по докладам цензоров», 1850 г., № 26 *(ЦГИАЛ)*, в качестве вещественного доказательства.

Гранки первой редакции «Завтрака у предводителя», найденные Ю. Г. Оксманом в 1917 г. в архиве Главного управления по делам печати, были опубликованы впервые в сборнике *Лит Музеум*, с. 261—311; перепечатаны в издании: Тургенев И. С. Завтрак у предводителя (запрещенный цензурой текст комедии). Введение, редакция и примечания проф. Ю. Г. Оксмана. Одесса: Всеукраинское гос. изд., 1921.

Суфлерский экземпляр не дошедшей до нас копии текста, разрешенного в 1849 г. театральной цензурой. Текст близок запрещенной редакции пьесы, но разбит на XI явлений (как в *Совр*, 1856, № 8). Дата списка, судя по сохранившемуся на л. 2 перечню фамилий актеров Александринского театра, игравших в пьесе, определяется временем возобновления «Завтрака у предводителя», в сезон 1855/56 г., с Линской в роли Кауровой. (В 1849—1852 гг. эту роль исполняла Сосницкая.) Список не авторизован, имеет ряд произвольных режиссерских сокращений. К их числу принадлежит и новая концовка пьесы, завершающаяся не репликой Суслова: «Вот тебе и полюбовный дележ», а монологом Балагалаева:

«Стойте, господа, стойте ∽ делайте, что хотите, а я... я... я не могу, не могу» и ремаркой: «Быстро уходит и захлопывает за собой дверь гостиной. Всеобщее изумление». Список хранится в Ленинградской театральной библиотеке им. А. В. Луначарского — бывшей библиотеке императорских театров (новый инв. номер — 5536; прежний — 4342, шифр: I. IX. 2. 30). Краткие сведения о нем см.: *Пыпин*, *Списки пьес Т*, с. 210—212.

Совр, 1856, № 8, с. 207—236. Ценз. разр. 31 июля 1856 г. Текст этот перепечатан без изменений в «Драматическом сборнике» Ф. Стелловского, СПб., 1860, кн. X (ценз. разр. от 4 ноября 1860 г.), и им же выпущен в свет отдельным оттиском из этого издания.

Т, *Соч*, *1865*, т. II, с. 201—243.

Т, *Соч*, *1869*, ч. VII, с. 333—377.

Т, *Соч*, *1880*, т. 10, с. 333—378.

Впервые опубликовано: *Совр*, 1856, № 8, с. 207—236, с подписью: Ив. Тургенев. Это была уже вторая редакция пьесы, так как первая, датированная августом 1849 г. и набранная для октябрьской книжки «Современника» того же года, была задержана цензурой в корректурных листах (см. выше) и в печати при жизни Тургенева не появилась. Первая редакция «Завтрака у предводителя» шла только на сцене, куда была допущена 11 октября 1849 г. театральной цензурой (*ЦГИАЛ*, ф. 780, ед. хр. 26), с обычными для императорских театров искажениями и сокращениями авторского текста.

Приспособляя вторую редакцию пьесы к цензурным требованиям и пользуясь при этом, видимо, каким-то театральным ее списком, а не автографом, Тургенев устранил в 1856 г. далеко не все искажения текста «Завтрака у предводителя» (см. об этом далее). Литературно-стилистическая отделка комедии, начатая в 1856 г., продолжалась и в 1864 г. при включении «Завтрака у предводителя» в издание *Т*, *Соч*, *1865*, после чего в тексте пьесы выправлялись только опечатки.

Автограф «Завтрака у предводителя» не сохранился ни в черновой, ни в беловой редакции.

В настоящем издании «Завтрак у предводителя» печатается по последнему авторизованному тексту *(Т*, *Соч*, *1880)*, с устранением двух опечаток, одна из которых была указана самим Тургеневым (с. 262, строка 17: «присечь» вместо правильного «пресечь»), а другая осталась им не замеченной (с. 263, строка 24: «прикословлю» вместо «прекословлю»).

«Завтрак у предводителя» написан Тургеневым в Куртавнеле (под Парижем) через четыре с половиной месяца после окончания «Холостяка», в период работы над «Студентом» и «Дневником лишнего человека». «J'ai écrit, copié et expédié une comédie en un acte, une comédie de cinquante pages» [1],— писал он о своем новом произведении 27 июля (8 августа) 1849 г. Полине Виардо.

---

[1] «Я написал, переписал и отправил ⟨в Москву⟩ одноактную комедию, комедию в пятьдесят страниц» (франц.).

Определяя театр как «самое непосредственное произведение целого общества, целого быта» [1], Тургенев тематическим стержнем своих построений избрал в «Завтраке у предводителя» характернейший для мелкопоместной дворянской среды процесс затяжного и никак «полюбовно» не удающегося размежевания.

Специальные посреднические комиссии, учрежденные еще в 1836 г. во всех губернских и уездных городах для проведения в трехгодичный срок добровольных («полюбовных») соглашений по разделу чересполосных помещичьих земельных угодий [2], не привели к положительным результатам. Специальными указами сроки действия этих комиссий были продлены на три года, в 1839 г. еще на два, в 1841 г. еще на пять лет, в 1846 г. еще на четыре года, но и после этого «последнего» срока вопросы размежевания во многих губерниях остались неразрешенными до самой Октябрьской революции.

Возможности сатирического использования этого жизненно колоритного и особенно подходящего для драматической экспозиции материала занимали Тургенева еще в пору работы над «Безденежьем» (рассказ степного помещика Блинова о его тяжбе из-за «межевых признаков»), учтены были в «Нахлебнике» (рассказ Кузовкина о разделе Ветрова), в «Двух помещиках», но в наиболее близких «Завтраку у предводителя» формах отражены в одной из сцен «Однодворца Овсянникова».

«На прошлой неделе,— комически повествовал Овсянников о недавней попытке одного помещичьего передела,— съехались мы в Березовку, по приглашению посредника, Никифора Ильича. И говорит нам посредник, Никифор Ильич: „Надо, господа, размежеваться: это срам, наш участок ото всех других отстал, приступимте к делу“. Вот и приступили. Пошли толки, споры, как водится; поверенный наш ломаться стал. Но первый забуянил Овчинников Порфирий... И из чего буянит человек... У самого вершка земли нету: по поручению брата распоряжается. Кричит: „Нет! меня вам не провести! нет, не на того наткнулись! планы сюда, землемера мне подайте, христопродавца подайте сюда“.— „Да какое, наконец, ваше требование?“— „Вот дурака нашли! эка! вы думаете: я вам так-таки сейчас мое требование и объявлю?.. нет, вы планы сюда подайте,— вот что!“ А сам рукой стучит по планам. Марфу Дмитриевну обидел кровно. Та кричит: „Как вы смеете мою репутацию позорить?“ — „Я, говорит, вашей репутации моей бурой кобыле не желаю“. Насилу мадерой отпоили. Его успокоили — другие забунтовали. Королёв-то Александр Владимирыч сидит, мой голубчик, в углу, набалдашник на палке покусывает да только головой качает. Совестно мне стало, мочи нет, хоть вон бежать. Что, мол, об нас подумает человек. ⟨...⟩ А чем кончилось? Сам четырех десятин мохового болота не уступил и продать не захотел. Говорит: я это болото своими людьми высушу и суконную фабрику на нем заведу с усовершенствованиями. Я, говорит, уже это место выбрал:

---

[1] В рецензии на «Смерть Ляпунова. Соч. С. А. Гедеонова» (*Отеч Зап*, 1846, № 8; см.: наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 237).

[2] Полное собрание законов Российской империи. 1836, № 8763. О судьбе этого закона см.: Герман И. Е. История русского межевания. 3-е изд. М., 1914, с. 276—291.

у меня на этот счет свои соображения... И хоть бы это было справедливо: а то просто — сосед Александра Владимирыча, Карасиков Антон, поскупился королёвскому приказчику сто рублев ассигнациями взнести. Так мы и разъехались, не сделавши дела...» [1].

В одном из ранних перечней рассказов, проектировавшихся Тургеневым в 1847 г. для цикла «Записки охотника», сохранился заголовок «Размежевание» [2]. Можно предполагать, что именно этот замысел, частично реализованный в «Однодворце Овсянникове», полностью был развернут в образах и сценарии «Завтрака у предводителя». Для новой своей комедии Тургенев воспользовался не только конкретными бытовыми зарисовками, но и фамилиями некоторых персонажей «Записок охотника» [3].

В редакцию «Современника» текст комедии поступил в первых числах сентября 1849 г. «Ваш „Завтрак у предводителя“,— писал Н. А. Некрасов 14 сентября автору,— на днях получил от приехавшего сюда Щепкина — и отдал в набор для 10 № „Современника“; вещь хорошая» (*Некрасов*, т. X, с. 132). Передав рукопись пьесы Н. А. Некрасову, М. С. Щепкин копию с автографа, уже, может быть, несколько приспособленную к требованиям театральной цензуры, представил в III Отделение, в ведении которого последняя тогда находилась. Это параллельное рассмотрение «Завтрака у предводителя» в двух цензурных инстанциях, одна из которых должна была разрешить его напечатание, другая — постановку, имело разные результаты. По рапорту цензора драматических сочинений Гедеонова, охарактеризовавшего «Завтрак у предводителя» как «картину провинциальных нравов», описанных «верно», в которой «обидного нет ничего», новая комедия Тургенева 11 октября 1849 г. была допущена на сцену (*ЦГИАЛ*, ф. 780, ед. хр. 26). В ноябрьской книжке «Современника», в рубрике «Театральные новости», Некрасов упомянул уже о предстоящем появлении «Завтрака у предводителя» на Александринской сцене (*Совр*, 1849, № 11, «Смесь», с. 139), но разрешение на публикацию пьесы в журнале откладывалось с месяца на месяц.

---

[1] *Совр*, 1847, № 5, с. 155—156. Тема «полюбовного размежевания» попутно затронута была Тургеневым и в поэме «Помещик»: «Но дворянин мой хладнокровно // Поля родные проезжал; // Он межевал их полюбовно, // Но без любви воспоминал» (1845). Через десять лет эта же проблематика получила некоторое отражение в четвертой главе романа «Рудин», в беседе Дарьи Михайловны Ласунской с Лежневым об окончании размежевания их угодий.

[2] Клеман М. К. Программы «Записок охотника».— Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1946. Вып. 11, с. 100.

[3] В состав действующих лиц «Завтрака у предводителя» Тургенев ввел упоминаемого в «Однодворце Овсянникове» помещика Беспандина: «У шутоломовских крестьян сосед Беспандин четыре десятины земли запахал. Моя, говорит, земля... А земля их бесспорная, крепостная испокон веку» (*Совр*, 1847, № 5, с. 161). Фамилия «бывшего предводителя» Петра Петровича Пехтерьева заимствована для комедии, вероятно, из рассказа «Льгов», опубликованного в той же книжке «Современника» (с. 170).

«Ваш „Завтрак у предводителя“ подвергался сомнению (ибо в нем действуют помещики).— писал Некрасов 8 ноября 1849 г. Тургеневу,— но теперь его позволили для сцены, и, стало быть, он попадет и в печать» (*Некрасов*, т. X, с. 134).

Последние предположения, однако, не оправдались: «решительные меры», которые «высочайше» предложено было 24 октября 1849 г. принять против «замеченного неоднократно в журнале неблагонамеренного направления», обусловили особенно внимательное отношение цензоров «Современника» к тургеневской «сцене из уездной жизни», тенденции которой представлялись тем более рискованными, что незадолго до этого их автору уже инкриминировалось стремление в «Нахлебнике» «бросить тень на дворянское сословие», а возможность толкования «Завтрака у предводителя» как сатиры на правящий класс не была устранена и после постановки комедии на сцене.

23 ноября 1849 г. состоялась премьера «Завтрака у предводителя» в Москве, «в полубенефис» актеров И. В. Самарина и В. И. Живокини [1], а 9 декабря того же года в Петербурге, в бенефис П. А. Каратыгина, которому эту пьесу передал для постановки М. С. Щепкин во время пребывания своего в столице осенью 1849 г. (*Вольф*, *Хроника*, ч. I, с. 136). И в Москве и в Петербурге пьеса шла под названием «Завтрак у предводителя, или Полюбовный дележ».

В Москве постановка «Завтрака у предводителя» не вызвала откликов в печати. Петербургские же рецензии на новую пьесу свидетельствуют о том, что она сразу же привлекла к себе внимание критики и прогрессивного и реакционного лагерей. Все эти отзывы должны были иметь для Тургенева особую значимость, так как из шести его пьес, написанных к этому времени, на сцене до «Завтрака у предводителя» появился только «Холостяк», из четырех же других «Нахлебник» находился под цензурным запретом, а «Неосторожность», «Безденежье» и «Где тонко, там и рвется» продолжали оставаться лишь на страницах журналов, в которых они были напечатаны.

«Завтрак у предводителя» поставлен был на петербургской сцене в один вечер с трагедией Расина «Гофолия» (автор перевода неизвестен), комедией-водевилем «Разбитая чашка» Вермона и Любиза, в переводе П. А. Каратыгина, и комедией «Да или нет? или Роковое письмо» Боплана и Араго, в переводе П. А. Каратыгина.

Рецензент «Северной пчелы» Р. М. Зотов в своем отчете о бенефисе П. А. Каратыгина дал весьма положительную оценку новой пьесе Тургенева. Отметив, что «театр был далеко не полон, ибо публика не пошла в театр, видя бедность афиши», Р. М. Зотов писал: «Третьею пьесою (и как она была выставлена первою

---

[1] Роль Балагалаева исполнял в Москве М. С. Щепкин, Пехтерьева — И. М. Немчинов, Суслова — П. Г. Степанов, Алупкина — В. И. Живокини, Мирволина — М. П. Соколов, Беспандина — П. М. Садовский, Кауровой — А. Т. Сабурова (*Театр насл*, с. 307—308). Второе представление «Завтрака у предводителя» состоялось 1 января 1850 г. (*Моск Вед*, 1849, 31 декабря, № 157).

на афише, то, значит, была главная) была комедия „Завтрак у предводителя“. Тут всё дело в том, что к предводителю дворянства какой-то губернии съезжаются помещики, чтоб произвести полюбовный дележ между братом и сестрою, и вместо того, чтоб помирить их, ссорятся сами между собою и разъезжаются. Следовательно, пьесы здесь нет, а одне сцены современных, а может быть, и прежних нравов. Но эти сцены написаны очень хорошо, характеры обрисованы верно, резко, отчетливо, и в авторе видна большая наблюдательность. Лучше всех составлен характер Анны Ильинишны Кауровой, превосходно сыгранный талантливою Сосницкою. Это удивительный тип провинциальных (а может быть, и столичных) жительниц, которые ни на что не согласны, что бы им ни говорили, и почитают себя вечно обиженными и угнетенными. Вся пиеса была прекрасно обставлена и весьма удачно разыграна. По окончании не вызван никто» (*Сев Пчела*, 1849, 22 декабря, № 285).

Более сочувственным был отклик на премьеру «Завтрака у предводителя» в «Театральной хронике» журнала «Отечественные записки». Откровенно признавая, что «бенефис г. Каратыгина 2-го, подобно большей части описанных нами бенефисов, прошел бы совершенно незаметно, если бы в нем не потчевали публику чрезвычайно вкусным *завтраком у предводителя*, новою комедиею И. С. Тургенева», критик заключал разбор фабулы и характеристику персонажей новой пьесы следующими словами: «Сюжет не составляет главного ее достоинства. Комический талант г. Тургенева, как всякий талант истинный, тем и отличается, что у него самое, по-видимому, пустое основание дает сам-пятьдесят. Вас не поражает ни одна, с особенным тщанием отделанная, сцена; всё очень просто, как будто безнамеренно; ни вычурной фразы, ни каламбура; лица говорят пустяки или общие места, но все эти мелкие подробности слагаются в такую живую, полную картину, что вы с любопытством следите за каждой чертой. „Завтрак у предводителя“ был разыгран с необыкновенным согласием» (*Отеч Зап*, 1850, № 1, отд. VIII, с. 47—55. Подпись: *Вл. Ч.*).

Высокую оценку «Завтрак у предводителя» получил и в статье Ф. А. Кони на страницах январской книжки журнала «Пантеон и репертуар русской сцены» в 1850 г.

Противопоставляя «Завтрак у предводителя» как театральное произведение «Холостяку», который «не мог иметь огромного успеха на сцене потому, что это более повесть в разговорной форме, чем органически драматическое произведение, предназначенное для театральных досок», Ф. Кони характеризовал новую комедию Тургенева как «пьеску, преисполненную житейской наблюдательности, характеров, прямо выхваченных из русского быта, верно набросанных, и черт, указывающих на глубокое изучение мелких побуждений и страстишек человеческого сердца. Автор назвал ее комедиею — и это даже несколько повредило ей во мнении публики: комедии, в строгом смысле теории, тут нет, но есть в высшей степени комическое действие, которое расположено в нескольких сценах, полных занимательности и юмора резкого». Анализируя затем жизненность и остроту самой фабулы пьесы, Ф. Кони заключает, что «эта небольшая комедия, бесспорно, лучшее произведение из всех, какие в последние два

года являлись на русской сцене. Все характеры этой пьесы нарисованы мастерской кистью, они естественны донельзя, как в полном своем создании, так и в мельчайших подробностях. В особенности превосходно обработаны лихач-охотник Беспандин, его сестра Каурова, ех-предводитель Пехтерев, судья Суслов, прихлебатель Мирволин и отставной поручик Алупкин. Всё это типы, и притом превосходные, достойные карандаша Гогарта и кисти Каллота» [1].

Положительной оценке пьесы, подтверждаемой ее возрастающим успехом — «Завтрак у предводителя» прошел в сезон 1849/50 г. 8 раз и надолго утвердился в репертуаре [2],— противостояла лишь одна резко отрицательная ее характеристика на страницах реакционной «Библиотеки для чтения». Отзыв этот (автор его неизвестен) был облечен в памфлетно-фельетонную форму и ярко свидетельствовал о том, что в борьбе с гоголевской школой в драматургии еще не все блюстители традиций «высокой комедии» сложили оружие.

«„Вот вам и полюбовный дележ!" — говорит Мирволин, едва стоя на ногах,— отмечалось в „Библиотеке для чтения".— Вслед за этою заключительною моралью тихо опускается завеса при всеобщем молчании: ни один голос не подает одобрения, не справляются об авторе, который благоразумно не выставил своего имени на афише, и слушают антрактную музыку. *Комедия*, наполненная преувеличениями и самою неправдоподобною карикатурою, неудачное подражание „Ревизору", „Женитьбе" и „Игрокам" господина Гоголя, спасена от торжественного падения старательным, мастерским исполнением лучших наших арти-

---

[1] Пантеон и репертуар русской сцены, 1850, № 1, отд. «Театральная летопись», с. 26—27. Статья Ф. А. Кони завершалась характеристикой исполнителей пьесы: «Весь цвет действительных талантов нашей сцены соединился здесь в один букет, и пьеса имела большой и заслуженный успех как со стороны создания, так и со стороны выполнения. И здесь г-жа Сосницкая явилась неподражаемою комическою актрисою, полной верного и тонкого такта. Сцены ее с кучером и с братом во время раздела — верх совершенства».

[2] *Вольф*, *Хроника*, ч. II, с. 150. В сезон 1850/51 г. «Завтрак у предводителя» прошел еще два раза, а в 1851/52 г.— один раз (там же. с. 160 и 173). После этого пьеса была возобновлена в сезон 1855/56 г. Явно имея в виду запрещение этой пьесы для печати, А. И. Вольф убеждал читателей своей «Хроники», что «Завтрак у предводителя» — «простая картинка провинциальных нравов, без всяких задних мыслей, без всяких тенденций, без желания представить российское дворянство с невыгодной стороны ⟨...⟩ Типы: предводителей, старого (Сосницкий) и нового (Самойлов), а также разных чиновных лиц, были обрисованы Тургеневым слегка. но весьма метко. Рельефнее всего вышла помещица Каурова, которая хлопочет о разделе. а сама ни на что не согласна, всё жалуется на притеснения и обиды и всех считает за своих врагов. Сосницкая воспроизвела поразительно верно и типично эту личность» (*Вольф*, *Хроника*, ч. I, с. 136).

стов. Господа Сосницкий и Самойлов были неподражаемо натуральны, при всех натяжках пьесы со стороны автора; в комедии удачны только характеры Балагалаева и Пехтерьева да проделки госпожи Кауровой, которые, может быть, показались естественны некоторым в забавной игре госпожи Сосницкой; но далеко не забавно было появление на сцене кучера Анны Ильинишны, призванного ею также в свидетели. Господа Григорьев и Каратыгин-младший сделали всё возможное из своих ничтожных ролей, а последний даже и невозможное. В пьесе и без того так много изысканной карикатуры, что не следовало бы, кажется, увеличивать ее резкою выступкою и дикими жестами господина Алупкина, который беспрестанно балансировал локтями. Вот господин Мартынов — живая натура! Его костюм, мимика, походка: ну, право, будто бы видел где-то такого уморительного господина. На него нельзя было смотреть без смеху, хотя роль его была почти бессловесная. В ней ловкий комик доказал, что для истинного таланта нет ничтожных и неблагодарных ролей... Но безвкусный „завтрак" доказал и другую неопровержимую истину: плохой пьесе не доставит успеха превосходнейшая игра актеров. Пусть бы это была только плохая пьеса, первый слабый опыт. Нет, она написана с отъявленными претензиями на „глубокость" самой мелкой мысли, на страшный юмор, срывающий горькую улыбку сожаления, с притязаниями на мнимо верное изображение нравов, уже несуществующих!..» (*Б-ка Чт*, 1850, № 1, «Новости петербургской сцены», с. 105—106).

«Ваш „Завтрак" игран и имел успех, но он не напечатан,— писал Некрасов 9 января 1850 г. Тургеневу,—ибо один из наших ц⟨ензоров⟩ заупрямился, он не любит таких сюжетов — это его личный каприз. Как скоро я получу „Студента", то „Завтрак" (если Вы согласны) передам Краевскому, и уверен, что те ц⟨ензора⟩ позв⟨олят⟩ его» (*Некрасов*, т. X, с. 141).

Последовав этому совету и предложив пьесу 24 марта 1850 г. редактору «Отечественных записок», Тургенев скоро должен был убедиться в ошибке Некрасова, истолковавшего запрещение «Завтрака у предводителя» как случайность и «личный каприз».

«Тяжелые тогда стояли времена,— вспоминал впоследствии об этой поре своей литературной работы Тургенев, приехавший из-за границы в Петербург в середине 1850 г.— Утром тебе, быть может, возвратили твою корректуру, всю исполосованную, обезображенную красными чернилами, словно окровавленную; может быть, тебе даже пришлось съездить к цензору, представить напрасные и унизительные объяснения, оправдания, выслушать его безапелляционный, часто насмешливый приговор» («Литературные и житейские воспоминания»). Вся эта сентенция была связана с мытарствами Тургенева из-за его «сцен и комедий», а корректурные гранки «Завтрака у предводителя», испещренные красными чернильными пометами, заменами и исключениями цензора «Отечественных записок» А. И. Фрейганга, могут служить и документальным подтверждением точности всего тургеневского рассказа.

Компромисс, на который готов был пойти Тургенев, согласившийся на устранение из «Завтрака у предводителя» всех «рискованных» сцен, реплик и обозначений, не удовлетворил.

однако, А. И. Фрейганга. «Для помещения в журнале „Отечественные записки“,— рапортовал он 14 ноября 1850 г. председателю С.-Петербургского цензурного комитета,— доставлена на мое рассмотрение комедия в одном действии „Завтрак у предводителя“. Так как комедия эта не одобрена ценсурою для другого журнала, „Современник“, то я имею честь испрашивать разрешения вашего превосходительства, следует ли затем считать означенную пьесу запрещенною». Рапорт этот, в тот же день заслушанный в заседании С.-Петербургского цензурного комитета, явился основанием для следующего определения: «Комедию „Завтрак у предводителя“, уже запрещенную к печатанию в „Современнике“, не дозволять к напечатанию в „Отечественных записках“. Корректурные листы этой комедии удержать при делах и о запрещении ее сообщить прочим цензурным комитетам» (*ЦГИАЛ*, Дело С.-Петебургского цензурного комитета о статьях, запрещенных по докладам ценсоров, 1850, № 26, лл. 29—30).

Несмотря на цензурный запрет, «Завтрак у предводителя» продолжал с неизменным успехом ставиться на петербургской и московской сценах, а театральная его редакция в это же время распространялась в нелегальных копиях, подобно текстам «Нахлебника» и «Студента». Зимою 1850 г. один из списков «Завтрака у предводителя» дошел до Одессы, где в это время жил Гоголь. Дневник компаньонки княжны В. Н. Репниной позволяет установить, что еще в ноябре 1850 г. на одном из вечеров у Репниных, где присутствовал Гоголь, Н. П. Ильин, видный представитель передовой одесской общественности, близкий к литературным и театральным кругам, «долго хвалил „Тяжбу“ Тургенева», заметив в заключение, что «конечно, без „Ревизора“ эта пьеса не существовала бы». 27 января 1851 г. Н. П. Ильин прочел Гоголю и Репниным «Завтрак у предводителя»: «С великим терпением выслушал всю пьесу Гоголь; только при чтении действующих лиц он говорил: „Зачем о летах? Он столько раз говорит: 35, 40, 42 и т. д.“ [1]. Ему показалось растянуто.— „Вообще,— прибавил он,— у Тургенева мало движения, а жаль: пока молод еще, надобно себя настроить“. ⟨...⟩ Гоголь спросил: „Ну, вы наслаждались?“ Я: „Чем?“ Гоголь: „Ну да женщиной: она очень хороша!“» (Русский архив, 1902, № 3, с. 544 и 552).

В сезон 1855/56 г. «Завтрак у предводителя» был возобновлен в Александринском театре, пройдя с бо̀льшим успехом 26 и 28 октября 1855 г. и 26 января 1856 г. Первый из этих спектаклей посетил и сам Тургенев, приехавший незадолго перед тем в Петербург. Как передает в своих воспоминаниях А. Я. Панаева, Тургенев принимал близкое участие в постановке пьесы, ездил на репетиции, негодовал по поводу «грубой шаржировки», допускаемой исполнителями основных ролей, но в конечном счете «должен был остаться довольным». В театре находились

---

[1] Реплика Гоголя: «Зачем о летах? Он столько раз говорит: 35, 40, 42 и т. д.» прямо удостоверяет, что читался у Репниных текст первой редакции «Завтрака», ибо в последующих эти цифры (соответствующие возрасту Мирволина, Балагалаева, Кауровой) были уже заменены иными или вовсе исключены (см. наст. том, с. 254).

«все члены кружка „Современника“» и много других видных представителей петербургской общественности. «Автора дружно вызывали,— пишет Панаева,— и Тургенев из директорской ложи раскланивался с публикой» [1].

«Всякий раз переход на русской сцене от пьес, переделанных с французского или подражающих французским,— к русским пьесам не по одному названию, а содержание которых заимствовано из настоящего русского быта,— доставляет величайшее наслаждение зрителям и истинное торжество артистам,— писал в „Современнике“ И. И. Панаев.— Такое наслаждение доставила нам небольшая комедия г. Тургенева „Завтрак у предводителя“, успех которой на сцене всё возрастает с каждым годом — и это успех правды» (*Совр*, 1855, № XII, отд. V, с. 266).

На одной из постановок «Завтрака у предводителя» (видимо, это было 20 января 1856 г.) присутствовал Л. Н. Толстой. «Между прочим, помню,— писал ему 22 июля 1887 г. И. А. Гончаров,— вечер, проведенный мною с Вами в спектакле. Давали „Завтрак у предводителя“ Тургенева. Мы сидели рядом и дружно хохотали, глядя на Линскую, Мартынова и Сосницкого, которые дали плоть и кровь этому бледному произведению» (Толстой и о Толстом. М., 1927. Вып. 3, с. 45).

В сезон 1856/57 г. «Завтрак у предводителя» был возобновлен в бенефис Ю. Н. Линской 16 ноября 1856 г., с повторением этого же спектакля 19 ноября (*Б-ка Чт*, 1856, № 12, отд. VII, с. 210).

Театральная редакция «Завтрака у предводителя», еще в 1849 г. сглаженная, сокращенная и приспособленная к цензурным требованиям без всякого участия автора, положена была в основу и того текста комедии, который удалось провести в печать 19 июля 1856 г. для восьмой книжки «Современника» [2]. В этом убеждают не только некоторые характерные особенности журнального текста пьесы (фразеологические сокращения, ускоряющие темп действия, разбивка на «явления», отделение авторских ремарок от реплик действующих лиц, самое обозначение «комедия»), но и идеологическая обескровленность первопечатной редакции пьесы, последовательное устранение из нее всех элементов социальной сатиры, превалировавших в тексте 1849 г.

В журнальной редакции «Завтрака у предводителя», как и в театральном его списке, отсутствовали справки о числе крепостных душ, которыми владели действующие лица комедии (Балагалаев — 400 душ, Пехтерьев — 600, Суслов — 200, Алупкин — 100, Мирвошкин — 12, Беспандин — 80, Каурова — 70); неуместная для дворянина на «императорской» сцене фамилия

---

[1] Головачева-Панаева А. Я. Русские писатели и артисты. СПб., 1890, с. 251—252. См. также письмо Тургенева к Я. П. Полонскому от 24 октября 1855 г.

[2] Вероятно, к «Завтраку у предводителя» относилось замечание Н. А. Некрасова в письме от 24 мая 1856 г. к Тургеневу: «6-я книжка ⟨„Современника“⟩ не будет так плоха, как ты ожидаешь, хотя комедию твою я спрятал» (*Некрасов*, т. X, с. 275). Согласие на публикацию «комедийки» Тургенев дал в письме к Некрасову от 4 июня 1856 г.

Мирвошкин заменена была фамилией Мирволин, тогда же исчезли из текста реплики о «развращенных девках-кружевницах — первых отравительницах», о «тростнике, который крестьянские коровы и те с голодухи не едят», ссылка Пехтерьева на царя Алексея Михайловича, место, где Каурова прибегает к молитве «Господи, владыко живота моего», заключительная сентенция «Вот тут и дели этих господ!» и много других строк, интерес и значение которых устанавливаются простым сличением запрещенной редакции комедии с первопечатной [1].

Вслед за публикацией «Завтрака у предводителя» в «Современнике» этот же текст, со всеми его цензурными изъятиями, был переведен на французский язык (под названием «Le partage») и напечатан в сборнике: Scènes de la vie russe par M. J. Turguéneff. Deuzième série. Traduite avec la collaboration de l'auteur par Louis Viardot. Paris, 1858, p. 293—328.

Литературно-политическая значимость самого факта публикации «Завтрака у предводителя» очень осторожно и лаконично была отмечена Н. Г. Чернышевским в его анонимных «Заметках о журналах» в декабрьском номере «Современника» 1856 г. С удовлетворением признавая, что «все вообще журналы наши, старые и новые, в этом году имели более жизни, нежели прежде», Н. Г. Чернышевский в числе особенно «блестящих явлений» указал на четыре произведения Тургенева: «Рудин», «Переписка», «Фауст» и пьеса «Завтрак у предводителя», а из публикаций других авторов назвал вслед за тем роман «Переселенцы» Д. В. Григоровича, «Севастополь в августе месяце», «Два гусара» и «Метель» Л. Н. Толстого, «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина (*Совр*, 1856, № 12, отд. V, с. 297). Никаких других литературно-критических откликов на появление «Завтрака у предводителя» в печати 1850-х годов не было [2].

«Мы не охотники до драматических опытов г. Тургенева, за исключением „Завтрака у предводителя", который не более как рассказ в драматической форме»,— заявлял М. Н. Лонгинов в 1861 г. на страницах «Русского вестника» (№ 2, с. 915), отражая установившееся в эту пору отрицательное отношение литературной и театральной критики к пьесам Тургенева. Быть может, именно эту общую оценку имел Тургенев в виду, включая в 1865 г. «Завтрак у предводителя» (без обозначения «комедия»!) в собрание своих сочинений и называя его в предисловии «сценой, не имеющей значения драматического».

---

[1] См. обзор вариантов «Завтрака у предводителя», данный М. К. Клеманом (*Лит Музеум*, с. 384—391).

[2] В публицистическом плане очень характерно неожиданное использование Н. А. Добролюбовым образа Кауровой из «Завтрака у предводителя» для памфлетной характеристики графини Е. П. Ростопчиной в статье о ее романе «У пристани». Ставя знак равенства между автором романа и его героиней, Сарой Егоровной, критик заключал: «Забавнее ее мы не знаем ни одной женщины в русской литературе. Некоторое слабое ее подобие представляет госпожа Каурова в пьесе „Завтрак у предводителя", но не более, как слабое. Совершенное же, полное и живое выражение этого типа представила нам ныне графиня Евдокия Ростопчина» (*Совр*, 1857, № 10, отд. IV, с. 63—64).

В новом издании (*Т*, *Соч*, *1865*, т. II) первопечатный журнальный текст «Завтрака у предводителя» был подвергнут дополнительной стилистической правке, но многие сокращения идеологического порядка, сделанные цензурой в первой редакции пьесы в 1849 г., не привлекли почему-то внимания автора, имевшего полную возможность от них отказаться. Этой возможностью Тургенев пренебрег и впоследствии, устанавливая окончательный текст «Завтрака у предводителя» для первого собрания своих «сцен и комедий» (*Т*, *Соч*, *1869*, ч. VII).

10 октября 1860 г. «Завтрак у предводителя» шел в Мариинском театре в ряду других пьес, выбранных друзьями скончавшегося в том году А. Е. Мартынова для спектакля «в пользу его вдовы и детей». «„Завтрак у предводителя“, это мастерское сценическое произведение г. Тургенева,— отмечал И. И. Панаев на страницах „Современника“,— разыграно было, по обыкновению, прекрасно всеми артистами» (*Совр*, 1860, № 10, с. 403. Афишу этого спектакля см.: *Рус Ст*, 1891, № 10, с. 206).

9 мая 1861 г. «Завтрак у предводителя» был возобновлен и в московском Малом театре. Комедия эта была дана, в ряду других пьес, «для второго дебюта г-жи Талановой» [1].

«Роль Кауровой (в „Завтраке у предводителя“), на мой взгляд, лучшая из выполненных г-жею Талановою ролей,— писал об этом спектакле А. Н. Баженов, один из авторитетнейших театральных критиков этой поры.— Она воссоздала ее с замечательною полнотой, живостью и правдой, не оставив без внимания, недоделанным, ни одного мельчайшего штриха. Явившись угнетенною невинностью, оскорбленною, сирою вдовицею, с умильным, заискивающим выражением на лице, с вкрадчивыми словами на языке, жеманно раскланиваясь с предводителем, она несмело усаживается на стул и мало-помалу, незаметно для себя самой, раскрывает всю свою непроходимую нравственную уродливость» [2].

Положительное упоминание о «Завтраке у предводителя» сохранилось и в разборе премьеры «Нахлебника» в Москве 30 января 1862 г., опубликованном Баженовым на страницах той же газеты 11 февраля 1862 г. (см.: *Моск Вед*, 1862, № 33).

В следующие годы «Завтрак у предводителя» исполнялся, в числе других пьес, на сцене Александринского театра в Петербурге в бенефисы В. А. Лядовой — 29 декабря 1869 г., И. И. Сосницкого — 1 апреля 1871 г., А. И. Абариновой — 20 января 1874 г. [3]

---

[1] *Моск Вед*, 1861, 9 мая, № 101. Спектакль этот был повторен с теми же исполнителями в Малом театре 21 мая и в театре Петровского парка 21 июня 1861 г. (*Моск Вед*, 1861, № 111, 131, 135). О Х. И. Талановой (1822—1880) см. в журнале «Суфлер» (1880, № 37, с. 6).

[2] *Моск Вед*, 1861, 20 мая, № 110. Перепечатано в книге: Баженов А. Н. Сочинения и переводы. М., 1869. Т. I, с. 105.

[3] В газете «Голос» отмечалось, что «Завтрак у предводителя», возобновленный в бенефис А. И. Абариновой, не имел успеха: «...ансамбль был весьма незавиден, тогда как она ⟨пьеса⟩ одним

В последний раз при жизни Тургенева «Завтрак у предводителя» был возобновлен на сцене Александринского театра 2 сентября 1882 г. с И. П. Киселевским в роли Балагалаева, А. А. Нильским в роли Пехтерьева, В. Н. Давыдовым в роли Мирволина, К. А. Варламовым в роли Беспандина и М. Г. Ленской в роли Кауровой [1].

Важнейшими вехами позднейшей сценической истории «Завтрака у предводителя» являются его постановки 9 декабря 1890 г. на Александринской сцене [2], в 1897 г. на сцене Московского Общества искусства и литературы [3], в 1903 г. в театре Литературно-художественного общества в Петербурге [4].

Возобновленный с большим успехом на сцене Александринского театра в сезон 1911/12 г. (с В. В. Стрельской в роли Кауровой, Б. А. Горин-Горяиновым в роли Балагалаева и В. П. Далматовым в роли Пехтерьева), «Завтрак у предводителя» в течение шести лет не сходил с репертуара (он прошел за это время 40 раз) и вместе с «Провинциалкой» был поставлен на сцене этого же театра 10 ноября 1918 г. на торжественном спектакле, посвященном 100-летию со дня рождения Тургенева [5].

В 1924 г. «Завтрак у предводителя» был поставлен в московском Малом театре [6], а в 1949 г.— в Государственной студии киноактера [7]. В 1954 г. комедия Тургенева была экранизирована.

Перевод «Завтрака у предводителя» на французский язык, сделанный самим Тургеневым при участии Луи Виардо, вышел в свет еще в 1858 г. В 1878 г., т. е. ровно через двадцать лет, на страницах журнала «Westermanns illustrierte deutsche Monatshefte», печатавшегося в Брауншвейге, появился перевод этой

только ансамблем и может держаться на сцене и смотреться без скуки» (Голос, 1874, 22 января, № 22, с. 2).

Включение «Завтрака у предводителя» в афишу бенефисного спектакля А. И. Абариновой произошло, видимо, в связи с появлением в «С.-Петербургских ведомостях» от 19 ноября 1873 г., № 319, в рецензии на бенефис А. А. Яблочкина, упреков по поводу того, что последний выбрал для постановки комедию «Безденежье», а не «Завтрак у предводителя» «того же г. Тургенева — вещь очень хорошую и до сих пор не утратившую своего достоинства. Мы очень рады, что случай дает нам возможность напомнить о ней нашим артистам, которые так жалуются на недостаток хороших пьес».

[1] В Москве «Завтрак у предводителя» в последний раз при жизни автора был поставлен в сезон 1882/83 г. в театре Ф. А. Корша.

[2] Ежегодник императорских театров. Сезон 1890—1891 г. СПб., 1892, с. 28—29.

[3] Гроссман Л. Театр Тургенева. Пг., 1924, с. 130.

[4] Беляев Юр. Мельпомена. СПб., 1905, с. 34.

[5] Бирюч петроградских государственных театров, 1918, № 2, с. 7.

[6] Новая рампа, 1924, № 6, с. 18; Искусство трудящимся, 1924, № 3, с. 12.

[7] Вечерняя Москва, 1949, 26 мая; Советское искусство, 1949, 28 мая.

же комедии (под названием «Die Erbteilung»), выполненный г-жой Клэр фон Глюмер, талантливой переводчицей и других произведений Тургенева [1]. Именно об этом переводе, еще до выхода его в свет, писатель предупреждал 8 сентября н. с. 1878 г. Людвига Пича, который перед тем и сам был не прочь заняться переводом «Завтрака у предводителя». Большое внимание уделил этой комедии и другой немецкий литератор, Юлиан Шмидт, автор статьи «Iwan Turgenjew», появившейся в 1877 г. в двух номерах того же брауншвейгского журнала [2].

Противопоставляя «Завтрак у предводителя» (он называл его «Der Adelsmarschal eines Districts») «даже лучшим произведениям Скриба и его школы», Юлиан Шмидт высоко оценил жизненность и внутреннюю цельность пьесы Тургенева, отсутствие в ней каких бы то ни было элементов ремесленничества и шаблона [3].

Эти общие положения были несколько более конкретизированы при их перепечатке в 1885 г. Е. Цабелем [4].

Не привлекая внимания ни биографов Тургенева, ни историков русского театра в течение многих лет после этого, «Завтрак у предводителя» становится объектом специального изучения в работах советских исследователей. Основные материалы о творческой истории, публикации и постановках «Завтрака у предводителя» впервые были собраны и критически рассмотрены в комментариях к первой запрещенной редакции этой комедии (см.: *Лит Музеум*, с. 381—394). С некоторыми дополнениями и уточнениями эта работа была перепечатана в статье «К истории „сцен и комедий“ Тургенева» в сборнике статей Ю. Г. Оксмана «И. С. Тургенев. Исследования и материалы» (Одесса, 1921. Вып. 1, с. 90—98) и в комментариях того же автора к первому советскому изданию собрания сочинений Тургенева: *Т*, *Сочинения*, т. IV, с. 217—219.

В более поздней литературе представляют интерес наблюдения в области структуры «Завтрака у предводителя» как «комедии характеров, а не положений», связанной, подобно «Безденежью» и «Холостяку», с традициями Гоголя (Бердников Г. П. Тургенев и театр. М., 1953, с. 46).

Характеризуя «Завтрак у предводителя» как «картину помещичьих нравов», данную в жанре «бытовых сцен», наиболее тесно связанных с физиологическим очерком, Л. М. Лотман приходит к заключению, что «Завтрак у предводителя» был «значительным явлением драматургии 40-х годов»: «Писатель нанес этой пьесой ощутительный удар засилию водевильной традиции, показав, каким богатым источником юмора и комедийных положений может явиться современный быт, какой обширный материал для сатиры дают типы, порожденные этим

---

[1] Westermanns illustrierte deutsche Monatshefte. Braunschweig, 1878, Bd. 45, № 2, November, S. 177—194.

[2] Westermanns Monatshefte, Bd. 43, № 1, S. 78—92; № 2, S. 195—213.

[3] Westermanns illustrierte deutsche Monatshefte, 1877, Bd. 43, № 1, Oktober, S. 82).

[4] *Zabel*, S. 167—168.

бытом, как остры ситуации, на каждом шагу создаваемые самой жизнью. Знаменательно при этом, что источником комических столкновений в пьесе Тургенева являются не столько подлинные материальные интересы героев, сколько самые характеры, возникшие и получившие свое развитие в обстановке крепостничества. ⟨...⟩ Комизм пьесы „Завтрак у предводителя" предвосхищал юмор одноактных комедий-„водевилей" А. П. Чехова»[1].

И действительно, в одноактных сценах Чехова «Предложение» (1888), «Медведь» (1888), «Свадьба» (1889), «Юбилей» (1891) были воскрешены на новом историческом этапе принципы композиции малых драматургических жанров, определившиеся с наибольшей выразительностью именно в «Завтраке у предводителя». Самый образ Кауровой — центрального персонажа этой комедии — ожил в комедии-шутке «Юбилей» в типических чертах и во всей линии поведения губернской секретарши Мерчуткиной. Впервые этот вариант образа Кауровой появился в рассказе Чехова «Беззащитное существо» в 1887 году.

Стр. 279. *...она ведь женщина...*— В первой своей редакции («она суть женщина») эта сентенция Пехтерьева явилась перемонтировкой одной фразеологической детали в рассказе Тургенева «Жид»: «Вы, молодой человек, суть неопытный. Вы в военном деле еще неопытны суть» (1846). Этот же комический эффект Тургенев вновь использовал в рассказе «Муму», в признании пьяницы Капитона: «Один господь бог знает, каков я человек на сем свете суть» (1852).

Так сказать, ангро ∽ *должно быть, немецкое слово.*— От франц. en gros — вообще, в общих чертах.

Стр. 283. *Проклятие всем бабам отныне и вовеки!*— Эта концовка последней реплики Беспандина впервые появилась в *Т*, *Соч*, *1865*, т. II, с. 242.

Постой, вот, погоди, он оправится, мы засядем в преферанс.— Суслов, обращаясь к Мирволину, имеет здесь в виду Балагалаева, заболевшего от всего того, что происходило в его доме во время «полюбовного дележа», и покинувшего своих гостей. В тексте гранок 1849 г. слово «оправится» было искажено опечаткой «отправится». Корректор журнальной редакции комедии, обратив внимание на эту неясность текста, произвольно исправил «он отправится» на «они отправятся», отнеся эти слова к уезжавшим гостям Балагалаева (*Совр*, 1856, № 8, с. 236). Это искажение перешло в *Т*, *Соч*, *1865*, т. II, с. 242. Впервые выправлено в *Т*, *Соч*, *1869*, ч. VII.

---

[1] Лотман Л. М. А. Н. Островский и русская драматургия его времени. М.; Л., 1961, с. 36.

МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ

Комедия в пяти действиях

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Студент, комедия в пяти действиях. Черновой автограф первой редакции пьесы, впоследствии названной «Месяц в деревне». Текст комедии занимает большую часть тетради (132 нумерованные страницы из 160) в синей картонной обложке, на которой вырезано: Тург⟨енев⟩. Обороты обложки испещрены записями имен и фамилий, росчерками, цифрами, набросками профилей (в ряду этих записей слова «Студент», «L'Etudiant», фамилии «Гервег», «Лепаж», отметка на французском языке «Сафо. Опера в двух актах, Гуно» и т. д.).

На титульном листе надпись: «Студент. Комедия в [трех] пяти действиях Ив. Тургенева. Кончена 22-го марта 1850 г. (rue et Hôtel ⟨du Port-Mahon, № 9⟩, переписана и отправлена в Петербург 8-го апреля 1⟨850⟩. Париж. 1848». На с. 2, а также на полях с. 51 (начало III действия) и 52 — перечень явлений, обозначенных инициалами действующих лиц. На с. 8 на полях ряд фамилий: Касимов, Казанов, Костин и др.; некоторые из них только начаты, записаны лишь первые их слоги: Ле, Ко (на этой странице студент впервые назван Колосовым). На с. 119 на полях несколько имен (среди них «Эмма» и «Herwegh»). На некоторых страницах — заметки Тургенева, использованные в тексте комедии. На с. 40 замечание: «О связи с литературой», поверх которого написан рассказ Беляева о неудачном драматурге. На страницах 41, 54, 65 и 132 записи: «Благодарность Большинцова», «Изменение пр⟨отив⟩ вчерашнего», «Она сама не подозревала, как это было сильно», «выводок куропаток». На многих страницах наброски профилей, росчерки, рисунки и проч. На страницах 10, 11, 135 и 136 записаны заглавия и перечни действующих лиц трех ненаписанных комедий («Жених», «17-й №» и «Компаньонка» — см. наст. том, с. 523—524).

Автограф комедии «Студент», принадлежавший после смерти Тургенева дальней его родственнице О. В. Галаховой, в 1909 г. демонстрировался на выставке памяти И. С. Тургенева («Каталог выставки в память И. С. Тургенева в Императорской Академии Наук». Март 1909, 2-е изд., с исправлениями. СПб., 1909, с. 41). В 1918 г. рукопись перешла в Тургеневский музей в Орле (Португалов М. Тургениана. Орел, 1922, с. 3), откуда передана была в *ГЛМ* в Москве. С 1941 г. рукопись находится в *ЦГАЛИ*. Данные о ней см. в статье Н. Н. Фатова «Рукопись „Студента“ Тургенева» (Культура театра, 1922, № 1-2, с. 47—52), краткое описание — в «Бюллетенях Государственного литературного музея», № 1 (И. С. Тургенев. Рукопи-

си, переписка и документы. М., 1935, с. 10). Полностью рукопись комедии «Студент» см.: *Т сб*, вып. 1, с. 72—195.

Рукописный текст двух вставок в журнальную редакцию комедии «Месяц в деревне», на одном листе бумаги большого канцелярского формата. Лист исписан с обеих сторон. Вставки относятся к последней сцене 4-го действия, от слов: «Анна Семеновна *(останавливается и поднимает руку)*» до конца действия: «*Оба уходят в дверь сада. Занавес падает*», и к первой сцене действия 5-го, от самого его начала до реплики Веры: «Что вам угодно?» (см. наст. том, с. 387). Автограф хранится в Отделе письменных источников *ГИМ*. Полностью напечатан: *Т сб*, вып. 1, с. 197—199.

Совр, 1855, № 1, с. 29—170.

Цензурные изъятия в корректуре журнального текста пьесы, отмеченные в письме Д. Я. Колбасина к Тургеневу от 31 августа 1856 г. Автограф в *ИРЛИ*, впервые опубликован: *Т и круг Совр*, с. 255—261.

Т, *Соч*, *1869*, ч. VII, с. 379—530.

Т, *Соч*, *1880*, т. 10, с. 379—529.

Впервые опубликовано под заглавием «Месяц в деревне. Комедия в пяти действиях»: *Совр*, 1855, № 1, с. 29—170, с подписью: Ив. Тургенев. 1850. Этот текст явился результатом переработки первой редакции, которая писалась в 1848—1850 гг. в Париже и предназначалась для майской книжки «Современника» 1850 г., но в апреле была запрещена цензурой в корректуре. Последняя редакция, переработанная на основе текста чернового автографа, была опубликована в *Т*, *Соч*, *1869*, ч. VII. В этой редакции пьеса перепечатывалась в последующих изданиях сочинений Тургенева.

В настоящем издании комедия «Месяц в деревне» печатается по последнему авторизованному тексту (*Т*, *Соч*, *1880*, т. 10) с устранением, по рукописи и предшествующим изданиям, его явных дефектов.

Часть этих дефектов была отмечена самим Тургеневым в списке «Важнейшие опечатки», приложенном к т. 1 его сочинений издания 1880 г. Опечатку «Я Ничего» Тургенев механически исправляет на: «Я ничего», в то время как в черновом автографе и журнальном тексте стояло: «Я? Ничего» *(с. 317, строка 15)*. В настоящем издании принято последнее чтение, как более соответствующее контексту.

К дефектам, не замеченным автором, относятся:

С. 310, строка 15: любит? риб — *вместо*: любит риб?

С. 317, строки 36—37: никаких не ожидал — *вместо*: никак не ожидал

С. 321, строка 29: под руки *вместо*: под руку

С. 326, строка 21: грибов *вместо*: грыбов

С. 326, строка 22: грибы *вместо*: грыбы

С. 329, строка 6: Шпигельский *(со вздохом)* — *вместо*: Шпигельский

С. 329, строка 41: Игнатий Иваныч *вместо*: Игнатий Ильич

С. 330, строка 30: грибами *вместо*: грыбами

С. 331, строка 3: привести *вместо*: привезти

С. 340, строка 10: отнимая у Вере *вместо*: отнимая Вере
С. 349, строка 4: Да, для, для чего жить *вместо*: Да, для чего жить
С. 364, строка 22: я объясняюсь *вместо*: я объяснюсь
С. 365, строка 18: Взглядывает из окна *вместо*: Выглядывает из окна.
С. 368, строка 24: берет ее руки *вместо*: берет ее руку
С. 377, строки 4—5: входит Ислаев и Шпигельский *вместо*: входят Ислаев и Шпигельский
С. 379, строка 43: в ваше время *вместо*: в наше время
С. 390, строка 41: я не пошел бы сюда *вместо*: я не вошел бы сюда

Комедию «Студент» Тургенев писал, как обозначено на титульном листе чернового автографа, в Париже, в 1848—1850 гг. Самое раннее из дошедших до нас упоминаний о новой комедии сохранилось в его письме к А. А. Краевскому от 2 (14) апреля 1849 г. Перечисляя начатые им работы, Тургенев отмечал: «„Студент"—комедия в 5-ти действиях (первое действие кончено. Над этой вещью я намерен трудиться весь этот год)».

В первой редакции комедии полностью определились все действующие лица и сюжет будущего «Месяца в деревне». Больше того, именно в этой редакции, в отличие от последующих, в особенности от журнальной, идейные и психологические задачи, которые ставил перед собой автор, осуществлены наиболее полно. В любовной коллизии как бы проверяется жизненность и сила трех социальных характеров: во-первых, дворянского либерала-интеллигента, носителя тонкой эмоциональной и духовной культуры; во-вторых, «положительного», делового человека — помещика-хозяина и, наконец, студента-разночинца, вдохновленного идеями Белинского. В комедии художественно воплощены характерные для Тургенева уже с конца 40-х годов раздумья о «лишнем человеке», его психологии и социальной природе, о новом общественном явлении — разночинце-демократе, о судьбах русской женщины, об отношении человека к природе (ср., например, «Дневник лишнего человека», «Переписку» и др.).

По свидетельству современников, некоторые ситуации и образы «Месяца в деревне» носят автобиографический характер. М. Г. Савина вспоминала: «...Наталья Петровна существовала и в действительности. Теперь я забыла ее фамилию, но в Спасском Тургенев показывал мне даже портрет ее. И прибавил при этом: А Ракитин это я. Я всегда в своих романах неудачным любовником изображаю себя» (*Т и Савина*, с. 77). В литературе о тургеневской драматургии было высказано мнение, что «в Ракитине — несомненные отражения самого Тургенева, а время работы над „Месяцем в деревне" — один из напряженных моментов романа Тургенева и Полины Виардо, с мужем которой у него были отношения, близкие отношениям Ракитина и Ислаева» [1]. Вероятна автобиографическая основа ряда высказываний Ракитина (см. наст. том, с. 642). Однако эту автобиографичность

---

[1] Эфрос Н. Из истории тургеневских пьес.— Культура театра, 1921, № 7—8, с. 38.

не следует преувеличивать. Характер Ракитина имеет типическое значение. Не события личной жизни писателя определили основной драматический конфликт и большинство сюжетных ходов пьесы, а реальности современной эпохи.

В творческой истории «Месяца в деревне» сыграло известную роль знакомство Тургенева с драмой Бальзака «Мачеха» («La Marâtre»), шедшей весной 1848 г. в Париже, где Тургенев тогда жил[1]. «Главные персонажи обеих пьес,— полагал Л. П. Гроссман,— вполне соответствуют друг другу в общей сценической схеме; они выполняют совершенно аналогичные роли. ⟨...⟩ Соотношение действующих лиц в обеих пьесах сводится в основном к следующей схеме: молодая женщина (Гертруда, Наталья Петровна) является соперницей юной девушки, своей падчерицы или приемной дочери (Полина, Верочка) в любви к молодому человеку, служащему у них (Фердинанд, Беляев); влюбленная женщина в целях удаления соперницы пытается выдать девушку замуж за явно неподходящего претендента (Годар, Большинцов). В этом плане, как и вообще в развитии соотношений между главными персонажами, принимает деятельное участие домашний врач, тонкий и насмешливый наблюдатель всего происходящего (Вернон, Шпигельский). Вот схема, неизменно определяющая развитие действия обеих пьес»[2]. Однако, даже если Тургенев и воспользовался сюжетной схемой «Мачехи», он придал всей драме иной смысл, имеющий мало общего с содержанием пьесы Бальзака. От «Мачехи» «Месяц в деревне» отличается и конфликтом, и сутью изображенных характеров, и «психологической задачей». В «Мачехе», в частности, нет персонажа, соответствующего Ракитину, который несет у Тургенева важнейшую идейную и художественную нагрузку; пьеса Тургенева хотя и была существенно обеднена, но не распалась при удалении в цензурной ее редакции образа Ислаева; пьеса Бальзака при уничтожении образа мужа лишилась бы всякого смысла. Важное отличие отметил и Гроссман: в комедии Тургенева полностью отсутствует характерный для «Мачехи» мелодраматизм. Конечно, попытка Бальзака показать, по формулировке критика «Revue des Deux Mondes», что «вокруг какой-нибудь кушетки и ломберного стола человеческие страсти могут сплести такую же подлинную трагедию, как и в идеальном мире исторических героев»[3], могла привлечь и Тургенева, но к его «Месяцу в деревне» никак нельзя было бы отнести слова, сказанные фелье-

---

[1] Эта драма Бальзака и ее постановка в «Théâtre Historique» (премьера 25 мая 1848 г.) были выдающимися событиями в театральной жизни Парижа, обратившими на себя внимание не только во Франции, но и в России. В «Современных заметках» журнала «Современник» (1848, № 8, с. 107—110) был полностью перепечатан разбор «Мачехи» из «Revue des Deux Mondes» (1848, т. XXII, с. 812—815 — номер от 15 июня).

[2] *Гроссман*, *Театр Т*, с. 70.

[3] *Гроссман*, *Театр Т*, с. 68; Оксман Ю. Г., комментарий к «Месяцу в деревне» (*Т. Сочинения*, т. IV, с. 218); Эйгес И. Пьеса «Месяц в деревне» И. С. Тургенева.— *Лит учеба*, 1938, № 12, с. 56—78.

тонистом «Северной пчелы» по поводу «Мачехи»: «Что за развязка? Что за чудовищный сюжет? К чему это отравление? Почему не признаться отцу в тайном браке? По всему видно, что Бальзак хотел сильно потрясти своих слушателей и для этого придумал такой варварский конец» (*Сев Пчела*, 1848, 16 июня, № 133).

Кроме того, распространенный мотив такого же соперничества двух женщин был затронут Тургеневым еще до знакомства с драмой Бальзака, в наброске романтической драмы «Две сестры» (1844), связанной с театром Мериме (см. наст. том).

От «Месяца в деревне» тянутся нити и к другому произведению Тургенева 1844 г.— повести «Андрей Колосов». В черновой редакции пьесы на протяжении двух первых действий студент — герой комедии — носил имя «Андрей Колосов» (Андрей, А., Ан., Кол., К.). Многие черты Беляева — его обаяние, непосредственность, смелость — намечены уже в герое ранней повести, с его «ясным, простым взглядом на жизнь». Как и Беляев, он «воспитан был на медные гроши», жил в деревне, а затем «вступил в университет и начал жить уроками»; «профессора считали его малым неглупым, но „без больших способностей“ и ленивым» (ср. автохарактеристику Беляева, с. 312).

Однако, как отметил уже Белинский, в «Андрее Колосове» «много прекрасных очерков характеров и русской жизни, но как повесть в целом это произведение до того странно, не досказано, неуклюже, что очень немногие заметили, что̀ в нем было хорошего» (*Белинский*, т. X, с. 345). В пьесе Тургенев продолжает разрабатывать образ Колосова и не только сопоставляет, но и сталкивает в драматическом конфликте героя-разночинца с представителями иной социальной среды.

Контраст «студента» и хозяев «дворянского гнезда» намечается с самого начала, еще до появления его на сцене, причем этот контраст особенно отчетлив в черновом автографе пьесы. По словам Натальи Петровны, обращенным к Рябинину (Ракитину печатных редакций), у него характерная внешность студента: «Худой, стройный, *волосы длинные*, веселый взгляд, смелое выражение... Вы увидите. Он, правда, довольно неловок, *ну и не совсем опрятен* — а для вас это беда...» (подчеркнутое отсутствует в печатных редакциях, см. с. 239). Несколько далее, уже после первого появления студента, Наталья Петровна замечает: «О нем нельзя судить как о нашем брате (печатный вариант: „... судить по тому, что... наш брат сделал бы на его месте“). Ведь он нисколько на нас не похож, Рябинин» (см. с. 239).

Писатель тщательно отрабатывает реплику «студента» в первом действии о его детстве, об унизительных занятиях отца, которому «было не до того», то есть не до воспитания сына. Фраза: «Он с трудом добывал насущный хлеб» заменяется горькими словами о том, что отец был вынужден добывать свой хлеб унизительными «услугами». В дальнейшем Тургенев не счел нужным повторить слова Беляева о его «невоспитанности» и вычеркнул в черновой рукописи следующий знаменательный отрывок: «Да ведь и то сказать — какое воспитание я получил! Отец мой, конечно, человек добрейший, а грамоте куда плохо знает; ну и достатков нет. Я сам, представьте, до 12 лет читать не умел... да спасибо наш дьячок...»

Таким образом, уже с самого начала определяется в пьесе социальная природа цельности, непосредственности, естественности Беляева.

Однако Беляев не только свежий, «непосредственный юноша» (по словам Рябинина), к тому же еще очень молодой («Вы еще дитя»,— говорит Наталья Петровна; впоследствии эти слова недаром были вычеркнуты), Алексей Беляев — человек с передовыми взглядами, студент «политического отделения» Московского университета. Не случайно, что студент впервые обозначается буквой Б. в середине второго действия комедии, когда между ним и Рябининым происходит разговор о Белинском [1]. Студент с восторгом говорит о статьях великого критика: «Иного я точно не понимаю, иное мне запутанным кажется, неясным — слова он употребляет такие странные,— а где он хорош, где он от сердца говорит — кажется, душу бы за него отдал...». Характерно упоминание в одной из следующих его реплик о Жорж Санд, с которой «дышать легко». В черновом автографе есть также свидетельство о литературных вкусах студента, совпадающих со вкусами самого Тургенева: писатель вложил в уста Беляева характеристику одной псевдоромантической трагедии, данную им самим в рецензии на «Смерть Ляпунова» С. А. Гедеонова (см.: наст. изд., Сочинения, т. 1, с. 245).

Вероятно, мысль изобразить своего героя человеком передовым по своим литературным и общественно-политическим взглядам явилась у Тургенева не с самого начала работы над «Студентом». Несколько ранее первого обозначения студента как Б. он обращается к Рябинину с просьбой дать почитать «Отечественные записки» (в двух печатных редакциях заменено просто «журналом» — см. с. 322). Автограф «Студента» показывает, что писатель колебался в выборе журнала, который получает Рябинин и который просит дать ему студент. Написав сначала — «От⟨ечественные⟩ зап⟨иски⟩», Тургенев затем заменяет их «Библиотекой для чтения» (жур⟨нал⟩ Б⟨иблиотека⟩ д⟨ля чтения⟩), но затем восстанавливает первое название. Очевидно, весь облик Беляева был бы иным, если бы эта важная деталь не была разработана (в окончательной редакции остался лишь глухой намек: слова о критике — «теплый человек»).

В первой редакции комедии характерный образ студента являлся центральным, чем было обусловлено и название комедии.

В процессе работы над первой редакцией, отраженном в черновом ее автографе, Тургенев обогащает характеры действующих лиц, заостряет социальную проблематику, выявляет все психологическое богатство отношений своих героев. Это достигается путем многочисленных исправлений, зачеркиваний и вставок.

Для истории образа Ракитина важен ряд вариантов его высказываний о любви, например, его большой реплики в пятом

---

[1] Э й г е с И. Пьеса «Месяц в деревне» И. С. Тургенева.— *Лит учеба*, 1938, № 12, с. 70. Полным именем — Беляев — он впервые назван в середине третьего действия, в реплике Натальи Петровны: «...этот молодой студент — этот Беляев — произвел на меня — довольно сильное впечатление...»

действии, дающей резкую характеристику любовного «порабощения» (см. с. 385). Судя по тому, что эта реплика, выброшенная цензурой в тексте «Современника»,— единственное из всех цензурных изъятий в корректуре, восстановленное автором в *Т, Соч, 1869*, а также по тому, что мотивы ее были использованы при окончании в декабре 1854 г. повести «Переписка» (в последнем, XV, письме героя повести [1]), Тургенев придавал словам Ракитина особое значение. Характерно, что подобную же сентенцию мы встречаем в писавшемся одновременно со «Студентом» «Дневнике лишнего человека»: «...разве любовь — естественное чувство? Разве человеку свойственно любить? Любовь — болезнь, а для болезни закон не писан».

Существенны некоторые вычеркнутые варианты из реплик Натальи Петровны, касающиеся ее отношений к Ракитину и Беляеву.

Уже в черновом автографе были сняты, вероятно, по художественным соображениям, так как другие подобные же высказывания остались при публикации или были изъяты цензурой, некоторые резко антидворянские выпады Шпигельского в четвертом действии. Они вносят дополнительные штрихи в его характеристику.

О поисках Тургеневым наиболее выразительных психологических ходов, деталей характеристик, мотивировок поведения действующих лиц свидетельствуют также многочисленные вставки на полях рукописи, сделанные на различных стадиях работы. Иной раз именно в этих вставках содержатся существенные высказывания героев или мотивировки дальнейших их действий. В первом действии вписан позднее рассказ Натальи Петровны о ее детстве, во втором — рассказ Верочки о внезапных слезах [2], затем характеристика Большинцова («глупый, тяжелый человек»), реплики Беляева об отношении к Наталье Петровне, о его воспитании. Многие вставки уточняют и делают более ярким образ Беляева, а также отношение к нему других героев (восторженные слова Верочки и Натальи Петровны; ирония Ракитина). Вписаны важнейшие для характеристики Беляева слова его о чувствах, вызванных отъездом из усадьбы Ислаева.

О том, что комедия «Студент», как и другие произведения Тургенева в драматической форме, предназначалась для сцены (несмотря на ряд позднейших заявлений писателя), свидетельствует то большое внимание, которое он уделил отработке ре-

---

[1] «Любовь⟨...⟩— болезнь⟨...⟩ обыкновенно она овладевает человеком без спроса, внезапно, против его воли — ни дать ни взять холера или лихорадка... ⟨...⟩ в любви одно лицо — раб, а другое — властелин, и недаром толкуют поэты о цепях, налагаемых любовью. Да, любовь — цепь, и самая тяжелая».

[2] Здесь явная перекличка с «Дневником лишнего человека», писавшимся одновременно со «Студентом»: «...в тот самый вечер, при мне, началось в ней то внутреннее, тихое брожение, которое предшествует превращению ребенка в женщину ⟨...⟩ Она отвернулась от меня и вдруг залилась слезами». И там, и здесь слезы — первый признак пробуждающегося, еще не осознанного чувства.

марок, стремясь дать точные указания актерам о характере мизансцен, о жестах, паузах и т. д.

Вскоре после окончания работы над первым действием комедии «Студент» Тургенев 2 (14) апреля 1849 г. сообщил о новой пьесе А. А. Краевскому, обещая ее «Отечественным запискам». Однако в ноябрьском номере «Современника», в рецензии на постановку в Александринском театре «Холостяка», Некрасов поспешил известить своих читателей о том, что «недавнее произведение г. Тургенева, комедия в пяти актах „Студент“, уже обещано автором редакции „Современника“, и мы скоро надеемся представить эту комедию нашим читателям» [1].

В письме от 8 ноября этого же года Некрасов торопил Тургенева с окончанием комедии: «...вышлите ее на первую книжку ⟨1850 г.⟩ — этим по гроб обяжете, а если уж нельзя, то не позднее второй. Крайне нужно!» (*Некрасов*, т. X, с. 134). Очевидно, сообщение Некрасова в его рецензии вызвало протест или недоуменный вопрос Краевского в его письме к Тургеневу в ноябре 1849 г. Отвечая Краевскому 13 (25) декабря 1849 г., Тургенев просит у него извинения: «Я позабыл, что обещал Вам „Студента“ — и обещал его „Современнику“». В этом же письме Тургенев информировал Краевского о том, что «„Студент“ доведен до 4-го акта».

Последние два действия комедии были написаны быстрее (в три-четыре месяца), чем два предыдущие (около девяти месяцев). Возможно, что работа над «Студентом» стимулировалась как настойчивыми просьбами Некрасова об ускорении публикации пьесы, так и положительными отзывами критики о «Холостяке», первом драматическом произведении Тургенева, появившемся на сцене (см. наст. том, с. 611—615).

Закончив работу над «Студентом» 22 марта 1850 г., Тургенев после собственноручной переписки пьесы отослал ее 8 апреля в Петербург, в редакцию «Современника». Однако в условиях усиления цензурно-полицейского гнета после процесса петрашевцев комедия уже в корректуре была запрещена цензорами С.-Петербургского цензурного комитета А. Л. Крыловым и И. И. Срезневским (см. письмо Тургенева к Н. М. Щепкину от 18 октября 1850, а также письмо Некрасова к М. С. Куторге от 16 мая 1850 г.— *Некрасов*, т. X, с. 148).

Запрещенная комедия, по словам Тургенева в письме к Полине Виардо от 28 октября 1850 г., пользовалась большим успехом в петербургских салонах. Возможно, что именно в это время к С. А. Миллер, ставшей впоследствии женой А. К. Толстого, попал тот список комедии, который Тургенев в 1867 г. просил через П. В. Анненкова переслать ему. С. А. Миллер интересовалась тургеневскими комедиями, что видно из письма Тургенева к ней от 19 (31) мая 1853 г.: «Вы мне не говорите, которая из моих пьес удостоилась Вашего одобрения; я знаю, что они все, более или менее, слабы; то, что может быть в них хорошего, это лишь замысел».

В том же 1850 г., осенью, Тургенев сделал еще одну попытку напечатать свою комедию, но уже под названием «Две женщи-

---

[1] *Совр*, 1849, № 11, отд. V, с. 139. Ср.: *Некрасов*, т. IX, с. 542.

ны». Он послал ее 18 (30) октября в Москву Н. М. Щепкину, издававшему альманах «Комета» и просившему (через Грановского и Н. Н. Тютчева) Тургенева о сотрудничестве (см. письмо Тургенева к Н. М. Щепкину от 18 (30) октября). Автограф этой редакции неизвестен.

Можно предположить, что Тургенев, зная о претензиях петербургской цензуры, уже в этой редакции, в характеристике Беляева, устранил слишком явные признаки разночинца, а также сделал ряд других изменений, имевших целью завуалировать роль Беляева. Центр тяжести, тем самым, переносился с общественной проблематики на психологическую: возобладал «бродячий» мотив соперничества двух женщин в любви, что и обусловило, вероятно, перемену заглавия пьесы.

В ответ на письмо Н. М. Щепкина, в котором тот благодарил за присылку комедии, Тургенев писал 3 (15) ноября 1850 г. из Петербурга: «Что же касается до изменений цензурных, то — даю Вашему батюшке и Вам полное право изменять и выкинуть всё что угодно — не считая нужным советоваться со мною». Однако Щепкину не пришлось воспользоваться этим разрешением, так как комедия вскоре была запрещена московским цензором И. М. Снегиревым (последний записал в своем дневнике 9 ноября, что «дочитал» комедию Тургенева «Две женщины»; позднее он вел, возможно, какие-то переговоры с Н. М. Щепкиным по поводу или комедии Тургенева или альманаха в целом, см. его запись от 18 ноября 1850 г.: Русский архив, 1903, кн. 3, с. 452 и 453).

В конце ноября 1854 г., по приезде в Петербург из Спасского, у Тургенева вновь является мысль о напечатании «Студента» в «Современнике». 29 ноября он обращается с вопросом к Н. М. Щепкину, была ли комедия запрещена в 1850 г. Московским цензурным комитетом или лишь цензором И. М. Снегиревым (в последнем случае она могла быть вновь представлена в цензуру). После получения благоприятного ответа писатель принимается за переделку комедии, которая и была впервые напечатана в первом номере «Современника» за 1855 г. Публикации было предпослано автором особое «Замечание», в котором он писал: «Комедия эта написана четыре года тому назад и никогда не назначалась для сцены. Это собственно не комедия,— а повесть в драматической форме» (*Т*, *ПСС и П*, *Сочинения*, т. III, с. 333).

4 декабря 1854 г. Тургенев писал М. Н. Толстой: «Я со вчерашнего дня опять попал в литературный свой хомут и должен работать. В 1-й книжке „Отеч. записок" будет одна моя вещь, может быть и в „Современнике"». Работа была закончена не позже 22 декабря, о чем свидетельствует письмо Тургенева к М. Н. Толстой от этого числа.

Переработка комедии заключалась в том, что, по словам Тургенева в этом же письме, его «героиня из замужней женщины превращена во вдову, по неотразимому требованию цензуры». В 1867 г., приступая к подготовке издания своих «сцен и комедий» в составе нового собрания сочинений, Тургенев писал П. В. Анненкову, что в первом издании он должен был «Студента» «совершенно переделать и исказить по повелению цензуры и „Современника"». О том же он напоминал читателям в предисло-

ви к «сценам и комедиям» в *Т, Соч, 1869*, ч. VII, с. III—IV (см.: наст. изд., Сочинения, т. 12). Незначительные поправки Тургенев, очевидно, делал в тексте рукописи предыдущей редакции пьесы, озаглавленной «Две женщины» (эта рукопись нам неизвестна). Места же, где действует Ислаев, он заменял новым текстом на отдельных листах (в Отделе письменных источников *ГИМ* сохранился один такой лист с пометами: «В четвертом действии к № 3» и «В пятом действии. От № 4»).

Кроме того, в тексте «Современника» сняты или затушеваны точные приметы «студентства» Беляева (например: «Наталья. Нет — молодой. *Студент.*— Мы его, впрочем, только на летние месяцы взяли» — с. 288; или: «Вера. Что ж вы делаете в Москве? Беляев. Как что? Мы учимся. В университет ходим — профессоров слушаем. Вера. Чему же вас учат? Беляев. Всему. *Я в политическом отделении*» — с. 312. Подчеркнутое отсутствует в «Современнике»). Причинами цензурного или автоцензурного характера можно объяснить замену «Отечественных записок» нейтральным — «журнал» (хотя по косвенным намекам можно догадаться, о каком журнале идет речь) и пропуск в реплике Беляева в первом действии восторженной оценки статей Белинского и самого критика и несколько далее такой же пропуск упоминания о Жорж Санд. Эти изменения могли быть сделаны еще в 1850 г., когда комедия получила название «Две женщины».

Вмешательство цензуры не ограничилось рукописью. В письме Д. Я. Колбасина к Тургеневу от 31 августа 1856 г. были отмечены все искажения и изъятия, сделанные в корректурных листах пьесы (см.: *Т и круг Совр*, с. 255—261). После устранения прямых указаний на то, что Беляев — студент, цензура снимает косвенные свидетельства. Беляев лишается характерных черт внешнего облика студента. В целом образ Беляева был серьезно обеднен, а замысел Тургенева — сделать его главным героем, достойным любви Натальи Петровны — в сущности полностью разрушен. В еще большей степени не посчастливилось Шпигельскому. Характер этого разночинца — умного, озлобленного, резкого в оценках, доходящих до цинизма, и остро ощущающего свое общественное неравноправие и приниженность — оказался существенно обедненным. Другие купюры были продиктованы «моральными» соображениями. Почти все эти отрывки, изъятые в корректуре, восходят к черновому автографу 1850 г. (с некоторыми вариантами, главным образом цензурного характера — так, например, в рассказе Шпигельского в корректуре отсутствуют его слова о матери: «таскалась по „расторяциям"», имеющиеся в рукописи; в конце концов снимается весь рассказ Шпигельского о его детстве). Однако в ряде случаев в списке цензурных изъятий, отмеченных в письме Колбасина, обнаруживаются отрывки, отсутствующие в единственной известной нам рукописи, но имевшиеся в корректуре «Современника». Так как мы не располагаем указанной корректурой, а также поскольку в последующих редакциях эти изъятия не были восстановлены, единственным свидетельством о них служит письмо Колбасина. Исключенной уже в корректуре фразе: «Он всё эдак усы к носу подымает и смотрит на них» в черновом автографе соответствовало: «Он должно быть много курит». В журнальном тексте появля-

ется реплика Ракитина о «добром совете», который он хочет дать Беляеву «на прощанье» (со слов: «Я, право, не знаю, с какой стати...» — с. 386). Основная часть этой реплики не была пропущена (после «добрый совет»: «Вот видите ли, Алексей Николаевич, если вам когда-нибудь случится заметить, что женщина вдруг почувствовала к вам расположение, не теряйте времени, пользуйтесь удобным случаем, хватайтесь за него обеими руками, деликатность тут ни к чёрту не годится; женская любовь, что весенний ручей: сегодня он бежит, взволнованный и мутный, в уровень с краями оврага, завтра едва сочится свеженькой струйкой на самом дне размытого русла»). Точно так же было изъято цензурой начало реплики Анны Семеновны («Господи боже мой, владыко живота моего, что ж это» и т. д.).

Название «Две женщины», очевидно, не соответствовало замыслу Тургенева. Поэтому оно заменяется на «Месяц в деревне», хотя в сущности все события в комедии происходят лишь в последние дни месяца, проведенного в деревне студентом Беляевым (так, во втором действии изображен *двадцать восьмой день* его пребывания в имении Ислаева — в черновом автографе было *семнадцатый*). В связи с этим оказывается не очень ясным, почему такой близкий друг дома, каким является Ракитин, знакомится со студентом лишь через 25 дней после появления его у Ислаевых. Очевидно, чувствуя здесь неувязку, Тургенев в первой печатной редакции вводит упоминание о том, что Ракитин несколько дней (в сущности надо бы — месяц) провел у соседей и учитель был нанят в его отсутствие (с. 288 — вместо: «мы нового учителя наняли» в «Современнике» появляется: «мы *без вас* нового учителя наняли»). Перелом в душе Натальи Петровны кажется Ракитину таким внезапным, потому что он продолжительное время отсутствовал (вместо: «Третьего дня был я у соседей» — в «Современнике»: «Вы знаете, я несколько дней провел у Криницыных» — с. 289). Во втором действии в реплику Ракитина после слов: «...вы словно боретесь сами с собой, словно недоумеваете...» вставляется фраза: «Перед моей поездкой к Криницыным я этого не замечал; это в вас недавно» — с. 317.

Другие разночтения чернового автографа комедии и первой печатной ее редакции многочисленны и имеют также немаловажное значение, хотя и не меняют основного содержания пьесы. Тургенев продолжает работу в том же направлении, что и над черновиком. В частности, вводится указание на эпоху, когда происходит действие комедии («Действие происходит в имении Ислаева *в начале сороковых годов*»). Возможно, что это сделано потому, что оказалась опущенной такая точная примета времени, как сотрудничество Белинского в «Отечественных записках».

Особенно много внимания уделил Тургенев образу Натальи Петровны, одному из первых ярких образов «тургеневских» женщин [1]. Он наделил Наталью Петровну незаурядным умом, страстной натурой, способностью глубоко чувствовать. Беляев недаром отдает ей предпочтение перед Верой. Именно в журнальном тексте Тургенев подчеркивает смелость Натальи Петровны, ко-

[1] «Всё дело в Наталье Петровне...» — таково было отношение писателя к этому образу в процессе создания комедии (см.: *Т и Савина*, с. 66).

торая ясно отдает себе отчет в своем чувстве («Так вот оно. это страшное чувство»), которая почти готова следовать за Беляевым («Почему он знал, что я бы никогда не решилась...»). В конце третьего действия к словам, вставленным в черновике: «Это человек!» прибавляется: «Я его еще не знала...», тем самым психологически мотивируется откровенное признание Натальи Петровны в четвертом действии, объясняется усиление и нарастание ее чувства.

Трудно точно сказать, на какой стадии работы были сделаны все отмеченные выше изменения текста. Часть из них безусловно была уже в беловике первой редакции (см. выше); исправления вносились в редакцию пьесы под названием «Две женщины»; часть изменений была сделана при подготовке текста для «Современника».

Критика почти не реагировала на публикацию комедии. Немногочисленные отзывы были весьма сдержанны. Рецензию «Библиотеки для чтения» в сущности можно считать отрицательной. В ней была задета и статья П. В. Анненкова «О мысли в произведениях изящной словесности (Заметки по поводу последних произведений гг. Тургенева и Л. Н. Т.)», напечатанная в том же номере «Современника», что и «Месяц в деревне». Рецензент «Библиотеки для чтения» имел, в частности, в виду следующее положение статьи Анненкова: «Где есть в рассказе присутствие психического факта и верное развитие его, там уже есть настоящая и глубокая мысль» (отд. «Критика», с. 18). «Не будь в „Современнике“ статьи г. П. А-ва,— писала „Библиотека для чтения“,— мы прочли бы комедию и не обинуясь высказали бы нашему любимому писателю свое задушевное мнение. Но статья г. П. А-ва вынудила нас примерять последнее произведение г. Тургенева к готовой рамке приговора — и мы пришли в недоумение. Точно, в новой комедии или, как выразился сам автор, *повести в драматической форме*, видны несомненные признаки *психического факта*, но — сознаемся в своей близорукости — *юмор*, *поэтический элемент*, а главное — *настоящая глубокая мысль* так тонко разлиты в девяти печатных листах, что для нас решительно неуловимы. В первом пылу непростительного самолюбия мы было обвинили редакцию „Современника“ за то, что она неловко свела на очную ставку умные и заслуженные похвалы прежним рассказам автора с новым его произведением, может быть невыработанным, может быть переработанным...» [1] (*Б-ка Чт*, 1855, № 2, Литературная летопись, с. 44—45).

Рецензент «Отечественных записок» полагал, что новая ко-

---

[1] К последнему слову в журнале было дано примечание: «См. в статье П. А-ва объяснение художнического термина *переработка*. Совр. Янв. 1855 г.» (то есть: «Переработкой называется следствие той усиленной работы, которая придает какой-либо подробности верность математическую, но лишает ее жизненного выражения»). Однако слово *переработка* имеет и другой смысл, на который, возможно, и намекает рецензент «Библиотеки для чтения», в замаскированной форме говоря *о вынужденной переделке комедии*. См. комментарий Ю. Г. Оксмана: *Т*, *Сочинения*, т. IV, с. 216.

медия Тургенева «без сомнения может быть поставлена высоко», но при одном условии: «если вместе с г. П. А-вым будем прежде всего искать в литературном произведении „изображения душевных оттенков, игры бесчисленных волнений человеческого нравственного существа в соприкосновении его с другими людьми“». Так же как и рецензент «Библиотеки для чтения», критик «Отечественных записок» в сущности не соглашался видеть в «психическом факте», переданном художником, «настоящую и глубокую мысль». Комедия, говорилось далее, вероятно, «не приобретет у большинства читателей такой популярности, как многие другие произведения того же автора, потому что интерес ее — чисто психологический; и чтоб оценить по достоинству тонкие в своей верности черты, которыми изображается в ней „игра бесчисленных волнений человеческого нравственного существа“, нужно иметь и собственную наклонность и собственную способность к наблюдению „душевных оттенков“». Передавая сюжет комедии и говоря о характерах ее, критик отмечал, что «действие комедии многосложно, но ясно и незапутанно», что «все характеры развиваются верно и художественно» (*Отеч Зап*, 1855, № 2, отд. IV, с. 120—122).

В 1856 г. Некрасов намеревался издать в двух томах драматические произведения Тургенева. Перед отъездом за границу в августе 1856 г. он поручил Д. Я. Колбасину, руководившему в то время технической стороной некрасовских изданий, «списать вымаранные цензором места и отправить к Тургеневу» (Архив села Карабахи. М., 1916, с. 276—277). Это поручение было Колбасиным выполнено. В письме к Тургеневу, заключавшем купюры, сделанные цензорами в корректурных листах «Месяца в деревне» (см. выше), Колбасин сообщал: «Вот всё, что было пропущено в цензурной корректуре, но это не дает того света комедии, какой был в первоначальном ее виде; рукописи моей я не мог нигде отыскать, но, сколько помнится мне, у Вас в Спасском есть ветхий оригинал, его бы можно отыскать, он хранится в красной шкатулке ⟨имеется в виду черновой автограф 1850 г.⟩. Вспомните и напишите дяде, чтоб поискал. Скоро ли пришлете комедии, надо бы начать печатать с октября месяца, потому что повести в половине октября будут готовы» (*Т и круг Совр*, с. 261). Несмотря на напоминания Некрасова, Тургенев этой работы не выполнил.

Возможно, Тургенев медлил, помня, как холодно был встречен «Месяц в деревне» в 1855 г., а в начале 1857 г.— под влиянием статьи А. В. Дружинина о «Повестях и рассказах», в которой последний писал об «отсутствии драматического элемента в даровании Тургенева», называл драмы Тургенева «весьма неудачными» [1] — и вовсе отказался от мысли напечатать свои комедии.

Вместе с тем продолжали раздаваться голоса о необходимости издания «Театра Тургенева». Об этом писал, правда несколько позднее, М. Лонгинов: «...есть немало людей, которым они ⟨пьесы Тургенева⟩ очень нравятся; и мы уверены, что *Те-*

---

[1] *Б-ка Чт*, 1857, № 2. По поводу этой статьи Тургенев писал А. В. Дружинину 3 (15) марта 1857 г.: «Вы вложили перст в язву — и я сам увидал свою физиономию, как в зеркале...».

атр г. Тургенева будет для них истинным подарком, а потому и желаем, чтоб он был собран и издан». Особое внимание М. Лонгинов уделял комедии «Месяц в деревне» (*РВ*, 1861, № 2, с. 915—916).

В 1867 г. Тургенев приступил к подготовке нового издания своих сочинений, куда должны были также войти «сцены и комедии» и в том числе «Месяц в деревне». В это время уже не существовало цензурных препятствий для публикации неискаженного текста комедии, восходившего к тексту первой редакции. Очевидно, Тургеневу были доступны две рукописи этой первой редакции — черновой автограф, хранившийся в Спасском, и список, находившийся у С. А. Толстой. 14 (26) ноября 1867 г. он просит Анненкова: «Если вы увидите лично графа А. К. Толстого, то напомните ему, что его супруга хотела мне прислать сюда ⟨в Баден-Баден, где жил тогда Тургенев⟩ находящуюся у нее единственную копию с рукописи моей комедии „Месяц в деревне“...». Однако эта копия не была получена Тургеневым, о чем он сообщал Анненкову 13(25) апреля 1868 г.: «А графиня Толстая так-таки и не прислала мне мою рукопись, и за этим придется ехать в деревню», то есть в Спасское, где и находился черновой автограф «Студента». Известно, что в течение полутора недель своего пребывания в Спасском в июне 1868 г. Тургенев усиленно трудился над подготовкой нового собрания сочинений (см. письма к Полине Виардо от 17 и 19 июня 1868 г.). Вполне вероятно, что это был труд главным образом по подготовке нового текста «Месяца в деревне» и что Тургенев предпринял свое путешествие из Бадена в Спасское ради имевшегося в деревне автографа.

В заметке «Вместо предисловия», предпосланной «Сценам и комедиям» в *Т, Соч, 1869*, ч. VII, Тургенев писал, что «Месяц в деревне» «является теперь в первобытном виде». Однако это заявление не совсем точно. Социальная острота конфликта оказалась ослабленной, поскольку в новой редакции не были устранены цензурные купюры и искажения журнального текста, затронувшие в значительной своей части образы двух разночинцев — Беляева и Шпигельского; не были восстановлены и некоторые другие детали текста, обедненного по настоянию цензуры на разных стадиях работы автора над пьесой (см. выше). Причиной этого была никак не перемена в настроениях и взглядах Тургенева, а недостаточная актуальность и острота общественного содержания конфликта и его «моральной» формы в эпоху шестидесятых годов, в условиях резких политических столкновений революционной демократии и идеологов либерализма. Сложные же психологические отношения героев, разрушенные в журнальной редакции, были восстановлены, хотя и без социальной их заостренности. Реконструируя роль Ислаева, Тургенев, однако, не просто возвратился к первой редакции пьесы. По сравнению с черновым автографом, сцены, в которых участвует Ислаев, были значительно сжаты. Их стилистическая правка, как установлено в исследовании Н. М. Кучеровского, «была направлена к тому, чтобы придать диалогам максимальную внутреннюю содержательность, что достигалось за счет подбора таких слов в каждой реплике, которые бы наиболее точно и кратко выявляли основную мысль диалога и психологию действующего

лица»[1]. Эти сцены стали более динамичными, более «театральными».

Из купюр цензурной корректуры «Современника» Тургенев восстановил большую реплику Ракитина: «...всякая любовь ∾ такою дорогою ценою», неоднократно исправлявшуюся уже в рукописи (см. с. 385). Вслед за тем Тургенев возвращает на свое место, с значительными исправлениями, и большую часть реплики Натальи Петровны в первом действии об ее отношениях с Ракитиным, также исключенную, вероятно, по требованию цензуры (ср. с. 302: «Наши отношения так чисты ∾ вот от того-то...»)

Постановка «Месяца в деревне» впервые была осуществлена режиссером А. Богдановым на сцене московского Малого театра 13 января 1872 г. в бенефис Е. Н. Васильевой в связи с 25-летним юбилеем ее сценической деятельности. Роли распределялись следующим образом: Ислаев — И. В. Самарин, Наталья Петровна — Е. Н. Васильева, Верочка — Н. С. Васильева, Анна Семеновна Ислаева — Н. В. Рыкалова, Лизавета Богдановна — С. Н. Акимова, Ракитин — Н. Е. Вильде, Беляев — М. А. Решимов, Большинцов — П. М. Садовский, Шпигельский — С. В. Шумский[2].

Переговоры о постановке пьесы, во время которых возник и вопрос о ее сокращении для сцены, велись уже во время краткого пребывания Тургенева в Москве в марте 1871 г. И хотя писатель, по его же словам, «всячески уговаривал г-жу Васильеву этой комедии не давать — ибо она вещь не сценическая и непременно должна нагнать скуку — я же вовсе не драматический писатель», он всё же дал разрешение на постановку пьесы и необходимые сокращения ее текста для сцены: «Я, нижеподписавшийся, отдал Екатерине Николаевне в полное распоряжение мою пьесу „Месяц в деревне“ для постановки на сцену — и при этом изъявляю мое согласие на все те сокращения, которые окажутся необходимыми. *Иван Тургенев. Москва, 17 марта 1871*»[3].

Однако до постановки он, как это видно из письма к Н. С. Тургеневу от 16 (28) января 1872 г., не знал об окончательном решении Е. Н. Васильевой взять пьесу для своего бенефиса. Узнав об этом из «Московских ведомостей», Тургенев просил брата в том же письме сообщить ему свое мнение о спектакле, повторяя, что «Месяц в деревне» — «вещь не сценическая». Вместо сообщения о своих впечатлениях Н. С. Тургенев послал в Париж вырезки из газет с отзывами о спектакле. Рецензии подтвердили самые худшие опасения и предположения писателя: «...я из них не узнал ничего нового, ибо ничего иного

---

[1] Кучеровский Н. М. Три редакции комедии И. С. Тургенева «Месяц в деревне».— Уч. зап. Калуж. гос. пед. ин-та, 1957, вып. 4, с. 172.

[2] В музее Малого театра сохранилась так называемая монтировка комедии, датированная 5 января 1872 г. (*Театр насл*, с. 314—315).

[3] Плещеев Александр. Что вспомнилось. Актеры и писатели. СПб., 1914. Т. III, с. 257—258.

и не ожидал; моя комедия ⟨...⟩ должна была получить фиаско. Оттого я и бросил (с 1851 года) писать для сцены; это не мое дело. Мне остается только упрекнуть себя — зачем я имел слабость согласиться на просьбы г-жи Васильевой...»

В самом деле, отзывы критики были весьма неблагосклонны. Как отмечалось на страницах «Русских ведомостей», «капитальной пьесой своего бенефиса г-жа Васильева выбрала 5-актную комедию нашего даровитого писателя И. С. Тургенева, и в этом выборе заключается первая ее ошибка. Пьесы г. Тургенева, написанные несомненно прекрасным литературным языком и чрезвычайно художественные и интересные в чтении, очень много теряют при сценическом исполнении. Бенефициантке лучше, нежели кому бы то ни было другому, должна быть известна и понятна та огромная разница, которая существует между произведением чисто беллетристическим и предназначаемым для сцены, а также и тот недостаток сценичности, которым страдают все вообще пьесы Тургенева, за исключением разве только комедии „Провинциалка", где когда-то с таким успехом участвовала та же г-жа Васильева». Сказав о несценичности пьес Тургенева, рецензент очень резко отозвался о плохой игре актеров, которые не сумели воспользоваться важнейшим достоинством комедии — «красотой ее языка». Его удовлетворяли лишь Васильева 2-я (Верочка) и Шумский (Шпигельский). См.: *Рус Вед*, 1872, 18 января, № 13.

Несмотря на неуспех первого представления, пьеса прошла в Малом театре еще четыре раза (17, 18, 19 и 23 января 1872 г.).

Вторично «Месяц в деревне» был поставлен уже в Петербурге, на сцене Александринского театра. 17 января 1879 г., в бенефис М. Г. Савиной. На этот раз роли исполняли: Ислаев — Н. Ф. Сазонов, Наталья Петровна — А. И. Абаринова, Вера — М. Г. Савина, Анна Семеновна Ислаева — Е. А. Сабурова, Лизавета Богдановна — Р. В. Стрельская, Ракитин — А. С. Полонский, Беляев — М. М. Петипа, Большинцов — К. А. Варламов, Шпигельский — П. И. Новиков. Этот спектакль занимает особое место в истории сценического воплощения тургеневских пьес, прежде всего благодаря участию в нем замечательной русской актрисы М. Г. Савиной.

Подыскивая пьесу для своего бенефиса, Савина не сразу остановилась на «Месяце в деревне». В «С.-Петербургских ведомостях» от 9 января 1879, № 9, отмечалось, что сначала Савина выбрала пьесу Дюма «La dame aux camélias»: «... выбор этот был решен, пьеса расписана и роли розданы актерам для разучения. Но вдруг, в силу непонятных соображений, бенефициантка отказалась от исполнения роли Готье и избрала для своего артистического торжества ⟨...⟩ комедию И. С. Тургенева „Месяц в деревне"...».

Выбор Савиной не был, конечно, случайным. Прежде всего, по ее собственным словам, она руководствовалась «именем автора, а роли не придала большого значения» [1]. Однако этому не противоречит другое, позднейшее свидетельство, что роль

---

[1] См.: Шнейдерман И. Мария Гавриловна Савина. 1854—1915. Л.; М.: «Искусство», 1956, с. 115.

Верочки, «хотя и не центральная», ей очень понравилась. Пьеса же, «в том виде, как она напечатана, показалась скучна и длинна; тем не менее, я твердо решила ее поставить. Сазонов тоже указал мне на этот недостаток и посоветовал попросить Крылова, как знатока сцены, урезать ее [1], на что я согласилась под условием разрешения автора» [2]. 10 января Савина обратилась к писателю за таким разрешением. «Вчера вечером,— писал он А. В. Топорову 11(23) января 1879 г.,— пришла ко мне телеграмма от Савиной (актрисы), в которой она меня просит разрешить ей необходимые урезки из моей комедии ⟨...⟩ Не понимаю я, с какой стати ей пришла в голову мысль взять эту невозможную в театральном смысле пьесу!» Савину, как и раньше Васильеву, ожидает, по его мнению, «торжественное фиаско». «Я ей, конечно, ответил,— продолжал Тургенев,— тоже по телеграфу [3], что разрешаю ей какие угодно вырезы и урезы...» Вместе с тем, заключая письмо, Тургенев вновь выразил свое «сожаление и неодобрение».

Давая свое разрешение на «урезку», Тургенев еще не знал, что сокращать пьесу будет В. А. Крылов. 10 января об этом сообщил «Петербургский листок»: «...комедию сокращает для сцены Виктор Александров (???!)» Знаки, стоявшие после имени В. Александрова (Крылова), должны были, вероятно, означать всю несовместимость и несоизмеримость имен Тургенева и автора сценической переделки «Месяца в деревне». 11 января это сообщение «Петербургского листка» было перепечатано «Новым временем», где его прочитал Тургенев. О степени возмущения и раздражения писателя можно судить по резкому тону письма, посланного им в газету «Русская правда» 15(27) января. Вновь повторив, что его комедия «никогда не назначалась для сцены», он писал: «Не знаю, какая участь ожидает мою комедию после операции, совершенной над нею г. Крыловым, но считаю нужным заявить перед публикой, посредством вашей газеты, что я отклоняю от себя всякую дальнейшую ответственность по этому делу, которое, каков бы ни был результат, до меня не касается».

Однако уже на первом представлении (17 января) комедия имела большой успех. Почти все петербургские газеты посвятили разбору этого спектакля статьи своих театральных обозревателей, назвав его «действительным праздником для всех лю-

---

[1] В сокращении пьесы принимали участие и сами актеры — прежде всего Савина, как записал с ее слов Александр Плещеев (Что вспомнилось. Актеры и писатели. СПб., 1914. Т. III, с. 257).

[2] *Т и Савина*, с. 63. А. И. Вольф ошибочно полагал, что автор находился в это время в Петербурге и что бенефициантка приготовила роль под его руководством (*Вольф*, *Хроника*, ч. III, с. 67). По воспоминаниям Савиной, до 9 марта 1879 г. (день первой встречи писателя и артистки) Тургенев не знал, или, может быть, забыл, кого играет Савина в его пьесе, он «почему-то думал, что я играю Наталью Петровну, то есть первую роль, и совсем забыл о Верочке» (*Т и Савина*, с. 64).

[3] «Согласен, но сожалею, так как пьеса написана не для сцены и не достойна вашего таланта».

бящих дело русского театра» (Петербургский листок, 1879, 18 января, № 13).

Отзывы обычно содержали оценку «Месяца в деревне» как литературного и драматического произведения и разбор игры актеров, который позволяет в известной степени восстановить особенности сценического воплощения комедии.

Общественное содержание пьесы не привлекло внимания рецензентов, за исключением А. С. Суворина, который увидел в персонажах «Месяца в деревне» предшественников героев «Отцов и детей» [1], да рецензента «Биржевых ведомостей», который назвал содержание комедии «устарелым».

Как драматическое произведение пьеса всеми газетами была названа «скучной», или даже «скучнейшей», и несценичной, хотя в то же время признавались ее высокие литературные достоинства. «„Месяц в деревне“ нельзя даже назвать комедией — это просто диалогированная повесть; отсутствие драматической жилки бросается здесь в глаза на каждом шагу, так же как и блестящие достоинства романиста-художника» (Биржевые ведомости, 1879, 19 января, № 18). «Все пять актов ⟨...⟩ зритель обязан слушать разговоры двух персонажей, беспрестанно меняющихся: поговорят, поговорят и уйдут, а на смену им является новая пара, через несколько минут уступающая свое место другой паре, и так все пять актов» (Голос, 1879, 19 января, № 19). В то же время отмечалось, что своеобразие комедии Тургенева потребовало от актеров новых приемов игры. «Здесь всё зависит от актера. Не доиграй актер или переиграй — пиши пропало. Воплотить в себе и разрешить сложную психологическую задачу — вот что задает И. С. Тургенев нашей современной драматической труппе ⟨...⟩ Страшно за актеров, которые вдруг окажутся вполне бессильными совладать со сложной пси-

---

[1] Герои Тургенева не вызывают симпатий Суворина, он нарочито упрощает их характеры, чувства и побуждения: «Вот барыня, скучающая и млеющая, влюбляющаяся то платонически, то совсем не платонически и в течение пяти актов болтающая о прелестях любви и ставящая перед собою вопрос: изменить мужу или не изменить? Вот Ракитин, один из тех господ, которые „волочатся за природой, как раздушенный маркиз на красных каблучках за хорошенькой крестьяночкой“, и которые волочатся и за женщинами подобным же образом, постоянно раздражаясь и раздражая их и утопая во фразах, созерцании и борьбе с самим собою и с долгом. Вот студент Беляев, скромный, застенчивый, в которого все влюбляются, но он *не смеет* любить, хотя любит. Беляева сменил потом Базаров; он переродился скорей, чем женщины, и заговорил о теле прежде всего. Перед Беляевым было много тела, но он бежит от него, а у тела не хватало решимости бежать за крепким и сильным юношей. Легко было бы провести параллель и между Натальей Петровной „Месяца в деревне“ и Одинцовой „Отцов и детей“: это в сущности одно и то же лицо, но для Одинцовой недоставало Беляева, а Базаров был бы слишком груб и реален и для Натальи Петровны» (Новое время, 1879, 19 января, № 1039, подпись: Незнакомец).

хологической задачей» (Петербургский листок, 1879, 18 января, № 13, рецензия редактора газеты, драматурга и романиста А. А. Соколова за подписью «Театральный нигилист»). «Это замечательно тонкий психологический этюд, требующий от актеров большого художественного чутья и известного художественного уровня» (Биржевые ведомости, 1879, 19 января, № 19). Необходимость выполнения новых задач благотворно сказалась и на самих актерах. Об этом писал, например, А. С. Суворин: «Все актеры играли положительно хорошо, так хорошо, что невольно возникал вопрос: точно ли александринская труппа так плоха, как об этом вообще думают?» (Новое время, 1879, 19 января, № 1039).

На представлении 15 марта 1879 г. присутствовал Тургенев, приехавший в начале февраля 1879 г. в Россию. Об этом вечере сохранились воспоминания участников спектакля — М. Г. Савиной и К. А. Варламова. «С каким замиранием сердца я ждала вечера и как играла — описать не умею,— вспоминала Савина,— это был один из счастливейших, если не самый счастливый спектакль в моей жизни. Я священнодействовала... Мне совершенно ясно представлялось, что Верочка и я одно лицо... Что делалось в публике — невообразимо! ⟨...⟩ После третьего действия (знаменитая сцена Верочки с Натальей Петровной) Иван Сергеевич пришел ко мне в уборную, с широко открытыми глазами подошел ко мне, взял меня за обе руки, подвел к газовому рожку, пристально, как будто в первый раз видя меня, стал рассматривать мое лицо и сказал: — Верочка... Неужели эту Верочку я написал?!.. Я даже не обращал на нее внимания, когда писал... Всё дело в Наталье Петровне... Вы живая Верочка... Какой у вас большой талант! ⟨...⟩ К концу спектакля овации приняли бурный характер, и когда автор, устав раскланиваться, уехал из театра, исполнителей вызывали без конца» [1].

Об этом же спектакле рассказал в 1903 г., при возобновлении «Месяца в деревне» в Александринском театре, К. А. Варламов, передавший слова Тургенева об исполнении артистом роли Большинцова: «Я никак не ожидал, не мечтал ⟨...⟩ чтобы из Большинцова можно было сделать так много. Если бы я мог представить себе, до какой степени простирается искусство актера, то наверно обратил бы больше внимания на эту роль и дал бы вам больше материала». Варламов воспроизвел и общую атмосферу спектакля, сопровождавшегося «бесконечными овациями по адресу Тургенева, в особенности со стороны учащейся молодежи, которая буквально неистовствовала, заставляла Ивана Сергеевича несчетное число раз подходить к барьеру ложи и раскланиваться. Но это был успех Тургенева, а не пьесы» (Бирюч петрогр. гос. театров, № 2, 9—15 ноября 1918 г., с. 40—42).

Последние слова Варламова не совсем справедливы, так как пьеса пользовалась успехом и до приезда Тургенева в Россию в 1879 г. Однако овации 15 марта были, конечно, и проявлением отношения к Тургеневу в эту пору широких кругов передовой русской общественности.

---

[1] *Т и Савина*, с. 65—66. Ср.: Голос, 1879, 17 марта, № 76.

При жизни Тургенева «Месяц в деревне» был возобновлен в начале 1881 г. в московском Малом театре в бенефис Г. Н. Федотовой [1].

Третье обращение Малого театра к «Месяцу в деревне» (25 января 1900) было более успешным, чем два предыдущих, прежде всего благодаря исполнению роли Натальи Петровны великой русской актрисой М. Н. Ермоловой [2]. М. Н. Ермолова писала об этом спектакле: «Я довольна бенефисом. Настроение в театре было хорошее, радостное. Тургенев сделал свое дело ⟨...⟩ Публика невольно заслушивается этой прелестной музыкой разговора и тонких ощущений» [3]. В спектакле участвовали и другие выдающиеся актеры Малого театра: А. И. Сумбатов-Южин (Ракитин), И. А. Рыжов (Беляев), Е. Н. Музиль (Верочка), Г. Н. Федотова (Ислаева), К. Н. Рыбаков (Ислаев), А. Н. Ленский (Шпигельский), О. О. Садовская (Лизавета Богдановна).

В Александринском театре «Месяц в деревне» шел 27 сентября 1883 г., в день похорон Тургенева [4], после чего пьеса неоднократно возобновлялась на той же сцене [5], причем при возобновлении спектакля в 1903 году М. Г. Савина исполняла уже роль Натальи Петровны [6].

Особую страницу в историю интерпретации тургеневских пьес вписал своей постановкой «Месяца в деревне» в 1909 г. Московский Художественный театр.

Еще в 1899 г. Вл. И. Немирович-Данченко делился с П. Д. Боборыкиным своими планами поставить тургеневскую комедию так, «чтоб от нее веяло ароматом тургеневского таланта и *его* колоритом, чтобы вся пьеса дышала его мягким, деликатным анализом душевного брожения Натальи Петровны, Ракитина и т. д. и чтобы эти Натальи Петровны, Ракитины и другие были плотью от плоти и кровью от крови *своей* эпохи, со всем складом их внешней и духовной жизни» [7]. С несколько иных позиций подошел к постановке «Месяца в деревне» К. С. Станиславский, которого

---

[1] Этот спектакль не имел успеха. См.: Боборыкин П. Московские театры.— *Рус Вед*, 1881, 18 февраля, № 49; Драматический театр.— Русский курьер, 1881, 6 марта, № 63.

[2] Анализ этой постановки см. в кн.: Зограф Н. Г. Малый театр в конце XIX — начале XX века. М.: «Наука», 1966, с. 229—232.

[3] Мария Николаевна Ермолова. Письма. Из литературного наследия. Воспоминания современников. М.: «Искусство», 1955, с. 170.

[4] Об этом спектакле см.: М. Савина и А. Кони. Переписка. 1883—1915. Л.; М., 1938, с. 30.

[5] Ежегодник императорских театров. Сезон 1890—1891 г., с. 29; то же, сезон 1903—1904 г., ч. 2, с. 14; *Т и Савина*, с. 107; Бирюч петрогр. гос. театров, № 2, 9—15 ноября 1918 г., с. 40.

[6] См. об этом исполнении: Вульф Павла. В старом и новом театре. М., 1962, с. 123—124; Бруштейн Александра. Страницы прошлого. М., «Советский писатель», 1956, с. 186—192.

[7] Немирович-Данченко Вл. И. Театральное наследие. М., 1954. Т. 2, с. 156.

в первую очередь занимало не исторически-конкретное воспроизведение быта и психологии обитателей «дворянского гнезда», а возможность использования тургеневской драматургии для выработки новых способов раскрытия человеческих чувств, их оттенков и переходов — способов, отличных от привычных театральных приемов.

«Спектакль и, в частности, я сам в роли Ракитина имели очень большой успех,— писал Станиславский в книге „Моя жизнь в искусстве".— Впервые были замечены и оценены результаты моей долгой лабораторной работы, которая помогла мне принести на сцену новый, необычный тон и манеру игры, отличавшие меня от других артистов. Я был счастлив и удовлетворен не столько личным актерским успехом, сколько признанием моего нового метода» [1].

В осуществлении задачи, поставленной в этом спектакле Станиславским, замечательным помощником великого режиссера стал художник М. В. Добужинский. По словам режиссера Художественного театра Б. М. Сушкевича, «вместо обширных строенных комнат, которые бывали до тех пор, все комнаты „Месяца в деревне" были решены не далее второго плана симметричным расположением мебели. Даже декорация сада была дана одной скамейкой и одним большим строенным деревом на фоне замечательно нарисованного задника. Декорации помогли воспринять новую форму спектакля»[2].

Обстоятельный разбор этой постановки дан в книге Л. П. Гроссмана «Театр Тургенева» (1924), в разделе «Фиксация тургеневского спектакля „Месяц в деревне" в Художественном театре». Об откликах печати на этот спектакль см. в издании: Московский Художественный театр. 1898—1938. Библиография. Сост. А. А. Аганбекян. М.; Л.: ВТО, 1939.

После Великой Октябрьской социалистической революции «Месяц в деревне» ставился много реже других тургеневских пьес. Первые значительные новые постановки этой комедии в столичных и периферийных театрах относятся к периоду 1943—1946 гг. Библиографические данные об этих спектаклях см. в книге Г. П. Бердникова «Тургенев и театр», М., 1953, с. 604—605.

В специальной литературе о Тургеневе «Месяц в деревне» долгое время или вовсе не упоминался или учитывался лишь попутно в общих кратких обзорах драматургического наследия Тургенева, с неизбежными оговорками о «растянутости» пьесы, о наивности «тонких чувств» ее персонажей и их «романических

---

[1] Станиславский К. С. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1954. Т. 1, с. 297—306 и 326—332. О работе Станиславского над «Месяцем в деревне» см. воспоминания Б. М. Сушкевича и О. Л. Книппер-Чеховой (О Станиславском. Сборник воспоминаний. М.: ВТО, 1948, с. 264—265 и 380—381).

[2] Сб. «О Станиславском». М.: ВТО, 1948, с. 380—381. См. также следующее издание: «Месяц в деревне». Комедия в 5-ти действиях И. С. Тургенева. В постановке Московского Художественного театра. 12 картин, снятых с натуры непосредственно на сцене фотографом императорских театров К. А. Фишер. Художественная фототипия К. А. Фишер. 1910.

отношений во вкусе 40-х годов», искупаемых, правда, «прекрасным языком комедии, мастерством психологического анализа, благородной простотой сюжета и его естественным развитием», без «банальных эффектов» (Литературная деятельность Тургенева. Критический этюд В. Буренина. СПб., 1884, с. 251—253).

Раздавались голоса о несамобытности и устарелости как театра Тургенева вообще, так и комедии «Месяц в деревне» в особенности. Очень четко эта мысль была выражена в 1878 году, еще при жизни Тургенева, П. Д. Боборыкиным, писавшим в статье «Островский и его сверстники»: «Та ⟨...⟩ сложная психологическая задача, которую Тургенев хотел вложить в свою комедию „Месяц в деревне“, не только для современного зрителя, но и для читателя вряд ли представляет живой, затрогивающий интерес. Эти задачи или, лучше сказать, задачки уже погребены и в повествовательной беллетристике. Они, к счастью, скрылись вместе с праздностью барской жизни, с разными искусственными и пустыми тонкостями, которые теперь уже не играют никакой выдающейся роли ни в душевной жизни образованных людей, ни в мотивах литературы». В общем, подытоживал свои рассуждения Боборыкин, «театр Тургенева представляет собою только доказательство того, как этот своеобразный русский талант в начале своего поприща подчинялся различным влияниям, начиная с традиций узковатой натуральной школы и кончая произведениями французской беллетристики» [1]. Одностороннее и «узковатое» мнение Боборыкина было опровергнуто всей последующей судьбой театрального наследия Тургенева.

Особое место в литературе этой поры о «Месяце в деревне» занимает тонкий критический разбор тематики, фабулы и образов этой пьесы, данный в очерке Евг. Цабеля «Iwan Turgenew als Dramatiker» в 1885 г. Интерпретируя «Месяц в деревне» как «венец тургеневской драматургии», Е. Цабель высоко оценил не только мастерство построения пьесы, жизненность ее персонажей, глубину психологического анализа их характеров и поступков, но и своеобразие драматургической техники Тургенева, значение его пьесы как нового слова в европейской драматургии [2].

Наблюдения и обобщения Е. Цабеля были развиты в специальных статьях о драматургии Тургенева, принадлежащих П. О. Морозову (Ежегодник императорских театров, т. XIV. Сезон 1903—1904 г.) и Н. А. Котляревскому (сб. Старинные портреты, СПб., 1907).

---

[1] Слово, 1878, № 9, с. 131, 137 (второй пагинации).

[2] *Zabel*, 168—170. В этой статье Цабель сближал в некоторых деталях «Месяц в деревне» с драмой Скриба «Борьба женщин» — с тем, чтобы показать все преимущества Тургенева, как подлинного мастера реалистической драматургии, в сравнении с «ловким фокусником», разрабатывавшим ту же фабулу. Реферируя в 1903 г. статью Цабеля, П. О. Морозов в своем обзоре драматургии Тургенева убедительно показал отсутствие каких бы то ни было оснований для сближения «Месяца в деревне» с пьесой Скриба (Ежегодник императорских театров. Сезон 1903—1904 г., с. 39—40).

В советской литературе о «Месяце в деревне» особенно значима глава об этой комедии в книге Л. П. Гроссмана «Театр Тургенева» (Пг., 1924). Впервые сводка материалов по истории создания «Месяца в деревне» была дана в комментариях Ю. Г. Оксмана: *Т*, *Сочинения*, т. IV, с. 213—219. Некоторые специальные вопросы, связанные с историей написания «Месяца в деревне», были освещены в статьях И. Р. Эйгеса «Пьеса „Месяц в деревне" И. С. Тургенева» (*Лит учеба*, 1938, № 12, с. 56—78) и Н. М. Кучеровского «Три редакции комедии И. С. Тургенева „Месяц в деревне"» (Уч. зап. Калуж. гос. пед. ин-та, 1958. Вып. 4, с. 165—181).

Как «наиболее значительное драматургическое произведение Тургенева», не только органически связанное с общественно-исторической обстановкой и всем творчеством Тургенева сороковых годов, но и «наиболее отчетливо намечавшее пути к последующим произведениям писателя», к романам и повестям пятидесятых и шестидесятых годов, «Месяц в деревне» характеризуется в очерке Г. П. Бердникова «Иван Сергеевич Тургенев» (М.; Л., 1951, с. 47—62 и 135—142).

Стр. 287. *«Монте-Кристо»* — роман Александра Дюма-отца «Comte de Monte-Cristo» (1844—1845).

Стр. 299. *Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faulen Leute.* — Первые строки стихотворения Христиана Феликса Вейсе (1726—1804), ставшие пословицей. Стихотворение впервые было напечатано в сб. «Lieder für Kinder» (1766).

Стр. 302. *Ведь я, как Татьяна, тоже могу сказать: «К чему лукавить?»* — Слова Татьяны в романе Пушкина «Евгений Онегин», глава восьмая, строфа XLVII.

Стр. 305. ... *он называл меня* <...> *своей Антигоной...* — Антигона — легендарная древнегреческая героиня, дочь Эдипа и его матери Иокасты, последовавшая за слепым отцом в изгнание. Миф об Антигоне лег в основу трагедий Софокла «Эдип в Колоне» и «Антигона».

Стр. 322. *Теплый человек их пишет...* — Беляев имеет в виду литературно-критические статьи и рецензии Белинского.

Стр. 323. *Я перевел роман Поль де Кока «Монфермельскую молочницу»* <...> *но я ни слова не знаю по-французски.* — Тургенев воспользовался для характеристики Беляева эпизодом из биографии Белинского, который, находясь после исключения из университета в большой нужде, принял заказ на перевод только что выпущенного в свет романа Поль де Кока «Магдалина». Перевод этот, опубликованный в 1833 г., изобиловал ошибками, так как Белинский в ту пору еще плохо владел французским языком. В передаче Тургенева, заменившего в своей пьесе «Магдалину» Поль де Кока его же «Монфермельской молочницей» («La Laitière de Montfermeil»), этот эпизод в течение многих лет бытовал во всех биографиях Белинского. См.: Оксман Ю. Г. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958, с. 562.

Стр. 325. *Souvent femme varie...* — Начальные слова песенки короля Франциска I, использованные В. Гюго в его драме «Король забавляется» («Le roi s'amuse», 1832, акт IV, сцена II). В романе Дюма «Граф Монте-Кристо», который читает Ракитин,

цитируется эта же сентенция (т. II, гл. 28: «Souvent femme varie,— a dit, François I-er»).

Стр. 325. *Ба, ба, ба... какими судьбами?* — Цитата из «Мертвых душ» Гоголя (гл. IV, встреча Чичикова с Ноздревым).

Стр. 334. *...невинная душа, прямо из златого века Астреи...*— Астрея по древнегреческой мифологии — богиня справедливости Дике, дочь Зевса и Фемиды.

Стр. 335. *...уездный Талейран...*— Имя французского дипломата Шарля-Мориса Талейрана (1754—1838), сумевшего сохранить свое влиятельное положение в государственном аппарате при всех сменах правительств, на некоторое время стало нарицательным именем любого беспринципного дельца, умело использующего в своих интересах самую сложную общественно-бытовую обстановку.

Стр. 353. ... *я жажду свободы и покоя.*— Перефразировка строки стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» (1841): «Я ищу свободы и покоя».

Стр. 364. *«Жил-был у бабушки серенький козлик».*— Русский первоисточник этой песенки не установлен. Ее польский текст («Była Babusia // Domu Bogatego / Miała Koziołka // Barzą rogatego» и пр.), бытующий и в современном польском фольклоре, известен в записи начала XVIII столетия. См.: Перетц В. Н. Заметки и материалы для истории песни в России.— Изв. Отд. русского языка и словесности Академии наук, СПб., 1901. Т. 6, кн. 2, с. 62 и 64.

ПРОВИНЦИАЛКА

Комедия в одном действии

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Отеч Зап, 1851, № 1, отд. 1, с. 1—38.

Отеч Зап, 1851, № 2, в конце тома, без пагинации.— Список опечаток и поправок к тексту «Провинциалки», опубликованному в «Отечественных записках».— Перепечатано в статье Т. П. Головановой «История одного текста» (Изв. ОЛЯ АН СССР, 1957, т. XVI, вып. 4, с. 361—362).

Писарская копия с недошедшего до нас авторского оригинала пьесы, на 58 листах, в переплете, представленная в Дирекцию императорских театров 1 декабря 1850 г. Входящий номер — 904. На заглавном листе резолюция старшего театрального цензора: «Одобряется для представления. С.-Петербург, 4-го декабря 1850. Действ⟨ительный⟩ ст⟨атский⟩ советник Гедерштерн». В тексте содержится одна цензурная поправка красными чернилами: в начале 3-го явления, в первой реплике Ступендьева «подлые портные» исправлено на «нехорошие портные»; много режиссерских пометок и сокращений. Рукопись хранится в Государственной театральной библиотеке им. А. В. Луначарского в Ленинграде. Инв. № 5617, IX. 3. 36. Краткое описание ее см. в статье: *Пыпин*, *Списки пьес Т*, с. 212—213.

Копия с этого текста, с отметками на обложке: «В Москву. Для бенефиса г. Щепкина. 1 ч. 15 мин.» и «С цензурованным верно. 1850. Декабря 18», хранится в Специальной библиотеке Государственного академического Малого театра в Москве. Инв. № 3374.

Писарская копия на 58 листах, в переплете. На заглавном листе пометы чернилами: «С.-Петербург, 1850 г.». Текст рукописи полностью совпадает с текстом копии, представленной в цензуру (см. выше), но содержит позднейшие поправки, сделанные на основании списка опечаток и поправок (*Отеч Зап*, 1851, № 2), а также режиссерские пометы и сокращения. Рукопись хранится в Специальной библиотеке Государственного академического Малого театра в Москве. Инв. № 3373.

Для легкого чтения, т. VI, СПб., 1857, с. 163—222.

Таблица исправлений и дополнений, сделанных рукою Тургенева в 1868 г. при просмотре текста *Отеч Зап* для издания «Сцен и комедий» 1869 г. Всего 54 поправки. Беловой автограф (*ГИМ*, фонд И. Е. Забелина, № 440, л. 170—171).

Т, *Соч*, *1869*, ч. VII, с. 531—587.

Т, *Соч*, *1880*, т. 10, с. 530—587.

Впервые опубликовано: *Отеч Зап*, 1851, № 1, отд. I, с. 1—38, с подписью: Ив. Тургенев.

В следующем номере *Отеч Зап*, в самом конце тома, без пагинации, напечатано было письмо Тургенева к А. А. Краевскому, как редактору журнала, с перечнем необходимых поправок в тексте комедии «Провинциалка», вызванных, во-первых, многочисленными опечатками, а во вторых, тем, что по вине переписчика ошибочно опубликована была не та редакция текста, которая предназначалась автором для печати (см. об этом ниже). Несмотря на публикацию этого письма, ни одна из указанных в нем поправок не была учтена ни в 1857 г. при перепечатке пьесы в шестом томе издания Н. А. Некрасова «Для легкого чтения», ни при выпуске в свет Ф. Стелловским ее отдельного издания в 1860 г. Исправления, на необходимость которых указал Тургенев в 1851 г., частично были им учтены при новом обращении его к журнальному тексту «Провинциалки» в процессе подготовки в 1868 г. первого собрания его «сцен и комедий» (см. с. 665). Текст «Провинциалки», установленный в *Т*, *Соч*, *1869*, перепечатывался без существенных перемен во всех последующих изданиях сочинений Тургенева. Автограф «Провинциалки» не сохранился.

В настоящем издании комедия «Провинциалка» печатается по последнему авторизованному тексту (*Т*, *Соч*, *1880*, т. 10), с исправлением пяти буквенных и пунктуационных опечаток, указанных самим Тургеневым в первом томе этого издания, а также тридцати семи явных дефектов текста, не замеченных самим писателем при спешной вычитке издания 1880 г. (см. письма издателям Ф. И. Анскому и В. В. Думнову от октября-ноября 1879 г., а также письмо П. В. Анненкову от 13 (25) ноября 1879). Исправления по смыслу, подтверждаемые изданием 1869 г. и подготовительными материалами к нему (см. выше), произведены на страницах: 402 (восстановлено «и» в ремарке «Те же и Ступендьев»); 408 (ремарка «оглядываясь» исправлена на «вглядываясь»); 410 (слова «давно вы видались» исправлены на: «давно вы не видались»); 411 (ремарка «Помолчав» дается в скобках); 421 (слова: «Но, к сожалению, фортепиано мое очень плохо; зато по крайней мере верно. Оно дребезжит, но от него» исправлены на: «Но, к сожалению, фортепиана мои очень плохи; зато по крайней мере верны. Они дребезжат, но от них»); 423 (реплика: «И он не поморщился, когда я ему сказала, что ему было тогда двадцать восемь лет вместо тридцати девяти» исправлена на: «А он и не поморщился, когда я ему сказала, что ему было тогда двадцать восемь лет вместо тридцати семи»); 431 (в явлении двадцать первом восстановлена ремарка: «Ступендьев один» — *Отеч Зап*, 1851, № 1); 432 («обещал — и наконец» исправлено на: «обещал и конец»); 438 («сколько мог заметить» исправлено на «сколько я мог заметить»). Выправлены искаженные собственные имена и иноязычные слова.

На основании письма Тургенева к А. А. Краевскому, опубликованного в *Отеч Зап*, 1851, № 2, о неисправностях в журнальной публикации комедии «Провинциалка», частично сохранившихся и в последующих изданиях, в текст вводятся исправления на страницах: 403 — «бечевках» вместо «канате»; «Любин... Граф Любин» вместо «Граф Любин»; 412 — «Ожиданье меня замучит» вместо «Ожиданья меня замучат», «(Умолкает)» вместо «(Улыбается)»; 419 — «навязчивыми» вместо «невежливыми»,

«восклицание» вместо «выражение»; 420 — «Ведь мы часто будем видеться, не правда ли?» из начала реплики Любина перенесено в конец предшествующей реплики Дарьи Ивановны, «так же молод, как тогда» вместо «aussi jeune qu'alors», «блестящим офицером» вместо «блестящим молодым офицером»; 421 — «Вы очень хорошо на фортепианах играли» вместо «Вы, помните, сами очень мило пели, очень хорошо на фортепианах играли»; 422—«романс из моей оперы для тенора» вместо «дуэтино из моей оперы для тенора и сопрано» (по *Отеч Зап*, 1851, № 2 и списку исправлений 1868 г.); «без всякой претензии» вместо «sans aucune prétention»; «романсом» вместо «дуэтино» (по *Отеч Зап*, 1851, № 2 и списку исправлений 1868 г.); «ваш романс» вместо «ваше дуэтино» (по *Отеч Зап*. 1851, № 2 и списку исправлений 1868 г.); 423 — «романсом» вместо «дуэтино, как вы говорите»; 424 — «романсом», «романс» вместо «дуэтино» (4 раза); 429 — «решилась» вместо «постараюсь»; 432 — «слишком» вместо «очень»; 433 — «вон» вместо «вот»; 437 — «мужу знаки» вместо «знаки»; 439 — «уважаю ум всегда» вместо «уважаю всегда прекрасный пол».

Время работы Тургенева над «Провинциалкой» определяется прежде всего письмами, относящимися к октябрю-ноябрю 1850 г. Самое раннее из них, сохранившееся в черновике, относится к середине октября 1850 г. и написано в Петербурге: «Я имел не раз удов⟨ольствие⟩ видеть Вас на театре,— писал Тургенев Н. В. Самойловой,— и был бы очень рад написать для Вас и Вашего брата одноактную комедию, которой план уже составлен мною и даже первые сцены написаны. Смею надеяться, что Вы бы не отказались от Вашей роли; но, будучи в неизв⟨естности⟩ от⟨носительно⟩ ⟨?⟩ дня Вашего бенефиса, не могу приняться за работу, сов⟨ершенно⟩ ⟨?⟩ не зная, успею ли ее окончить. И потому прошу Вас, если Вы согласны на мое предложение — уведомить меня, когда именно будет В⟨аш⟩ бенеф⟨ис⟩, и позвольте мне увидеться с Вами и с В⟨ашим⟩ б⟨ратом⟩, с которым познакомил меня г. Панаев ⟨?⟩, для сообщения и обсуждения плана» [1].

К этому времени относится сохранившийся в той же рукописи Тургенева черновой перечень действующих лиц задуманной комедии, с указанием имен будущих исполнителей основных ролей: Стушевский (в окончательной редакции — Ступендьев) — Мартынов, Дарья Михайловна Стушевская (Ступендьева) — Самойлова, Владимир Николаевич Любавин (граф Любин) — Самойлов, Миша — Марков⟨ецкий?⟩.

Письмом от 30 октября 1850 г. Тургенев известил Полину Виардо о начатой им новой комедии, предназначенной «для талантливой актрисы Самойловой», а 8 ноября писал ей же, что пьеса эта должна быть закончена «через неделю» и что ему в связи с этим «придется усиленно работать». Тургенев был настолько увлечен своим новым замыслом, что отложил до окончания пьесы поездку в Москву (см. письмо его об этом от 3 ноября к

---

[1] Письмо это, дошедшее до нас только в черновике, сохранившемся на обороте листа, занятого вставкой к рассказу «Свидание», впервые было опубликовано М. К. Клеманом вместе с планом «Провинциалки» (Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1941, вып. 11, с. 118—119).

Н. М. Щепкину). 11 ноября 1850 г., как свидетельствует дневник режиссера Александринского театра Н. И. Куликова, Тургенев прочел свою новую комедию «на вечере у Краевского» (Библиотека театра и искусства, 1913, кн. III, с. 26).

Выехав 16 (28) ноября 1850 г. в Москву, Тургенев захватил с собою рукопись «Провинциалки», а две копии ее оставил в Петербурге — одну в редакции «Отечественных записок», а другую — в театральной цензуре.

4 декабря 1850 г. «Провинциалка» была допущена к постановке на сцене, а 5 декабря Тургенев писал П. Виардо о том, что свою новую пьесу он уже прочитал в Москве М. С. Щепкину, графине Е. В. Салиас и некоторым великосветским любителям драматического искусства, собравшимся у графини С. М. Соллогуб.

Читки пьесы проходили с неизменным успехом, а 1 (13) января 1851 г. состоялось первое представление «Провинциалки» на домашней сцене у С. М. Соллогуб. Сам Тургенев уклонился от присутствия на этой премьере, но через два дня охотно согласился посмотреть второе представление своей пьесы. «Моя комедия,— писал он 3 января П. Виардо,— имела, говорят, третьего дня очень большой успех; ее повторяют сегодня, и я получил настойчивое приглашение присутствовать. На этот раз я пойду: я не хочу иметь вид человека, который много *о себе воображает*». Своими впечатлениями от этого спектакля Тургенев поделился с нею же в письме от 5 января: «Да, в самом деле, я имел третьего дня очень большой успех. Актеры были отвратительны, особенно героиня (княгиня Черкасская), что, однако, не помешало ни публике аплодировать до чрезвычайности, ни мне пойти за кулисы благодарить их весьма горячо. Тем не менее я был доволен, что побывал на этом представлении. Мне кажется, пьеса моя будет иметь успех на театральной сцене, раз она понравилась несмотря на то, что ее изуродовали *дилетанты*. (Ее дают в Петербурге 20-го, здесь — 18-го.) Я получил много лестных комплиментов, приветствий и пр. и пр. А ведь это забавно — видеть свою вещь на сцене» [1].

В первых числах января появилась в Москве и первая книжка «Отечественных записок», в которой была опубликована новая комедия Тургенева. Занятый предстоящей постановкой «Провинциалки» в Петербурге и в Москве, Тургенев очень бурно реагировал на многие ошибки, вкравшиеся в печатный текст его комедии.

«Бывши вынужден, по домашним обстоятельствам, неожиданно скоро уехать из Петербурга,— заявлял Тургенев в открытом письме на имя А. А. Краевского, опубликованном, по его настоянию, во второй книге „Отечественных записок“, — я не успел переписать „Провинциалку“ и поручил это дело писцу, который, несмотря на все свое старание, не мог не наделать множества ошибок, из которых самая неприятная та, что он заставляет графа *петь дуэт* с г-жею Ступендьевой. Эта варианта была точно выставлена мною на полях на случай, если б театральные

---

[1] Письма от 3 и 5 января 1851 г. цитируются в переводе с французского по изданию: *Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 389—391.

условия потребовали дуэта; но я очень хорошо знал, что это неправдоподобно: можно предположить, что женщина, живя долго в глуши, не забыла играть на фортепьяно, но почти невозможно думать, чтоб она могла петь à livre ouvert. Переписчик мой сделал эту ошибку, болезнь помешала мне вернуться ко времени выхода первой книжки „Отечественных записок" — и теперь мне остается попросить извиненья у вас и у читателей в моей нераспорядительности». Подчеркивая, что он как автор исполняет свой долг перед читателями, Тургенев приводил далее список, содержавший около 60 поправок к тексту «Провинциалки» — поправок, которые по скромному определению писателя — «не совсем будут бесполезны для тех, которым бы вздумалось разыграть „Провинциалку" на домашнем театре».

Приведенное письмо важно не только тем, что содержит данные о первоначальном тексте произведения, автограф которого до нас не дошел. Оно свидетельствует и о творческих принципах писателя. Настойчивое желание Тургенева исправить текст «Провинциалки» объясняется не столько наличием опечаток, сколько — и прежде всего — тем, что в печать пошел не тот вариант комедии, который предназначался для опубликования. Как сообщается в письме, на полях рукописи «Провинциалки» автор набросал вариант текста, возникший в силу конкретных театральных условий — в данном случае с учетом вокальных данных артистки Н. В. Самойловой, для бенефиса которой Тургенев писал свою комедию. Обладая очень хорошим голосом, Н. В. Самойлова охотно вводила в свои роли музыкальные номера [1], Тургенев рассчитывал на то, что «дуэтино» в девятнадцатом явлении «Провинциалки» будет исполнено Н. В. Самойловой и ее братом, для которого писалась роль графа Любина. В связи с этим в ту же сцену, в которой исполнялось «дуэтино», дополнительно введены были автором и несколько реплик, рассчитанных на особый эффект пения бенефициантки: «Брависсимо, брависсимо! Quelle musicienne! Quelle musicienne!» и «Что за голос! Какая манера!»

Однако на бенефисе 22 января 1851 г. в Петербурге роль «Провинциалки» поручена была не Н. В. Самойловой, а ее сестре Вере Васильевне, тоже очень талантливой актрисе, но не обладавшей вокальными данными. Поэтому дуэт был заменен в пьесе сольным пением графа Любина. В такой редакции «Провинциалка» исполнялась и в Петербурге и в Москве, но в первопечатном тексте комедии были произвольно объединены оба варианта девятнадцатой сцены с противоречащими одна другой ремарками: «Они поют сентиментальный дуэт в итальянском роде» и «Граф поет сентиментальный романс в итальянском вкусе с бесконечными украшениями». Наряду с этой — «самой неприятной» — по определению Тургенева, ошибкой, отразившей наличие двух редакций текста комедии, переписчик допустил целый ряд и других искажений рукописи. Некоторые слова были неправильно прочтены, некоторые реплики перепутаны местами. (О списке исправлений в *Отеч Зап*, 1851, № 2, см. подробнее: Изв. ОЛЯ АН СССР, 1957, т. XVI, вып. 4, с. 361—362).

---

[1] Крылов В. А. Сестры Самойловы.— *ИВ*, 1898, № 1, с. 136—147.

Но и после публикации поправок, имеющих весьма серьезный смысловой и стилистический характер, полностью они не были учтены при последующих изданиях текста «Провинциалки».

В 1868 году, когда Тургенев готовил к печати первое собрание «Сцен и комедий», вошедших в седьмой том издания *Т, Соч, 1869*, текст «Провинциалки» был им заново просмотрен и исправлен. Но писатель жил в это время за границей, автографом комедии не располагал, как и списком своих первоначальных поправок, поэтому поправки сделаны им были заново, по памяти и по смыслу, следуя за текстом *Отеч Зап*, 1851, № 1. Исправления — общим числом 51 — составленные в виде таблицы (см. выше), распадаются по содержанию на три группы. Первая представляет собой творческие изменения текста: увеличена возрастная разница между графом Любиным и Дарьей Ивановной; изменилось поведение графа Любина в сцене любовного объяснения на коленях (устранены штрихи, подчеркивающие его дряхлость); углубились психологические мотивировки поведения «обманутого мужа» Ступендьева и «бедного родственника» Миши; изменились социальные характеристики (в списке действующих лиц Ступендьев — «чиновник» вместо «стряпчий»). Все эти мотивы отсутствуют в первопечатном тексте и в списке исправлений 1851 года. Они учтены в издании *Т, Соч, 1869* и приняты в последующих изданиях текста комедии.

Вторая наиболее многочисленная группа — исправления стилистического характера (их 36). Некоторые из них введены в ответ на критические замечания современников («бакенами» вместо «бакенбардюльками», «Алексей Иванович» вместо «великий муж», устранена смешная фамилия в реплике Миши: «Пойдемте к Купеляктусам»); другие — повторяют правку списка опечаток и поправок 1851 г. («жемчужина» вместо «женщина», «молоды» вместо «моложе», «А ведь я» вместо «Я, ведь я»; правописание иностранных слов). В ряде случаев эти поправки даются в несколько измененном виде (в списке 1851 г. «не рассуждай, слушай, женщина» исправляется на «не рассуждай, глупая женщина». в списке 1868 г. «слушай» выкидывается; в списке 1851 г. «О зачем» исправляется на «И зачем», в 1868 г. на «Зачем»; в списке 1851 г. «Я помню» исправляется на «Я помню...», в 1868 г. «Я помню» выкидывается из текста; в списке 1851 г. «княжне Лизине» исправляется на «княжне Лидиной», очевидно, по рукописи. В 1868 г. Тургенев, по-видимому, запамятовал старый вариант и исправил на «княжне Лизе». В последующих изданиях, в том числе и в настоящем издании, при таких «двойных» поправках чаще всего закрепляется редакция текста по списку исправлений 1868 г., учтенному в *Т, Соч. 1869*.

Третья группа исправлений продолжает «очищение» текста от следов той редакции, которая не предназначалась автором для печати и возникла под влиянием случайных, внешних сценических обстоятельств. Речь идет об устранении сцены дуэта Дарьи Ивановны с графом Любиным в явлении девятнадцатом и тех искажений текста, которые явились результатом контаминации двух сюжетных вариантов. В списке исправлений 1868 г. Тургенев снова, как и в списке поправок 1851 г., заменяет слово «дуэт» словом «романс»; в сочетании «дуэтино из моей оперы для тенора и сопрано» выбрасывает слова «и сопрано», устраняет

ремарку «Дарья Ивановна, продолжая глядеть на ноты»; после слов романса «Dell' alma innamorata...» устраняет текст: «А она ему отвечает:

O caro ben ogetto
Del più fervente amore
Col casto tuo ardore, и т. д.

Граф. Брависсимо, брависсимо! Quelle musicienne! Quelle musicienne! Как вы сейчас поняли мой стиль — это удивительно!

Дарья Ивановна. Dieux, que c'est joli!.. Позвольте я повторю (*повторяет*). A vous maintenant. (*Они поют сентиментальный дуэт в итальянском роде. В промежутках граф шепчет*: бесподобно, charmant! quelle voix! *Граф поет сентиментальный романс в итальянском вкусе с бесконечными украшениями*)».

В реплике графа после: «Я еще не так это спел, как бы следовало» изъяты слова: «Но как вы пели, боже мой! Как вы пели! Что за голос! какая манера!»; После итальянского романса и слов графа «Да вот позвольте, слушайте» введен текст: (*Поет романс в итальянском вкусе*; *Дарья Ивановна аккомпанирует ему*).

Дарья Ивановна. Прекрасно...»

По сравнению со списком исправлений 1851 г. автор расширяет правку в названном направлении, не оставляя сомнений в своих творческих намерениях. Но и на этот раз не все его исправления попадают в *Т*, *Соч*, *1869* и последующие издания комедии. Купюра «и сопрано» по ошибке остается в тексте. Реплика «Вы, помните, сами очень мило пели», не замеченная автором при подготовке *Т*, *Соч*, *1869*, также остается в тексте, создавая противоречие избранному сюжетному варианту. Из восьми случаев употребления слов «дуэтино» и «дуэт», исправленных в списке 1851 г. на «романс», только три попали в список исправлений 1868 г., а следовательно, в издание *Т*, *Соч*, *1869* и позднейшие его перепечатки.

Критический анализ всех изменений, сделанных Тургеневым в тексте «Провинциалки» и имеющих творческий характер, показывает, что особое значение имели в этом отношении переработки произведения в 1851 и в 1868 годах [1].

Сценическая жизнь «Провинциалки» также началась в 1851 г.— и с первых же начинаний с большим успехом.

«В бенефис Щепкина пойдет маленькая комедийка Тургенева „Провинциалка", недурная штучка и грациозная. Вот вам московские литературные новости»,— сообщал В. П. Боткин 8 января 1851 г. в письме к П. В. Анненкову (*Анненков и его друзья*, с. 565), а письма самого Тургенева к Полине Виардо, как дневник, отражали настроения автора перед спектаклем и его впечатления от неожиданного большого успеха.

Премьера «Провинциалки» в московском Малом театре состоялась 18 января 1851 г. Комедия шла в ряду других

---

[1] В этой связи заслуживает внимания и тот факт, что во всех прижизненных изданиях сочинений писателя «Провинциалка» датировалась им не 1850 г., когда она была создана в своей первоначальной редакции, а 1851.

пьес в бенефис М. С. Щепкина, исполнявшего роль Ступендьева. С. В. Шумский играл графа Любина, а Н. В. Рыкалова — Дарью Ивановну (*Театр насл*, с. 310).

«Завтра состоится представление комедии, которую я написал для петербургских актеров, но по просьбе Щепкина дал ему для его бенефиса,— писал Тургенев 17 (29) января 1851 г. Полине Виардо.— Я не могу ни в чем отказать этому прекрасному, достойному человеку». На следующий день он писал ей же: «Итак, сегодня вечером; это начинает несколько волновать меня 〈...〉 Театр будет полон. Щепкин прислал мне билет на верхнюю ложу. Думаю, что я пойду, хотя чувствую себя скверно; лихорадит дьявольски». В эту же ночь, вернувшись с премьеры, Тургенев прибавил к своему письму еще несколько строк: «Вот уж точно, я ожидал чего угодно, но только не такого успеха! Вообразите себе, меня вызывали с такими неистовыми криками, что я наконец убежал, совершенно растерянный, словно тысячи чертей гнались за мной, и мой брат сейчас рассказал мне, что шум продолжался добрую четверть часа и прекратился только тогда, когда Щепкин вышел и объявил, что меня нет в театре».

И далее: «Пьеса была довольно хорошо разыграна всеми, за исключением героини, которая была невыносима; зато актер, игравший главную роль, был очарователен. Это молодой актер, по фамилии Шумский; он сегодня сильно выиграл в мнении публики, и я в восторге, что дал ему к тому случай» [1]. На следующий день Тургенев приписал к этому письму еще несколько строк: «Несколько моих друзей пришли сегодня поздравить меня; говорят, успех мой был действительно очень велик; зал был переполнен, и было замечено, что некоторые из моих врагов (литературных) аплодировали, не щадя сил [2]. Тем лучше, тем лучше. Милый Щепкин пришел обнять меня и побранить за бегство 〈...〉 Всё-таки приятно иметь успех; было бы хорошо, если бы он меня пришпорил».

В Москве «Провинциалка» выдержала несколько представлений, о возрастающем успехе которых писала Тургеневу в конце

---

[1] О близких отношениях Тургенева в эту пору с С. В. Шумским (1820—1878), любимым учеником Щепкина, свидетельствует его письмо к Шумскому от 6 марта 1852 г., а также кн.: Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. Ред. и примеч. Ю. Г. Оксмана, Л., 1929, с. 11. См. также главу этих воспоминаний, не вошедшую в их отдельное издание (Атеней, 1926, вып. 3, с. 86—87). В письме Феоктистова к Тургеневу от 21 февраля 1851 г. отмечалось, что в роли Ступендьева «Щепкин всё так же плох и портит роль», как и на премьере «Провинциалки» (*Т, ПСС и П, Письма*, т. II, с. 416).

[2] К «литературным врагам», о которых упоминал Тургенев, принадлежали члены «молодой редакции» «Москвитянина» с Аполлоном Григорьевым во главе, а также члены семьи С. Т. Аксакова. Последний, не зная о том, что Тургенев, несмотря на болезнь, всё же присутствовал в театре, писал 19 января 1851 г. сыну Ивану: «Вчера в бенефис Щепкина давали его небольшую комедию „Провинциалка“. Тург〈енев〉 не мог быть в театре, да и не хотел: между ним и Щепкиным нет никакой симпатии» (*Рус Мысль*, 1915, № 8, с. 128). В конце февраля 1851 г. Е. В. Салиас

февраля 1851 г. Е. В. Салиас: «Театр в 3-е и 4-е представление был полон, и Рыкалова играла лучше, чем в 1-й раз (как говорят все); всё же она портила роль». В этом же своем письме Е. В. Салиас сделала несколько замечаний о недостатках пьесы, предвосхищавших некоторые упреки более поздней рецензии Аполлона Григорьева. Так, настаивая на том, что автор сделал ошибку, назвав «Провинциалку» комедией, а не «сценой» и что «как сцена она мила, оригинальна, умна и грациозна», Е. В. Салиас писала Тургеневу, что смех Дарьи Ивановны в конце явления 23-го, когда Любин, упав перед нею на колени, не может сам подняться, неуместен и, во всяком случае, недостаточно мотивирован. Она же протестовала против реплики Миши в явлении 25: «Пойдемте, великий муж»: «Эта шутка не заставляет никого смеяться, а между тем уничтожает вовсе характер Миши, который ⟨...⟩ не может позволить себе такой шутки — это lèse majesté психологический и артистический, и сделанный даром, потому что, повторяю, эффекта нет» [1].

Премьера «Провинциалки» в Петербурге состоялась 22 января 1851 г. в Александринском театре в бенефис Н. В. Самойловой. Пьеса шла вместе с драмой Ф. Ф. Корфа «Елка» и сценой из переводного водевиля «Бедовая девушка». Основные роли исполняли: В. В. Самойлова (Дарья Ивановна), В. В. Самойлов (граф Любин) и А. Е. Мартынов (Ступендьев) [2].

Пьеса сразу же утвердилась в репертуаре, будучи повторена 24 и 31 января и 11 февраля 1851 г., а затем пройдя до конца сезона еще два раза (*Сев Пчела*, 1851, 15 марта).

«Видел я здесь „Провинциалку“,— писал Тургенев 16 (28) февраля 1851 г. Е. М. Феоктистову.— Самойлова очень мила, но Самойлов гораздо ниже Шумского. У Самойлова игра чисто внешняя и в сущности весьма однообразная. Мартынов хорош — но не знает роли». Из письма Н. И. Куликова известно, что «Провинциалка» была разыграна петербургскими актерами с большим успехом и во время открытия 4 июля 1851 г. военного театра в Красном Селе (Библиотека театра и искусства, 1913, кн. 4, с. 16).

В сезон 1851/52 г. «Провинциалка» прошла еще четыре раза, причем 13 апреля 1852 г. в роли графа Любина выступил во время своих петербургских гастролей С. В. Шумский [3].

писала Тургеневу: «Зачем вы, злодей, не назвали ее ⟨„Провинциалку“⟩ пословицей — ваши завистники (у кого их нет!) не могли бы ни к чему придраться. Островский и C-ie страшно глупы, и им я не верю нисколько — если они когда и умное скажут, так нечаянно» (*ИРЛИ*, № 5850).

[1] Замечание о реплике Миши: «Пойдемте, великий муж» — учтено было Тургеневым при правке пьесы в 1868 г.

[2] Афишу первого представления «Провинциалки» в Александринском театре см. в кн. *Т и театр*, вкладной лист. О В. В. Самойловой как первой исполнительнице роли Дарьи Ивановны, а также о В. А. Мичуриной-Самойловой в той же роли см. в кн.: Мичурина-Самойлова В. А. Шестьдесят лет в искусстве.— М.; Л., 1946, с. 21, 31, 87, 132—134, 164, 171, 172. 208.

[3] Поклонники В. В. Самойлова утверждали, что Шумский в роли графа Любина не оправдал ожиданий публики (отзыв

Первые отклики печати на новую комедию Тургенева были очень благоприятны. Даже Булгарин, не рискуя охаять пьесу, на премьере которой присутствовала вся царская фамилия, заявил на страницах «Северной пчелы», что хотя «Провинциалка» — «конечно, не комедия, но и того довольно, что пиесу можно назвать хорошею сценою из хорошей комедии. Эта сцена была бы еще лучше, если б была более сжата». Далее, подробно изложив фабулу пьесы, Булгарин заключал: «Вся занимательность в беседе графа с Дарьей Ивановной и в ревности мужа (г. Мартынова). В беседе язык приличный, тон благородный, с проблесками светской утонченности, и за это автор заслуживает полную похвалу. Пиеса была разыграна в совершенстве» (*Сев пчела*, 27 января 1851 г., фельетон «Журнальная всякая всячина», подпись: Ф. Б.).

Театральный рецензент «С.-Петербургских ведомостей», Василько Петров, откликнулся в своем фельетоне и на публикацию и на постановку новой пьесы: «Комедия г. Тургенева „Провинциалка", напечатанная в январской книжке „Отечественных записок", имеет один важный недостаток, а именно — она скорее комический эпизод, нежели комедия, но и в ней, как в прочих произведениях того же автора, виден замечательный драматический талант, много обещающий для нашей сцены. До сих пор мы видели две пьесы г-на Тургенева — „Холостяка" и „Полюбовный дележ", из которых первая не была оценена нашей публикой по достоинству, потому что в ней было мало наружного действия, а много внутреннего смысла, видимого только для тонкого наблюдателя и скрытого от большинства публики, приходящей в театр веселиться, а не наблюдать; вторая пьеса, имеющая, как и последняя, эпизодический характер, имела успех; третья, та, о которой говорим теперь, имеет успех если не больше предыдущего, то, по крайней мере, равный ему. Причина этого успеха заключается в том, что действие в этой пьесе, видимо, ясно выражается не только положением действующих лиц, но и самими словами, так что зритель-дилетант может наслаждаться ею, не утруждая своих умственных способностей. Автор был вызван, но его не было, к сожалению, в театре» (*СПб Вед*, 1851, 11 февраля, № 34).

«Эта небольшая, но тщательно отделанная пьеска смотрится с таким же удовольствием, как и читается»,— резюмировал свои впечатления от «Провинциалки» анонимный автор тонкого разбора ее в «Отечественных записках» (1851, № 3, с. 68—69).

Н. И. Куликова, опубликованный в «Библиотеке театра и искусства», 1913, кн. 5, с. 7), но рецензент «С.-Петербургских ведомостей» настаивал на том, что Шумский «в роли графа (в „Провинциалке") был чрезвычайно приличен, спокоен в манерах и в обращении, как следует человеку хорошего общества, но не сделал из графа какого-то старого повесы, привыкшего к дурной кампании и продолжавшего ветреничать, несмотря на подагру; г. Самойлов недурно играл эту роль, но Шумский вернее понял ее» (*СПб Вед*, 1852, 16 мая, № 109). Об успехе Шумского в роли графа Любина см. также: *Вольф, Хроника*, ч. 1, с. 161.

Более осторожно оценивал «Провинциалку» А. В. Дружинин, отметивший в «Современнике», что последняя «комедия г. Тургенева не принадлежит к числу лучших вещей даровитого автора, несмотря на прекрасный язык, которым она написана» [1].

С резко отрицательной характеристикой методов работы Тургенева для театра (на материале «Провинциалки») выступил Аполлон Григорьев (*Москв*, 1851, № 5) [2].

Краткое «изложение» комедии построено было в его критическом разборе так, чтобы показать отсутствие в «Провинциалке» не только «серьезного содержания», но и «действия», а заканчивалась рецензия утверждением, что в новой пьесе «нет и характеров». «Уже сама Дарья Ивановна решительно оставляет неудовлетворенным читателя; что же касается до Ступендьева, Миши и др., то это просто какие-то смутные образы, которых, как кажется, нарочно сделал несколько карикатурными автор для того, чтобы комедия его была смешнее. Вообще забота посмешить, какими бы то ни было средствами, составляла, кажется, одну из главных забот автора и, как нам кажется, много повредила художественности комедии. Такое поверхностное понимание комизма мы заметили уже прежде в г. Тургеневе. В его „Холостяке" выведен, напр., г. Созоменос, лицо для течения комедии решительно ненужное и выступающее с единственною целью — позабавить своею сонливостью и странными выходками. В этой же самой комедии в конце введен очень длинный и, по правде сказать, довольно забавный разговор между Шпуньдиком и теткой Маши, который опять-таки не только не нужен для хода пьесы, но даже положительно мешает ему, отвлекая внимание на посторонние делу интересы. В „Провинциалке" замеченная нами наклонность автора выступает уже в таких размерах, что остается решительно на первом плане, не допустив даже автора заняться более серьезным в комедии: действием и характерами. Но кроме того, что поверхностное понимание комизма и усердное служение ему помешали комедии быть комедией, они повели автора ко многим

---

[1] *Совр*, 1851, № 2, отд. VI, с. 226. В более позднем своем отклике на «Провинциалку» А. В. Дружинин был еще более резок. «Решительно наша легкая драматическая литература похожа на заколдованный край, к которому нельзя подступиться без беды и неудачи во всех отношениях,— писал он.— Талантливый автор „Записок охотника" вздумал было поохотиться в этом крае и набрел на „провинциалку", над которой теперь сам подсмеивается» (*Б-ка Чт*, 1852, № 2, отд. VII, с. 210—211. Перепечатано в «Собрании сочинений А. В. Дружинина», т. VI, СПб., 1865, с. 578).

[2] Полностью солидаризировались с установочными положениями статьи А. Григорьева и К. С. и И. С. Аксаковы. В письме И. С. Аксакова к Тургеневу от 26 ноября 1851 г. об этом свидетельствуют следующие строки: «Брат и я просим вас, любезнейший Иван Сергеевич, прислать непременно что-нибудь для нашего „Сборника"; какую статью — вам не нужно сказывать; разумеется, не в роде „Провинциалки" (несмотря на всё достоинство ее мелких черт), а больше в духе „Записок охотника"» (Русское обозрение, 1894, № 8, с. 458).

натяжкам. а иногда даже к странным и возмутительным для художественного чувства выходкам. К таким принадлежат, напр., бегство мальчишки из кабинета, куда входит граф, беспрестанное повторение Ступендьевым слов: *женщина, не рассуждай*, пересоленная сцена с лакеем графа Любина; эпитет *феникса*, приданный Ступендьевым графу ⟨...⟩, наконец ничем не объяснимая выходка Миши, который в ответ на слова Ступендьева, что его жена великая женщина, восклицает: *пойдемте, великий муж*.

Признаемся, мы не поняли характера Миши, но твердо уверены, что каков бы он ни был, после всего того, что было говорено им прежде, этих слов он сказать не мог. Мы сказали выше, что к лучшим местам комедии принадлежат сцены объяснения Дарьи Ивановны с графом. Да не подумают, однако, чтобы мы были ими совершенно довольны. Мы должны сказать, что и эти сцены, несмотря на свое достоинство, принадлежат к фальшивому роду. Они как будто написаны на тему: хитрость женщины или что-нибудь другое — одним словом, совершенно однородны с теми *пословицами в действии*, которые так легко пишутся французами. Пусть их и пишут эти салонные, эфемерные пьесы, в которых остроумие, хороший тон да пустой разговор играют главную роль; г. Тургеневу, так хорошо начавшему знакомить нас с русскою жизнью, не следовало бы уклоняться от начатого им дела ради угождения испорченному вкусу некоторой части публики. Последнее обвинение, которое мы считаем себя обязанными взвести на автора *Провинциалки* для того, чтобы окончательно очистить свою совесть, состоит в том, что в пьесе его очень мало русского. Пожалуй, есть в ней кое-что, показывающее, что действие происходит в России, а не в каком-либо другом государстве. Но согласитесь, что большую часть ее можно очень легко перевести, напр., на французский язык, она нисколько не потеряет от этого. Не таковы пьесы Гоголя. Вообще мы очень недовольны новой пьесой г. Тургенева и, вероятно, не могли скрыть этого в поле нашего разбора. Пусть извинит он нас за это и вспомнит, что сердятся только на того, на кого возлагают надежды. А мы и после этой пьесы остаемся еще при том убеждении, что г. Тургенев способен задумать и исполнить настоящую комедию, и ждем от него, как искупления за маленькие грешки в прежних его комедиях и важную ошибку — печатание *Провинциалки*. Мы указывали до сих пор на недостатки новой комедии г. Тургенева. Неужели, спросит читатель, в *Провинциалке* нет никаких достоинств? Как не быть: талант автора виден и в этом произведении, но именно потому-то так и восстали мы на ложное направление этого таланта. Что касается до достоинств, то мы укажем на характер графа, на сцены довольно ловко и верно веденные, на точно подмеченные и часто удачно выраженные душевные движения, вообще на богатый запас психологических наблюдений, заметный в авторе, одним словом, на все те достоинства, без которых уже не может обойтись талант, что бы ни написал он. Но в том-то и дело, что, кроме таланта, нужно писателям близкое знакомство с современными эстетическими требованиями, если и не для того, чтобы совершенно подчиняться им, то по крайней мере для того, чтобы не идти наперекор им и не впасть в такую ошибку, как, напр., дать назва-

ние комедии тому, что имеет водевильное содержание. Только истинные гении получают право бороться с научными эстетическими положениями, выбиваться из-под существующих форм; одним словом, давать, как говорит Кант, науке законы; таланты же, даже и самобытные, должны волею или неволею соображаться с теми законами, которые многовековою деятельностью выработались для известных родов художественных произведений»[1].

Тургенев не счел нужным отвечать ни на критику А. Григорьева, ни на отзывы солидаризировавшихся с ним других апологетов комедии Островского этой поры, противопоставлявшихся драматургии Тургенева. Но в письме к П. В. Анненкову от 14 марта 1853 г. из Спасского, где приехавший к нему М. С. Щепкин только что прочел (в рукописи) комедию «Не в свои сани не садись», автор «Месяца в деревне» и «Провинциалки» определил очень четко свое отношение не только к новой пьесе Островского, но и к литературно-творческим позициям всей «молодой редакции „Москвитянина“»: «Прочел ее ⟨комедию „Не в свои сани не садись“⟩ он отлично, и впечатление она произвела большое, но у меня всё из головы не выходил „Père de famille“ и другие драмы Дидеро — с сильной начинкой естественности и морали — я не думаю, чтобы *эта* дорога *вела* к истинному художеству».

Несмотря на то, что передовая литературная общественность очень сдержанно реагировала на «Провинциалку», а в кругах, близких славянофилам, комедия Тургенева была сурово осуждена как произведение, не отвечающее задачам, стоящим перед русской национальной драматургией, новая пьеса прочно утвердилась в репертуаре. Как свидетельствовал С. С. Дудышкин в обзоре «Русская литература в 1851 году», «умная пьеса Тургенева „Провинциалка“» имела «большой успех в представлении», несмотря на то, что в ней отсутствовали любимые «большинством публики» традиционные «театральные эффекты» (*Отеч Зап*, 1852, № 1, отд. V, с. 12).

В Александринском театре в Петербурге «Провинциалка» прошла с 1851 по 1855 г. четырнадцать раз, имея гораздо больший успех, чем все прочие пьесы Тургенева, допущенные к это-

---

[1] *Москв*, 1851, ч. II, № 5, с. 70—72. В этом же номере журнала в особом двухстраничном примечании, сделанном к разбору «Разговора на большой дороге» (см. в наст. томе с. 679), его редактор М. П. Погодин писал: «Скажу два слова и о г. Тургеневе. Первые его опыты в стихах и прозе были ниже всякой посредственности; восторженные похвалы рецензентов из своих видов ему только что вредили в глазах истинных друзей словесности, но в „Записках охотника“ обнаружилось в первый раз дарование, которое нельзя было не принять с удовольствием. Мы были рады и плодовитой его деятельности. До сих пор идет г. Тургенев, хотя и тихо. „Провинциалка“ его сносна при Шумском и Самойловой. Всего более мешает ему, кажется, язык, употребляемый как будто с голоса. Может быть, долговременное пребывание за границею тому причиной. Пожелаем, чтоб он жил больше в народе и слушал чаще его речь,— тогда, верно, мы будем иметь мастером больше».

му времени на сцену (*Вольф*, *Хроника*, ч. 1, с. 143). В сезон 1855/56 г. эта же комедия прошла в столице еще семь раз: 17 и 19 октября, 23 ноября и 8 декабря 1855 г., 6 января, 14 и 21 февраля 1856 г.

В сценической истории «Провинциалки» должен быть отмечен факт постановки этой комедии в 1860 г. в Петербурге силами писателей и профессиональных актеров в пользу организованного незадолго перед тем Литературного фонда [1]. Как свидетельствуют воспоминания П. И. Вейнберга, предполагалось, что в этом спектакле выступит и сам Тургенев в роли графа Любина. Однако писатель от этого выступления уклонился [2].

Перепечатка «Провинциалки» в 1857 г. в шестом томе издания Некрасова «Для легкого чтения» встречена была Тургеневым несочувственно. «Я вижу, что „Провинциалку“ напечатали в „Для легкого чтения“,— писал он Некрасову 22 ноября 1857 г.— Помнится, она появилась в „Отечественных записках“ с миллионом опечаток; надеюсь, что их выправили. Другие мои комедии (как-то „Месяц в деревне“ и т. д.) прошу тебя не печатать, ибо я хочу их издать отдельно, предварительно поправивши и переделавши». Общий пересмотр всех написанных им пьес, о котором упоминал Тургенев 22 ноября 1857 г., предусматривал некоторую доработку и «Провинциалки». Но эта доработка не связывалась с критическими разборами «Провинциалки», которые впервые появились в печати в 1851 г. и вновь ожили в 1859 г. в установочных положениях статьи А. Григорьева «И. С. Тургенев и его деятельность», опубликованной в журнале «Русское слово». Резко отрицательно характеризуя всю драматургию Тургенева с тех же самых позиций, которые определились в его прежних суждениях о комедиях Островского, А. Григорьев рассматривал «Провинциалку» как произведение подражательное, лишенное национальных корней, как дань «жалкой моде», как проявление барской «апатии и праздности». Этой общей отрицательной оценки никак не смягчали и те оговорки, которые сделаны были в статье об образе Дарьи Ивановны, «очерченном хотя и слегка, но с мастерством истинного артиста» [3].

В Петербурге, на сцене Александринского театра, «Провинциалка» возобновлялась 1 сентября 1864 г., 29 апреля 1870 г. и 16 января 1875 г. Последний спектакль был приурочен к 40-летию пребывания на сцене В. В. Самойлова, неизменного в течение почти четверти века исполнителя роли графа Любина [4].

16 марта 1879 г. состоялось чтение нескольких сцен из

---

[1] *СПб Вед*, 1860, 17 апреля, № 83. Играли в этом спектакле В. В. Мичурина-Самойлова (Дарья Ивановна), П. И. Вейнберг (граф Любин), И. И. Ознобишин (Ступендьев), Е. П. Ловягина (Васильевна), В. П. Свиньин (камердинер графа).

[2] Ежегодник императорских театров, сезон 1893/94 г., приложения, кн. 3, с. 108.

[3] *Рус Сл*, 1859, № 5, отд. «Критика», с. 23—25. Перепечатано в Сочинениях Аполлона Григорьева, СПб., 1876, с. 351—352.

[4] *Вольф*, *Хроника*, ч. III, 1884. с. 55. Это было последнее появление В. В. Самойлова на сцене и последняя его роль перед смертью.

«Провинциалки» на вечере в пользу Литературного фонда в Петербурге. Читали сам автор и М. Г. Савина: «„Наш номер“ был во втором отделении,— вспоминала об этом вечере Савина.— Поставили стол с двумя свечами, положили две книги, придвинули два стула ⟨...⟩ Когда мы вышли, я, конечно, не кланялась на аплодисменты, а сама аплодировала автору. Долго раскланивался Иван Сергеевич, наконец, всё затихло — и мы начали: „Надолго вы приехали в наши края, ваше сиятельство?“ (Этой фразой начинается сцена.) Не успела я это произнести, как аплодисменты грянули вновь, Иван Сергеевич улыбнулся. Овации оказались нескончаемыми ⟨...⟩ Наконец публика утихла, и он отвечал ⟨...⟩ Нечего и говорить об овациях после окончания чтения. Ивана Сергеевича забросали лаврами. Вызывали без конца» [1].

Наиболее значительными вехами в сценической истории «Провинциалки» после смерти Тургенева являются ее постановки в Петербурге 8 сентября 1883 г., 12 февраля 1888 г. (в бенефис М. Г. Савиной, с В. П. Далматовым в роли графа и К. А. Варламовым в роли Ступендьева), 19 января 1900 г. (в бенефис М. Г. Савиной). Пьеса была вновь поставлена на Александринской сцене 23 марта 1911 г., 31 января 1918 (вместе с «Где тонко, там и рвется» и «Завтраком у предводителя»), а 10 ноября 1918 г. (в 21-й раз после возобновления) вместе с «Завтраком у предводителя» показана на торжественном спектакле по случаю 100-летия со дня рождения Тургенева [2].

В сезон 1897/98 г. «Провинциалка» шла с большим успехом в театре Корша в Москве, а 3 марта 1912 г. была поставлена впервые на сцене Московского Художественного театра, с. М. П. Лилиной в роли Дарьи Ивановны и К. С. Станиславским в роли графа Любина [3].

Комедия «Провинциалка» принадлежит к числу тех немногих драматических произведений Тургенева, которые, войдя в

---

[1] Савина М. Г. Мое знакомство с И. С. Тургеневым.— В кн.: И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1969. Т. 2, с. 383—384. О выступлении Тургенева на вечере 16 марта см. также: Стечкин Н. Я. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе. СПб., 1903, с. 22.

[2] См.: Розенберг И. С. Тургеневский спектакль.— Бирюч петрогр. гос. театров, 1919, № 13—14, с. 171—173.

[3] О М. П. Лилиной в роли Дарьи Ивановны см. также в кн.: Ежегодник Московского художественного театра. 1943. М., 1945, с. 458. О К. С. Станиславском в роли Любина — в кн.: Кнебель М. О. Вся жизнь. М., 1967, с. 197—199. Из истории постановки «Провинциалки» в МХТ см.: Эфрос Н. Тургеневский спектакль.— Театральное обозрение, М., 1922, № 3, с. 5—6; Хессин Н. Тургеневский спектакль.— Экран, М., 1922, № 20, с. 6—7; Дикий А. Почему «Провинциалка»? — Театр, М., 1952, № 7, с. 119—128; Попов А. Воспоминания и размышления о театре. М., 1963, с. 69—73. О М. Н. Ермоловой в роли Дарьи Ивановны — в кн.: Ермолова М. Н. Письма. Из литературного наследия. Воспоминания современников. М., 1955, с. 161—216.

репертуар русских театров в самом начале пятидесятых годов XIX в., продолжают жить на столичной и провинциальной сцене до наших дней. Сводки материалов о постановке «Провинциалки» (далеко не полные) см. в книгах: Гроссман Л. П. Театр Тургенева. Пг., 1924, с. 132—136, и Бердников Г. П. Тургенев и театр. М., 1953, с. 605—609.

Из зарубежных постановок «Провинциалки» наиболее известны спектакли на немецкой сцене. В октябре 1884 г. «Провинциалка» прошла с большим успехом в Берлине («Belle-Alliance Theater»), в переводе Е. Цабеля («Die Provinzialin»). См. его же критический разбор и высокую оценку этой пьесы в кн.: Literarische Streifzüge durch Russland. Berlin, 1885, S. 176—178. Е. Цабель писал о судьбе «Провинциалки» на немецкой сцене и в начале XX века. См.: Р. Е. И. С. Тургенев и его пьесы в Германии.— Вестник театра, М., 1919, № 33, с. 14. См. также: Krause H. H. Die vorrevolutionären russischen Dramen auf der deutschen Bühne. Grundzüge ihrer deutschen Bühneninterpretation im Spiegel der Theaterkritik. Emsdetten, 1972, S. 39—43.

Комедия «Провинциалка», равно как и первая пьеса Тургенева в этом же жанре — «Где тонко, там и рвется», в специальной литературе рассматривалась в течение многих лет лишь как блестящий русский вариант тех комедий, особенности стиля и композиции которых были связаны с «драматическими пословицами» («Proverbes dramatiques») Альфреда Мюссе (см. наст. том, с. 578). В книге Л. П. Гроссмана «Театр Тургенева» общие суждения о специфике и традициях этого жанра были подкреплены конкретным сближением «лукавых диалогов графа Любина и Дарьи Ивановны» с «аналогичным словесным поединком проверба Мюссе „Il faut qu' une porte soit ouvert ou fermée“. И здесь граф оказывается побежденным своей соперницей и в результате остроумного и опасного объяснения бросается перед ней на колени. Пьеска эта с большим успехом шла в Париже в 1848 г., в момент, когда Тургенев особенно пристально следил за французскими постановками. Но, конечно, кроме общего тона насмешливой и увлекательной беседы графа с маркизой, виртуозно разработанной в проверframе Мюссе, автор „Провинциалки“ ничем не вдохновился здесь» [1].

Психологизм комедии «Провинциалка» получил творческий отклик в повести Достоевского «Вечный муж», впервые опубликованной в двух первых книжках журнала «Заря» в 1870 г. Здесь получило дальнейшее развитие изображение человека, уязвленного в своей гордости, жалкого, затаившего обиду обма-

[1] *Гроссман, Театр Т*, с. 61. Эта пьеса Мюссе немедленно переведена была на русский язык («Нужно, чтобы дверь была либо отворена, либо затворена. Пословица в одном действии Альфреда де Мюссе». Пер. с франц. СПб., 1848). См. рецензию (И. И. Панаева?) на этот перевод в «Современнике» (1848, № 12, отд. 2, с. 198—199), а также страницы о пьесах Мюссе и об его русских подражателях в фельетонах А. В. Дружинина «Письма иногороднего подписчика о русских журналах» в «Современнике» (1849, № 5 и 1850, № 2). Перепечатано в Собр. соч. А. В. Дружинина. СПб., 1865. Т. VI, с. 107 и 271.

нутого мужа, а также особого типа женщины, умной и непостоянной. Отклик Достоевского мог быть вызван давними размышлениями писателя по поводу фабулы «Провинциалки», связанными с его сибирскими впечатлениями: отчасти своим романом с М. Д. Исаевой, но главным образом, обстоятельствами отношений А. Е. Врангеля с Е. И. Гернгросс. Сюжетная схема комедии Тургенева углублялась и переосмыслялась в повести «Вечный муж» в предыстории отношений ее героев — Вельчанинова (приезжий петербургский барин), Трусоцкого (пожилой провинциальный чиновник) и его молодой жены — уездной львицы. В повести сделана была Достоевским и прямая ссылка на ее первоисточник — пьеса «Провинциалка», поставленная «на домашнем театре», является в «Вечном муже» объектом воспоминаний героев [1].

Первая сводка основных документальных, эпистолярных и литературно-критических материалов, относящихся к истории написания «Провинциалки», ее публикации и постановки на сцене, была дана Ю. Г. Оксманом в комментариях к «Сценам и комедиям» в издании: *Т*, *Сочинения*, т. IV, М.; Л., 1930, с. 219—224.

Определяя на основании предшествующего изучения театра Тургенева место «Провинциалки» в ряду других его «сцен и комедий», автор первой советской истории русского театра, С. С. Данилов, пишет, что вместе с «Где тонко, там и рвется» и «Вечером в Сорренте» «Провинциалка» особенно выразительно характеризует новаторские тенденции Тургенева «порвать с внешней занимательностью ходульного водевильного репертуара, противопоставив ему комедийную пьесу, бессюжетную, интимно-психологическую, полную внутреннего движения, скрытого за недомолвками и полунамеками» (Данилов С. С. Очерки по истории русского драматического театра. М.; Л., 1948, с. 367).

О традициях гоголевской драматургии в «Провинциалке» и об особенностях новой трактовки темы «маленького человека» в этой комедии (образ Дарьи Ивановны) см. в очерке Г. П. Бердникова «И. С. Тургенев», М.; Л., 1951 (серия «Русские драматурги»), с. 111—119.

Стр. 427. *...я их нашел, кажется, dans Metastase...*— Метастазио, Пьетро Антонио Доменико Бонавентура (1698—1782) — итальянский поэт и драматург-либреттист.

---

[1] *Достоевский*, т. 9, с. 472—474.

РАЗГОВОР НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ

Сцена

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Комета. Учено-литературный альманах, изданный Николаем Щепкиным. М.: В типографии Александра Семена. 1851, с. 205—230. Дата ценз. разр.— 11 ноября 1850 г. Альманах вышел в свет 1 апреля 1851 г. (*Моск Вед*, 1851, 3 апреля, № 40).

Т, *1856*, ч. II, с. 3—30.

Литературная ералашь из повестей, рассказов, стихов и драматических сцен современных русских писателей. М., 1858, с. 5—18. Подзаголовок и посвящение отсутствуют. Текст дан в произвольной сокращенной редакции. обрывающейся на реплике Селивёрста: «От ревности, Аркадий Артемьич» (см. с. 449). Дата ценз. разр.— 24 января 1858 г.

Т, *Соч*, *1861*, т. II, с. 198—215.

Т, *Соч*, *1865*, т. II, с. 337—361. Дата ценз. разр.— 20 февраля 1864 г.

Т, *Соч*, *1869*, ч. VII, с. 590—614.

Т, *Соч*, *1880*, т. 10, с. 589—614.

Впервые опубликовано: Комета. Учено-литературный альманах, изданный Николаем Щепкиным, М., 1851, с. 205—230. Перепечатано: *Т*, *1856*, ч. II, *Т*, *Соч*, *1861*, т. II, и *Т*, *Соч*, *1865*, т. II. В последнем из этих изданий к названию «Сцена» добавлена была дата ее написания — явно ошибочная («1851» вместо «1850»), но перешедшая во все позднейшие собрания сочинений Тургенева.

Автограф «Разговора на большой дороге» не сохранился.

В настоящем издании сцена «Разговор на большой дороге» печатается по последнему авторизованному тексту, *Т. Соч*, *1880*, т. 10, с устранением ошибки в дате написания сцены и опечатки на с. 458: «и ржи» вместо «иржы» (орловский диалектизм, объясненный самим Тургеневым, см. с. 459). Варианты первопечатной редакции и издания 1865 г. см.: *Т*, *ПСС и П*, *Сочинения*, т. III, с. 361—362.

Время написания «Разговора на большой дороге» определяется письмами Тургенева от 18 октября и 3 ноября 1850 г. из Петербурга к издателю альманаха «Комета» Н. М. Щепкину. В первом из них Тургенев обещал прислать для альманаха «небольшую сценку „Разговор на большой дороге“», а во втором писал о том, что это обещание будет исполнено «на будущей неделе». Дата цензурного разрешения «Кометы» — 11 ноября 1850 г., следовательно, к этому времени сцена была уже получена в Москве.

«Разговор на большой дороге» был опубликован с посвящением знаменитому московскому актеру этой поры П. М. Садовскому, в репертуаре которого новая «сцена» Тургенева сразу же

утвердилась [1]. Трудно сказать, имел ли Тургенев в виду П. М. Садовского как исполнителя сцены во время ее написания и присутствовало ли посвящение ему «Разговора» уже в рукописи. Известно, что сближение между автором сцены и ее чтецом произошло лишь после приезда Тургенева зимою 1850/51 г. в Москву. Вероятнее всего, имя П. М. Садовского появилось в тексте «Разговора» только в конце 1850 г. Самый жанр «Разговора на большой дороге», с его установкой на актера-чтеца, на специфическую выразительность эстрадного исполнения, впервые привлек внимание Тургенева вскоре после окончания им весною 1849 г. комедии «Холостяк», т. е. еще до того, как сцены этого типа из крестьянского и мещанского быта были канонизированы в исполнении П. М. Садовского, а впоследствии И. Ф. Горбунова.

В тетради с черновым текстом «Нахлебника» и «Холостяка», относящейся к 1848—1849 гг., сохранился набросок под названием «Ванька» (см. наст. изд., Сочинения, т. I, с. 416). Зачеркнутый подзаголовок этого наброска — «Разговор».

«Вчера я давал прощальный обед своим друзьям,— писал Тургенев 3 (15) января 1851 г. из Москвы Полине Виардо.— Между прочими был один комический актер, человек большого таланта, г. Садовский; мы умирали со смеха, слушая импровизированные им сценки, диалоги из крестьянской жизни и проч. У него много воображения и такая правдивость игры, интонации и жеста, какой я почти никогда не встречал в таком совершенстве. Нет ничего более приятного для глаз, чем искусство, ставшее природой» [2].

Выступление Садовского с чтением «Разговора» предполагалось на вечере у Аксаковых 2 (14) февраля 1851 г. Тургенев сообщал об этом К. С. Аксакову 31 января (12 февраля): «Рукопись у меня — но Садовскому раньше пятницы утром нельзя». Однако чтение это не состоялось — возможно потому, что Тургенев не мог на нем присутствовать. Откладывая намеченное свидание до другого раза, Тургенев писал 2 (14) февраля С. Т. Аксакову о недовольстве Н. М. Щепкина, издателя альманаха, тем, что «Разговор на большой дороге» получил слишком большую огласку до выхода «Кометы» в свет: «Сделайте одолжение, скажите от меня Садовскому, что Щепкин просит его убедительно никому не давать и не показывать моей статьи — это запрещено прежде общей подписи ценсора — да и вообще он бы этого не желал».

Чтение «Разговора» состоялось в доме Аксаковых через несколько дней, но Тургенев и на этот раз не мог к ним приехать.

---

[1] О П. М. Садовском (1818—1872) как рассказчике и актере, «могучем художнике русской речи», и об его отношениях с Тургеневым см. в первой главе книги С. Н. Дурылина о внуке Садовского: «Пров Михайлович Садовский. Жизнь и творчество. 1874—1947». М., 1950, с. 13—39.

[2] Цитируется в переводе с французского оригинала. Об отношениях Тургенева с П. М. Садовским см. запись рассказа И. Ф. Горбунова в воспоминаниях Н. М. Ежова об А. С. Суворине (*ИВ*, 1915, № 1, с. 126—127).

Самая же «сцена», даже в исполнении П. М. Садовского, не произвела на слушателей большого впечатления. «Мысль не без достоинства,— писал о „Разговоре на большой дороге“ С. Т. Аксаков 6 февраля 1851 г.,— отношения дрянного и в то же время довольно доброго помещика к дворовым людям; но скотина камердинер и философ кучер с тройкой лошадей и своими о них разговорами — денной грабеж Гоголя. К тому же, несмотря на некоторое дарование, Тургенев человек не русский, а иностранец, с любовью и любопытством изучающий русский народ; он набрался туземных орловских выражений и нанизал их на свою драматическую нитку: вышли буквы без духа» (*Рус Мысль*, 1915, № 8, с. 129—130).

Суждениям С. Т. Аксакова близки и первые отклики на новую «сцену» Тургенева, появившиеся в славянофильской печати. «Было бы совершенно несправедливо назвать „Разговор на большой дороге“ недостойным г. Тургенева,— замечал в „Москвитянине“ Аполлон Григорьев.— Печать таланта лежит на всем, что он пишет, лежит на самых неудачных очерках, как мы несколько раз замечали: ее нельзя не признать также и на „Разговоре“, несмотря на недостатки, на незрелость этой сцены, на немилосердное и совершенно бесполезное искажение языка, на избитость лиц лакея и кучера, точь-в-точь скопированных с Селифана и Петрушки „Мертвых душ“. Недостатки сцены — именно эти самые. Г-н Тургенев принял в ней довольно странную манеру снабжать русского человека разными нескладными или исковерканными словами, которые, может быть, и случалось раз *услыхать* автору от которого-нибудь из кучеров или лакеев, но которые едва ли случается *слышать*. Так кучер Сели... , т. е. Ефрем — хотели мы сказать,— говорит у него: „никто за мной никаких операций не заметил“, „я от своего *количества* не отказываюсь“, „человек бывает *натуральный*, без образования, одним словом «похондрик»“». Протестуя против таких примитивных методов языковой характеристики «русского человека», А. Григорьев признал в то же время большим достижением Тургенева образ Михрюткина: «Михрюткин представляет собою, если хотите, соединение двух лиц в одном лице — Гамлета Щигровского уезда и известного всем *зятя* Ноздрева. Как Гамлет Щигровского уезда, он страждет дешевым скептицизмом и весь разбит жизнию по наперед заданной теме,— как зять — он побаивается дражайшей половины, но это не мешает ему быть живым лицом, в котором вы узнаете, может быть, многих ваших знакомых. Это — тип чрезвычайно комический и вполне удавшийся г. Тургеневу» (*Москв*, 1851, ч. III, с. 326—329).

Полностью согласился с этим заключением и М. П. Погодин в особом редакционном примечании к статье (там же, с. 329—330).

Рецензент «Библиотеки для чтения» (вероятно, О. И. Сенковский) был менее снисходителен: «„Разговор на большой дороге“ читается, хотя интереса в нем нет никакого; оригинальность его состоит в нескольких провинциальных словах и народном рассказе. Но почитатели таланта господина Тургенева, в том числе и сам критик, имели право ожидать от него гораздо более, даже и на двадцати страницах, даже и в разговоре на большой дороге» (*Б-ка Чт*, 1851, кн. VI, Критика, с. 43).

Дружественный Тургеневу «Современник» осторожно отметил, что «Разговор на большой дороге» принадлежит «к лучшим статьям альманаха, хотя, может быть, и не к лучшим произведениям автора. Но такова увлекательная грация его таланта, что, несмотря на некоторую неточность, которая чувствуется здесь в простонародном складе речи, мы прочли этот разговор с большим удовольствием» (*Совр*, 1851, № 5, отд. III, с. 1—2).

Перепечатка в 1856 г. «Разговора на большой дороге» во второй части «Повестей и рассказов И. С. Тургенева» дала повод А. В. Дружинину, боровшемуся в это время со своих абстрактно-эстетических позиций с ожившими в новой обличительной литературе традициями Гоголя и Белинского, безапелляционно утверждать, что «в каком-нибудь „Разговоре на большой дороге“ нет и следов поэтического потока — так изнасиловано в нем призвание поэта» [1]. В статье о «Повестях и рассказах И. С. Тургенева» А. В. Дружинин еще дважды помянул «Разговор на большой дороге». Один раз — по поводу того, что повестями «Петушков», «Три портрета» и этой сценой («guarda e passa! Взгляни и проходи мимо этого разговора!») якобы «оканчивается разряд повестей Тургенева, самый слабый как по форме, так и по миросозерцанию, в них высказавшемуся» (*Б-ка Чт*, 1857, № 3, отд. V, с. 17); в другой раз — в связи с тем, что «поэтический кругозор» Тургенева не позволил ему долго «ходить по избитым тропам», а потому «его жоржсандизм окончился с „*Колосовым*“», а «псевдореальность умерла с „*Петушковым*“ *и* „*Разговором на большой дороге*“» (там же, с. 24).

В это же время первое издание сочинений Тургенева оказалось в руках Герцена. «На днях я читал вслух „Муму“ и разговор барина со слугой и кучером — чудо как хорошо»,— писал он автору 2 марта н. ст. 1857 г. из Путнея (*Герцен*, т. XXVI, с. 78).

По своей общественно-политической направленности (тема вырождения правящего класса) «Разговор на большой дороге» особенно близок, с одной стороны, «Запискам охотника», с другой — «Нахлебнику» и «Завтраку у предводителя». Поэтому, несмотря на нападки, которым подвергся «Разговор» в печати, Тургенев включал эту сатирическую сцену во все издания своих сочинений, куда долго не вводились им другие его пьесы.

---

[1] *Б-ка Чт*, 1857, № 3, отд. V, с. 11; перепечатано: Собр. соч. А. В. Дружинина. СПб., 1865. Т. VII, с. 319—320.

ВЕЧЕР В СОРРЕНТЕ

Сцена

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Т, Соч, 1891, т. IX, с. 673—698. В основу первой печатной публикации «Вечера в Сорренте» была положена рукопись Тургенева, о чем свидетельствует не только факт принадлежности издательству И. И. Глазунова автографа этой сцены (см. далее), но и характерные особенности языка, орфографии и пунктуации Тургенева, сохранившиеся здесь («Соррента», «розь», «Платоныч», «Николаич», тире в функции запятой и точки с запятой и пр.).

Писарская копия, представленная 17 ноября 1884 г. в Театрально-литературный комитет (по реестру № 4538), одобренная им к представлению 24 ноября (подпись Д. В. Григоровича) и разрешенная к постановке драматической цензурой (скрепа цензора П. Фридберга). В тексте копии около 145 явных искажений и пропусков, не считая ошибок орфографических и пунктуационных. Хранится в Государственной театральной библиотеке им. А. В. Луначарского в Ленинграде. Старый инв. № — 6147, новый — 14365, шифр — I.XIX.3.56.

Впервые опубликовано в немецком переводе: Ein Abend in Sorrent. Lustspiel in einem Aufzuge von Iwan Turgenjew. Für die deutsche Bühne übers. und beorb. von Eugen Zabel.— Nord und Süd. Eine deutsche Monatsschrift. Hrsg. von Paul Lindau (Breslau), 1888, Bd. 44. Jan., S. 63—75. См. об этом: Шульце К. Первая публикация «Вечера в Сорренте» И. С. Тургенева на немецком языке (1888).— В кн.: Сравнительное изучение литератур. Сборник статей к 80-летию академика М. П. Алексеева. Л.: «Наука», 1976, с. 160—163.

В русском оригинале — впервые: *Т, Соч, 1891*, т. IX, с. 673—698, по рукописи, хранившейся, как свидетельствует письмо А. В. Топорова к М. Г. Савиной от 19 февраля 1885 г., в издательстве И. И. Глазунова, который в 1882 г. приобрел «право печатания на все, написанное И. С. Тургеневым» (*Т и Савина*, с. 67). В конце текста — дата: 10 января 1852, С.-Петербург.

Местонахождение рукописи неизвестно.

В настоящем издании «Вечер в Сорренте» печатается по тексту *Т, Соч, 1891*, с устранением явной опечатки в подзаголовке («Сцена I» вместо правильного: «Сцена») и со снятием скобок в ремарках на с. 462 и 463, отсутствующих в аналогичных случаях во всех предыдущих «сценах и комедиях».

Работа над произведением, как свидетельствует дата в конце текста, завершена в Петербурге 10 января 1852 г. Самым ранним свидетельством о замысле пьесы является разговор о ней в октябре-ноябре 1851 г. в Москве, о котором Боткин напомнил

Тургеневу в письме от 11 февраля 1852 г.: «Любопытно мне знать — сделалась ли та пьеска, которую просили тебя сделать — и какой она имела успех — или всё это осталось так» (*Боткин и Т*, с. 17).

Пьеса была написана, но Тургенев, под впечатлением провала на петербургской сцене комедий «Где тонко, там и рвется» и «Безденежье», отказался от ее публикации и постановки. Возможно, что это решение было бы им и пересмотрено, но арест писателя 16 (28) апреля 1852 г. и высылка вслед за тем в Спасское, под присмотр полиции, на несколько лет оборвали все связи Тургенева с театром: «Вечер в Сорренте» оказался последним его драматическим произведением, так и не попавшим при жизни автора ни на сцену, ни в печать.

Об определенном интересе Тургенева к рукописи «Вечера в Сорренте» свидетельствуют несколько строк об этой пьесе в письме его от 13 (25) декабря 1852 г. из Спасского к Д. Я. Колбасину: « ...я не могу найти здесь небольшую комедийку, под названием „Вечер в Сорренте", написанную мною в нынешнем году — она лежала вместе с „Психологией" Серебрякова в туалетном столике, который, Вы помните, стоял в моей спальне между двумя окнами. Не взял ли этот стол мёбельщик Волков к себе, и не находится ли у него эта комедия? Она написана в тетради величиною в лист». Рукопись пьесы, однако, не затерялась, и 28 января 1853 г. Тургенев в письме к Колбасину просил доставить ее в Спасское, что и было выполнено в июне 1853 г. (*Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. 2, с. 475).

Еще при жизни Тургенева сцена «Вечер в Сорренте» оказалась в распоряжении М. Г. Савиной [1]. Как свидетельствует письмо А. В. Топорова к М. Г. Савиной от 19 февраля 1885 г., «переписанная рукопись» комедии «Вечер в Сорренте» была им «вручена» М.Г. Савиной, «по поручению Ивана Сергеевича», в полное ее распоряжение,— с тем, чтобы она могла «с нею сделать, что угодно, т. е. поставить ее на сцену или бросить в печку» (*Т и Савина*, с. 67). Время передачи этой копии в письме не указано.

Первой информацией о неизданной пьесе Тургенева явились 18 декабря 1884 г. следующие сведения о ней в столичной печати:

«Завтра, 19 декабря, в роскошных залах квартиры г. министра иностранных дел, статс-секретаря Гирса, состоится, в пользу Красного Креста, большой раут и музыкально-драматический вечер, к участию которого приглашены лучшие силы наших оперной и драматической сцен. Не говоря уже об интересе самого раута, который соберет в квартире г. Гирса весь цвет и блеск нашего высшего общества, вечер представляет собою еще и другой, весьма живой интерес, так как на нем будет исполнена в первый раз на сцене еще *никогда и нигде не игранная и даже не напечатанная* одноактная комедия И. С. Тургенева „Вечер в Сорренто", написанная покойным романистом еще в 1852 году, но не выпущенная им в свет. Только незадолго до смерти покойный отдал ее в полное распоряжение нашей талантливой премьерше М. Г. Савиной, с просьбой прочесть, но, по возможности, избегать ее постановки на сцене, так как лично

---

[1] См. об этом: Степанова Г. В. Тургенев в письмах М. Г. Савиной к А. В. Топорову.— *Т сб*, вып. V, с. 519, 529.

автор не придавал пьесе большого значения. Всем известно, как недоверчиво вообще относился всегда сам покойный художник-писатель к своим драматическим произведениям и как избегал даже присутствовать при их представлениях на сцене. Тем не менее, по словам М. Г. Савиной, художественное чутье которой не подлежит сомнению, пьеса эта представляет собою грациозную и прелестную жанровую картинку из жизни наших соотечественников за границей, написанную с тем же несравненным талантом и тонкой наблюдательностью, какими отличались все вышедшие из-под пера великого художника бессмертные произведения. Действие сцен происходит в Сорренто, в гостинице. Всех действующих лиц семь. Из них четыре — две женские и две мужские роли — русские путешественники, а остальные роли — француз-художник, итальянец-слуга и итальянец — уличный певец. Роли русских путешественников исполнят: г-жи Савина, Абаринова, г. г. Давыдов и Петипа. Маленькая роль француза-художника — г. Гитри, итальянца-слуги — г. Стринц, а итальянца-певца (за сценой) — г. Котоньи, причем аккомпанировать ему, в подражание гитаре, за сценой же, будет г. Цабель на арфе» (*Т и Савина*, с. 109. Ср.: «Новое время», 1884, 22 декабря).

Для более широкой аудитории «Вечер в Сорренте» впервые был дан на сцене Александринского театра 18 января 1885 г., вместе с «Анютой» П. В. Корвин-Круковского и С. С. Татищева, в бенефис М. Г. Савиной. Этой постановке предшествовали длительные переговоры актрисы с дирекцией императорских театров о формах оплаты авторского гонорара за пьесу, закончившиеся уступкой «Вечера в Сорренте» в полную собственность дирекции за единовременное вознаграждение в размере 300 рублей. «Эту сумму,— разъяснял 10 января 1885 г. начальник репертуара А. А. Потехин директору императорских театров И. А. Всеволожскому,— автор мог бы получить поспектакльною платою с десяти полных сборов в Петербурге, следовательно Москве она достанется даром, и там очень выгодно ее поставить, ради имени автора и при удобстве эксплуатировать оперных певцов для исполнения серенады» [1].

В сезон 1885/86 г. «Вечер в Сорренте» был поставлен с большим успехом в Москве, в театре Ф. А. Корша. Зрители оценили оригинальные декорации художника Янова, изображавшие Неаполитанский залив ночью, а также талантливую игру Кисилевского (Аваков), Рощина-Писарева (Бельский), Глама-Мещерской (Надежда Павловна), Рыбчинской (Марья Петровна) (Д. Я. Краткий очерк деятельности театра Ф. А. Корша. М., 1907, с. 53). Постановка «Вечера в Сорренте» возобновлялась в театре Корша еще раз в 1915 г. На Александринской сцене пьеса возобновлялась дважды — 1 ноября 1893 г.,

---

[1] Ежегодник императорских театров, 1913, кн. V, с. 52. 25 февраля 1885 г. М. Г. Савина подписала это соглашение, а полученные ею деньги передала Е. П. Кузьминой, которой на основании дарственной записи Тургенева от 5 апреля 1883 г. принадлежало право пользования поспектакльной платой за его комедии (там же, с. 52).

и 19 января 1899 г. В числе других пьес Тургенева «Вечер в Сорренте» шел в 1903 г. на сцене Литературно-художественного общества в Петербурге.

В Московском Малом театре «Вечер в Сорренте» поставлен был впервые 25 ноября 1899 г. С 28 мая 1941 г. эта пьеса ненадолго вошла в репертуар московского Театра имени М. Н. Ермоловой.

Критическая литература о «Вечере в Сорренте» невелика. Краткие отклики печати об этой пьесе после 1884 г. связаны с постановками ее на театральных сценах и имеют преимущественно информационный характер. Лишь в 1903 году в статье А. Р. Кугеля «Театральные заметки» впервые были сформулированы некоторые положения о специфике внутренней структуры «Вечера в Сорренте», близкие более широким наблюдениям К. С. Станиславского в области так называемого «подводного течения» и «подтекста» пьес Чехова. «Здесь всё намек, всё недоговоренность,— писал А. Р. Кугель,— ни одно слово не говорится в прямом и совершенно истинном его значении, но так, что о смысле его другом, не наружном,— надо догадываться. 〈...〉 И не только догадываться нужно нам, зрителям, но как будто это же нужно для самих действующих лиц. Что-то еще не оформилось, что-то еще бродит, что-то сознается и еще не сознано». И далее: «Вся прелесть пьесы в осторожности, в смутной догадке, в легком, пугливом и робком прикосновении. Это — элегия, но не потому что повествуется о грустной истории и в грустном тоне, а потому что 〈...〉 элегично самое сопоставление проясняющегося сознания Елецкой, которая уже утрачивает права молодости, и племянницы, которая в них вступает» [1].

Как «маленький вариант» к «Месяцу в деревне» рассматривался «Вечер в Сорренте» в книге Л. П. Гроссмана «Театр Тургенева». Напоминая, что самая «тема» последней комедии Тургенева — это «невольное соперничество тридцатилетней женщины и восемнадцатилетней девушки, ее племянницы и воспитанницы, из-за появившегося в их кругу нового молодого человека», Гроссман подчеркнул, что «даже некоторые имена действующих лиц напоминают написанную за два года перед тем большую драму: Надежда Павловна здесь соответствует Наталье Петровне, Бельский — Беляеву. Но комедийный сюжет здесь разработан легко и эскизно, без нажимов в драматических местах, и выдержан весь в тонах салонной комедии, где капризный флирт сменяется изящным любовным признанием, а воркотня грузного саратовского помещика чередуется с итальянской серенадой, гитарным звоном и бойким жаргоном французского живописца» (*Гроссман, Театр Т*, с. 62).

Эти наблюдения развил в 1936 г. И. Р. Эйгес в статье «Пьеса „Месяц в деревне“ И. С. Тургенева», причем в центре внимания исследователя оказались не только черты явного сходства двух произведений Тургенева, но и моменты их различия, позволяющие пролить свет на историю создания «Вечера в Сорренте». «Начиная

---

[1] Театр и искусство, 1903, № 37, с. 679. Перепечатано: Кугель А. Р. (Homo novus). Русские драматурги. М.: «Мир», 1934, с. 73.

с весны 1850 г.,— пишет Эйгес,— Тургенев тщетно домогается напечатания „Месяца в деревне“, который ни петербургская, ни московская цензура не пропускали. Именно с этим обстоятельством, очевидно, связано создание „Вечера в Сорренте“. Недопустимым оказывалось выводить в пьесе студента-разночинца и увлекающуюся им замужнюю женщину; недопустима в пьесе критика дворянского эстетизма и выражение симпатии к представителям „новых людей“. И вот на сюжетной основе глубоко серьезной пятиактной драмы, в замену ее, в виде варианта, возникает легкая безобидная сценка, близкая к провербам Мюссе, подобно ранее написанным „Где тонко“ и „Провинциалке“. Всё сведено к чисто любовной истории, не осложненной никакими иными мотивами, и конечно, в противоположность тому, что происходит в „Месяце в деревне“, молодой человек теперь отдает предпочтение девушке перед отцветающей кокеткой» (*Лит учеба*, 1938, № 12, с. 73—74).

Если принять эту гипотезу о происхождении самого замысла «Вечера в Сорренте», то становится понятным и отказ Тургенева от включения этой «сцены» в позднейшие собрания его сочинений. Получив возможность публикации «Месяца в деревне», писатель не захотел ослаблять впечатления от этой пьесы дублированием некоторых ее образов и сюжетных деталей в произведении, не имевшем большого литературно-общественного значения.

Стр. 462. *Действие происходит в Сорренте, в гостинице, на берегу моря.*— Тургенев был в Сорренто в середине или в конце апреля 1840 г., во время путешествия по Италии,— очень, видимо, недолго, подобно одному из персонажей рассказа «Три встречи», пробывшему в Сорренто, в приморской гостинице, один-два дня (около «6 мая 184*») и уехавшему, «не посетив даже Тассова дома».

Рассказ «Три встречи», опубликованный в февральском номере «Современника» за 1852 г. и писавшийся зимой 1851/52 г., т. е. в ту же пору, когда создан был «Вечер в Сорренте», имеет несколько общих образных и фабульных мотивов с этой сценой — прежде всего в самой тональности воспоминаний о весенней ночи в Сорренто.

Стр. 474. *Иоанну д'Арк.*— Драматическая поэма Шиллера «Die Jungfrau von Orleans» (1801), русский перевод которой был опубликован Жуковским в 1824 г. под названием «Орлеанская дева».

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Печатается по тексту: *Т*, *Соч*, *1880*, т. 10. Впервые опубликовано: *Т*, *Соч*, *1869*, ч. VII, с. III—IV. Черновая редакция предисловия хранится в Национальной библиотеке в Париже, в фонде бумаг Тургенева (см.: *Т*, *ПСС и П*, *Сочинения*, т. III, с. 365), беловой автограф — в *ГИМ*, фонд И. Е. Забелина, № 440, ед. хр. 1265, л. 164—165 об.

25 июля (6 августа) 1868 г. Тургенев, сообщая немецкому литератору Юлиану Шмидту некоторые сведения о своем творческом пути, следующим образом формулировал свое отношение к созданным им «сценам и комедиям»: «Некоторые из моих пьес имели известный успех благодаря тому, что гениальнейший из всех актеров, каких я когда-либо видел, Мартынов (его уже нет в живых), брал на себя главную в них роль. „Месяц в деревне“ еще стоит кое-чего, но материал этот, пожалуй, следовало обработать для повести» (письмо цитируется в переводе с немецкого оригинала).

Близость основных формулировок этого письма тексту предисловия позволяет датировать последнее тем же временем, т. е. июлем-августом 1868 г.

Стр. 481. ... *«Месяц в деревне» является теперь в первобытном виде.*— Об этом см. выше, с. 637.

... *гениальный Мартынов удостоил играть в четырех из этих пьес...*— Мартынов Александр Евстафьевич (1816—1860), артист-комик Александринского театра в Петербурге, один из основоположников и наиболее ярких представителей русского реалистического актерского искусства, высоко ценимый Белинским, Щепкиным, Некрасовым, Тургеневым, Островским, Л. Н. Толстым, Добролюбовым и многими другими передовыми деятелями русской культуры. В пьесах Тургенева А. Е. Мартынов выступал с 1849 г., играя в «Завтраке у предводителя» (Мирволин), в «Холостяке» (Шпуньдик, а с 1859 г.— Мошкин), в «Провинциалке» (Ступендьев) и в «Безденежье» (Матвей). До нас дошло одно письмо Тургенева к А. Е. Мартынову — от 10 (22) марта 1859 г.

Рассказы Тургенева на вечере у Я. П. Полонского 1 февраля 1880 г. о Мартынове и о его гениальном актерском таланте см. в записях дневника Д. Н. Садовского (Русское прошлое, 1923, № 3, с. 105—106). Общую характеристику А. Е. Мартынова см. в книгах: Долгов Н. А. Е. Мартынов. Очерк жизни и опыт сценической характеристики. СПб., 1910; Брянский А. М. Александр Евстафьевич Мартынов. Жизнь и деятельность. Л.; М., 1941; Альтшуллер А. Я. А. Е. Мартынов. 1816—1860. Л.; М., 1959.

... превратил, силою великого дарования, бледную фигуру Мошкина (в «Холостяке») в живое и трогательное лицо.— В роли Мошкина А. Е. Мартынов впервые выступил при возобновлении «Холостяка» на петербургской сцене 7 октября 1859 г. В отчете об этом спектакле на страницах «С.-Петербургских ведомостей» была дана наиболее полная характеристика всех особенностей нового сценического воплощения образа Мошкина: «Г. Мартынов смешил нас только в первом акте; во втором и третьем комический элемент роли исчез перед глубоким внутренним драматизмом, который проникал насквозь высокохудожественную игру его, полную удивительной, не многим доступной правды. Комедия г. Тургенева превосходна в литературном и психологическом отношении: только третий акт ее несколько длинен на сцене и через это делается немного однообразным и утомительным; но г. Мартынов заставил нас забыть на время такой недостаток пьесы, и мы ни минуты не переставали интересоваться простой и бесхитростной историей старика Мошкипа, который женится на своей воспитаннице, отвергнутой избранником ее сердца ⟨. . .⟩ В первом акте Мошкин готовится принять у себя жениха и важного его друга: суетливость старика, смущение его при встрече с г. фон Клаксом, искусственный смех его в то время, как знатный гость рассказывает какой-то пустейший анекдот — все эти подробности были переданы г. Мартыновым с величайшим искусством; нельзя было пропустить без внимания ни малейшего слова или движения его, до того каждое из них соответствовало характеру изображаемого лица и дополняло в уме зрителя понятие о нем. Во втором действии мы встречаем уже Мошкина объясняющимся с Вилицким, которого ему удается, наконец, убедить ехать к невесте. В этих убеждениях звучало такое сильное чувство, что действительно трудно, даже невозможно было устоять против него: и Вилицкий, против воли, следует за Мошкиным. Но верх совершенства Мартынова — третий акт. Мы отказываемся передать здесь всё, что было замечательного в этом мастерском исполнении; укажем только на чтение письма, заключающего в себе отказ Вилицкого, и на объяснение Мошкина с Марьей Васильевной: в этих сценах Мартынов щедрою рукою рассыпал перед нами все сокровища гениального своего дарования.

Бледность Мошкина, нервические его движения, переход от мрачного отчаяния к смутной надежде и радости, глубокое чувство, выражавшееся не только в словах, но и в каждом звуке голоса — всё это ускользает от описания, но заставляет плакать всякого зрителя, в котором развиты хоть общечеловеческие чувства, не говоря уже о чувстве изящного» (*СПб Вед*, 1859, 11 октября, № 220. Статья не подписана). Обзор других откликов на исключительный успех Мартынова в «Холостяке» см. в наст. томе, с. 616—618.

НЕОКОНЧЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ПЛАНЫ, НАБРОСКИ

ИСКУШЕНИЕ СВЯТОГО АНТОНИЯ

Драма в 1-м действии

Печатается по черновому автографу, хранящемуся в фонде бумаг Тургенева в Национальной библиотеке в Париже. Микрофильм: *ИРЛИ*. Текст пьесы занимает 10 больших листов бумаги (размером 337×223 мм), сшитой в виде тетради (последние 6 листов не заполнены).

На полях рукописи зарисовки персонажей пьесы — св. Антония и Карло Спады (см. с. 488 и 496), мужская фигура в рост и др., фамилии — «Устрялов» (историк), «Бальби» и «Валькер» (авторы учебных пособий), «Sebron» (французский живописец сороковых годов), «Frenek», «Vielhorski». На л. 6 запись: «Радилов, Дмитрий Львов» (фамилия, использованная в 1847 г. в рассказе «Мой сосед Радилов»).

Первые краткие сведения об этой рукописи появились в книге: *Mazon*, р. 53. Впервые полностью опубликовано профессором Андре Мазоном, с его же вводной статьей: Revue des études slaves, t. 30, Paris, 1953, р. 7—40, под названием: «La tentation de Saint Antoine d'Ivan Tourguénev». К публикации приложена фотокопия листа 10-го рукописи. Публикация «Искушения святого Антония» дала материал для критической информации об этой пьесе в статье Л. П. Гроссмана «Драматургические замыслы Тургенева» (Изв. ОЛЯ АН СССР, 1955, вып. 6, с. 547—555).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *Т*, *СС*, т. IX, с. 503—524.

Начало работы над драмой в автографе (л. 2) датировано 8 марта 1842 г., когда Тургенев находился в Москве. Приехав в конце марта в Петербург, он продолжил работу над ней во время подготовки к магистерским экзаменам по философии. Сведения об этом сохранились в письмах писателя к А. А. и П. А. Бакуниным. Так, около 8 апреля 1842 г. Тургенев сообщал своим друзьям: «... я и сплю и вижу „Искушение С. Антония" — 3 первые (большие) сцены совсем готовы — и к моему возвращению всё, я думаю, будет кончено... Вы познакомитесь с одной девицей — Аннунциатой, которая, хотя и любовница Чёрта, но, ей-ей, прелюбезная девица,— и т. д. и т. д.». В этом же письме Тургенев приводил полностью семь строф первой редакции песенки Аннунциаты («Под окном сеньоры бледной...»), которая в тексте пьесы была им затем доработана (см. с. 493—494).

22 апреля 1842 г. А. А. Бакунин писал автору песенки, что его стихотворение заслужило в Премухине «всеобщее одобрение» (*Центрархив*, *Документы*, с. 146), а в ответном письме Тургенева от 30 апреля 1842 г. были даны последние из известных нам сведений о его работе над пьесой: «„Искушение" пишется урывками, по ночам — однако готово более половины».

Автограф пьесы обрывается на обращении св. Антония к Аннунциате, ответ которой остался уже ненаписанным. План продолжения этой сцены (на обороте листа 8-го рукописи) см.: *Т*, *ПСС и П*, *Сочинения*, т. III, с. 366.

Как и «Неосторожность», первый «драматический очерк» Тургенева, появившийся в печати в 1843 г., драма «Искушение святого Антония» некоторыми характерными особенностями своего построения и тематики очень близка «Театру Клары Газуль» Проспера Мериме, в частности комедии «Женщина-дьявол, или Искушение святого Антония» («Une femme est un diable ou la tentation de saint Antoine»). Книга Мериме в начале 1842 г. была переиздана в Париже. Об отношении к ней Тургенева см. выше (с. 513), в предисловии к его последнему произведению в жанре «Театра Клары Газуль» — в набросках драмы «Две сестры» (1844).

Многие места пьесы свидетельствуют о том, что Тургеневу было хорошо известно в той или иной передаче «Житие св. Антония», принадлежащее Афанасию Великому. К этому «Житию» восходили данные пьесы о том, что в строгой отшельнической жизни Антоний провел, борясь с бесами, 20 лет, что пещера его была у берега моря, среди скал, что хлеб ему изредка приносили из отдаленного селения и т. п. (Афанасий Великий. Творения. 2-е изд. Сергиева Лавра, 1903. Ч. III, с. 189 и 191). Но, разумеется, все эти детали подлинного «Жития», равно как и картины на эту тему Иеронима Босха, Питера Брейгеля, Давида Тенирса и многих других мастеров, не оказали большого влияния ни на образы пьесы, ни на ее сценарий. Благочестивая легенда об искушениях и муках, которым подвергался св. Антоний в Фиваиде на заре христианской эры, превратилась под пером Тургенева в романтическую драму, действие которой происходит в Италии XV века. В этом отношении Тургенев в такой же степени, как и Мериме, который в своей одноименной комедии перенес место и время действия ее из Фиваиды в Испанию XVIII столетия, не считался с общеизвестной хронологией и топографией католической легенды.

Некоторые детали второй сцены «Искушения святого Антония» (пир в доме куртизанки Аннунциаты) навеяны известной сценой «Каменного гостя» Пушкина (вечер у Лауры). Эта «маленькая трагедия» опубликована была в 1839 г., т. е. всего лишь за три года до написания «Искушения святого Антония».

Рассказ Карло Спада в третьей сцене о самоубийстве Марцеллины, отдавшей себя тем самым во власть сатаны (этим мотивируется в пьесе и превращение Марцеллины в Аннунциату), основан на тех же средневековых церковных представлениях о самоубийстве, как об одном из самых тяжких грехов, которые получили отражение в комедии Мериме «L'occasion» («Случайность») в рассказе служанки женского монастыря Риты: «Никто, как лукавый, сеет дурные мысли. Знавала я девушку из Гватемалы, было ей тогда лет семнадцать-восемнадцать, и явись у нее желание покончить с собой, да какое сильное! Так она мне рассказывала: стоило ей подойти к высокому окну и заглянуть вниз, как уж дьявол ей шепчет: „Бросайся!" Прошло время — вылечилась».

Через «Манфреда» Байрона, который в годы юности Тургенева принадлежал, видимо, к числу его любимых произведений и

над переводом которого он работал в 1836 г., «Искушение святого Антония» некоторыми особенностями своей экспозиции связано с ранней драматической поэмой Тургенева «Стено» (см. т. I наст, изд.). К тематике своей неоконченной драмы Тургенев возвратился много лет спустя, работая в 1874 г. над предисловием к переводу «Искушения святого Антония» Флобера. В архиве Тургенева сохранились первые страницы этого предисловия. См.: наст. изд., Сочинения, т. 11.

Эту драматизированную повесть Тургенев в письме от 3 апреля н. ст. 1874 г. к В. Рольстону признал «одним из самых поразительных произведений», которые он «когда-либо читал».

Стр. 490. *...служили ∽ в войске славного, знаменитого Сфорцы...*— Речь идет о Муции Аттендоло (1369—1424), прозванном Сфорца, командире отряда наемных войск, ставшем родоначальником династии миланских герцогов.

... дрались за ее величество королеву Иоанну...— Королева Иоанна II (1368—1435) занимала неаполитанский престол с 1414 по 1435 г.

ДВЕ СЕСТРЫ

Драма в 1-м действии

Печатается по тексту, впервые опубликованному профессором А. Мазоном, с его же вводной статьей: Revue des études slaves, Paris, 1954, t. 31, p. 88—100, под названием «Deux sœurs. Début d'une comédie d'Ivan Tourguénev». Автограф (на четырех листах, размером 220×178 мм, без водяных знаков) хранится в фонде бумаг Тургенева в Национальной библиотеке в Париже. Первые краткие сведения о нем появились в книге: *Mazon*, p. 53.

Время работы Тургенева над драмой «Две сестры», судя по дате предисловия к ней,— июнь 1844 г. Таким образом, эта пьеса начата была ровно через год после сдачи в печать «Неосторожности». Как и этот «драматический очерк», драма «Две сестры» некоторыми характерными особенностями своей внешней и внутренней структуры очень близка «Театру Клары Газуль» Проспера Мериме, высокая оценка которого дана была Тургеневым в предисловии к новой пьесе (см. с. 513). Возможно, что связь эта подчеркивалась и именем Клары, одной из героинь «Двух сестер».

Из драмы «Искушение святого Антония», самого раннего произведения Тургенева, связанного с «Театром Клары Газуль», в пьесу «Две сестры» была перемещена, в новой, сокращенной и тщательно отделанной, редакции, песенка Аннунциаты («Под окном прекрасной донны...»).

Пьеса «Две сестры» значится в обоих перечнях драматических произведений, как законченных, так и только задуманных, которые были набросаны Тургеневым на полях рукописей «Студента» и «Дневника лишнего человека» в 1849—1850 гг. (см. с. 525). О намерении его возвратиться к наброску «Две сестры» через несколько лет после того, как пьеса эта была им задумана,

свидетельствует и упоминание о «драме И. С. Тургенева „Две сестры“» в объявлении о подписке на «Современник» в 1849 г. в числе других произведений, обещанных авторами этому журналу (*Совр*, 1848, № 10, с. 1—10 особой пагинации).

В вводной статье А. Мазона к первой публикации текста «Двух сестер» отмечалась связь замысла этой пьесы с фабулой будущего «Месяца в деревне», в котором развертывалось столкновение тридцатилетней Натальи Петровны Ислаевой с ее семнадцатилетней воспитанницей Верочкой, одинаково увлеченных московским «бедным студентом» Беляевым. Перспективная общность некоторых сюжетных мотивов здесь очевидна, но, как правильно замечает Л. П. Гроссман в статье «Драматургические замыслы Тургенева», «соперничество двух сестер в первой пьесе вызывает не бедный студент, а знатный и богатый человек 35 лет, Фабиан. Это в корне видоизменяет ситуацию и лишает ее социального звучания большой психологической драмы Тургенева». Наброском «Двух сестер», — пишет Гроссман, — «заканчивается в 1844 году романтический театр Тургенева. Присущие ему черты реализма вскоре обратят автора к драматургической системе Гоголя и к воплощению на сцене типов и случаев современной русской жизни. Через два года после намеченного экзотического представления о борьбе влюбленных и мстительных женщин он пишет простую картину петербургских нравов — „Безденежье“»[1]. Имена двух персонажей начатой в 1844 г. пьесы (Фабиан и Валерий), а также немой негр — слуга Клары вспомнились Тургеневу в пору его работы над повестью «Песнь торжествующей любви» в 1881 г. [2]

Стр. 513. *Мы подражаем понемногу // Чему-нибудь и как-нибудь*.— Цитата из «Евгения Онегина», в которой перефразирован стих Пушкина: «Мы все учились понемногу» (глава I, строфа V).

ВЕЧЕРИНКА

Сцена

Печатается по автографу: *ИРЛИ*, фонд 441 (К. В. Назарьевой), № 23 (ранее находилось в архиве П. В. Анненкова). Рукопись на двух листах линованой бумаги в четвертку. На первом листе дата: «Париж. Август 1848». Заголовок «Вечеринка» в рукописи дан дважды — на заглавном листе и перед ремаркой, начинающей текст сцены.

---

[1] Гроссман Л. П. Драматургические замыслы Тургенева («Две сестры» и «Искушение святого Антония»).— Изв. ОЛЯ АН СССР, 1955, вып. 6, с. 554.

[2] Как свидетельствует начальный конспект этой повести, действие которой происходит в Ферраре, в XVI столетии, «немой слуга» в ней сперва был, как и в драме, негром, а не малайцем (*Mazon*, p. 151).

Впервые опубликовано М. К. Клеманом в издании: *Т, сб (Бродский)*, с. 9—11. Начало реплики Вербина (с. 520, строка 25) прочитано в этой публикации неправильно: «Каково спал!» — вместо: «Каков скот!».

Сцена «Вечеринка» предназначалась для того цикла драматических произведений, над которым Тургенев работал летом 1848 г. в Париже и который им самим определялся как «Драматические очерки» (см. с. 574). В позднейшем мемуарном пересказе Н. А. Тучковой-Огаревой, встречавшейся с Тургеневым в Париже именно в эту пору, т. е. летом 1848 г. (см. там же), сохранилась и сюжетная схема «Вечеринки», правда, без самого названия сцены: «Тургенев любил читать мне стихотворения или рассказывать планы своих будущих сочинений,— вспоминает Н. А. Тучкова.— Помню до сих пор канву одной драмы, которую он собирался написать, и не знаю, осуществилась ли его мысль: он хотел представить кружок студентов, которые, занимаясь и шутя, вздумали для забавы преследовать одного товарища, смеялись над ним, преследовали его, дурачили его; он выносил всё с покорностью, так что многие ввиду его кротости стали считать его за дурака. Вдруг он умирает: при этом известии сначала раздаются со всех сторон шутки, смех. Но внезапно является один студент, который никогда не принимал участия в гонениях на несчастного товарища. При жизни последнего, по его настоянию, он молчал, но теперь он будет говорить о нем. Он рассказывает с жаром, каков действительно был покойник. Оказывается, что гонимый студент был не только умный, но и добродетельный товарищ; тогда встают и другие студенты, и каждый вспоминает какой-нибудь факт оказанной им помощи, доброты и проч. Шутки умолкают, наступает неловкое, тяжелое молчание. Занавес опускается; Тургенев сам воодушевлялся, представляя с большим жаром лица, о которых рассказывал» [1].

Можно предполагать, что текст «Вечеринки» имел продолжение, которое до нас не дошло. Меньше оснований полагать, что сцена была дописана, хотя бы вчерне, до конца.

Как свидетельствует письмо Тургенева к А. А. Краевскому от 1 (13) марта 1849 г., комедия «Вечеринка» была обещана им «Отечественным запискам» в начале февраля этого же года. Отвечая на запрос Краевского о причинах задержки пьесы, Тургенев мотивировал свою неисправность работой над «Холостяком»: «„Вечеринка“ Вам не выслана до сих пор по весьма простой причине: надо бы ее переписать — а меня чёрт дернул написать другую комедию 〈. . .〉 Но тотчас после отправки этого нового произведения 〈. . .〉 я примусь за „Вечеринку“ с жаром и чувством долга — и отправлю ее Вам».

На новое напоминание Краевского о «Вечеринке» в письме от 11 (23) марта 1849 г. (*Лит Арх*, № 4, с. 380) Тургенев ответил

---

[1] *Рус Ст*, 1889, № 2, с. 338—339; ср.: *Тучкова-Огарева*, с. 280—281. Впервые связь этого рассказа с данными о «Вечеринке» в переписке Тургенева с А. А. Краевским отмечена была Н. М. Гутьяром в статье «И. С. Тургенев во Франции» (*ВЕ*. 1902, № 11), перепечатанной в его же книге «Иван Сергеевич Тургенев», Юрьев, 1907, с. 104. Уточнено и дополнено Ю. Г. Оксманом: *Т, Сочинения*, т. IV, с. 230—231.

2 (14) апреля обещанием скоро выслать «Дневник лишнего человека», а о новой комедии своей заметил, что она «тоже кончена».

Однако, как известно, эти сведения не отвечали действительности. От обоих названных им произведений Тургенев был оторван сперва болезнью, а затем работой над «Студентом» и «Гувернанткой» («Компаньонкой»?). 22 октября (3 ноября) 1849 г. в письме Тургенева к Краевскому опять появляется упоминание о предстоящей отправке в «Отечественные записки» комедии «Вечеринка», а в письме от 13 (25) декабря Тургенев объясняет новую задержку своей работы совершенно конкретными цензурными опасениями. «„Вечеринка“,— писал он,— точно окончена, но я не знаю, переписывать ли мне ее — потому что цензура наверное ее изуродует». 10 (22) января 1850 г., посылая Краевскому окончание «Дневника лишнего человека», Тургенев писал, что так как работа его над комедией «Гувернантка» («Компаньонка»?) потребует для своего завершения еще около двух месяцев, то он «намерен» вернуться к «Вечеринке» и, выкинув из нее «неудобные места», «тотчас» пьесу переписать и отправить ее в Петербург, если, конечно, «будет возможность сохранить ее после операции». Эта оговорка имела, по-видимому, решающее значение, хотя письмо и заканчивалось обещанием: «Если „Вечеринку“ можно будет переделать — Вы ее получите — в половине февраля — к мартовской книжке». Независимо от того, дописана ли была «Вечеринка» вчерне до конца или не пошла дальше первых страниц, Тургенев отказался от работы над этой пьесой. Последним упоминанием писателя о «Вечеринке» является включение ее названия в перечень всех написанных и задуманных им сцен и комедий. Перечень этот датируется весною 1850 г.

К фабуле «Вечеринки», если судить о ней по воспоминаниям Н. А. Тучковой-Огаревой, восходят некоторые образы и эпизоды из студенческого быта 1830-х годов, использованные Тургеневым впоследствии в повести «Яков Пасынков» и в романе «Рудин».

...Щитов, 32 лет; Аполлон Субботин, 26 лет. — Под фамилией Щитова Тургенев очень близко охарактеризовал в повести «Андрей Колосов» (1844) И. П. Ключникова, члена студенческого кружка Н. В. Станкевича (см. т. 4 наст. изд.). О нем же попутно упоминается в романе «Рудин» (1855), в рассказе Лежнева о кружке Покорского в Москве: «сам веселый Щитов, Аристофан наших сходок». Под именем «взъерошенного поэта Субботина» показан был в этом же рассказе Лежнева поэт В. И. Красов, член кружка Станкевича. Подробнее об этом см. в статье Н. Л. Бродского «Поэты кружка Станкевича» (Изв. Отд. русского языка и словесности Академии наук, СПб., 1912, кн. 4, с. 59).

ЖЕНИХ

Комедия в двух действиях

Печатается по автографу, сохранившемуся на полях черновой рукописи комедии «Студент» (*ЦГАЛИ*, фонд 509, оп. 1, ед. хр. 25, с. 10). Впервые опубликовано Н. Н. Фатовым в статье «Ру-

копись „Студента“ Тургенева» (Культура театра, 1922, № 1-2, с. 51).

Замысел комедии «Жених», название которой отмечено в обоих перечнях драматических произведений, написанных и запроектированных Тургеневым в 1849—1850 гг., условно датируется весною 1850 г.— временем завершения работы над первоначальной редакцией комедии «Месяц в деревне» («Студент»).

17-й №

Комедия в 1 акте

Печатается по автографу, сохранившемуся на полях черновой рукописи комедии «Студент»: *ЦГАЛИ*, фонд 509, оп. 1, ед. хр. 25, с. 11. Впервые опубликовано Н. Н. Фатовым: Культура театра, 1922, № 1-2, с. 51.

Замысел комедии «17-й №», название которой отмечено в обоих перечнях драматических произведений, написанных и запроектированных Тургеневым в 1849—1850 гг. (см. с. 526), остался нереализованным. Дата замысла условно определяется весною 1850 г.

КОМПАНЬОНКА

Комедия в пяти действиях

Печатается по автографу: *ЦГАЛИ*, фонд 509, оп. 1, ед. хр. 25, с. 135—136. Заглавный лист комедии и перечень действующих лиц сохранились в тетради, занятой текстом комедии «Студент» (первая редакция «Месяца в деревне»).

Впервые опубликовано Н. Н. Фатовым: Культура театра, 1922, № 1-2, с. 50.

Как свидетельствует дата на заглавном листе «Компаньонки» (23 марта 1850 г.), Тургенев обратился к работе над этой пьесой на следующий же день после окончания комедии «Студент». Под номером восьмым будущая пьеса была внесена, видимо, тогда же, в первый перечень написанных и задуманных Тургеневым драматических произведений (см. с. 526).

Возможно, Тургенев имел в виду именно «Компаньонку», называя в письме к Краевскому от 22 октября (3 ноября) 1849 г. в числе трех будущих своих произведений, предназначаемых для «Отечественных записок», и «Гувернантку — комедию в 5-ти действиях», хотя автограф «Компаньонки» дает мало оснований для такого предположения. В письме от 13 (25) декабря 1849 г. Тургенев разъяснял Краевскому, что «Гувернантка» не имеет ничего общего со «Студентом», обещанным им Некрасову, и что «Студент» не будет отправлен в «Современник» до тех пор, пока «Гувернантка» не поступит в «Отечественные записки». В этом

же письме Тургенев отмечал, что «Студент» якобы «доведен до 4-го акта, „Гувернантка“ — до 3-го (обе комедии в пяти)».

10 (22) января 1850 г. Тургенев вновь заверил Краевского, что он «продолжает работать» над «Гувернанткой», для окончания которой потребуется еще около «шести недель или двух месяцев». И только 24 марта того же года, т. е. на второй день после того, как им был набросан перечень действующих лиц новой пьесы, признался Краевскому, что «Гувернантка» будет окончена им лишь после возвращения в Россию.

Самый замысел комедии «Компаньонка» («Гувернантка»?) и взаимоотношения ее персонажей определяются простым сличением списка действующих лиц пьесы с дошедшими до нас материалами о том романе, над которым Тургенев работал в 1852—1853 гг. Это был первый его роман, недописанный и уничтоженный в рукописи. Но одна из его глав, опубликованная Тургеневым в 1859 г. под названием «Собственная господская контора (Отрывок из неизданного романа)» (см. наст. изд., т. 4), позволяет установить, что в свой ранний общественно-политический роман, предшествовавший на два-три года «Рудину», Тургенев переместил основных персонажей той самой пьесы, которая была им задумана в Париже в 1849—1850 гг. В «Собственной господской конторе» мы найдем и Глафиру Ивановну, богатую помещицу, вдову, 50 лет (в печатном тексте «Глафира Павловна»), и ее секретаря Левона, и ее главного приказчика Кинтилиана, и Василия Васильевича, управляющего ее имениями (по пьесе — двоюродный брат покойного мужа Глафиры), и даже «плутоватого мальчика» Суслика, рассыльного господской конторы. Не действует в уцелевшей главе романа Дмитрий Петрович Званов, сын Глафиры Ивановны, но в одном из ее хозяйственных проектов упоминается выделение особых денежных сумм «на содержание Дмитрия Петровича».

Близость тематики первого большого эпического произведения Тургенева сюжетной схеме и образам комедии «Компаньонка» подтверждается и откликами на рукопись первой части романа его первых читателей — друзей автора. Так, С. Т. Аксаков в письме к Тургеневу от 4 августа 1853 г. поделился своими впечатлениями не только от образов Глафиры Ивановны и Василия Васильевича, как наиболее удавшихся автору, но попутно отметил, что «очень хороши» и «второстепенные лица: француз (лучший между ними), доктор, Леон, бурмистр и Нилушка».

Все эти персонажи (кроме доктора) перешли в роман из комедии. Характерно, что в рукописной редакции романа имя и отчество Звановой — Глафира Ивановна, как в пьесе (Глафирой Павловной она стала только в «Собственной господской конторе»).

Проясняются, благодаря дошедшим до нас откликам друзей Тургенева на его рукописный роман, стержневые образы как самого романа, так и лежавшей в его основе комедии. Мы имеем в виду образ Елизаветы Михайловны, компаньонки Звановой, девушки 24 лет, и Дмитрия Петровича Званова, сына хозяйки крепостного поместья.

«Дмитр⟨ий⟩ Петр⟨ович⟩ вообще темен и неопределенен,—писал Тургеневу 18 июня 1853 г. о герое романа В. П. Боткин.— Мотивы его нравственного состояния, высказанные им,— слабы и бедны. Его первоначальное свинство с Елизаветой Михайловной

трудно соединить с его в сущности хорошей натурой: вообще всё отношение его к Елиз⟨авете⟩ Мих⟨айловне⟩ отзывается придуманностью автора и имеет характер не правды и жизни, а сочинительства. Ожесточенность, которую предполагает он в себе — едва ли могла в какой-нибудь месяц и так внезапно растаять от страсти его к Елиз⟨авете⟩ Мих⟨айловне⟩. Если его натуру, поверив словам его, принять за серьезную, а не просто за капризную и пустоватую — то трудно отыскать те причины, которые не дали ему вырваться из-под невыносимой опеки Глаф⟨иры⟩ Ив⟨ановны⟩. Правда, что он сам себя называет „слабым, ничтожным и презренным человеком", но разве от этого он становится интереснее? ⟨. . .⟩ Такая же неопределенность, или точнее — силуэтность, лежит и на лице Елиз⟨аветы⟩ Мих⟨айловны⟩. Участие и любопытство, возбуждаемые ею — очень слабы. Я понимаю эту нравственную твердость души, которую она решилась сохранять в своей жизни, но для привлекательности женщины, для героини романа — мало ее одной. Она возбуждает сколько угодно уважения ипочтения, но необходимый холод, ее окружающий, невольно холодит к ней и чувство читателя ⟨. . .⟩ Весьма естественно, что она полюбит Дм⟨итрия⟩ Петр⟨овича⟩. Известно, что женщины с твердым умом и характером любят обыкновенно мужчин недалеких и слабохарактерных» (*Боткин и Т*, с. 40—41).

«Мне не нравится Елизавета Михайловна, которая, кажется, должна играть у вас главную роль,— писал о ней же С. Т. Аксаков 4 августа 1853 г. Тургеневу.— Во-первых, это лицо не русское, не в том обширном смысле, что всякая образованная девушка — существо не русское, как и все мы, но в смысле гораздо теснейшем: в Елизавете Михайловне нет русской натуры, которая бывает слышна в человеке, забитом европейским образованием. Во-вторых, судя по тому, как вы ее предварительно нарисовали, она действует в доме Глафиры Ивановны не так, как бы ей следовало, то есть не строго, не систематично. Например, она не должна была так легко, без принудительных обстоятельств, согласиться на свиданье с сыном госпожи дома. Притом, что за любовная чума! Ведь, кажется, в нее все будут влюблены! Дмитрий Петрович как-то очень темен и несимпатичен. Объяснение в любви слишком обыкновенно, чтоб не сказать пошло. Оба молодые люди, то есть Елизавета Михайловна и Дмитрий Петрович, особенно последний, не возбуждают участия, и это верный знак, что они очерчены неудачно» (Русское обозрение, 1894, №10, с. 482—483).

Об этом же писал Тургеневу К. С. Аксаков в начале августа 1853 г.:

«Не нравится мне ваша Елизавета Михайловна. Она принадлежит к поколению, недавно, то есть, лет около двадцати, появившемуся, каких-то мужественных женщин ⟨. . .⟩ Эти мужественные женщины явились как раз об руку с женственными мужчинами, а каков толк от такого состояния человечества — показывает нам современная история, в особенности Франции ⟨. . .⟩ Из Дмитрия Павловича ⟨Петровича?⟩ могло бы выйти самое замечательное лицо, на котором бы обозначился весь современный общественный вопрос» (там же, с. 486).

До нас дошел и ответ Тургенева критикам героини его уничтоженного романа и недописанной пьесы. «В мою героиню (ко-

торую, впрочем, я всю переделаю),— писал он С. Т. Аксакову 30 августа 1853 г.,— в сущности не влюбляется *никто*,— и менее всех Дмитрий Петрович, который, напротив, ее так же капризно возненавидит ⟨. . .⟩ Главные мои лица: Чермак, Дмитрий Петрович и Глафира Ивановна. В них я, если смогу, постараюсь выразить современный быт, каким он у пас *выродился*».

Перейдя в недописанный роман, над которым Тургенев работал в 1852—1853 гг., материалы, заготовленные в 1849—1850 гг. для комедии «Компаньонка», еще через два года оказались частично трансформированными в «Рудине».

Стр. 524. *M-r Dessert, бывший учитель Званова, 60 лет.*— Этот персонаж был перенесен в 1869 г. в повесть «Странная история», где он упоминается в рассказе «Г-на X» о «старичке французе Дессер», его «бывшем гувернере».

...Кинтилиан, управляющий — 50 лет.— В «Собственной господской конторе» о нем сообщалось: «...главный приказчик, Кинтилиан, человек лет 50 с лишком — с седыми волосами и черными нависшими бровями, с лицом угрюмым и хитрым».

...Метр-Жан (он же и Свергибус)...—Второе прозвище дворецкого связано с тульским областным названием зонтичного растения, распространенного в центральных областях нашей страны: «свергибус», он же «свергибуз» (Толковый словарь живого русского языка Владимира Даля. Изд. 3-е, т. IV, 1909, с. 55). Ср. в записной книжке Л. Н. Толстого (1879 г.): «Не цветут, но высоко поднялись свергибусы» (*Толстой*, т. 48, с. 315).

...Léon, секретарь, 26 лет.— В «Собственной господской конторе» характеристика его была развернута: «...секретарь Левон или Léon, молодой белокурый человек, с темными глазами и чахоточным цветом лица».

ПЕРЕЧНИ НАПИСАННЫХ, НАЧАТЫХ И ЗАДУМАННЫХ ПЬЕС

1. Печатается по автографической записи, сохранившейся на обороте первого листа черновой рукописи комедии «Где тонко, там и рвется» (*ГПБ*, фонд Тургенева, № 19. См. также наст. том, с. 77). В июле 1848 г. в Париже Тургенев работал над комедиями «Где тонко, там и рвется» и «Нахлебник»; к этому же времени относится и замысел «Вечеринки». В печати самим Тургеневым «драматическим очерком» названа была еще в 1843 г. пьеса «Неосторожность». См. наст. том, с. 561.

Объединяя свои новые пьесы заголовком «Драматические очерки», Тургенев, может быть, имел в виду и проект их отдельного издания уже в 1848 г.

2. Печатается по автографической записи, сделанной карандашом на обороте первого листа черновой рукописи комедии «Где тонко, там и рвется» (*ГПБ*, фонд Тургенева, № 19). Впервые опубликовано Н. Л. Бродским в статье «Тургенев — драматург. Замыслы» (*Центрархив*, *Документы*, с. 4).

Первые шесть номеров перечня отчеркнуты чернилами,— видимо потому, что эти шесть пьес были уже написаны. Дата перечня условно определяется июлем-августом 1849 г., так как «Завтрак у предводителя», вошедший в отчеркнутую часть названных произведений, был закончен Тургеневым в конце июля 1849 г. По неизвестным причинам в перечень не включена комедия «Вечеринка», замысел которой относится к 1848—1849 гг. О проекте пятиактной пьесы «Судьба», включенной в оба перечня, мы не располагаем никакими сведениями.

3. Печатается по автографу, сохранившемуся на заглавном листе черновой рукописи повести «Дневник лишнего человека» *(ГПБ)*. Впервые опубликовано в статье Н. Л. Бродского «Тургенев — драматург. Замыслы» (*Центрархив*, *Документы*, с. 4).

В перечне пронумерованы названия всех пьес, законченных к моменту его составления, независимо от того, были ли эти пьесы уже напечатаны или подверглись цензурным запрещениям. Время составления перечня, видимо, весна 1850 г. («Студент» закончена 22 марта этого года). Приписка к основному перечню названия «Провинциалка» (под номером 8-м) сделана другими чернилами и в более позднее время (комедия эта написана в октябре-ноябре 1850 г.).

В перечне зачеркнуты два варианта названия («Недоразумение» и «Жених») одной и той же пьесы, включенной в предшествующий перечень под заголовком «Жених». Возможно, что

сокращение перечня объясняется в данном случае отказом Тургенева от этого замысла.

Пьесы «Друг дома» и «Вор», отсутствовавшие в первом перечне, но включенные во второй, не оставили никаких следов ни в творческих рукописях, ни в переписке Тургенева. Под названием «Вор», может быть, следует разуметь замысел драматической передачи рассказа Тургенева о том, как был обнаружен еще в пору его детства похититель шкатулки с деньгами в доме его матери. Этот рассказ известен в краткой записи, сделанной в 1873 г. со слов самого автора Н. А. Островской (*Т сб (Пиксанов)*, с. 85).

Датой перечня (осень 1850 г.) объясняется отсутствие в нем сцен «Разговор на большой дороге» (конец 1850 г.) и «Вечер в Сорренте» (зима 1851/52 г.). По этой же причине не отмечена в перечне и пьеса, о которой Тургенев писал 2 (14) апреля 1851 г. из Петербурга Е. М. Феоктистову: «Комедию „Шарф“ я не продолжал, да и вряд ли кончу. Сообщите это как-нибудь Щепкину и Шумскому, которым, однако, сильно кланяюсь».

18 февраля 1852 г. Е. М. Феоктистов еще раз напомнил Тургеневу о комедии, ожидаемой от него московскими актерами: «...я обещал Шумскому попробовать — дело несбыточное и трудное — заставить вас (другого слова не могу приискать — разве можно вашу лень об чем-нибудь просить) написать ему маленькую комедию для бенефиса — хоть ту, которая у вас сложилась в голове под названием „Шарфа“» (*Т*, *ПСС и П*, *Письма*, т. II, с. 419).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ *

Анненков и его друзья — П. В. Анненков и его друзья. СПб., 1892.

Боткин и Т — В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка 1851—1869. По материалам Пушкинского Дома и Толстовского музея. Приготовил к печати Н. Л. Бродский. М.; Л.: Academia, 1930.

Гоголь — Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1952. Т. I—XIV.

Гроссман, Театр Т — Гроссман Л. П. Театр Тургенева. Пг., 1924.

Для легкого чтения — Для легкого чтения. Повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей. СПб., 1856—1859. Т. I—IX.

Лит учеба — «Литературная учеба» (журнал).

Лит Музеум — Литературный Музеум (Цензурные материалы 1-го отд. IV секции Государственного архивного фонда). Под редакцией А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., 1919.

Моск Вед — «Московские ведомости» (газета).

Москв — «Москвитянин» (журнал).

Отчет ИПБ — Отчеты императорской Публичной библиотеки.

Пыпин, Списки пьес Т — Пыпин Н. А. Списки пьес И. С. Тургенева в собраниях Ленинградской театральной библиотеки им. А. В. Луначарского.— О театре. Сборник статей. Л.; М., 1940.

Салтыков-Щедрин—Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т. М.: Гослитиздат, 1965—1977.

СПб Вед — «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).

Т сб (Пиксанов) — Тургеневский сборник. Пгр.: «Огни», 1915 (Тургеневский кружок под руководством Н. К. Пиксанова).

Т, Соч, 1865 — Сочинения И. С. Тургенева (1844—1864). Ч. 1—5. Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865.

Т, Соч, 1869 — Сочинения И. С. Тургенева (1844—1868). Ч. 1—8. М.: Изд. бр. Салаевых, 1868—1871.

Т, Соч, 1891 — Полн. собр. соч. И. С. Тургенева. 3-е изд. Т. 1—10. СПб., 1891.

Т, 1856 — Повести и рассказы И. С. Тургенева с 1844 по 1856 г. 3 части. СПб., 1856.

---

* В настоящем списке раскрываются условные сокращения, вводимые впервые. Сводный список условных сокращений, принятых в издании, см.: Сочинения, т. 12.

Т и Савина — Тургенев и Савина. Письма И. С. Тургенева к М. Г. Савиной. Воспоминания М. Г. Савиной об И. С. Тургеневе. С предисловием и под редакцией почетного академика А. Ф. Кони при ближайшем сотрудничестве А. Е. Молчанова. Пг., 1918.

Т и театр — Тургенев и театр. М., 1953.

Театр насл — Театральное наследство. Сообщения. Публикации /Ред. коллегия: А. Я. Альтшуллер, Г. А. Лапкина. М.: Искусство, 1956.

Толстой — Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. /Под общ. ред. В. Г. Черткова. М.; Л.: Гослитиздат, 1928—1958. Т. 1—90.

Труды ГБЛ — Труды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М.: Academia, 1934—1939. Вып. III—IV.

Тучкова-Огарева — Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1959.

Чернышевский — Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т. М.: Гослитиздат, 1939—1953. Т. I—XVI (доп.).

Mazon — Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits par André Mazon. Paris, 1930.

Zabel — Zabel E. Iwan Turgenjew als Dramatiker.— Literarische streifzüge durch Russland. Berlin, 1885.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

СЦЕНЫ И КОМЕДИИ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
М. П. АЛЕКСЕЕВ (главный редактор),
В. Н. БАСКАКОВ (зам. главного редактора),
А. С. БУШМИН, Н. В. ИЗМАЙЛОВ, Н. С. НИКИТИНА

Тексты подготовили:
Т. П. Голованова, А. П. Могилянский, Ю. Г. Оксман,
М. А. Соколова, К. И. Тюнькин, В. Г. Фридлянд
при участии *В. Б. Волиной*

Примечания составили:
Ю. Г. Оксман — при участии *Т. П. Головановой,*
А. П. Могилянского, Н. А. Роскиной, Е. В. Свиясова —
и *К. И. Тюнькин*

Автор статьи «Драматургия И. С. Тургенева»
Л. М. Лотман

Редактор второго тома
В. Н. Баскаков

*

Редактор издательства *М. Б. Покровская*
Оформление художника *М. В. Большакова*
Художественный редактор *С. А. Литвак*
Технический редактор *Н. П. Кузнецова*
Корректоры *Н. М. Вселюбская, В. Г. Петрова*

ИБ № 15598

Сдано в набор 23.10.78. Подписано к печати 20.03.79.
Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага типографская № 1.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 37,1 Уч.-изд. л. 38,8. Тираж 400 000 экз.
Тип. зак. 3318. Цена 4 р. 20 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
Москва, М-54, Валовая, 28.